

Ярослава ОСОКИНА

ИСТОРИИ ДЖЕККА

1-2-3

18+

Annotation

Джек и Энца, боевые маги на службе государства, головная боль начальства и Дисциплинарного комитета, – полные противоположности. Сильнейший маг современности, которому запрещено использовать свои возможности, и опаснейший мастер боя, который не может работать без постоянной подзарядки – таковы наши герои. Коллегам они кажутся недоразумениями, ни на что не способными, но Джек и Энца не сдаются, по-своему решая все проблемы. Этот мир дыряв, словно решето. Он рождает множество магов: так необходимо. Тут не бывает «попаданцев» или чудесных историй переходов, он граничит лишь с местами, населенными чудовищами из людских кошмаров.

- [Ярослава Осокина](#)
  - [Часть первая. Лето](#)
    - [История первая. Пересечение](#)
    - [История вторая. Вечеринка со сломанным стулом](#)
    - [История третья. Рабочие будни](#)
    - [История четвертая. Несработавшая ловушка](#)
    - [История пятая. Выговоры и награды](#)
    - [История шестая. Новые коллеги](#)
    - [История седьмая. Русалки и антиквары](#)
    - [История восьмая. Романтические переживания и несчастливые случайности](#)
    - [История девятая. О наблюдении звезд из ямы](#)
    - [История десятая. Разоблачение Альбера](#)
    - [История одиннадцатая. Закрытая комната](#)
    - [История двенадцатая. Конец одной игры](#)
  - [Часть вторая. Призраки и ловушки](#)
    - [История тринадцатая. Дух соревнований](#)
    - [История четырнадцатая. Суть страхов](#)
    - [История пятнадцатая. Обманное чудо](#)
    - [История шестнадцатая. Железный лес](#)
    - [История семнадцатая. Железный лес \(окончание\)](#)
    - [История восемнадцатая. Фейерверк и стеклянное конфетти](#)
    - [История девятнадцатая. Долгий август](#)
  - [Часть третья. Ветер в пустоте](#)

- [История двадцатая. Дурные шутки](#)
  - [История двадцать первая. Симптомы болезни](#)
  - [История двадцать первая. Симптомы болезни](#)
  - [История двадцать вторая. Старые легенды](#)
  - [История двадцать третья. Могилы и их обитатели](#)
  - [История двадцать третья. Могилы и их обитатели](#)
  - [История двадцать четвертая. Дело упокоенной ведьмы](#)
  - [История двадцать пятая. На краю](#)
  - [История двадцать шестая. Желание спрятаться](#)
  - [История двадцать седьмая. Клинки и зубы](#)
  - [История двадцать седьмая. Клинки и зубы](#)
  - [История двадцать восьмая. Сон слишком глубоок](#)
  - [История двадцать восьмая. Сон слишком глубоок](#)
  - [История двадцать девятая. Излишняя сентиментальность](#)
  - [История двадцать девятая. Излишняя сентиментальность](#)
  - [История тридцатая. Как поймать боевого мага](#)
  - [История тридцатая. Как поймать боевого мага](#)
  - [История тридцать первая. Канун Дня мертвых](#)
  - [История тридцать первая. Канун Дня мертвых](#)
  - [История тридцать вторая. Волшебные огни](#)
  - [История тридцать вторая. Волшебные огни](#)
  - [История тридцать третья. Большие прорехи](#)
  - [История тридцать четвертая. Штопальщики и сражения](#)
  - [История тридцать пятая и последняя](#)
  - [История тридцать пятая и последняя](#)
  - [Вместо эпилога \(история тридцать шестая\)](#)
-

Ярослава Осокина
Истории Джека. Части 1-3

Часть первая. Лето

История первая. Пересечение

Ему повезло родиться именно в этом пограничном мире. Или не повезло. Это как посмотреть. Хотя Джек старался вообще на это не смотреть: у него давно была заведена привычка о скучном или тяжелом не думать. Себе дороже.

Лучше всего на свете он умел думать о приятном. Поэтому последняя девушка и обломала об него целую охапку веток (вообще-то букет сирени, который он для нее нарвал – своими руками, между прочим), рыдала и вопила, что он бездельник. Что он целыми днями мечтает, слоняется по городу, а вечером напивается и болтает невесть что.

Ну нет. Джек даже налоги платил. То есть знал, что бухгалтерия института отчисляет что-то там. И болтал не просто так, а стихи рассказывал. У него стихи такие. Где-то в стеллаже, или вон под той кучей книг в углу лежит пара дипломов, полученных на разных писательских форумах и встречах. Последний раз была денежная премия, приличная очень даже. Правда, Джек был к тому времени в тоске и печали от очередной несчастной любви и премию бездарно пропил. Почти целиком.

Сдуру еще он успел немного отослать матери, и сестра потом звонила и пыталась разузнать, сколько он вообще получил – и зачем, спрашивается? Только поругались. Вообще сестру он любил, но разговаривать с ней не мог. С серьезными женщинами тяжело разговаривать.

А если вдуматься, он был просто образцово-ответственным парнем. В Институт парасвязей пришел сам, еще подростком – мама немножко поплакала тогда, но он ведь был хорошим мальчиком, только немного рассеянным, и ничего плохого с ним не случилось. Он даже пытался работать сообразно своим способностям, в партнерской программе участвовал. Стихи продолжал писать, рассказы – талант, говорили все, и в журнале «Литература и современность» напечатали его короткую повесть, и потом еще пару восторженных рецензий на нее. Он задумал несколько великих романов, иногда записывал понемножку из них, но никогда толком не начинал.

И все никак не мог определиться, что же главнее. Впрочем, последнее время работы в институте у него было совсем немного, да и вдохновения никакого тоже не появлялось. В чем-то девушка – бывшая уже, – была

права: этот весенний месяц он в основном валялся на диване или слонялся по городу.

Вся загвоздка была в том, что Джек являлся сильнейшим стихийным магом, не только в городе, но, может быть, и в целом мире. Могущество его было хоть и небывалым, но совершенно бестолковым. Ему попросту было запрещено использовать магию. Все тренировки, практические занятия, лекции, сдерживающие чары и амулеты были бесполезны. Контролировать огромное количество энергии, которое высвобождалось им, было практически невозможно.

Взмахом руки Джек без всяких усилий поднимал вихри, и в свое время был причиной разрушения целого тренировочного комплекса на заброшенном заводе, где учились подобные ему подростки.

Их пограничный мир рождал много магов – так было необходимо. Джеку нравилось считать себя неким воплощением окружающей реальности, граничащей лишь с местами, населенными чудовищами из людских кошмаров. Возможностей много, но использовать их нельзя.

«А твое имя? Твое имя! Собачья кличка! Почему ты не говоришь настоящее? Ты просто ублюдок, ненавижу, ненавижу тебя! Я изо всех сил старалась, налаживала все, а ты и пальцем о палец не ударил... Почему я должна все делать? Я одна? Ты даже мусор за собой не выносишь, а носки под кровать бросаешь! Тебя совсем не интересуют наши отношения!»

Почему же, очень интересуют. Девушка была милой, такой нежной, непосредственной. Правда, ее, как многих других женщин, со временем стало сильно заботить местоположение его носков, отсутствие у него желания мыть посуду и выгуливаться по выходным. Видимо, это у них в генах. А имя? Что же теперь, такова плата: свое настоящее имя он отдал еще лет в тринадцать, когда его поставили на учет как мага. Они всегда так делают, действительно ли это важно, или просто традиция? Ему все равно было. Он выбрал себе «Джек» наобум и сразу, хотя мама была в ужасе. Но привыкла. Может она и забыла уже то, первое.

Будь он послабее, трудиться бы пришлось много – ловить нарушителей, отслеживать аномалии, ликвидировать монстр-объекты, патрулировать город. Для нестабильных, чересчур слабых или не умеющих контролировать себя магов существовала целая система организации работы, в которой он пытался принять участие. «Проблемным» магам подбирают напарников, иногда помогают наладить связь, по которой сила приходит в равновесие, и таким образом получается два работоспособных

чародея на службе государства.

С Джеком никто не хотел работать – его могущество разрывало на части и причиняло боль. Где, как оно в нем уживалось, непонятно. Но никто другой его перенести не мог.

От полной скуки Джек сходил с ума, даже ссора с девушкой, к которой он уже достаточно привязался, лишь ненадолго всколыхнула темную гладь болота, в которое превратилась его повседневная жизнь. Скучно было все: еженедельные явки в институт, встречи с коллегами, с друзьями, прогулки по городу, сидение над клавиатурой в попытке что-то там родить новое. Мысли в голове как бесформенные серые тряпки полоскались на ветру, не складываясь ни в какую картину. Было пусто, тоскливо и безысходно. И однажды вечером Джек написал прошение на имя своего начальника с просьбой найти ему напарника для оперативной работы.

«Готов на ограничительный амулет, который сейчас испытывают, на три четверти подавления, – написал он. – И на самые тяжелые задания».

Потом, когда уже отправил, одумался, но – поздно. Досада, впрочем, недолго занимала его ум, и ответа он перестал ждать уже через две недели. Вот когда через месяц начальник позвонил и вызвал его в институт внеурочно, не сразу и вспомнил, в чем дело.

– Прямо все твои требования не удовлетворить, – скрипуче сказал по телефону Яков, – но старались как могли.

В этом голосе Джек явственно услышал ядовитую иронию и сразу полез в компьютер, чтобы перечитать свое подзабытое уже прошение.

«Напарник непременно должен быть женщиной, не старше двадцати пяти, привлекательной. Желательно высокой и рыжеволосой». Джек очень любил рыжих девушек. Интересно, какие из этих требований им не удалось удовлетворить?

Чувствуя наконец-то некоторый подъем в чувствах, Джек отправился в Институт.

Припарковав машину на институтской стоянке, он вышел и закурил, прислонившись к капоту. Теплый летний вечер, мягкий шорох листьев на аллее – все настраивало на мирный лад. Джек, вдруг сказал внутренний голос, сегодня что-то изменится. Сжало грудь, и Джек, торопясь, сипло вдохнул воздух.

И только закашлялся от своего же сигаретного дыма. Прорицатель он был никудышный, поэтому вряд ли стоило обращать внимание на это микроскопическое событие. Затушив окурок и все еще покашливая, он вошел в темный прохладный холл.

Выходившая из здания пара студенток, проводила его восторженными

взглядами, и потом еще несколько раз оборачивались и хихикали. Джек привык.

Энца сидела как на иголках. Оказалось, секретарь перепутал время и вызвал ее на полчаса раньше. Он долго извинялся, и даже предложил ей чаю, но на все расспросы отвечал уклончиво или вовсе переводил тему. Когда начальник освободился, ее проводили в кабинет.

Девушка устала с дороги – шутка ли, двое суток на поезде, и тут еще это ожидание.

Она боялась. Всегда нервничала из-за изменений, даже маленьких. И тут вдруг вызывают в другой город, и новый начальник ей бодро обещает по телефону «идеального напарника», а сейчас сидит, задумчиво грызет ручку и что-то читает.

Здесь все было чудным для нее, непривычным. Здание института – огромное, старинное из темного камня, с высокими потолками, просторными кабинетами и лекториями, построенными амфитеатрами. Длинные запутанные коридоры, вымощенные серыми каменными плитами, с яркими абстрактными мозаиками на стенах и чудом сохранившимися кое-где ажурными коваными решетками, которыми некогда закрывали эти переходы на ночь и во время студенческих беспорядков. Кое-что Энца знала сама, но секретарь с удовольствием провел небольшую экскурсию по пути к начальнику

Кабинет начальника отдела практической защиты и надзора больше похож на палату в старинном замке и находится в самом старом крыле здания, выстроенном в псевдоготическом стиле. Сквозь высокое стрельчатое окно свет почти не проходит, заслоненный кроной могучего каштана, так что вся обстановка теряется в полумраке, едва разгоняемом легкомысленной фаянсовой лампой на столе начальника. Ребра потолка растворяются в тенях где-то далеко вверху.

Энца на самом краешке широкого кожаного дивана (поближе к двери), с зажатой в руках чашечкой чая, кажется себе очень маленькой. Солидный и серьезный начальник, в старомодных квадратных очках даже и не глядит на нее, сидя за массивным деревянным столом, заваленным бумагами.

– Э, простите, – неловко заговорила Энца, когда молчание показалось ей совсем уж давящим. – Мне ничего не сказали про мою будущую напарницу. Можно пока ее анкету почитать?.. или хотя бы имя...

Яков поднял голову, посмотрел на нее поверх очков.

– Не бойся, малышка, – хриплым голосом, который первоначально пугал ее по телефону, сказал он. – Сейчас все узнаешь.

И тут Энце стало совсем страшно. Почему он так ласково говорит? Почему на «ты»? И почему – «малышка»? Энца, – проснулся где-то внутри шепчущий голос, – это все неспроста. Что-то будет.

Обдумать эту мысль она не успела. В коридоре слышались уверенные шаги, и в кабинет вошел молодой человек, стремительный и невообразимо прекрасный. Энца даже поглубже вжалась в диван. Она побаивалась красивых мужчин.

Этот же вообще был словно из какого-нибудь романа или американского фильма. Высокий, худощавый, с длинными светлыми волосами, свободно развевающимися за спиной, четко очерченным лицом и светлыми серыми глазами. Он был нарочито небрежно одет, в джинсы и футболку, но, тем не менее, казалось, будто он только что сошел с обложки модного журнала.

Смотрел он на Энцу недоуменно, глаза все более сужались, а губы сжимались по мере того, как он ее разглядывал.

– Ну, нет! – воскликнул он.

– Только не говорите, что это он! – холодея от испуга, одновременно с ним воскликнула Энца.

– Это должна быть женщина! – практически в унисон закончили они.

Яков даже снял очки и смотрел на них, криво и слишком уж довольно улыбаясь.

– Это же отлично, – фыркнул он. – Просто отлично. Вы даже не представляете, насколько все замечательно.

– Нет-нет, – с отчаянием перебила его Энца. – Вы же знаете... я писала, что не могу работать с мужчиной. Может, как-то поменяться? Или... подождать?

– Малышка, ты думаешь, если подождать, он сменит пол? – с удовольствием ответил Яков.

– Сменю или нет, – резко сказал Джек, который терпеть не мог плоских шуток шефа, – но мне это не подходит. Я четко написал, с кем хочу работать. Вы знаете...

– Тсс, тсс, – поднял руки Яков. – А теперь, детки, успокойтесь.

Он поднялся и оперся на стол, пристально глядя на них. Серые, тусклые как свинец глаза его не мигали. Джек присел на подлокотник дивана, и Энца тут же отодвинулась подальше. От него пахло табаком и цветами.

У Якова сидела какая-то мышка, маленькая и растрепанная. Первое, что увидел Джек, войдя в кабинет – большущие темные глаза на маленьком

испуганном личике. Черные волосы были коротко острижены и вились кольцами на концах. Сама она была тощая и маленькая – в общем, рыжеволосой пышной красотки там и близко не было.

– Джек, Джек, – укоризненно проскрипел шеф. – Где твое воспитание? Ты не поздоровался даже, перепугал девочку, раскричался с порога..

– Пф, – пожал плечами молодой человек. – Прошу прощения.

Он встал на ноги и поинтересовался: «Я могу идти?», с улыбочкой хорошего мальчика, который знает, что его за все простят, поэтому можно хулиганить и дальше.

– Нет, – жестко сказал шеф. – Сядь.

Джек остался на ногах, только нахмурился.

– Я одобрил и подписал все бумаги. Мы вызвали эту девушку из Люца. Я уважаю ваши чувства, но не более того. Вы не на прогулке в детском саду: оба написали прошение о работе в паре. Мы пошли вам навстречу, и будьте добры, ведите себя как взрослые ответственные люди. Завтра подготовят договор, приедете подписать. Вас обоих никто тут не держит, если вы не хотите работать.

Джек скосил глаза на девицу – та был бледна до синевы, глаза, похоже, наливались слезами, и она прикусила губу, чтобы сдержаться. Сам-то он привык к перепадам шефа – тот никогда не умел общаться с подчиненными, либо морил их шуточками и замашками горе-педагога, либо жестко отчитывал и давил без жалости.

Молодой человек плюхнулся обратно на подлокотник, засунул руки в карманы джинсов и на секунду задумался.

– Как вы себе это представляете, шеф? – переходя на формальный тон, поинтересовался он. – Что из нас двоих может получиться?

Джек осекся, увидев на лице Якова мечтательное выражение. Не к добру это, в панике сообщил внутренний голос. Что у него там на уме?

– Все для вас, все для вас, – принуждая скрипучий голос звучать радушнее, произнес шеф. – Вот, ребятки, вам задание, как вы оба и просили. Почитаете, выполняйте сразу. Жду результатов утром, когда придете договор подписывать.

– Я... мне дадут жилье? Мне обещали общежитие, – тихо проблеяла девушка. Джек раздраженно посмотрел на нее.

– Общежитие? – недоуменно переспросил Яков. – А, ну да. Что там с общежитием?.. Джек, подвезешь потом ее к зданию.

– Ну да, я похож на таксиста?

– Джек, мальчик мой, – задушевно сказал шеф. – Бери папку и вали к бесам, я устал от твоих капризов. И девушку не забудь.

Энца взяла из рук шефа папку с делом, потому что Джек демонстративно проигнорировал ее, неловко попрощалась и вышла вслед за молодым человеком. Еще утром в поезде, ей казалось, что все будет хорошо. То есть она убеждала себя, что все будет хорошо. Большой город, старинные улочки и дома, один из крупнейших филиалов Института – и, наконец, напарница.

Теперь осталось только чувство неопределенности и страха. И этот высокий человек с внешностью киногероя, который шел впереди и даже не оглядывался. И явно относился к ней с презрением.

– Прочитала? – спросил Джек. Она догнала его и протянула папку. Джек пренебрежительно помахал узкой ладонью.

– Не надо мне. Лучше скажи, что там и куда ехать.

– А... адрес – Глухой переулок, на пересечении с Крепостной улицей. Но... я не знаю, где это.

– Без разницы, я знаю.

Интересно, он на машине приехал, подумала Энца, но спросить не решилась. Они вышли из института и свернули к стоянке.

Машина Джека ей понравилась – длинная, стремительная, темно-синего цвета и с мягкой бежевой обивкой внутри. Энца плохо разбиралась в марках, и затейливый значок на капоте ей ни о чем не сказал. Она просто тихонько провела ладонью по гладкому крылу машины, пока Джек не видел, и, поколебавшись, села сзади. Быть совсем рядом с ним, на переднем сидении ей показалось чересчур. Джек недовольно покосился на нее.

– Почему там? Садись впереди.

– Нет, меня укачивает, – соврала Энца.

Джек явно не поверил, но пожал плечами и завел машину.

– Рассказывай, что там дальше, – коротко сказал он.

Энца вдохнула и постаралась кратко пересказать все, что прочла.

Джек слушал ее и все больше мрачнел. Во-первых, вроде не дура. Во-вторых, она чересчур серьезная. Джек не любил серьезных – слишком скучно. Хотя... нет, и даже не «хотя». Но она явно его боится и относится к их совместной работе так же отрицательно, как и он, поэтому можно договориться, вдвоем уломать шефа и благополучно разбежаться...

И снова месяцами валяться на диване с ноутбуком на животе. Может быть, слушать очередную истерику очередной прекрасной девы. Дилемма все же. Быть или не быть.

Надо попробовать, уж больно хитро шеф улыбался. Что-то здесь не так.

Джек прекрасно помнил, чем закончился последний опыт по работе с напарником. Тот был в коме несколько дней. И это был крепкий парень, а не маленькая девчонка, похожая на мышку – дунь, и переломится.

– Какая у тебя специализация? – спросил он, не замечая, что прерывает ее.

Девушка замялась, и Джек продолжил расспрос.

– Подожди, а как тебя зовут? Старый хрен не сказал.

– Энца.

– Я Джек.

– Д-да. Слышала, как он тебя называл. Мне кажется, я что-то читала о маге по имени Джек? – неуверенно сказала она. – А я мастер боя.

Джек изумленно вытаращился на нее в зеркальце. Она смотрела куда-то в сторону, не на него.

Ну... надо же. И ведь не врет? Это и есть козырь шефа – дать ему в пару мастера боя?

В сумеречном небе над городом вставала луна, улицы были почти пусты, а на пересечении Глухого переулка и Крепостной улицы, где последние два дня в темноте видели чудовище, было и вовсе безлюдно. Тут стоял почтамт и банк, уже закрывшиеся на ночь, а в жилых домах окна были плотно задернуты шторами. У входа в переулок, на трех металлических опорах, небрежно расставленных в кривой треугольник, была натянута красно-зеленая лента с предупреждением «не пересекать. Парабиологическая опасность».

Джек поставил машину под фонарь, не доезжая до поворота в переулок. Энца вышла вслед за ним из машины, держа свою раскрытую сумку в руках.

– Вот, у меня тут есть всякие приспособления, – тихо сказала она.

Джек наклонился посмотреть, отчего она бессознательно прянула назад, вытягивая руки с сумкой. Молодой человек недовольно покосился на нее и вытянул пару нехитрых, явно старых технических амулетов: глиняную пирамидку, с выдавленными на ней рунами, и круглый пузырек из мутного стекла с притертой пробкой и кожаным шнурком, обвязанным вокруг горлышка. Оставил без особого внимания несколько деревянных дощечек с резьбой и медный овал с половину ладони со стершимися уже знаками.

– Если бы я знал, что мы прямо сегодня получим задание, я бы взял из дома свои. Нам выдают нечто более... современное. Но сейчас и так

сойдет.

Обезоруживающе улыбнувшись (Джек понадеялся на свой безотказно действующий прием в общении с женщинами), он протянул обратно пирамидку и пузырек.

– Действуй, – жестом показав на нужный перекресток, он отошел к машине и, привычно прислонившись к капоту, достал сигареты и закурил.

Энца растерянно посмотрела на него, положила сумку на сидение и пошла к перекрестку. Там она огляделась и установила пирамидку посередине, вылила из пузырька темную жидкость прямо на верхушку. Потом выпрямилась и обернулась.

– Ты не будешь читать заклинание?

– Брось, о чем ты? Сделай это сама, я никогда таким не занимаюсь, – сморщив аристократический нос, заявил Джек.

На лице девушки появилось еще большее замешательство, что Джека только разозлило. «Деревенщина, – решил он. – То ли первый раз это делает, то ли всегда за нее напарник читал». Он не допускал мысли о том, что за то время, что она просидела в кабинете у шефа, Яков ни о чем ее не просветил.

Энца тем временем шла к нему, пряча пузырек в карман. Джеку в наступившем уже сумраке показалось, что ее щеки и уши покраснели – отчего бы?..

– Джек, – тихо сказала она – Мне нужна твоя сила... дай, пожалуйста, руки.

Знал бы он, чего ей это стоило. Когда она первый раз делала этот обряд со своей наставницей, ей и то было ужасно стыдно – всегда было тяжело пускать другого человека дальше какого-то предела, ближе к своему телу. Энца поэтому не любила общественный транспорт – все эти случайные касания, чужое дыхание, чужое тепло вызывало только стремление отодвинуться и забиться в угол, подальше. И теперь вынужденность касания незнакомого, да к тому же мужского тела, не могла не вывести ее из себя.

Поэтому когда Джек отпрянул от нее и, нахмурившись, резко отбил ее протянутую руку, она даже ответить не смогла нормально.

– Ты что? – воскликнул Джек. – Сдурела, что ли? Тебе этот старик ничего не сказал? Даже не вздумай меня трогать, просто сделай это все быстро и поехали.

Джек бросил недокуренную сигарету и, подумав немного, полез за пачкой в карман, чтобы достать следующую. Когда он выуживал ее, из

темноты Глухого переулка раздалось шуршание и металлический скрежет.

Что-то ползло – и темнота оборачивалась чудовищем, будто в детском кошмаре, когда привычные вещи и места ночью показывают свою вторую, мрачную сущность... из теней домов становясь тварью с бесформенным туловищем жабы, несколькими плоскими лысыми головами на длинных шеях и хвостом с круглым мохнатым утолщением на конце.

Оно было размером с машину, на которую опирался Джек, приземистое и раздутое. Не обращая пока на них внимания, оно ползло к зачарованному артефакту, политому кровью, рывками переставляя четыре короткие толстые лапы.

Хорошо, подумала Энца. Хорошо, что я не успела переодеться. На ней была удобная, пусть мешковатая и несвежая с дороги, одежда: кофта с капюшоном, бриджи и кроссовки. А она-то думала переодеться в платье, чтобы произвести впечатление на будущего начальника и напарницу.

Хорошо, что не успела – да и случая не было.

Джек замер на месте, чтобы не спугнуть чудовище. Энца медленно и бесшумно двинулась навстречу. Но оружия при ней никакого не было – и она не пыталась его достать или сплести заклинание. Джек нахмурился, не решаясь окликнуть ее.

Существо не смотрело на них, обнюхивало пирамидку – голов у него было три, как у сказочного Змея Горыныча, и все они шумно сопели, отталкивая друг друга, разевая пасти, в глубине которых поблескивали на свете фонаря продольные ряды кривых зубов. Лишь хвост чудовища дернулся, когда Энца подошла совсем уж близко, дернулся – и внезапно прынул в ее сторону, с силой впечатываясь в то место, где она стояла.

Амулет не сработал. Чудовище не попало в силлок.

Джек вздрогнул, подался вперед, опоздав с предупреждающим вскриком, но Энца уже была *над* хвостом, за миг до удара взмыв в воздух. Джек потрясенно наблюдал, чувствуя запах и вкус единственно знакомой ему магии, как тонкая фигура девушки с легкостью делает в воздухе сальто, в руках сгустившиеся из воздуха сабли, прозрачные и светящиеся, будто лунные дорожки на море. Энца приземлилась прямо на широкую бородавчатую спину чудовища, одним взмахом руки снеся правую голову, – чудовище зашипело и попыталось ухватить ее сразу всеми оставшимися головами, и девушка снова ушла от атаки, прыгнув в воздух.

– Это амфисбена! – крикнула она, уворачиваясь от центральной головы. Задетая ее саблей ветка дерева, плавно скользнула вниз, глянцево

блеснув на срезе. Отведя от нее глаза, Джек наконец внимательнее разглядел утолщение на хвосте чудовища: в самом деле, это была еще одна голова, чьи глаза и пасть прятались в грязных свалывшихся космах шерсти.

Девушка уклонялась, била, постоянно танцуя вокруг амфисбены и по земле и по воздуху: только белые кроссовки мелькали мотыльками в сумраке. Никакие тренировки не позволили бы ей так легко взмывать вверх и проводить все эти сальто, кувырки и перевороты. Джек не мог сказать точнее, он был слеп и глух в чтении магического почерка – единственный раз, когда на занятии он по заданию слегка притронулся умом к магии, окружающей учителя, тот потерял сознание. Так что Джек довольствовался тем, что шло само. Он чувствовал железный вкус на языке – будто вкус крови, и это значило, что Энца, так же как он, использует магию воздуха.

И несмотря на subtilность Энцы, особенно в сравнении с громоздкой тушей чудовища, все это выглядело... нечестным боем? Энца не была задета ни разу, а вот чудовище даже увернуться толком не могло, так что исход схватки казался predetermined.

У амфисбены оставалась всего одна голова, лапы были все поранены, и за эти минут десять оба переместились опасно близко к Джеку, и тот уже подумывал зайти за машину, чтобы не отвлекать на себя чудовище.

Но не успел.

Амфисбена, резко прыгнув, сбросила с себя Энцу, которая отлетела к стене дома, и сама отчаянным рывком кинулась к Джеку. Кровь и плоть человека дали бы ей нужные силы хотя бы для того, чтобы сбежать подальше отсюда.

Джек даже не успел никуда двинуться, замер, присев на капот, когда бугристая туша, покрытая ранами и белесой вонючей кровью, ринулась на него, раскрывая пасть. Он успел подробно разглядеть и сочащиеся гноем круглые пустые глаза твари, и ряды зубов, уходящие в сторону глотки, кривые и разновеликие. Не успел только подумать о том, как жил и чего он не успел.

Пасть с клецаньем закрылась, и голова упала ему под ноги. Из разрубленной шеи, брызнула кровь. На спине чудовища стояла Энца, скрестив сабли, которыми она как ножницами срезала последнюю голову амфисбены. Девушка слегка присела, чтобы не упасть, когда туша рухнула на землю.

– Никак не могла ее догнать, все уворачивалась, – проворчала она, прыгнув вниз. Взмахнула руками, рассеяв сабли в воздухе.

Постояла рядом с мертвой амфисбеной, и Джеку показалось, что девушка пошатывается. Достала из кармана все тот же пузырек и набрала в

него крови, потом сходила за пирамидкой – но той уже и не было в живых, осталась глиняное крошево, рассеянное по асфальту. Наклонившись над бывшей пирамидкой, Энца поглядела в его сторону и сказала: «Теперь надо прочитать заклинание».

Джек пожал плечами, он как раз закуривал, и руки его ходили ходуном. За это он злился на себя, и ему было не до вежливости.

– Я этим не занимаюсь, я же сказал.

– Я тоже! – яростно крикнула Энца, и Джек удивленно посмотрел на нее – ему-то все казалось, она тихая овечка, не склонная к экспрессии. Девушка впрочем, тут же опустила голову, зажимая ладонью лицо. Плачет что ли, подумал Джек, но увидел капли крови, падающие на асфальт – хоть от фонарей света было немного, но слезы не бывают такими темными.

– Ты что, ранена? – Джек быстро подошел к ней и, схватив за свободную руку, заставил подняться. Силой отвел ладонь от лица. Кровь текла из носа, и зажимая ее ладонью, она только размазала ее по губам и подбородку. Нос был ровный, не распухший – не сломан.

– Отвратительно, – прокомментировал Джек и, достав из кармана платок, дал ей. – Сожми пальцами крылья носа на несколько секунд и прекрати запрокидывать голову, наоборот, опусти.

Она послушно все выполнила, но угрюмо и решительно пробормотала из-под платка: «Завтра я напишу заявление. Я не могу с тобой работать».

– Я вместе с тобой напишу, не беспокойся, – заверил ее Джек. – А теперь скажи, почему ты не читаешь заклинания?

Энца резко вскинула глаза, исподлобья глядя на него.

– Потому что они не работают. У меня ничего не работает. Я нулевой маг – и магия ест меня изнутри, когда я ей пользуюсь. Мне даже на охоту разрешено выходить не чаще чем раз в месяц.

Она неверно истолковала ошарашенное выражение лица Джека – видимо, не первый раз сталкивалась со снобизмом магов, с презрением относящимся к более слабым коллегам.

Джек засмеялся бы, не сверли она его так злобно глазами.

– Вот это забавно! – воскликнул он.

Она отняла от лица платок, чтобы ответить. Кровь из носа уже не шла, но лицо было все так же перепачкано.

– А ну, закрой обратно, – велел Джек, – выглядишь ужасно.

Он помолчал, не зная, как сказать.

– Мне тоже все это запрещено. Если я буду читать заклинания, могу полгорода снести. Я не знаю, какой у меня уровень, – еще ни один магистр не смог определить пределы моих возможностей. Поэтому забавно.

Ему вдруг стало легко.

– Я не могу делиться силой – ее слишком много.

Энца склонила голову.

– Я умею брать совсем помалу. Меня специально учили.

– Тогда давай, – просто сказал Джек и протянул ей руки.

Энца повернулась так, чтобы свет не падал на ее лицо – кровь наверно так и не оттерлась толком, а зеркала под рукой не было. Спрятала испачканный платок в карман на животе и положила свои ладони (маленькие и тоже грязные) на его длинные узкие пальцы, которые немедленно сжались вокруг ее запястий. У него были холодные руки.

Закрывать глаза. Вдох, выдох. Успокоиться. Представить, что ноги уходят в землю, бесконечно длинные, как корни огромного дерева. Светлый шар в центре живота. Вдох – свет идет из чужих руки по ее рукам к шару. Выдох – свет из шара расходится по всему телу. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Все. Не больше трех.

Она поспешно выдернула ладони из его рук и открыла глаза.

– Ты как? – тревожно.

Джек помедлил.

– А ты?

Они одновременно пожали плечами.

– Ты не чувствуешь, что у тебя кружится голова, звенит в ушах и тело слабеет?

– А ты – не чувствуешь, что твоя голова сейчас лопнет, а глаза вылезут из орбит?

Энца недоверчиво нахмурилась:

– Твоя голова сейчас лопнет?

– Да нет же! – воскликнул Джек. – Ничего такого. Я вообще ничего особенного не чувствую. Какая слабость, ты о чем? Меня хватит на то, чтобы поднять ураган, который не то что один маленький домик унесет, а весь этот город!

Он нахмурился.

– Давай свои руки обратно. Бери еще, сколько сможешь.

– Человек может умереть, если я возьму больше, чем это возможно, – покачала головой девушка. Темные кудри запрыгали вокруг лица. – Мне нельзя так делать.

– А я особенный, – уверил ее Джек, слегка наклоняясь к ней. – Если я отдам больше, чем нужно, человек может умереть. Так что давай попробуем.

На следующее утро Джек, вспоминая об этом, изумлялся своей смелости и злился на свою глупость. Он давно, давно жил со всем этим – воспоминаниями о покореженных металлических фермах завода, бледном обескровленном лице учителя, судорогах и страданиях напарника, который однажды неосторожно взял капельку больше чем обычно. Всех жертвах его силы. И он смирился – а тут, будто позабыв обо всем этом, сказал полужнакомой девчонке: «давай попробуем». И что, если бы она умерла там, точно так же корчась в муках, как едва не сделал Георг?

Но она не умерла. Она держала его за руки – вот ведь забавный метод, нужно будет узнать подробнее – маленькими горячими ладонями и качала его силу как заправский насос.

Правда, он ничего не чувствовал. И она даже не думала падать и биться в судорогах, а наоборот, постоянно справлялась о его самочувствии.

Джек впервые ощутил подобное спокойствие. Когда она отняла руки, и абсолютно ничего не произошло. И он подумал: с ней все в порядке.

Она ему не очень нравилась – правда, стиль боя был просто завораживающим, художественная гимнастика, акробатика и танец с саблями, все в одном, – но, тем не менее, он не любил тихих нерешительных девиц эфирного телосложения.

Как странно. До этого вечера он не думал, что так одинок – пока, наконец, не встретил человека, которому совсем не страшна его сила.

Энца видела, что Джек к ней с презрением отнесся вначале – но не потому, что она была слаба. И он сам был силен настолько, что ему совсем... совсем была не страшна ее слабость.

Энцу называли вампиром, хотя ей вовсе не нужна была ничья кровь, – только за то, что она могла целиком забрать магию вместе с жизнью. Она была пустотой. Во всех смыслах. И даже хваленые техники боя, стиль, которым так гордилась ее наставница, никому не были нужны: никто не хотел рисковать собой, чтобы она могла работать. Не стоит бездарному магу тратить жизни других, более стоящих и важных, если он может заняться чем-то другим.

Но я не смогу работать с ним, потерянно думала Энца. Он непонятный, ужасно далекий и высокомерный. Куда уж мне до него.

И еще эта история с жильем – было бы смешно, если бы Энца умела смеяться над такими вещами.

После всего этого Джек подбросил ее к институтскому общежитию. На

территории кампуса стояли два здания, Зеленые башни, как их тут называли.

Джек и Энца некоторое время стояли перед плотно замотанными цепью ажурными воротами. Несколько старинных замков, тусклые диски защитных амулетов и несколько предупреждений в духе «не влезай – убьет».

– Уже поздно и поэтому закрылись? – устало удивилась Энца. – А тут... не знаешь?.. какие-нибудь гостиницы рядом есть?

Про себя уныло подсчитывала, сколько придется потратить из небольших сбережений – узнать бы еще, когда зарплата.

– К бесам, – не менее устало и раздраженно отозвался Джек, – загружайся в машину. У меня есть диван, там будешь спать. Еще я тут гостиницы искать буду среди ночи.

Энца могла бы поспорить, но больше всего хотелось спать. Поэтому возражать не стала.

На следующий день выяснилось, что общежития закрыты на ремонт до конца лета.

История вторая. Вечеринка со сломанным стулом

У Энцы был круглый, очень мелкий и ровный почерк, строчки сползали книзу. Джек писал размашисто, его тоже мелкие, но сильного наклона буквы были украшены длинными, причудливыми росчерками.

Оба, кое-как пристроившись в коридоре под дверями Якова, писали прошение на «высочайшее имя». Яков, прочитав их бумаги, лишь хмыкнул: все уже оформлено, бюджет выделен, и в течение трех-четырех месяцев никто не будет заниматься новым подбором, поэтому своим «высочайшим именем» он повелевает подписать временные договора и скрепя сердце поработать эти месяцы вместе.

Было видно, что ему абсолютно все равно, будут они скреплять сердца или нет, лишь бы уходили быстрее и занялись делом. Джек заметил в груди бумаг на его столе краешек папки ярко-зеленого цвета – видимо, сегодня доставили отчеты из лаборатории, и шефу уже не терпелось приняться за анализ.

Поэтому, спустя пару минут, Энца и Джек уже выводили свои имена на срочных договорах, личных делах, журналах учета, подтверждающих, что они ознакомлены с правилами, получили соответствующие инструкции, не имеют ничего против... и т. д. и т. п.

А еще несколько минут спустя в холле института, Джека обступили трое коллег, похлопывая по плечу и поздравляя с возвращением на активную работу. Энце, благоразумно отступившей за кадку с пальмой, удобно пышной и высокой, показалось, что голоса коллег звучат достаточно иронично. Судя по натянутой улыбке Джека, у него были схожие впечатления.

Высокая, статная женщина с греческим профилем, огромными глазами цвета бутылочного стекла и черными волосами, спускающимися до самой талии, тонко улыбаясь, говорила Джеку:

– А мы и не ожидали, что ты когда-нибудь вообще займешься работой, Джек... Ну где же, где эта прекрасная дама, о которой говорил Яков?

– Ты даже и в этом верен себе, Джек, – хмыкал темноволосый худощавый мужчина, с щегольской эспаньолкой, деловом костюме и очках. – Если уж напарник, то женщина? Придете сегодня в наш клуб? Будет встреча, Дениз обещалась петь.

Третий мужчина, который был выше даже Джека и гораздо шире его в плечах, тихо обогнул всех и заглянул за пальму. Энца испуганно посмотрела на него снизу вверх, отодвигаясь подальше в тень. Густая короткая борода скрывала выражение лица, но черные глаза глядели довольно дружелюбно.

Джек ткнул пальцем за спину:

– Она там, если интересно.

Женщина тут же проскользнула мимо него, отодвинула здоровяка в сторону и, ласково улыбаясь, потрясла руку Энцы.

– Здравствуй, малышка, – радушно воскликнула она, – ну что за прелесть, в самом деле? Как тебя зовут? Я Анна.

– Поостерегитесь, – предупредил Энцу мужчина с эспаньолкой, – эта дама любит тискать котят и малышей до полусмерти, а вы, к сожалению, похожи и на тех и на других. Я Роберт.

– Я Донно, – глубоким музыкальным голосом сообщил третий. Энца неуверенно улыбнулась.

– Я Энца, – сказала она. Потом из вежливости улыбнулась шире. – Здравствуйте.

Анна взвизгнула от восторга, и даже сделала движение, собираясь ее обнять, но Донно ловко оттеснил ее в сторону. Он не улыбался, но смотрел на Энцу очень внимательно. Непонятный взгляд. Энца смутилась.

Джек покашлял от дверей. Он выглядел скорее уставшим, чем недовольным и потирал челюсть, задумавшись о чем-то.

– Мы идем или нет? – брюзгливо спросил он, и Энца, испугавшись,

что он оставит ее здесь, поторопилась за ним.

В итоге, вняв настойчивым приглашениям коллег, Джек, недовольно кривясь, поехал в «их» клуб. Один из отставных магов когда-то открыл небольшое заведение на углу, неподалеку от института, и хотя поначалу там было много случайной публики, забредавшей из любопытства, вскоре практически единственными посетителями стали практикующие маги, студенты и преподаватели института.

Было шумно; в зале для курящих, куда сразу направился Джек, а Энца уныло потащила за ним, дым стоял так густо, что резало глаза. Хотя все равно было интересно, и Энца, позабыв о своем достаточно неприятном спутнике, вертела головой, разглядывая просторное помещение холла, отделанное в восточном стиле.

Зал для курящих был попроще: разделенные ширмами уютные уголки с полукруглыми мягкими диванами песочного цвета, низкие темные столики. Под потолком гроздь бумажных шаров-фонариков. В дальнем углу зала круглая деревянная сцена. На ней микрофон, и высокая тощая певица с темно-рыжими короткими волосами неожиданно низким голосом мурлычет в него томную песню.

Их окликнули почти сразу, как они появились в зале. Джек не думая долго плюхнулся рядом с какой-то глазастой смуглой девушкой, ловко подвинув в сторону ее недовольного этим соседа, и заказал себе виски. Он небрежно представил всем Энцу и сразу же позабыл про нее, отвернувшись.

Впрочем, это Энцу вовсе не расстроило: ее окружили уже знакомые коллеги Джека. С Анной был светловолосый, очень серьезный юноша, едва ли выше и старше самой Энцы.

– Саган, – представился он и пожал ей руку. – Я тоже мастер боя.

Энцу увели за соседний столик, усадили и вручили бокал с вином. Анна собралась было кормить ее с рук орешками, но Донно мягко забрал у нее вазочку, а Саган ввинтился между ними на сиденье, пресекая дальнейшие поползновения чернокудрой магички.

В общем, вечер прошел бы достаточно приятно – и отдельно, – для обоих новоявленных партнеров, если бы не два обстоятельства. Джек слишком приналег на выпивку, и помимо того в зале после окончания выступления певицы начались показательные бои.

Для Энцы это выглядело дикостью, в ее родном Люце нигде, кроме как в тренировочных центрах, маги не сражались, но здесь, как ей объяснил Саган, это было обычным явлением, с одобрения хозяина, конечно. В этот

вечер хозяин сидел в зале со всеми, и так же как остальные, выкриками подбадривал сражающихся.

Два мага из obsługi установили защитный барьер, огородив своеобразный ринг на танцполе, убрав подальше ударную установку, что стояла на сцене, и задрапировав рояль. Ритмичное техно пульсировало в воздухе, диссонировав с восточной обстановкой клуба, но удивительным образом подходя к атмосфере, и в любой другой день Энца, которая тоже немного выпила, с удовольствием потанцевала бы. Но сейчас на танцполе сопели и обменивались ударами два мага-студента с тренировочными мечами.

Выглядело это скорее как несерьезная игра, да и остальные не особо интересовались этим поединком, так что вскоре двоих мечников согнали с танцпола, и их место заняли двое других, чуть старше и матерее. Они долго ходили, описывая круги и присматриваясь друг к другу, потом резко схлестнулись и сразу же отпрянули. Словно змеи, подумала Энца. Она едва была способна читать магические почерки, но если сосредотачивалась, то чувствовала интересное сочетание стихийной магии с рукотворной. Эти двое были не новички, в качестве оружия использовали нечто вроде воздушных бичей, снабженных цепью заклинаний, дававших разные эффекты при ударе.

Боевые наставники на кафедре, где училась Энца, были достаточно старомодны, и в основном опирались на физическую подготовку и элементарное односложное оружие. Здесь это было на другом уровне, и сама Энца едва-едва успевала уловить сами моменты ударов и разглядеть их последствия.

Первые два подобных боя она посмотрела с открытым ртом, иногда спрашивая объяснения у Сагана, потом Анна заскучала и отвлекла обоих, втянув в общую беседу.

Было уже за полночь, когда основные бои закончились, теперь выходили новички, а мастера порой давали короткие мастер-классы, и Энца уже поглядывала в сторону изрядно набравшегося Джека, думая, возможно ли будет его как-то уговорить идти домой. Но прекрасно понимала, что вряд ли из этого что выйдет.

Да и не решится она, вон как Джек недружелюбно прищурился, поймав ее взгляд.

Мирное для их компании течение вечера прервал белобрысый растрепанный мастер боя, весело поздоровавшийся со всеми и опершийся на их столик руками. Его белая рубашка была расстегнута до середины груди, волосы на лбу слиплись от пота, но на широком круглом лице сияла

дружелюбная улыбка

– Эй, Саган, – окликнул парень. – Не хочешь выйти? Ребята спрашивают, ты бы показал чего.

– Нет, – извиняясь, покачал головой Саган. – У меня гейс на закрытые помещения, ты ж знаешь.

– Ну как хочешь, – не обижаясь, пожал плечами парень и перевел светлые веселые глаза на девушку. – А ты Энца, да? Меня Клен зовут. Ты не хочешь выйти на ринг? Я тоже фехтую, а Джек говорит, что ты просто звезда.

Энца в ужасе посмотрела на него, щеки вспыхнули от неожиданного и отчего-то не совсем приятного комплимента.

– Нет, простите, – проямлила она, опустив голову. – Нет, я не фехтую.

– Да ладно! Джек нам рассказывал про амфисбену, ты ее уложила за несколько минут. Это ж амфисбену! Я отчет еще днем видел, круто. Давай, покажи, это тут в обычае. Ты же новенькая.

Он мягко, но настойчиво потянул ее из-за стола за локоть, не переставая болтать и рассыпать обаятельные улыбки. Энца, пытаясь вежливо отделаться, перестать привлекать внимание и ни в коем случае его не обидеть, все бормотала, что с людьми она не дерется, извинялась и просила отпустить.

Оказавшись совсем рядом с невидимым барьером, растянутым между четырьмя металлическими пирамидками на полу, она поняла, что, несмотря на все протесты, стоит у самого ринга, на них все смотрят и ждут.

Она в отчаянии посмотрела на того, кто ей казался последним средством спасения:

– Джек! Я не могу драться, ну скажи!

Молодой человек не ожидал, что она обратится к нему и скривился в ответ, да и девица рядом с ним захихикала, еще подлив масла в огонь.

– Хватит выпендриваться, хорошо? – раздраженно сказал он. – Что ты там мямлишь, я не понимаю совсем. Ты мастер боя, ну вот и покажи им.

– А может, Джек, ты нам приврал про нее? И ничего-то она не умеет, – мяукнула девица и гадко улыбнулась. – Девочку жалко, что вы к ней пристали?

– Да какого беса, – огрызнулся Джек. – Все она может, только думает про себя много.

Энца вскипела наконец, оттолкнула руку Клена.

– Мне нельзя драться с людьми! – упрямо повторила она.

Она бы еще сказала, что пойдет отсюда к чертям собачьим, но, к сожалению, скорее всего оно бы так и вышло: именно что к чертям, потому

что где живет Джек она еще не помнила... да и ключей, разумеется, у нее не было.

Порой излишняя рациональность и осмотрительность портили весь возможный драматический эффект.

– Да ты не бойся, – попробовал ее утешить Клен, неверно поняв причины ее отказа. – Мы тренировочные возьмем, вон, у ребят есть.

Он помахал кому-то рукой, и к ним споро принесли пару грубо сработанных мечей, с рукоятями из металла и текстолитовыми лезвиями, выкрашенными серебряной краской.

– Да нет же, – с отчаянием сказала Энца, с тревогой чувствуя наворачивающиеся слезы. – Ну... давайте я вам для примера.. мне правда нельзя с людьми...

Она огляделась и показала пальцем на стоящие в углу пару барных стульев.

– Можно вон тот стул? Я на нем покажу.

Их небольшое представление уже давно привлекло всеобщее внимание. Хозяин клуба кивнул официанту, и тот подтащил стул к Энце. Девушка взяла оба меча из рук Клена и попросила его отойти подальше.

– Мне нельзя драться с людьми, понимаете? – снова повторила она, глядя и на Клена, и на тех, кто сидел вокруг. – Я не могу фехтовать. Они просто все разрежут.

– Малыш, они тупые совсем, – озадаченно отозвался Клен. – Ты посмотри, там даже скос не сделали к краю, они толстые и тупые.

Вместо ответа, Энца взмахнула обоими клинками и достаточно изящно провела уже знакомый Джеку прием, имитирующий ножницы. Совсем тупые лезвия прошли сквозь высокий металлический стул словно сквозь масло.

Мгновение все молчали, потом взорвались:

– Она чары навесила, режущие!

– Не было чар, курица!

– Стул, стул-то посмотрите, может просто проникающие чары!

– Говорю, не чары, я же чую...

– Чуешь ты, как же!

– ... ребят, ну стул-то покажите, что с ним?

Несколько магов метнулись к несчастному барному стулу, который оказался разрезанным как по нитке, и держался еще только каким-то чудом. Стул разъяли на несколько частей и возбужденно разговаривая, начали рассматривать, периодически высказывая одобрительные комментарии Энце. У той и меча отобрали, осмотрели, обнюхали, но ничего не нашли.

Девушка бормотала, пытаясь объяснить, что это ее врожденная способность, связанная со стихийной компонентой, но ее не слушали, перебивая: «А если из металла был, разрежала бы?», «а если просто палкой?», «а как ты дома ножом режешь, стол не прорубаешь?»...

Восхищенный Клен не переставая повторял «как же круто, малышка, как же круто!», обнял ее за плечи и пытался дотащить до своего столика, чтобы выпить за нового «офигительно крутого» мастера боя. Энца устало отнекивалась и пыталась выскользнуть из его захвата, что было достаточно проблематично. От запаха перегара ее начинало подташнивать.

Помощь пришла сразу с двух сторон. Донно остановил Клена, лишь положив ему на плечо широкую ладонь и смерив очень внимательным взглядом, но когда оробевший Клен откашлялся и отодвинулся от Энцы, рядом с ней появился Джек.

– Ну, спасибо, ребята, – небрежно бросил он. – Рад был повидаться, нам пора идти.

Энца заморгала и на ходу помахала рукой Донно и остальным, пока Джек тащил ее за локоть сквозь толпу к выходу.

– Пешком пойдем, – невнятным от выпитого голосом сообщил он. – Тут недалеко.

Прохладный ночной ветер освежил ее горящие щеки, стало немного легче. Но обида все равно осталась. Хорошо, что они уже написали то заявление. Теперь останется только ждать, когда подвернется другой возможный партнер. И ходить больше с Джеком никуда не надо будет.

Джек продолжал держать ее за локоть, широко шагая и вынуждая Энцу практически бежать, чтобы успеть за ним. Хоть шел он и уверенно, но по какой-то очень сложной синусоиде, Энца пару раз попала в лужу из-за этого, пока не сумела высвободить свою руку.

Пока они сидели в клубе, прошел короткий ливень, и теперь черный асфальт блестел под их ногами, отражая свет фонарей.

Джек на ходу прикурил и заметил:

– Так тебе с людьми драться нельзя. Почему сразу не объяснила причину? Ты совсем с людьми не драться, а *разговаривать* не умеешь.

Оскорбленная Энца засопела, пытаясь придумать достойный ответ, который бы показал, как этот самый Джек ни слушать, ни объяснять не умеет.

Джек тем временем остановился.

– Знаешь что? Давай уговор, – неожиданно сказал он. – Поделим обязанности. Ты разбираешься с чудовищами, а я с людьми, за нас обоих. Пойдет?

Энца молчала, моргая. Хорошо, что темно, подумалось ей. Не видно, как она покраснела.

– Да, – сказала она. – Да, пойдет.

Жалко, что он может и не вспомнит об этом разговоре, когда проспится.

История третья. Рабочие будни

Джек обычно вставал часов в одиннадцать. Иногда в девять-десять, но это казалось ему несусветной ранью. Времена, когда приходилось просыпаться к первым парам, он вспоминал с содроганием.

Не разлепляя глаз, Джек сползал с кровати и брел до кухни, где в полудреме курил, сидя на подоконнике. Едкий дым отгонял сны, а ледяной душ смывал их остатки. А потом... ну по крайней мере, последние пару месяцев, он без дела бродил по квартире или городу, курил перед открытым ноутбуком, увязая в ненужных ему статьях и новостях. Это если не нужно было являться в Институт на какое-нибудь собрание или опыты.

Энца тоже просыпалась в десять, но героически боролась с этой, как ей казалось, дурной привычкой, ставя будильник на три часа раньше. Здесь же лишь на второе утро после памятной вечеринки ей удалось вернуться в свой режим, но и то, будильник она заводила не на семь, как бывало, а на девять: все равно никаких дел не планировалось.

Энца начинала утро с йоги и дыхательной гимнастики, комплекс упражнений был разработан ее наставницей, и девушка придерживалась его вот уже тринадцатый год.

Когда она оказалась в первый раз в квартире Джека, то была поражена, несмотря на свою усталость. Многоэтажный современный дом, огороженный, с охраной, парковкой и внутренним зеленым двором. В ее родном Люце таких не строили: центр был охраняемой исторической зоной, а окраины были полны однотипными девяти- и шестнадцатизэтажками, построенными еще лет тридцать-сорок назад.

Квартира Джека была стильной, но неудобной, по крайней мере, для двоих. В ней имелась небольшая спальня, где ночевал Джек, и куда Энца не заглядывала. Остальная часть квартиры представляла собой студию, с кухней, сверкающей хромом и глянцево-черными поверхностями, отделенной от остального пространства барной стойкой. В жилой зоне – все белое, от стен до мебели, кроме столика.

Кожаный диван оказался весьма удобным, несмотря на свою внешнюю декоративность.

Низкий кофейный столик темного дерева, где умещались теперь оба ноутбука, белая шкура на полу и стоящие вдоль стен белые стеллажи с книгами и безделушками: вот и вся обстановка. Энца попервоначалу оробела, боясь лишней раз до чего-то дотронуться, но следующее утро рассеяло иллюзию изысканной атмосферы.

Повсюду лежала пыль, на столике были многослойные круглые разводы от кружек, бокалов и прочей грязной посуды, которая громоздилась и на кухне, куда ни глянь. Собственно беспорядка не было, книги, диски, стильные безделушки и прочее лежали на стеллажах там, где их, видимо, положили давным-давно, и Энца решила, что отсутствие бардака говорит не о том, что Джек чистоплотен, а о том, что чудовищно ленив, чтобы что-то делать.

На утро после той самой попойки в клубе они встретились на кухне и долго, задумчиво изучали гору грязной посуды.

Джек – потому что еще не совсем проснулся и периодически зависал, а Энца потому что размышляла, стоит ли братья за все самой.

– Ты готовить умеешь? – наконец спросил Джек.

– Немножко, – отозвалась девушка.

– Насколько немножко? – заинтересовался он.

Энца пальцами показала, насколько, и Джек разочарованно вздохнул.

– Надо посмотреть, может еще замороженная пицца осталась. Или придется идти в супермаркет.

– Я не люблю пиццу, – отозвалась Энца.

– Правда? – поразился Джек. – Первый раз вижу человека, который не любит пиццу. Ее же не надо готовить.

Он прошел мимо нее и плюхнулся на подоконник, закуривая.

– Почему не надо? Ее все равно разогревают.

– А если заказать, то даже резать не надо, – сообщил Джек и вздохнул: до того бессвязный разговор у них выходил.

Энцу, видимо, тоже посетила подобная мысль и она шмыгнула носом.

– Давай лучше в магазин. Джек, по поводу... всего этого... давай я тебе платить за жилье буду?

– Не надо, – презрительно отозвался Джек.

– Ну, за еду тогда.

– Не надо, – повторил он и, насупившись, затушил сигарету в пепельнице. Подумал, и закурил следующую. Поглядел на ее сердитое лицо.

– Хорошо, – вдруг уступил он. – Если еще готовить будешь, покупай сама.

– На твоей машине, – быстро сказала она.

– Я за рулем, – так же быстро ответил он. – И поводить даже не проси.

Их дальнейшее гастрономическое обсуждение прервал двойной звонок: дребезжали оба их телефона.

– И где, мать вашу разэдак за ногу ее раздери, вас носит? – раздраженно поинтересовался лающий голос Якова.

Энца пораженно посмотрела на Джека: она и не знала, что можно сразу на несколько телефонов звонить, тот в ответ досадливо пожал плечами.

– Что, простите?.. – робко начала она одновременно с Джековым:

– Чего еще?

– Барбанегра написал жалобу, что вы второй день не являетесь на утренние тренировки. Или скрининги. Что там?.. – в сторону бросил Яков, и ему невнятно что-то ответили. – А, точно, тренировки-инструктажи. Короче так: руки в ноги и на двенадцатичасовое успеваете. Потом отработаете пропущенное.

Яков бросил трубку раньше, чем Джек успел сообщить ему, что они еще не завтракали, а испуганная Энца – что она не знала о тренингах.

– Тогда едем в кафе, – подытожил Джек.

Энца тут же запаниковала:

– Мы опоздаем, разве нет? И жалобу там уже какую-то написали...

– Не опоздаем, – по привычке спорить отозвался Джек. – Что это вообще такое? Тренинги-инструктажи, блин.

– Если бы вы были нормальными людьми, то знали бы, – поучительно сказала Анна.

Она выпросила у Джека сигарету и, воровато оглядываясь, пошла с ним в курилку. Энцу еще раньше увел Саган: мастера боя занимались в другом месте, и юный коллега взял на себя временное покровительство над Энцей, пообещав Джеку сдать ее потом с рук на руки.

– Саган запрещает курить, – пожаловалась она. – Говорит, что женщинам курить нельзя, это себя не уважать и все такое. Не говоря уж о последствиях.

– Ого, и ты слушаешься? – изумился Джек. – Кто ты такая и где настоящая Анна? Давно ты ее заменяешь?.. ладно, ладно, глупая шутка, не маши руками. Так, а чего там с этими инструктажами?

– А, инструктажи. Ну, мы все на них ходим летом, по расписанию, три

дня в неделю. Иногда лекции читают, иногда практические занятия проводят, чтобы не забывали навыки в каких-то малоиспользуемых ветках искусства. Скука, короче. Но обязательная: потом, когда обновляешь лицензию, смотрят всегда, какая там у тебя посещаемость. Мастера боя в основном практикуются в парах.

– Да? А где они занимаются?

– В новом корпусе и на стадионе за ним, – Анна с наслаждением затаила дыхание, выпустив дым, сказала: – А, ты знаешь, они так твою Энцу там ждут, посмотреть на этот ее фокус с разрезанием. Обсуждали вчера весь день, там целая толпа любопытных...

Джек кисло поморщился, затушил сигарету и, сунув руки в карманы джинсов, поплелся к выходу.

– Ну, я пошел.

– Ты куда? – удивилась Анна.

– Поклонников отбивать. Я ж ей обещал.

– Каких еще поклонников, – пробормотала Анна и торопливо докурила.

Пару секунд она колебалась: пропустить лекцию и пойти посмотреть, что там Джек учудит, или же не рисковать. Любопытство победило.

Хотя смотреть, как оказалось, вовсе не на что было. Занятия как занятия, Анна не раз присутствовала, жертвуя той самой посещаемостью ради возможности лишний раз полюбоваться энергично упражняющимися молодыми людьми. Саган не одобрял этого: для своих лет он был чересчур серьезен.

Новенькая в спаррингах не участвовала, она покоряла – и довольно ловко – полосу препятствий, под присмотром тренера, мрачного гороподобного Барбанегры.

Джек, который широко шагал впереди Анны, так что та и не смогла его догнать до самого стадиона, подождал, пока Энца закончит, издали крикнул:

– Эй!.. Энца! Все в порядке?

Энца обернулась, не удивившись, махнула рукой, мол, в порядке. Джек кивнул и, развернувшись, с той же скоростью полетел обратно.

– погоди! – возмутилась Анна и, хватая его за рукав, заставила сбавить скорость. – И чего, это все? Зачем мы сюда шли?

– Какого беса ты сюда шла, я не знаю, – отозвался как всегда грубый Джек. – Я проверить шел. Теперь мы еще на эту треклятую лекцию успеем.

– Джек!

– Чего?

– Ты девочке город уже показывал?
– Зачем?
– Ясно. Мы ее завтра забираем тогда, после инструктажа. Будем ее гулять.

– Да мне плевать, забирай. Что я, опекун, что ли?

Когда Анна залилась возмущенной тирадой, в основном о несчастных маленьких девочках, о которых надо заботиться, и о чурбанах, которым вообще на все плевать, Джек быстрым привычным движением заткнул уши. Анна не обиделась: они были давними коллегами, знакомы были еще с того времени, как Джек первый раз пришел в Институт парасвязей Гражина для регистрации.

Этим вечером планировался отдых. После нескольких достаточно утомительных часов занятий, да еще учитывая вчерашнее, Энца и Джек решили, что нужно расслабиться.

– Ну, ребята, что делаете? – бодро спросил Роберт. – У вас там дверь открыта.

Джек и Энца удивленно подняли головы: оба сидели за низким столом, уткнувшись в свои ноутбуки: Джек на диванчике, боком к двери, Энца, прямо на полу. Между ними, точнее, между поднятыми крышками ноутбуков, стояла круглая деревянная миска, доверху наполненная чипсами.

– Ужинаем, – отозвалась Энца.

Роберт и Донно синхронно обвели студию глазами: ни в едином углу этого пыльного помещения не было признака какой-либо еды.

– На вас не хватит, – предупредил жадный Джек и захватил порцию чипсов побольше.

– Это что?.. – поразился Роберт. – Вы вот... этим... питаетесь?

– Кукурузные, – пояснила Энца. – Очень вкусно.

Роберт закатил глаза, а Донно достал мобильный телефон и сосредоточенно стал набирать чей-то номер.

– А чего пришли-то? – спросил Джек, когда понял, что гости не на минутку заскочили, а собираются располагаться надолго.

Донно бубнил что-то на кухне в телефон, попутно хлопая дверцами холодильника и шкафчиков, а Роберт сидел рядом с Джеком на диванчике и благодушно улыбался.

– Ну как же, – сказал он. – Мы ведь коллеги, друзья, почему бы нам не заскочить.

– Ты последний раз «заскакивал» год назад, – подозрительно

прищурился Джек и снова захрустел чипсами.

– Ты слышал, снова митинг в центре устраивали? – дипломатично меняя тему разговора, произнес Роберт. – Все требуют равных прав для магов. Сожгли чучело министра Доли. Говорят, пытались спровоцировать драку, но не вышло. Прищучили их ребята из полиции, маг-бригада там была. Теперь орут о предателях.

Джек презрительно фыркнул: не особо интересовался политикой. Ему всегда казалось, что ею занимаются те, кто вообще ничего не умеет, только орать погромче. Особенно ребята из «Справедливой ассамблеи», банды, которую по ошибке называли партией.

Энца, как более вежливый человек, аккуратно закрыла ноутбук и отнесла его к стеллажам, где в углу скромно стоял ее чемодан на колесиках.

– Министра Доли? – переспросила она. – А что он им сделал? Он же по внешним связям.

– Он дал предварительное согласие на экстрадицию мага Шенке в Остзейде, – охотно ответил Роберт. – В прошлом году этот парень на границе с Остзейде запустил свой экспериментальный турбийон и прорвал пространство...

– Роберт, она не из деревни, – прервал его Джек. – Мы все эту историю миллион раз слышали.

Донно выключил телефон и вернулся к компании. Отобрал миску с чипсами, которыми уже всюю закусывал Роберт, несмотря на свое недавнее возмущение. Упер руки в бока и нахмурился.

Энца занервничала, поглядывая на Джека и Роберта, но те, похоже, не особо впечатлились, так что Донно пришлось забрать и ноутбук.

– Знаете, – сказал Джек озадаченно, – не фига вы на гостей не похожи. Нормальные гости не врываются без предупреждения, не забирают еду и технику. Делаем так: я отвлекаю, а ты, мелкая, вызывай полицию. Попробуй пробиться в туалет и позвонить оттуда.

– Я твой адрес не помню, – с сожалением вздохнула девушка. – Так и не посмотрела.

– Ну вот, из-за твоей невнимательности нам придется весь вечер провести в заложниках у этих типов, – раздосадованно буркнул Джек, а потом остро взглянул на Донно. – А куда это ты только что звонил?

– Подмогу вызвал, – ровным тоном произнес тот. – У вас совершенно пусто на кухне. И я нашел таракана.

Энца передернулась, невольно озираясь кругом.

– Ондохлый был, – успокоил ее Донно. – Даже таракану без еды не выжить.

– Боюсь предположить, но... уж не громкоголосую ли ведьму ты позвал?

– Джек, – укорил его Роберт. – Разве можно так о нашей старушке?

Джек довольно хмыкнул и развалился на диване, заложив руки за голову.

– Вот подожди, если она узнает, что ты ее старушкой назвал... не завидую...

Роберт заметно перетрусил. Закашлялся.

– Так я же в переносном смысле... Ты же меня не выдашь?

Джек лениво пожал плечами.

– Да ладно, что я, зверь какой?

Однако первым делом, едва Анна и Саган прибыли, он злорадно доложил магичке, как именно отозвался о ней Роберт.

Анна появилась в дверном проеме и долгим печальным взглядом посмотрела на Роберта. Одета она была в ниспадающее затейливыми складками зеленое платье, выгодно оттеняющее цвет глаз, и выглядела просто сногшибательно. Что не помешало ей грустно заметить:

– Так ты считаешь, что я... старая уже? Годы пролетели так быстро... а я все... моложусь...

– Да врет он все, – неубедительно отозвался Роберт и обратил отчаянный взгляд на Энцу. Девушка смущенно улыбнулась: она не представляла, всерьез они тут или так шутят, и потому понятия не имела, что сказать.

Саган, не обращая внимания на разыгравшуюся драму, поднырнул под локоть Анны и подошел пожать руки Донно и Роберту. С Джеком он обменялся холодным кивком. Стазил с дивана подушку и плюхнулся на нее рядом с Энцей. Потом спохватился и сказал Донно:

– Мы там продукты привезли, которые ты сказал. Помочь может чего надо?

– Я тоже могу... что-нибудь, – робко добавила Энца. – Порезать там или почистить. Правда, я плохо готовлю.

Это мгновенно переключило Анну на другой лад.

– Ты мой цыпленочек, – ласково воскликнула она. – Ничего страшного!.. мы тебя сейчас научим... Хотя, подождите-ка. Ты, надеюсь, не будешь потом готовить этому монстру и тирану? Он не постесняется поставить тебя у плиты и всю пользоваться твоими умениями... Мне вообще не нравится, что ты живешь у него!

Энца вздохнула.

– Да все хорошо. Я бы все равно не потянула снимать номер в

гостинице или комнату где-нибудь до сентября.

Анна всплеснула руками, тут же проникаясь тяжелой судьбой бедной сироты, оказавшейся первый раз в большом городе, среди подозрительных типов и прочего...

– Я не сирота, – защищаясь, попыталась вклиниться в сетования Анны девушка. – И Люц только чуть-чуть меньше Гражина...

– Да не слушай ты ее, – махнул рукой Саган. – Завелась опять. Пойдем готовить. Я, правда, сам не большой спец, но Донно у нас просто шеф-повар.

– Записывай там все, на всякий случай, – посоветовал ей в спину Джек и сразу же заработал тяжелый укоризненный взгляд Анны. – А ты представь, что будет, если я начну готовить? Нас же будет не спасти.

– Да, талант к готовке у тебя небывалый, – вынуждена была согласиться Анна. – Но эксплуатировать девочку я тебе не позволю.

– Ты едва ее знаешь, – возразил Джек. – А уже нагородила черти чего. Не переживай, она сама за себя постоять может.

Анна лишь вздохнула, подумав, что Джек хоть и прав – может быть! – но такой самодовольный гад, что спускать ему этого нельзя. И назло ему начала спорить, пока не довела его до белого каления. Донно, чтобы успокоить их свару, вернул миску с чипсами и выдал по бутылке пива. «Пиво, – протянула недовольно магичка. – Может вина? Что это ваше вонючее пиво...»

И тут она подскочила, завопив так, что – как потом утверждал Джек, – у него бутылка в руке завибрировала.

Перекатившись через барную стойку, Саган бухнулся рядом с Анной, автоматически принимая боевую стойку.

– Таракан, – выдохнула она, указывая на несчастное, давно мертвое насекомое, случайно прилипшее к рукаву Донно.

– А, это тот самый, которого я нашел, – равнодушно сказал тот и сделал было движение, чтобы стряхнуть насекомое.

Анна рванула назад, снова завопив.

– Да ладно, ладно, – неожиданно засмеялся Донно. – Пойду беднягу в унитаз спущу, не переживай.

– Шутник чертов, – чуть ли не со слезами сказала ему вслед Анна.

Саган вздохнул терпеливо и ушел обратно, а Джек и Роберт, обменявшись взглядами, дружно грохнули хохотом.

– Чего ржете? – недовольно спросила Анна. – Тоже мне, рыцари.

– Я их тоже боюсь, не переживайте, – подала голос Энца.

Анна вздохнула.

– Сейчас я заклинание прочитаю, девочка моя. Оно тут всех насекомых убьет.

– Здорово, – уважительно отозвалась Энца, которая не видела, как покосилась магичка на Джека и Роберта, явно причисляя последних к тем самым насекомым.

Пару дней спустя, вспоминая этот эпизод, Энца посчитает его предзнаменованием.

Джек тоже вспомнит, но с досадой, потому что тогда не слушал Анну более внимательно.

История четвертая. Несработавшая ловушка

– Почему все время ночью, а, Джек? – рассеянно спросила Энца.

Она сидела над своей сумкой, перебирая новенькое, недавно выданное оборудование. Джек хлопнул дверью машины и присел рядом с ней на корточки.

– Сама догадаешься? – сухо спросил он и выудил из ее рук серебристую пирамидку. Талисман-ловушка, который следовало напитать специальным бальзамом, настоящим на крови, и активировать заклинанием. Аналог той, которую в первую их встречу использовала Энца.

– Ну, первый раз так вышло случайно... ну, и не совсем ночью. А потом, с перевертышем в парке и той штукой с кучей хвостов...

– Скипанцией.

– Ага, скипанцией. Там специально вызывали в ночь, и неотложно.

– Если у вас, в Люце, не так, тогда ты не поймешь. У нас в ночь вызывают тех, кого... не жалко.

– Не жалко? – переспросила Энца.

– Не жалко. Совсем.

Энца пожала плечами: ей было не привыкать. Большинство коллег довольно пренебрежительно относились к ней, и хотя в Люце не было принято деление на ночные и дневные смены для избранных и не очень, те редкие задания, что доставались ей, отличались... нет, скорее не отличались приятностью.

– Понятно, – отозвалась она.

Девушка поправила небрежно воткнутую Джеком во взрытую землю газона пирамидку и полила ее из пузырька особым составом. Потом осторожно ткнула пальцем в верхушку, утапливая ее вниз. Джек тем временем бросил сумку на капот машины.

Энца взяла его за руки, и оба прикрыли глаза, совершая передачу энергии от одного к другому. Должно быть, со стороны смотрелись они сомнительно, но в этот поздний час смотреть было некому. Напарники стояли на пустой парковке, примыкающей одним концом к маленькому скверу, скромному треугольнику зелени и клумб, и другим к небольшому тупику. Окна в окружающих домах были темны.

Достав из кармана записную книжку, в которой она записывала формулы заклинаний, Энца прочла одно из них. С любопытством юных натуралистов оба склонились над пирамидкой: ничего не произошло. Собственно, как и в прошлые два раза, но тогда они не догадались обмениваться энергией до установки артефакта.

– Надо подождать, вдруг получится – неуверенно сказала Энца. – К тому же, мы, может, просто не видим. Если там аура какая сменилась у нее.

Джек пожал плечами и огляделся. У входа в сквер, недалеко от них была изящная кованая скамейка с деревянными планками сидений.

– Идем, подождем там, – сказал Джек. – Я покурю, а то рядом с этими агрегатами курить нельзя.

Энцу воспитывали в строгом уважении к правилам охоты: не отлучаться далеко от активированного амулета, не двигаться лишний раз, не говорить. Джеку не была свойственна такая щепетильность, и он считал, что все эти правила в основном для новичков.

В этот раз они решили не ссориться по этому поводу: пару дней назад с перевертышем в парке они едва не попали в беду. Не заметили, как он подкрался. Пока они препирались, стоя над пирамидкой, монстр-объект тихо прошуршал по траве, оказавшись за спиной у Энцы. Щелкая челюстями, рванул к ее горлу, и девушка от неожиданности рубанула так, что перевертыш, которого вообще полагается ловить живым, развалился на две неравные части.

Джек, вынимая на ходу сигареты и зажигалку, зашагал к скамейке. Энца решила остаться на месте и наблюдать.

Долго не пришлось.

Крупный, диаметром около метра, с размытыми границами клубок плавно катился в сторону пирамидки, неотвратимо влекомый запахом крови и магического состава. Вот что было хорошо: для активации зова не нужно было заклинание, только снадобье. Заклинание требовалось только для того, чтобы удержать привлеченное существо на месте.

Энца нахмурилась и потянулась было к сумке на машине, чтобы свериться с листом задания: ей казалось, что ничего о шарах там не было...

Джек стоял спиной, отвернувшись от ветра. Зажигалка барахлила и

никак не давала искру, так что он, зажав сигарету в зубах, сосредоточенно щелкал колесиком. Джек вздрогнул, услышав вопль Энцы, и резко обернулся.

Шар рассыпался, расползся, оказавшись скопищем крупных желтовато-коричневых насекомых, с ладонь размером. Они окружили пирамидку, за пару секунд воздвигнув над ней мерзко шевелящуюся, тихо шуршащую гору. Хитиновые спинки тускло поблескивали в свете фонарей.

Энца, чье отважное сердце дрогнуло перед этой угрозой, отступала назад.

– Тараканы, это тараканы, Джек, – ошеломленно повторяла она, пока Джек на схватил ее за плечо, крепко сжав.

– Ловушка должна сработать, – морщась от вида копошащихся тварей, сказал он.

Оба замерли, ожидая.

Энца сжала кулаки, на всякий случай готовясь выпустить воздушные лезвия.

Джек, стараясь двигаться плавно, полез за телефоном в задний карман джинсов.

Тараканы вдруг прыснули в стороны, перебирая тонкими лапками.

Ловушка не сработала. Так же, как с достопамятной амфисбеной.

Энца передернулась, когда насекомые стали разбегаться. Они двигались не так быстро, видимо, все же оглушенные магией, беспорядочно кружились и сталкивались друг с другом, но тем не менее покидали двухметровый радиус захвата ловушки.

Джек не задумываясь задвинул Энцу себе за спину, другой рукой держа телефон и вызывая диспетчерскую. Он кратко обрисовал ситуацию, назвал адрес.

Девушка, которая ответила на вызов, удивилась.

– В чем проблема? По базе ваш вызов классифицирован как Д, первой сложности. Зачем вам подкрепление? Понимаете, по инструкции не полагается подкрепление.

– Потому что мы не справимся с ним, тут чертова сотня насекомых...

– Я вам говорю, это первая сложность. По правилам на такой вызов не высылаются больше одного наряда.

Энца тем временем пришла в себя и скользнула вперед, нырнув под локоть Джека. Она попыталась воздушными клинками согнать тараканов обратно, затем трансформировала клинки в один большой молот и стала методично долбить по разбегающимся тварям.

Асфальт шел трещинами, дерн с газона летел крупными кусками в

разные стороны, вместе с разноцветными лепестками космей и фиалок. Тараканы по большей части избегали ударов, но те, которые попадали под молот, уже не двигались, расплющенные в коричневое месиво с белыми жирными пятнами внутренностей.

Энца вошла в состояние священной ярости, почти не касаясь земли, она стремительно перемещалась, обрушивая свой молот на скопления побольше, потому что по одиночкам попасть было практически невозможно. Они ловко уворачивались, как мухи от свернутой газеты.

Джек, уже перешедший на повышенные тона в разговоре с диспетчером, одновременно прикидывал, что если он попробует сейчас что-то сделать, то всего лишь расшвыряет тварей по городу, вместе с деревьями – и Энцей. Последнее останавливало его больше всего.

Энца не слишком преуспевала, разможенных тварей было намного меньше, чем живых, но тем не менее кое-чего она добилась. Тараканы прекратили разбегаться и, напротив, стали стекаться в ее сторону. Когда несколько насекомых вскарабкались на ее ноги, Энца издала оглушительный ультразвуковой вопль, скинула их и стала прыгать на месте, пытаясь раздавить их кроссовками.

Безрезультатно. В ней едва ли было пятьдесят килограммов живого веса, но это не приносило никакого ущерба тварям из заповедья, которые были только ненамного меньше ее подошв.

Джек послал к чертям диспетчера, которая достаточно терпеливо пыталась ему объяснить, что она не имеет права никого больше отправлять и даже попыталась ему напомнить формулу заклинания от насекомых. Послал достаточно нецензурно: время поджимало.

Он не видел никакой опасности для Энцы сейчас – вроде бы насекомые не кусались, но черт его знает, что будет дальше. Все, что он знал о подобных существах, это то, что они являлись аккумуляторами отрицательной энергии, и если пробирались в жилье незамеченными, становились источниками неприятностей и психических расстройств. Чем дольше такой «таракан» жил в доме, тем больше бед и проблем происходило. Но вот чтобы они сами на кого-то нападали? Не было такого.

Хотя кто его знает, может, сейчас и кусаться начнут.

Набирая другой номер, Джек торопливо пошел к Энце. Он был гораздо тяжелее, и поэтому расшвыривать насекомых было легче.

– Идем, – сказал он ей и поднял, обхватив одной рукой за пояс.

Энца не сопротивлялась, но пыталась продолжать свой бой, посылая направленный воздушный вихрь на тварей.

– Успокойся, – напряженно сказал Джек, – а то сейчас опять в минус

уйдешь. Я звоню Анне, попробуем то заклинание, которое она у меня дома читала.

Анна была недоступна, зато ответил Саган, который пообещал прислать слоговые узлы заклинания сообщением и сказал, что выедет сразу же.

Им не удалось выбраться из круга насекомых, твари следовали за напарникам, громоздясь друг на друга волной, захлестывая Джека почти по колени. Кажется, их не становилось меньше, несмотря ни на что.

– Поставь меня, – крикнула Энца, стукнув его кулаком в спину. – Поставь, я их буду дальше молотом!..

Джек тем временем вернулся к мысли поднять шторм и расшвырять треклятых тараканов на все четыре стороны. Пусть потом те шутники, которые устроили им этот вызов, отлавливают по подвалам и чердакам отдельных особей. Эти весьма неблагородные мысли Энца все же умудрилась прервать, выскользнув из его захвата.

Она, зашипев от ярости, отпихнула пару особо рьяных тварей, забиравшихся по джинсам Джека вверх, и снова сотворила молот. Обломки асфальта полетели в стороны, задевая и Джека, и машину, и других тараканов. И только этим последним никакого ущерба от обломков не было.

Телефон пикинул весьма вовремя: Энца начала выдыхаться, а самообладание Джека истощилось до нитяной толщины.

– Читай! – крикнула Энца, верно поняв, что за сообщение. – Я буду повторять!

– Сдурела?! – крикнул в ответ Джек и приложил сразу пятерых доской, выуженной из обломков скамьи. – Тут весь квартал снесет!

– Тогда давай телефон!

Они поспешили друг другу навстречу: Энца рассеяла молот в воздухе, схватила телефон и спряталась за спиной Джека.

Надо было сосредоточиться. Сразу после обмена энергия так и бурлила в ее крови, даже казалось, что тело стало легче и можно взлететь, едва шевельнув пальцами. Теперь от этого и следа не осталось. Хватит ли, чтобы запустить заклинание?

– Попробуй взять у меня еще, – сказал Джек, который думал о том же. – Даже если не выйдет, я приложу тут их всех остатками.

Энца кивнула, хотя он не мог видеть, и, сунув телефон в карман, взяла Джека за локти. Закрыла глаза. Напряжение не давало ей сосредоточиться, и старый мыслеобраз о светящемся шаре никак не формировался. Энца вздохнула глубже, выдохнула. Прижалась лбом к напряженной спине

Джека, которому тоже пришлось замереть, чтобы не мешать ей, и сконцентрировалась.

Ноги – длинные корни, уходящие в бесконечную глубину земли. В центре живота – сияющий шар энергии. Вдох – по рукам к нему идет сила. Выдох – от него по всему телу расходится.

В этот раз Энца прервалась, когда почувствовала легкость. Даже головокружение, будто выпила лишнего.

– Ты как? – невнятно спросила она.

– Нормально, – отозвался Джек. – Только это дерьмо уже по ногам ползет. Давай уже заклинание.

Энца закивала торопливо, потопала ногами, отгоняя тараканов, и вытатила телефон.

С первого раза не вышло. То есть вообще ничего.

– Давай еще раз, – сказал Джек и, не сдержавшись, выругался.

Дерьмовая и мерзкая ситуация. Как же кому-то было весело отправить их, двоих недомагов именно туда, где нужно настоящее искусство, а не их боевые приемы или неуправляемые бури?

Энца срывающимся голосом повторила заклинание.

Тараканы вдруг затихли. Энца осторожно выглянула из-за Джека, оглядывая развороченный сквер и парковку.

В этот раз оба выругались синхронно.

Тараканы уходили. Организованно и тихо расползались в разные стороны.

Энца почувствовала, что от злости темнеет в глазах. Едва не сбив Джека с ног, она рванулась за насекомыми, взлетая в воздух и на ходу запуская молот.

Только это остановило Джека от похожих действий: вид разъяренной напарницы, которая без толку крушила налево и направо, едва попадая по тараканам.

Джек, приходя в себя, рванул вперед, уворачиваясь от ее молота и снова хватая поперек туловища.

– Успокойся! – крикнул он ей в ухо и тут же чуть не поперхнулся ее короткими волосами, когда она замотала головой.

– Пока Саган не приедет и не привезет Анну или кого найдет, давай сделаем, что можем, но не так... Да стой ты! Успокойся! Ты все равно не попадаешь по ним!

Энца зашипела как сердитая кошка, но утихла.

– Давай так, – сказал Джек. – Ты пробовала когда-нибудь энергию на расстоянии брать? Ну и... ладно. Теперь попробуй. Попробуй взять из них,

а если не выйдет, я того...

Он поморщился, потирая правое плечо.

– Ну давай, Энца.

Помимо Анны, которая спала и потому отключила телефон, Саган вызвонил и Донно. Роберт был на ночном дежурстве в лаборатории, поехать не смог. С Донно им повезло: тот был за рулем, и после всех сборов, доехали они довольно быстро. В дороге Саган торопливо печатал сообщение под диктовку зевающей Анны.

Минут десять назад, когда он ее разбудил, она просто подскочила на месте, узнав о беде, которая настигла их незадачливых коллег. Но теперь усталость взяла свое, и, едва убедившись, что Саган записал все правильно, магичка заснула, свернувшись калачиком на заднем сидении.

Донно по своему обыкновению молчал. Им обоим был достаточно известен район, где находились сейчас Энца и Джек, так что ехали быстро, срезая путь по переулкам, где это было возможно.

Когда оставалось всего лишь повернуть за дом, чтобы попасть к скверу у Литейного тупика, впереди глухо бухнуло. Взрывной волной беззвучно прянул в стороны ветер, и его порывом машину Донно закачало и ощутимо развернуло.

Анна скатилась с сидения на пол и в испуге закричала.

– Что? Что это? Мы врезались в кого-то?

– Да нет, – напряженно ответил Саган. – По-моему, это Джек.

За углом разгоралось зарево. Полные дурных предчувствий, маги оставили машину и поспешили вперед. Анна причитала на ходу, жалуясь на странные ощущения и подозрительно темные эманации.

Горела мусорная урна у входа в сквер. Ну, где раньше был сквер, если быть точным.

Ровно в центре разрушений, среди развороченного асфальта парковки, вывернутого дерна и разоренных клумб сквера, стояли двое и довольно растерянно оглядывались. Вокруг них был ковер из размозженных и высушенных тел насекомых.

История пятая. Выговоры и награды

Яков сцепил пальцы, оглядывая напарников поверх очков. Энца и Джек сидели на диване в его кабинете: просто примерные школьники, руки на коленях, спины прямо. Джек, правда, начал уже утомляться от этого,

закинул ногу на ногу и нервно качал ею.

– Подытоживаю. Вы оба не могли справиться. Отдавали себе в этом отчет. И вроде бы сделали, как полагается: сообщили в диспетчерскую.

– Я все этой дуре объяснил. А она заладила: не полагается, не полагается, – вздохнул Джек.

Под свинцовым взглядом Якова он умолк и пожал плечами.

– Значит, не так объяснил. С дежурным диспетчером тоже будет проведена работа...

– Ее накажут? – воодушевился Джек.

– Джек! – рявкнула дама, которая присутствовала при разбирательстве.

Энца не расслышала ее имя, а переспросить не решилась: очень уж та выглядела грозно. Крупная, с черными широко расставленными глазами на угловатом плоском лице. Она то и дело поджимала ярко накрашенные губы, скрестив на пышной груди полные руки, и всем видом выражала недовольство. Толстые пальцы, унизанные кольцами, несколько браслетов, крупная подвеска на груди, короткие черные волосы и мешковатые, но стильные черные одежды. Настоящая ведьма. Энце она напонила ее наставницу, только та была сухощавой и более... спортивной.

Ни Энца, ни Джек не могли «прочитать» эту даму, иначе бы у них, как у Якова рябило в глазах от магического фона, создаваемого всеми ее побрякушками-артефактами. Магом дама была довольно посредственным, зато обладала весьма целеустремленным характером и твердым пониманием того, как все должно быть устроено на этом свете. В свои сорок с небольшим она занимала завидную должность главы Дисциплинарного комитета магов.

Энца еще не знакома была с ней, а вот Джек знал достаточно хорошо. Она была в составе кураторского совета еще в начале его учебы, и ее неодобрительный взгляд год за годом сверлил бедную белобрысую голову незадачливого подростка, то и дело попадающего в неприятные и все более опасные истории, по мере того, как высвобождался его внутренний потенциал.

Офелия всегда придерживалась принципа «правила должны быть соблюдены, а те, кто их нарушил – наказаны». С одной стороны это всегда давало надежду на то, что справедливость будет восстановлена. С другой... ну, Джек всегда оказывался на той, другой стороне. Когда тот, кому надо воздать по справедливости, это именно ты.

– Я не могу вас упрекнуть в том, что вы не покинули место инвазии... инструкция предполагает, что бригада, прибывшая по вызову, обязана довести дело до конца, но... так, если логически размышлять... нахрена вы

там остались торчать? Ни один из вас не может связать никакого заклинания. Толкового, во всяком случае. То недоразумение, следы которого обнаружили техники после всего, не считается. Вы знали, что большое количество инсект-объектов первого уровня способны выпивать энергию магов?

«Вот оно что», – подумала Энца, испытывая это на себе.

Джек, который этого вовсе не заметил, хмыкнул.

– Ясно, – кивнул Яков. – Не знали. Неучи чертовы.

– Яков, я бы хотела вынести на следующую повестку встречи Коллегии институтов вопрос о проверке компетентности дежурных магов. Скажем, ввести ценз по выпускному баллу теоретической части...

Энца обиженно вскинулась.

– У меня диплом с отличием, – тихо сказала она. – Но некоторые вещи на лекциях не рассказывают. Вы бы лучше ввели какие-то... занятия для дежурных-новичков.

– Например, тренинги-инструктажи? – с обманчивой благожелательностью кивнула дама. – Те, которые вы с напарником благополучно пропускаете... я бы сказала, *систематически* пропускаете.

Нет, никогда. Никогда Энца не была в таком положении. В учебе, посещаемости, готовности к ответу и экзамену она всегда была на высоте. Ни единого слова укора от кураторов и преподавателей она не слышала. Молчаливое презрение коллег по поводу ее способности к работе было уже потом.

А сейчас происходящее казалось дурной шуткой. Кто эта девушка, которую ругают за прогулы и незнание теории? Это не Энца, а кто-то другой. Не она.

«Прекрати, – прошипел раздраженно Джек, который заметил, как она беспокойно расширив глаза, стала суетливо дергать край рукава. – Успокойся!»

– Уважаемая Офелия, – сказал Яков. – Тут ничего криминального нет. Оба этих субъекта ранее были освобождены от посещений тренингов-инструктажей.

– О боже, Яков! – раздраженно воскликнула дама. – Разве в этом дело? Вопиющая неграмотность ваших сотрудников едва не вызвала большой скандал, мы еле успели это все выставить... хм... оправдаться. А что говорить о причиненном ущербе? Их зарплата и на четверть покрытия убытков не хватит. Я вообще не понимаю, почему вы до сих пор продляете его лицензию и держите его на окладе... Вы знаете, что из столицы звонил сам Ингистани? Глава Дисциплинарного совета страны, между прочим. И

что я ему говорила? Байки про мальчика, у которого не устоялась сила, уже проходят.

Дама окинула взглядом и Энцу.

– Несмотря на то, что вы смогли подобрать напарника, я, честно говоря, сомневаюсь, что эти двое вообще на что-то способны. Кроме разрушений. Не в обиду вам будет сказано, уважаемая... м-м-м... запамятовала имя...

– Энца, – сказал Джек и вдруг широко, обаятельно и совершенно фальшиво улыбнулся. – У вас всегда такая плохая память была, уважаемая Офелия.

Дама заметно подобралась: это ее задело, но она быстро взяла себя в руки.

– А тебе, Джек, помолчать бы, – холодно сказала она. – За неуважительное отношение к членам Дисциплинарного комитета можно получить как штраф, так и выговор.

Джек склонил голову к плечу.

– Да? И что?

– Джек, – равнодушно оборвал его Яков. – Не в ту степь тебя несет. Собственно говоря, мы вас и вызвали, чтобы объявить выговор, который будет занесен в ваши личные дела... и выяснить некоторые обстоятельства.

– Что-то не так? – чутко вскинулась Энца. – Кто-то из... них, тараканов, ушел... или пострадали люди?

– Нет, – помолчав немного, отозвался Яков. – Ни то, ни другое. Кто-нибудь из вас не заметил ли... чего-либо? Свет, звук? Всплеск энергии?

Он знал, что этот вопрос по меньшей мере глуп. Оба, судя по многочисленным жалобам местных жителей, поступивших на следующее утро в Дисциплинарный комитет, сами производили изрядный шум. Орали, не переставая, как указывали свидетели, что уж говорить о грохоте от ударов Энцы и шуме шквала, вызванного Джеком.

Подожженная урна и огненный язык, вспыхнувший на миг. Отсутствие способностей к тонкому «чтению» магии. Где тут можно было заметить подозрительный свет или звуки...

Но задать вопрос следовало.

При Офелии не стоило нарушать правила.

Джек и Энца синхронно переглянулись и покачали головами: что и следовало ожидать.

– О, боже мой, – возвела глаза к небу Офелия. – Что за жалкое зрелище. Почему вас вообще туда послали?

– Вот и я удивился, – вежливо согласился Джек. – Я спрашивал, но мне

не сказали.

– А что, собственно, произошло... еще? – спросила Энца.

– Мониторинг показал небольшой всплеск энергии, отличный от человеческой магии, который произошел в той же точке, – не обращая внимания на предупреждающий взгляд Офелии, сказал Яков. – Но тут такое дело... энергия, судя по остаточным следам, принадлежит нашему миру.

– А что там было раньше? – живо спросила Энца. Она любила детективы. – Может, прорыв тараканов открыл какой-нибудь старый могильник? Или кого-то они привлекли из спящих под землей? Или...

– Вы, я вижу, веселитесь, – обвиняюще сказала дама. – Попрошу вас быть серьезнее. Если выяснится, что это вы были причиной явления неизвестного объекта, то ответите по всей строгости закона. Я понятно объяснила?

– Вполне, – тихо отозвалась Энца.

В этот достаточно патетичный момент у Джека завибрировал телефон: уже второй раз за встречу. Не глядя, молодой человек нажал отбой, но лицо его поскучнело: видимо, это было что-то неприятное.

– Возвращаемся к сути дела, – продолжила Офелия. – Так как вы оба едва начали свою практику после длительного перерыва, на вчерашнем заседании Дисциплинарного комитета решено было сделать скидку... поэтому вы оба не отстранены. Штраф будет минимальным, а возмещение убытков... вас не касается. Не стоит так оживляться, Джек. До наказания я еще не дошла.

– Так будет еще и наказание?

– Тебе ли не знать, – сухо обронила дама. – Естественно. Любой проступок следует искупать. С сегодняшнего дня и далее вы оба переведены на другой уровень. Вызов не выше Зи-4.

Она помолчала, втайне наслаждаясь вытянутым лицом Джека и расстроенным, но недоумевающим Энцы. Недомаги. Ошибка природы. Угроза гражданскому населению.

Уровень «Зи» предполагал сложные случаи, крупные объекты с малым магическим фоном или же устойчивые к магическому воздействию, но при этом крайне опасные ввиду каких-либо физических характеристик.

Это еще слишком слабое наказание. Жаль, что нельзя отправить их работать манекенами на тренировочный полигон.

– Помимо этого, на вас будут все вызовы с пометкой «a posse». То есть будете проверять всю эту чушь, которую на нас вываливают граждане.

– А posse? – переспросила Энца. Латынь она знала, но порой

местечковые чиновники изобретали свои пометки для различных нужд.

– А posse ad esse, – пояснил Яков. – Значит, непроверенные слухи, письма с жалобами на привидения, вампиров и русалок.

– Ух ты, – невольно восхитилась Энца и тут же скисла под игольно-острым взглядом Офелии.

– Умственный уровень ваших сотрудников также поражает, – прокомментировала Офелия, а Энца залилась краской по самые уши. – Сколько вам лет, милочка? Вы же только после окончания Академии? Восемнадцать? Девятнадцать?

– Двадцать четыре, – буркнула Энца, и Джек в изумлении уставился на нее. Он, как и Офелия, полагал, что ей едва ли больше девятнадцати.

Впрочем, Саган тоже выглядел как вчерашний студент, а был ровесником Джеку и, получается, Энце.

– Я все равно старше, – сообщил Джек.

– Помолчи, Джек, – в унисон сказали Яков и Офелия.

Офелия на секунду прикрыла глаза и несколько театральным жестом прижала кончики пальцев ко лбу.

– Каждый раз... каждый раз, когда я сюда попадаю... этот ваш балаган утомляет меня невероятно. В детском саду малышам проще объяснить, чем вам... Джек, прекрати играть с телефоном... Я хочу, чтобы вы оба поняли: вы наказаны. И это наказание, на мой взгляд, еще чересчур легкое. Вы оба... позорите других магов, ваша топорная работа на Литейном тупике стоила всем немало сил и нервов.

Где-то после первой фразы Джек привычно отключился от льющихся рулад Офелии, достал телефон и посмотрел, кто вызывал его... вздрогнул скорее не от замечания дамы, а от того, что подтвердились его опасения.

Покосился на Энцу: та с выражением откровенного ужаса на лице не отрываясь смотрела на Офелию, и глаза девушки медленно стекленели.

Джек фыркнул про себя: на незнакомых еще с ней людей Офелия всегда производила такое впечатление, когда еще пару дней после ходишь с осознанием того, что виноват во всех человеческих бедах и самое правильное, что надо сделать, это побыстрее утопиться и желательно так, чтобы никого потом не травмировать своим неблагожелательным видом. Энце будет тяжело, она и так горазда сама себе накручивать... тут Офелия нашла себе верную жертву.

На их счастье помощник Офелии, который приехал с ней и тихо ждал в углу на стуле, очень вежливо прервал ее, напомнив о следующей встрече. Дама отбыла, позвякивая браслетами, попрощавшись только с Яковым, хотя Джек весьма радушно желал ей доброго пути и здравия.

– Ну что, мы свободны? – бодро спросил Джек.

– Погоди еще, – проскрипел Яков. – У меня осталась пара вопросов. Во-первых, хочу подробнее узнать о твоём способе забора энергии, Энца. Во-вторых, расскажите, каким образом вы двое вызвали огонь? Техники не обнаружили и следа необходимого для этого заклинания, ну и о стихийном огне нечего и говорить.

– Так мы... зажигалкой, – робко ответила Энца. – У Джека как раз барахла, я подкрутила мощность на максимум и мы на нее... кислородом. То есть я воздушным клинком рассеяла. Ну, чтоб жуков поджечь.

Яков пару секунд смотрел на них поверх очков, и глаза его были почти такие же квадратные как и оправы. Потом он оперся лбом о руку и вздохнул. Энца не поняла, а Джек увидел, как начальник скрывает усмешку.

Смешно ему. Сам бы попробовал на их месте.

Яков повздыхал еще, успокаиваясь. Отер крошечные слезы от сдержанного смеха согнутым пальцем.

– Ну, это ладно. Вы у меня, конечно, молодцы, что тут сказать...

– Молодцы? – поразила Энца. – Но... выговор и вот...

– Офелия всегда чересчур строга, – отмахнулся Яков. – По факту все издержки покроются из городского бюджета, потому что Комитет выставил это дело как геройский поступок. Два простых патрульных низшего ранга в одиночку справились со сложнейшим делом, спасли целый квартал, а может и весь центр. Вы этого, конечно, не слышали, если что. Это педагогическая тайна, чтобы не зазнавались.

– Но... нас-то наказали, – отозвалась Энца.

– Не так уж сильно, верно? Выговор и перевод. К тому же вы действительно нагородили много такого, что не делают даже младшие студенты Академии. Джек нарушил свой гейс, что само по себе чревато временной потерей лицензии. Пока всё спустили на тормозах, но в следующий раз...

Энца вздохнула, а Джек уже достал сигарету, собираясь уходить.

– Ну, если больше наказывать не будут, я все-таки пойду, – сообщил он.

– Нет, Джек, – проскрипел Яков. – Мне уже прислали сообщение, что ты не отвечаешь на вызовы тестировщиков, а они тебя сегодня ждут.

Джек помрачнел, а Энца подумала, что это верно те самые звонки были, которые во время разбирательства он отклонял.

– Хорошо. О технике напишешь мне краткий отчет, – обратился к Энце Яков, – и пришлешь на почту. А пока идите уже.

– Есть планы? – спросил Джек, когда они уходили из приемной Якова. Энца покачала головой.

– Хочешь посмотреть на лаборатории?

– Это куда тебя вызвали? А что ты там делаешь?

– Собственно, работаю там. Свинкой.

Девушка удивленно нахмурилась.

– А они что, ставят эксперименты на тебе?

– Ага, – отозвался Джек.

Больше он ничего не говорил, а Энца постеснялась спрашивать.

Через узкий черный коридор они вышли на улицу, потом по вымощенному серыми плитами дворику прошли к длинному шестиэтажному корпусу. Безликая бетонная коробка без всяких изысков и украшений, решетки на первых двух этажах, зеркальные стекла на последнем.

Джек мрачнел с каждой минутой, широко шагал, засунув руки в карманы и мусоля незажженную сигарету во рту.

– Это Птичий павильон, – неохотно пояснил он. – Тут всегда были лаборатории, но в шестидесятых старое здание снесло взрывом. У них в принципе постоянно что-то происходит, то пожар, то замыкание, то наводнение. Смотри в оба, короче.

Энца поставила себе на заметку узнать потом, как павильон выглядел раньше. Наверняка что-то более интересное, чем сейчас.

Красивые здания Энца тоже любила, и не раз думала о том, что не сложись ее жизнь таким образом, то пошла бы учиться на архитектора. Жаль, что с середины прошлого века магам запрещено заниматься архитектурой. «Хотя вон в Азии таких запретов нет, и в Новом свете... но у них свои ограничения, может и похуже наших будут», – думала Энца, перепрыгивая через каждую вторую плиту дворика.

В Новом свете так и вовсе постоянные стычки между гражданскими и магами, где-то спокойно живут, а где-то воюют не переставая. Говорят, что в Азии теневые кланы магов подмяли под себя правительство, а несогласные люди партизанят, жестоко вырезая целые семьи, где рождаются маги.

В соседнем Остзейде магов сильно не жаловали – территория стабильная, защиты почти не требовалось. На зверства, происходящие там, остальные страны Старого света смотрели сквозь пальцы, хоть и не одобряли. Худой мир лучше доброй ссоры, как говорится.

Задумавшись, Энца несколько раз чуть не упала, споткнувшись. Плиты

становились все выщербленнее. Глубокие царапины, подпалины и сколы щедро усыпали каменную поверхность. Самая глубокая трещина змеилась от пояса рун вокруг здания до бетонного крыльца.

Пока Джек разговаривал с дежурным на проходной, Энца разглядывала план эвакуации на стене, пытаясь представить, что там такое расположено. Но план был весьма условен: помещения были маркированы только цифрами, без пояснений, так что было непонятно, что где находится. Были и обширные помещения, и маленькие кабинеты, соединенные запутанными переходами и коридорами.

Рядом в рамке висел еще схема: на желтоватом листе, обгоревшем с одного края, здание других очертаний, более причудливых, с круглыми выступами по углам, двумя крыльями позади и овальным холлом. Судя по всему, то самое, старое здание.

Лаборатория, в которую они шли, находилась на втором этаже. Джек рассказал, что на подвальных этажах лаборатории посерьезнее, высотой в два, а некоторые и в три этажа, есть даже нечто вроде зверинца, где держат нескольких объектов G-типа. То есть крупных немагических тварей.

– Туда тоже приходится ходить, – туманно сказал Джек, но расспросить Энцу не успела: они подошли к двустворчатым металлическим дверям лаборатории.

Небрежным крупным почерком, черной краской на них было написано «№4». Около ручки и замка темнели обширные подпалины, на одной из створок была небольшая выпуклость с полметра в диаметре. Энца попыталась представить, что же такое могло врезаться изнутри, что металл выгнулся, но фантазии не хватило.

Ручка едва не вывалилась из гнезда, когда Джек со скрипом ее повернул. Молодой человек чертыхнулся, вставляя ее на место. Внутри ярко горели люминесцентные лампы, но помещение было скрыто за белой ширмой на колесиках и несколькими шкафами, которые образовывали что-то вроде прихожей.

Рядом с дверью стояла погнутая вешалка на одной ножке и пластиковый стол с несколькими стульями. За ним, сильно сутулясь, сидел молодой человек и пил чай. Едва он их увидел, как грохнул кружку о стол и резко встал.

– Джек, ты совсем обалдел! – вместо приветствия воскликнул он. – Мне пришлось к Якову обращаться, чтобы тебя найти. Почему к трубке не подходишь?

– Я занят был, – ответил Джек. – Здорово, Ван-Лир.

Длинный, очень худой парень с коротким ершиком белых волос и

круглыми совиными глазами, спрятал мосластые руки в карманы длинного халата и сердито уставился на Джека. Халат был не белым, а серо-зеленым, с художественно расположенными на нем кофейными пятнами и брызгами. На шее болтались защитные очки, на ногах были обтрепанные джинсы и резиновые тапочки. Энца выглянула из-за спины напарника и нервно кивнула:

– Здравствуйте.

Беловолосый возмутился так, будто его ткнули шилом в бок.

– Ты совсем с катушек слетел? Ты кого с собой притащил? Может, ты еще...

– Захлопнись, – резко сказал Джек. – Это мой напарник.

– Здравствуйте, – еще раз сказала Энца.

Ван-Лир замер, сосредоточенно глядя на них. Пауза затягивалась, Джек покашлял скептически, и тут из-за ширмы вышел еще один мужчина.

– Привет, Джек! Ван-Лир, займись оборудованием, не стой тут как столб. Чего он опять задумался?

– Я своего напарника привел, познакомить, – пояснил Джек.

Второй мужчина обогнул Ван-Лира, не забыв толкнуть его в бок локтем и подошел к Джеку, окинул Энцу удивленным, но веселым взглядом. Этот еще меньше походил на ученого: невысокий, кряжистый, с перебитым носом, смуглой кожей и лысой головой. Скорее боксер в отставке, только глаза цепкие, с хитрым прищуром. Халат его был белоснежно бел, как и воротник рубашки, выглядывавший из-под него, брюки ровно отглажены по стрелке. Правда, те же резиновые тапочки, но, может, тут так положено. У себя в Люце Энца никогда не бывала в лабораторном корпусе. Ежегодные биометрические проверки проводили в основном здании, так что для непосвященных вроде Энцы лабораторный корпус был терра инкогнита.

– Здравствуй, Винни, – сказал Джек. – Надеюсь, вы сегодня меня не будете в клетку сажать и иголками тыкать?

– Ха-ха, – неубедительно засмеялся тот. – А когда тебе дали напарника? Что-то я не слышал. Ну-ка пройдемте, я замерю вам...

– Ну-ну, Винни, – остановил его Джек, перехватывая за руку, которую тот уже протянул к Энце. – Несанкционированные опыты запрещены. Сегодня у вас только я, несчастные вивисекторы... Ты, кстати, забыл спросить, как ее зовут, а уже полез за иголками.

– Энца, – тихо сказала девушка, когда острый взгляд Винни обратился к ней.

– Это Винни, заведующий четвертой лаборатории, тот Ван-Лир,

старший научный сотрудник. Есть еще лаборанты, но я их не вижу.

– Эти лоботрясы на обед ушли, – благодушно сказал Винни. – Не бойсь, Джек, мы тебя и без них разберем. Иди куда обычно.

Ван-Лир зашел за шкафы и пропал, Энца, стараясь не особо заметно вертеть головой, последовала за Джеком.

За шкафами, беспорядочно набитыми папками, книгами и картонными коробками, находилось просторное помещение. Высокие окна были забраны снаружи решетками, в произвольном порядке тут и там стояли пять компьютерных столов. На полу рядом с ними – картонные коробки, заполненные всякой всячиной: бутылочками, статуэтками, ножами, свернутыми тканями, резными дощечками, шкатулками и прочим интересным и наверняка магическим барахлом.

В центре стоял толстый бетонный столб до потолка, покрытый сверху донизу руническими знаками и схематическими рисунками, рядом приткнулась белая маркерная доска, на которой висел чей-то зеленый халат.

В одном из углов монотонно гудел серверный шкаф, рядом с ним черным вопросительным знаком изогнулась причудливая деревянная фигура африканского шамана. На его паучьих пальцах висели на шнурах несколько флешек, а в изгибе руки лежала стопка дисков.

У дальнего окна стояло за белой ширмой кресло, похожее на стоматологическое, рядом монитор. Джек стянул футболку и сел на это кресло, Ван-Лир нацепил на него датчики, а потом, надев толстые резиновые перчатки с руническими знаками, достал из коробки под креслом прямоугольную дощечку и положил на грудь Джеку.

Тот скривился, но промолчал. Отвернулся к окну, прикрыв глаза. Ван-Лир и Винни на миг замерли, внимательно наблюдая за Джеком.

– Да-а, Джек, – протянул непонятым тоном Винни. – Иногда мне так хочется разобрать тебя и посмотреть, что же там внутри такое.

Энце стало почему-то неприятно. Что-то некрасивое мелькнуло во взгляде заведующего, и она, торопясь как-то сменить тему, спросила:

– А это не секрет, что вы сейчас тестируете?

– Это амулет на три четверти ограничения силы. То есть для обычного человека ограничения, а вот Джеку это, судя по показателям, как мертвому припарка.

– А я думала, вы не могли измерить его уровень... Как же вы судите, ограничена его сила или нет?

– Там считыватель ауры стоит. Не чувствуете разве, как фонит? Собственно, нас интересуют побочные эффекты, а не уровень снимаемой энергии. Вот считыватель показывает изменения в ауре, а у Джека... стоп-

стоп-стоп... Ван-Лир!

– Че? – флегматично отозвался тот.

– Смени с интенсивности на цветовую диагностику, кажется, дело пошло.

Джек заметно побледнел, на лбу выступила испарина. Прямые светлые брови сошлись на переносице, словно он... словно ему было больно?

– Джек? – позвала Энца. – Все в порядке?

Она сделала было шаг к нему, но Винни оттеснил ее к одному из столов.

– Посидите там, – приказал он. – Все идет, как полагается, не вмешивайтесь.

Он с жадным любопытством склонился над Джеком, постоянно поглядывая на монитор рядом. По его указанию, Ван-Лир подкатил к креслу круглый стул, установил на нем ноутбук и стал настраивать на нем еще какой-то вывод данных.

– Сиди, где сидишь, и не лезь сюда, – злым голосом сказал Джек, видя, что Энца напряглась.

– Не разговаривай, Джек, ты нам картину сбиваешь, – прервал его Винни.

– Заткнись, – отозвался тот и снова прикрыл глаза.

Его начало потряхивать, но Джек, стиснув зубы, держался.

Конечно, держался. Куда ему деваться было: пожалуй, только это ему и позволяло по-прежнему оставаться на балансе института как практикующему магу.

Смешно. Он и сам не знал, зачем ему это – да и практики-то, уж будем честными, никогда не было. У него лицензию не отнимали, вот и все дела. А по сути он оставался все тем же невежественным подростком. Магию он знал в теории, но это как знать в теории кузнечное дело: если молота ни разу в жизни в руках не держал, и гвоздя не выкуешь без опыта.

Зачем вот Энцу тащил сюда, позориться только. Вон сидит, глазищи распахнула, руки в кулаки сжала.

Уж будь Винни с Ван-Лиром монстр-объектами, давно бы порубила в мелкую капусту.

А с людьми не умеет.

Судорогой вдруг прошило правую руку, потом лицо. Что за бес...

Вот за что он ненавидел все эти их опыты и тесты: начинают в голову лезть дерьмовые мысли, и жизнь сразу кажется просто чьей-то отрыжкой, и сам он бесполезным сломанным петрушкой, и болит потом так, что едва ноги волочишь. А этим все равно, лишь бы результаты получить.

– Извините, пожалуйста, – где-то далеко шелестел неприятный своей вечной неуверенностью и слабостью голос. – Можно это все прекратить? Мне кажется...

– Не лезьте, куда вас не просят, – раздраженно обрывал ее Винни. – Что за дерьмо... ты регистрируешь это, Ван-Лир?

– Да.

– Послушайте...

– Если ты сейчас же не отойдешь и не прекратишь мешать, – вспылил Винни, – То...

– Жизненные показатели падают, – вклинился сухой голос Ван-Лира, – прекращаю эксперимент. Время окончания: семнадцать двадцать.

В этом месте Джек отключился.

Правда, как он понял спустя пару минут, этого никто не заметил. Ван-Лир с каменным лицом снимал с него датчики, пластина уже была убрана, потом парень сунул ему салфетку, чтобы Джек стер с себя остатки геля и ушел. Энца и Винни, недовольные и злые, стояли по обе стороны кресла.

Что характерно, у Энцы уже глаза были на мокром месте, а Винни и не подумал извиняться. Неожиданно успокоившись, он продолжал разговор как ни в чем не бывало.

– Чего ты там натворил опять, Джек? – спросил Винни. – Утром даже летучку собирали. Я, правда, все проспал, но понял, что тебя песочили.

Джек промолчал, натягивая футболку. Суставы едва двигались и казалось, что даже скрипели, как у железного дровосека, попавшего под дождь.

Снова появился Ван-Лир, в руках по дымящейся кружке с чаем. Одну он сунул Энце, другую Джеку.

Хороший парень этот Ван-Лир, хоть и странноватый. «Да кто из нас не странноватый, в самом деле», – подумал Джек. Чай был дрянной, кружка грязная, но от горячей жижи стало значительно легче. Джек свесил ноги вниз и поболтал ими. Встать сразу не решился, боялся растянуться на полу. Энцу тогда точно кондратий хватит.

– Будешь теперь принимать участие в Большом Ристалище? В этом году Альый турнир, – вдруг сказал Ван-Лир.

Он уже сидел за одним из столов, перенося данные с ноутбука. Периодически что-то печатал, и клавиатура от быстрых и жестких ударов подсакивала и стучала о стол.

Джек об этом и не думал вовсе. Он следил, конечно, за проведением и результатами: в прошлом году там выступал Донно, но собственное

участие... Джек повернулся и посмотрел на Энцу, только чтобы увидеть зеркально озадаченное лицо девушки.

М-да. А ведь на носу уже: через месяц, и к тому же Алый турнир, значит юбилейный какой-то, с приуроченным празднованием и потехой для зрителей. Основное событие года в Старом свете, состязание боевых магов, фестиваль и прочие радости, транслируемые по всем каналам телевидения. Обсуждения, ставки, болельщики.

Часть состязаний оставалась за кадром, но вот подведение итогов и фестиваль, все эти красоты даже Джека не оставляли равнодушным. Если там, конечно, свои ребята участие принимали или дамочки какие красивые.

А Ван-Лир знал, что сказать, вон и мысли все переключились сразу. Джек головой потряс: только что страдал и переживал, и вот уже размышляет, принимать ли участие в турнире.

– А нас что, могут взять? – потрясенно спросила Энца. И в самых смелых мечтах она не представляла себе, что принимает участие в турнире на Большом Ристалище.

Тоже вопрос. Кто его знает, какие там правила участия. Джек хмыкнул, встал на ноги и потянулся. Спина закричала, но он не обратил внимания.

Алый турнир, надо же.

История шестая. Новые коллеги

Надо сказать, что практику смены имен перед началом обучения магов многие давно уже считали ущербной и вредной. «Справедливая ассамблея» так вовсе требовала запретить ее, как нечто, унижающее достоинство, ненужное наследие рабских времен.

Они крупно преувеличивали и, скорее всего, намеренно. Эти ребята вообще любили нагнетать атмосферу.

Соккрытие своего имени никоим образом к рабовладению не относилось. Маги древности придавали истинным именам сакральное значение, считая, что знание их дает полную власть над человеком или иным существом. Поэтому они умалчивали свои имена, делали из них анаграммы, выбирали псевдонимы, одним словом, берегли как зеницу ока.

Во времена Второй Реформации восемнадцатого века это нашло свое отражение в обычае, который вскоре возвели в ранг закона: любое дитя, принимаемое на обучение магии, теряло свое старое имя и обретало новое.

В Старом свете закон предусматривал всего одно имя, без фамилии, отчества, принадлежности к клану и прочего, но выбрать его ребенок мог

сам. В обществах Азии имена выбирали наставники или опекуны, но зато, как и в Новом свете, оно могло быть многосложным, включать в себя родовые признаки.

И хотя сакральный смысл истинного имени был поставлен под вопрос еще в девятнадцатом веке, а многочисленные исследования прошлого полностью развеяли этот миф, закон все же оставался.

Против него выступала и более либеральная общественная организация «Жезл Меркурия», но, не поддерживаемая в этом вопросе правительством, особого рвения не выказывала.

Защитники же обычая оперировали фундаментальным трудом Эфрена Апсвица «О небесных сферах и словоименованиях», где в главе о ноосфере указывалось на то, что дети более открыты тонким течениям, а значит, им легче связываться с общечеловеческой сферой разума, чтобы постичь наиболее подходящие для своей будущей жизни имена. Не менее важным был раздел о свойствах и особенностях слов и словосочетаний, используемых для именованья и общения.

Хотя современные ему ученые называли эти филологические изыскания признанного мэтра дилетантскими, его труд тем не менее входил в золотой фонд мировой литературы, в обязательном порядке изучался на курсе всеобщей магической истории, а потому на известные огрехи Апсвица закрывали глаза.

Помимо этого, были теории о горних духах, которые хранят память обо всем, что было и что будет, и что они нашептывают свои знания в уши тем, кто их слушает. Или же более современная теория голоса подсознательного, имеющего доступ ко всему накопленному опыту человечества, голоса, который говорит в тот момент, когда у будущего мага спрашивают его новое имя.

Джек считал, что тем, кто эти обычаи поддерживали, не приходилось всю жизнь проводить с именем любимого героя мультфильма, книги или странным набором букв.

Он знал одного парня, который жутко стеснялся своего имени Ультрамен, да и тот же заведующий лаборатории N4 всю жизнь носил напоминание о любимейшей книге детства про плюшевого медвежонка.

Больше всего повезло тем, кто обладал небогатой фантазией или же проходил обряд в подростковом возрасте: хотя бы откровенно детские варианты отсеивались.

Сокращать или изменять имя было дурной приметой.

Джеку пришлось пройти долгую волокиту с разрешением и

регистрацией псевдонима, чтобы печататься под ним. Поэт по имени Джек... звучало слишком уж претенциозно и глупо. Не говоря о том, что сразу снижало интерес публики.

В первый же день работы на новом месте они опоздали. Джек как всегда отнесся к этому философски, а Энца нервничала и злилась.

В основном, из-за Джека. Это он после лабораторных экспериментов купил бутылку виски и затопил свое огорчение, усталость и боль. Энца виски не любила, поэтому в затоплении не участвовала, а только с тревогой наблюдала, как Джек медленно и верно пьянеет. Едва удалось вытолкнуть того продолжать свои дела с бутылкой к себе в спальню: Джек желал компанию, хотя нес белиберду, запинаясь все больше и больше, и все, что Энца додумалась сделать, так это запустить фильм на ноутбуке и поставить на столик. Вроде бы посидели с толком: и болтать не надо, и компания, и не так скучно.

Наутро Джек не проснулся, хотя прямо над его головой разрывался будильник на телефоне. Энца слышала его сквозь закрытую дверь, мерила шагами комнату, потом пространство под дверью спальни.

И утреннюю гимнастику сделала, и кофе, и даже бутерброды. Убралась на кухне и перемыла посуду.

Снова походила под дверью.

Потом собрала всю волю в кулак и постучала. Джек продолжал храпеть.

«Боги, пусть он только там одетый будет», – взмолилась Энца. Ее бывший парень, например, имел такую привычку.

Впрочем, можно было не бояться: Джек и не думал раздеваться, плюхнулся поперек кровати ночью, да так и уснул. Через пару минут нервозность Энцы сменилась гневом: Джек не реагировал ни на голос, ни на осторожное похлопывание по плечу, – и она пару раз изо всех сил огрела его по голове подушкой.

Джек подскочил с воплем, потом кое-как разобравшись, чего ей надо, послал ко всем чертям и улегся обратно. Энца снова врезала ему по затылку, Джек попробовал перехватить ее за руку, промахнулся, потом схватил за подушку и дернул на себя.

Энца упала лицом вниз, и Джек прихлопнул ее сверху отобранной подушкой.

– Тьфу ты, блин, – рассердился Джек. – Такой сон испоганила. Чего за пожар-то?

– Так нам на работу надо, – зло ответила девушка и, вывернувшись, столкнула его с кровати.

Не слушая гневные вопли и нецензурную брань, Энца быстро сбежала на кухню. Сначала хотела залезть под стол и пересидеть там, но передумала: Джек все равно потащится курить на подоконник, будет глупо, когда он увидит ее под столом.

Так что она вернулась к своему диванчику, достала ноутбук и стала просматривать новости, погоду, данные о пробках. Пригодилась бы газета, чтобы спрятаться за ней, будто бы читая, но у них газет не водилось.

Секретарь Якова еще вчера прислал им распоряжение с подробным описанием того, как часто, куда и зачем им надо было являться. Плавающий график отменили, теперь им надо было приходиться по расписанию в отдел архивных исследований и разбирать дела с пометкой «а posse», помимо того два дня в неделю полагалось дежурить в лаборатории номер одиннадцать, которая занималась исследованиями монстр-объектов уровня Зи, или, как они их называли, «зетами».

Еще надо было выезжать по вызовам того же уровня, но Энца проверяла в сводках, этих вызовов было ничтожно мало: не больше одного-двух за месяц.

Отдел архивных исследований занимал первые два этажа во флигеле за Птичьим павильоном. Джек даже передернулся, проходя мимо него, и Энца некоторым образом разделяла его отвращение.

Трехэтажный флигель, построенный из красного кирпича в тени Птичьего павильона, был единственным сохранившимся крылом старого корпуса. Теперь он представлял собой отдельно стоящее здание, обветшавшее, замшелое, с проросшей травой на крыше, но тем не менее еще хранившее следы былой красоты. Обрамленные рустом высокие окна второго этажа, забранные коваными узорчатыми решетками, невысокие квадратные окна первого и третьего. Некогда выкрашенный белым резной карниз вдоль всей крыши, изящный кованый козырек над крыльцом, с двумя старинными фонарями по бокам.

Несмотря на свою обветшалость, это здание казалось куда более гостеприимным и приятным, чем новое. А уж какая благословенная прохлада царил в полутемных коридорах!

Энца и Джек облегченно выдохнули, едва за ними с завывающим скрежетом захлопнулась входная дверь. Снаружи собиралась гроза, и тяжелый жаркий воздух не двигался вовсе, придавливая к земле.

В здании было тихо. Длинный коридор, множество дверей по сторонам, одни с табличками, на которых ничего нельзя было прочесть, другие с номерами. На некоторых висели тяжелые амбарные замки.

Не было слышно ни голосов, ни обычного рабочего шума, только издали доносилось птичье чириканье, будто где-то было открыто окно.

Шаги напарников глухим эхом металась по коридору, хотя Энца старалась идти все тише и тише, нервничая отчего-то. Каблуки все равно чересчур звонко цокали по гранитным плитам пола, и девушка жалела, что раз в жизни решила нарядиться по случаю: надела платье и босоножки на каблуках.

Джек вертел головой, стараясь разглядеть надписи. Ржавые таблички, облупившаяся краска, пыль: ни черта не прочесть. Пара указателей к лестнице. Доска объявлений, на которой торчали только посеревшие от пыли головки булавок.

– Почему никого нет? – спросила Энца, позабыв, что они не разговаривают.

Джек покосился на нее, но решив, что уже надоело дуться, отозвался:

– Всех перевели в новое здание, оно вместительнее, плюс реорганизацию проводили. Тут осталось несколько отделов, но Яков говорил, что есть планы их тоже выселить и сделать тут нечто вроде музея или общего архива.

– Здесь бы дом с призраками делать, – сказала Энца. – и за деньги народ пускать.

Джек пожал плечами, а потом вдруг пихнул ее локтем:

– Смотри.

Слева от них, недалеко от поворота к лестнице, была дверь, не похожая на другие. Металлическая, двустворчатая. И что самое интересное – новая, с четко читаемой табличкой: «Не входить».

– Может, это и есть то, что нам нужно? – предположил Джек, взялся за металлическую ручку и с шипением отдернул руку.

– Джек! – воскликнула Энца. – Написано же, «не входить». А нам на второй этаж, мне прислали план, как добраться.

– Новенькие? – раздался голос у них за спиной так неожиданно, что оба вздрогнули.

Молодой человек подошел настолько бесшумно, что даже чуткая Энца ничего не услышала.

Впрочем, страшным он совсем не казался. Среднего роста, светловолосый, с пухлым бледным лицом и руками, он дружелюбно улыбался. Несмотря на жару, он был в плотном сером костюме, застегнутом на все пуговицы.

– Сюда нельзя входить, – продолжил он. – Вам – нельзя, да вы и не поймете ничего. Вас уже ждут – вот здесь лестница, потом на втором этаже

первая дверь слева.

Он мягко указал рукой в сторону поворота, а сам двинулся в другую.

– Желаю вам удачи, – радушно сказал он. – Меня, кстати, Альбер зовут... надеюсь, еще увидимся.

Энца растерянно помахала ему в ответ. Джек отвлекся, рассматривая свою ладонь. Все еще чувствовалось онемение от ледяного металла дверной ручки. Холодильная камера у них там, что ли?

Покосившись еще раз на дверь, Джек пошел вслед за Энцей по лестнице, и вскоре они уже входили в гостеприимно распахнутые двери отдела архивных исследований.

Несмотря на близкий полдень, там было сумрачно.

Просторное помещение с высоким-высоким потолком, на котором угадывалась лепнина и медальон с неразличимым пейзажем на нем, на окнах плотные жалюзи, и полутемная прохлада рассеивалась только лампами над четырьмя сдвинутыми друг к другу столами в центре.

В стороны от столов уходили ряды стеллажей с плотно стоящими бумажными и пластиковыми папками.

Пахло пылью, горькими травами и почему-то пудрой, сладко и назойливо.

За столами друг напротив друга сидели двое. Мужчина средних лет, крепко сбитый, с брюшком, плотными волосатыми руками, угловатым живым лицом и блестящими, хитро прищуренными глазами. Девушка лет двадцати, худая и анемично бледная, с меланхоличным взглядом больших блекло-зеленых глаз, гладко зализанными пепельными волосами.

Она сказала равнодушно:

– Вы опоздали. У нас работа начинается в десять.

Напарники вздохнули: Джек с досадой, что очередная зануда на его голову, Энца покаянно.

– Да ладно тебе! – бодро воскликнул мужчина. – Мало ли чего бывает, и опаздывают люди. Давайте знакомиться, что ли. Это у нас Айниэль, прошу любить и жаловать. Она строгая, но милая.

«Милая» Айниэль нахмурилась, видимо, не в восторге от словоизлияний коллеги. Энца вежливо покивала, подумав, что девушка ну совсем не тянет на поклонницу эльфийских саг, а вот поди же ты. Хотя, может быть, «в миру» она распускает волосы, надевает какие-нибудь причудливые украшения и что-то более интересное, чем синие мешковатые брюки с белой мужской рубашкой. Кто бы говорил, тут же одернула себя Энца, которая и сама всегда ходила в футболках, спортивных брюках и кроссовках.

– Меня зовут Артур, – продолжал мужчина. Он выбрался из-за стола, чтобы пожать руку Джеку. – А вас мы уже знаем, много слышали. Джек и Энца, верно? Очень интересный тандем, мы как раз недавно обсуждали.

Энца на всякий случай зашла немного за Джека. Хорошо, что он такой длинный, подумала девушка, легко прятаться.

Общительные полужнакомые люди вызывали у нее опасения.

Артур же, не обращая внимания ни на молчание гостей, ни на равнодушие коллеги, продолжал говорить, указывая, где у них дела новые, где старые, почему такое название, если все равно проводятся расследования по новым обращениям, сколько градусов будет завтра, ужас что за жара, где можно в обед перекусить по-человечески, на какой адрес надо заявку написать, чтобы выдали технику и канцелярию, и прочее и прочее.

Джек мужественно боролся с желанием закурить, откровенно скучая, Энца, округлив глаза, внимательно все слушала, пытаясь запомнить.

– Я уже отправила заявки на оборудование новых рабочих мест, – холодно оборвала коллегу Айниэль. – Также подготовила список дел первоочередной важности, и подобрала материалы, чтобы вы уже начинали работать.

Она посмотрела на них неодобрительно, словно не ждала ничего хорошего, и обронила, явно недоумевая, почему они продолжают стоять в дверях.

– Вы можете приступать. Вот эти два стола ваши.

Джек смерил взглядом две стопки папок на столе, огляделся и с ненатуральным сожалением сказал:

– Я только что вспомнил, у меня одно важное дело есть...

Энца в панике схватила его за рукав футболки, когда он уже развернулся уходить.

– Джек! – шепотом воскликнула она. – Не надо!

Молодой человек раздраженно фыркнул и отцепил ее пальцы.

– Ты издеваешься? Какого черта я должен здесь сидеть и ковыряться в старых папках? Я этим все свои летние практики занимался, сыт по горло...

– Вы работали здесь? – быстро и напряженно спросила Айниэль.

Джек чертыхнулся, а Энца даже подпрыгнула от неожиданности: Айниэль совершенно бесшумно оказалась рядом с ними. «Любимая шутка у них здесь, что ли», – отступая на шаг, подивилась Энца.

– Не работал, – высокомерно обронил Джек. – На практике в учебном корпусе был, нам все туда привозили.

– Хорошо, – отрывисто сказала Айниэль.

Она поколебалась, а потом явно через силу добавила:

– Вы можете быть свободны, как закончите. Летом здесь бывает тяжело, и мы не задерживаемся долго.

Энца приободрилась и краем глаза посмотрела на реакцию Джека. Тот особо довольным не выглядел, но, по крайней мере, и уходить передумал.

Сама же Энца приступила к папкам с восторгом первооткрывателя: кто знает, какие интересные истории там хранятся? Вдруг и на самом деле не просто монстр-объекты из брешей и переходов, а нечто по-настоящему мистическое, проявление древних сил, привидений, природных духов?

Последние тоже были в юрисдикции Института парасвязей, но занимались ими неохотно: много мороки, необходимо было выяснение всех обстоятельств, исследование окружения, истории и прочего, выработка концепции обезвреживания. Бывало так, что уничтожать их нельзя было: некоторые природные явления и духи были внесены в список Всемирной организации защиты культурно-духовного наследия, другие – в список Национального фонда охраны исчезающих существей.

Если обнаруженное существо было из подобного списка, мороки прибавлялось – это значило «Бережное обращение, выселение в исконные ареалы обитания, создание условий для очищения и безопасного существования». То, что юные маги заучивали наизусть в школах. Так называемая гуманистическая концепция сосуществования.

С монстр-объектами было проще: засечь, выманить и обезвредить. Уничтожение не возбранялось.

Джек лениво листнул пару страниц и отправился курить. Энца же, подогнув ногу под себя, устроилась поудобнее.

Несмотря на увлекательное чтение (ей попала папка с делом о вероятной русалке или водяном духе под мостом), чувствовала она себя не очень. Стул немного рассохся и скрипел при каждом движении.

Артур и Айниэль молча сидели перед компьютерами, что-то проглядывая и изредка пощелкивая мышками, но Энце казалось, что они оба неотрывно сверлят ее взглядами, у нее даже лопатки свело от напряжения. Густой запах пудры становился все сильнее, и Энца трусливо подумывала сходить за Джеком, подышать свежим воздухом, пока его уверенные громкие шаги не нарушили давящую тишину.

Когда он небрежно развалился на стуле за столом напротив нее, у Энцы даже от сердца отлегло. Вдруг стал слышен птичий гомон и стрекот насекомых за плотными жалюзи, далекий приглушенный раскат грома, да и новые коллеги, будто включенные куклы, задвигались свободнее,

заговорили.

Энца поставила себе на заметку подумать об этом позже, и углубилась в чтение.

Дочитав копии нескольких писем от очевидцев с историями одна страшнее другой, заключение маг-бригады полиции и экспертов лаборатории Птичьего павильона, которые говорили о том, что следы присутствия нечеловеческих эманаций есть, но слабые, не поддающиеся анализу, Энца замерла над папкой.

– А что, собственно говоря, от нас требуется? Ведь тут уже и заключения есть, значит, кто-то ездил и проверял.

Задавая вопрос, она подняла глаза: оказалось, что Айниэль отрешенно смотрит на нее и, видимо, уже некоторое время.

Женщина не сразу среагировала на вопрос, потом перевела взгляд на папку, что держала Энца.

– Такие дела как это, – вместо нее ответил Артур, – надо закрывать. В архиве на первом этаже хранятся сводки событий, копии метрик, хронологии и прочее, относящееся к нашему региону. Во-первых, надо ползать там, собрать данные, составить специальную историческую справку и подшить в дело.

Энца переглянулась с Джеком и по его кислой физиономии догадалась, кто из них двоих будет лазить в архиве. Что ж, не то чтобы она была против.

– Справка формы И-65а, – уточнила Айниэль. – Когда вам установят компьютеры, я скину все нужные образцы документов. После этого надо будет съездить на место, все осмотреть, снять показания и составить окончательное заключение.

– Архив – то закрытое помещение на первом этаже? – влез Джек. – Там, где написано «Не входить»?

Айниэль резко повернула к нему голову:

– Нет, это не архив. И я надеюсь, что никто из вас туда входить не будет. Там оборудовано специальное помещение, и доступ имеют только сотрудники одной из лабораторий Птичьего павильона

Джек подпер голову рукой, наклонившись ближе к Айниэль, и заинтересованно, широко улыбнулся. Казалось, даже воздух всколыхнулся жаром от этой его улыбки, мягкого ленивого движения, когда он будто бы невзначай вошел в личное пространство девушки.

– Ну, а так, по секрету... что там такое, эксперимент?

Айниэль отпрянула, бледные щеки покрыл слабый румянец. «Надо же, – подумала Энца, – и я так же на него реагировала. А он это знает, гад,

и пользуется».

– Нельзя, значит нельзя, – напряженно отчеканила Айниэль. – Если вы сорвете пломбу, то я добьюсь, чтобы вас отправили на постоянную работу подопытным в лаборатории.

Джек разом поскуchnел и отодвинулся.

– Архив находится на первом этаже, со спуском в подвальные помещения, – будто не замечая напряженности, сказал Артур. – Дверь по правую руку, на ней табличка «7-б». Была еще надпись, но отбили. Тут периодически приходят студенты с запросами на исторические справки и прочее... прикарманили небось.

Артур повздыхал.

Джек бросил поперх папки Энцы свою.

– Тут то же самое, – коротко сообщил он.

Бегло пролистал следующую, отложил.

– Тут вообще не фига нет, одни доносы.

Плюх! Еще одна папка к Энце.

– Ты ж не читаешь, – нервно сказала та.

– А зачем читать? – удивился тот. – Надо их разобрать, а потом уже вычитывать.

Тогда Энца подвинула ему свою стопку неразобранных папок, а те три, что уже лежали перед ней, взяла в руки.

– Ну, я тогда в архив.

Стеклянные глаза Айниэль обратились снова к ней.

– Вы пойдете одна?

Энца пожала плечами.

– Это же... ну, не запрещено?

– Нет, не запрещено, – медленно сказала девушка. – Просто все новые сотрудники боятся ходить в одиночку, я и удивилась.

Энца некоторое время думала, что можно ответить, но так и не сообразила, неловко кивнула и вышла.

Боятся ходить в одиночку?.. вот чушь. Может, новеньких присылали из только-только выпустившихся студентов? Или каких-то нервных типов?

Интересно, а где они все сейчас? На втором этаже, как и на первом, особых признаков жизни не наблюдалось. Точно такие же закрытые двери с пыльными табличками, только запах здесь странный. Очень знакомый, но Энца никак не могла вспомнить: он был горький, травяной, неузнаваемо смешавшийся с пылью и затхлостью.

Покрутив носом, девушка спустилась на первый этаж. Постояла немного, прислушиваясь у двери, которая так заинтересовала Джека.

Правда, совсем близко подходить побоялась, мало ли что. Прошла по коридору дальше в поисках архива.

Хорошо, что он находился именно здесь, и не пострадал во время того пожара в павильоне, подумала она. Было бы жалко все потерять.

Ручка подалась с трудом, дверь не скрипела, но была ужасно тяжелой: изнутри ее выстилали листы железа. Был еще внутренний засов с выгравированным знаком-замком.

Энца, придерживая дверь рукой, чтобы не захлопнулась, пошарила по стене. Выключатель нашелся не сразу, и все это время девушка с интересом вглядывалась в полную тьму, царившую за дверью.

Впрочем, моргнувшие и загоревшиеся ряды галогеновых ламп на потолке рассеяли мрачное очарование. Серые металлические стеллажи рядами уходили от Энцы к стене. Рядом с ней стоял большой шкаф-картотека, конторка, за которой, наверно, раньше находился архивариус, и пара столов с задвинутыми стульями.

Энца бросила на стол принесенные папки и со вздохом подошла к картотеке. Компьютером тут и не пахло, придется все вручную. Хорошо, что у Энцы была небольшая практика: она успела застать эту систему до компьютеризации библиотек и архивов в своей академии.

Верхняя треть картотеки – тематическая, средняя – названия по алфавиту и нижняя – авторы по алфавиту. М-да. Энца пошарила за конторкой и разжилась стопкой пожелтевшей бумаги и огрызком карандаша, который тут же и наточила небольшим воздушным лезвием.

Минут через пятнадцать пришел Джек с оставшимися делами, уронил их на стол и сам взгромоздился рядом.

Энца не стала спрашивать, только подвинула свои папки, чтобы тот не смешал. Интересно, чувствовал ли Джек там, наверху, тот же дискомфорт, что и она?

– Они сказали, что сегодня можем поехать по одному из этих дел, – рассеянно заметил Джек. – Они покажут, как что полагается делать.

Энца кивнула, проходя мимо с листочком в руках. Сверяясь с маркировкой на шкафах и полках, она стала вытаскивать нужные тома, брошюры, подшивки, углубляясь все дальше.

Джек слышал, как она чихает, поднимая облака пыли по мере того, как продвигается.

– Тут есть лестница, написано, что подвальные помещения архива, – крикнула она откуда-то из-за стеллажей.

Что-то уронила, чертыхнулась. Джек хмыкнул. Он уже разобрал все папки и, наугад вытянув одну, стал читать. Сначала пара доносов от

соседей на странное поведение какой-то дамы, живущей в пригороде в частном доме. Потом жалоба самой дамы. Вроде бы классический полтергейст, но с небольшой аномалией, все стекла – включая оконные – и зеркала отражали одну и ту же женщину, донельзя похожую на хозяйку дома. Grimасы и неприличные жесты отражения как раз и были тем, что так возмущало соседей.

Джек перешел к отчету маг-бригады, вызванной уставшей от злых проказ хозяйкой, как с той стороны, где была Энца, раздался вопль и треск. Рассыпались книги, а вскочивший на ноги Джек услышал до странности знакомый звук.

Грохот молота, разбивающего хитиновый панцирь.

Потом еще один удар, впустую.

Подоспевший Джек пинком ноги отправил убегающего таракана в обратный полет. Энца взвизгнула от неожиданности, когда ей в лицо полетело насекомое, но молниеносно сориентировалась, трансформировав молот в лезвие, которое рассекло таракана на идеально ровные части. Останки инсект-объекта шлепнулись на пол.

– Только двое? – спросил Джек, и Энца кивнула.

– Я видела только этих. Повернула быстро за угол, а они, видимо, не успели спрятаться.

Напарники брезгливо рассматривали тварей: один небольшой, со ступню Джека, второй около полуметра в длину, неприятно белесый.

– Вот тебе и Институт парасвязей: одни маги кругом, и никто не уловил, – озадаченно сказал Джек.

Резко хлопнула дверь, дробный быстрый стук каблуков.

– Что у вас? Что вы тут творите? – встревоженный и недовольный голос Айниэль.

– Мы здесь! – крикнул Джек, и вскоре Айниэль, вроде бы еще больше побелев, изучала останки двух тараканов.

– Надо, наверно, вызвать дежурных, – предположила Энца. – Очистить место от негативного присутствия и уничтожить останки. В прошлый раз...

– Нет, – быстро сказала Айниэль. – Я все это умею сама. Заберите пока свои материалы и унесите наверх. Позовите Артура. На сегодня можете быть свободны, завтра приходите в десять.

– А у нас завтра тренинги с утра, – сказала Энца, и Джек одобрительно ей кивнул: хорошо придумала. Правда, потом вспомнил, с кем имеет дело. Энца бы не стала выдумывать.

Минуту Айниэль что-то соображала.

– Хорошо, – наконец кивнула она. – По их окончанию ждем вас на

рабочем месте.

Вернув папки на столы в кабинете, вместе с внушительной стопкой материалов, которые успела собрать Энца, напарники спустились вниз. Артур, встревоженный их рассказом, уже умчался на помощь коллеге.

Проходя мимо двустворчатой двери на первом этаже, Энца покосилась на нее и сказала:

– Может, там склад запрещенных артефактов? Ну, которые изъяли, а уничтожить нельзя.

– Или коллекция заспиртованных монстр-объектов, – подхватил Джек. – Интересно, зачем у них наверху полынь везде развешана?

– Полынь! – с облегчением воскликнула Энца. – Точно, а я все вспоминаю, что за запах такой знакомый.

– Сушеные старые веники из нее над дверью и над окнами, – уточнил Джек.

Энца покачала головой: веники... то есть пучки сухих трав, которые скорее всего имел в виду Джек, она не заметила.

– У полыни много свойств полезных. Она сильное средство от злых духов.

На улице гроыхало вовсю, но дождя пока еще не было. Воздух сгустился так, что, казалось, его можно было резать на ломти.

Энца кивнула Джеку на колючие сизые побеги у крыльца. Их недавно нещадно обрубили, но толстые стебли упрямо разрастались, от подсохших обрубок тянулись новые разветвления с короткими колючими листьями.

– А вот чертополох, тоже пугает злое. Только он сам обычно растет, где загрязнения идут. Наверно, на этих тараканов и реагировал.

Джек закурил и пожал плечами. У них за спиной была бетонная коробка Птичьего павильона, где какой только грязи не водилось. Чего тут удивляться.

История седьмая. Русалки и антиквары

Дождь лил всю ночь, и продолжился монотонной моросью на следующее утро. Практические занятия отменили, и всех без разбора загнали на лекцию. Так что теперь между Джеком и Анной, которые обычно занимали соседние места в аудитории, сидели их напарники и увлеченно играли в морской бой.

Лекция была интересной: о двух новых классах монстр-объектов,

появившихся на юге. Лектор весьма живо рассказывал о свойстве одного из них избирательно блокировать маг-атаки, и необычно мирном нраве второго, который больше походил на молочное желе. Из-за него ученые, изучавшие этот тип, разделились на два лагеря: одни утверждали, что следует ввести новое понятие «безопасных гостей», другие мрачно подозревали, что все впереди и объект еще покажет себя.

Энца и Саган были подписаны на рассылку новостей от Научно-исследовательского центра инвазий, и все это уже неделю назад читали. Джек не читал, но это не мешало ему мирно спать, положив голову на сложенные руки. Анна старательно записывала, правда, периодически отвлекаясь на сложные виньетки, которые она выводила по краю листа.

– Джек, Джек! – громко зашептала Энца, прерывая весьма сумбурный сон, в котором Джек вышагивал по болоту, ежеминутно проваливаясь в трясины и отшвыривая от себя кишасших вокруг лягушек. Лягушки были белые, а небо отчего-то постоянно потрескивало и вспыхивало зарницами.

– У нас еще экзамены будут, – расстроено сообщила ему Энца. – Отдельно практические, отдельно теоретические.

– Ну что ж, – вздохнул Джек, – покажу пару приемчиков.

Не оценив его юмор, Энца выразительно посмотрела на него. Саган наклонился вперед, выглядывая из-за нее:

– Но те, кто в Турнире участвуют, освобождаются. Мы уже подали заявку. Донно тоже.

Джек возвел глаза к потолку. Чего они от него хотят? Чтобы он тоже пошел и заполнил все эти бумажки для участия в Турнире? Или начал готовиться к экзаменам?

Мысль о том, что он в какой-то мере вернулся в русло обыденной для всех жизни, сама по себе сбивала его с толку. Seriously размышлять о турнире он пока не мог.

Это было странно и непривычно: то, что он ходил на работу, тренинги эти вот, участие – возможное участие! – в Турнире, какое-то ненормально возросшее количество времени, которое он тратил на общение с окружающими...

А что страннее всего – эта суматоха, ворох дел, информационный мусор от лекций и постоянных разговоров, все это каким-то образом выдавливало из него серые мысли. К нему возвращались слова: едва слышными намеками, обрывками фраз, иногда просто ритмом слогов, складывались они в строки, которые Джек уже начал записывать, боясь растерять снова. Неделей раньше ему мешало все: и духота, и прохлада, и вой ветра ночью, и телефонные звонки, и прочее. А сейчас, казалось бы,

преград и помех вдесятеро больше, но они совершенно не важны.
Слова как вода подточили плотину, возведенную самим Джеком.
Вернулись.

По дороге к флигелю Энца сосредоточенно пинала камешек ногой, размышляя о чем-то. Джек в уме подбирал рифму к слову фагот.

Когда впереди показалось краснокирпичное здание, Энца замедлила шаг и заговорила, прерывая его мысли:

– Знаешь, что странно? Я все думаю, думаю...

– Думать полезно, а не странно, – буркнул Джек.

– Ты дослушай. Я про тех тараканов. Я ведь шла, не кралась, наоборот, шумела. А они не прятались, торчали там, как будто так и надо, и только когда я шаррахнула по одному, второй побежал.

– И?.. Не, это странно, конечно, но мало ли, может, они в спячке были...

– Да какая спячка, Джек, не спят они, – отмахнулась она. – Я подумала, что они почему-то не боялись людей и не убегали.

В этом было некое рациональное зерно. Если они действительно не спрятались заранее, слыша, как топает Энца, то, видимо, им нечего было бояться? Эти двое, Артур и Айниэль тараканов не чувствовали... или просто не трогали? Да все равно, бред выходит. Может, на них эксперименты ставили? Так сказать, в естественных условиях обитания.

Артур этот Джеку не нравился: на словах-то дружелюбный, а глаза бегают суматошно, будто проверяет что-то. Суетливый и бестолковый, но как-то все напоказ, словно понарошку.

Да и польнь эта. Зачем все завесили? Когда Джек выходил курить на балкончик у лестницы, заметил, что между решетками и жалюзи на окнах отдела висят перевязанные красной ниткой кресты из веточек. И к бабке не ходи, рябиновые небось, для защиты от злых духов. По долгу службы? Так они ни о чем, кроме оформления дел и разных бумаженций ничего и не говорили. Кто уж там из мира духов придет им морды чистить за неправильно оформленное дело?

– Да, – спохватился он. – Что ты там наговорила в тот раз Винни? Мне сегодня пришло письмо от него, он обозвал меня стукачом и запретил на неделю приходить к нему. Я жуть как расстроился.

Энца удивленно подняла глаза, но по ухмылке Джека поняла, что его расстройство – болтовня одна.

– Ничего я ему не говорила, – отозвалась она. – Яков в тот раз сказал мне описать в отчете технику забора энергии, ну я и описала. А в

сопроводительном письме добавила, что в лаборатории мне сильно грубили и угрожали, и вообще вели себя неадекватно и чуть... ну, чуть тебя не угробили. Извини, я подумала, что есть же какие-то границы всему. Ну, я про эти эксперименты. И Яков обещал разобраться.

Она расстроено пожала плечами.

– Я не хотела стучать... а выглядит именно так. Он сильно обиделся, да?

– Забей, – сказал Джек. – Не бери в голову.

Он придержал дверь, пропуская ее вперед, а сам поглядел с крыльца вниз: кто-то снова обрезал чертополох, теперь уже под корень.

Проходя мимо запертой двери на первом этаже, Джек сказал:

– Может, там Айниэль хранит свой плащ и тиару эльфийскую?

– Или заговоренные швабры, на которых она летает, – мрачно отозвалась Энца.

Впрочем, спустя несколько минут она взяла свои слова обратно: их встретили достаточно живо, предложили охлажденного чаю с лимоном и травяным сбором, да еще к тому же оказалось, что за утро Айниэль просмотрела все материалы, собранные Энцей и сама составила по ним историческую справку.

Распечатала, подшила и разложила все брошюры и книги по местам в архиве.

Новые компьютеры уже стояли, но пока мертвые, не настроенные. Артур вздохнул, объясняя, что так всегда бывает: их коллеги меняются часто, и системные инженеры из основного корпуса намеренно затягивают сроки, чтобы лишнюю работу не делать, если вдруг очередной новичок сбежит.

– А почему они переводятся? Их наказание заканчивается? – докапывалась Энца.

Джек заметил за ней это, в некоторых случаях, весьма неприятное свойство. С одной стороны она всегда робела, не зная как затеять разговор или спросить о чем-то, но едва стоило ей начать, как она наседала и наседала, забрасывая вопросами.

Айниэль уткнулась в компьютер, а вот Артур с радостью отвернулся от своего и начал соловьем разливаться, рассказывая, как тяжело тут работать, и крыша-то протекает, и миазмы от Птичьего павильона идут, и техника барахлит, и никак не оцифруют архив, и так далее и тому подобное. На вопросы он толком и не отвечал, это они даже не сразу подметили, настолько много тот говорил, забивая все потоком слов.

В конце концов, его коллега не выдержала и прервала, сказав, что

ближе к вечеру у них назначен выезд по первому делу.

– Мы поедем вместе на этот раз, вы посмотрите порядок работы. Как пример, я выбрала дело с предполагаемым водяным духом.

Она подумала немного, постучав белым ноготком по столешнице.

– Потом нужно будет заполнить анкеты и расписаться в журнале, о том, что инструктаж был проведен. Инвентарь будет выдан завтра, я уже выписала необходимое на складе.

Она сделала паузу, строго глядя на них, и Энца, расценив это как приглашение к дальнейшей работе, безропотно подвинула к себе лежащую со вчерашнего дня стопку дел. Правда, с тех пор их кто-то выровнял по ширине и выложил строго по центру ее стола. Ну, тут и догадываться нечего, и так ясно, чьих рук дело.

Энца покосилась на Айниэль и раскрыла верхнюю папку. Что-то о странном духе, отражающемся во всех зеркалах и окнах. Есть отчет экспертов, есть от маг-бригады. Значит, стопка перед Джеком – та, которая одни только жалобы и доклады.

Джек уныло поддевал ее пальцем, потом оживился.

– А обед? – спросил он. – Обедать-то вы ходите?

– Обед с часу до двух, – отчеканила Айниэль. – На этаже есть комната отдыха, там холодильник и печь для разогрева. Если вы не умеете сами, – с легким презрением добавила она.

Напарники переглянулись. Что-что, но еды «с собой» у них по вполне понятным причинам не было.

– Я могу показать, где тут чудесное место, экономное и приятственное, – предложил Артур.

Джек покачал головой:

– Я и сам знаю окрестности, разберусь.

Артур разочарованно сник. Энце даже стало его жаль, и понятно, что он так вырваться хочет: небось, тоже надоела эта гнетущая затхлость окружающего. Она вздохнула и продолжила чтение, делая пометки в блокноте, а спустя час, когда они с Джеком спускались вниз, сказала:

– А помнишь того парня, что вчера нас встретил? Что-то его больше и не видно.

Джек пожал плечами. Мало ли какая у него должность? Может, он как раз выездной сотрудник.

Они довольно сносно пообедали в студенческой столовой, запасливая Энца еще с собой набрала бутербродов и шоколадок: на случай, если дело с «русалкой» затянется.

Часа через три после того, как они вернулись, Айниэль отдала приказ о

выдвижении... то есть сказала, что машину пора готовить к выезду и всем выходить. Джеку была вручена сумка с инструментами и материалами по делу, Артур вышел, чтобы подогнать машину, а все остальные спустились на крыльцо. Джек и Энца устроились прямо на ступенях, Айниэль замерла у двери, скрестив на груди руки.

Энца, болтая ногами и упершись лбом в кованую решетку, рассказывала Джеку о слухах, которые ей передал Саган: будто бы в городе нашли двоих магов, в состоянии комы, обезвоженных, но без видимых увечий. Подозревают, что в городе проснулся пси-вампира, но пока придерживают информацию. Еще говорят, что «Справедливая ассамблея» готовит что-то жуткое на неделю перед Петровым днем. Джек только дивился феноменальной осведомленности Сагана, хотя байку про пси-вампира он уже слышал в курилке.

Айниэль постукивала каблуком бежевой туфельки все чаще и напряженнее, и, наконец, вслух выразила свое презрение сплетням и их распространителям. Энца оскорбилась и замолчала.

На болотно-зеленом, порядком обшарпанном и процарапанном до металла минивэне подъехал Артур.

– Пожалте в салон, – радушно крикнул он.

От жары лицо его еще более покраснелось, а короткие волосы слиплись от пота, открыв небольшую лысину на макушке.

Кондиционера в машине не было, и сама она была лет на пять младше Энцы, – что для машины весьма серьезный возраст, – так что, стиснув зубы и изнемогая от духоты, наполненной густым запахом разогретого металла, масла и бензина, вся четверка потряслась на окраину города, на берег медленной реки Эне.

***

«Четвертого мая этого года, я шел по набережной реки, выгуливая собаку. Обычно я делаю это в седьмом часу, после возвращения с работы, но тот день был укороченным, так что я вернулся раньше, и мы вышли около пяти. Точнее сказать не могу, на часы не смотрел.

Мы перешли мост, дошли до парка с собачьей площадкой и минут через двадцать вернулись.

Джек (это моя собака) почему-то замешкался на мосту и начал лаять, просунув голову между перил. Я едва его оттащил и повел домой. Какое-то время мы шли по набережной, и вскоре я обратил внимание, что на реке, рядом с берегом есть странная рябь. Как узкая полоса, и идет против течения. Мы шли еще минуты две, и рябь держалась наравне с нами. Я

подумал, что это какое-то животное, подошел к ограждению и посмотрел вниз. Джек снова начал лаять, но в этот раз подходить ближе отказался и наоборот тянул меня назад.

Мне показалось, что на глубине мелькнуло чье-то лицо и длинные черные волосы, потом рябь исчезла и все остальное тоже.

Может, это один из этих монстр-объектов, хотя у нас отродясь не было в округе прорывов, фон стабильный всегда был. Жена говорит, что по всем признакам, это русалка, и мне еще повезло, что меня не утащили.

Но то, что там было нечто, это совершенно точно. Я очень доверяю своему псу, у него отменное чутье. Он охотничьей породы, из гаузских белых.

5 мая 20.. года
О. Т. П...ский,
врач-терапевт
1-й Городской клиники»

***

«Требую немедленно разобраться и прекратить творящееся в нашем районе. Систематически пропадают люди, а власти закрывают на это глаза! Маг-бригады полиции со своим делом не справляются, на вызовы приезжают (с большой задержкой!), но мост не исследуют!

Также пропадают бродячие кошки и собаки, которые раньше жили во дворах домов, которые стоят вдоль набережной... но это совершенно никого не волнует!! Мною неоднократно были направлены заявки в Общество защиты животных, и в Союз поддержки пенсионеров, но ответа я не получила.

Под мостом раньше жили двое бездомных стариков, которыми очень халатно занимались социальные службы. Об этом я также сообщала в соответствующие органы! Этих стариков я неизменно встречала во время утренней прогулки, но второго мая этого года, стариков на месте не оказалось. Первые два дня я не тревожилась, но по истечению этого срока их отсутствие мне показалось подозрительным, и я направила письменный запрос в орган социальной службы, ответственный за наш район.

Не дожидавшись ответа, я стала звонить туда, и вопреки хамству и откровенной невежественности работников службы, я выяснила, что никто не увозил стариков, а по их именам, которые я выяснила там же, и по описанию, которое я давала лично, ни в одной больнице, морге или ином

подобном заведении их не было.

Из чего был сделан вывод (на основании некоторых личных наблюдений, копию своего дневника я прилагаю к данному обращению), что под мостом в реке живет некое создание, представляющее угрозу всем живущим вокруг людям и животным.

Требую разобраться и удалить это создание!! Копии заявления отправлены в Дисциплинарный комитет магов, Отдел расследований преступлений, связанных с магией и в городской филиал Института парасвязей.

10 мая 20... года

С. Г-ис,
пенсионер»

***

«Выдержки из опросов местного населения. Маг-бригада #3, Заречный отдел.

'... Да, мы, конечно, слышали эти слухи, про водяного духа и все такое, но знаете, как-то с трудом во все это верится. Мы с дочерью вообще считаем, что лучше бы власти занимались бездомными или этими экстремистами из «Справедливой ассамблеи», которые постоянно движение в центре перекрывают. По мне так все проблемы от магии. Вот я слышала в Федерации Остзейде с ними не цацкаются как у нас, всех магов изначально блокируют, а с парабиологическими существами и вовсе разговор короткий – сжигают на месте. А знаете, как живут? Ого-го, нам так и не снилось. Эта вся толерантность и списки защиты, они нам только вредят. Пример надо с Остзейде брать.'

'...А я своими глазами видел, как волосья черные плывут по реке, из-под моста и обратно. Уж я-то на глаза пожаловаться не могу, и не слушайте, что жена про меня говорит. Она сама глухая как пень, а у меня все в порядке. Так вот, они там только по вечерам виднеются, перед закатом или в сумерках. Лицо? Нет, лицо не видел, только длиннущее полотнище, как куча черных водорослей полоскается. Я ж сначала и думал, что водоросли, только потом сообразил, что они против течения-то плывут. А жена у меня, курица, ничего и не увидела, хоть я ей показывал.'

'... Это не водяной дух, и не русалка, а самая настоящая горбана, по Всемирному индексу парабиологических существ классифицируется как J-41.2.0, то есть существо средней опасности, малой магической силы,

людоед. Я с детства интересуюсь парабиологией, у меня все справочники и обновления классификаций есть, и я основатель форума «ПараБ», в Сети... Не слышали?.. Ну, мы вообще-то крупнейшее объединение в нашем регионе... Что?.. Нет, я сам ее не видел, мне сосед описывал. '

'... Да врут они все! Никто ничего не видел, кроме пары алкашей и бабки, которая всех тут достала своими подозрениями и претензиями. То у нее кошек кто-то крадет, то двух бродяг съели, то шумят в неположенное время. Вы не поверите, ее во всех местных службах социальных, поликлиниках, отделении полиции, везде знают, здороваются и тут же переходят на другую сторону улицы, потому что не отстанет. У нее каждый день новое дело, преступление или чья-нибудь халатность. А про эту русалку даже слышать не хочу, целый месяц все о ней жужжат. По этой реке какой только мусор не плавает, вы себе не представляете. И волосы можно углядеть, и человека, и единорога. Я? Да видел, конечно, я же говорю: мусор это плавает... водоросли и мусор. Вы бы лучше поискали, кто это в городской черте такое в реку спускает. '»

***

«Заключение»

В ответ на несколько заявлений граждан Заречного района был проведен осмотр моста между улицей Жацкого и 3-ей Каменной набережной, взяты пробы воды, камня и глины, а также проведен опрос местных жителей.

Согласно проведенным опросам мнения жителей крайне противоречивы и ясной картины не дают. Некоторые видели нечто, похожее на черные длинные волосы, плывущее против течения, но по большей части жители отрицают наличие подозрительных элементов и явлений.

Осмотр пространства под мостом и самого моста никаких результатов не дал. Штатные артефакты поиска обнаружили некоторые остаточные эманации магии, которые пренебрежительно малы и могут относиться как к человеческой магии, так и к естественным стихийным образованиям. Артефакт обнаружения парабиологических существ результата не дал.

Отчет об анализе взятых проб прилагается.

Выводы экспертов говорят о том, что, хотя все образцы несут остаточные эманации, магия, которая экспонировалась на них, была слишком слаба по уровню и непродолжительна, чтобы делать какие-либо утверждения о ее природе.

Резолюция: дело передать в ведение отдела архивных исследований Института парасвязей для окончательного решения.

26 мая 20.. года
Густав Шаус,
старший унтер-офицер,
маг-бригада #3,
Заречный район, г. Гражин»

– М-да, – сказал Джек, захлопывая папку. – Другого имени для собаки он придумать не мог, ну конечно.

Дочитал он как раз вовремя: Артур остановил машину возле южного окончания пресловутого моста, на улице Жацкого.

Нельзя было не заметить, насколько он оживился, даже по сравнению со своим обычным поведением. Артур не сидел на месте ни минуты, он облазил мост сверху донизу, практически обнюхал все перила, поскреб осклизлые, покрытые тиной камни под мостом на небольшом каменном уступке, где, видимо, жили те двое упомянутых бродяг.

Мост был довольно высоким: плавным каменным горбом изгибался над неспешно текущей рекой, и в центре от перил до поверхности воды было не меньше двенадцати метров.

Джек прошел на середину, поглазел по сторонам. Энца присоединилась к нему, затем Артур, в третий раз перебежав на ту сторону и обратно. Айниэль стояла возле машины, записывала в блокнот замечания коллег и свои наблюдения.

– Ну что? – бодро спросил Артур у молодых людей. – Свобода! Осмотреть надо все.

И, достаточно ловко для своей комплекции перемахнув через перила, прыгнул в реку, подняв целый столб брызг.

Энца с Джеком переглянулись. Посмотрели на Айниэль, которая с каменным лицом наблюдала расходящиеся по реке круги. Энца подошла ближе, перегнувшись через перила, посмотрела на воду. Артур не появлялся.

Поплыл против течения? Нырнул до дна?

– Эм... Айниэль? – спросила девушка. – А это так надо?

– Нет, – злым голосом ответила та. – Он нарушает инструкцию! И плавать не умеет, насколько я знаю.

Тогда и Джек рванул к перилам, выглядывая, не покажется ли где голова с проплешиной.

Пусто. Река успокоилась, мутная, желтовато-коричневая, она невозмутимо продолжала нести свои воды вперед.

– Ну... кхм, – неуверенно начала Энца. – Надо, наверно, его доставать.

Давай я, Джек, а ты скорую вызывай.

– Не надо скорую, – быстро сказала Айниэль. – Я сама его полечу, у меня сертификат второй степени на оказание медицинской помощи. Надо его только вытащить.

Напарники переглянулись.

– На всякий случай, – тихо сказал Джек, – возьми у меня...

Энца помотала головой:

– Не буду сейчас.

Она наклонилась развязать кроссовки, но Джек схватил ее за локоть.

– Не время выделяться, – прошипел он. – давай быстро. Вдруг там и правда горбана?

Энца стряхнула его руку, исподлобья посмотрела.

– Не буду, – упрямо сказала она. – Эта Айниэль смотрит... да все обойдется как-нибудь.

Она с трудом стянула так и не расшнурованные кроссовки и, пресекая дальнейшие разговоры, перемахнула через ограду. Джек выругался вслед, потом спохватился, сплюнул через плечо, сложил пальцы в знак, отводящий беду.

Энца, извернувшись головой вниз, без всплеска вошла в воду, за ее спиной трепетали как крылья широкие длинные лезвия, которые она использовала, чтобы замедлить падение.

И опять тишина. Проходящие по мосту люди, оборачивались, на набережной внизу парочка местных любопытствующих остановилась и, опершись о перила, глазела в ожидании чего-нибудь интересного.

«Чертова дура, – взбешенно подумал Джек, – застеснялась она! Горбана ослепит и выжрет ее там... и где этот толстый плешивый ублюдок?»

Некстати зазвонил телефон, Джек не глядя ответил, продолжая вглядываться охряную муть воды.

– Что?.. Мне некогда, Роберт... В смысле? Мы на работе. Нет, не знаю, когда... Твою мать!.. – вдруг заорал Джек, сунул телефон в карман джинсов и бросился бежать.

***

Когда Энца рыбкой вошла в толщу воды (сильно опасаясь напоротья на какой-нибудь крупногабаритный мусор, которым обычно изобилуют городские реки), то попервоначально она ничего не увидела: вокруг была одна муть. Неясные солнечные лучи косыми копьями пронзающие воду много света не давали. Когда привыкла, стала различать и темные

кольшущиеся ленты водорослей и бесформенные пятна на дне. Тот самый мусор, затянутый илом. Смутно угадывались какие-то деревянные ящики и шины.

Оставалось только удивляться, как только такие прихотливые и капризные существа как русалки или горбаны тут прижились. В реках и лесах Старого света они стали редки именно из-за возросшего загрязнения.

Энца поворачивалась в воде, пытаясь углядеть Артура. Воздуха хватало, пока еще был резерв энергии, только вот лезвия пришлось еще немного покрутить, чтобы приспособиться к воде.

У правого глаза мелькнуло что-то, совсем близко, Энца инстинктивно отшатнулась в сторону и тут же шею пронзила резкая боль.

Девушка взмахнула лезвием, одновременно ныряя вперед, чтобы перевернувшись, оказаться лицом... к чему-то странному.

Зависнув на миг вверх ногами, Энца увидела сначала лес кольшущихся бледных палок, потом поняла, что это конечности, тонкие и многосуставчатые, с черными крючками на концах. Такой же крючок застрял в ее шее сзади, отсеченный удачным ударом, вместе с сегментом этой то ли руки, то ли ноги.

Прямо под лесом несколько темных пятен, размером с человеческое тело, будто бы стоят на дне. Дальше полоса мрака от берега до берега: тень от моста.

Энца извернулась под водой и рванула вперед, вспарывая воду лезвиями. Конечности горбаны неожиданно ловко избегали их, и все метили ей в глаза, но и Энца пока еще уворачивалась, на самом деле начиная уже чувствовать, что тонкий слой воздуха, который она способна была держать, начинает исчезать.

Надо было палки какие-нибудь захватить, с досадой подумала Энца. Воздушные лезвия забирали в себя так нужный ей сейчас воздух.

Сосредоточиться! Тот парень-любитель из отчета был прав, это горбана. На физическом уровне горбана – мешок с гнилостным газом, десятком-другим ловких гибких конечностей, завершающихся хитрыми крючками, и длинной черной «шевелюрой», которая росла у нее на животе. Что надо делать: вспороть мешок, отсечь как можно больше этих руко-ног и всплывать, ни в коем случае не трогая черные длинные волосы, которые стрекают ядом. Яд сам по себе не смертелен, но парализует, что под водой, собственно говоря, фатально.

Пока Энца не могла добраться до горбаны, та ускользала, пытаясь хлестнуть Энцу, зацепить ее крючками, и девушка уже начинала сдавать, теряя силы.

Всплыть.

Иначе не хватит воздуха.

Вдохнуть и снова попробовать искать. Там наверху осталась Айниэль, она тоже может что-то предпринять.

Энца проморгала пару конечностей, которые захлестнули ее ноги, резким ударом отсекала их и пропустила удар в туловище, отшвырнувший ее вниз.

Девушка едва успела затормозить, отвернуться, но все равно ребром какой-то арматурины, торчавшей из груды ящиков, задело голову.

Сразу же вслепую выставила в сторону лезвие, ожидая сокрушающего удара, но его не последовало.

Всплывая вверх, с гудящей от удара головой, она увидела удивительнейшую картину: Артур, который, как она полагала, уже парализованный или оглушенный лежит где-то среди мусора, стоял, крепко упершись ногами в дно и тянул за несколько конечностей горбану к себе.

Так, как тянут сети рыбаки.

Если бы у горбаны было лицо, оно, несомненно, выражало бы такое же изумление, как у Энцы. Девушка изменила направление и рванула к горбане, увидев возможность удара по туловищу, хотя воздух был на пределе: теперь она уже использовала запас обычного дыхания.

Однако горбана извернулась, прыгнула вверх, с силой таща за собой Артура, и сразу пятеркой целых конечностей отбила Энцу в сторону.

***

Вода вспучилась, пенные потоки сбегали с горбатого сизого тела, которое изогнулось, выбрасывая вверх несколько многосуставчатых бледных конечностей, затем шумно плюхнулось обратно.

Именно это зрелище заставило Джека бросить трубку и побежать. По дороге он крикнул Айниэль, чтобы та отмерла и сделала что-нибудь, а сам прыжком перемахнул через ступени, ведущие вниз к реке.

Под чьи-то истошные вопли с другого берега, он, придерживаясь рукой за влажные камни облицовки, зашел на выступ под мостом. Пришлось сильно согнуться, а волосы скрутить в жгут и запихать под воротник футболки, иначе ветер так и норовил забросить их в глаза.

Из воды вылетела Энца, спиной грянулась о каменный парапет, который прежде служил ночлежкой для бродяг под мостом, застонав, перекатилась на четвереньки.

...На противоположной от Джека стороне, так что тот только зубами скрипнул от злости: ничем не помочь, разве что тоже кидаться вплавь.

Сизое тело, гладкое и склизкое на вид, метров двух в длину, снова

поднялось из воды, рвануло к Энце, которая еще трясла головой, оглушенная ударом, но вдруг резко остановилось, ушло под воду. Затем, судорожно молотя тонкими конечностями, снова всплыло.

Будто его что-то держало там, под водой.

Энца с низкого старта прыгнула вперед, изготовив воздушную саблю и срубив по дороге пару заполошно мечущихся конечностей.

Не рассчитала и, рубанув на излете по телу, соскользнула сама и боком плюхнулась в воду, ослепнув на миг от брызг.

***

Из разреза на боку горбаны со свистом вырывался белесый газ. Отчетливо пахло тухлятиной. Тело слабо брыкалось и рывками двигалось в сторону Джека.

Энца вынырнула рядом. Мокрые волосы облепили бледное лицо, на щеке – глубокая царапина и большое пятно, обещающее перерасти в знатный синяк.

– Там на дне Артур, он ее тащит! – срывающимся голосом сообщила она.

– Иди сюда, бес бы тебя побрал, – сердито сказал Джек, протягивая руку.

– Подожди, – отмахнулась Энца и снова нырнула.

Тело горбаны вдруг выгнулось снова, в бешеных судорогах заплясали над поверхностью тонкие плети ее конечностей. Джек невольно отшатнулся, зажимая нос: запах стал совсем невыносим.

Сверху раздавались крики, все громче и громче.

А потом снова вынырнула Энца, совсем близко, и Джек помог ей вылезти. Горбана обмякла, сдвинулась в их сторону и вскоре из-под воды показался мокрый, но вполне целый Артур. Он отказался от помощи, вылез сам и потянул за собой недвижимое посеревшее тело.

Энца тряслась на ветру: она промокла до нитки и, несмотря на летнюю духоту, которая к вечеру так и не спала, мерзла. Вода текла с ее волос и одежды, она обхватила себя руками, чтобы не дрожать так явно, и пошла к ступеням вслед за Джеком и Артуром.

Не сразу заметила, что из носа течет кровь: уже привыкла к тому, что каждый раз полна заимствованной энергией, и в этот раз не сэкономила силы.

Джек тоже не заметил, он как раз помогал Артуру втащить по ступеням все еще брыкающееся тело горбаны.

Потом, отведя коллегу за локоть чуть дальше, не размахиваясь, врезал по челюсти.

Артур откинулся, не ожидая удара, а потом, на автомате, уклонился, когда Джек хотел схватить его за грудки, и попытался сбить Джека с ног ударом в колено.

Мужчины вцепились друг в друга, но потасовке быстро пришел конец, едва Айниэль подошла к ним и положила маленькую белую ладошку на плечо Артура.

Тот сразу обмяк, выпустил противника.

– Ты урод, – зло сообщил ему Джек. – Что ты творишь-то, мать твою? Если у тебя был какой-то план, почему не сказал заранее? Ты понимаешь, что мы должны подготовиться?..

Артур пусто смотрел на него, потом, моргнув, вздрогнул и поднял руки.

– Прости, парень, – покаянно воскликнул он. – Да ну, бес возьми, я привык один работать, и как почуял внизу эту хреноту, так и кинулся. А про вас и забыл!.. Ну вот как из головы вылетело, честное слово!

Джек хотел что-то сказать, но его прервали.

За спиной Джека взвыл незнакомый молодой человек. Судя по модуляциям, это его вопли слышались непрерывно последние несколько минут. Он задыхался, схватившись за левый бок, был бос и взъерошен. Жил он, видимо, где-то недалеко – одевался явно впопыхах. Несмотря на общую субтильность и модную стрижку с длинной челкой, выглядел он воинственно, и ничуть не испугался ни длинного Джека, ни крепкого Артура.

– Это же горбана, вы что творите, сволочи!.. – обрета дыхание, снова заорал парень. – Я уже вызвал маг-бригаду, немедленно отойдите от нее! Это существо находится под государственной охраной!..

Как раз в этот момент на набережную поднялась, наконец, пошатывающаяся Энца. Кровь на щеке уже начала подсыхать, неровно размазанная случайным движением, под носом темная трапеция свежей крови, ссадина на лбу и рядом синяк угрожающе наливающийся багровым цветом, руки в порезах, на плече лежит бледный сегмент конечности с крючком в шее, который она не смогла вынуть. Молодой человек замолчал, оборвав речь на полуслове.

Джек едва снова не врезал Артуру, увидев ее, даже рука задергалась, но он сдержался, шагнул к Энце...

Взвился вихрь бледных полуобрубленных конечностей, свист выходящего газа усилился, а горбана, выгнувшись, мощно изобразила мельницу, сшибая с ног стоящих вокруг нее, включая своего защитника.

Так же неожиданно она вдруг затихла, почти сдувшись, как проткнутая

шина. Вставая на ноги, молодой человек горестно сетовал, призывая на их головы всевозможные кары за эту загубленную сущность и обещая скорейшую расправу посредством уже летящей сюда маг-бригады.

Артур только хмыкал и ворчал, что в этих маг-бригадах должны быть настоящие маги, а не увешанные артефактами умники, чтобы не делать таких ошибок, как с этой горбаной.

Джек помог Энце встать, потом заставил сесть на ступеньку и опустить голову между колен, когда понял, что та собирается отключиться. Когда девушка более-менее пришла в себя, уговорил ее восстановить энергию, благо у той уже не было сил спорить.

***

Приехавшая маг-бригада скандалить не стала к огромному разочарованию молодого человека, который отказался удалиться, требовал наказать всех, спасти горбану, вызвать телевидение, распространить информацию и еще много чего.

К общему счастью магов и полицейских, он так спешил, увидев жуткое действо в свое окно, что, вызвав маг-бригаду, забыл телефон дома. И теперь разрывался между обязанностью все лично проконтролировать и сбегать за аппаратом, чтобы снять видео и фото ужасающего произвола властей, как всегда разрушающих экологическое равновесие.

– Там на дне три или четыре трупа, горбана оплела их уже и подъедала помаленьку, – сообщил Артур офицеру маг-бригады, который не медля вызвал водолазов.

Потом они поцапались из-за едких замечаний Артура насчет «отличной» работы, которую провела предыдущая маг-бригада, и за то, кто из них заберет себе тело горбаны, которое еще продолжала судорожно подрагивать. Именно эти подрагивания и решили вопрос в пользу Института: полиция не располагала помещениями для содержания еще живых парабиологических сущностей.

Между тем один из полицейских принес Энце свою куртку и бумажный стаканчик с горячим кофе. Сел рядом и стал расспрашивать, записывая на диктофон. Сделал замечание Джеку, который сидел по другую руку от Энцы и курил.

Девушка почти согрелась и успокоилась. Сила, которой с ней успел поделиться Джек, искрилась, разливаясь по венам. Крючок из шеи вытащил Джек, морщась и ругаясь, а все тот же полицейский притащил аптечку из машины, и они вдвоем залили ей половину шеи йодом.

Потом Артур подошел, долго извинялся перед Энцей, хлопнул Джека по плечу, сказал, что не в обиде. С помощью полицейских загрузили

обездвиженное печатями тело горбаны в минивэн и уехали.

– Как-то быстро со всеми формальностями разобрались, да? – шепотом спросила Энца.

Перед отъездом она вернула куртку полицейскому и теперь снова начала дрожать: мокрая одежда все не высыхала.

Джек был согласен: наскоро расспросили и отпустили. В прошлый раз, после разгрома сквера, их долго мариновали, и потом еще пришлось пару раз заезжать в отделение подписывать распечатанные показания и что-то уточнять. А тут покивали и попрощались.

Но ведь бывает же в мире что-то... справедливое. Хотя бы иногда.

– Сейчас доедем до кампуса, – сказал Джек, – и я тебя отведу в медкабинет.

– Может, не надо? – заметно скисла Энца. – Я только поцарапалась.

– Ну да, конечно, – пожал плечами Джек. – Вот пусть эти царапины и прижгут. Зато потом прыгать с моста не будешь, без подготовки.

Так он и сделал, несмотря на ее протесты. Перед этим, правда, покопался у себя в багажнике, нашел ей рубашку переодеться и долго ржал: рубашка укрыла ее до колен, и рукава болтались как у Пьеро.

Энца перехватила ее ремнем на талии, а рукава закатала, так что вышло довольно приличное платье. По крайней мере, в медкабинете ни медсестра, ни врач ничего не сказали.

Синяк и порезы быстро ликвидировали: дежурный оказался довольно-таки приличным целителем. Насчет основательно залитой йодом шеи Энцы врач долго ворчал, потом сосредоточенно вытягивал что-то из ранки, сказав, что горбаны, особенно матерые, зачастую оставляют метки на раненых ею людях и тянут потом силы.

– На вас обоих, кстати, – сердито сказал врач, окончив с Энцей. – довольно сильные негативные остатки. То есть остаточные следы негативной пси-энергии. На чистку надо приходить регулярно, а то эта дрянь накапливается... потом аукнется так, что локти будете кусать. С тебя я сейчас снял, а ты, Джек, зайди завтра, у меня уже сил на тебя не хватит.

Напарники обменялись взглядами: где только они в последнее время не бывали, неудивительно.

***

На обратной дороге пришлось сделать крюк. Бульвар, по которому они обычно ехали мимо центра оказался закрыт. С одной стороны стояло оцепление, с другой бурлил стихийный митинг, занимая и тротуар, и большую часть дороги.

– Опять эти мутят, – недовольно нахмурился Джек, прикидывая, как

можно объехать.

Энца, недоуменно морщась, вчитывалась в лозунги, написанные на полотнищах и кусках картона: «Свободу магической крови!», «Остановите смерть детей!», «Верните нам наши права!» и тому подобное. На краю толпы пара человек даже зелеными солнцами, нарисованными на бумаге, размахивали.

Увидев синюю звезду на номерном знаке машины Джека, показывавшую, что владелец машины – маг, демонстранты стали активно приглашать того присоединиться. Некоторые хлопали ладонями о капот машины, что-то кричали, но Джек показал им неприличный жест и резко вывернул руль, разворачивая машину.

– Почему ты их так не любишь? – спросила Энца. – Не сказать ведь, что там у них неправда написана.

Джек отмахнулся.

– Да ну их к бесам. Орут да скандалят, уроды. Накаляют атмосферу, а конкретно толку никакого нет.

Машина попетляла по переулкам, потом вывернула на широкий проспект.

– А, мы тут были недавно, – оживилась Энца. – Тут где-то Литейный тупик, где тараканы были...

Она повертела головой в поисках знакомого поворота и вдруг восхищенно присвистнула.

– Что там? – спросил Джек.

– Вроде магазинчик, – отозвалась Энца, прижавшись носом к стеклу, – а в витрине бердыш, жуть какой красивый.

Джек притормозил и свернул к тротуару. Втиснулся между зеленым потрепанным «жуком» и спортивным «арсином».

– Ну, иди, – сказал он удивленной Энце.

– Куда... иди?

– Смотреть свой бердыш, – отозвался Джек и полез за сигаретами.

– А что – можно? – поразилась Энца и, не дожидаясь ответа, выскочила из машины.

И ведь забыла о своем «платье», едва залеченных руках, пластыре на лбу, который закрывал ссадину, побежала смотреть на какие-то железяки. Джек повернул голову: лавочка была антикварная, и помимо того самого бердыша с очень широким лезвием, украшенным серебряными накладками с затейливой чеканкой, в витрине лежали кинжалы, шкатулки, книги и пара антикварных кукол под пыльным парчовым балдахином, который художественными складками нависал над ними.

Джек сунул незажженную сигарету обратно в пачку и вышел из машины: решил, что тоже стоит поглазеть, если те книги не муляжи, конечно. Вообще, выставлять на витрину старинные хрупкие вещи как-то не осмотрительно, думал Джек, остановившись рядом с Энцей. Девушка практически уткнулась лицом в стекло, жадно разглядывая оружие.

– Ты такими штуками увлекаешься? – спросил Джек.

Энца кивнула, не поворачивая головы.

– Я его запоминаю. Потом можно будет воспроизвести в воздушной версии.

– Если вам интересно, – раздался рядом с ними приветливый женский голос, – то можете пройти внутрь и посмотреть. Конкретно этот бердыш – современная реплика.

Голос был маняще глубок, хриловат и прекрасен.

Да и сама его обладательница была под стать: опершись плечом о притолоку двери, стояла высокая рыжеволосая женщина в простом черном фартуке поверх рубашки и брюк, которые не скрывали ее весьма аппетитной фигуры. Необычайно яркие синие глаза с теплом смотрели на них, пышные волосы были перехвачены атласной лентой.

Мечта, а не женщина, подумал Джек и приветственно улыбнулся.

– А что... можно? – снова спросила Энца и тут же осеклась. – Но мы не будем покупать...

Женщина склонила голову к плечу и рассмеялась.

– Рассматривать я не запрещаю, а в моем магазине и помимо опасных железок есть немало интересного...так что прошу.

Она повернулась и исчезла внутри.

Магазинчик был совсем небольшой, и антикварным звался скорее для красоты, чем отражая свою суть. Вещи тут были совершенно разные: от модно винтажных до действительно старинных.

Вдоль стен стояли полки с книгами, разнокалиберными статуэтками, вазочками, куклами в пышных, поблекших нарядах, потрепанными мишками. В глубине был прилавок с кассой, над которым гроздьями висели колокольчики, бронзовые, фарфоровые, серебряные, самых разных форм и размеров. За ним стояло несколько шкафов со стеклянными дверцами и замками, с выгравированными на них защитными пентаклями: вот там, видимо, хранилось наиболее ценные экземпляры.

Пройти к прилавку можно было по узкому ходу, лавируя между корзин, открытых сундуков и пары изящных столиков. В некоторых корзинах букетами торчали мечи и кинжалы, в сундуках лежали тончайшие пожелтевшие кружева, бисерные кошельки и сумочки, тускло блестела

стеклянная бижутерия. На столиках в окружении фарфоровых собачек и балерин, фигурных пресс-папье и серебряных чашечек стояли лампы под зелеными, витражными и фарфоровыми абажурами, мягко освещая все эти богатства вокруг.

– Его можно подержать в руках, этот бердыш? – спросил Джек.

– Конечно, – мягко улыбнулась женщина, отперла витрину и с некоторым усилием вынула тяжелый обух с насаженным на него лезвием.

Энца благоговейно приняла его в руки и поскорее отошла подальше от них.

– Смотри, не разруби ничего, – строго сказал Джек.

– Что вы, – удивилась женщина. – Он совершенно тупой. Я никогда не держу здесь острого.

Они некоторое время понаблюдали за осторожно двигающейся Энцей, которая внимательно взвешивала бердыш в руке, проводила пальцами по лезвию, переключивала из левой руки в правую, широким плавным жестом описывая полукруг лезвием. Воздух гудел, и Джек чувствовал на языке вкус знакомой магии.

– Это ваша девушка? – спросила женщина. – Она, видимо, увлекается ролевыми играми?

– Нет, – сказал Джек, – и нет. Мы коллеги, и оружие – ее рабочее увлечение.

Он покосился еще раз на Энцу и повернулся к женщине.

– А книги? – спросил он. – Что вы можете показать интересного?

– Смотря чем вы интересуетесь, – медленно улыбнулась женщина.

Джек ответил ей не менее многозначительным взглядом.

– «Сиянье темных звезд стремился я познать, и тайный шифр комет»...

– Вы тоже знаете эти строки? – неожиданно оживилась женщина. – И мне так понравился этот поэт, у меня целый сборник есть.

– Чего? – осекся Джек и недоуменно уставился на нее. Он собирался процитировать строфу до конца, не ожидая, что она его прервет.

Она быстро сходила за прилавок и принесла оттуда небольшой синий томик с серебряными буквами на обложке.

– Вот, – показала она. – Он современный поэт, и поэтому книга здесь случайно оказалась. Но, знаете, это такие удивительные стихи, я начала читать от скуки и не могла оторваться...

– О! – сказала Энца, подходя к ним. Бердыш на плече, и кажется, даже блестит больше чем раньше. – Это же твои стихи, да, Джек? У тебя дома такая же книжка, мне Саган показывал... м-м-м... Что-то не так?

Энца практически сразу заметила и вытянувшееся лицо Джека, и

недоверчивое изумление женщины.

– Не надо было этого говорить, да? – уныло сказала Энца. Подумала, что все же лучшая тактика, чтобы не попасть в глупое положение – это молчать. Или отвечать, только когда спрашивают.

Нет, но ведь есть же на свете люди, которые всегда говорят впопад?

– Что вы!.. – воскликнула женщина. – Это правда? Вы написали эти стихи?.. Ох, это просто чудо какое-то, разве так бывает в жизни...

Она просто-таки лучилась радостью, прижимая эту книжку к своей груди. Ни Джек, ни даже Энца не могли противиться ее обаянию, невольно улыбаясь в ответ.

– Да, я автор, – отозвался Джек. – Правда, очень давно, еще студентом...

– Знаете, что! Вы должны мне ее подписать, – воскликнула женщина и сбегала к прилавку за ручкой.

Джек расписался на титульной странице, присовокупив пару слов от себя вроде «прекрасной» и «синеглазой», и попутно узнал, что женщину зовут Елизавета Рюген.

Пока Джек на полную использовал свое обаяние и рассыпал словесные перлы, Энца деликатно ждала его у выхода, аккуратно прислонив бердыш к стене у входа и перебирая блестящие обломки старинных хрустальных подвесок в круглой шкатулке, снаружи выложенной стеклянной многоцветной мозаикой. Подвески были скучные, а вот шкатулка понравилась, и Энца несколько раз провела пальцами по ее многогранным бокам, разглядывая удивительно ярких рыбок, плывущих на алом фоне. Проводила, вспоминая совсем недавнюю историю с этим чудовищем. Желто-коричневая муть, слабые лучи солнца, пятна и эти мечущиеся бледные отростки с крючьями... Энца передернулась. Снова зарыла руки в ребристые колкие обломки хрусталя, возвращая чувство реальности.

Джек выглядел очень довольным: ему удалось обменяться с прекрасной владелицей магазина телефонами и выудить обещанием обсудить современную поэзию как-нибудь за ужином.

Кажется, хоть что-то сегодня случилось удачно.

На обратном пути они обсуждали ужин, встреча с которым у них так затянулась; горбану, которую увезли в Птичий павильон, а потом, наверно, отправят куда-нибудь в заповедник, как полагается; Артура, который выглядит толстоватым, но на самом деле одной рукой может эту горбану над головой раскрутить; парня, который орал на набережной – скорее всего он тот самый, основатель форума «ПараБ», один из тех, что давал показания.

– Это ж надо какие легкие у некоторых бывают, – задумчиво говорил Джек. – Он орал, по-моему еще выходя из дома и всю дорогу до нас. А ты видела то, о чем говорил Артур?

Спустя несколько секунд Энца отозвалась невнятно:

– Если будешь еще ловить рыбок, я хочу ту, с серебряным хвостом.

Джек покосился на нее и увидел, что девушка уже спит, откинув голову на спинку кресла. Выглядела она, несмотря на лечение и подпитку, отвратительно: бледная до синевы, с темными пятнами под глазами. Джек слегка сбавил скорость и стал плавнее поворачивать, чтобы не разбудить ее. Пускай спит, сон восстановит силы.

Не то, чтобы Джек предчувствовал что-то, этот дар едва развит был, но тем не менее... надо быть готовым, ясно сказал внутренний голос.

Жаль, что без всякой расшифровки.

История восьмая. Романтические переживания и несчастливые случайности

– Ты чего валяешься? – встревоженный голос Джека вырвал ее из сна. – Пропала, что ли? Вставай! Знаешь, сколько времени уже?

Энца вскочила, едва не упав с дивана. Если Джек встал раньше, это значило, что она просто безбожно проспала, и страшно представить, какие кары для них сегодня выдумает Айниэль...

Стоп.

Как-то слишком сумеречно для позднего утра.

Энца поморгала, постепенно собираясь с мыслями, а Джек довольно заржал.

– Да спи уже, – сказал он, зевнув. – Еще пять утра, я просто отлить ходил, а тут ты так дрыхнешь, грех было не отомстить. К тому же, сегодня суббота.

Он поднял с пола упавшего плюшевого медведя, блекло-желтого и сильно потрепанного, повертел его и сунул обратно Энце, хмыкнув.

– Он заговоренный, от плохих снов, – пробормотала Энца. Потом разозлилась на себя: эта скотина издевается, а она почему-то оправдывается.

Но дальше спорить не хотелось, она откинулась обратно на подушку и почти сразу уснула.

Прошедшие со дня поимки горбаны две недели выдались донельзя

насыщенными. Будто кто-то наверху решил, что они должны наверстать все те упущенные часы работы, которые они до встречи друг с другом проводили в праздности.

Ударно потрудившись в архиве, Энца составила справки по всем накопившимся на данный момент делам, – и не без помощи Джека, который сначала то же самое делал через базы данных Института наверху, в кабинете.

Но после того как Энца обрушила на себя стеллаж, только чудом увернувшись, и в другой раз едва не упала с лестницы, которая вела на подвальный этаж архивов, Джек притащил из дома ноутбук. Пока девушка, обвязав рот и нос банданой от пыли, носила и сортировала подшивки дел и журнальные сводки, Джек сидел, скрестив ноги по-турецки на столе в архиве и тоже работал. При нем было как-то спокойнее, и хотя Энца не боялась оставаться одна, все же вела себя собраннее, не задумывалась и не отвлекалась.

Дальше начались разъезды. Айниэль и Артур в этом больше не участвовали, но при этом заключили строгий уговор: при подтверждении жалобы самим не лезть и вызывать коллег.

За следующие дни Энца порядком поднаторела в штурманском деле и спортивном ориентировании на местности. Айниэль снабжала их картами и подробными указаниями, да и сам Джек тоже неплохо знал город и ближайшие окрестности, но те места, куда их заносило по долгу службы обоим были мало известны. Джек был за рулем, а казенный планшет с картами и их бумажные распечатки из архивов был в ведении Энцы.

Вот, например, коллектор, в одном из окраинных тихих районов города. Зелень, пестрые клумбы, тенистые улицы, солнечные детские площадки... Обо всем этом напарники с непередаваемой грустью вспоминали, когда они целый день ходили по системе тоннелей под ним. Жители замечали по ночам над всеми люками в районе пляшущие призрачные огни, и это могло говорить о том, что в канализации открылся нестабильный портал.

Система туннелей была достаточно простая, но все они до того походили друг на друга, что вскоре напарники перестали понимать, где они находятся. Сигнал сети пропал, и оба, ругаясь, крутили распечатанные карты двадцатилетней давности так и эдак, пытаясь определить, скорее как выбраться, чем как найти пресловутый портал.

Собственно, по восстановленному потом по памяти маршруту, обошли они почти все, чем не могли не гордиться. Вылезли далеко от точки входа, грязные, промокшие и усталые, не говоря уж о дурном запахе, который в

духоте летнего вечера казался еще более густым и мерзким, долго брели до машины.

Кроме крыс, грязи, тины и склизких стен ничего они не нашли.

Да, надо сказать, наученные предыдущим опытом, на эти вылазки напарники отправлялись вооруженные до зубов различными артефактами и приспособлениями. Джек позаимствовал каталог на складе и пару часов они корпели над ним, внимательно изучая, выписывая необходимое и споря по каждому пункту. Помимо этого, Джек связался с Ван-Лиром и выпросил парочку экспериментальных штучек, пообещав, что взамен Энца напишет подробный отчет по их использованию.

«Почему я, а не ты?» – удивилась Энца. «У тебя лучше получится», – легкомысленно пожал плечами Джек.

У нее и в самом деле это лучше получалось: Энца скрупулезно записывала все, что они находили, видели, регистрировали при помощи артефактов. Артур иногда язвительно фыркал: их отчеты напоминали больше отчеты маг-бригады, полицейских, которые на самом деле не владели никаким искусством, зато могли пользоваться необходимыми магически заряженными приспособлениями. Фыркал, а потом, поймав ледяной взгляд Айниэль, стихал и отшучивался.

Энца обижалась, но старательно не показывала этого, а Джек просто больше укреплялся в своей неприязни к Артуру.

Пару раз в неделю дежурили полсмены в одиннадцатой лаборатории, в крохотной комнатухе с тахтой и креслом у старого, местами подпаленного пульта с мониторами, половина из которых показывала серую рябь. Над дверью висела лампочка в проволочной сетке: при какой-либо опасности она должна была загореться красным, но за время их бдения этого ни разу не случилось.

Джек обычно спал, а Энца читала что-нибудь, тревожно прислушиваясь к звукам, доносящимся через открытую дверь дежурки из помещений лаборатории. Помимо скрипа, стука, грохота и треска разрядов, периодически доносились и стоны, и завывания, и шипение. В одиннадцатой лаборатории были оборудованы опытные стенды, специальная яма для особо крупных объектов и в крайне защищенном помещении стояли клетки с монстр-объектами.

Иногда ей даже хотелось, чтобы что-нибудь случилось: привыкнуть к этому ожиданию было тяжело.

Они изрядно поколесили по городу, побывали и в историческом центре, с извилистыми улочками, взбегающими вверх и вниз по холмам, маленькими парками и старинными церквями, и в уютных пригородах с коттеджами и деревенскими домиками, и в новых кварталах с высокими многоквартирными домами и дворами-колодцами.

По большей части все эти вызовы, путанные рассказы очевидцев и осмотренные места были пустышками. Хотя вот, например, в Лилейных садках, небольшом парке вокруг каскада прудов, разбитых еще при императорском дворе, они понаблюдали пару призраков, совершенно безобидных, и попали в знаменитую Вторую петлю.

Пространство в Садках было причудливым образом искривлено, некоторые дорожки замыкались сами на себя и друг на друга, образуя сложный лабиринт. Если не знаешь точек выхода, или ключ-заклинаний, ходить можно бесконечно. Цветники, розарий, сад камней, пруд с хрустальными сомами, ажурная беседка – эти повторяющиеся точки лабиринта, хоть и чарующе прекрасные, заблудившегося беднягу в скором времени начинали сводить с ума.

По легенде лабиринт был создан в восемнадцатом веке для молодой тогда еще императрицы Лиссы, которая чахла в ссылке. Императрица весьма обрадовалась затейливому подарку и, бывало, часами гуляла, одна или с фрейлинами, пытаясь развеять тоску. Да и потом, войдя в силу и переехав в столицу, Лисса строжайше запретила трогать Садки.

В наше время с ними уже не справиться: и уровень не тот, и многие разработки утеряны, так что стоит парк бельмом на глазу у городских властей и на потеху публике.

Впрочем, того, что они искали, Джек и Энца не встретили. Никаких признаков монстр-объектов, и на приманку никто не вышел. Побродили еще немного, хотели попасть в Большую спираль, которая по карте начиналась у клумбы с наперстянками, но все бестолку.

Точно так же впустую они осмотрели заброшенную ферму в пригороде и пару мостов на сонной речке Каруце.

Вот с новым микрорайоном им повезло больше. В одном из домов, в подвале, обнаружили целое гнездо «тараканов», вызвали Артура. «Ну и везет же нам на эту дрянь», – буркнул Джек.

В другом подвале нашли следы каких-то любительских ритуалов, с неумело начерченными пентаграммами, оплывшими свечами и соломенными куклами (судя по отсутствию магического эха, баловались обычные подростки), и застрявшего в грудке хлама кота.

Кота вытащили, обошли все квартиры дома и отыскивали хозяйку.

Пентаграммы пришлось стирать самим.

Вдоль и поперек облазили дом госпожи Ианцен, в окнах которой баловался, по ее словам, призрак. Осмотрели и обнюхали каждый угол, переговорив с соседями, и всю ночь просидели в засаде, в саду одного из них. Благо ночи были теплыми. Джек все время укреплял свой дух из фляжки с бренди, и часа в четыре утра Энца присоединилась к нему, устав от неподвижного сидения, язвительных комментариев Джека и недостатка сна.

На рассвете удалось-таки поймать «призрака» – кривляющуюся в окнах копию хозяйки. Нетипичный полтергейст с визуальными проявлениями – следствие неразвитых пси-способностей госпожи Ианцен, которая была магом, так и не прошедшим манифестацию силы.

Обратно добирались на такси, успевая как раз к началу рабочего дня. Артур с Айниэль, дождавшись их, отправились на дематериализацию полтергейста. Перед тем, как уехать, Айниэль сказала, глядя поверх голов Джека и Энцы:

– Если в следующий раз вы будете в таком виде на рабочем месте, я подам прошение о вашем полном отстранении от работы. Или же о переводе на сторожевые вышки в Саржино.

Джек только пожал плечами, да и Энца, слишком уставшая после этой ночи, не нашла в себе сил ужаснуться. Хотя было чему: саржинские аномалии со множественными порталами, пространственными искажениями, черными завесами и богатейшей фауной парабиологических существ и монстр-объектов, были тем, чем пугают нерадивых магов-студентов перед сессией. Чтоб сдавали хорошо, а то практику там будут проходить.

Хотя на самом деле направляли туда не абы кого, а в основном опытных боевых магов, с соответствующей оплатой контракта. И чего уж Айниэль захотелось припугнуть их этим Саржино, было непонятно.

Энца показала ей в спину язык, но и то, вышло довольно вяло.

Еще час напарники посидели за столом, пытаясь втянуться в рабочий режим, но отсутствие бдительного ока Айниэль и усталость притупили даже ответственность Энцы.

Время было еще довольно раннее, и Джек начал оглядываться, прикидывая, где можно вздремнуть, пока коллеги на выезде, а Энца решила пройтись прогуляться по флигелю, когда зазвонил телефон.

Аппарат был старый, с трубкой на пружинном проводе, пузатый и

черный. Энца полагала, что тот стоит у входа для красоты, вроде как дань памяти старым временам, так что когда тот резко, пронзительно задребезжал, едва не свалилась со стула, разворачиваясь в полной боевой готовности.

– Ого, – сказал более хладнокровный Джек. – Так он настоящий. Чего сидишь? Скажи «алло».

Энца бросила на него беспокойный взгляд, а Джек, довольно ухмыляясь, развалился на стуле. Кажется, будет возможность поразвлекаться.

Первоначально Джека сильно раздражала ее манера разговора: неуверенное бормотание, тихий робкий голос, потом как-то привык и даже начал видеть в этом нечто смешное.

Ей не было равных, если надо было спрыгнуть, например, с моста, или влететь в кучу монстров, чтобы порубить их, пройтись по темному парку в поиске чудовищ или сунуться в дом с привидениями.

Отнимите монстров, дайте ей трубку в руки, и она начнет трястись, мямлить, забывать слова и ставить в мучительно неловкое положение и себя и собеседника. Джек не уставал поражаться этому парадоксу.

Энца, угадывая общее направление мыслей напарника, сердито покосилась на него и, собравшись с духом, очень ровно сказала в снятую трубку:

– Отдел архивных расследований, слушаю... ммм, да. Да, это отдел расследований, верно... Что? Нет, здесь не работает никто с таким именем... простите... Может, я могу чем-то помочь?... Да, да... я слушаю...

Слушала она довольно долго, и глаза ее распахивались все больше и больше, так что Джек невольно заинтересовался и, встав из-за стола, подошел ближе, повернул трубку так, чтобы тоже слышать.

– Откуда звонят? – шепотом спросил он.

– Из какого-то имения... Длинный Редан или что-то в этом духе...

Джек понятия не имел, что это и где, но можно было предположить, что скорее всего речь идет об очередном «доме с привидениями».

Голос в трубке, явно принадлежащий старику, долго и обстоятельно рассказывал некую историю, путаясь в хронологии, возвращаясь и уточняя, так что Джек ни черта не понял, что к чему, но вторая часть длинной речи заставила его наострить уши.

Старик приглашал представителей отдела на несколько дней в имение, суть мероприятия Джек не очень уловил, но его деятельный ум сразу же увидел возможность отлично увильнуть от работы. Он засигналил Энце, и

та, когда старик спросил ее мнение, неуверенно кивнула.

Джек закатил глаза.

– Да... да, конечно, – спохватилась Энца. – Присылайте официальный запрос... и мы выедем к назначенному дню... Да. Да, спасибо... И вам тоже всего хорошего, до свидания.

– Ну, давай, рассказывай, я ничего не понял, – сказал Джек, едва она положила трубку.

Однако, едва она открыла рот, как ее перебили.

– Как у вас дела? – жизнерадостно поинтересовался Альбер. Он стоял в дверях, не заходя внутрь.

За эти две недели они несколько раз встречались с ним то в коридоре, то у архива. Он радостно здоровался, интересовался их делами и довольно быстро исчезал.

Когда Энца спросила о нем у Айниэль (неуклюже пошутив, что у всех старых сотрудников имена на букву «А»), та просто заледенела. Видимо, у нее с Альбером были непростые отношения, и она даже не пожелала о нем говорить, уточнив только, где они его видели последний раз.

Вот и сейчас, едва дослушав вежливое «у нас все в порядке, а как...», что неизменно выдавала Энца, пухлый молодой человек замахал руками:

– Ну, я пошел. Столько дел, вы себе не представляете! Я даже все время в них путаюсь и забываю.

Засмеявшись, он удалился. Так же быстро и бесшумно как обычно. Энца лишь уставилась ему вслед, рассматривая место, где он стоял.

Стоит упомянуть, что Джеку удалось вытащить на ужин, а потом на свидание с походом в картинную галерею госпожу Рюген, ту молодую женщину из антикварной лавки.

О ее достоинствах, фигуре, уме, интеллекте, прекрасных глазах и длинных ногах Джек распевал оды на периодических встречах, которые устраивали Донно и Роберт у Джека в квартире.

Несколько раз Джек и Анна «водили детей» в клуб, они вдвоем разваливались на диване за столиком, потягивая коктейли, а Энца и Саган, по выражению Анны, прыгали как горные козлы на танцплощадке. Джек вот не мог понять, откуда у Энцы силы еще берутся, но, казалось, обоим мастерам боя доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие до изнеможения выкладываться в танце. Они прерывались только на отдых, и во время медленных треков плюхались рядом с напарниками на диван, тяжело дыша.

Елизавета ночные клубы не любила, да и Джек не настаивал, в их

заведении обычным людям, не магам, всегда было неуютно.

Энца и Саган придумали забавную игру в зеркало: копировали движения друг друга, по очереди становясь ведущими. Сначала смешно, не всегда точно повторяя, сбиваясь и хохоча... а потом так наловчились, что это выглядело даже немного жутко: примерно одного роста и комплекции, словно зеркальные близнецы, один светловолосый, другой темный, двигались абсолютно синхронно, будто заранее отрепетировав, угадывая и повторяя друг друга с полувздоха.

Джек скоро даже научился угадывать, кто сейчас ведет. Движения более плавные, с поворотами и большей работой ног – это Энца. Вот движения ускорились, стали более рублеными, руками выделяются резкие, хитрые пассы – значит, в игру вступил Саган. Когда они входили в раж, толпа обычно расступалась, народ глазел в восхищении, пытаясь повторять или хотя бы поймать их волну.

Джек сначала опасался, что Анна будет ревновать обоих: женщина была непредсказуемой в этом плане. Ее большое сердце было полно нерастраченной любви и нежности, что обычно являлось причиной ее частых, бурных и коротких романов. Не все мужчины готовы были делить ее с кем-то еще, бдительно следить за ее возможными перепадами настроения и, более того, терпеть страстную ревность Анны. А тут сталкивались сразу два ее интереса: ее напарник и маленькая подопечная. Но если Анна и чувствовала какое-то свое выключение из их мира, то никак этого не показывала: пыталась тискать их обоих одновременно. Саган успешно отбивался, не любил ее чрезмерные нежности.

Вообще, сам Джек порой поражался, насколько вдруг заполненной стала жизнь последнее время. Ладно бы работа – ее чрезмерная нагрузка была логичной и объяснимой, иначе бы ее и не выбрали бы в качестве наказания. Помимо этого он почти каждый день получал приглашения на вечеринки, встречи и тусовки, чего отродясь не было. Отказывался, конечно: ему самому хватало и знакомой компании, а про Энцу и говорить нечего, она в принципе не любила подобные мероприятия. Если бы не возможность танцевать, то и в клуб ее невозможно было бы затащить.

– Я таким популярным становлюсь, что просто деваться некуда, – пожаловался как-то Джек. – Я даже не всех в лицо знаю, кто нас куда-нибудь зовет.

– Это потому что твоя смазливая морда и болтливый язык постоянно отвлекали на себя всех баб. Кому такой подарок на вечеринке нужен. А теперь у тебя есть хорошенькая напарница, и всем интересно на нее

посмотреть, – отозвался Роберт.

– Хорошенькая? – удивился Джек. – Это ты про Энцу? Каким же надо быть извращенцем-педофилом, чтобы интересоваться такими, как она...

Роберт хохотнул, потом лениво сказал:

– Много ты понимаешь, Джек. У тебя вообще нет вкуса, и баб ты выбираешь неудачно.

– Да ты завидуешь просто: тебе-то вообще не везет... К тому же ты мою Елизавету не видел.

Во время этих встреч Энца и Саган терпеливо штудировали кулинарную науку, которую им преподавал Донно, вот только повторить все точь-в-точь как у него, у Энцы не получалось. Девушка весьма расстраивалась, пока Джек, посмеявшись, не сообщил, что Донно использует понемногу свою стихийную магию, чтобы доводить продукты до необходимой кондиции.

Впрочем, он подозревал, что Донно ведет тут свои кулинарные курсы не из жалости к их голодному существованию. Стоило только посмотреть, как бережно он показывает Энце как надо держать нож, резать, перемешивать, и постоянно нависает над ней. Джек поделился наблюдениями с Анной, и та сперва расфыркалась, потом призадумалась.

Энце было тяжело. Она не знала, как реагировать, когда сильные длинные пальцы забирали у нее нож, а потом складывали ее ладонь вокруг рукояти так, как нужно. Донно был слишком большой и слишком рядом. Она замирала, не шевелясь, чувствуя теплое дыхание на макушке или шее, вообще всем телом ощущая его присутствие. Застывала, напрягшись, и ждала, пока он отойдет.

Он ей нравился, без сомнения, но привыкнуть так быстро к его близости было сложно. Джека она уже научилась воспринимать скорее как мебель, чем как мужчину, иначе все эти практически ежедневные обмены энергией (а точнее откачивания, чего уж) были бы настоящей мукой.

Энца в своей жизни влюблена была несколько раз, а серьезно встречалась с молодым человеком лишь однажды. Опытной в таких делах она себя назвать не могла, так что ей не хотелось бы обмануться, приняв учтивость и вежливое внимание Донно за нечто более значимое, и тем самым попасть в неловкую ситуацию, испортив общую атмосферу.

Был ли он просто вежлив? Энца задавалась этой мыслью, не решаясь поговорить ни с Джеком, ни с самим Донно. Передать ей чашку, будто бы нечаянно скользнув пальцами по запястью, придержать за талию, проходя мимо, чтобы не столкнуться... все эти мелочи, при должном усилии мысли

могли сложиться в общую картину... как ее глупости, так и действительного интереса Донно.

Энца старалась о этом не думать: времени не хватало еще на всякие амурности. Это вот Джеку можно. Джек вообще был, казалось, способен думать сразу о трех вещах, четвертую делать, а пятую обсуждать и при этом виртуозно отлынивать от шестой.

На этих вечерах о работе говорить не было принято. Джек такие разговоры просто не любил, а Роберт и Донно служили в отделе криминальных расследований, у них была подписка о неразглашении. Анна с Саганом занимались бытовыми проблемами, ездили по вызовам, как прежде Джек и Энца, и вот Анна рассказывала порой разные байки.

Поэтому всего пару раз всплыло что-то об их отделе архивных исследований и Энца обмолвилась о новых коллегах. Анна, заинтересовавшись, сказала, что знала когда-то одну Айниэль.

– Она училась на два курса старше, – сказала Анна. – Такая темненькая, воздушная, все об эльфах и феях щебетала...

– Точно не она, – в один голос сказали Энца и Джек.

Если волосы можно было выкрасить, и манеру речи как-то изменить, то с возрастом ничего не сделаешь. Той, которую они знали, было около двадцати лет, а знакомой Анны – по расчетам уже под сорок.

– Правда, там грустная такая история была, – продолжала вспоминать Анна. – После распределения, что ли... я уже с ней не общалась, поэтому плохо помню...

Закончить она не успела: Донно приказал убрать со стола и приготовить вилки-ложки.

Мясное рагу с фасолью и перцем чили, которое не удалось испортить деятельной помощью ассистентов надолго отвлекло товарищей и перевело разговор в другую область.

Через пару дней Энца упала с крыши.

Нет, не так. Через пару дней Энца получила сообщение от Донно с приглашением сходить «в один очень интересный старый ресторан», в котором, по его словам, необыкновенная кухня, а шеф-повар его хороший знакомый, который может показать цех.

– Это свидание, да, Джек? – в полной панике вопрошала Энца, тряся перед ним телефоном. – Ну, свидание же, да?

Джек отводил ее руку от лица, потому что она мешала ему смотреть на дорогу.

– Ну если и так, чего трясешься? – сердился он. – Съест он там тебя,

что ли?

– Не съест, но... – тут Энца, наконец, задумалась.

В самом деле, что же такого. Они доехали до работы, поднялись, как всегда на второй этаж, а Энца все думала, в голове формулируя ответ. Как сказать? Пойти она хотела. Боялась, но хотела. Надо как-то так ответить, чтобы было непринужденно, легко. Что-то вроде «Хорошая кухня? Здорово звучит, давай сходим, конечно». А когда? Надо сразу спросить? Или он сам скажет?

Когда мысли более-менее оформились в связный и адекватный, по мнению Энцы, ответ, вдруг выяснилось, что нет сети. Энца и так и эдак вертела телефон, подходила к окнам, выходила в коридор и на балкончик, где курил Джек, но без толку.

– Может, на крыше поймает, – наблюдая за ее манипуляциями, предположил Артур. – У нас так бывает, когда в Птичьем павильоне запускают какую-то глушилку.

– На крыше небезопасно, – отрубил Айниэль. – Там ограда проржавела.

Но Энца уже встала и торопливо шла к выходу, в дверях разминувшись с Джеком, который возвращался на рабочее место.

– Ни в коем случае не подходите к краю! – крикнула ей вслед Айниэль. – И не ходите в центр, там провалиться можно. Вообще от дверей дальше не ходите.

Энца по дороге набирала сообщение.

Вот только даже на крыше сигнал не появился. Девушка немного постояла у дверей, потом прошлась туда-сюда, поднимая аппарат повыше.

Покрытая нагретым черным толем крыша проседала под ногами, поскрипывала и стонала. В желобках по краям скопилось много грязи, палых почерневших листьев, росла даже трава и небольшое тонкое деревце. Ветер был слабый, едва колыхал всю эту зелень.

У края Энце удалось поймать сигнал. Держа телефон на вытянутой руке, она с интересом заглянула вниз. Стояла она на той стороне которая была ближе к Птичьему павильону, что ее удивляло: если оттуда глушат, почему тогда ловит только тут?

До глухой серой стены павильона было метров десять. Внизу виднелась негустая куртина чахлого боярышника, почти заглушенная разросшимися лопухами и чертополохом, раскидистая, но несколько усохшая с одной стороны липа и куча битых кирпичей. Ближе к стене павильона вилась узкая тропинка, видимо, кто-то срезал путь до расположенного дальше корпуса хозяйственного управления, Вдовьего

дома.

Телефон пикинул, сигналив о том, что сообщение доставлено. Энца быстро вскинула голову, чтобы посмотреть.

То ли движение было слишком резким, то ли ветер вдруг усилился, но в какой-то момент девушка потеряла равновесие и оступилась.

Попробовала ухватиться за низкую ограду, но та провалилась под пальцами, ржавыми хлопьями осыпалась, и здоровый ее кусок ухнул вниз.

Прямо перед Энцей, которая стремительно последовала за ним, лицом вниз, попутно ободрав колено о ржавые зубы обломков ограды.

Все, что она успела выдохнуть – это пара нецензурных слов, подхваченных от Джека.

– Я телефон разбила, – мрачно сказала девушка, входя в кабинет.

Айниэль, едва увидев ее, потрясенно ахнула и медленно встала. Артур встревоженно нахмурился:

– Что случилось?

А Джек, бросив взгляд через плечо, поинтересовался:

– Ты чего такая взъерошенная?

Белая футболка порвана на рукаве, вся в зеленых и черных смазанных пятнах, в волосах листья и мелкие веточки, руки и лицо расцарапаны.

– Я с крыши упала. Сама не поняла как.

– У... упала?.. – слабо переспросила Айниэль.

Энца, несколько недоумевая, откуда такая неожиданная эмоциональность, кивнула, продолжая вытаскивать мусор из волос.

– С третьего этажа? – продолжала допытываться Айниэль.

Она прошла взглядом по Энце, потом повернулась к Джеку, который не выглядел особо потрясенным. Скорее озабоченным.

– Ты что, умеешь летать? – совсем уж потерянно сказала Айниэль, незаметно для себя обращаясь к Энце на «ты».

– Нет, но я умею планировать.

– Планировать – что? – озадачилась Айниэль.

– Не что, а просто. Как планер. С крыльями. Разве ты не видела, там, на мосту?

Айниэль медленно покачала головой и села.

– Я же говорила! Нельзя подходить к краю! – воскликнула она, резко возвращаясь в привычное состояние. – Теперь придется вызывать ремонтников, чтобы чинили. Я же четко вам сказала, а вы проигнорировали меня. Я отмечу это в отчете.

– Ладно, ладно, – добродушно сказал Артур. – Главное, что все

обошлось. Правда, ведь?

Джек в это время снова посмотрел на Энцу, заметив на этот раз и продранную на колене юбку и несколько глубоких царапин на ноге, кровь из которых струйками стекала на белые кроссовки.

– Слушай, – сказал он. – Надо в медкабинет.

При этом он так прищурил глаза, что Энца не посмела спорить.

– Хорошо, – сказала Айниэль. – Энца, я вас освобождаю на сегодня, идите.

Джек тут же встал, раскладывая по карманам зажигалку и телефон с пачкой сигарет.

– А вы куда? Разве вам обоим необходимо покидать рабочее место? – напряженно спросила Айниэль.

– Разумеется, – уверенно сказал Джек и снова прищурился на Энцу. – Она же не может ходить сама.

Девушка неуверенно кивнула.

– Сюда-то она сама поднялась, – возразила Айниэль, и Энца даже немного обиделась: неужели она не заслуживает хотя бы какой-то помощи?

– Это был шок, – объяснил Джек, подхватил Энцу на руки и понес как ребенка, через плечо.

«Сумка, моя сумка», – прошипела ему на ухо Энца. Пришлось вернуться.

Джек на всякий случай попрощался с коллегами – вдруг ранение такое тяжелое, что придется еще в больницу ехать, мало ли что.

– По-моему, она взбесилась, – прокомментировал он, когда они снова вышли из кабинета.

Энца неловко пожала плечами:

– Может, просто переживает, что ремонт надо было раньше сделать.

Джек донес ее до лестничной клетки и сказал сидеть на ступеньках, ждать и не двигаться, а сам легко взбежал наверх.

Крыша встретила его все тем же нагретым толом, тихим шуршанием травы и безмятежностью. Место, откуда упала Энца, угадать было несложно: неровно обломанные ржавые прутья ограды, штук шесть, от этого пролома веером в стороны взворошенные и разбросанные прелые листья – видимо, разметало, когда Энца падала и пыталась затормозить.

Джек достал из кармана продолговатый кристалл кварца и медную позеленевшую бляху с отчеканенным узором из рун и сплетенных ветвей. Кристалл положил под ноги и, сжимая бляху в ладони, осторожно обследовал этот участок крыши.

– Ничего, – сообщил он Энце, спускаясь. – Идем в медкабинет.

– Так мы на самом деле идем? – удивилась та. – Я думала, ты с работы слинять хочешь. А что ты там искал?

– Следы. У меня с собой артефакты поиска были.

– И что нашел?

– Да непонятно как-то, сейчас в справочнике гляну, пока тебя чинить будут. Сообщение-то отправила?

– А то, – сказала Энца и расстроено вздохнула. – Только куда он отвечать будет?

Впрочем, с этим обошлось, и пока Энца, расстроено пересчитывая оставшиеся деньги, не купила новый телефон, переписку вела через мобильный Джека, и через пару дней отправилась на свидание.

Донно хотел увидеться раньше, но их с Робертом выдернули на срочный вызов.

История с пси-вампиром в городе перестала быть сплетней в курилках и кухнях. Несколько заметок о жертвах, которыми, к облегчению общественности, были только маги, появились в городских газетах, а в помощь отделу расследований Института было выделено две маг-бригады полиции.

Но пока неизвестный пси-вампир ошибок не допускал, следов не оставлял и всячески препятствовал своей поимке.

Поговаривали о введении комендантского часа.

Несмотря на все это, свидание удалось на отлично. Донно был все так же предупредителен и вежлив, как обычно, только более открыт. Он разговаривал, шутил, поддразнивал Энцу. Ее смущало, что он постоянно брал ее за руку, поглаживая пальцы, но сдерживала себя, привыкая.

Да и Донно, собственно, того и добивался. Приручал ее, приучал к себе. Конечно, он видел, какой дискомфорт вызывают у нее прикосновения, но нутром чувствовал, что это можно преодолеть. Сделать себя ее привычкой, усмехался он про себя. На самом деле хотелось схватить ее, крепко сжать, дышать ее запахом, зарываться в волосы, целовать лицо... но пока терпел. Испугается ведь, и сбежит.

Иногда он хотел прихлопнуть Джека – за то, что его-то она может взять за руку даже сама, хлопнуть по плечу и не вздрогнуть, закаменев, когда он прикоснется. Умом Донно понимал, что к чему, но сердцем – не хотел.

Прощаясь у дома Джека – Донно едва ли не скрипел зубами, при мысли о том, что она с ним живет, – он легко прикоснулся губами к ее щеке. Прохладной, нежной. Она пахла цветами, очень слабо и свежо.

Вознаграждением Донно было то, что Энца улыбнулась в ответ, не отшатнувшись и не вздрагивая.

Поэтому он сразу же назначил следующее свидание, чтобы не терять завоеванного и двигаться дальше.

– Ого, – уважительно покрутил головой Джек. – Идете в «Ротонду»?

– Да, – отозвалась Энца, – А что? Это какое-то особенное место?

Она переодевалась в ванной: порезы на ноге достаточно зажили для того, чтобы можно было, наконец, надеть платье. Вчера, по дороге домой, она, повздыхав, разорилась на новые туфли к нему.

– Да не то чтобы прям особенное, – сказал Джек. – Дорогое, но красивое и... атмосферное, что ли. Мне там понравилось.

– А вы куда идете?

– А мы в «Ле-бабу», а потом в кино. Мы попроще, не то что вы, выпендрейники.

Энца вышла из ванной и замерла, оправляя складки платья.

– Ну как? – нервно спросила она. – Я нормально выгляжу?

Джек валялся на диване, лицом к окну и наблюдал за облаками. Он лениво извернулся, но обзора не хватило, пришлось вставать.

– Ну? – напомнила о себе Энца, потому что Джек со странным выражением на лице молчал, рассматривая ее.

Кашлянул и отвел глаза.

Потом заржал, согнувшись пополам. Вот ведь скотина, сердито подумала Энца. В кои-то веки подумала, что какое-то положительное впечатление на него произвела, так нет же.

– Ты что, прямо так пойдешь? – сквозь слезы выдавил он. – Ты сейчас на школьницу похожа, которая на экзамен идет. Его арестуют за совращение малолетних...

Джек упал на диван, продолжая хохотать.

Расстроенная Энца попыталась разглядеть себя в зеркале, но в квартире Джека больших зеркал, чтоб во весь рост, не было. так что особо ничего она не увидела. Сама-то она считала, что оделась классически и прилично случаю. Свое черное платье, в стиле пятидесятых, из плотного матового шелка и белым жемчужным воротничком она любила. К нему полагались белые короткие перчатки и маленькая сумочка, в которую она с трудом утрамбовала почти все, что привыкла с собой носить. Туфли на каблуке, аккуратная прическа и макияж. А эта скотина смеется.

А она ведь над ним не смеялась, хотя и он приоделся, сменил вечные футболку и джинсы на рубашку с брюками. Рубашку он до конца не

застегнул, правда, и рукава закатал, но ему все равно шло.

Перебрасываясь язвительными замечаниями о будущем вечере, они вдвоем спустились вниз, Джек сел за руль своей машины, а Энца к Донно, который ее уже ждал.

Спустя час у Джека завибрировал телефон. Джек постарался незаметно сбросить вызов. Потом еще раз. Звонила Энца, так что ей хватило такого намека больше не набирать ему.

Не то, чтобы он был так уж вежлив по отношению к своей девушке на свидании, не отвечая на этот звонок, скорее не хотел провоцировать Елизавету. Та не выносила посторонних разговоров, прерывавших беседу.

К счастью, минут через пять она ушла припудрить носик, и Джек вытащил телефон.

– Ну, чего тебе?

– Джек! – прошипела в трубку Энца. – Ты можешь говорить?

Судя по характерным звукам смываемой воды и постоянно хлопающим дверцам, была она в туалете.

– Могу, – сердито отозвался Джек. – Только недолго, пока Эли отошла.

– Джек, что делать? Донно мне подарок сделал.

– Ты что, ду... маленькая? В смысле «что делать»?

– Ну, понимаешь, он такой... ценный. Это серебряный браслет. Я просто не знаю... что он имеет в виду? Может, если я его взяла, теперь надо что-то делать?

– Что делать? Благодарить, например, – раздраженно сказал Джек, невольно сам переходя на шепот и постоянно поглядывая в сторону коридора, куда удалилась Эли. – Откуда я знаю.

– Ну ты же мужчина? – спросила Энца. – Ты же должен знать, что вы там имеете в виду, когда дарите такие подарки...

Джек запнулся, не зная как ответить: с первым утверждением он поспорить не мог, но логика напарницы сбила его с толку.

– Ой, блин... – вдруг воскликнула Энца. – Mamочки...

– Чего там?

– Джек, я срубила нечаянно держатель для бумаги... ну, туалетной...

– Твою ж мать, – рассердился Джек. – Ты чего, размахивала там чем-то?

– Ну да, браслетом этим, – уныло призналась Энца. И торопясь, добавила, – Но я его поймала, никто не услышал.

– Так, – сказал Джек. – Целиком срубила или осталась часть?

– Остался уголок на винтике.

– Найди, чем его отвинтить... только не срежай, а то следы останутся,

от твоей магии... клади в сумку и делай ноги оттуда. Ну, в смысле, иди к Донно. Еще не хватало штрафы платить. В этой «Ротонде» штрафы даже за поломанные спички берут.

– Джек, а...

– Все, отбой! – торопливо сказал Джек и отключил телефон, заметив, что рыжеволосая шевелюра мелькнула в зеркале, висящем у поворота к туалету.

Несмотря на мягкость манер и неизменное воспитание, Эли была крайне ревнива, очаровательно смущалась этим своим собственническим порывам, так что Джек одновременно и чувствовал себя польщенным, и постоянно напряженным: любая деталь могла повлиять на трепетные чувства женщины. Джек предусмотрительно скрывал факт своего совместного проживания с напарницей.

Одно то, что они работали вместе, ежедневно вызывало пару-тройку сетований и шуточных поддразниваний рыжеволосой ревнивицы. Пока еще шуточных, как подозревал умудренный опытом Джек.

– Я чувствую себя неизвестно кем, – пожаловалась Энца поздним вечером, вернувшись.

– Чего так? – спросил Джек, который уже позабыл историю с туалетом.

– Да с этой штукой, я ее развинтила и вынесла, а на выходе оказалось, что у них все вещи заговорены, чтобы вилки-ложки не воровали. Ну, пентакль у выхода засветился.

Энца плюхнулась рядом с Джеком на диван, хотела засунуть руки в карманы, но на вечернем платье карманов не было, и девушка раздраженно нахмурилась, скрестила руки на груди.

Джек оторвался от ноутбука, поджал губы, как бывало делала его сестрица в таких случаях.

– И?..

– Да ничего. Я свое удостоверение показала, а в сумочке сверху пара артефактов лежала. Я сумочку открыла и сказала, что фонит. Что всегда фонит и дает ложный сигнал.

– Молодец, – одобрил Джек. – И как, поверили?

– Ну, не совсем... сомневались, но Донно поддержал, они не стали с ним спорить.

Энца откинулась на спинку и закрыла глаза.

– Мерзкое ощущение: всех обманула, штуку еще эту притащила,

вообще...

Она вздохнула, потом сквозь ресницы посмотрела, что делает Джек: печатает что-то. Уж вряд ли отчет на завтра. Не надо его, наверно, отвлекать разговорами.

Тем более, что страшно хотелось спать. Энца приняла душ, переделалась в пижаму (дома всегда спала в безразмерных футболках, но теперь специально купила закрытые пижамы на пару размеров больше и страдала от жары каждую ночь). Браслет сняла и аккуратно сложила в подарочную коробочку. Выключила свет, спихнула Джека с дивана и легла.

Джек продолжил печатать, прислонившись спиной к дивану. Под тихий уютный стук Энца быстро задремала.

– А ты читала что-нибудь из моего, что тут есть? – спросил вдруг Джек. Задумавшись, он забыл, что девушка легла спать.

– Читала, – сонно отозвалась та. – И ту, синенькую, и большую, и еще в журнале.

– И как?

– Интересно.

Джек фыркнул, недовольный невразумительным ответом.

– Мне вот это даже запомнилось, – вдруг продолжила Энца, когда он решил уже, что та окончательно заснула.

«Я натянута парусина,
с ветром обнимаюсь,
Если б не снасти
и реи,
Век бы обнимались,
А потом – глубина морская.

Я волна океана,
нет ни глаз,
ни рук,
Лишь толща зеленая
Да корона из белой
пены...»

Сонно зажевав последние строки, Энца заснула и больше не отвечала Джеку.

– Это совсем старое, – говорил он. – Это я чуть ли не на первом курсе писал. И оно длиннее раза в три. Хотя все равно, надо же... запомнила.

Он откинул голову, прислонившись затылком к ее руке.

– А Эли нравится, когда стихи про любовь, и что-нибудь трагическое, чтобы поплакать.

Он вздохнул: у него таких вещей практически не было. Какая там к черту трагическая любовь? Вон, Шекспира возьмите и плачьте над ним. Недавно Эли попросила написать что-то для нее, но не выходило.

То есть выходило, но свое, не то, что хотела рыжеволосая красавица. Досадно, с одной стороны, а с другой... да и бес с ним. Главное, что вообще выходит, еще совсем недавно мысли вовсе не складывались, ускользали от него.

Анне снилась площадь, залитая солнцем. Преломляясь в широких гранях кристалла ее разума, перед ней стояла растерянная темноволосая девушка. Анна знала, сейчас будет предсказание – именно так, преломленным, искаженным и двоящимся выглядел мир в таких случаях. Анна-из-сна этого еще не знала, и просто испугалась, вцепившись в руки девушки. «С вами все в порядке?» – тревожно спрашивала та, но разум Анны соскальзывал во тьму, а губы произносили что-то неслышное ей самой.

Анна-теперешняя услышала эти слова, и вспомнила девушку, мимоходом подивившись вывертам памяти. «Мертвые камни ждут тебя. Ветер принесет гибель», – сказала она Айниэль-из-сна, и та ужасно перепугалась.

Потом Анна долго плыла над сожженными солнцем ковылями степи, пила соленый влажный ветер с моря. Она путалась в ветках слив, усеянных незрелыми зелеными плодами, терялась в чужих мыслях и снова возвращалась к морю, на берегу которого стоял древний город... его мертвые камни уже позабыли людей.

Не трава – сухостой. Полынь, типчак, бессмертники на скалистых склонах, выгоревшие на солнце, ломкие. Гроздь белых улиток на каждом стебле, громко пиликают в гуце кузнечики. Сойдешь с тропинки – словно волны рассекаешь, прыскают во все стороны. А звук не прекращается, цвир-цвир-цвир... Ветер пахнет солью, горький, тревожный. Моря не видно, но девушка знает, что оно там. Дышит за холмами, плещет волнами на каменистый пляж. Днем купаться времени нет, но вечером отпускают иногда, и это такое счастье. Даже сидеть на берегу, отогреваясь на солнце и наблюдать за игрой света на подводных камнях, слушать шорох прибоя.

Это снова была Айниэль – но совсем юная, и не та, о которой говорили

Джек и Энца, и с ней был юноша... Артур? Яркоглазый, насмешливый, влюбленный.

И какая-то опасность, на самой границе зрения, сияющим в темноте цветком. Анна его видела, а они – нет.

Возвращаясь в свой отдел через холл административного здания Роберт еще издали увидел высокую фигуру Джека, его длинные волосы были свернуты в причудливый узел на затылке (они опять проверяли заброшенные дома в пригороде, и Энца завязала ему волосы, чтобы не собирал весь мусор по дороге). Джек хмурился, изучая большой рекламный плакат Большого Ристалища и предварительную турнирную сетку под ним.

– Здорово, – хлопнул Роберт его по плечу, но Джек не повернулся, задумавшись. – Что-то вы давно с Энцей ничего не ломали и не разносили, что, работы нет?

Джек раздраженно покосился на него – эту шутку с завидной частотой повторяли все коллеги после случая с инсект-объектами в Литейном тупике, – но промолчал. Потом, отведя взгляд от таблицы, сказал несколько мрачно:

– Я записал нас на Турнир. Будем участвовать.

– Ясно, – серьезно сказал Роберт. – Донно тоже записался. Хм-м... Сам-то ты как?

Он знал, что случилось на последнем турнире, в котором Джек принимал участие, но в отличие от сердобольной Анны не разделял мнения, что у Джека на всю жизнь травма от этого. Спросил только на всякий случай.

Джек высокомерно поглядел на него.

– И не надейся, – фыркнул он. – Поблажек вам не будет. Пусть там твой медведь на меня глазами не сверкает.

Роберт повернулся: за его спиной и впрямь стоял Донно, по обыкновению своему, передвигавшийся стремительно и тихо.

Джек сделал им обоим ручкой и быстро удалился. Что-то последнее время не нравилась ему компания Донно: все казалось, будто тот его в уме препарирует, постоянно сверля глазами.

Неприятно.

Джек, как известно, неприятностей старался избегать. Да ему хватало и тех, что уже были.

История девятая. О наблюдении звезд из ямы

– А у тебя бывали когда-нибудь дни, когда вдруг казалось, что скоро все закончится? Что не будет ни завтра, ни послезавтра...

Джек промолчал, говорить не хотелось. К тому же Энца, собственно, не ждала от него ответа, продолжая свою речь, так что Джек лениво слушал ее, поглядывая на небо.

– Я иногда просыпалась, и в голове вдруг такая странная четкая мысль, что сегодня все закончится. И когда мне говорили о каких-то планах, я удивлялась: неужели не чувствуют? Не чувствуют, что заканчивается время? Я весь день доделывала старые дела, думала, что нужно выбросить, а что оставить, а потом наступал вечер, ночь... и новое утро. И жизнь бежала дальше. А зачем так было? Что за дурацкое предчувствие?

Энца пожала плечами. Вытащила телефон, чтобы поглядеть на время, забыв, что тот сел уже.

– Джек, который час?

– Почти девять.

– Интересно, долго ли еще ждать.

– Если ты будешь каждые пять минут спрашивать, то точно долго.

Энца ущипнула его за плечо и отодвинулась, потому что он в отместку толкнул ее локтем.

Синхронно вздохнув от скуки, оба снова уставились в небо.

– А когда закат?

– Через полтора часа.

Высокое прозрачное небо застилала редкая чешуя облаков, сияющих белым на рваных перистых краях.

– А говорят, что из колодца видны звезды, даже днем, – сказала она.

– Так то из колодца, – ответил Джек. – А мы в яме. Ты подожди, если облака разойдутся, часа через два на свои звезды посмотришь. Луна сейчас на убыль, засвечивать не будет.

Он потер челюсть и задумчиво добавил:

– Хотя, мне кажется, что, наоборот, погода сменится и будет сырость.

Энца раздосадованно вздохнула: не хватало им еще тут дождя. Пока было жарко, и прохлада чуть влажной земли вокруг была кстати, но дождь порушил бы всю эту идиллию. Хотя какая там идиллия – в яме-то они не по своей воле оказались.

Она уныло потыкала пальцем в землю, прочерчивая линии во влажной глинистой почве.

Яма была глубокой, метров пяти, а в диаметре чуть больше двух. Выбраться из нее своими силами не вышло, так что напарники, устроившись поудобнее, коротали время до ночи.

А ведь так все хорошо начиналось. Утром Энца взялась печь оладьи, и к ее удовольствию они выходили почти ровными и румяными, без горелых краев. Скинув первую партию на тарелку под одобрительные возгласы Джека, она, зажмурившись, понюхала их, потыкала пальцем в пухлые бока. Аппетитный сдобный запах, мягкость – на удивление все получилось.

Со второй партией вышло не так гладко, Энца как раз снимала с огня сковороду, когда за окном резко засигналила машина. Девушка вздрогнула, дернувшись в сторону, и несколько оладий оказались на полу.

Энца присела на корточки рядом с упавшими.

– И что с ними делать? – они были такими золотистыми, кругленькими, – Нет, сейчас салфеткой протру, сама съем.

– Забей, – сказал Джек. – подумаешь, упали. Давай их сюда.

– Я думала, что это сигнальная сирена, – оправдывалась Энца, отдавая ему протертые салфеткой оладьи. – Забыла, что у вас не бывает приливов.

Нагнувшись над сковородой, она мерной ложкой медленно-медленно наливала густое тесто на раскаленную поверхность.

– Не, у нас только точечные проникновения бывают, – сказал Джек. Подумал и пересел на подоконник, чтобы покурить.

– Страшно это, когда приливы? – спросил он. – Я никогда не видел, только по телевизору.

Энца пожала плечами.

– Обычно не очень. Такой красивый туман, перламутровый снаружи и чуть светится. Ползет себе и ползет стеной. Да и проникновения бывают редко, зато если бывают, то сразу целыми группами. Вот тогда бывало страшно, потому что я маленькая была и меня ставили в цепь. Ну, знаешь, запирающую. Мы брались за руки и шли против прилива, теснили его назад. Руки разнимать нельзя было, чтобы не порвать заклинание, а боевых магов, которые цепь должны сопровождать, не всегда хватало.

Джек сжал зубы, представив это. По телевизору, да и на лекциях в институте об этом рассказывали. Правда, не принято было упоминать о том, что в цепи ставили всех подряд, от детей с едва проявившимся даром до стариков. Этому тщательно избегали, очень уж звучало... мерзко. Энца рассказывала так буднично и спокойно, будто само собой разумелось, что это нормально. А чего же нормального? Вот цепочка из разнокалиберных малявок, которым запрещено руки расцеплять, а из приливной волны идут монстр-объекты... и ни одного боевого мага.

– Мне, правда, везло, – продолжала Энца. – Ни разу так не попала, чтобы без прикрытия рядом с инвазией оказаться. Но мама все равно очень

боялась. Она добилась разрешения на переезд, и мы уехали в другой район. У нас же только западная окраина под прилив попадает, а остальное стабильно, как у вас.

Джек щелкнул кнопкой кофеварки, и под привычное гудение оба немного помолчали.

Оладьи были совершенно безвкусные, Энца забыла положить сахар и соль.

После тренингов они отправились в отдел, порядком опоздав к обычному времени, потому что Джек настоял на плотном втором завтраке в кафе. Как потом оказалось, это было не зря, потому что обычный обед они пропустили, а с ужином и того хуже вышло.

– Нелегальный портал, – проходя мимо запертой двери на первом этаже, предположила Энца.

– Машина времени, – отпарировал Джек.

Айниэль ждала их уже на лестнице, горя праведным желанием распечь за опоздание. Пока их не было, она собственноручно подобрала материалы и составила справки на два дела, с которыми их тут же развернули на выход.

С первым было легко: в спальном районе неподалеку от них, в сквере видели подозрительную тень, мелькающую в овраге, и следы. Приезжавшая до них маг-бригада следы на земле обнаружила, а эманации нет. Так как следы действительно были странные, то дело передали в отдел архивных исследований.

– Может, крокодил? – неуверенно предположила Энца, обследуя овраг.

– Ну да. Приполз из канализации, – хмыкнул Джек. – Скорее тут кто-то что-то волок тяжелое по земле.

– Следы не обуви, они маленькие и раздвоенные.

– Шутник? Какие-нибудь штуки на ноги надел.

– Может, и шутник.

Они так же не нашли никаких эманаций, но воспользовались излюбленным средством: приманивающей пирамидкой. Энца давно уже не рассчитывала на то, что ее заклинание сможет поймать кого-то в силоч, но тем не менее каждый раз терпеливо сплетала его.

И становилась наготове неподалеку.

Ждали почти четверть часа, хотели уже было дезактивировать амулет и идти по следам дальше, как шурша кустами к пирамидке выползло крайне изможденное существо, похожее на помесь груши и ящерицы метровой длины. Круглый живот оно волочило по земле, с трудом

переставляя четыре тонкие двупалые лапки, маленькая голова тряслась на тонкой шее. Кожа его была сухая, коричневая, при каждом движении осыпавшаяся тонкими чешуйками. Существо разевало беззубый маленький рот и надрывно вздыхало.

Энца метнула на Джека говорящий взгляд, и тот, стараясь не шуметь, отступил к пешеходным дорожкам сквера и позвонил Артуру.

Пока тот не приехал, напарники сидели на земле и наблюдали, как существо, непрерывно вздыхая и шипя, медленно ползает вокруг пирамидки. Заклинание Энцы *почти* сработало, оно не захватило существо в силок, но почему-то заставило его ползать по кругу, так что когда прибыл Артур, существо, обессилев, едва волочило себя. Энце его было ужасно жалко, пока Артур окончательно не обездвигил его и не спутал, чтобы загрузить в фургончик.

Со вторым заданием оказалось сложнее. На пустыре у замороженной стройки по жалобам наблюдались разнообразные и противоречивые явления. Призрачные огни, вереницы темных длинных фигур в лунные ночи, стоны, крики и тоскливые завывания, молчаливая женщина в белом, которую неоднократно видели проходящие мимо жители. Плюс еще десяток различных описаний подозрительных животных, шныряющих там поодиночке и стаями. Будто бы все окрестные парабиологические сущности сговорились по очереди дежурить на этом пустыре.

Из подтвержденных фактов было только то, что за последний месяц на пустыре пропало трое: один рабочий со стройки, которую вскоре после этого заморозили, и два местных жителя.

Но на первый взгляд выглядел он довольно мирно, этот пустырь. Слабо колыхались под палящим солнцем островки выцветшего бурьяна, горький запах серой пыли и пыли наполнял воздух. Недостроенный остов здания, возведенный всего на пару этажей, гора песка, штабели бетонных плит и металлической арматуры, рытвины и колеи от техники. Крайне скучная и неромантическая обстановка для появления привидений. Вот монстр-объекты вполне вероятны, но следов пространственной прорехи не заметно.

Серые обветренные стены уже были расписаны ругательствами, политическими лозунгами и кривыми рисунками. Кто-то пытался разрисовать одну из стен цветами под зеленым солнцем, но яркие лепестки были уже покрыты черными мазками матерных слов. Энца покачала головой, увидев под зеленым солнцем еще и призывы защищать «искаженных» – не иначе как из «Лиги защитников» постарались.

Сколько развелось различных обществ, и все кого-то защищают. Лучше бы делом занимались, что ли.

Джек расставлял артефакты поиска магических эманаций и парабиологической деятельности, а Энца ходила за ним и записывала их показания на телефон.

Несколько кристаллов засекли некое остаточное излучение, но ничего конкретного, так что Энца с Джеком решили повторить исследование с наступлением темноты: все свидетели говорили о том, что подозрительная активность на пустыре начинается после захода солнца.

Было уже около шести вечера, можно был вполне себе успеть плотно поесть: поздно пообедать или рано поужинать, уж как хочется. Обсуждая местные кафе и ресторанчики, Энца и Джек тихо-мирно шли по пустырю обратно к машине. По дороге Энца увидела незамеченную ими раньше яму за высоким заслоном бурьяна, обошла ее с другой стороны, чтобы посмотреть, – и спустя миг Джек услышал резкий вскрик.

Метнулся к ней, только чтобы увидеть, как она стремительно скользит в яму по осыпающемуся прямо под ней склону.

Вообще-то Энца думала, что если бы не Джек, который бросился ее спасать и схватил поперек туловища, то она бы сумела справиться сама. Мгновенно преодолев первоначальный испуг, она уже прикинула, как действовать. Она бы вывернулась и парой лезвий оттолкнулась бы от дна, чтобы, проскочив по стене, выпрыгнуть наружу.

Но Джек, потеряв равновесие вместе с ней, падал в яму, крепко обхватив и, видимо, пытаясь как-то защитить девушку от удара. Энце едва удалось притормозить их падение, чтобы они не поломали себе что-нибудь, рухнув на дно.

Но не будешь же обвинять человека в том, что он хотел доброе дело сделать, так что Энца мудро промолчала, когда они пересчитали все кости и стали разбираться, что произошло и как вылезти. Джек сильно ушиб правое плечо, но даже если бы он мог подсадить Энцу, той бы все равно не хватило роста, чтобы дотянуться до верха ямы.

Рассудив, что раз они все равно собирались сидеть в засаде, то можно это сделать и в яме, напарники устроились поудобнее. Джек позвонил Артуру, но тот не подходил к телефону, так что пришлось оставить голосовое сообщение о том, где они находятся и что делают.

Поначалу все было достаточно неплохо, не считая пары ушибов у Джека и ободранных скулы и руки Энцы. У девушки нашлись и пластыри, и успокаивающая мазь, помимо пары шоколадок и бутылки воды. У Джека

с собой была только сумка с артефактами, большая часть которых сейчас лежала наверху, расставленная для снятия показаний.

В яме было прохладно и свежо, Джек вытряхнул оставшиеся артефакты на землю, и разложил тряпичную сумку так, чтобы на ней они оба могли сидеть.

Энца немного почитала с экрана, попробовала запустить видео, но телефон неожиданно сдох. Джек пожал плечами: даже дошколята знают, что в местах с парабиологической активностью техника постоянно дает сбои. Он оперся спиной о земляную стену, смотрел в небо и о чем-то размышлял. Энца, прислонившись к нему спиной, стала читать распечатки по делу, а потом разговорилась, хотя обычно болтливостью не отличалась.

– Жаль, если облачно будет, – сказала Энца. – Дождь – так вообще плохо, нас тут зальет, не спрятаться нигде. А ты чувствуешь это или просто так сказал?

– Кости ноют перед дождем, – пояснил Джек. – Правда, он может и завтра пойти, не обязательно прямо здесь и сейчас.

– Ломал? – понимающе спросила Энца. – У меня трещина была в детстве, тоже, бывало, ныла перед непогодой... а сейчас прошло.

Джек неопределенно пожал плечами, потом все же сказал:

– Да не то чтобы я сам ломал, скорее мне сломали.

– Что? – удивилась Энца. – Как это?

– Да вот как-то так... – вздохнул Джек.

Собственно говоря, подумал он, какая разница. Рано или поздно эту историю, как и многие другие, она и так узнает. Небось уже намеков наслушалась от людей.

– Когда мне лет четырнадцать-пятнадцать было, и сила еще не полностью пришла, скакала на несколько уровней вверх-вниз... ну, знаешь, как у подростков бывает. Хотя, – осекся он, – хмм... у тебя, наверно, так не было?

– Нет, было, – покачала головой Энца. – Было, и я даже иногда до середнячков дотягивала. Моя тетка все надеялась, что я там и останусь, на среднем уровне, как она. И тренировки вела загодя, а там...

Она безнадежно махнула рукой.

– Ясно, – сказал Джек. – Ну и у меня так же было, то совсем немного, то прилично. А потом как жажнуло... Мне пятнадцать было, когда все определилось, и сила рывками росла, уже не уменьшаясь. Говорили, что при должном усердии к обучению, я и до магистра могу дотянуть, даже при том, что стихийник. Но самое гадкое началось, когда мы стали выезжать на

настоящие боевые тренировки. Тогда у нас был комплекс на заброшенном заводе, и полоса препятствий была ого-го. Нас вывозили туда на автобусе и до вечера гоняли, когда практика была...

– Здорово, – отозвалась Энца, заполняя возникшую вдруг паузу. – А сейчас туда не ездят?

– Не ездят, – кивнул Джек. – Я его к чертям разнес. Мы отрабатывали отражение и щиты, и... хорошо, что поодиночке проходили. Я кое-как первую треть полосы одолел, потом, помню, голем вылез тренировочный, я его отшвырнуть хотел, и... кусок стены, перегородки – вместе с големом полетели в небо. Я еще тогда не понял, что случилось, попытался вернуть улетающее, и из-за меня возвратный вихрь по всему комплексу прошел.

Погнуты были даже мощные металлические фермы, поддерживающие крышу, детали внутренней отделки кусками разнесло по прилежащей территории, часть одной стены обрушилась, а внутренние перегородки, тренировочные снаряды и оборудование в диком танце кружило внутри уцелевших стен. Джек сам испугался до потери памяти, не совсем даже понимая, что это он причиной бушующему вихрю.

Преподаватели вывели всех студентов, прикрывая их щитами, тренер, поплатившись сломанной рукой от удара железной опоры, подобрался к Джеку и вырубил его.

Легкораненых было много, человек двадцать с лишним из потока. Тяжелых трое, но, к огромному, почти удушающему, облегчению Джека, никто не погиб.

Джека потом перевели на другой курс, потому что после этого события его начали травить, но стоять молча, пока его бьют, не собирался. Он огрызался и отбивался, постоянно попадаясь на этом. Именно тогда началось его плотное знакомство с дисциплинарными комитетами всех рангов, и Офелией в частности.

На самом деле, – и этого он не собирался Энце говорить, – первое время он поддавался, когда его били. Не сопротивлялся, только закрывал голову руками и сжимался. Чувство вины было таким сильным, что ему представлялось, будто он искупает ее, не противясь издевательствам и побоям.

Однажды случайным свидетелем подобной картины оказалась Анна, которая тогда училась на два курса старше Джека. Она с подругами разогнала всю эту «веселую» компанию, а потом, разобравшись, в чем дело, и сама Джеку оплеуху дала.

Не так уж больно. Но по мозгам дало хорошо.

Анна просветила его, что ждать особо удачного удара по голове, чтобы

окончательно стать дураком, ему уже не надо. А если он чувствует вину, пусть попросит прощения. И когда в следующий раз ему будут морду бить, пусть дает сдачи.

Джек послал ее настолько далеко, насколько ему хватило воспитания и словарного запаса, но сделал все в точности так, как она сказала.

Разбирательство по поводу происшествия на тренировочном комплексе затянулось. Сам комплекс закрыли, базу перенесли в другое место. Родители пострадавших учеников попытались возбудить дело против Джека и тренеров, которые недосмотрели, но, как известно, благосостояние и здоровье студентов-магов это дело очень хрупкое ввиду их рода деятельности, и на них многие законы не распространяются. Официально за студентов отвечает руководство Института, а не родители, у которых весьма номинальные права. Руководство же делу ход не дало.

Точно так же на тормозах спустили случай с преподавателем, который потерял сознание на уроке после того, как вызвал Джека, чтобы проверить, как тот усвоил приемы по чтению ауры и магического почерка.

Джек представлял для руководства гораздо больший интерес... которому не суждено было оправдаться. После инцидента его лично приезжала проверять директор Института Белавина. После нескольких комиссий, консилиумов и магических проверок, уровень силы Джека был признан неизмеримым, и ему было запрещено пользоваться магией. От практических занятий он теперь тоже был освобожден.

Где-то в этот период, едва закончились проверки и тестирования, его и отловили, загнав в пустынный дворик позади одного из вспомогательных флигелей.

Настоящих и постоянных зачинщиков было всего два, остальные подтягивались по случаю. И если один из них, Ши, действительно пострадал во время того события на заводе, – ему раздробило кисть руки, и полностью восстановить двигательные функции не удалось, то второй занимался этим только в силу своего мерзкого характера. Эйрику не нравился Джек, не говоря уж о том, какая шумиха вокруг него постоянно стояла, задевая чувствительную до внимания душу Эйрика.

Джек в долгу не оставался: если дело доходило до открытой драки, сил не жалел, отбивался. В более мирные моменты усердно и высокомерно игнорировал как издевки, так и самого Эйрика сотоварищи. Это безумно бесило юношу, а Джек будто чувствовал это, намеренно доводя его больше и больше.

Что там послужило катализатором, Джек не знал, просто однажды его

отвели за угол и поставили перед фактом, что дальнейшее существование его на этом свете желательно проводить далеко отсюда и в не столь оскорбительном для них виде. Этот вид они тут же и взялись поправлять.

Вошли в раж, потому что Джек, как обычно, тоже не стеснялся с ответами, и словесными, и физическими. Но противников было больше, так что его повалили наземь и долго пинали ногами, а Эйрик, которому он успел удачно разбить лицо, приволок обрезок металлической трубы и с яростным вдохновением охаживал лежащего, пока их не остановили.

– Анна спасла меня, – сказал Джек. – Она зачем-то меня искала, и ей показалось подозрительным, что в обычных местах меня нет. Подняла шум... Ну, убить не убили бы, сил не хватило бы, но хрен его знает... разошлись так, что сами себя не помнили. Сломали челюсть, руку в двух местах, и ребра. С Анной подружка была, целительница, она меня продержала до тех пор, пока скорая не приехала.

– А с этими... что было?

– Ну, разбирались. Перевели в разные места, подальше, с пометкой в личном деле. Ши приходил извиняться, Эйрик тоже. Этот вообще плакал, я в ступоре был, даже не понял, что и как ему отвечать. По факту, опять меня виноватым выставил, гад, что я его не простил.

Энца вздохнула:

– А я-то думала, это мне было тяжело. Во время учебы еще так себе, а когда работала, никто даже разговаривать не хотел, делали вид, что меня нет.

– А почему ты выбрала именно боевое направление?

– Тетка настояла. Еще когда думали, что все в порядке, и уровень остановится на приемлемом. Да и к тому же эта способность, с разрезанием всего... куда еще идти. А потом уже поздно было менять, доучилась до конца.

Они помолчали, снова глядя на небо. Кучевых гряд уже не было, в акварельно голубом небе оставались только начинающие нежно розоветь перья высоких облаков.

– Так Анна училась почти вместе с тобой? – спросила Энца. – А остальные тоже? Роберт, по-моему, одного с ней возраста.

– Нет, все ребята приезжие... С Робертом я познакомился, когда они с Анной начали встречаться.

– Да? – поразились Энца. – Никогда бы не подумала... они совсем этого не показывают.

Джек засмеялся.

– Нет, они расстались давно. Анна просто слишком бурная для

Роберта, а Роберт слишком спокоен для нее. Хотя, надо сказать, до появления Сагана, только он один мог подолгу ее терпеть и хотя бы как-то унимал ее страсти...

– А они не были напарниками?

– Нет, они оба ведущие, куда там. Правда, разного типа, но все равно.

– А какого? – полюбопытствовала Энца. Делать все равно было нечего: солнце едва начало клониться к закату, и к тому же сильно хотелось есть. Разговор отвлекал.

– Анна помогает Сагану контролировать, он же стихийник, но со слабой способностью к контролю, а у Роберта с Донно связь по принципу стабилизации. Донно как подросток, у него уровень силы скачет постоянно, так что Роберт снимает пики, и когда нужно, делится с ним энергией.

– Здорово, – уважительно покивала головой Энца. – А вот...

Ее прервал звонок телефона.

– Может, Артур, наконец, проснулся? – сказал Джек с гримасой боли вытаскивая телефон из кармана. Ушибленная рука ныла, постоянно напоминая о себе.

Но это был не Артур, и Джек не знал, расстраиваться или радоваться.

– Привет, милая, – ласково сказал он: звонила Эли. – Да, все хорошо. А ты как? ... Я? Да нормально. В яме сижу. ... Какая разница, где? ... Я по работе сижу.

Джек клятвенно уверил женщину, что все в порядке, посокрушался вместе с ней, какая гадкая у него работа, обещал ей, что непременно позвонит, как только вырвется из силков и еще раз уверил, что сидит в яме только по делу и очень далеко от напарницы, которая ничего такого не помышляет.

Облегченно выдохнул, нажав отбой, и потер виски.

Энца сочувственно посопела.

– Мы договаривались вчера в кино, – сказал Джек, – а нас задержали, помнишь, и не вышло. Теперь расстраивается.

– Понятно, – отозвалась Энца. – Она кино любит? А что вы в прошлый раз смотрели?

– Любит, – сказал Джек и вдруг нахмурился. – А что смотрели... не помню. Что-то про любовь, и я заснул, наверно.

Он вытянул ноги и поменял позу: спина уже начала затекать.

– Она попросила меня стихотворение сочинить, а я никак не могу, – пожаловался он. – Не выходит как-то.

Энца хмыкнула.

– А ты уже сочинял вот так, по заказу?

– Не... тоже не выходило. Только раз, но там совпало: меня попросили, а я и сам уже начал.

Энца поглядела вверх: прежде розовые облака стали терять цвет, небо становилось более блеклым. Закат был уже близко.

– Почитай, пожалуйста, – вдруг попросила она.

Джек помолчал немного, потом сказал:

– Сначала давай шоколад. У меня живот начинает к позвоночнику прирастать.

Энца достала обе плитки, ему протянула нераспечатанную, а сама с удовольствием зашуршала оберткой оставшейся.

– Молочный? – удивился Джек. – Ты же не любишь.

– Это Донно сегодня дал, – с набитым ртом отозвалась Энца.

Шоколад, на самом деле, – это хорошо, когда желудок полон, и есть чашечка кофе или чая, а просто так... просто так – это издевательство над желудком. Ну, деваться-то все равно некуда, залью сверху водой, решила Энца. Видимо, к тому же выводу пришел и Джек, и они, прикладываясь по очереди, осушили слишком маленькую для двоих бутылочку.

– Да, кстати, знаешь... – сказал Джек. – Если будут про Донно чего болтать... ну, там у вас на занятиях. Ты не слушай.

– Я и не слушаю, – отозвалась Энца.

Хотя, конечно, это было тяжело – несколько раз и подходили, спрашивали, каково это. Не боится ли она. Как можно бояться Донно – не в том смысле, как его опасалась Энца, – а по-настоящему, ожидая от него жестокой выходки или чего-то страшного, ей было непонятно. «Он же убийца, а его папаша...», – однажды простодушно выдал один из мастеров боя, когда они с тренировки шли. Донно с коллегами повстречались по дороге, и Энца помахала ему рукой.

Простой обмен любезностями вызвал среди тренирующихся бурный разговор о том, что некоторых стоило бы на всякий случай изолировать. Про «папашу» не дал договорить Саган, ввинтился между Энцей и болтуном, и процедил сквозь зубы, что мужики, которые сплетничают – хуже баб. Парень обиделся. Саган тогда тоже сказал: «Не слушай».

Спрашивать Донно об этом Энца постеснялась. Решила, что тот сам расскажет – если решит, что это нужно.

Тем временем небо над ними наконец начало темнеть, потихоньку наливаясь густой сумеречной краской.

– Скоро начнется, – заметил Джек.

– А вдруг они мимо пройдут? – обеспокоилась Энца. – Мы же в яме, они могут и не заглянуть. А пирамидка уже разряжена.

Джек пожал плечами.

– На голоса придут, надо просто продолжать разговаривать. Ты пока свечи зажги.

– А ты обещал почитать, – напомнила Энца, забрав у него зажигалку.

У них с собой была пара заговоренных свечей, на случай если в сильном магическом поле фонарь разрядится. Эти свечи не гасли даже на самом сильном ветру, а еще в их свете можно было разглядеть то, что простым глазом не видно.

Энце, впрочем, это никогда не удавалось.

Нагретая за день земля дышала теплом, наверху в травах громко пели сверчки, и в отдалении стала слышна переливчатая звонкая песня позднего соловья. Хороший знак, подумала Энца, соловьи к добру обычно.

– Я это написал, когда еще только учиться начал, – сказал вдруг Джек. – Это колыбельная. Для одного друга.

Пусть будет сон твой добрым,
Спи, бедное дитя.
Ночь рассыпает звезды
По темным небесам.

Звенят как льдинки звезды,
Спи, бедное дитя.
И пусть под звон их тонкий,
Приснятся чудеса.

А если станет грустно,
Спи, бедное дитя.
У ветра попрошу я,
Чтоб песни напевал.

Три песни ветер знает,
Спи, бедное дитя...

– Оп, – сказал вдруг Джек, обрывая сам себя на полуслове.

Энца резко повернула голову, проследив за его взглядом.

На отвесной стене ямы тускло и смутно проступала тень, медленно ползущая вниз головой. Некрупное короткое тело ромбовидной формы, лапы как у ящерицы, с цепкими длинными пальцами и большая голова.

Оно неотрывно смотрело на людей круглыми немигающими глазами

на маленьком темном личике, похожем на человеческое. С головы нечесаной черной паклей свисали длинные волосы, слегка покачиваясь при движении существа.

Энца плавно повела руками, формируя воздушные клинки – короткие в этот раз, чтобы не задеть случайно Джека, стремительно двинулась к существу...

...нет, не стремительно... тело будто увязло в киселе, движения замедлились, угасая, и сама Энца более не смогла оторвать взгляда от его глаз, начинавших слегка светиться в опускающемся сумраке.

Пока Джек читал колыбельную, он наматывал на кулак плоскую железную цепочку – один из экспериментальных артефактов Ван-Лиры.

Пришлось на левый наматывать, правая двигалась все с бОльшим трудом, постепенно немея. Когда Энца вдруг остановилась, Джек почувствовал, как исчез на языке металлический вкус – пропали ее клинки.

Существо переключилось на Джека, замерев на стене. Но Джек, примерно поняв, в чем дело, отвел взгляд, рывком поднимаясь на ноги. Схватив Энцу за плечо, дернул в сторону и одновременно махнул цепью в сторону существа.

На конце тонкой цепочки был железный шарик, который содержал в себе направленный заряд пси-энергии, который по замыслу должен был разрывать плоть монстр-объектов среднего уровня.

Существо вздрогнуло, скользнуло немного вниз по стене, неловко перебирая тощими лапами, задергало головой.

Энца отмерла, и вдруг так резко прыгнула вперед, взмахивая клинками, что Джек едва успел отшатнуться, чтобы его не задело.

– Чего творишь? – возмутился он. – Ты мне голову чуть не снесла!

Энца испуганно посмотрела на него.

– Я тебя задела? Дай посмотреть, крови нет?

Джек отмахнулся от нее: все в порядке.

Существо, разрубленное Энцей на два куска, продолжало корчиться на земляном дне ямы, пытаясь уползти.

– Он не погиб, – удивленно сказала Энца.

– Потому что это не монстр-объект, – сказал Джек, кивнув на россыпь артефактов, которые лежали в центре ямы, вываленные им из сумки.

Белые кристаллы, покрытые рунами и служившие индикаторами присутствия монстр-объектов, не светились. Зато подмигивал искорками усыпанный прозрачными камнями медный диск, показывая высокую парабиологическую активность вокруг. Существо было порождением этого

мира.

– Он тут не один, – сказал Джек. – Ни зубов, ни рта, похоже, что он просто для кого-то ловил и удерживал жертв.

– Для кого же, – тихо произнесла Энца.

– Мне... холодно...

Тоненький, невыразимо печальный голос раздался за их спинами.

– Очень холодно...

Джек нервно обернулся. Несмотря на то, что ничего злого в голосе не слышалось, морозом пробрало до самых костей.

Энца, разворачиваясь, описала широкий полукруг коротким широким клинком, но никого не задела. Они были одни в этой яме.

За левым плечом Джека кто-то душераздирающе вздохнул:

– Так холодно...

– Давай спиной к спине, – нервно бросил Джек Энце, и они быстро передвинулись, встав рядом с кучкой артефактов.

Разрубленное тело исчезло, не оставив никаких следов, а голос не прекращая вздыхал и сетовал на холод.

Над краем ямы появилось бледное пятно лица, светлые волосы свесились вниз. Энце даже показалось на миг, что это Айниэль, но лицо дернулось, исказившись, шея вытянулась, неестественно изогнулась... Существо спрятало лицо, чтобы через миг, длинной тонкой рукой попытаться их схватить. Метра на два рука вытянулась, но все равно не достала. Энца попыталась сама дотянуться, в прыжке подсесть ее, но не попала: существо быстро отдернуло лапу.

Снова свесило лицо и зашипело на них, потом молча наблюдало, не двигаясь.

Джек снова позвонил Артуру, тот не отвечал.

– И чего он, спит, что ли? – раздраженно произнес Джек. – Знал же, что мы поедем на пустырь.

Энца еще раз попробовала вскарабкаться вверх, помогая себе клинками, трансформированными в крючья, но тщетно. Земля осыпалась, не выдерживая даже ее веса.

– Надо их вниз сманить, – сказала она.

– Ты вообще слышишь, что говоришь? – оторопел Джек. – Мы тут, по-твоему, зачем? Подкормить местную фауну? Расследование мы провели, наличие парабиологических сущностей установили и зафиксировали. Теперь надо ждать, чтобы этот долбанутый приехал и всех отловил.

Он помолчал и добавил:

– Хотя вот с хрена ли тут такой бал каждую ночь? А днем ничего не

показывает, ни тебе температурных аномалий, ни магнитных. Что их сюда приманивает?

– По исторической справке, – сказала Энца, – тут ничего особенного не было. Деревня только, пока город не разросся, потом снесли. Никаких загадочных происшествий, кровавых убийств и незаконных захоронений...

Тонкий голос за спиной захныкал.

Белые кристаллы мигнули синхронно и загорелись тусклым молочным светом: монстр-объект в радиусе одиннадцати метров.

– Зашибись, – прокомментировал Джек. – Надеюсь, он к нам на огонек заглядывать не будет.

Чья-то мерная поступь сотрясала землю, с краев ямы посыпалась пыль и комки почвы. Беловолосое существо, обхватив голову длинными руками, исчезло.

– Холодно... – неуверенно сказали за плечом Джека, и тот огрызнулся:

– Заткнись уже.

Не один, и не два... кажется, целая группа существ, медленно и тяжело ступая нога в ногу, шли где-то недалеко от ямы.

Джек до боли сжал левый кулак, так что звенья цепи впились в кожу. Правая висела плетью, и он думал, что, в принципе, на пустыре никого нет и снести к чертям любую группу нападающих он сможет... лишь бы как-то можно было контролировать, чтобы и в яме не поднялся вихрь.

Размелет ведь.

Энца прикидывала, что если воспроизвести сразу два бердыша, но с древком покороче... оттолкнуться с помощью направленного воздушного толчка... или с помощью Джека? Может быть, получится подняться ближе к краю и вылезти.

Рубить не глядя, чтобы снова не напороться на какую-нибудь гипнотическую дрянь.

Пока не приедет Артур.

Если приедет.

Марш неизвестных сущностей миновал их яму и затих где-то вдали. Кристаллы нехотя погасли, тая в сердцевине слабые отсветы.

– А если они забыли? Что мы поедем на пустырь? – шепотом спросила Энца, имея в виду коллег.

Первоначальный порыв созвать все опасные создания в яму и порубить их уступил проснувшейся логике и здравому смыслу. Теперь что-то не хотелось привлекать ничье внимание.

– Ну да, – засомневался Джек. – Айниэль-то забыла?

– Да мы еще Альбера встретили перед выходом, – сама себя

успокаивая, сказала Энца. – Может, он напомним.

– Странный он, – нехотя сказал Джек. – Ты не обращала внимания?

– Да они все странные, – отозвалась Энца. – А этот запах гари вечный... Видел, как она напряглась, когда я спросила об Альбере? Наверно, не поделили что-то. Я думаю, что он старше по должности, и ее это бесит.

– Почему? – спросил Джек, нахмурившись. Сам в это время пытался вспомнить, где это пахло гарью. Пыль была, травы высохшие, но гарь? – Почему ты думаешь, что он старше по должности?

К этому времени уже стемнело так, что они едва видели друг друга, развернувшись влоборота, но еще не решаясь вернуться на старое место. Заговоренные свечи в белых футлярах фонарей мягко мерцали, освещая дно ямы и ноги до колен.

В небе зажигались звезды. Беловолосое существо вернулось и снова склонилось над провалом, внимательно разглядывая людей.

– А я как-то к ней в бумаги заглядывала, которые она вечно набирает и распечатывает, плюс еще она меня посылала на склад с накладными. Там везде в графе «ответственное лицо» стоит Альбер. И визирует он тоже.

– Ты заглядывала в ее бумаги? – хмыкнул Джек. – А саму подпись видела?

– Да, там закорючка стоит и печать. Такая, знаешь, личная, защищенная, на зеленых чернилах.

Зеленые чернила обычно были заговоренными, усиливающими плетения на печати. К примеру, пользоваться ею мог только владелец или же подписывать можно было только определенные документы. Вариантов и способов использования было много.

– Н-да. Защищенная, говоришь... жаль, тогда не сходитесь... а забавная была идея.

– Какая?

– Да фигня. У нас там фонаят постоянно артефакты обнаружения, помнишь? Не просто же так. И ведет он себя... странно. Никогда не заходит в помещение, всегда в коридоре, но откуда появляется и куда девается, непонятно. Короче, я думал, может он из этих... призраков, которые не знают, что померли уже.

– *Хо-олодно*, – протянул голос за спиной, а Энца вздрогнула, перебирая в памяти все встречи.

– Как же это, – растерянно сказала она.

– Если ты видела его подпись, то я неправ, – утешил ее Джек. – Но идея была интересная. И в нее тогда вписывались и разрастающийся

чертополох, и защита на кабинете: все эти метелки из полыни и рябинные кресты.

– И боярышник, – тихо сказала Энца. – Судя по кустам, его в том году только посадили, еще не разросся.

Девушка присела на корточки, обхватив голову руками. Почему-то слова Джека сильно задели ее, как-то легли так, что несмотря на очевидное несоответствие фактов, их невозможно было совсем отбросить.

– Я ни разу не видела его тень. Думала, что глупости. Может, не в Альбере дело, – сказала она. – Но что-то есть неправильное, а я никак уловить суть не могу.

Она вздохнула. Запрокинула лицо к небу и столкнулась взглядом с немигающими глазами беловолосого существа, ойкнув от неожиданности.

– Меня оно раздражает, – рассердился Джек, тоже посмотрев наверх. – Смотрит и смотрит. Ну-ка, дай я в него цепью запущу, может, хватит длины.

Он размотал ее, примерился и неловко закинул. Мало того, что недолет, так еще и промазал все равно. Левой было неудобно.

– Давай я склон подрежу, и она свалится сюда, к нам, – предложила Энца.

– Да уж, твои идеи сегодня просто блещут, – язвительно сказал Джек. – То, что нас тоже засыпет или что ты будешь делать с ней, если она попытается достать у тебя сердце, тебя не волнует?

Энца смутилась. Действительно, если подумать, глупости одни, самоубийственные и недаленовидные. Может, это все потому, что ей почти не было страшно, да и энергия просто бурлила в жилах после недавнего обмена...

– Давай присядем, – сказал Джек, – Какая разница, больше вроде никто не лезет. Я покурю, и снова позвоню этому лысому.

– Можно попробовать на городской телефон, в отдел, – предложила Энца. – Вдруг Айниэль допоздна задержалась.

– Номер помнишь?

– У меня с собой, сейчас посмотрю, – заторопилась Энца.

Пустое. К городскому телефону тоже никто не подходил.

– Н-да, – сказал Джек. – Ладно, если не ответит в ближайшем времени, звоним кому-нибудь из наших, так уж и быть, пусть ржут.

– Донно не будет, – робко сказала Энца.

– Ну, только он один и не будет, – отрезал Джек. – И к тому же совсем хреново, если на следующую ночь опять придется сюда ехать и заново этих... товарищей вызывать.

– Мне так холодно, – грустно согласился голос и всхлипнул.

– Надо же, какие звезды, – сказала Энца, закидывая голову.

Джек метнул камнем в беловолосую голову существа, которое взялось скрести костлявыми длинными пальцами склон, вызывая маленькие земляные оползни.

С первого раза не попал, потом взял кристалл из кучки артефактов, примерился получше и – оп! – тусклый продолговатый кварц скользнул по щеке существа, которое взвыло, откидываясь назад.

Поскуливало там, наверху, заглушая соловья, который вновь начал рулады выводить, потом пропало.

– Не замерзла? – спросил Джек. – А то небось заболеешь сразу.

– Не, – покачала головой Энца. – Как эта ушла, теплее стало.

Джек растер окурок о землю, раздраженно чертыхнулся. Дурацкая ситуация, и этому плешивому он еще все выскажет. Может, опять морду ему набить? Сволочь, знал же, что они едут сюда, какого черта к телефону не подходит?

– А эти две звезды, – спросила Энца. – Знаешь, что это?

Джек посмотрел, куда она указывала.

– Это Молочные сестры, – сказал он. – Они только летом видны. А вон та россыпь правее, как треугольник, это Море слез.

– А вот та, которая мигает?

– Эта? Это самолет летит, только далеко. Видишь, двигается. А вот над ним Чаша, и Руна крови.

– Где? Про Руну крови я знаю, только найти никогда не могла. Думала, узнаю по очертаниям.

– А она не такая, как обычно в атласах, чуть боком лежит... Вот, севернее смотри, с такой крупной красноватой звездой...

Они не слышали, как шуршали травы наверху, и совсем даже не от ветра. Артефакты обнаружения молчали: то был человек.

Услышали только чей-то пронзительный вопль, потом вспышка света, снова вспышка, и дальше целая серия. Несколько человек перекликивались наверху, потом, заслоня звезды, над краем ямы встала крупная фигура, при виде которой Джек присвистнул от изумления, а Энца заморгала, сразу не поняв, кто это.

– Они тут, – сказал знакомый скрипучий голос, обращаясь к кому-то рядом. – Вызовите мне сюда Острослава, их достать надо.

Потом уставился на них, и Энца поежилась: отчего-то взгляд Якова, совсем даже и не видный в этой темноте, казался гораздо более тяжелым, чем беловолосого существа.

– Сидим, значит? – почти ласково спросил Яков. Стекла в очках неожиданно блеснули, отражая очередную вспышку на пустыре.

Он присел на корточки, покачал головой.

– Я так устал, – пожаловался он, – наверное, мне пора на пенсию. Мы уже несколько часов ищем эту парочку, поднимаем разные ресурсы, подключаем другие отделы, прочесываем окрестности... Я! Лично я выхожу в поле, потому что эти зеленые обормоты в один голос твердят, что ваши жизненные сигналы нигде не определяются. Не говоря уж о мобильных телефонах, которые недоступны. И что же? Я нахожу их, а они звезды обсуждают.

– Мы вообще-то сидим себе и работаем, и никого не трогаем, – пробурчал Джек.

Проигнорировав его, Яков хмуро спросил:

– Что делают нормальные люди, которые оказываются в яме?

– Что? – расстроено спросила Энца, видя, что он ожидает этого вопроса.

– Зовут на помощь, – наставительно произнес Яков. – Кричат. Звонят в службу спасения. Или своим коллегам. Или друзьям.

Энца подумала, что опять выговор будет. А собственно, что произошло? Почему их стали искать? Да и телефон-то не работал только у нее... Неожиданная мысль пришла ей в голову.

– Извините, Яков, – позвала она. – А кто вообще нас хватился?

– Донно, – отозвался тот. – И ведьма эта сумасшедшая, Анна, за сердце хваталась: чую, говорит, беда. Как пиявка прилипла.

– Ну все, – сказал Джек. – Этот твой медведь закопает меня живьем и даже оправдаться не даст. А я вообще не при чем, ты сама в эту яму свалилась, а я руку повредил. И нас едва не съели! – крикнул он Якову.

Тот лишь похмыкал, потом отошел, уступая место магу, который помог им выбраться из ямы.

На прощание тонюсенький голосок, едва ли громче комариного писка, грустно шепнул: «*Очень, очень холодно*», и внешний мир встретил их теплом летней ночи, шорохом трав, ровным сиянием установленных по периметру переносных прожекторов и целой волной насмешек и сочувственных возгласов: все вперемешку.

История десятая. Разоблачение Альбера

У Донно никогда не было друзей. В школе он инстинктивно избегал

близких отношений с кем-либо, а позже его и вовсе не тянуло. Зачем? Впускать кого-то в свою жизнь? Объяснять, почему у него все так, а не иначе? Рассказывать пришлось бы много, а Донно этого не любил. Проще было держать дистанцию, говорить поменьше, да подробнее показывать, куда стоит пойти особо настойчивым типам.

Раз в неделю он звонил матери, игнорируя ее требования общаться ежедневно, обещал правильно питаться и не лезть в опасные места. Раз в месяц он ездил к ней в больницу, возил цветы, фрукты и лотки с домашней едой.

Иногда матери хотелось поиграть в утонченную аристократку, и Донно приходилось плавать в вязком киселе этикета и округлых пустых фраз; порой мать начинала валяться у него в ногах и рыдать, пытаясь вымолить прощение. В самые неудачные дни она говорила с Донно сквозь зубы, а потом бросалась на него и пыталась расцарапать лицо, потому что он слишком был похож на своего отца. Когда ее выписывали из больницы до следующего приступа, он нанимал сиделку: находиться рядом с ней было невозможно.

Их обоих слишком поломало пережитое вместе детство – и отец. Порой Донно думал, что родился он пару десятков лет назад, его жизнь сложилась бы удачнее – мальчика забрали бы воспитываться при одной из Академий, едва только проявился дар. И все эти мучительные дни и ночи, когда отец измывался над матерью и сыном, вытягивая из них необходимые эмоции, как наркоман дозу, не случились бы.

В любом случае, день-два после визита к матери Донно пил дома, никуда не выходя. Потом все на время приходило в норму: Донно работал. С его точки зрения это было правильно. Если ему становилось скучно, он брал дополнительные дежурства.

Коллеги перебрасывались с ним приветствиями и шутками, но, уже зная его привычки, не навязывались.

В общем, Донно его жизнь устраивала.

Пока в ней не появился Роберт и не расквасил ему нос одним метким ударом за то, что тот нагрубил ему во время совместного выезда.

– Бесишь, – коротко сказал Роберт, встряхивая разбитым кулаком.

Он был левшой, не любил врачей и печеночные оладьи, мастерски разбирался с любой техникой и встречался с зеленоглазой магической-предсказательницей. Роберт знал пять языков и терпеть не мог пустых разговоров.

За тот случай на выезде их наказали: Солнцеликий, тогдашний начальник отдела, целую неделю высылал обоих на самые тяжелые дела.

Первый день они молчали, потом огрызались друг на друга, а вскоре Донно с немалым удивлением обнаружил, что Роберт преспокойно сидит у него в гостях, одалживает диски с музыкой, заставляет ходить с собой по бабским магазинам в поисках подарка для взбалмошной подруги и знакомит со своими странными друзьями.

У Донно были ограничения на оперативную работу из-за нестабильного дара, и Роберт велел ему подать анкету на участие в партнерской программе... спустя пару недель их вызывали для подписи контракта.

Роберт не давал ему жить спокойно. Когда Донно пытался от чего-то увильнуть, напарник показывал костлявый кулак и спокойно говорил: «Бесишь». Если Роберт говорил: «Достал», это значило, что пора менять документы, покидать страну и искать бомбоубежище.

И не смотря на все это, Роберт был на удивления слаб физически: быстро переутомлялся, а после особо тяжелых дежурств, если приходилось соприкасаться с посмертной аурой, приходил к Донно «тихо умирать». Он так и говорил: «Можно я тут тихо помру?» Ставил бутылку коньяка на стол, клал рядом очки и сворачивался как побитый пес в кресле. Отлеживался час-полтора, восстанавливаясь.

Роберта совершенно нельзя было оставлять одного: он ел всякую дрянь, мог не спать несколько ночей подряд, а потом закидываться энергетиками, чтобы работать дальше. Донно приходилось присматривать за ним.

Честно говоря, он не знал, что бы с ним было, если бы не Роберт.

Донно настоял на том, чтобы Энца ехала к нему. Энца могла только испуганно блеять, что ей неудобно и... и вообще...

Если бы она придумала, что именно «вообще», то может быть, Донно и послушал ее, а так просто загрузил в свою машину и увез, на прощание кивнув Джеку.

Тот воспринял духом, расценив этот кивок как знак того, что Донно в своей странной голове не затаил против него ничего злого, что потом бы нехорошо отозвалось на бедной, без того потрепанной шкуре Джека.

Хотя по большей части ему было наплевать на мнение Донно, его сейчас сильнее занимали другие мысли.

Жутко хотелось спать и есть. Мужественно преодолевая боль в желудке, Джек отловил пару знакомых магов, участвовавших в поисках и расспросил их, записав разговор на телефон, чтобы потом обдумать. С Яковом перебрался только парой слов, и тот, скрипя все больше и

больше, отправил его на боковую, раздраженно посоветовав убрать с его глаз свою серо-зеленую физиономию.

Джек так и сделал, добрал до машины и, заехав по дороге в круглосуточный супермаркет, отправился домой.

Собственно, что больше всего ему не нравилось: заблокированные телефоны и жизненные сигналы. Видимо, это произошло не сразу, ведь Эли смогла дозвониться.

Хватились их после десяти, то есть практически перед заходом солнца, а искать с использованием технологий и магии начали уже после наступления темноты. Как раз тогда, когда началась вся катавасия, и логично заключить, что поиски блокировались из-за парабиологической активности, наложенной на возмущение полей от точечного портала.

Электроника сбоила, это понятно. Но. Никто никогда не слышал, чтобы перекрывались жизненные сигналы в районах, где появлялись призраки и монстр-объекты.

А вот магические техники для этого существовали, так что скорее это ловушка, выстроенная человеком. На них лично? Или они случайно угодили в нее?

Почему Энца начинает себя странно вести? Нелогичные высказывания, самоубийственные какие-то намерения... нет, она и вообще не склонна трусить в таких ситуациях, но лезть на рожон, не подумав дважды, – как-то не о ней.

Еще эти ее постоянные падения последнее время.

И Альбер. Предположение Джека о том, что коллега на самом деле призрак, было скорее игрой ума, давно пришедшей к нему в голову мыслью, которой он не придавал особого значения... но теперь, видимо, стоило уделить ей времени побольше.

Квартира была непривычно пустой и тихой, но Джек слишком устал, чтобы обдумывать еще и это. Наскоро проглотил несколько бутербродов, упал на кровать и сразу отрубился.

Какая только дрянь не снилась ему этой ночью.

Энца чувствовала, как злится Донно. Чувствовала даже кожей, и не знала, что с этим делать. Она замерла, отодвинувшись к самому окну, и ремень безопасности неприятно царапал горло сбоку.

Донно вел машину ровно, плавно поворачивая. Лицо его было непроницаемо, но Энца думала, что оно скорее застывшее, чем действительно спокойное.

Она болезненно хмурилась, сжав руки на коленях. Что делать, и как

надо разговаривать, она не понимала, но тем не менее чувствовала, что своим молчанием и отчужденностью ухудшает ситуацию.

Донно вел себя как истинный рыцарь: вчера, привезя ее к себе домой, накормил, выдал чистую сменную одежду и уложил спать на свою кровать. Сам лег на пол, недалеко.

Перед этим он попросил ее постоять смиренно.

– Я сниму негатив, – пояснил он. – Ты много сегодня нацепляла.

Его ладони провели по воздуху, очерчивая контуры ее тела, и затем он резко встряхнул кистями.

– Вот так, – сказал он и поцеловал в висок, сжав ее голову руками. – А это персональная защита от меня. Будет действовать дней пять как минимум.

Она так устала, что едва голова ее коснулась подушки, девушка заснула, в моментально наступившей круговерти странных образов, белых лап, тянущихся к ней, плачущих голосов и чьего-то смеха. Приснилось, что она снова в яме, только совсем одна, и в темноте над головой ни одной звезды. Кто-то сидел у края сверху и кидал ей на голову ягоды рябины, одну за другой, хихикая, когда ягоды попадали в макушку.

Наутро Донно сказал, что на работу ей не стоит ехать, а лучше бы отдохнуть. И даже можно взять оплачиваемый выходной.

Энца посмотрела на него с изумлением: ей в голову не приходило прогулять работу, как бы тяжело ни было... ведь надо отчет писать, договариваться с Артуром о выезде (и заодно выяснить, почему он не отвечал вчера на звонки), и можно уже браться за дела, которые не этого месяца, а прошлого... за завтраком она уже составляла в уме план на день, и предложение Донно ее просто огорошило.

– Да нет, – неуверенно сказала она, не желая обидеть его. – Со мной все в порядке... Я лучше поработаю, у нас там много всего, и еще надо успевать на тренировки перед турниром.

Она с грустью подумала, что утреннюю свою разминку-гимнастику пропустила, постеснялась при Донно проводить.

– Если ты боишься, – мягко сказал тот, – я могу позвонить вашим и сам все сказать.

Энца недоверчиво посмотрела на него. Нет, с одной стороны приятно, что он так беспокоится, но... ведь на самом деле ничего с ней не случилось, это вон Джек поранился, и как-то неудобно было, что Донно раздувает из мухи слона.

С той же горбаной, или после того, как с крыши так неудачно свалилась, все было гораздо хуже. Одни порезы на ноге сколько заживали.

А она все равно на работу ходила, даже не задумываясь о том, что можно пропускать. Джек подобное поведение называл «синдром отличницы» и обидно фыркал.

Донно положил свою большую ладонь поверх ее пальцев.

– Ничего не бойся, – сказал он, склоняясь над ней, – я никогда не причиню тебе вреда.

Его поцелуй был мягким, горячим и необыкновенно нежным.

Ну, а вот почти сразу после него Энца все испортила. Она попросила вторую порцию омлета с ветчиной, которую Донно ей с удовольствием положил, а потом вдруг вспомнила, что Джека-то никто будить сегодня не будет.

Она попросила у Донно телефон: свой она так и не зарядила, забыла вынуть из сумки. Узнав, кому она собирается звонить, Донно посуровел, и позвонил Джеку сам.

– Ты решила все же ехать? – серьезно спросил Донно. – Ты могла бы отдохнуть этот день.

Энца покачала головой.

– Извини, – очень тихо сказала она. – Работы, правда, много. Я не могу пропускать.

– Я отвезу, – отрывисто сказал Донно.

Еще перед самым выходом, он попробовал ее переубедить, заодно узнав еще одну ее сторону: если Энца на чем-то упиралась, то сдвинуть ее с этого места было практически невозможно.

Сдавшись, Донно поворчал еще для порядка, чем изрядно напугал девушку, принявшую все всерьез. Ну и всю поездку, недовольный ее упрямством молчал. И то, что она не хотела с ним разговаривать, расстраивало сильнее, чем он мог бы признаться.

Джек уже торчал на стоянке института, когда они подъехали, взъерошенный и недовольный.

– Чем я тебе насолил, малявка? – скорбно спросил он, когда Энца выбралась из машины. – Это ж надо было додуматься, натравить на меня этого медведя... а я-то думал, удастся отоспаться раз в жизни.

Он недовольно нахмурился, оглядев ее:

– А ты чего такая надутая?

Донно, который вышел с другой стороны, тоже внимательно осмотрел девушку, потом прищурился на Джека. Подошел к нему ближе, положил увесистую лапищу на плечо и вполголоса сказал:

– Не твое дело, Джек. А к тебе просьба: своими ужимками не порти ей

жизнь. Надо вставать рано, значит встаешь. Надо ехать – едешь. И вообще, головой за нее отвечаешь, понял?

Он казался настоящим медведем по сравнению с худощавым оппонентом. Светлые глаза Джека сощурились, не выдавая ни капли страха. Он поднял руку и сомкнул пальцы поверх широкого запястья Донно. Сжал так, что суставы побелели, а Донно непроизвольно скривился: у Джека оказалась на удивление крепкая хватка.

– Не кипятись, Донно, – ровно сказал он. – Я все делаю так, как считаю нужным.

– Кроме тебя в мире есть еще люди, – в низком голосе Донно зазвучали рычащие ноты. – Оглянись как-нибудь, удостоверься. Это пока есть, но если ты будешь продолжать плевать на них, то никого не останется...

– Донно, – позвала Энца.

Она положила руки на их плечи и, тревожно заглядывая им в лица по очереди, заговорила:

– Не надо, пожалуйста... Ну зачем вы так? Донно...

– Ты опять, – рассердился Джек, стряхивая их руки и отходя подальше. – Чуть что, глаза на мокром месте.

Он ткнул пальцем в Донно и сказал:

– Короче так, здоровяк. Я тебя не трогаю, ты мне тоже мозг не полощешь, ясно? Делайте тут что хотите, я пошел работать.

– Не зарывайся, Джек. Ты понял, о чем я, – хмуро сказал Донно. – И, кстати, сходи почисти ауру, нахватал где-то дряни.

Он резко кивнул ему, потом склонился к Энце и, поцеловав ее, тихо сказал:

– Прости меня, ладно? Не хотел тебя обижать или пугать.

– Да ладно, чего там, – тихо пробормотала Энца.

Она помахала ему на прощание и побежала догонять Джека, который уже удалялся в сторону их флигеля.

Донно, сжав челюсти, наблюдал, как она сердито ткнула Джека кулаком в ребра и что-то ему выговаривала. Вот что его бесило: Джека она совсем не боялась. Надо бы как-нибудь заглянуть, посмотреть, как они работают. Где устроились и как.

Только вот название отдела и корпуса все время вылетало у него из головы, он даже у Роберта спрашивал... поставил того в тупик. Напарник гордился своей практически феноменальной памятью, а тут тоже не смог вспомнить.

Да, собственно, неважно. Посмотреть можно и в базе данных по

сотрудникам Института. Когда будет время.

Донно сморгнул, пытаясь собраться с мыслями. О чем он сейчас думал? Что-то о работе... Роберт просил с утра заскочить в кафетерий и притащить ему завтрак, точно. По дороге еще нужно будет заглянуть к ребятам из пятого отдела, спросить о результатах вскрытия, им должны были прислать сегодня.

Маг вернулся к машине, достал оттуда папку с бумагами и рабочую сумку с ноутбуком. Постоял немного, нахмурившись, и отправился в кафетерий.

– Артур перезвонил, – поделился Джек. – В шесть утра.

– И что сказал?

Напарники прошли через тенистую аллею, которая переходила в небольшой парк к востоку, обогнули Розовую оранжерею, учебный корпус для младших студентов, и направились к серой коробке Птичьего павильона.

– Ничего. Я не стал с ним разговаривать, послал к бесу. С ума что ли сошел, в шесть утра звонить.

– А потом?

– Потом позвонил нормально, когда я в дороге был. Извинялся, что не подходил, сказал, что голова разболелась, он принял таблетку и заснул.

– Где, на работе? – не поняла Энца.

– Говорит, что да.

Энца молчала и долго думала. Джек рассеянно жевал незажженную сигарету.

Почти у самого крыльца флигеля, Энца сказала:

– Им все равно надо съездить на пустырь, верно? Проверить, что все зачищено и составить заключение...

Джек ухмыльнулся, уловив подтекст.

– Мы к тому же оставили в недостроенном здании несколько амулетов, – развивала свою мысль Энца. – С них показания можно снимать. А у тебя рука болит.

Этим утром Айниэль была не по-хорошему энергична. За топорную работу, пренебрежение инструкциями, общую расхлябанность и некомпетентность досталось всем, включая Артура. Тот сопел, опустив глаза, старательно изображая раскаяние, но поймав взгляд Энцы, сочувственно и хитро подмигнул. Мол, пусть злится, главное, все в порядке.

Энца терпеливо слушала, кивая в нужных местах. Ей хотелось, чтобы

Айниэль побыстрее закончила со своим начальственным гневом и уехала вместе с Артуром.

– Мы сейчас же выезжаем на пустырь, – оправдывая ее ожидания, заявила Айниэль. – Энца, вы с нами.

Девушка заморгала от неожиданности, но Джек быстро вмешался:

– Мы невыездные сегодня. Я руку повредил, а она без меня никуда не едет.

Энца с облегчением закивала. Айниэль пару секунд смотрела ей в глаза своим стеклянным взглядом, потом развернулась на каблуках и вышла.

Джек постоял у входа в кабинет, потом на всякий случай спустился вниз по лестнице, чтобы убедиться, что коллеги точно уехали.

– Ну что, пойдём искать Альбера? – спросила ожидавшая его наверху Энца.

Джек отрицательно покачал головой.

– Ты поищи бумаги какие-нибудь или дела, которые он вел, а я пошарю в базе данных по сотрудникам. Потом по этажам пройдемся.

С одной стороны ей было понятно оживление Джека: для него хуже не было однообразных дней, заполненных этими пыльными бумагами, делами, архивом и разъездами. Придумав себе забаву, Джек увлек и ее, но сейчас, при свете дня, без мистического настроения, охватившего ее вчера в яме, эта идея не казалась ей такой уж... правдоподобной?

Поиграем, и он успокоится. Скоро вот совсем Турнир будет, отборочный тур уже через полторы недели.

Энца без особого вдохновения прошлась по кабинету, заглядывая за папки на стеллажах, во все тумбочки, поковырялась в ящиках у коллег.

Ничего особенного. Сломанные зажигалки, пустые спичечные коробки, испорченные амулеты, бумаги и скрепки у Артура. Ровные стопки бумаг и аккуратно разложенные канцелярские принадлежности у Айниэль.

Разве что запах – у входа еще пахло горькими травами, как и прежде, но вот в глубине комнаты горечь полыни забивалась слабым запахом гари и сладковатым пудровым ароматом, который обычно источала Айниэль. Энца походила, принюхиваясь, но так и не поняла, что там горело. Может, короткое замыкание было, кто его знает.

Джек сказал ей посмотреть бумаги, которые хранились у Айниэль, а сам, сердито морщась, просматривал списки сотрудников их отдела. Потер пальцами переносицу и откинулся на стуле.

– Фигня какая-то, – пожаловался он. – Не могу сосредоточиться. Уже

три раза перечитал, вроде имена вылавливаю, и Альбера и Артура, а что дальше, не пойму.

– Распечатай, – посоветовала Энца, раскладывая бумаги перед собой. – Может, не выспался, поэтому сосредоточиться не можешь.

Джек хмыкнул. Потом замер.

– А что я сейчас собирался сделать? – вдруг растерянно спросил он.

Энца подняла на него глаза.

– Распечатай то, что прочитать не можешь, – сказала она. – Список нашего отдела. Ты чего, вчера выпил, что ли?

Джек торопливо щелкнул мышкой по нужному значку на мониторе.

– Здесь не то что-то, – ответил он. – Ничего я вчера не пил, сразу спать лег. Иди сюда, почитай сама... Нет, погоди, почему-то не печатает...

Принтер молчал. Они постояли немного рядом с ним, потом переглянулись.

– А что ты хотел распечатать? – спросила Энца. – Надо будет, наверно, заявку инженерам писать, что сломался.

– Не помню, – отозвался Джек. – Что-то со списком. А! Ты документы посмотрела?

– Ага. Там копии служебок, докладных и заявок на выдачу оборудования. Везде подпись Альбера или Артура, но подлинная ли печать Альбера, не понятно. Копия ведь.

Джек вернулся к столу, наугад посмотрел пару бумаг. Действительно. И все так же непонятно.

Энца вернула все бумаги в стол, стараясь не нарушить прежний порядок, а потом они отправились искать Альбера. Обошли все три этажа, осмотрели все незапертые помещения. Более-менее обжитым помещением, кроме их кабинета, была только крохотная комната отдыха с небольшим угловым диваном, столиком и холодильником. Один из углов комнаты занимала небольшая кухня, с навесными шкафчиками, мойкой и микроволновкой. Кухня была белой, чистой, хотя и здесь витал уже надоевший запах полыни.

В мойке лежала большая кружка, с крупной надписью «Мужик», покрытая изнутри коричневыми чайно-кофейными разводами. Еще пять-шесть разномастных кружек стояли на полке в шкафчике.

Энца достала одну из них и показала Джеку: «Альбер» было написано на ее доньшке несмываемым черным маркером. Сама кружка, как и остальные, была покрыта пылью.

Они даже выглянули на крышу, но отходить от двери не стали, просто

окинули все взглядом.

– Есть еще закрытая комната, – напомнил Джек, когда они спустились вниз и вышли на балкончик с лестницы.

Энца села на перила, свесив ноги вниз, задумалась.

– Закрытая – и закрытая, – пожалала плечами она. – Она опечатана, и эти сразу заметят, что мы туда ходили. Тем более, если там действительно эксперимент идет, можем испортить.

Она вздохнула, вспомнив, какие опыты проводят в Птичьем павильоне.

– Как ты чувствуешь магию? – без видимой связи спросил Джек, следуя своей внутренней логике.

– Никак, – пожалала плечами Энца. – Обычно никак, только если что-то сильное, как запах. Иногда, если сильно сосредоточусь, могу почувствовать-увидеть плетения боевой магии. Ну, которые объемно-режущие или ударные. А более сложную или бытовую совсем не чувствую.

– Ну да, – кивнул Джек. – То-то ты не улавливала, что шаманит Донно.

– А ты как? Что-нибудь ощущаешь?

– Только воздушную. Во рту вкус появляется, как от крови, железный такой.

– Ясно, – кивнула Энца, и они помолчали немного, разглядывая мягко шуршащие листья на липе, которая росла у стены.

На балкончике было прохладно: тень от Птичьего павильона закрывала их от солнцепека. Близился полдень.

Энца сбегала за ручкой и бумагой, уселась прямо на бетонный пол балкончика, скрестив по-турецки ноги.

– Ну, смотри, что у нас есть, – сказала она. – Альбер – подозрителен, болтается туда-сюда, что делает, непонятно, но при этом каким-то образом подписывает все бумаги Айниэль. Сама Айниэль про него говорить не хочет, Артур тоже. Кабинет его мы не нашли.

– Может быть, он закрыт.

– Может быть. Зато его кружка в комнате отдыха есть. Хотя, кажется, ею давно никто не пользовался.

– Еды там, кстати, никакой нет давно и даже не пахнет.

– Ну... даже не знаю, важно ли это... Пускай будет. Сотрудников других нет. Надо еще по базе посмотреть, кто еще тут значился, и куда их перевели. Может, у них поспрашивать? Но это странно наверно будет, нет?

Джек хмурился. Ему казалось, что он забыл что-то важное, и никак не мог ухватить эту мысль.

– Да! – сказала Энца. – Ты заметил, что Айниэль тоже ни разу не

применяла магию? Она всегда просто стоит в стороне и смотрит.

– Она тараканов убирала, – напомнил Джек.

– Да, но мы не видели, как.

– И что, это тоже подозрительно? Скорее подозрительно то, что такой маг как Артур торчит здесь в штате.

– Ты имеешь в виду, что он сильный?

– Нет, что он технарь высокого уровня, а сидит на побегушках в архиве.

– Я не знала, что он технарь, – растерялась Энца.

Джек пожал плечами.

– На днях в курилке упомянул его имя. Один из ребят, оказалось, был однокурсником с ним. Ну, ничего интересного не сказал, только вроде бы с ним еще история была, на какой-то другой факультет перетягивали, у него большое дарование было и сразу по двум направлениям. Н-да... И вот поди ж ты, где закончил в итоге.

– А ты не помнишь, что за второе направление?

– Нет. То есть это не я не помню, а тот, кто рассказывал, не помнит.

Энца прилежно записывала что-то на бумажку. Джек заглянул через плечо: схема. «Альбер», «Артур», «отдел», кружочки и стрелочки.

– Ну, вот смотри, – вдруг нахмурилась она. – Даже если с Альбером что-то не то... тогда бы Айниэль сказала бы, что, мол, призрак он. А она же не сказала. Что-то мы городим лишнее, честное слово...

Джек ее не слушал, осененный новой мыслью.

– Да чтоб меня, – воскликнул он. – Это же проверить легче легкого! Нафига его вообще искать? Мы ведь можем провести спиритический сеанс, и если он придет, то и доказывать ничего не нужно.

Энца скептически посмотрела на него:

– И кто этот обряд будет проводить? Я или ты?

– Ты, конечно, – легкомысленно отозвался Джек. – Это простейший ритуал, неужели не справишься?

– А если он жив?..

– Если он жив, вызов не сработает, никакого вреда его духу не будет. Давай, у Анны доску уиджи возьмем, и сегодня ночью проведем сеанс.

– Надо еще посмотреть по базе... так, я это уже говорила. Ага, Джек, давай еще по дороге домой в медпункт заглянем?

– Что, болит что-то?

– Нет, но одну штуку хочу проверить.

– Лады, – отозвался Джек лениво.

Вернувшись на рабочее место, Джек удивился:

– Смотри-ка, у меня уже открыт список сотрудников. Когда я успел?

– И что там?

– Фигня какая-то. Заголовок есть, а перечень весь квадратиками: кодировка слетела.

– Я сейчас у себя открою, – сказала Энца.

Подключилась к инфопорталу Института, нашла нужный раздел и задала поиск «Отдел архивных исследований». Поиск завис, пришлось искать вручную. Ага, вот он.

Удобная штука, для внутреннего пользования: список сотрудников разбит по разделам, с указанием телефона, рабочей почты и названия корпуса, где находится отдел. Сбоит, правда, часто: руководство экономит и перестраховывается, не желая приглашать сторонних разработчиков, так что поддерживают базу два аспиранта с факультета маг-технологий, в свободное от остальной работы время. Ну и... получается, что получается.

Энца поморгала немного, отчего-то в глазах уже двоилось, хотя особой усталости не было. Вот угадывается ее имя, вот Джек, Альбер, Артур. Еще пара имен, но не прочитать.

– Не могу, – пожаловалась она. – Буквы мелкие, ничего не видно.

– Распечатай, – посоветовал Джек. – С бумаги читать проще.

Энца кликнула по нужной иконке и нахмурилась. Что-то в этом было не так.

Да и принтер не отзывался. Может, бумага закончилась?

Энца встала и задумчиво осмотрела небольшой серый принтер, который стоял у них под окном на тумбе. Бумага на месте, сигнал беспроводной связи исправно горит.

Вроде все в порядке. Вспомнить бы еще, чего она к нему подошла.

Вернувшись на свое место, она вспомнила: не смогла прочитать что-то и хотела распечатать. Посмотреть в базе список сотрудников отдела.

Девушка торопливо записала на своей бумажке: «прочитать не получается, сбоит база» и показала Джеку.

– Ты чего мне записки пишешь? – удивился тот. – Ну, давай я сейчас сам зайду посмотрю. Ага, у меня уже во вкладке открыта.

Через секунду Джек сказал:

– А что надо смотреть? Я забыл.

Энца хотела пожать плечами, но взгляд упал на записку. Под пунктом «Список сотрудников» было о сбое базы. Когда она успела написать это?

– Давай на сегодня прекратим? – неуверенно предложила она. – Что-то у меня голова кружится.

Джек пожал плечами.

– Тогда на обед уже поедем, чего сидеть.

Уже на улице, когда они вынырнули из тихой прохлады коридоров флигеля в солнечный зной, Джек вспомнил:

– Насчет вчерашнего. Я там с ребятами поговорил, тоже, знаешь, фигня какая-то выходит. Кто-то глушил и мобильники и нас самих, скрывая от поисков.

– Для такого рода действий нужно или рядом стоять все время, или накладывать плетение лично за день-два. Дольше не продержится, – покопавшись в памяти, сказала Энца.

Что-что, а с теоретической стороной дела знакома она была хорошо.

– Эли дозвонилась, – напомнил Джек, а потом сам себя хлопнул по лбу и застонал.

– Чего? – испугалась Энца.

– Забыл ей с утра позвонить, теперь напридумывает себе невесть чего. Эх, голова моя, голова... а все ты виновата. Зачем натравила Донно? Моя тонкая душевная организация таких шуточек не терпит, все утро наперекосяк.

– Да я-то чего, – забормотала Энца. – Он сам не дал мне позвонить...и вообще...

Потом поторопилась перевести тему:

– Если Эли дозвонилась, то, значит, глушили не сразу. Либо поставили триггер на какое-то событие, либо маг приехал сам и начал... хм... начал действовать. Как-то глупо выходит.

– Ну да, – хмыкнул Джек. – Зачем? Самый главный вопрос в этом всем – зачем? Кто-то решил пошутить таким образом?

Энца дернула плечом.

– То, что мы не знаем, зачем, не значит, что причины нет. Мы, кстати, могли случайно под чужую раздачу попасть. Или кому-то было все равно, кто будет в яме. В историческом и геомагнитном плане все с этим пустырем в порядке, а значит, то столпотворение сущностей по ночам – не просто так. Наведенное кем-то или побочный продукт чьих-то действий.

– До этого я и сам додумался, – махнул рукой Джек. – Вопросов все равно меньше не стало. Тебе надо внимательнее пошуршать в архиве. Вдруг ты что проглядела.

– А как это связано с Альбером?

– Никак, – удивился Джек. – Причем тут он?

Энца озадаченно замолчала.

– Слишком все нелогично. В голове одна вата, – недовольно сказал Джек, когда они устроились за столиком в кафе. – Доставай свою бумагу. Надо по-другому все обдумать.

Они сделали заказ, и Джек вернулся к теме разговора.

– Согласись, – сказал он, – что мы занимаемся умозрительной фигней. Особого смысла доказывать, кто там есть по сути некий Альбер, нет. Однако же и тебя это зацепило, я видел, и меня эта мысль не оставляет. Почему?

– Почему вообще эта мысль возникла, да? – ответила вопросом Энца. – До того, как ты не сказал про него, я о нем думала только, что он странный. А потом вдруг ты сказал, и это легло так естественно и логично, будто бы я знала это всегда. Но тут ты прав, это всего лишь умозрительная фигня. Из нее тоже вопросов куча вырастает... Отчего он умер? Почему в этом случае молчат наши коллеги? И эта странная штука с базой данных. У меня в бумажке два раза уже написано, что база сбоит, а я этого не помню.

– С этим все просто. Кто-то поставил блок на чтение, который снимает фокус внимания и отменяет кратковременную память. Если бы ты не записала, мы бы и не знали, что пытались два раза в базу влезть. И подозреваемый прямо под рукой, с нужной квалификацией...

– Тебе не кажется, что мы... ну, заигрались, что ли... в детектив? То есть на пустом месте разводим панику?

– А тебе не кажется, что вчерашнее падение в яму – это уже слишком для совпадений? Черт с ним, с Альбером. Ты помнишь, как упала с крыши? Или чуть не свалилась по лестнице в подвал?

– Со мной бы не случилось ничего, – пожала плечами Энца. – Я могу использовать воздушные потоки для планирования...

– Какая разница, – отмахнулся Джек. – Раньше-то ты не падала на пустом месте.

– Ты осматривал крышу, ничего там не было.

– Я осматривал с помощью артефактов, а они дают большую погрешность. Уж наверняка маг обнаружил бы что-нибудь...

Энца нахмурившись, поковыряла в тарелке мясной пирог, который принес официант. Это да. Ограниченность их восприятия по сравнению с другими магами огорчала ее. Та теоретическая база знаний, которой она так гордилась, по сути была мертвым грузом. Чтобы полностью использовать ее, необходимо было иметь гораздо больший, чем у них двоих, спектр чувств.

С другой стороны, вон люди живут же. Пользуясь только зрением, слухом и прочими органами, присущими физическому телу. И ничего. Не

жалуются, полиция и только с артефактами только дела раскрывает.

– Нам надо использовать обычные средства наблюдения, с которыми люди работают, – озвучила она свою мысль. – Камеры наблюдения, например. На стоянке у пустыря есть, я видела.

Джек кивнул, соглашаясь.

– Насчет сотрудников. Если база сбоит, можно посмотреть в делах, которые там хранятся, в закрытых уже. Исполнители там перечислены, и посмотреть, какими делами и когда занимался Альбер, вполне возможно. Я видела стеллажи с закрытыми делами – в подвале.

– Тогда они на тебе, – поспешил откреститься Джек. – Я разберусь с камерами, а еще свяжусь с Яковом, узнаю, что они вчера на пустыре нашли. Все равно мы «невыездные».

– Рука-то болит? – вспомнила Энца.

Джек отсалютовал ей вилкой, которая была зажата в левой руке вместо правой.

– Не то чтобы сильно болит, но плохо двигается.

Энцу как-то нервировало их неожиданное побочное расследование. Хотя вопросов уже накопилось прилично: на некоторые Айниэль отвечать не хотела, от других Артур ловко уклонялся, а теперь и задавать-то их было не с руки...

С выезда на пустырь Артур и Айниэль вернулись усталые и оба одинаково недовольные, что необычно: Артур редко терял присутствие духа. Он небрежно бросил перед Джеком полиэтиленовый пакет с собранными артефактами, но, когда Джек вытряхнул их, обнаружилось, что артефакты не действуют.

Все, что они там записывали ночью, прочесть было нельзя. Артур сказал, что судя по всему, их задело во время вчерашней зачистки.

Джек громко фыркнул, но комментировать иначе не стал. Сгреб артефакты в свою сумку, и снова уставился в монитор.

Айниэль настояла на том, что все необходимые бумаги и справки для закрытия дела, она составит сама, и в архив Энцу не пустила.

Мол, отдохнуть им надо, Джеку и Энце. Даже разрешила уйти на час раньше.

До окончания рабочего дня Энца сидела как на иглах, боясь лишней раз поднять глаза на Айниэль и чувствуя, что та, по своему обыкновению, периодически сверлит ее взглядом. Этот отрешенный ледяной взор Энца уже чувствовала своим хребтом, затылком, всей кожей. Правда, ничего угрожающего в этом не было, скорее всего, как многие близорукие люди,

Айниэль просто-напросто раздумывая над чем-то, даже не знала, что ее взгляд можно как-то по-другому расценить.

Едва щелкнула стрелка на белом циферблате часов, висевших над дверью, как Энца, для порядка выждав пару секунд, вскочила, хватая сумку и торопливо попрощалась с коллегами.

– Я тебя жду внизу, – сказала она Джеку, который лениво щелкал мышкой, раскрывая безопасные места на минном поле.

– Ну, что там у вас? – поприветствовал их врач. – Давно не заходили, я уж соскучился.

Он шмыгнул носом, видимо, показывая, что в этом месте надо смеяться. Орка обладал престранным чувством юмора, обычно никому не понятным. Энце он нравился: мрачный, необщительный тип, который отлично делал свое дело и не пытался разбавить атмосферу шутками и разговорами о погоде и последних новостях.

Его сменщик, который работал по четным дням, напротив, считал молчание весьма напряженной атмосферой, вредной для позитивного настроения и здоровья, а потому всегда старался поддержать разговор.

С Оркой было проще. Он делал свое дело и выпроваживал их, даже не давая Джеку поболтать со своей хорошенькой медсестрой Эннели.

В этот раз получилось дольше. Орка долго и сурово осматривал правое плечо Джека, на котором багрово-синим пятном расплзся крупный кровоподтек.

– Рука немеет? – спросил он и резко кивнул, когда Джек подтвердил.

– Цапанул ты, Джек, – сердито прокомментировал Орка. – Кровоподтек сейчас мазью обрабатываем, быстрее сойдет, а ту дрянь, что ты поймал, в два захода будем снимать.

– А что он поймал? – спросила Энца.

– Не улавливаю пока, какое-то остаточное действие. Погоди, мелкая, не отвлекай.

Энца не обиделась, понимала, что серьезно. Тихо села на кушетку в углу, сложила руки поверх сумки. Медсестра тоже отошла, чтобы не мешать доктору, присела рядом.

– Что вчера случилось-то? – шепотом спросила она. – Слышала, вчера ночью все на ушах стояли, моего-то выдернули на поиски тоже, но он, зараза, ничего не рассказывает.

Муж хорошенькой Эннели был одним из магов-поисковиков, работал в отделе Якова.

– Мы по заданию пустырь осматривали, – ответила Энца. – Потом...

потом в яму упали...

Джек прав. Глупо все это и очень странно. Ну как это два взрослых человека – упали в яму? Шли, шли – и упали. Ох, а со стороны это вообще смотрится-то как идиотски...

– Небось на «подножку» попали, – со знанием дела кивнула медсестра. Энца удивленно посмотрела.

– Ну, ты в детстве не развлекалась так, что ли? Это малюсенькое простое плетение, ставится на какое-нибудь место, и кто на него ступит, упадет.

Нет, Энца так не развлекалась. На уроках этого точно не проходят, а во дворе мама маленькую Энцу гулять отпускала только с подружкой, которая была обычным человеком. И то, по выходным. И компания у них была своя, не магическая. Какие тут «подножки»...

Интересно, Джек знает? И ведь тогда все эти ее падения как легко объясняются.

– Следы от него можно обнаружить? – спросила Энца.

– Если прямо сразу смотреть, то конечно, – отозвалась Эннели. – А через пару часов уже почти ничего нет. Оно легкое очень, выветривается быстро.

– Помимо обычной грязи, – тем временем заговорил Орка, – которую я уже задолбался чистить, ты, Джек, словил что-то вроде плетения Мертвого храна, но не крепкое, да и прошло краем.

Ох, ну еще вот этого не хватало, расстроено подумала Энца. Плетение Мертвого храна... Довольно специфическое заклинание, известное в разных вариантах, используется для консервации различной органики: учебных образцов, вещественных улик и тел в моргах и прозекторских. Для пищевых консервов использовать нельзя: оно не снималось полностью с объекта, глубоко проникая во внутреннюю структуру и вызывая побочные эффекты вроде того же временного неприятного онемения. Хорошо, что Джек задел его лишь вскользь – иначе уже не избавились бы...

Удар-то был о край ямы. Стало быть, и заклинание присоединено там же.

Когда Орка закончил с Джеком, Энца тоже подошла и попросила себя осмотреть.

Орке хватило одного взгляда.

– Садись, – устало сказал врач, растер длинными узловатыми пальцами переносицу. – Тоже почищу. Почему защитные амулеты не носите? Ничего бы не ловили.

– Нам нельзя, – тихо сказала Энца. – От них помехи при работе с артефактами.

Когда они вышли, Энца поймала Джека за рукав.

– Джек, – серьезно сказала она. – Вчера вечером Донно почистил мне ауру. И еще защиту поставил.

Джек остановился. Что-то, а дураком он никогда не был. Его светлые глаза уставились на Энцу, не видя.

– Не может так сильно фонить от Птичьего, – сказал он. – Источник у нас где-то.

– Альбер? А... Джек, еще ведь тараканы были. Что, если их больше? Сидят там где-нибудь в архиве.

– Надо еще раз все обойти, – сказал Джек. – Расставить анализаторы и проверить фон.

– Еще пару дней можно попросить повыезжать Артура и Айниэль, потом уже не поверят, что рука не зажила. Думаешь... нам не стоит им рассказывать? С ними-то было бы легче разобраться.

– Угу. Сомневаюсь, что они вообще примут во внимание весь этот бред. Артур будет убеждать, что «все же в порядке», Айниэль потребует с тебя отчет, справки от врача и прочее, помимо того, еще пошлет разгребать какие-нибудь бумажные завалы, раз есть время на глупости. обойдемся без них, пары дней хватит.

Копилка фактов пополнилась вечером, когда они забирали у Анны доску уиджи для спиритического сеанса. Энца мельком в разговоре упомянула Альбера, постеснявшись, однако, объяснить, что они собираются проверить коллегу по работе на принадлежность к миру живых.

Даже в их несовершенном мире магии такие вещи были, мягко говоря, странноватыми.

– Альбер, – задумчиво нахмурился Саган. – Я его знаю, пересекались как-то. Занудный, толстый, но сильный. Его перевели на Север, я слышал. Еще подумал, странно. Альбер не из тех, что ищет приключения, он неженка и городской парень.

– О, – протянула Энца. – Так он на Севере.

Спустя пару часов они с Джеком склонялись над доской, держа руки на планшетке-указателе, пляшущем, словно капля масла на раскаленной сковороде.

«Ойойойойойойойойой», – бесконечно показывал откликнувшийся дух.

– Идиот, – с отвращением прокомментировал Джек, и они провели обряд завершения, отпуская духа.

Действительно ли Альбер? Всякое бывает, и низшие духи балуются, отвечая на призыв... но Энца все делала по правилам. Защита, меловой круг, ладан, пучок трав, отгоняющих духов с нечистыми помыслами. Этот откликнулся не сразу, минут десять они сидели, ожидая. Нетерпеливый Джек начал раздражаться, но вот планшетка сдвинулась, показывая, что дух явился. Подтвердил, что он Альбер. Что готов общаться.

На остальные вопросы он отвечал одинаково: «ойойой», заставляя полированную деревянную планшетку заплоско дергаться между этими двумя буквами.

– Забежим на склад с утра, – подытожил Джек. – Выпросим еще парочку индикаторов, на обнаружение призраков.

Он зевнул.

– А то ходит, понимаешь ли. Фонит.

История одиннадцатая. Закрытая комната

Стихийная магия – вещь двойственная. С одной стороны это грубая и сырая сила, с помощью которой не сотворить тонкого плетения. С другой, это неизмеримый потенциал и мощь, черпаемые из самой природы, недоступные тем, кто сведущ только в рукотворных разновидностях магии.

Негласный спор между этими двумя крайностями в магическом искусстве велся издавна. В основном, с помощьюдвигающихся гор, заколдованных мечей, выходящих из берегов рек и ураганов, а также армий големов, изошренных ядов, сдобренных плетениями чар, и прочих способов изничтожения себе подобных.

Пока в восемнадцатом веке не был принят Уссурский пакт о нейтралитете, по которому маги и ордена более не принимали ничью сторону в военных конфликтах между государствами и друг другом, почти все войны становились крупномасштабными дуэлями магов, на которой с переменным успехом побеждала то сила, то разум.

После пакта спор этот перешел в более мирное русло, став на некоторое время любимым коньком ученых мужей и магистров, а потом сойдя на нет. Выходило так на так – сила стихийников компенсировалась изошренностью искусственников.

В нашем веке это стало уже неактуально. Мощь стихийников не вызывала сомнений, но так же ясно было то, что будущее магических

разработок за рукотворными плетениями, которые становились все более сложными, многоуровневыми, ассимилировались и накладывались на новейшие человеческие разработки в области тонких технологий.

Прежде одни из самых слабых магов, те, которые владели только способностью к плетению, не подкрепленные даже малой толикой стихийной силы, теперь выходили на передовую. Они были наиболее ценными кадрами, которые магическое сообщество охраняло более всего – насколько позволяли законы человеческого государства.

Закон сохранения равновесия работал и в этом отношении. Печальны и темны примеры государств, в которых маги унижали обычных людей – или напротив, где магов истребляли, видя в них пособников тьмы.

Тем удивительнее было, что квалифицированный маг-технар, каким являлся Артур, отсиживался в отделе архивных исследований, где возможности применять свои способности практически не было.

Однако, сколько Энца ни искала про него сведения на Инфопортале Института, ничего путного выудить не смогла. Короткая статья в старой газете с размытым снимком, черно-белая фотография с выпускного группового снимка, краткая пометка «распределен согласно способностям и запросам». Такие пометки появлялись, если выпускников распределяли на работу в какую-нибудь секретную лабораторию, либо отдел разработок маг-технологий при человеческих организациях, но ведь Энца прекрасно знала, что их отдел ничем секретным не был.

Или... был? Вот эта закрытая комната, где эксперимент проводится? Может, она и есть что-то там секретное?

Обо всем этом Энца думала, пока пролистывала картотеку архива. Рядом с ней на конторке гудел ее ноутбук, на крышке которого красовалась затейливая наклейка, похожая на мандалу из медной проволоки. Артефакт, защищающий компьютер от постороннего воздействия.

В картотеке дел за последние месяца три не было. Может быть, их относили в подвал по истечению какого-то определенного срока, а сейчас они лежат где-то наверху, кто знает. Может, на них просто карточки не заводили.

Энца спустилась на нижний уровень архива, чтобы забрать с собой несколько дел, которые вел Альбер. Дела были февральские. Судя по аккуратно заполненным каталожным карточкам (что же они так и не перейдут на компьютерный учет-то), Альбер – весьма ответственный тип. Или был им. Уже целых три месяца ничего не заполнял, хотя до этого подробно регистрировал каждое дело.

На этот раз она очень осторожно ступала, на всякий случай повторяя заклинание-отвод, которое нейтрализовывало всякую мелочь вроде тех же «подножек». Энца не знала, работает оно или нет, с ее-то силами. Вычитала его в справочнике сегодня утром, и решила не пренебрегать никаким средствами защиты.

С небогатым уловом она поднялась на второй этаж. Айниэль и Артур были на выезде, Джек еще не вернулся: собирался съездить на пустырь поговорить с охранником стоянки насчет видеокамер.

Энца гадала, кто придет первым, листая принесенные дела.

Ничего особенного: все то же самое, чем занимались и они. На три четверти – пустышки.

Из этих дел было ясно только то, что Альбер крайне дотошен, аккуратен и внимателен. Все бумаги были сложены край в край, справки оформлены по всем правилам, подкопаться ни к чему.

И этот человек с растерянной улыбкой говорил им, что «дел так много, что я путаюсь в них»? Что же с ним случилось?

Энца сложила дела в ящик своего стола, затем прошлась по кабинету, внимательно осматривая стеллажи, полку за полкой.

– Ну, как успехи? – бодро поинтересовался Джек, опуская на стол коробку с пирожками, бумажный пакет с меткой склада и флешку.

Энца чихнула: забыла лицо платком закрыть от пыли, надышалась уже.

– У тебя, скорее всего их больше, – сумрачно ответила она.

– Ну-у, – протянул Джек. – Конечно, же у великого и могучего меня их больше, но ведь и ты, надеюсь, тут не бездельничала?

– Нет. Но и по сути ничего не нашла. Внизу ничего за последние три месяца, а здесь только наше. Но, может, тут дальше будет что-то, я еще не все прошла. Есть фотография с выпускного, выписка из личного дела и еще короткая статья, о том как он студентом на практике спас какую-то девушку, и они вдвоем обезвредили найденный боевой артефакт.

– Герой. Ясно, – разочарованно отозвался Джек. – Ладно, иди сюда. Я тебе штучки покажу.

Он подошел к окну за своей спиной и открыл жалюзи, так что на пол между их столами и дверью легли длинные солнечные полосы.

– Ну, так получше. А то совсем мрачно, – сказал он, возвращаясь к столу. – Гляди, вот эта брошь и булавка с кристаллом – индикаторы присутствия призраков и полтергейстов, только не такие, как у нас были, а немного сложнее...

– Позвольте узнать, чем это вы заняты? – холодно поинтересовалась

Айниэль.

Энца, подпрыгнув, испуганно посмотрела на нее: коллега замерла на пороге, брезгливо оглядывая полосы света на полу, узкими копьями преграждавшими ей дорогу.

– Кто разрешил открывать окно? – явно закипая, спросила она.

Артур, который шел следом, проскользнул мимо нее и быстро закрыл жалюзи.

– Ну вот, – успокаивающе сказал он. – Вот, все закрыли, ты не переживай. Подумаешь, немного света...

Айниэль сердито смерила его взглядом:

– Даже небольшое количество солнечного света негативно действует на сохраняющие бумагу плетения. У нас все дела могут испортиться, а вы ни о чем не думаете! Разве я не давала вам инструкции по соблюдению техники безопасности в архиве?

Джек в это время неловким движением руки, еще не полностью отошедшей от воздействия мертвого храна, сгреб амулеты в бумажный пакет.

– Новые игрушки? – хмыкнул Артур.

Джек ответил ему равнодушным светлым взглядом, но Энца успела заметить, что, перед тем, как упасть в пакет, кристаллы на одном из артефактов слабо мигали розоватым светом. Она торопливо обернулась посмотреть на вечно открытую дверь в коридор.

Никого. Если Альбер и проходил там, то не останавливался.

Все планы, разработанные накануне, с треском провалились. Около часу дня ей позвонили на мобильный телефон и вызвали для дачи показаний.

Каких показаний? Снова о горбане? Или еще с той историей в Литейном тупике? Энца, перебирая в уме причины вызова и сильно нервничая, шла за Джеком, который показывал ей дорогу к Чайному домику, в котором располагалась управление криминальных расследований, лаборатории и прозекторская. Чайный домик стоял на отшибе от всех других корпусов, на границе с лесопарком.

Одна из самых старых построек в неоклассическом стиле на территории кампуса, здание Чайного домика радовало глаз изяществом линий. Белые пилястры, лепнина и желто-песочный цвет стен – эдакое небольшое пирожное на зеленой тарелке ровно выстриженной лужайки.

Любоваться им предпочитали издалека. У Чайного домика не было той неприятно давящей ауры и дурной славы «грязного места» как у Птичьего

павильона, и все же...

Внутри Чайный домик выглядел совсем не так ухожено. Обшарпанные стены, обветшавшие и протертые паркетные полы, разохшаяся мебель: плетения чар, хранившие их десятилетиями, давно уже пришли в негодность. Внешний ремонт надолго исчерпал бюджет, так что особых надежд хозяйственники Чайного домика не питали, по мере сил оберегая оставшееся.

Энцу ждали в просторном светлом кабинете с высокими стенами, украшенными посеревшей лепниной. По углам комнаты – четыре письменных стола, заваленные бумагами и папками, со старыми компьютерами. В кабинете находились двое. Крупный светловолосый здоровяк с намечающимся брюшком представился Совой, второй – тощий рыжий парень с прозрачно-голубыми глазами, промолчал, едва поднял на них глаза и снова уткнулся в свой монитор.

Сова попытался было выставить Джека, но тот становился на удивление толстокожим и непонятливым, если не хотел чего-то делать. За Энцу Джек не очень боялся: все, что они успели натворить за время работы ничем криминальным не пахло, но тем не менее опасался, что девушка как всегда перенервничает и начнет робеть и заикаться. Мало ли какие спецы попадутся, решат еще, что виновата в чем, не отцепятся.

Он устроился на подоконнике и закурил в форточку.

Второй следователь подтащил свой стул к Энце, уселся на него верхом и стал сверлить ее взглядом: как объяснил Сова, он играл роль детектора лжи, обладая весьма редким и ценным качеством *видеть правду*.

Дело было не в горбане, не в Литейном тупике, а в пси-вампире. Следователи опрашивали всех магов с низким уровнем. Потенциальных подозреваемых.

Бояться было нечего. Но Энца все равно по-дурацки чувствовала себя заранее виноватой, будто бы один только факт, что ее уровень практически равен нулю делает ее преступницей.

Она собрала волю в кулак, напоминая себе, что тут есть Джек, который обязательно потом будет издеваться, если она снова замямлит.

И, кажется, все прошло спокойно.

На данный момент, жертв было уже шесть, Энца никого из них не знала. Сова показывал их фотографии, внимательно следил за реакцией. Просил подробно описать действия в те промежутки времени, когда предположительно произошли убийства.

Энца все более укреплялась духом – все же это не так и страшно оказалось, да и детективы она любила. Она воодушевленно припоминала

малейшие детали и события, которые с ней происходили, осторожно выпрашивала подробности убийств, попыталась высказать пару предположений, и вскоре их обоих выставили из кабинета за ненадобностью и надоедливостью.

– Я позвоню потом еще, зайдете, чтобы подписать показания, – крикнул вслед Сова.

Айниэль сильно разозлилась, когда узнала, где они были вместо обеда. Неожиданно и, на взгляд Джека, беспричинно. Разозлилась, сжав кулаки и побелев так, что на щеках проступили невидимые до того веснушки... потом усилием воли вернула прежний спокойный вид. И пытаюсь сгладить ситуацию, даже расспросила, какие новости в этом деле с пси-вампиром. Согласилась отпустить их на обед во внеурочное время.

Из здания вышли одновременно, Джек и Энца пошли в кафетерий, Айниэль осталась на крыльце ждать, пока Артур подгонит машину: они собирались на очередной выезд, от которых так удачно, по мнению Джека, откосили напарники.

В кафетерии, который располагался на первом этаже административного корпуса, было уныло, безлюдно и пахло капустным супом. Выбирать не приходилось: надо было побыстрее обедать и возвращаться во флигель, чтобы не терять время и окончательно разобраться с тем же Альбером.

– В общем, у меня есть штука, которая показывает наличие призраков, и чем ближе его сущность, тем ярче свет... и еще одна, которая приманивает их, – Джек, торопливо глотая холодный суп, продолжил их утренний разговор.

– Ты так и не рассказал, что нашел... с видеокамерами, – напомнила Энца.

– А, точно. Да ничего интересного. Или напротив, много интересного, как посмотреть. В общем, на камере за нужный нам промежуток времени, на пустырь приезжали только мы и Артур.

– Артур – после нас? – на всякий случай уточнила Энца.

– Да, на следующий день.

Энца не сразу, но поняла:

– Один? Без Айниэль?

Джек кивнул, потом нахмурился:

– Слушай, ничего у нас не получается. Какой же это дуэт сыщиков, если ты умничаешь? Задавай глупые вопросы, а я буду давить тебя интеллектом.

– Почему это я должна задавать глупые вопросы? – оскорбилась Энца. – Давай ты, если тебе приспичило поиграть в сыщиков... Там изображение-то хорошее? Может, она в машине осталась сидеть?

– Нет. Не в машине, ни на стоянке не было. Он приехал один, и на пустыре пробыл минут десять всего.

– А ездили они долго.

– Во-от. Где-то ее высаживал? Зачем? И почему нам соврали, что были вместе? Она все рассказывала так, будто была там сама...

Энца и Джек сцепились взглядами. Глупое предположение, промелькнувшее у обоих на миг, всю эту историю делало совсем уж бредовой.

Девушка открыла рот, чтобы высказать свою мысль, но у Джека завибрировал телефон.

Звонила Анна. Говорила громко, по обыкновению не здороваясь и не спрашивая, удобно ли собеседнику отвечать. Даже Энца слышала ее голос, а Джек и вовсе держал трубку на расстоянии от уха.

– У меня дурные предчувствия, Джек! Очень дурные. Ты где сейчас? Энца рядом? Ты что-то придумал, да? Куда-то влез?!

– И ничего я не придумал, – очень натурально обиделся Джек. – Я вообще весь в работе... Ну, мысленно, конечно... И малявка тут, да. Мы на обеде. У тебя конкретное предчувствие? А то я тоже, знаешь, с подозрением на эту котлету смотрю. Кто его знает, когда она была сделана и из чего...

– Джек, твою мать! – заорала Анна, перебивая его. – Я серьезно! Ты вообще головой умеешь думать? Какая к бесу котлета? У меня последний раз такое было, когда вы в ту идиотскую яму свалились! Придурок!

Она бросила трубку, а Джек поморщился.

– Н-да. Наорала и сама же обиделась, – сказал он. – Предлагаю котлеты выбросить и возвращаться. Что-то не так. Анна обычно не ошибается, хотя с ямой она, конечно, дала маху – ничего там не случилось.

– Или не успело случиться, – сказала Энца. Она не страдала легкомыслием, как Джек, а потому сейчас ей было весьма неуютно. Дурные предчувствия сильных магов имели склонность сбываться.

«С чего начать? Чем больше углубляемся в это дело, тем больше странностей», – размышляла Энца по дороге во флигель.

Закрытые кабинеты, архив, который никто не посещает, несмотря на то, что раньше сюда и студенты ходили, и сотрудники.

Альбер, слоняющийся по коридорам и являющийся поговорить

посредством спиритической доски.

Странная штука с базой данных, идиотские шуточки с «подножкой», отсутствие папок с делами за последние три месяца.

Коллеги, которые обманывают – в мелочах, но все же.

С одной стороны, если отдельно смотреть, пустяки, случайности и совпадения. А с другой – ну, что-то их слишком много, совпадений этих.

– Я посмотрю в подвале старые дела, выпишу имена исполнителей, по ним можно будет что-то посмотреть и, если удастся, расспросить, – вслух сказала она. – По базе, даже с защитным артефактом, – ничего. То есть я, по крайней мере, помню, что ничего не нашла, а значит, он все-таки хоть как-то сработал.

– Я с тобой спущусь, там поставлю ловушку. Чувствую мне, лучше не разделяться.

Джек еще ни разу не был на подвальном этаже архива. Кондиционирование воздуха поддерживалось наложенными на помещение плетениями чар. Так что пахло бумажной пылью, а не ожидаемыми плесенью и сыростью. Освещение было еще хуже чем наверху: галогеновые лампы едва-едва тянули, но у лестницы на специальной полке лежало несколько фонариков. Энца объяснила, что чары сохранения вытягивают свет, поэтому так темно.

Было жутко. Джек даже не помнил, как давно он испытывал это детское ощущение необъяснимого страха, когда уголком глаза в любом темном пятне видишь нечто опасное. Энца же шла себе бодрячком, скрупулезно освещая фонарем индексы указателей на полках в поисках нужных ей разделов. Впрочем, она никогда не боялась ни темных углов, ни таящихся в них чудовищ.

Айниэль, помнится, удивилась, когда Энца спокойно отправилась одна в архив. Видимо, гнетущая атмосфера чего-то невысказанно жуткого не была плодом воображения Джека, но вот Энца ею не прониклась ничуть. Должно быть, к счастью.

– Слушай, – нервно сказал он. – Давай по-быстрому тут все провернем, что-то мне не по себе. Ловушку я лучше наверху поставлю, нафиг эти жутики.

Энца согласилась: все равно читать здесь было невозможно. Даже с фонарем: его свет медленно тускнел, да и рука уставала постоянно держать его на весу.

Наверху она обосновалась за своим столом, на всякий случай приготовив пару папок, чтобы бросить поверх «нелегальных», если вдруг

коллеги вернутся раньше времени. Судя по тому, как далеко им надо было ехать, до позднего вечера они не должны были вернуться, но подстраховаться не мешало.

Из принесенной ею с собой пачки картонных папок Энца аккуратно выписывала в блокнот имена исполнителей, а Джек тем временем обходил этажи со своим новым артефактом обнаружения призраков. Ему это быстро прискучило, потому что тот явно барахлил: в основном молчал или тускло помигивал без всякой системы.

Джек установил в конце коридора на втором этаже ловушку, покурил на балкончике, поболтал с Эли по телефону, окончательно заскучал и пошел надоедать Энце. Та как раз закончила список и осматривала стеллажи в их кабинете.

В списке было всего четыре имени, и все они показались Джеку незнакомыми. Пока напарница шуршала папками, вполголоса жалуясь, что они по большей части просто мусор, к тому же просроченный по хранению, Джек попробовал поискать этих четверых сначала в базе, потом в Сети.

Двоих перевели, судя по кратким заметкам на инфопортале, в разные концы страны, о третьем не было никакого упоминания, даже имени в базе, четвертый вроде как продолжал здесь работать. Джек нашел его страницу в социальной сети, написал сообщение с просьбой связаться и обнаружил, что маг не обновлял страницу уже год.

Впрочем, это ни о чем не говорило. Может, у него сейчас реальная жизнь настолько насыщена, что времени на виртуал нет.

– Джек, – позвала Энца. – Тут вообще практически ничего. Дела, которые надо давно уже в утиль сдать, закрытые и пустые. В смысле, что ни о чем. Книжки тут художественные почему-то... Жюль Верн, вот сборник сказок, какая-то научная монография...

Джек рассказал о том, что нашел он, и оба несколько приуныли. Тупик и дальше никакой информации – скучно.

Энца углядела на верху одного из стеллажей стопку бумаг и, подтащив стремянку, полезла туда, по дороге нечаянно смахнув висевший на гвоздике пыльный пучок сухих трав.

– Помнишь, ты говорила, что гарью пахнет? – спросил вдруг Джек, который задумчиво смотрел в потолок, крутясь на кресле.

– Ага.

– В каких случаях тебе пахнет гарью?

– Что?.. – удивилась было Энца, но потом, поняв смысл вопроса, осеклась. Задумалась.

– Я не знаю, – наконец сказала она. – Я не умею определять. А ты его не чувствуешь, да?

– Нет. Пахнет только пылью.

– Ну... могу только сказать, что он мне не нравится. Он жирный, мерзкий и какой-то липкий. И немного горький, но это, может с запахом трав мешается.

Она с досадой бросила обратно бумаги: испорченные распечатки каких-то договоров и заявок. Спустилась, чтобы поднять и вернуть на место пучок трав.

– Странно, – сказала она, подвешивая осыпающийся пыльный веник обратно.

– Что?

– Она, конечно, сильно ссохлась, но по-моему, это не обыкновенная полынь, а горькая, или белая. Еще вроде бы розмарин. И... ты знаешь, что?

– Ну?

– Горькую полынь используют в основном не для защиты от злых духов, а больше для вызова и контакта с мертвыми. Ну и для очищения, но все равно... Что?..

Джек смотрел сквозь нее, сосредоточенно обдумывая какую-то мысль, неожиданно пришедшую в голову.

– Кресты из рябины на окнах, – сказал он. – Боярышник... что, если они не от наружной опасности, а для того, чтобы что-то не выпустить *отсюда*? С кем они тут могут разговаривать? Кого покрывают?

Он рывком встал и двинулся в сторону выхода.

– Чего сидим? Надо эту комнату закрытую смотреть! Наверняка, просто наверняка, там какая-то хренота, которую они прячут... Она не использует магию, стоит всегда в тени, а он скрывает свои способности... черт, что там за специализация у него была...

Энца слетела со стремянки, побежала вслед за Джеком.

– Подожди, Джек, – крикнула она. – Давай не будем! Ну, зачем нам эта комната? Нет там ничего!

Джек не слушал ее, стремительно перепрыгивая через ступеньки лестницы. Она догнала его у самой двери, когда он положил руку на задвижку.

– Джек! Подожди, Джек! Да куда ты...

Энца поймала его за руку обеими ладонями.

– Ты с ума сошел? Они же сказали, туда не лезть!

– А ты, как всегда, слушаешься всех, пай-девочка, – огрызнулся Джек. – Ты же сама видишь, тут что-то не так!

Энца, упершись ногами в пол, попыталась оттащить Джека, но это было, как бетонную плиту сдвигать, и только разозлило его.

– Ты дура, да? – вполголоса рявкнул он. – Отойди и не мешай. Ненавижу, когда мне указывают. Да они просто напрашивались на это, когда запретили нам сюда лезть!

– Они не напрашивались! Они просили не заходить!

– Не хотели бы, так заперли бы на ключ, засов и печать Ясеня, а так просто считай, пригласили!..

Джек оттеснил Энцу в сторону и, прижимая ее плечом к стене, чтоб не мешалась, кое-как отодвинул тугую задвижку.

Дверь тихо открылась внутрь, не скрипнув даже. Темно. Дохнуло стылым, сухим воздухом.

Энца притихла, выскользнула из-под руки Джека.

– Джек, может не надо?.. – замирающим шепотом сказала она.

Джек не ответил, он уже заходил внутрь, вынимая телефон, чтобы зажечь в нем фонарик. Энца, помявшись в коридоре, двинулась за напарником и попробовала пошарить рукой по стене: должен же быть выключатель. Круглый пластиковый корпус попался под пальцы почти сразу же, щелкнув сухо при нажатии. Джек вздрогнул от неожиданности, когда под потолком загорелись лампы дневного света.

Загорелись, а потом вдруг медленно пригасли, едва освещая захлавленную комнату. Сюда, похоже, относили старую мебель и ставили как придется вдоль стен. В середине комнаты на полу лежал длинный деревянный ящик и стояла пара кресел, обитых потрескавшейся коричневой кожей. В одном из них, повернутом спинкой к двери, кто-то сидел...

Нет, показалось, конечно. Комната ведь была заперта, что тут может делать человек.

И что совершенно точно – на место проведения эксперимента комната не походила ни капли. Воздух был сухой и холодный, как в архиве. Потому и лампы горели слабо – тут были наложены те же сохраняющие чары.

Джек и Энца синхронно выругались, и Энца подумала, что уже не первый раз. Дурная привычка.

Девушка отступила и на всякий случай схватилась за дверную створку: во всех страшных фильмах дверь постоянно захлопывается, оставляя незадачливых героев один на один с неизведанным ужасом. Створка была ледяной на ощупь, так что пальцы даже онемели.

– Может... это шутка? – дрогнувшим голосом спросила она. – Они подготовили ее и ждали, когда мы попадемся...

– Тогда чего они не выскакивают из-за угла и не смеются?

Джек разрывался между разумной осторожностью, отвращением и любопытством.

Подойти поближе и разглядеть? Вдруг действительно шутка...

– Стой там, – велел он Энце. – И смотри по сторонам.

Сам же ровными шагами приблизился к креслу. Фонарик в телефоне пришлось все-таки включить: свет в этой комнате, как и в архиве, был слишком слаб.

Энца одной рукой держала дверь, поглядывая то на Джека, то в коридор. Скандала не избежать, если сейчас вдруг вернутся коллеги. Ей даже казалось, что в коридоре и шаги слышны, и дверь скрипит входная, но все это пустое было, от нервов.

– Энца, – позвал ее Джек изменившимся голосом, нарочито спокойным, и девушку от этого спокойствия продрало морозом по позвоночнику. – Я Альбера нашел.

Он отодвинулся от кресла, ведя фонариком от иссохшего лица вниз по давно уже не пухлому телу в обвисшей одежде, покрытой пылью. У ног труп стояла небольшая сумка на колесах.

– Уехал на Север, – зачем-то сказал Джек. – Энца, он все это время был тут, прямо у нас под носом.

Энца с ужасом смотрела на него от двери.

– Ты... уверен?..

– Уверен, блин, – огрызнулся Джек. – Он точно мертв. И даже высох, как мумия в египетской пирамиде.

Бедняга покойно сидел на кресле, положив коричневые истончившиеся руки на подлокотники. Голова чуть склонилась к плечу, будто он прилег отдохнуть ненадолго. Проваленные ямы глазниц, кожа, туго натянувшаяся на черепе, истлевшие редкие волосы – тело провело здесь немало времени.

Джек повернулся, ведя фонариком по сторонам.

– А ведь Айниэль до сих пор пользуется его печатью, делая запросы и отчеты, – процедил он, думая о том, что ни запаха нет, ни следов разложения, а значит, на теле Альбера какое-то сохраняющее плетение. Почему оно иссушенное такое? Или заклятье было нанесено, когда он уже стал напоминать урюк?

Размышления помогали сдерживать тошноту. В этой холодной темной комнате – сколько времени сидел бедняга Альбер? А дух его ходил по коридорам, позабыв обо всем... хотя нет. Ведь это он в самый первый день удержал их от входа в эти двери. Не хотел, чтобы его нашли? Чтобы

беспокоили?

Что, если его дух – не безобидный сгусток воспоминаний, а нечто более опасное?

Мысли Энцы тем временем бешеным галопом неслись в другую сторону, она пыталась вспомнить одну вещь, что недавно зацепила ее внимание, но прошла мимо...

– Ну точно! – вскрикнула она, – Подожди, Джек.

Девушка, торопясь и несколько раз ошибаясь, выбрала в телефонной книжке номер и позвонила. Сердце гулко бухало, начиная ускоряться, и Энца чувствовала, как начинают трястись руки от избытка адреналина

– Анна! – воскликнула она, когда соединение установилось.

– Где ты? – почти завизжала женщина. – Где вы оба? Что с вами?

– Анна, подожди, я спросить хочу... с нами все вроде в порядке... ты...

– Котенок! Мы в административном корпусе, идите к нам! У меня сердце не на месте, меня уже трясет! И я не могу вам дозвониться!

– Анна, – терпеливо повторила Энца. – Ты подожди, мы сейчас придем. Только помнишь, ты про свою знакомую Айниэль начинала рассказывать? Что у нее за грустная история была?

– Да причем тут она? Девочка моя, я тебя очень прошу, уходите оттуда, где вы сейчас, – зачастила Анна. – Сдалась тебе эта Айниэль, придешь и расскажу.

– Так что с ней случилось-то? – Энца кивнула Джеку в сторону коридора, приглашая на выход.

Джек помахал рукой: мол, сейчас; сфотографировал на телефон Альбера, потом на всякий случай открыл оба шкафа, которые стояли у стены, заваленные башнями из стульев. До Энцы донеслось его шипение и приглушенная ругань.

– Боже мой, умерла она, – теряя терпение, отозвалась Анна. – подождет еще немного... Или скажи, где вы, мы сами придем!

– Анна?

– Да, котенок? Я, правда, очень вас прошу...

– Можешь вызвать Якова? И... я не знаю, что полагается, наверно, маг-бригаду полиции. Мы тут с Джеком кое-что нашли. Мы сейчас на работе, во флигеле...

Маленькая ледяная ладонь легла на плечо Энцы и сжала его, до боли впившись белыми коготками в кожу под тонкой футболкой.

Нервы у Энцы и так на пределе были, не надо было пугать. Она шарахнулась и, резко приседая, стеганула воздушным потоком в сторону.

Айниэль – а это была она, – с возмущенным воплем едва смогла увернуться.

– Что вы творите! – взвизгнула она. – Совсем с ума сошли? Разве я не говорила, что сюда нельзя входить?!

Извинения замерли на губах Энцы, когда побледневшая от ярости коллега резко толкнула ее внутрь, одновременно будто случайно выбив телефон из руки. Каблук бежевой туфельки безжалостно вдавился в экран, и по глянцевой поверхности побежала густая паутина трещин.

– Джек, – слабо позвала Энца, отступая.

Конечно, ярость Айниэль можно было бы списать на ее обычное недовольство нарушителями правил, но... труп Альбера за спиной, весь этот накопившийся ворох «совпадений» и «случайностей», близкая к истерике Анна, чьи предчувствия имели обыкновение сбываться...

И дурак поймет, что они вляпались.

Джек сжал плечи Энцы, останавливая ее отступление.

– Ну ты, блин, – прошипел он, – все ушами прохлопала. Ты ж на стреме стояла...

Обращаясь к Айниэль, Джек максимально обаятельно улыбнулся:

– Прости, мы тут мимо шли, а дверь сама открылась... мы только заглянуть и успели, велика беда. Может, выйдем, и ты нас поругаешь там, снаружи?

Он задвинул Энцу за спину, сквозь зубы бросив ей: «Подзарядись, если получится».

– Вы зашли сюда, – с непонятым удовлетворением протянула Айниэль. – Сами. Вот и будем здесь говорить...

Ее рыбки глаза не отрываясь сверлили Джека, и улыбка его быстро поблекла.

– Ну, и что ж тут такого? Тоже мне проступок, – небрежно бросил он. – Штраф опять снимете? Переведете?

Айниэль медленно переступила, откинув туфелькой изуродованный телефон к стене.

Пудровый, густой и сладковатый запах растекался в воздухе, и Энца тоскливо удивилась, что не почувала его раньше.

Сосредоточиться не получалось, она стояла за спиной Джека, взяв его за локти, как тогда, в Литейном тупике, но необходимое спокойствие не приходило. Да и вообще... даже привычного тока энергии от Джека она не ощущала.

– Джек, кто-то каналы запечатывает, – едва слышно сказала она, уткнувшись лбом в его спину.

Ничего, успокоила она себя. Анна знает, где они, она обещала прийти. Энца успела попросить о помощи. Надо просто выйти наружу.

Ощущение того, что они в ловушке, холодило спину. Раньше флигель был просто уютным старым зданием, разве что прохладным даже в жаркую погоду... а теперь эти стены вокруг казались каменным мешком, из которого им уже не выбраться. Наведенное?

– Айниэль, – тихо сказала Энца, слегка отступая от Джека. Зарядиться не получалось, но и так она еще способна была на некоторые фокусы. Главное, напарника не задеть. – Айниэль, вы тоже умерли?

Джек стрельнул глазами в ее сторону: он-то не слышал, что ей говорила Анна.

Белое лицо девушки исказилось, рот сжался в ниточку. Она медленно покачала головой:

– Я не умерла. Что за... бред?

– А где Артур? – ненавязчиво спросил Джек.

– Старый дурак, – зло скривилась Айниэль. – Я его там оставила. Начал со мной спорить, едва успокоила.

Вот где-то тут Энца и поняла, что все гораздо хуже, чем она думала. Жива эта женщина или нет, собственно, неважно. А вот ее душевное здоровье явно гостит в другом месте.

Сумасшедший маг – стихийное бедствие высокого уровня. Может, эту опасность и предвидела Анна? Тогда им надо просто выйти наружу. Они не на пустыре, а в самом сердце магического сообщества, до Чайного домика с кучей боевых магов рукой подать.

Выйти, и не нанести особого вреда этой несчастной. Энца не могла сражаться с людьми: это как из пушки по воробьям палить, пух да перья останутся. Ее удары слишком фатальны. Про Джека и говорить уж нечего.

Мысли Джека шли сходным образом, и он медленно двигался к дверному проему.

– Стой, где стоишь! – зашипела вдруг Айниэль. – Вы уже сыграли, сыграли! Зашли, и теперь вы мои! И даже ты, мерзкая девчонка!

Она ткнула заострившимся белым когтем в сторону Энцы, и девушку замутило от нахлынувшей вдруг душной волны воздуха.

– Ну ладно, ладно... что ты раззадорилась, – раздался мягкий и успокаивающий голос Артура. Коренастый мужчина, прихрамывая зашел в комнату, одной рукой держась за рассеченный лоб. Кровь темными струйками уже подсыхала на щеке.

– Они мои! – топнула ногой Айниэль, и тонкий каблук треснул. Из груди женщины вырывался все больше свист, а не дыхание, и Артур

поморщился. – Не лезь, дурак!

– Вы в порядке? – спросила Энца. – С Айниэль что-то случилось... Это она вас так исцарапала?

– Они мои! – завизжала Айниэль.

– Твои, твои, – тяжело вздохнул Артур и, оттеснив ее внутрь комнаты, захлопнул дверь за спиной.

Напарники даже не успели дернуться, так и остались стоять на месте. Чувствовали себя идиотами.

– Артур, – произнесла Энца. – Что происходит? Тут... Альбер... и Айниэль – очень странно себя ведет.

– Это не имеет значения, девочка, – отмахнулся Артур. – Не переживай, сейчас все быстро закончится. Я не хотел, но... как уж сложилось, так сложилось.

Он отвернулся к стене, скрестив руки на груди.

– Но мы *сыграли в игру*, – с неожиданной насмешкой сказал Джек, уже оправившись. – Мы свой ход сделали, а теперь я хочу послушать, какие правила-то?

– Ты не в том положении, чтобы ставить свои условия, – невыразительно отозвался Артур.

От его бывшего добродушия и бодрости и следа не осталось.

– Так в каком я положении? – настаивал Джек. – Тебе не кажется, что это вы тут «в положении», а не я?

Айниэль молчала, она не отрываясь глядела на Джека, покусывая губы. Сломанный каблук шатался, так что женщина равнодушно сбросила туфли, оставшись босоногой. Энца смотрела на нее, вспоминая ту бредовую идею, которая недавно пришла ей в голову, когда они с Джеком сидели в кафетерии. Бредовую ли?

Всегда рассудительная, правильная, холодная Айниэль. Сейчас она бледна так, что кожа сливается по цвету со светло-розовым костюмом. В полумраке комнаты чуть заметно отсвечивают зрачки, как у животного.

Айниэль не пользуется магией, всегда стоит в тени. На изображении с видеокамеры ее нет. Энца тогда подумала, что привидения, например, зачастую на записи не отображаются. Но если подумать, то могло быть проще: Артур просто прячет ее, закрывая сложными чарами.

Этот пудровый запах духов, что сейчас до одури кружит голову, существует ли на самом деле? Или это признак чар, которые наложены на Айниэль? Жаль, раньше не догадалась у Джека спросить, чувствует ли он этот аромат.

– Хочешь время потянуть? – хмыкнул Артур. – Зря. Ни к чему. Даже

если вас ищут, то не найдут. Флигель зачарован, они будут кругами ходить вокруг него, не видя ни окон, ни дверей. Если вообще вспомнят о нем.

– Шутка с базой – твоих рук дело?

– Моих... Моих, да.

– Вы ведь некромант по второй специальности? – спросила Энца, отходя все дальше от Джека и боком двигаясь к Айниэль. – Это просто мое предположение, но... я знаю, что такая связка способностей – не редкость.

Артур пожал плечами.

– Мне совсем недавно сказали, – осторожно продолжила Энца, не получив ни подтверждения, ни отрицания, – что была еще одна Айниэль, которая умерла. Я, конечно, могу только догадываться, но останься она живой, вы были бы ровесниками. Все это притянута за уши и звучит, наверно, смешно... но ведь та Айниэль и эта – один и тот же человек?

Энца остановилась, прикусив губу и печально глядя на Артура, сторбившегося у двери, на девушку в розовом льяном костюме, которая нетерпеливо грызла нижнюю губу и сжимала кулаки.

Может быть, он ее любил, и решил вернуть. Энца читала о таких историях – правда, они заканчивались всегда быстро и единообразно: повторным и навечным упокоением, а также судом над некромантом.

– Она выглядит лет на двадцать, потому что все это время не старилась... Вы спрятались тут у всех на виду, и жили все это время? Расскажите, что же случилось. Если нас все равно не найдут, то времени у вас навалом.

– Я ее ненавижу, – упершись в нее глазами, тихо произнесла Айниэль. – Она говорит гадости, и совсем не боится. Она не хотела играть!

Джек небрежно прислонился к тумбочке, закурил, достав из кармана сигареты. Бросил пачкой в Артура, и тот, оторопев на миг, отбил картонную коробку в сторону.

– Клоуны, мать вашу, – процедил он. – У вас действительно атрофированные мозги?

– Почему же? – оскорбился Джек. – Вон Энца вас раскусила уже. Умище! Ты некромант, она мертвые, и тут вы столовую устроили, где она выпивает людей. Последнюю трапезу так и не убрали. Бедняга Альбер даже сообразить не успел, что его съели, так? Список старых сотрудников мы из старых дел выловили, несмотря на то, что базу ты прикрыл. Подозреваю, что те останки в шкафу – это они.

Джек выпустил в их сторону клуб дыма.

Лицо Айниэль подергивалось от кривой усмешки. Артур уныло сверлил взглядом стену, потом повернулся. Подобрал пачку и тоже закурил,

присев на корточки.

– Уже можно? – нервно спросила Айниэль.

– Нет... погоди, – бросил Артур. – Погоди немного, я поговорить хочу. Время у нас и вправду есть. Вы можете не воображать, что как-то способны нам противостоять. Я видел, как вы работаете. Вы глухи, слепы и слабы. Вы не маги.

Он помолчал, закашлявшись от непривычно крепкой сигареты.

– Айниэль любит играть в игру с этой запертой комнатой. По правилу, сюда нельзя заходить, но тот, кто заходит, становится ее добычей. Альбер продержался дольше вас, целых два месяца, кстати. А ты, Энца, мешала игре, когда сдерживала Джека, поэтому Айниэль попросила тебя убрать. Из тебя все равно много не взять.

Энца заморгала. Вот в чем причина всех этих «подножек»...

– Значит, я права? – спросила она.

– Права, права, – откликнулся Артур. – Я вернул ее... думал, ну как же так, уроды живут, а ее не стало... Из тех, кто с нами играл в игру, половина догадывались о том, что здесь что-то не так еще в первую неделю. Боялись ходить одни, спускаться в подвал... А вы как чурбаны, честное слово. И Альбер... До Альбера тоже долго доходило. Ну, а внешние почти не приходят. Я четко слежу, открываю доступ только когда нужны новые.

Айниэль замерла у стены, зажав руками уши, и, казалось, вовсе перестала обращать внимание на окружающее. Артур же... торопился, сбиваясь, перескакивал с одного на другое и давился словами. Выходила сумятица, сквозь которую проглядывала истинная история, весьма печальная, надо сказать.

– Ты мог ее имя сменить, – сказал Джек. – Уехать куда-нибудь. Ты как будто сам говоришь: поймай, ну поймай же меня.

– Да пошел ты, – зло отозвался Артур. – Много, блин, понимаешь. Она себя теряет, когда свое имя долго не слышит. Забывает, что человеком была. Даже слова стираются из памяти, мычать начинает.

Губы его горько искривились, и Артур затянулся сигаретой. Прокашлявшись, продолжил:

– А уезжать нельзя. Чем дальше от места смерти, тем слабее становится заклинание, сохраняющее тело и рассудок. Ты, Джек, не переживай. Нас не нашли и не найдут.

– Ты ведь нас защищал? – спросила вдруг Энца, перебивая Артура. – И сам один раз попытался сбежать от нее, когда в реку прыгнул. И с ямой – это ты нас закрыл, да? Она нас искала тогда?

Айниэль зашипела, искоса глядя на мужчину. Тот пожал плечами:

думай как хочешь.

– Я несколько раз усыплял ее, возвращал земле, а сам уезжал. Но она возвращалась, спустя год, два, пять... Я ведь думал, что сложил сложнейшее и никогда еще не виденное плетение, которое позволяет целиком человека вернуть *оттуда*. Она и... сначала ничем не отличалась от себя прежней, не требовала плоти и крови живых. Потом... поймал как-то... забирала только энергию. Но убить ее я не смог. Я почти всего себя отдал в том ритуале возвращения, чтобы вернуть ее, а потом, своими руками... нет, не смог. Но раз так, решил я, то что уж и себя хоронить, будем жить, как можем...

Чудовищность его выбора не укладывалась в голове... Джек поморщился, из-под ресниц оглядывая окружающую мебель.

– Айниэль играет. Когда здесь появляются живые, она сама становится более... живой. Злится, переживает, возмущается, иногда... даже смеется. С вами двоими было хорошо. Она стала почти такой, как была раньше. Жаль, но по условию, игра заканчивается здесь.

Джек едва уловимо напрягся, поймав ровный взгляд Энцы, но Артур скучным голосом сказал, гася окурок об пол и выпрямляясь:

– Дверь заговорена. Изнутри ее можно открыть только специальным плетением, я с этим замком хорошо поработал. Ни один из вас его не одолеет. Тут и опытный маг не справится с налету... – Артур пренебрежительно фыркнул, показывая, что ни к магам, ни тем более опытным, он их не относит. – Ну, собственно, где-то здесь мы закончим. Хочу сказать вам спасибо. За то время, которое вы подарили ей. И за то, что веселили...

Это было печально до слез. За той историей, которую рассказал Артур, Энца видела и многое из того, о чем Артур умолчал. Любовь, ставшая тяжким бременем, удушающее чувство долга, страх, ненависть. Сколько лет он жил с этим, боясь за себя и за окружающих, и все равно пряча ее? Смотрел, как она менялась, теряя человеческие черты, забывая и себя, и его?

Печально, и необратимо. Пора бы с этим и правда заканчивать. Все, что нужно, они уже услышали.

Все время пока Артур говорил, Энца медленно подбиралась к ним, и теперь между ней и Айниэль был только невысокий металлический шкаф и упавший за него боком стеллаж. Энца едва заметно качнула головой, надеясь, что Джек уловит это движение, а затем бесшумно взмыла в воздух.

Да, Артур видел их в «деле», с артефактами и прочим, ограниченных

неумех, полагающихся на заемную силу амулетов. Поймал их в яме. Видел, как горбана едва не одолела Энцу под водой. С легкостью отводил им глаза, заставляя не обращать внимание на многие вещи, и ловил на «подножки».

Но он никогда не видел их в настоящем бою, и эту карту Энца разыграла почти блестяще. Стремительным арабским сальто перемахнула через преграду, на ходу вызывая пару сабель.

Свистящие воздушные клинки обрушились на Айниэль... но отсекли всего лишь несколько прядей волос: умертвие с немислимой скоростью скользнуло в сторону. Энца быстро перестроилась, толкнувшись ногами от стены, рванула за ней. От широких взмахов лезвий гладко срезанные куски мебели, попавшей под удар, с грохотом соскальзывали на пол, а в воздух поднимались тучи потревоженной пыли.

Вообще Джек, как и Артур, пропустил тот миг, когда Энца кивнула ему и прыгнула, но едва язык ожег металлический вкус, сообразил мгновенно, что к чему. Артур еще договаривал свои благодарности, а в лицо ему летел стул, который Джек уже давно приглядел.

Может, Джек и не умел плести чары, но вот драться – еще как. Помимо «школы жизни», которую когда-то ему устраивали, он и занятиями по борьбе не пренебрегал, в отличие от многих сокурсников. С их точки зрения, способность махать ногами-руками была бесполезной, если соперника можно припечатать «замиралкой», недолговечным, но удобным плетением, которое человека на пару минут останавливает. Или той же «подножкой», с которой Джек, в отличие от Энцы, хорошо был знаком. На своей шкуре, конечно.

Сейчас он поднырнул под стул, который, чертыхнувшись, отбил Артур, плечом врезался ему в солнечное сплетение и, на краткий миг выбив из него дыхание, инерцией удара впечатал спиной в дверь.

Не давая магу прийти в себя и хорошо понимая, что это будет полным провалом для них с Энцей, Джек схватил его за грудки, лбом врезал по переносице и, чтоб уж наверняка, грязно всадил коленом между ног. Артур всхлипнул, оседая. Джек добавил коленом в лицо, так что голова мага откинулась, с глухим стуком столкнувшись с дверью.

Обмякшее тело Джек отпихнул в сторону. Мужик крепкий, может быстро прийти в себя. Действовать надо еще быстрее.

– Энца! – крикнул он. – Как ты там? Давай к двери!

Девушка молчала, но злой свист-шипение умертвия и непрекращающийся грохот говорили о том, что Энца никак не может достать существо. Вот крысой, пригнувшись к полу, скользнула Айниэль: светлое пятно костюма еще кое-как выделяло ее из полумрака. Тут же

надвое развалился круглый табурет, мимо которого она бежала. Энца снова промахнулась.

Выматывает. Знает ведь, что Энца на нуле, и ждать окончания совсем немного. Энца подозревает это, и выкладывается еще больше, ярьась и попусту растрачивая энергию.

Айниэль заулюлюкала откуда-то из угла, с грохотом перевернула стопку стульев и рванула к Джеку, то ли вспомнив, ради чего все затевалось, то ли придумав наилучший способ утихомирить мастера боя.

Рядом с Джеком Энца размахивать своими лезвиями не могла.

Джек был настороже, поэтому легко увернулся от объятий Айниэль, пинком отправив ее в сторону. Выглядела она все хуже: прорезанный во многих местах костюм, встрепанные неровные волосы и белый страшный взгляд. Правой кисти не было: Энца дотянулась-таки, но Айниэль не чувствовала боли.

Энца, запыхавшись, остановилась рядом с Джеком.

– К черту ее, – сказал Джек, – давай дверь открывай.

– Ага, – кивнула Энца.

И обоих снесло чудовищно сильной ударной волной: Артур пришел в себя.

Энца стояла ближе к нему, и еще кое-как сумела среагировать, выставив перед собой лезвия и расширив их в подобие щитов.

Это не особо помогло, лишь ненадолго пригасив удар. Их обоих протащило по полу до противоположной стены. Джек грянулся о бетон спиной, Энца врезалась прямо в него. Пару мгновений он не мог вдохнуть, разевая рот как рыба, выброшенная из воды.

Энца пришла в себя быстрее, но ей в ноги кинулась Айниэль, повалив на пол. Девушка почти извернулась, сбросив мертвое с себя, и та схватила ее рукой за лодыжку, удерживая на месте. От маленькой ледяной ладони, ожегшей кожу, рванула вдруг такая боль, что Энца вскрикнула. Ногу свело судорогой, и в груди неожиданно закончился воздух. Энца обмякла, не в силах двигаться, чувствуя, как из носа пошла кровь. «Она жрет меня», – еще успела она понять, в глазах обморочно запрыгали светляки...

И вдруг все закончилось.

Энца, опираясь на трясущиеся как желе руки, привстала. Джек крепко сжимал Айниэль, захватив ее изувеченную руку и шею одиночным нельсоном, оттаскивая от Энцы. Айниэль сипела, выгибалась, вставая на цыпочки, потомхватила свободной рукой его за локоть.

– Джек! Держись от нее подальше, она вампир!

– Как будто меня этим можно напугать, – сухо сказал он.

– Я выжму тебя досуха, – прошипела та. – От тебя не останется ничего...

– Уж поверь, меня хватит надолго. Ты, главное, сама не лопни. Что будем с ней делать? Эй, Артур? Я тут ее держу, по нам не бей. А то, знаешь...

– А то – что? – просипел Артур. – Мелкая уже на грани, я вижу ее ауру. А ты тоже... на расстоянии ничего мне не сделаешь.

Новый грубый, но мощный клубок чар полетел в них, и Джек разжал руки, грянувшись о стену: на этот раз боком и головой. Айниэль, принявшая на себя основной удар, покачиваясь, отползла в сторону. Артур, видимо, совершенно не боялся попасть по умертвию: то ли она была настолько неуязвима, то ли ему было не жаль.

В голове звенело, и Джек, собравшись с мыслями, едва смог уйти от следующей волны, нырнув рыбкой в сторону. Лицом въехал в пыльный ящик, отбив руки и плечи о пол.

Где-то завизжала Айниэль, сорванным больным голосом выругался Артур. Затем свистнули в воздухе лезвия и раздался гулкий металлический грохот.

Собирая себя по кускам, Джек встал на ноги, опираясь на тот самый шкаф, через который недавно перелетела Энца. Сама она сейчас лежала у выхода, головой на срезанном ею металлическом овале.

Это может, какой-нибудь маг и не справится с зачарованным замком, опытный он там или нет, а Энца просто вырежет кусок из двери. Странно, что всезнайка Артур об этом не подумал. Джек идиотски захихикал, не в силах сдержаться, потом рванул на себя стеллаж на колесах и толкая его перед собой, кинулся к Артуру.

Маг, еще не совсем пришедший в себя, все же успел ухватиться за металлические тонкие прутья стеллажа, остановить его, но Джек поднажал... Отбил в сторону схватившую его за плечо Айниэль, снова с силой толкнул стеллаж, впечатывая Артура в стену.

Пока они в себя приходили, прыжком добрался до Энцы, сгреб ее в охапку и вылетел в коридор.

– Без нее ты больше ни одну дверь не откроешь, – крикнул вслед Артур. – Они все зачарованы. Думаешь, ты всесилен, Джек?

Джек никогда не страдал ложной скромностью, поэтому он просто ответил:

– Ну да.

Потом он вздохнул – и с выдохом выпустил наружу всю ту силу, что

еще оставалась в нем. Ветер легко прикоснулся к его лбу, и стремительным ревушим зверем ринулся в стороны, срывая в коридоре двери. Зазвенели стекла, а входная дверь хлопнула о стену, распахиваясь, и повисла на одной петле.

Джек увидел только свет сначала. Резало глаза. Потом Альбера, который приветливо улыбался, стоя на крыльце.

– Здорово, – сказал ему Джек. – Ты уж прости, мы там немного... ну, поломали все, где ты...

Альбер махнул рукой: мол, чего там.

Какие-то крики.

Джек потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. Руки онемели, и он поправил свою ношу, чтобы не упала.

– *Джек! Джек!*

Он огляделся, немного привыкнув к солнечному свету. Разве еще день? Ну надо же... почему-то казалось, что ночь давно. Вокруг здания толпа людей. Кричат что-то, руками машут.

– *ДЖЕК! Иди сюда, твою мать!*

– Ты держишь ее вверх ногами, – мягко заметил Альбер.

– Кого держу? – удивился Джек.

Посмотрел на руки. Ох черт, Энца. Точнее, тощие ноги в кроссовках, а голова где-то внизу.

Попытался перехватить и перевернуть, едва не уронил.

– *Иди сюда!* – хором заорали сразу несколько человек.

– Иди, – сказал ему Альбер. – Там тебя зовут.

– Ну, бывай... – неловко сказал Джек. – Извини, что помочь не смогли.

Удалось спуститься по ступенькам и даже сделать несколько шагов. Он попробовал пристроить Энцу на землю, потому что вниз головой висеть мало того, что неприятно, так еще и вредно. Кто-то пытался забрать ее, но Джек лягался, уворачиваясь.

Сколько можно, думал он. Достали.

Потом стало темно и тихо.

История двенадцатая. Конец одной игры

Когда позвонила Энца со странным вопросом, Анна и Саган были в административном корпусе, сдавали отчетность.

Магичка с утра чувствовала себя неважно: то жаловалась на слабость, то злилась по пустякам и срывалась на Сагане... а после телефонного

разговора она и вовсе разревелась. Судорожно всхлипывая, женщина едва успела сказать напарнику, что Энца попросила вызвать Якова.

– Темное, темное, выхода нет, – забормотала она, вцепившись обеими руками в плечи Сагана. Тот придерживал ее, с тревогой вглядываясь в бледное лицо. – Мертвых не слушай, уходи. Темное, страшное, дверь запечатана. Мертвые говорят, а ты не слушай... Беда, ох, беда...

Потом вдруг вскрикнула тонко и повалилась, забилась в падучей, Саган едва успел подхватить. Она уже не говорила, не рыдала, просто выла и выгибалась в судорогах, какие бывают у предвидящих.

Саган еще не знал, что на этот раз Анна опоздала со своим предсказанием, и те, кому это сейчас было бы интереснее всего, беде уже в глаза смотрят.

Он крепко прижал к себе женщину, накладывая легкое обездвиживающее плетение, чтобы она не навредила себе, а подбежавших на помощь магов отправил за дежурным врачом.

Баюкая на руках Анну, которая продолжала сильно вздрагивать, позвонил Якову и Донно, кратко рассказал обо всем.

Вот тогда все и завертелось. Сначала к флигелю отправились Донно и Роберт, плюс пара любопытствующих боевых магов из их отдела – узнать, что там опять натворила неугомонная парочка.

Попетляли вокруг Птичьего павильона.

Флигеля не было.

Обсуждая грядущий отборочный тур, вся компания двигалась уже обратно к Чайному домику, когда позвонил Яков и скрипуче поинтересовался, что там с обормотами.

Донно пробил холодный пот, когда он понял, что позабыл уже о том, зачем они искали флигель. Потом пришел в ярость, рванул обратно, и напарник его, как всегда, более уравновешенный и собранный, остановил, схватив за плечо.

– Ребят, – сказал он. – Глаза же отводят, как малышам. Нам защиту надо поставить и подкрепление звать. Чуется мне, тут не просто так все...

Минут через десять с удивительной оперативностью вокруг Птичьего павильона уже рассредоточилась большая группа магов: боевых из Чайного домика, техников во главе с Яковым и небольшая компания из лабораторий. Этих, правда, никто не звал, из любопытства пришли. Еще бы, прямо под их носом такие дела творятся.

Пока понятно было несколько вещей: в здании находятся Джек, Энца и кто-то опасный. Не монстр-объект: защитное плетение на здании явно

рукотворное, только человек мог создать нечто подобное.

Саган тоже прибыл; едва Анна пришла в себя, тут же отослала его «наблюдать», сказав, что ему важно быть со всеми. Саган не принимал участия в общей кутерьме, стоял рядом с пожухлой клумбой фиалок, маялся и нервно прислушивался к разговору Якова и высокого пожилого мага, которые вполголоса обсуждали ситуацию. Мага звали Ворон, и он приехал откуда-то из пригорода по своим делам, Яков захватил его с собой за компанию.

Томительно долгое время маги ходили кругами, путаясь в наведенных воспоминаниях и рассеивающих внимание чарах, пытаясь выловить хотя бы петельку из этого замысловатого плетения, закрывавшего флигель. Определяли точки биолокации, ставили распознающие амулеты, переругивались, но все тщетно.

Потом появился молодой человек. Он долго и терпеливо махал им рукой, вежливо улыбаясь.

– Боже мой, – сказал вдруг Саган. – Это же Альбер, тот парень, о котором Джек и Энца спрашивали. Что он тут делает?

Когда пухлый молодой человек понял, что его заметили, то даже просиял от удовольствия. Попервоначально казалось, будто он висит в воздухе, но техники сумели благодаря его жестам-подсказкам потянуть края маскирующего плетения, так что вскоре большинство присутствующих видели уже и очертания флигеля, и крыльцо, на котором стоял Альбер.

Ни окон, ни дверей не было, здание представлялось сплошной кирпичной коробкой, кое-где украшенной рустом.

Донно, сжимая голову руками, сидел на корточках у ног напарника, который сосредоточенно шевелил пальцами, перебирая невидимые нити плетения.

А затем где-то внутри здания ахнуло так, что вздрогнула даже земля. Стекла на окнах на миг выгнулись и брызнули в стороны, кованые решетки перекосило. Входная дверь резко распахнулась, повисла на одной петле, качаясь с невыносимым скрежетом.

Первый этаж проявился полностью, верхние два смазанными пятнами.

– Что это? – изумленно спросил Ворон. – Никогда не сталкивался с такой мощью... это ваш уникам, что ли?

Ободранный, с разбитым лицом и торчащими во все стороны белыми волосами на пороге появился Джек. Обеими руками он прижимал к себе Энцу, почему-то вверх ногами. Тонкие руки девушки безвольно болтались в воздухе, задевая пол. Джек моргал и болезненно щурился.

Этот идиот остановился поболтать с Альбером, хотя все кричали ему, чтоб спускался и уходил подальше: защитное плетение на здании, прорванное и наполовину распутанное, все еще держалось, не позволяя никому подойти ближе чем на несколько метров. Изнутри флигеля слышался грохот и нарастающий вой, но Джек, казалось, вовсе его не замечал.

Наконец, шатаясь как пьяный, Джек спустился с крыльца и пошел вперед. Попытался опустить Энцу наземь, неловко, но сосредоточенно. Он не отвечал на вопросы и только пинал ногами тех, кто пытался помочь.

Донно сделал то, о чем мечтал уже очень давно: крепко и от души врезал ему, сопровождая удар слабым обездвиживающим плетением.

Но, видимо, для Джека это было последней каплей: он молча потерял сознание, упав на землю. Едва успели его подхватить, чтобы не задавил собой девушку.

– У тебя недруги есть какие? – тем временем доверительно спросил Яков у спутника. – А то смотри, вот у меня парочка ребят, любое место разнесут, и концов не найдешь.

Ворон захлопнул рот: такого представления ему наблюдать еще не доводилось. Нет, в зачистках неблагополучных районов после прорывов он участвовал, но чтобы в центре города, в самом сердце старейшего филиала Института... Проводив глазами ринувшихся по крыльцу боевиков, Ворон покосился на Якова.

– Что это сейчас было? Я почувствовал стихийную магию, но такой мощи...

– Это Джек. И судя по взрывной волне, он был обессилен, – задумчиво проскрипел Яков. Поймав недоверчивый взгляд мага, пояснил: – Будь иначе, нас бы всех по кампусу разнесло в разные стороны. Так, прошу прощения, коллега, мне нужно к своим ребятам. Оставайся пока тут.

Яков, слегка прихрамывая, поспешил к техникам, которые разбились на пары и окружили здание, окончательно снимая маскировку.

Зябким гниlostным духом тянуло из темных провалов окон. Стоило подойти к флигелю ближе, как дурной тяжестью ложилось на плечи предчувствие злого. Даже у многоопытного Якова потянуло под ложечкой.

Пробормотав под нос, что только эти двое дураков могли почти месяц болтаться тут и ничего не чувствовать, Яков махнул рукой своим техникам, собирая их вместе.

Джеку не дали поваляться и отдохнуть, растолкав самым

немилосердным образом. А он только-только начал приходить в себя, умиротворенно созерцая высокое небо и симпатичную медсестричку, которая дезинфицировала его ссадины. И тут пришел мрачный и бледный словно поганка Донно с врачом и заставил того осмотреть Джека.

Орка меланхолично провел руками над телом молодого человека, встряхнул кистями.

– В принципе, все в порядке. Как всегда, грязь, но особых нарушений нет. Это ты его приложил обездвиживающим? Вот его сейчас сниму, и можно пользоваться.

– Вставай, – рыкнул Донно. – Давай, Джек, скотина этакая...

– Не хочу, – сонно пробормотал тот. – Я устал.

– Вставай же, бес тебя возьми, – устало сказал Донно. – Надо Энце помочь.

Вот тут Джек все вспомнил, и запоздалый шок пробил до самого сердца.

–Твою мать! – воскликнул он.

Рывком сел... и едва не грохнулся обратно, так закружилась голова. Со злым стоном сжал виски и, преодолевая возросшую вдруг силу гравитации, встал на ноги, не замечая, что Донно протягивает ему руку. Тот ухватил Джека за плечо и почти волоком дотащил его до лежащей неподалеку на газоне Энцы. Она все еще была без сознания. С бледного лица едва стерты следы носового кровотечения, под ногами чья-то свернутая куртка.

– Она сильно иссушена. Нужно восстанавливать энергетический баланс.

– Я не умею... не умею отдавать, – сообразив вдруг, сказал Джек.

– Мы открыли каналы, – слабо сказал врач, сидевший рядом на траве. Мертвенно-белое лицо, ввалившиеся глаза. Джек скосил глаза на Донно: похожий вид. Сами полезли восстанавливать, что ли.

– Это не человек, а колодец какой-то бездонный, – простонал врач. – Я едва успел разорвать связь... Подождите! Не прикасайтесь к ней сейчас, сначала нужно ограничивающий артефакт... я уже послал за ним... Эй, я вам говорю!..

– Да это Джек, – сказал, подходя к нему, Орка. – Джеку можно. Давай, я тебя самого осмотрю, что-то ты перемудрил с этими каналами.

И даже Донно дернулся было удержать, когда Джек, сбросив его руку, опустился рядом с Энцей. В самом деле, когда врач открыл каналы для подпитки энергией, они оба попытались хотя бы немного восполнить ее нехватку. Восковое, почти прозрачное лицо девушки поразило Донно. Она едва дышала, и мужчина не думал ни о чем, кроме того, что ее нужно

немедленно спасти.

Но едва он прикоснулся к ее плечу, как его скрутило от невыносимой боли. Ледяные когти вцепились в грудь, с жуткой скоростью вытягивая из него силы. В висках гулко застучало, мерцающая пелена застила глаза... Хорошо, рядом был Роберт, он выдал Донно затрещину, прерывая контакт, и отправил за Джеком.

Джек выглядел не лучше Энцы, но он даже не поморщился, когда взял ее за руку. Правда, через какое-то время устал сидеть и прилег рядом.

– Тошнит, – пожаловался он. – Вроде головой не сильно приложился, но почему-то тошнит.

В это время Энца едва заметно шевельнулась, приходя в себя. Потом что-то пробормотала. Джек переспросил, не расслышав.

– Я говорю, – чуть громче повторила девушка, – что тренироваться надо больше. Она же меня уложила почти одной левой. Раз-раз и все...

– Одной левой и было, – успокоил ее Джек. – Правую ты ей отрубила.

– Да? – обрадовалась Энца. – Я думала, что ни разу не достала.

– Ну ты и кровожадная малявка, – покачал головой Джек.

Они лежали, бездумно глядя в облака, и Донно в другой бы раз прервал эту неприятную для него идиллию, но во-первых, для Энцы это было жизненно важно, а во-вторых, его вызвали коллеги, так что он для профилактики прожег взглядом Джека и ушел.

Люди вокруг суетились, что-то обсуждали, подходили справиться об их самочувствии. Вскоре приехала маг-бригада, вокруг флигеля натянули ленту-предупреждение, любопытствующих настойчиво попросили разойтись по рабочим местам.

Саган подошел, присел рядом с Энцей на корточки.

– Ты как?

– Нормально, – отозвалась та. – Бывало и хуже... наверно...

– Эй, а я? – обиженно спросил Джек. – Почему меня никто не спрашивает, как я себя чувствую?

Саган досадливо отмахнулся, мол, что там с тобой случиться может.

– Анне дурно стало, – сказал он. – Сейчас в медблоке, но уже получше, я только что звонил ей. Просила передать, что вашей вины нет.

Джек фыркнул.

– Спасибо вам, – сказала Энца. – Это ведь Анна всех позвала?

– Ну, – уклончиво сказал Саган, – можно и так сказать.

На Джека упала длинная тень и скрипучий голос поинтересовался:

– Жив еще?

– А то, – ответил Джек.

Яков с трудом присел на корточки, как Саган. Помолчал. За ним стоял высокий маг, которого Джек не знал. Выражение сухого, морщинистого лица понять было сложно, да Джек и не стремился, равнодушно отвел взгляд, собираясь с мыслями. Он понимал, что Яков не просто так подошел.

Начальник подобрал с земли палочку и рассеянно потыкал Джека под ребра.

– На первом этаже мы нашли свежий труп мужчины, которого, по всей видимости из-за твоего... шквала, прижало к стене и задавило мебелью. Беднягу проткнуло насквозь опорами развалившегося стеллажа.

– О, вот как, – ровным тоном сказал Джек.

И крепко сжал руку Энцы, потому что та вскинулась было, чтобы вступить за Джека.

– Да, вот так... В том же помещении было четыре сушеных старых трупа и весьма бодрое и сильное умертвие. Ребята-боевики в основном молодняк, они таких и в глаза не видели, так что едва справились.

– Справились? – едва слышно переспросила Энца.

– Справились, – подтвердил Яков. – Упокоили на месте. И парня того, что нам ручкой с крыльца махал. Хотя кое-кто предлагал оставить как местную достопримечательность. К сожалению, призрак был говорящим и попросил его освободить. По правилам, последнюю волю необходимо исполнять... А теперь давайте рассказывайте.

Энца отвернулась.

Странное чувство. Почему-то казалось честнее, если бы она сама упокоила Айниэль. И Артур...

– Ну так я жду, – неделикатно напомнил Яков. – Хочу из первых рук и первым. Так сказать.

– Обмен, – устало сказал Джек. – Только в обмен на то, что о них потом накопают.

Яков поколебался, но потом кивнул.

Джек покосился на Энцу.

– Ты как там? Тебе достаточно?

– Вполне, – тихо ответила та, и они разорвали рукопожатие.

Джек сел, осторожно придерживая голову, будто бы та готова была скатиться с плеч.

– Айниэль... умертвие... играла в игру, – начал он. – Тот парень, которого нашли... свежим, это Артур. Он некромант, который ее оживил и держал тут.

Джек пересказал кратко и то, что они слышали от Артура и то, что

надумали и видели сами. Энца сидела рядом, несколько раз поправляла по мелочам, но в основном молчала. Вокруг них собирались люди: техники, боевики, просто любопытствующие. После того, как Энце закрыли каналы, медсестра обработала ссадины, прикасаясь к ней с большой осторожностью.

– Сейчас бы выпивку и жратву, – хмыкнул кто-то из собравшихся, – и пикничок прямо тут.

– Только вам, некромантским мордам, кусок в горло полезет рядом с таким местом, – презрительно ответили ему. – Там одной чистки на неделю, чтобы вообще войти можно было.

– Мы догадывались, что не так что-то, – пытаюсь оправдаться, сказала Энца, когда Джек замолчал, и ей показалось, что все смотрят с осуждением. – Догадывались и пробовали немного раскопать...

– Да ладно, чего там, – ответил ей Орка. – Я видел вас обоих почти каждый день, но не почувствовал ничего, только следы негативного воздействия.

– Вы-то хоть догадывались, – поддержал его Саган. – А тех ребят, что до вас были, получается слопали за так.

– Альбер долго держался... по их словам, – сказала Энца.

– Я думаю, они сохраняли его тело, чтобы пользоваться его печатью и подписью, – невпопад сказал Джек: видимо, он слушал разговор вполуха, размышляя о своем. – Артур наверняка придумал способ, как заставить работать заговоренную печать.

– А это мертвые?.. неужели не было понятно, что не человек? – недоуменно спросили из толпы. – У них же нет ни ауры, ни особых мозгов.

Джек и Энца одинаково криво усмехнулись.

– Ауры мы не видим, – сказал Джек. – Да я думаю, там на ней висело что-нибудь отводящее взгляд, иначе те бедняги сразу бы поняли, куда попали.

– А мозги у нее были, – добавила Энца. – Она, когда держала себя в руках, говорила и двигалась... нормально.

Энца нахмурилась, вспоминая стеклянный взгляд Айниэль, но неприязни как раньше не было. Только усталое недоумение.

– Мертвые, которое вызвал и поддерживает искусный маг на протяжении десятков лет, – это вам не та мелочишка, с которой сейчас обычно имеют дело, – наставительно заметил Яков. – Свежачки не успевают ни сил набраться, ни хитрости, ближе к животному, чем к человеку...

– Но Артур говорил, что, когда он вернул Айниэль, то она едва ли

отличалась от себя прежней, – возразила Энца.

– Возможно, ему удалось найти или заново разработать старую средневековую методу, – вступил в разговор маг, что стоял за спиной у Якова.

Он слегка поклонился, в ответ на многочисленные удивленные взгляды, но не представился, а Яков смолчал.

– Этот раздел магической истории практически не изучают на общем курсе, – сказал он. Голос его был глубокий, хорошо поставленный: – Идут поверхностно, потому что не следует обострять интерес к запрещенному искусству, но в средневековье практика использования умертвий в качестве личных телохранителей и верных, пусть и очень опасных, слуг, существовала. Не процветала, нет, для этого маг должен был обладать недюжинной силой и неким секретным знанием, которое передавалось только устно от учителя к ученику. Но должен сказать, такое умертвие необходимо было кормить человеческой плотью и кровью, здесь же, как я понял по состоянию найденных тел...

– Артур нашел свой собственный рецепт, – сказала Энца. – Он думал, что по-настоящему вернул ее.

– Артур, конечно... талантливейший молодой человек, – задумчиво сказал незнакомый маг. Потом поправился: – Был.

– Да уж, – скрипуче согласился Яков. – Мои техники целой бригадой распутывают сеть на здании, а что там с базой, с документами... Столько ума, таланта, и все коту под хвост. Там уж и психиатрической экспертизы не нужно, чтоб сказать, как крепко он тронулся, если по-прежнему ее держал за человека. Поисковики говорят, что где-то в подвале еще целый могильник, но пока там никто работать не может: уже двоих без сознания вынесли. Повсюду плесень на стенах, проявилась, как только маскировочные плетения сняли.

Энца и Джек переглянулись.

– Он пытался ее ограничивать. Чтобы она не выходила из здания одна, – сказал Джек. – В кабинете везде травы и обереги на окнах...

– Мы разберемся, – равнодушно прервал его Яков. – Ну, поправляйтесь, ребята. У вас теперь дел прибавится. Сейчас подойдет кто-нибудь из моих, расскажете подробнее.

Под выразительным взглядом Якова собравшиеся начали расходиться. На прощание Яков еще раз кивнул. Саган оставался рядом, пока вахту не принял Донно. Тот терпеливо подождал, пока присланный техник не закончит расспросы.

– Роберт пока там, они будут работать еще долго, – сказал он, помогая

Энце встать. – Я отпросился.

Осторожно придерживая девушку и внимательно поглядывая на пьяно шагающего Джека, Донно довел их до стоянки. Там они немного повздорили.

Донно, не спрашивая, повел ее к своей машине, а у Энцы вдруг все оборвалось внутри: что ей сейчас больше всего хотелось, так это принять обжигающе горячий душ, переодеться и упасть на свой диванчик. Диванчик стоял у Джека, но Энца уже привыкла считать его своим.

Реверансы и напряжение в гостях у Донно ей сейчас были не под силу. Никак.

Она остановилась как вкопанная. Замотала головой, когда он удивленно обернулся.

– Я хочу домой, – устало сказала она, не понимая, как сильно сейчас ранит Донно. – Не могу больше, и переодеться надо.

– Мы что-нибудь по дороге купим, – пообещал Донно, не решаясь пока тянуть ее дальше, чтобы не испугать. – Я позабочусь о тебе.

Энца шагнула назад.

– Нет, – сказала она, и Донно почувствовал ее решимость.

Криво улыбнувшись, он склонился к ней, погладив по встрепанным волосам, покрытым пылью.

– Не бойся меня, пожалуйста, – попросил он. – Я ведь...

Длинный холодный палец уперся ему в лоб и отодвинул подальше.

– Оставь ее в покое, – сказал Джек, вставая прямо за спиной Энцы.

Донно резко перехватил его запястье, но тот, не дрогнув даже, продолжил:

– Если тебе приспичило позаботиться, поехали с нами. Я тебе спальник выдам, переночуешь. Ну... и ужин можешь приготовить, – милостиво разрешил он.

Он легко сбросил его обмякшую руку и пошел к машине, а Энца, воспользовавшись моментом, выскользнула следом.

Ближе к полуночи позвонил Роберт:

– Ты где? Я думал завалиться поесть. Даже коньяка купил.

– Я у Джека, – вполголоса ответил Донно.

Он сидел на подоконнике в кухне. В темноте мерцал экран ноутбука, который он одолжил у Энцы.

– О! – обрадовался Роберт. – Я тогда тоже подскочу.

– Не надо. Они тут спят, а я на карауле.

Напарник озадаченно посопел в трубку.

– Что... совсем хреново? – спросил Донно, когда пауза подзатянулась. Роберт, видимо, чувствовал себя далеко не прекрасно, если так поздно пришел к нему в поисках компании.

– Да не, – нарочито бодро сказал тот. – Я тогда к себе, буду отсыпаться. Пни меня утром.

– Договорились, – сказал Донно. – Ты это... купи себе поесть, только не это дерьмо вроде мороженой пиццы, а то опять с желудком будешь маяться.

– Хорошо, мамочка, – смиренно согласился Роберт. – Я как доберусь, черкану тебе через «Гусин», если в сети будешь.

– Что-то нашли?

– Да там много чего. Знаешь, Донно, будь на их месте... ну, мы с тобой, к примеру... вряд ли бы справились.

Донно не стал спорить или удивляться: Роберт пустыми словами не бросался. Потом объяснит.

– Как они там?

– Спят давно уже.

Он не успел приготовить ужин, еще только резал овощи, периодически поглядывая на них: сначала чинно сидели на диване и смотрели фильм на ноутбуке, но минут через двадцать уже спокойно спали. Донно дотащил белобрысую занозу до его кровати, а Энцу устроил поудобнее, решив, что будить их не стоит.

Погасил везде свет и устроился на подоконнике с ноутбуком и пивом. За стеклом звездно мерцал город.

– Ладно, давай, я уже в машине.

– До связи. Пиши, как доедешь.

Едва только успел просмотреть заголовки новостей на портале, как позвонила Анна, за ней следом – Яков. Оба, уже зная откуда-то, что Донно у Джека, попросили того «присмотреть», а начальник отдела еще передал, что с утра совещание будет.

На кухню притащился Джек, с трудом разгреб массу спутавшихся волос и скорбно поглядел на Донно.

– Как-то холодно, что ли, – пожаловался он. – Ты меня ногами не бей, но я пойду пока посплю на твоём спальнике рядом с диваном.

Донно, подумав, кивнул. То, что сегодня у них будет тяжелая ночь, он и без Анны чувствовал. Вся эта мертвая грязь просто так не сходит. Жестоко будет сейчас выставлять Джека в отдельную комнату.

Смерть темного мага, который долгое время держал их под воздействием, не может пройти бесследно. Уж кому как не Донно об этом

знать – в свое время он прочувствовал это сполна. Фигурально выражаясь это как держать в руке туго натянутую резиновую ленту. Лопнет – и отдачей хлестнет до слез. А то и до крови.

После полуночи Донно пошел проверять защиту дома. Чтобы не тратить ресурсы на ночное зрение, сделал из столовой ложки импровизированный фонарик, повесив на нее небольшое плетение.

С этим фонарем он осторожно, чтобы не разбудить подопечных, обошел по периметру квартиру. Наиболее слабым местом оказалась спальня Джека, так что Донно просто закрыл дверь туда, начертив на ней Рябинный оберег. Дальнейшие изыскания показали, что совсем недавно кто-то накладывал защиту на студию. Донно удивился, зная, что Джек такими вещами заниматься бы не стал, остановился у входной двери и, шевельнув пальцами, окинул всю квартиру сетью сканирующего плетения.

Защита была слабая, но, тем не менее, продуманная, без брешей. Имелись некоторые следы... призрачного визита? Духов, что ли, вызывали? Донно сердито покачал головой, сворачивая сеть. Он подпитал узлы защиты, поправил букет сухих трав, который стоял на столике. Под столиком он нашел аккуратно завернутую в ткань доску уиджи, которая тоже хранила следы призрачного визита. Ну что за развлечения такие у них. Находили ведь время и силы на глупости.

После этого Донно попробовал было подремать, усевшись в ногах Энцы: та сворачивалась клубочком, так что места на диване оставалось предостаточно.

Поспать ему не дали: всю ночь Энца и Джек разговаривали во сне, Джек то и дело вставал и куда-то собирался идти, а девушка тихо плакала и просила всех спрятаться. Около четырех утра Энца грустно вздохнула и спросила: «Так это он пирожки слопал?» Джек ответил: «Ага», и коротко хохотнул. Ни один из них при этом не проснулся.

Разбитый и сонный Донно сдал напарников их начальству с рук на руки, отметив, что Яков тоже не лучшим образом выглядит. Видимо, их ведомство работало всю ночь: скандал какой выходил, прямо под носом у всех пряталось матерое умертвие.

Кого только не было в переговорном кабинете, который использовался для больших совещаний. Яков, Офелия – на этот раз в густо-синем – несколько человек в серой униформе полиции, трое техников из бригады Якова. Два невыразительных субъекта в деловых костюмах.

Джека тут знали почти все, ну и Энцу теперь тоже за компанию. Девушка не стала прятаться за напарником: вины за собой она не

чувствовала. То, что это дело будут расследовать со всей возможной скоростью и усердием, было понятно и так.

...да, вины не чувствовала. Царапало только одно: память о том, как погиб Артур, нелепо и как-то... незаметно? Строчка в отчете, галочка в деле.

И Айниэль. Теперь по имени ее никто не называл: не полагалось. Умертвие, ничего более.

Напарники по очереди вновь повторили всю историю, начиная с первого дня, потом Яков пригласил присутствующих задавать вопросы, напомнив, что с самого начала совещание протоколируется.

Вопросы были разные: и уточняющие, и въедливо-уничижительные, и полные искреннего интереса. Яков резко пресекал любые попытки перевести разговор в обвинения, всячески напирая на достойное похвалы поведение сотрудников, их инициативу, предусмотрительность и сопротивление темной магии.

И если Энца только моргала недоуменно, когда их таким образом превозносили (она-то вспоминала их с Джеком полусерьезное расследование), то остальные вполне поддерживали эту точку зрения.

Ну, кроме Офелии. Но Яков ей пока слова не давал, да и сама дама выглядела скорее обескураженной, чем возмущенной очередным «проступком». С одной стороны, история была действительно скандальной, но с другой – Джек виноват в ней не был. Дама была сбита с толку.

Джек больше ждал очереди доклада техников и полицейских из маг-бригады: за прошлый вечер – и, судя по всему, ночь, – они должны были раскопать хоть что-то. У Артура, конечно, была чертова уйма времени, чтобы скрыть все данные, но и специалисты Якова были одними из лучших в стране.

Да еще к этому делу с другой стороны копалась человеческая полиция и следователи из Чайного домика, расследуя дело о пси-вампире. Правда, пока не было достаточных доказательств того, что убийства, произошедшие в городе, можно связать с умертвием.

– Почерк, понимаете, другой, – слегка заикаясь, объяснил офицер маг-бригады. – Заманчиво, конечно, сразу все связать и закрыть дело, но есть пара нестыковок. Думаю, с вашей помощью, – он кивнул Джеку, – мы с этим разберемся.

– После совещания, – проскрипел Яков, – договоритесь о снятии показаний. Сандер, ваша очередь. Я проглядел письменный отчет, копии, кстати, у всех присутствующих на электронной почте... теперь кратко и с вашими выводами.

Сандер кивнул. О краткости, впрочем, Яков мог и не напоминать: один из его самых ответственных работников принципиально говорил только по делу, а речь его, порой даже в ущерб смыслу, была чересчур лаконична. Сандер вышел к маркерной доске, чтобы его отовсюду было видно – ростом сорокалетний маг не вышел, пригладил короткие светлые волосы и начал:

– Защита у Артура отличная. Не знаешь, что она есть – не найдешь. База данных пронизана прочной сетью его чар. Посадил двоих распутывать, четверых на обследование здание. Полиция помогла с опросом свидетелей: тех, что смогли найти в этот промежуток времени. В данный момент все работы продолжаются, так что результаты промежуточные. Что известно: в здании на первом этаже нашли тела пятерых сотрудников, имена удалось установить у четверых. В подвальном этаже находится могильник, тела извлечены и переданы на идентификацию, по их состоянию предварительно сказать ничего нельзя. Все остаточные следы стерты: работа Артура.

Сандер откашлялся, от усталости голос быстро садился.

– Проследить путь некроманта и умертвия пока не удалось, сколько лет они занимают флигель тоже пока неизвестно. Мы выслали запросы в наши филиалы и в головной отдел, а также в Штаб-квартиру маг-бригад города.

– Так, собственно, вы ничего и не узнали? – разочарованно перебила его Офелия.

Сандер покачал головой.

– Почему же. Кое-что удалось. Мы нашли бывших однокурсников, родственников и знакомых, которые помнили и Артура, и погибшую девушку. Подняли архивные данные, касающиеся ее смерти. Артур не владел способностью влиять на память живых людей и, видимо, посчитал нецелесообразным изменять сведения о смерти Айниэль. Собственно, история достаточно незамысловата: девушка погибла при спонтанной активации средневекового военного амулета. Она работала археологом, и, по рассказам очевидцев, распознала амулет и успела его запечатать. К сожалению, рядом с ней не оказалось ни одного мага, и вызванная скорая помощь опоздала.

– Вы не могли бы подробнее? – нахмурился офицер маг-бригады. – Запечатывание военных амулетов так опасно?

Несколько презрительных взглядов его не смутили: он не был магом, и потому не обязан был знать исторические тонкости военных технологий.

Сандер коротко кивнул:

– Нужно как минимум двое-трое: один запечатывает, второй следит за отводом негативной энергии (всплеск при закрытии порой бывает весьма разрушителен сам по себе), и, в идеале, третий держит общий энергетический баланс. В нашем случае Айниэль была одна, дезактивация практически высушила ее, и она не смогла отвести от себя отдачу. Если бы помощь пришла быстрее, у нее был бы шанс выжить.

Сандер замолчал и побарабанил пальцами по спинке стула рядом.

– Но девушка спасла как минимум девять человек – из своей группы... хотя радиус покрытия у амулета был приличный, судя по его описанию, так что, думаю, и больше. На момент смерти ей было двадцать пять лет. Она недавно выпустилась и только начала работу по специальности.

Энца опустила глаза, разглядывая свои руки. Вот о чем говорил Артур. Боже, как больно. За сухими словами Сандера столько боли... не его, конечно, ему-то все равно. Артура, их друзей, близких. Чем стала та девушка? Спасти несколько человек, а потом полтора десятка лет прятаться от них и поглощать чужую жизнь... И Артур... был с ней до конца. Тоже хотел спасти, но сделал только хуже.

Сандер тем временем щелчком пальцев запустил проектор и затемнил комнату. На стене рядом с ним появились кадры: фотографии, отсканированные страницы анкет личного дела, ведомости, свидетельство о смерти. Фотографии были разные: видимо, выбрали из личного дела и чьи-то любительские, на них темноволосая девушка с хитрым прищуром, улыбалась, сердилась, серьезно смотрела. Была по-настоящему живой.. Один из помощников Сандера коротко пересказывал известную им биографию.

Та Айниэль, которую они с Джеком знали, была всего лишь выцветшей поблекшей копией себя настоящей.

Настоящая Айниэль закончила исторический факультет, умела читать прошлое вещей, ездила на раскопки к морю, смеялась и любила. Она – еще до трагического случая, – участвовала в запечатывании военного амулета, и наверно, это был тот самый случай, о котором говорилось в найденной Энцей газете. Только там ее имени не было, говорилось об Артуре.

Когда Энца вдруг подозрительно засопела, Джек раздраженно пихнул ее под столом ногой. Не хватало еще, чтобы она тут разрыдалась у всех на глазах.

– А что с ямой? – спросил он, отвлекая внимание на себя. – И с кабинетом? Там были следы какой-то магии.

– Вы про тот «запах гари»? – слегка пренебрежительно уточнил один из техников. – Наверно, хорошо вам живется с таким «чутьем». В кабинете

не до конца вычищенная посмертная аура. По предварительной версии там был убит Альбер.

Энца болезненно восприняла этот укол, но потом заработал мозг, и одновременно с Джеком она переспросила:

– В кабинете?

– Он был убит не в закрытой комнате? – уточнил Джек.

– Нет, – сказал Сандер. – Мы считали несколько слоев остаточных эманаций, и судя по всему, умертвие не смогло его осушить в комнате на первом этаже, он отбился и зачем-то поднялся на второй. Там его загнали в угол – во всех смыслах, – и убили. Возможно, дальнейшее расследование покажет, зачем он это сделал, но лично я считаю это несущественной деталью. Вполне может быть, что Альбер был в состоянии шока.

– А яма? – спросил Джек, когда пауза слегка затянулась.

– Яма? Ах да, яма. Мы повторно осмотрели пустырь и конкретно эту вашу яму, с учетом открывшихся обстоятельств. Должен вам сказать, что версия о том, что Артур вас каким-то образом пытался спрятать, нелогична и не подтверждается. Ловушка была сделана заранее, но вы смогли обойти часть ее плетения. Как и все работы Артура, это очень интересное заклинание. Многослойное и многосложное. Включает в себя манок, переработанную «подножку» и «мертвый хран». Рассчитано на одного человека, который должен был упасть, пройти через плетение и обездвиженным остаться на дне ямы. Соккрытие жизненных сигналов – это не заслуга нашего покойного коллеги. Это аномалия, присущая тому месту, проявляется с наступлением темноты.

– Из-за тебя сменилась траектория, – сказала Энца Джеку. – Или же твоя сила некоторым образом исказила заклинание.

– Или то, что нас было сразу двое, – ответил он. – Я-то ведь хватанул немного, значит, ловушка продолжала работать.

– А сама аномалия... как же так вышло, что о ней ничего в документах не было?

Они уставились друг на друга, нахмурившись:

– Айниэль.

– Точно, она.

– Готовила нам бумажки и вытасила из них то, что могло насторожить, – кивнула Энца.

– Это все, несомненно, интересно, – оборвал их Яков, – но разрешите, мы продолжим?

Джек не был бы Джеком, если бы не улыбнулся радушно:

– Продолжайте, конечно! Только можно мы уже пойдём? Нас ждут в

медблоке.

Он запнулся, будто бы раздумывая, – а на самом деле наслаждаясь лицом Офелии, которая начала приходить в себя, проникаясь праведным и уже привычным гневом.

– Но если там наказание у вас какое приготовлено, – сказал Джек, – то мы подождем, о чем речь.

– Нет, – проскрипел устало Яков. – Идите. Но вместо наказания у меня есть к вам одно дело, так что жду вас потом. Секретарь пришлет время встречи...

Офицер маг-бригады многозначительно откашлялся.

– Ах, да, – спохватился Яков. – Показания же еще ваши нужны. Петр, вы удобное для вас время и координаты через моего секретаря передайте, а эти пусть идут. Надеюсь, по дороге в медблок вы не влипнете в очередную историю?

– Что вы, – успокоил его Джек. – Дорогу в медблок мы уже как свои пять пальцев.

– Я все хотела спросить, зачем ты ему сигареты дал? Отвлечь?

– Ну да. Думал, его на более мирный лад настроить. Ну, а вообще воздушникам курение – хуже яда.

– Он же не воздушник, Джек. У него стихийная компонента – земля.

– Да? Вот косяк.

Конец первой части

Часть вторая. Призраки и ловушки

История тринадцатая. Дух соревнований

Пыль. Сухой воздух скребет горло. Утоптанная земля мерно сотрясается под ногами.

Первые пять големов – классические. Мощные, крупные, с длинными ручищами и покатыми головами. Пахнут нагретой обожженной глиной, двигаются неловко, но быстро. Поверхность, – хочется сказать, кожа, но кожи-то у них нет, – вся в паутинке маленьких трещин, как старая керамическая чашка.

Гулко топая, приближаются к ней, обходя с двух сторон. У них программа очень простая, движениями управляет невидимый отсюда оператор... но он пока не атакует. Из прохода на арену выбирается десяток сгорбленных серых фигур, – тоже конструкторы, как големы, только более ловкие, тощие. У них длинные пальцы, кинжально острые на кончиках. Пока они окружают человека, на арену ступает следующий отряд конструкторов: усиленные металлической броней и отводящими магию амулетами. Они ростом и комплекцией напоминают обычных людей, а вот за ними, пригнувшись почти к самой земле, идут одни из самых опасных конструкторов, почти нечувствительные к магии. Шишковатые головы увенчаны рогами.

Последними скользят быстрые, окруженные искажающими щитами и укрытые мощной броней, «зеленые тени».

Все они формируют широкое кольцо вокруг человека, смыкающееся у него за спиной.

Человек, не шевелясь, ждет.

– Что случилось? Что-то ведь не так? – тревожно спросил Саган. – Почему она не двигается, Джек?

Джек раздраженно пожал плечами. Стоявший рядом с ним Донно судорожно сжал кулаки. Он уже прошел отборочный тур на другой арене, разбив три отряда конструкторов – весьма и весьма неплохой результат для нестабильного мага. Но Донно не стоял столбом как Энца сейчас... это было бы самоубийством. Справиться с атаками можно было только по мере появления големов, не допуская, чтобы их накопилось так много.

А Саган еще ждал своей очереди, они с Анной только прибыли на

Большое ристалище. Анна стояла за спиной Сагана, и сердце у нее тревожно защемило, когда она увидела сквозь толстое стекло небольшую арену и маленькую фигурку в темном спортивном костюме, замершую в центре толпы големов.

Арену полукольцом окружала смотровая площадка, защищенная толстым заговоренным стеклом. Слева находился пост администратора, далее пульт, за которым сидел маг, управляющий големами. Судейское жюри заседало на своей обзорной площадке, напротив оператора.

Джек и Донно стояли у поручней, глядя вниз. Донно, даже не обернувшись на Сагана, резко двинулся к администратору:

– Остановите конструкторов, девушке плохо.

К раздражению Донно, администратор сначала посмотрел на Джека: тот как напарник сейчас отвечал за Энцу. А Джек покачал головой.

– Не лезь, Донно.

От движения его волосы скользнули с плеча, обнажая большие пожелтевшие синяки на шее, которыми была покрыта и вся его спина. Рукава короткой футболки не закрывали длинные глубокие царапины на руках. Энца выглядела не лучше: из-за длительного воздействия темной магии врачи запретили ускорять регенерацию.

Джек вздохнул и повторил, уже в лицо Донно, который схватил его за ворот:

– Не лезь, Донно. Это первый большой турнир, до которого ее допустили, и если ты все испортишь, она тебе не простит.

– Да ей плохо, – поражаясь его тупости, сказал Донно. – Она испугалась так, что двинуться не может.

Джек высоко вздернул прямые брови в непритворном изумлении:

– Она боится големов? Что ты несешь?

Донно оттолкнул его и снова повернулся к администратору:

– Остановите немедленно, пока оператор не запустил их!

Джек, монотонно перекрывая его голос, протянул:

– Все в порядке, не слушайте. Этот господин неуравновешенный. У него даже справка есть.

Скорее всего, дело бы дошло и до мордобития, по крайней мере, Донно снова схватил Джека за ворот (и это становилось, к прискорбию последнего, весьма частым и уже надоевшим событием), но тут Саган ахнул.

Кольцо големов сомкнулось и разом сжалось, почти скрывая своими спинами фигуру Энцы. «Твою мать!..» – почти заорал Донно и осекся, теряя дыхание на середине фразы.

Гибкой черной змеей выгнулась фигура Энцы, взмывшей вверх над горбом спин. Она вывернулась в высшей точке, одновременно выпуская воздушные лезвия – едва видные, широкие сабли.

Губы Джека искривила усмешка: выделяется. Похожая улыбка едва виднелась на губах Энцы.

Приземлившись на спину одному из големов, она взмахнула лезвиями и начала выкашивать конструкторов, стремительно уворачиваясь от их ударов, крутясь на месте и снова взмывая в воздух, чтобы оказаться за спинами самых расторопных.

Саган резко оттолкнул в стороны Джека и Донно, чтобы не мешали смотреть. Почти прижавшись к стеклу носом, он восхищенно бормотал:

– Ну это надо! Ну, обалдеть!.. ого-о... а вот это!..

Энца танцевала. Сосредоточенная, гибкая, молниеносная. Големы не мешали ее танцу: ни один из них не представлял преграды ее клинкам. Она на ходу трансформировала их, сделав более изогнутыми и широкими.

Джек вспомнил свое ощущение *несправедливого боя*, когда он первый раз видел ее сражение. Эти големы, как и монстр-объекты не были для нее серьезными противниками, разваливаясь как куски масла, порубленные ножом. Где-то там в ее голове звучала музыка, которая вела девушку. Краем глаза Джек видел разгоревшееся азартом лицо мага-оператора, он пытался хоть как-то подловить ее, схватить или затормозить, но раз за разом терпел неудачу.

Широким двойным замахом Энца разрубила троих оставшихся конструкторов и закончила свой танец. Скользящим прыжком вернулась на изначальное место, оставив вокруг себя полную арену ровно разрезанных серых и зеленых тел.

Саган восторженно заулюлюкал, а вот Джек напрягся. Это ведь еще не все.

Выбить всех противников – отлично. Но за то, что Энца ни разу не применила ни одного плетения, положившись только на свои силы и мастерство, баллы с нее снимут.

Нужна хотя бы одна демонстрация. Энца сосредоточилась, закрыв глаза. Губы едва шевелились, проговаривая слоги плетения, а Джек подался вперед, сжав поручни побелевшими в суставах пальцами.

Выдохнув последний слог, она открыла глаза, одновременно проведя рукой в сторону, пальцы сложены ритуальным жестом «сеятель».

С десятков крупных глыб, в которые превратились големы, рассыпались на мелкие осколки вокруг нее.

Джек выдохнул, почти одновременно с ней, потом недоуменно

поглядел на свои пальцы, сжатые до судороги, и с трудом расслабил их. Энца подняла голову, безошибочно найдя их на смотровой. Неудержимая, слегка безумная улыбка осветила ее лицо, находя зеркальное отражение на лице напарника.

– Джек, – толкнул его в плечо Саган. – Это так и должно было?

– Ты про заклинание? – уточнил Джек. – Ну типа того. На самом деле мы придумали другую штуку. Она черпала энергию сейчас на расстоянии, плетение двойное было. Одно сработало, другое – ну, не очень.

– Зачтут, – спокойно отозвался администратор от своей стойки. – Пусть и пустяковое, но с ее уровнем это было довольно-таки неплохо. А вот сам бой... жаль, что за художественность не начисляют баллов.

Он широко улыбнулся, и сам отчего-то довольный.

Джек со значением посмотрел на Донно и, обидно щурясь, сказал:

– Эмпат хренов. Головой-то тоже надо думать, если не можешь свои сверхчувства подключать. Энца никогда и ничего не боится, чтоб ты знал.

Спустя три часа Джек непритворно огорчился:

– Ну и чего ты за мной прячешься? Я, понимаешь ли, в кои-то веки утер нос Донно, а ты прячешься. Не говори, что ты поездов боишься.

– Они большие, – угрюмо сказала Энца, болезненно жмурясь. – Грохочут, и кажется, что меня вот-вот под колеса затянет.

Они стояли между двумя рельсовыми колеями, ожидая, когда проедет товарный состав. Ветер сильно трепал длинный хвост Джека, а Энце казалось, что ее сейчас снесет этими порывами прямо под вагон. Мерный дребезжащий грохот отдавался в груди. Она вцепилась пальцами в рубашку на спине Джека и сжалась, пытаясь занимать как можно меньше места.

На этой небольшой станции не было моста-перехода, поэтому пришлось перебираться через рельсы от перрона к дороге. Где-то дальше их должна была ждать машина.

До больших соревнований Алого турнира оставалась еще неделя. Пройдя отборочный тур, они поехали по заданию Якова в провинцию, в одно сельское поместье, где последние полгода происходили по мнению Джека дурацкие, а по разумению хозяев очень и очень тревожные события.

Дороги из-за турнира и постоянно прибывающих магов и гостей были загружены, так что скрепя сердце Джек оставил машину в городе, и они отправились к месту назначения на поезде.

– Длинный Редан? – переспросила Энца два дня назад, когда Яков давал им инструкции. Это было то самое дело, вместо наказания – все

равно пока восстанавливают и очищают флигель, работать было негде.

Несмотря на настойчивые намеки Джека, переводить их в другой отдел или возвращать на патрульную работу, никто не собирался.

– Вы единственные оставшиеся в живых сотрудники, кто еще там работать будет? – неискренне удивлялся Яков. – А вот пока ремонт идет, тут вам дело, прямо такое, как вы любите: привидения, полтергейст, собаки пропадают и никто ничего не знает.

– Да, нам звонили из Длинного Редана, – рассеянно кивнула Энца, просматривая переданные документы. Джек по привычке примостился на подлокотник дивана и разглядывал потолок.

Кроме них и Якова в кабинете был Ворон. Яков пояснил, что маг приехал как раз из того округа, где находится поместье, с запросом. Ворон цепко уставился на Энцу и быстро переспросил:

– Звонили? Когда?

– Не очень давно, – пожала плечами Энца. Подняла глаза, вспоминая. – На той неделе? Как-то утром...

– Когда мы вернулись от того дома, где хозяйка в зеркалах и окнах отражалась, – подсказал Джек. – Еще тогда Айниэль нам чуть уши не пооткручивала за опоздание.

Энца вздохнула. Они так и не привыкли называть ее по-другому, как *полагалось*.

– Точно, – тихо сказала она. – Позвонил пожилой человек и рассказал почти то же самое, что и вы. Потом пригласил на какое-то мероприятие и пообещал официальный запрос прислать.

Ворон молча глядел на нее. Пауза неприятно затягивалась.

Джек машинально вытащил из пачки сигарету, прикусил ее и тоскливо спросил:

– Ну, что на этот раз не так?

Ворон неловко пожал плечами.

– Да собственно, ничего. Но я лично знаю владельцев этого поместья и, поверьте мне, я последний месяц безрезультатно уговаривал их обратиться в службу расследований или хотя бы нанять частного мага. Только на днях мне дали согласие вызвать помощь, и я сразу же приехал сюда. И... в Длинном Редане есть несколько слуг, но среди них нет пожилых мужчин. А единственный старик там принципиально не пользуется техникой.

Энца записала эту несуразность в память, но не сильно встревожилась. Мало ли кто мог позвонить – и стоило ли так заострять внимание на этой детали.

– Еще забавнее это звучит в свете того, – проскрипел Яков, – что Артур отключил входящие телефонные звонки, да и доступ в сеть у него шел через специальный фильтрующий узел, чтобы не допускать вторжения извне или случайной утечки информации.

Джек сузил глаза:

– А мероприятие, которое обещал старик?

– Будет, – кивнул головой Ворон. – Действительно будет. На этой неделе в имении состоится званый ужин. Хозяева придерживаются традиционных верований и скоро будут отмечать один из срединных праздников... и должен сказать... хозяева обратились за помощью не только ко мне. В имение на днях приезжает несколько магов для консультации и осмотра здания.

– Из-за пропавшей собаки? Несколько магов и служба расследований? – уточнил Джек тоном, показывающим явное недоверие к людям, которые долго думают над проблемой, а потом начинают стрелять из пушек по воробьям.

Маг отвел глаза, и теперь уже напарники цепко сверлили его взглядами, чувствуя некий подвох.

– Вы узнаете на месте. Подробнее, чем я рассказал, и... подробнее, чем это отражено в отчете. Я сам возвращаюсь туда сегодня, и если вам понадобится какая-то консультация, смело обращайтесь.

Дорога вилась между холмами, постепенно взбираясь вверх. Неподалеку от поместья лежала деревушка с тем же именем – Длинный Редан, опоясанная мутно-желтой лентой узкой реки.

Энца с любопытством глядела в окно, а Джек дремал, откинувшись на сидении. Шофер из поместья ехал молча, хотя иногда поглядывал на них в зеркальце.

Пейзаж был довольно однообразным, но приятным глазу: квадраты и полосы полей, чередующиеся с разнотравьем и перелесками, редкие хутора и деревни. Энца вглядывалась в ответвляющиеся от основной дороги узкие проселочные тракты и гадала, куда они ведут, часто ли по ним кто-то ездит. Потом дорога резко пошла вверх и нырнула в густую липовую рощу, над которой вдали показались красно-коричневые крыши.

– Длинный Редан, – неожиданно сказал шофер и вновь умолк, уже до самого конца поездки.

Остроконечные черепичные крыши поместья утопали в пыльной зелени. По мере приближения деревья расступались, редая. Когда машина проехала сквозь распахнутые высокие ворота из кованого железа, вдоль

дороги осталась только ровные ряды лип. На верхушке холма стояло поместье: серые каменные стены без лишних украшений, яркие белые рамы окон. Позади него поднимались причудливые башенки и флигеля пристроек. Энца оценила его навскидку где-то серединой позапрошлого века и пихнула Джека в бок, чтобы тоже посмотрел.

Джек, заворчав, проснулся и пренебрежительно хмыкнул.

Шофер объехал дом слева и остановился возле заросшей девичьим виноградом пристройки.

– Пройдете через гараж, – сухо сказал он. – Там внутри вас встретят.

– А... – неуверенно начала Энца.

– А вещи вам потом занесут, – ответил он.

Энца торопливо кивнула и, на ходу вытаскивая телефон, побежала снимать фасад.

– Не уходи без меня, Джек, – крикнула она. – Я только маме фотографию отправлю.

Джек, все еще спросонья, дернул плечом, сел на траву и закурил.

Шофер неодобрительно качал головой и все оборачивался, когда заводил машину в гараж.

Энца была очарована: старинные дома были ее слабостью. Она без устали бубнила, рассказывая равнодушному Джеку о том, что она знала. Примерные годы постройки, собственные предположения о том, кто мог быть архитектором, увиденные по дороге детали. Дворецкий, который их вел, высокий и сухощавый мужчина лет сорока, изредка одобрительно кивал, но не отвечал на ее вопросы. Как и шофер, он только представился, встретив их за дверьми гаража, и терпеливо молчал оставшееся время.

Они миновали огромный холл на первом этаже, темный и гулкий. Энца попеременно косилась то на дворецкого, то на роскошный пол, выложенный мраморными плитами в шахматном порядке: хотелось попрыгать, но она не решилась. А цвета были такие «вкусные»: сливочно-бежевые плиты попеременно с темно-шоколадными. Потом, увидев мощные, изгибающиеся полукругом дубовые перила двойной лестницы, она позабыла о плитках, и Джек толкнул ее в плечо, потому что девушка замерла на полуслове.

Тут не было ни пыльных чучел, ни рыцарских доспехов: единственными украшениями стен были лепные медальоны и мрачные потемневшие пейзажи. Далее дворецкий провел их солнечной галереей до другой лестницы и на втором этаже открыл принесенным с собой ключом небольшой кабинет.

– Малый зеленый зал, – тихо сказал он. – Хозяин скоро спустится. Кофе или чай?

– Кофе, – хором ответили напарники и разбрелись по кабинету, осматривая. Энца еще добавила:

– Спасибо, господин Мунце.

Дворецкий кивнул и бесшумно исчез в темном коридоре.

– Они нас боятся? – спросила Энца.

– Скорее, им приказали не распускать языки. Ты же знаешь, что есть умельцы, которые способны вытягивать из человека любую правду, стоит только ответить на самый невинный вопрос.

– Я только читала, ни разу не сталкивалась, – нахмурилась Энца. – Если они так все будут с нами разговаривать, то как мы вообще что-то узнаем?

– Ну, – помедлил Джек, – по крайней мере, из этого их поведения следует одно – им есть что скрывать.

– Не обязательно, – тут же возразила Энца. – Многие люди опасаются за свою личную жизнь, – мало ли какие тайны выползут. У меня было несколько хороших приятелей среди людей, когда я была маленькой, а потом они все... потихоньку исчезли. Я думала, что ж такое – а оказалось, все просто: они боялись, что я смогу их *читать* и узнаю всякие *секретные секреты*.

– Так то мелочь всякая, – отозвался Джек, – а тут взрослые люди. Хотя мне нравится, когда меня боятся. Пусть их.

Он помолчал, глядя в окно, пока Энца рассматривала безделушки на каминной полке: в углу стоял покрытый зелеными изразцами камин. Им не пользовались, из зева тянуло сырым холодом, да и на ширме внутри скопилось немало пыли.

– Входите, – повысив голос, сказал Джек. – Там не заперто.

Он еще хотел добавить «интересно, сколько вы уже там стоите», но невольно прикусил язык: таким усталым и безразличным был взгляд вошедшего.

– Роман Сварна, – сухо представился мужчина. – Я хозяин Длинного Редана.

Он был невысок и немолод, лет сорока. Некогда резкие, вероятно красивые черты лица обрюзгли, сквозь короткие темные волосы просвечивали две крупные залысины на висках. В левом ухе неуместным диссонансом со строгим темным костюмом и отглаженной рубашкой висела серебряная серьга.

Некоторое время он оглядывал их, словно измеряя и просчитывая

ценность. Вероятно, остался недоволен – в дорожной одежде его гости выглядели несолидно, только черепа на рубашке Джека чего стоили. Но как бы там ни было, на лице господина Сварны ничего не отразилось.

– Прошу прощения за то, что не дал отдохнуть с дороги, – равнодушно сказал он. – Но мне хотелось прежде всего предупредить о правилах поведения в доме.

– Ноги на стол не класть? – заинтересовался Джек. – В вазы окурки не кидать? Сплошное угнетение.

Роман помолчал, лишь медленно моргнул.

– Джек, – укоризненно прошептала Энца, потом извинилась.

– Может, из-за... происшествий, есть какие-то правила безопасности? – попыталась она как-то сгладить неуместную шутку напарника.

– Нет, – тяжело ответил тот. – Хотя. Вы правы. Некоторые правила безопасности мы ввели. С наступлением темноты в одиночку передвигаться по зданию и окружающей территории запрещено. Так же есть список помещений, в которые заходить нельзя. Их вам предоставит дворецкий. Но поговорить я хотел не об этом.

Он сделал шаг в сторону и сел в одно из кресел, Джек примостился на подоконнике, подвинув горшок с зачахшим кустиком вербены.

– Сегодня вечером мы будем отмечать день снопа, к нам приедет несколько близких родственников и друзей, вернется моя жена. Вы также приглашены, помимо вас на приеме будет три мага и два специалиста по паранормальным явлениям. Ваша задача – быть незаметными и следить за безопасностью.

Джек и Энца переглянулись. Как-то все это было... неожиданно.

– Мы приехали расследовать ваши проблемы, – отвернувшись от Романа, сказал Джек. – Выясним, в чем дело – и уедем. Ни приемы, ни ваша безопасность нас не интересуют.

Джек врал – Энца знала, что тот был очень даже не против халявной выпивки и закусок. Но тут он говорил верно. Браться за выполнение невозможной для них работы было глупо. Не говоря уж о том, что Яков не одобрял подработку на стороне.

– Вам придется прийти на прием, – довольно монотонно повторил Роман. – Таков обычай – все гости дома должны быть на празднике.

– Хорошо, уважим обычаи, что поделать. Но без «обеспечения безопасности», – чересчур легко согласился Джек. – Так, посмотрим по сторонам немножко.

Энца, подумав, что этот разговор исчерпан, достала из кармана

блокнот с ручкой и подвинула одно из кресел поближе к Роману.

– Что... что вы? – с некоторой опаской спросил тот, когда она ожидающе улыбнулась.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее, – сказала она. – Про все ваши происшествия. В заявке было слишком кратко, только факты: случаи полтергейста, исчезновения предметов и собачки.

– Собачки? – тупо повторил Роман. – А. Вы про Жергана. Да, он пропал. Недавно.

– Примерно когда? Кто заметил пропажу?

– Я не помню точно. Спросите у Мунце.

– Она не могла сама уйти? Ну, по своим надобностям собачьим?

– Нет. Жерган – дрессированный умный пес. Он сторожевой породы, чистокровный глен.

Глен, глен... она их только на картинках и видела. Энца представила собаку размером с небольшого теленка, покрытого длинной серой шерстью. Да уж, а она его собачкой обозвала.

– Его искали? Следы какие-то нашли?

– Нет, ничего.

– Хорошо, насчет полтергейста. Полтергейст – какого рода? Двигал вещи? Кидал? Звуки были? В каких помещениях? Во всех сразу или только определенных?

Джек двинул челюстью, чтобы скрыть невольный смешок: Энца в своем репертуаре, от ее вопросов не уйдешь.

Впрочем, ей попался крепкий орешек. Роман отвечал односложно, раздумывая над каждой репликой и зачастую отговариваясь незнанием.

– Сколько людей живет в поместье? Нам нужен план здания... желательно официальный. И мы будем везде устанавливать считывающие и анализирующие амулеты, вот тут подписаться надо, что вы не против.

Энца извлекла из своего рюкзака несколько бумаг.

Сварну спасло только появление дворецкого, который вез кофейный столик с чашками и закусками.

– Все вопросы – господину Мунце, – торопливо сказал Роман и попытался было скрыться.

– Нет, расписаться вы должны сами, – остановила его въедливая Энца. – И разрешите нам, пожалуйста, разговаривать со всеми слугами.

Тут господин Сварна явно заколебался.

– Мы не владеем техниками ментального воздействия, – мягко сказала Энца. – Вот, посмотрите.

Она сунула ему свое удостоверение, в котором действительно была

соответствующая отметка. Сразу над уровнем силы.

Роман внимательно изучил удостоверение, и лицо его даже немного обмякло. Он небрежно вернул Энце документ и посмотрел на Джека.

– Я тоже не владею, – спокойно сказал тот и показал свое. Подержал секунду и сразу убрал, чтобы Сварна не успел разглядеть пометку о запрете использования магической силы.

– Хорошо, – устало сдался Роман. – Я... впрочем, нет... Мунце! Предупредите всех, что этим господам можно отвечать на вопросы.

– Спасибо! – весело сказала Энца. – А у вас есть чердак и подвал?

Ближе к вечеру вернулся Ворон, ездивший по своим делам в деревню.

В Ореховом кабинете он нашел хозяина: тот едва поздоровался. Комната была погружена в сумрак. Солнце склонялось к горизонту, но Роман не торопился зажигать свет, сидел у большого окна и уныло смотрел вниз.

– Я надеюсь... надеюсь, что все это прекратится наконец, – устало сказал мужчина. – Уж кто-то из них разберется. Я столько людей позвал.

Ворон ободряюще кивнул:

– Я лично просил Якова прислать сюда самых лучших. Я говорил ему, что здесь сложное дело... Те, кого он посоветовал, по его словам, только такой работой и занимаются.

– Да-да, – раздраженно прервал его собеседник. – Приехали днем какие-то. Но... сомневаюсь я, что их вообще можно куда-то пускать.

Господин Сварна скорбно нахмурился. Ворон подошел ближе, взглянул в окно.

Из него открывался уютный вид на уголок сада и небольшую поляну, где располагалась детская площадка для игр: деревянные двойные качели, песочница, небольшой турник. Некогда на ней играл маленький Роман, а потом и его два отпрыска, но уже несколько лет она была заброшена и сильно заросла.

На разохшихся, нещадно скрипящих качелях сидели двое и сосредоточенно качались.

Видимо, на спор – кто сильнее. Маленькая темноволосая девушка побеждала: ее качели, деревянная плашка на цепях, взлетала почти горизонтально земле. А вот соперник постоянно задевал длинными ногами землю и тормозил.

– Они долго торчали на кухне, – пожаловался хозяин. – Ходили в подвал, потом спрашивали о чердаке. Этот белобрысый везде курит, а девчонка постоянно съезжает по перилам вниз, будто сложно лестницей

пользоваться. Брала лопату, чтобы копать в огороде... Ты бы видел, в каком виде они пришли на встречу. Они точно от Якова? Ты проверял?

– У них... свои методы, – сказал Ворон, с трудом подавляя невольные воспоминания о разбитых окнах и развороченных железных решетках флигеля. – Разумеется, они от Якова. Я лично присутствовал при инструктаже.

Девчонка сделала полный оборот вокруг планки и довольно засмеялась. Они еще немного покачались, уже спокойнее, а потом одновременно спрыгнули и полезли куда-то через ограду, деловито и спокойно, словно не первый раз. Ворон не нашелся, как это прокомментировать. Отвернулся от окна, сделав вид, что ничего не заметил.

***

Сначала они покорили сердце кухарки, словав все вчерашние остатки супа, жаркого и пудинга. Прежде кухарка ежедневно отдавала их псу, игнорируя строгий указ хозяина не кормить Жергана ничем, кроме одобренного ветеринаром корма. Кухарка рассуждала так: если «бедная псина» все время забегает на кухню и просит есть, значит, ее надо кормить. Но после того, как Жерган пропал, остатки от трапез, к ее вящему огорчению, неизменно отправлялись в помойное ведро.

Эти же двое съели все. С приличной скоростью, похвалами и благодарностью. Прасковья Ивановна, женщина сухая и строгая, растаяла, едва только увидела их сытые улыбки. Давно уже ее стряпню с таким удовольствием не ели.

Жерган не в счет, пес все-таки.

– Ишь, тощие оба, – сказала она, энергично помешивая соус. Белое варево мерно булькало и, стоило ей отвернуться, выплескивалось, стекая тонкими струйками по краю ковшика. – В городе-то вашем, поди, нормальной-то еды нет? Одни бутерброды и пиццы ваши поганые.

– Я почти научилась омлет делать, – похвасталась Энца. – И оладьи. Не всегда получается. Поэтому мы едим в кафе.

– И что ж это такое, – забормотала кухарка, споро заливая обжаренные грибы соусом. – Ну и молодежь пошла. Что это, мамка-то тебя не научила?

– Не, – грустно отозвалась Энца. – Она и сама не очень умеет и не любит, когда под рукой кто-то стоит.

– Не повезло тебе, парень, – покачала головой Прасковья Ивановна и метко зашвырнула форму с грибами в духовку.

– Да ничего, я привык, – благодушно отмахнулся Джек.

– У вас хорошо, – заметила Энца. – Все так аккуратно. Этот полтергейст тут не бывал ни разу, да?

– Какое там, – расстроено сказала Прасковья Ивановна. Она присела к столу и подперла голову рукой. – У нас все и началось. Той осенью, каждый день грохотало и грохотало. Потом прекратилось, перешло на основное здание, в мае снова две ночи подряд кверху дном было перевернуто. Пярве ругался сначала, думал, это я посуду наколотила, а потом у нас у обоих опять все началось, прямо на глазах. Ух, я ему высказала, все что думаю. Ишь, на меня...

– Пярве? – переспросила Энца, мысленно перебирая список слуг.

Кухарка вдруг сникла и вздохнула.

– Пусть земля ему будет пухом, – сказала она. – Или как там полагается говорить. Дворецкий это наш прежний, в начале июня помер. Господин Алекс очень уж убивался по нему. Какой год выдался... тяжелый. И мне рук не хватает, моя помощница тем месяцем пропала. А праздники один за другим, один за другим. Я уж едва убедила этого индюка Мунце, что часть угощений заказывать надо, сами не потянем в срок сделать.

– Пропала? – удивилась Энца.

– Ну да. Уехала, не предупредив, не объяснив ничего. Прислала телеграмму – мол, дома я, больше не вернусь. Расчет попросила. А вроде такая была, приличная, ответственная... Тьфу. Разве ж так дела-то делаются? Не по-людски.

Углубившись в темные мысли, Прасковья Ивановна повздыхала, а потом поднялась и вернулась к своим делам. Джек и Энца поблагодарили ее еще раз и вышли.

За дверь Энца тут же схватилась за ручку с блокнотом и быстро записала все, что услышала.

– Пярве, – сказала Энца. – Непривычное имя, да еще без фамилии. Надо проверить, вдруг из наших. И девушку эту. Почему сбежала?

– А удачно получилось, – не слушая, сказал Джек. – Зашли пожрать, и еще информацией разжились.

Следующей их «жертвой» оказался Алекс Сварна – отец хозяина поместья. Впрочем, он был легкой добычей: старик, по сию пору не утративший жизнерадостного нрава и чувства юмора, обожал молодежь и был по-детски заворожен магией, как и многие другие обыватели, близко с ней не знакомые.

Спускаясь со второго этажа, где они устанавливали артефакты (не забыв покрутиться в запрещенной зоне бального зала, где вовсю шла

подготовка к приему), Энца съехала по перилам. Лихо спрыгнула вниз и приземлилась прямо у ног старика, сидевшего на кресле-каталке. Его скрывала густая тень лестницы, и Энца не заметила его сверху. Сильно смутилась, и поток извинений прервал только степенно шедший следом Джек.

Старик весело рассмеялся, а потом, познакомившись с ними, вызвался быть экскурсоводом.

– Мунце – хороший парень, – сказал он, – но мало что тут знает, работает всего ничего.

«Всего ничего» – это лет пять, как уже знала Энца, но видимо в глазах восьмидесятидевятилетнего Алекса Сварны, они казались пустяком.

Экскурсия старшего Сварны оказалась и в самом деле куда интереснее сухих пояснений дворецкого: тут кухня, там кладовая для припасов, здесь закрыто, ходить нельзя, тут хозяйские спальни и тому подобное. На вопросы Мунце хоть и отвечал, но точно так же как хозяин: скуп и односложно.

Алекс – так он просил его называть, – журчал как горный ручей, даже вопросы задавать не нужно было. Через полчаса у Джека сводило скулы от сдерживаемой зевоты, но он терпел, потому что старик бестрепетно провел их во все закрытые для осмотра помещения. У него была своя связка ключей и отсутствовало всякое уважение к своему сыну и его распоряжениям. «Мой младшенький, – говорил он, – ни черта не смыслит в жизни. Только в циферках своих разбирается и технике этой проклятущей».

Напарники много чего узнали о богатой истории окрестностей, Северной войне, благодаря которой переименовали владения и дереушку, но очень мало о семье и нынешних событиях. Разве что старик с ностальгией вспоминал молодость да беднягу Пярве, который служил дворецким у них. Как Энца и думала, он был магом, но, по словам Алекса, очень слабым, так что и дворецким устраивался по рекомендациям отца. На государственную службу Пярве не звали. Разговор о старом дворцеком прервался очень быстро: они как раз вошли в картинную галерею, и напарники были вынуждены выслушать историю каждого портрета.

Около трех пополудни Алекс распрощался с ними. Они успели обойти почти весь дом, кроме крыла, где жили слуги, и хозяйственных пристроек.

Некоторые комнаты хранили отзвуки магии, но настолько слабой, что ею можно было бы и пренебречь, списав на естественные процессы, происходящие в старинных домах.

Гвозди и булавки в косяке одной из комнат, несколько фонивших кукол и книг в кабинете хозяина, – вот, собственно и весь улов. По дороге в сад

Энца позвонила Донно, попросила его разузнать про Пярве подробнее.

В Шелковой гостиной, куда проводил их дворецкий, выловив в саду и отобрав лопату, собрались приехавшие маги и хозяин.

Если на Джеке и драные джинсы, и измазанная землей футболка выглядели так, будто их в этом виде задумал модный дизайнер, то Энца в велосипедных штанах и кофте с карманом на животе смотрелась именно так, как это было на самом деле: замарашка без всякого уважения ко вкусу и обстоятельствам работы.

Обстоятельства же были такие: небольшая уютная гостиная старинного поместья, изысканная темная мебель в стиле модерн. У окна две девушки, в элегантных брючных костюмах, одна чуть повыше – эффектная брюнетка с короткой стрижкой и большими, полуприкрытыми тяжелыми веками глазами, вторая – более хрупкая рыжая. Роман Сварна сидел в кресле у низкого столика, монотонно постукивая пустой трубкой о подлокотник. На диване напротив расположились двое мужчин.

Стояла напряженная тишина. Видимо, ждали их уже некоторое время.

Джек царственно кивнул присутствующим, небрежно пожал руки мужчинам. Энца смело улыбнулась и присела в свободное кресло. Джек облокотился о его спинку.

Роман некоторое время молчал. Кажется, это была одна из его привычек: долго собираться перед тем, как сказать что-то.

– Знакомьтесь: Джек и Энца, отдел архивных исследований Института парасвязей. Госпожа Камелия и госпожа Кло – маги из частного агентства. А господу – из экспертного бюро местного отделения Института.

Видимо, он не помнил, как зовут этих двоих, так что старшему из них пришлось представляться самому.

– Меня зовут Юлиус Бреген, а это мой коллега – Громовник.

Скорее всего, маг, решила Энца. Ну, кого еще могут так звать.

Юлиус выглядел самым обычным чиновником средних лет, коренастый и невысокий, с круглым, оплывшим уже лицом и залысинами. Громовник был моложе, лет двадцати пяти, высокий, с некрасивым, но располагающим лицом. Светлые волосы были очень коротко, по-военному острижены. Девушек у окна Энца разглядывала украдкой, сильно жалея, что дворецкий поторапливал их с Джеком и не дал ей зайти переодеться. Она выпрямила спину, сложив руки на коленях и будто случайно прикрыв самое большое пятно.

Роман опять молчал.

– Надеюсь, что вместе – или по отдельности, – наконец сказал он, – вы сможете со всем разобраться. Моей жене пришлось уехать к

родственникам, с младшим сыном. Старшему я велел не приезжать на каникулы, он сейчас в общежитии колледжа. Трое слуг попросили расчет. Даже собака ушла.

– Трагично, – оценил Джек. – А конкретнее?

Роман сбился и сурово посмотрел на него.

– Конкретнее – что? – с неприязнью переспросил он. – Я уже все рассказал утром: были случаи полтергейста, пропажи вещей. Вот это и расследуйте.

– Увозить детей из-за примитивного полтергейста? Вы могли заказать очистку дома и установку охранных чар в любой клининговой фирме, – грудным певучим голосом протянула брюнетка.

Из-под тяжелых век сверкнула на Романа острым взглядом.

– Мы заказывали, – неохотно признался он. – Не срабатывало.

Энца помялась, потом все же вытащила блокнот и ручку.

– В какую фирму обращались и когда? – спросила она. Рыжая Кло отчетливо фыркнула, прикрыв рот рукой. Энца недоуменно покосилась на нее.

– Я не в курсе. Спросите у Мунце, он... он должен знать. Моя жена этим занималась, а он помогал.

– А помимо полтергейста? Что еще вас напугало?

Роман опять замолчал. Энца начала раздражаться, забывая о недавних волнениях по поводу своего внешнего вида. Ну что там в голове у этого человека? Какие мысли там ворочаются? Так и хочется подойти и толкнуть его в бок: ну же, давай, скажи.

– В окнах, – начал было Роман. Потом вздохнул. – В окнах каждую ночь чье-то лицо. Порой оно в одно окно всю ночь смотрит, порой в разные. На всех этажах. Ночью выходить из комнаты страшно: слышно, как кто-то идет следом. В одиночку ходить невозможно, и это, собственно, было основной причиной увольнения. Горничная жены утверждала, что кто-то хватал ее за руку, а иногда звал по имени, заманивая... Истеричка, – с неожиданной злобой вдруг сказал он. – Кто-то крадет детские вещи, и сын жаловался, что несколько раз видел черную фигуру ночью. Эта фигура неподвижно стоит в одном углу его спальни, и мальчик... мальчик очень тяжело это перенес.

Энца торопливо строчила в блокноте, попутно просматривая свои записи, в которых она фиксировала показания артефактов. Спрашивать имена и контакты уволившихся она не стала – уже понятно было, что господин Сварна снова скажет «спросите у Мунце». Но вообще, даже с этими новыми фактами – кстати, кухарка ничего о них не говорила, – не так

уж все было и ужасно. Подумаешь, чары не сработали – у клининговой фирмы, что занималась очисткой, надо еще лицензию проверить. Даже маги из институтского отдела по зачистке не всегда работают на совесть, что уж о частниках говорить.

– Как умер господин Пярве? – следуя своим мыслям, но для окружающих невпопад спросила Энца.

– Какой еще Пярве? – недоуменно переспросила Кло.

Роман опять запнулся.

– Сердце. У него был инфаркт, – ответил он, а потом с нажимом спросил: – Еще вопросы есть? Если нет, то я более вас не буду задерживать...

Энца подалась вперед:

– Чей был пес?

Сварна некоторое время смотрел на нее почти что с ненавистью, потом, сузив глаза, спросил:

– Что вам далась эта псина? Он жил здесь, принадлежал моей семье.

Энца покачала головой:

– Не так. Это кошка может жить в доме и быть общей или самой по себе. У собаки всегда есть хозяин. Кто он?

Отворачиваясь от нее, Роман обвел присутствующих раздраженным взглядом и сказал:

– Если ни у кого нет вопросов *по делу*, то прошу прощения, мне нужно идти. В девять вечера начнется прием, я хочу, чтобы вы до того времени закончили все изыскания по дому и были готовы. Я имею в виду, *прилично выглядели*.

Роман порывисто встал и удалился, а в комнату зашел Мунце, вкатывая столик с чаем и закусками.

– Джек, – начиная нервничать, сказала Энца. – Я к себе лучше пойду, ладно?

– А что так, милочка? – промурлыкала Кло. – Оставайтесь, поговорим. Ну, как коллеги. Вы, наверно, только-только отучились? Вам будет полезно.

– Оставайся, – сказал Джек. – Дамы вон какие опытные, может, правда чему научишься.

Он подхватил со столика пирожное, пересел на подлокотник кресла и насмешливо посмотрел на Кло. Девушка только прищурилась, но в перепалку вступать не стала.

– Судя по всему, – все так же певуче протянула ее компаньонка, – вам удалось кое-что узнать сверх того, что говорит хозяин.

– Ну да, – кивнул Джек. – Хотите, поделимся? А в обмен – ваш

рассказ. Вы ведь наверняка сканировали здание?

Камелия пожалала плечами.

– Это наши дела. Я не привыкла выдавать сырые результаты.

Джек покивал.

– Вполне понимаю. Вот и мы так же.

– Мы тоже осматривали здание, – заговорил Громовник. – Никакого воздействия извне, ровный фон по всем этажам.

– А как вы смотрели? Делали общее сканирование? – спросила Энца. Когда они с Джеком обходили комнаты, фон назвать ровным было сложно. С другой стороны, если накрывать все анализирующей сетью, то усредненное значение, которое она выдает, вполне может быть одинаковым по всему зданию.

– Да, – ответил Громовник, внимательно разглядывая ее блеклыми глазами. – Полагаете, что погрешность велика? Сами-то что-то другое получили?

– И кто такой Пярве? – встряла Кло.

Джек подтолкнул Энцу в бок, чтобы та отвечала, потому что сам был занят тарелкой с канапе. Вторую тарелку подтянул к себе Юлиус.

– Погрешность невелика, если возмущения фона естественного происхождения, – сказала Энца. – Но в данном случае... по всем признакам, воздействие все же было. Мы измеряли фон в каждой комнате, искали следы парабиологических существ. К сожалению, господин Сварна не говорил ничего о лице за окном, а рамы снаружи мы не проверяли. Может, там что-нибудь интересное. А... Пярве – это старый дворецкий, он умер, – Энца пролистнула блокнот, – в начале июня. Больше месяца назад.

Она задумалась, но ее мысли перебила Камелия:

– Вероятнейший претендент на роль ревенанта, – уверенно сказала она. – Возвращается в виде призрака, не успев что-то завершить.

– А в окна зачем глазеет? И в детской к чему стоит? – спросил Громовник.

– Мы не знаем, совпадает ли по времени смерть этого человека и первое появление лица, – сказала Энца. – К тому же полтергейст к нему не относится: он проявлялся еще при жизни Пярве.

– Который час? – спросила Камелия, перебивая Энцу. – Уже четыре? Времени в обрез, но думаю, мы успеем осмотреть окна. Глупейшая зацепка, но если ничего больше нет... Кло, идем. Приятно было познакомиться, господа.

Равнодушно кивнув, Камелия быстро вышла из гостиной, ни на кого

не глядя. Кло поторопилась следом.

– Вообще-то, зацепок гораздо больше, – пробормотала Энца. – Тот же Пярве, пропавшая девушка, собака...

– А я про вас знаю, – вдруг сказал Громовник. – Это вы же отличились на отборочном туре? Я видео в сети смотрел, круто. А до этого была какая-то история с вашим отделом, народ говорил.

Энца неловко кивнула:

– Там тоже люди пропадали, и никто не хватился, хорошо заметали следы.

– Вы, молодежь, – сказал Юлиус, – вечно преувеличиваете. Тут все проще простого, дети в доме, а место историческое – само по себе предполагает проявления нестабильности. Вот вам и полтергейст. Надо бы узнать, какой магический уровень у деток, весенние школьные проверки должны дать свежие результаты. О шагах в коридоре и лицах за окном тоже все ясно – старик помер и бродит по округе... с собакой много чего могло случиться: забрела куда не надо, дикие псы задрали, а то и люди словили. Всякое бывает. Не стоит кучу случайностей притягивать за уши.

– Ну да, наверно, – уныло сказала Энца. – А вы сможете поднять результаты школьных проверок?

– Я? Да помилуйте. Разве это не вы из отдела архивных исследований? Запрос ведь к вам в архив и попадет, зачем же идти таким круглым путем. Вы уж сами.

– Ты есть будешь? – спросил Джек. – Если нет, то пошли уже. Что там у тебя по плану? А то я бы вздремнул перед этой их вечерней фигней с приемом.

«Вот интересно, – думала Энца, – Джек точно так же обрывает других, не слушая, игнорирует чужие слова, но эти его замашки отчего-то не задевают так болезненно».

– На очереди подвал, – ответила Энца. – На чердак уже сегодня не успеем.

– Может, наоборот?

Джек совсем не хотел лезть в сырость и плесень.

– Нет, начинать надо снизу. Мы и так пропустили его, по комнатам прошлись.

В подвал можно было попасть через кладовую на кухне и через отдельный вход в бойлерную. Там было сухо, чисто и скучно: старые кирпичные стены чередовались с современными бетонными перегородками, скупо освещенные развешанными под потолком тусклыми

лампочками. По словам Мунце, который проводил их немного до первого поворота, лет десять назад подвал капитально отремонтировали, поставили дополнительные сваи, провели электричество.

Зачем тут целый лабиринт из коридоров Мунце затруднился объяснить, сказал только что не везде телефоны ловят сигнал и посоветовал не теряться.

– Если что, мы вам снизу постучим, – пообещал Джек.

Мунце отчего-то передернулся и оставил их одних, сославшись на дела.

Пока они шли по подвалу, устанавливая следящие артефакты и анализаторы, у Энцы пискнул телефон: пришло сообщение. Быстро проглядев его, Энца расстроилась и спрятала телефон.

– Донно ругается? – спросил Джек.

Энца неопределенно пожала плечами:

– Ну... вроде того.

Джек хотел было развить тему, но в это время ровно загорелись кристаллы на амулете обнаружения парабиологических существ. Тихо звякнул колокольчик анализатора магических эманаций.

– Полтергейст? – азартным шепотом спросила Энца, тут же позабыв свое огорчение.

Замигали лампы под потолком, теряя свет. В наступившем полумраке подвальные помещения стали еще более неудобными. Джек зажег фонарь, а Энца достала рамку для поиска и пошла по кругу от того места, где первый раз звякнул анализатор.

– Нашла! – воскликнула она. – Тут, скорее всего, что-то под землей.

Оглядевшись, она отыскала обломок камня и увлеченно взялась раскапывать в одном из углов. Джек подошел поближе, чтобы посветить.

– Активность амулета возрастает, – предупредил он и закашлялся: сухая пыль вдруг взвилась столбом, забивая нос и рот.

– Значит, мы рядом, – отозвалась Энца. – Прикрой меня.

Джек выругался, когда в пыль добавились мелкие осколки камней и кирпича, но склонился так, чтобы закрывать Энцу. Девушка торопливо раскапывала, а бронзовый диск с кристаллами заполошно мигал рядом с ней, показывая запредельную активность полтергейста. Будто они сами не могли ее разглядеть. Мелкие камешки безжалостно секли кожу, так что Джек мог представить, как перекосятся лица Романа, когда они такие красивые и расцарапанные придут на прием.

– Ага, есть! – воскликнула Энца и быстро схватила что-то, накидывая сверху платок, выхваченный из кармана. На кайме платка были нанесены

символы запечатывания – для остановки слабых заклятий.

Неохотно, словно еще раздумывая, маленький смерч угомонился. Лампа под потолком помигала, но не зажглась.

Джек брезгливо скривил рот, разглядывая то, что протягивала ему Энца.

– Чье-то дерьмо? – недоуменно спросил он.

– Да нет же, – нетерпеливо сказала Энца. – Ты поближе посмотри.

– Не хочу, – поспешно ответил он. – И ты брось гадость, зачем ты ее в руки взяла? Ты лучше туда еще раз поднеси амулет, может, это не оно.

– Оно, оно. Джек, это куколка из репьев, и на ней скорее всего навешено заклинание.

Он досадливо поморщился:

– И что?

– Джек, это на первом курсе проходят, ты чего. Простейшая обрядовая магия. От этой штуки в доме полтергейст заводится, если все правильно сделать.

– О-о, – Джек скользнул фонариком по углу, внимательно приглядываясь. Следов, разумеется тут никаких не было. – Интересно, кто такой тут выдумщик нашелся. Насколько оно старое?

– Да не так чтобы очень. Земля тут влажная, а колючки сухие – или совсем недавно закопали, или же на них сохраняющее плетение. Хм-м... это, конечно, проверить надо, но по-моему у этого обряда есть свой срок действия. Надо сопоставить это со сроками первого появления полтергейста.

Когда они поднимались в свои комнаты, усталые и грязные, их перехватил Мунце и заставил идти обходными путями, чтобы не пугать гостей. Особняк уже был готов к приему: горели все окна на фасаде, включили внешнюю подсветку, перед главным входом стояла вереница автомобилей. В холле было шумно.

Хорошо, что перед отъездом Ворон предупредил их, что будет некое празднование, и поэтому Энца прихватила свое любимое платье. Девушка думала, что это будет сельский праздник с какими-нибудь традиционными увеселениями вроде большого костра и общего стола, но судя по всему ожидался официальный прием, с разнаряженными дамами и скучающими джентльменами в смокингах. Это Энцу сильно обеспокоило, а Джеку было все равно. Какая разница, в какой обстановке поставили стол с угощением? Праздник же? Вот и надо праздновать.

Энца надеялась, что удастся полчаса походить на виду у хозяина, а

потом сбежать. С собой она взяла пару книжек, и если повезет стащить несколько пирожных и почитать перед сном, то можно будет считать, что праздник удался.

Вот только все пошло наперекосяк уже с самого начала.

Энца еще сушила волосы после душа, закутанная в банный халат, когда в комнату, постучавшись – явно для проформы, – и не дожидаясь ответа, вошли Камелия и Кло. На Камелии был струящийся переливчатыми складками брючный костюм. Глубокий зеленый цвет необыкновенно ей шел, придавая интересный оттенок серым глазам. Кло была одета проще, но не менее роскошно, в небольшое ассиметричное голубое платье.

Судя по тому, как рябило в глазах от восхищения, помимо макияжа рыжая прелестница подбавила себе сплетенного очарования. Энца покосилась на себя в зеркало и решила не делать прическу. Все равно мимо этих прекрасных дам ничьи взгляды скользнуть не будут, можно не напрягаться. И то хорошо.

– Ну-ка и что тут у нас? – скучающе спросила Кло. Подцепила платье, разложенное поверх покрывала, критически хмыкнула, но ничего не сказала.

Камелия в это время медленно обходила комнату, осматриваясь. Может быть, она сканировала, но Энца не могла сказать точно. Такую тонкую магию она чувствовать не могла, сколько ни напрягалась.

– Простите, – сказала Энца. – Вы что-то хотели? Я просто уже переодеваться собиралась.

– Да и переодевайся, – равнодушно сказала Кло. – Кого тут стесняться? Мы поболтать зашли.

Энца взяла платье в руки, потом положила обратно, нервно разгладила складки.

– О чем?

– Этот твой красавчик... у тебя с ним серьезно?

Глядя на растерянное лицо Энцы, Кло расхохоталась.

– Да ладно! – воскликнула она. – Небось тайком облизываешься на него? А то я не вижу, что ничего-то у вас нету. Да и не будет, – спокойно сказала она. – Не твоего поля ягода.

Энца устало вздохнула. Она не понимала, что нужно рыжей магичке. Посмеяться? Спросить, как подобраться к Джеку?..

– Вообще-то, – сказала Энца. – у него есть девушка. И я тоже встречаюсь... с молодым человеком.

А вот это было враньем – хоть Донно и ухаживал за ней, Энца вполне себе отдавала отчет, что до полноценных отношений им еще далеко. Но

Донно был бы не против, если бы она так сказала, а значит, ничего плохого в этой белой лжи нет.

На всякий случай она еще пальцы за спиной скрестила.

Камелия вдруг подошла совсем близко и взглянула в глаза.

– Никак не могу прочитать тебя. Какой у тебя уровень?

С трудом сдержавшись, чтобы не отпрянуть назад, Энца нахмурилась и нехотя ответила:

– Меньше единицы... если по шкале Бурно.

Кло захихикала:

– Да ла-адно? Никогда о таком не слышала, это ж надо. Вот смех! Можно я тебя сфоткаю? Нашим покажу на работе.

Энца покачала головой.

– Нет. Не надо.

– Ты чего, не ломайся, подумаешь – фотка. Слушай, ну чего ты стоишь? Опоздаешь ведь. Переодевайся. Вот в платье я тебя и сниму, оно тоже смешное.

Энца отвернулась к ним спиной, чтобы снять халат. Потом передумала и решила сначала надеть чулки, а потом быстро натянуть бюстгальтер и платье. Отчего-то она боялась, что ради смеха Кло может ее и полуголую сфотографировать, но и прятаться в ванной не стала, чтобы не показывать трусость.

Однако ни до чего такого дело не дошло. Она едва успела скинуть халат, как услышала вскрик позади себя. Потянуло холодом, будто открыли окно. Энца нервно прижала к себе платье и развернулась.

У окна, покачивая головой словно болванчик, стоял темный пес. Крупный, лохматый. Глаза черными провалами.

Застывшие между Энцей и псом девушки не двигались, но Энца заметила, что пальцы Камелии шевельнулись, формируя какое-то плетение. Защитное или боевое?.. не разобрать.

– Как?.. – дрогнувшим голосом сказала Кло, но Камелия на нее шикнула сквозь зубы.

– Жерган? – неуверенно позвала Энца.

Тварь медленно отворила пасть, неестественно глубокую и длинную. Многозубая дыра расколола пополам всю морду, шею, грудь. Очертания собачьего тела поплыли, истончаясь до костяного остова. Чернота шерстяными клочьями посыпалась вниз.

Магичка наконец доплела чары и резко взмахнула рукой, накидывая заклятье. Одновременно с этим тварь беззвучно прыгнула вперед, целя ей в лицо. Заклятье, видимо, не сработало, никак не повлияв на пса.

Кло закричала так, что задребезжали оконные стекла, но Энца, оттолкнув девушку в сторону, бросилась наперерез твари, одновременно швыряя ей в морду свое платье. Камелия отпрыгнула назад, но налетела на стул и с грохотом повалилась на пол.

Платье волной опускалось на морду твари, сбив ее с толку на миг, и Энца ужом поднырнув под ткань, полоснула по шее существа лезвием. Не встретив никакого сопротивления, на излете еще и платье задела, а пес метнулся прямо к ней.

Судорожным холодом пронзило все тело, когда она по инерции проскользнула вперед, падая на колени.

Пес вдруг оказался за правым плечом, абсолютно невредимый. Энца прыгнула в сторону, отмахиваясь от него воздушным лезвием.

Кло завизжала снова, когда пес очутился близко к ней, потом резко замолчала.

Энца вскочила, торопливо огляделась. Пусто. Бесформенным комом лежит ее платье, Камелия встает на ноги, а рыжая смотрит на них, прижав кулаки ко рту.

За окном – мгновение чернеет провал, сгусток тьмы в форме собачьей морды.

Энца зло махнула рукой, рассеивая лезвие, и подобрала платье. Призрак... нематериальная сущность.

А платье разрублено. Вот ведь дура, сама же постаралась.

– Ты как? – спросила Камелия, пытаясь поправить прическу: короткие пряди пришли в полный беспорядок.

– Нормально, – мрачно отозвалась Энца, уже чувствуя подступающие слезы. Чертов призрак, чертовы магички. Что теперь делать с платьем?

– Ты, Кло, идиотка, – неожиданно грубо сказала Камелия, – ну на хрена ты заорала? Ты же...

Договорить она не успела: в коридоре послышался топот ног и в комнату, широко распахнув двери, ввалились мужчины.

– О боже, вы что, подрались? – с нескрываемым любопытством спросил Юлиус.

Громовник, сузив глаза, изучал и помятую после падения Камелию, и – более внимательно – все еще полуголую Энцу в чулках и нижнем белье, которая была отрезана от кровати и халата, и все, что могла – это прикрывать остатками платья грудь. На ее щеках горели неровные красные пятна.

– Что случилось? – спросил Громовник, но тут его подвинул подошедший Джек, а следом за ним скользнул Мунце.

Джек быстро обвел комнату глазами:
– Кого ты тут рубила? – спросил он, стягивая с себя пиджак.
Смокинга у него не было, и хорошо. Пиджак укрыл ее почти до колен и Энца, криво, но благодарно улыбаясь, сказала:
– Собаку.

История четырнадцатая. Суть страхов

Мгновение все молчали.
– Какую собаку? – почти вскрикнул Мунце. – Что вы с ней сделали?
– Вашу, – сказала Энца, – которую убил кто-то.
– Почему?.. – Мунце откашлялся. – Почему вы говорите, что ее убили?
– Потому что животные просто так не *возвращаются*, – холодно ответила Камелия и прошла мимо него. По коридору к комнате уже спешили Ворон и господин Сварна.
– Идем, – через плечо бросила Камелия Энце. – Я одолжу тебе тряпок. Не дожидаясь ответа, она величественно выплыла из комнаты.
Энца замешкалась, но Джек подтолкнул ее в плечо.
– Иди, – сказал он. – Только не порви по дороге мой пиджак, а то больше нечем прикрыться будет.
Энца укоризненно поглядела на Джека и поспешила вслед за Камелией. Кло попыталась было пройти за ними, но Громовник придержал ее за локоть.
– Вы нам расскажите все же, что тут случилось, – мягко сказал Юлиус.

Камелия провела Энцу в свою комнату, которая, как оказалась, была на том же этаже, за поворотом коридора. Магичка предложила Энце присесть.
– Подожди тут, – сказала она. – Я сейчас схожу к Кло... сама понимаешь, мой размер тебе не пойдет.
Энца села, нервно одергивая пиджак на коленях. Зачем Камелия увела ее из комнаты? Что-то спросить хотела? Или... что-то задумала?
Хватит уже, строго сказала она самой себе. Не пуп земли. Она тебя сегодня первый раз увидела, к чему ей против тебя что-то замышлять?
Камелия вернулась и дала ей небольшой черный сверток, масляной мягкостью шелка скользнувший по рукам.
– Думаю, пойдет, – сказала она. – Кло ненамного выше тебя. Только уж бюстгальтер туда не подденешь, открытая спина.
– А так можно? – спросила Энца. – Без разрешения. Она ведь

рассердится.

– Да пофиг, – качнула плечами Камелия. – Не будет на работе визжать как дура. Мы бы в такую ситуацию не попали. Успели бы и место осмотреть и подумать, что к чему.

– Так надо вернуться, – нахмурилась Энца. – еще не поздно.

– Куда там, – махнула рукой магичка. – Столько народу понабежало, даже я не смогу разобраться... сразу несколько магов искажают следы и общую картину.

– Понятно, – сказала Энца.

– Ты иди, переоденься. Если стесняешься, вон в ванную дверь. Я пока волосы уложу.

Энца кивнула и ушла. Пока она разбиралась в довольно сложном крое небольшой тряпочки, пытаюсь понять, с какой стороны в нее залезать, услышала, что в комнату ворвалась Кло и с порога завопила:

– Вы почему меня там одну оставили? О чем вы тут говорили?.. Эй! Что ты делаешь, кто так укладывается?..

– Прекрати орать, – спокойно отозвалась Камелия. – Уж конечно ты не сообразила, что в комнате полной мужиков стоять в неглиже очень весело... Не дергай меня за волосы. Возьми расческу, и сделай, как нужно.

Энца присела на край широкой ванны в весьма мрачном настроении. Абсурдность и непривычность ситуации здорово напрягали. Ну что она тут делает? Каким образом она оказалась именно тут, в такой компании? Уж наверно рыжая магичка будет недовольна, когда увидит на Энце свое платье. Надо было не соглашаться и сразу поговорить с Романом, чтобы пропустить праздник.

Да что там, поздно уже. Выходить из ванной в пиджаке и объявлять, что передумала, будет слишком глупо и по-детски. Возьми себя в руки, Энца, иначе Джек будет весь вечер ржать.

– Как ты это надела? Ты что, не знаешь, как нормальную одежду носят? – воскликнула Кло, едва увидев ее.

Бросив плойку, которой она заново укладывала волнами густые волосы Камелии, рыжая магичка метнулась к Энце и стала поправлять бретели платья, которые связками вареной лапши болтались по обе стороны декольте. Оказалось, что они должны были перекрещиваться спереди и тогда укладывались ровно. Чертыхаясь и сопя, девушки кое-как выправили дело, и Кло кивнула, довольная результатом.

– Ну и плоская же ты. Ладно, давай я тебя все-таки сфоткаю. Этот Громовник, сказал, что ты какая-то там известность. Народу буду хвастаться. Блин, а чего ты ненакрашенная? Ты краситься собираешься? А

серьги надеть?

– У меня есть, – Энца приподняла короткие волосы, показывая небольшие кольца в ушах, три с одной стороны и четыре с другой. – А краситься не буду, морока лишняя. Я все равно хочу пораньше уйти.

– Фигня, – прокомментировала Кло. – К этому платью нужны большие серьги. И давай с волосами разберись.

Она отобрала у Камелии плойку и сунула Энце, а сама подошла к туалетному столику, на которой стояла большая сумка и стала там копаться, выкидывая тюбики помады, браслеты, флакончики и прочие мелочи.

Энца улыбнулась и вернула Камелии нагретый прибор за спиной Кло. Расчески будет достаточно, решила она. Кло тем временем чертыхнулась и стала что-то искать в ридикюльчике, который был цепочкой пристегнут к ее браслету.

– Оп! – воскликнула она, ослепляя их вспышкой. – Ничё так получилось. Только вы обе какие-то непонятные лица скроили. Ну-ка, еще раз!.. Оп! Ладно, сойдет.

– Угомонись уже, – остановила ее Камелия. – Думаю, мы уже достаточно готовы, и времени еще немного осталось. Можно и поговорить. Энца, не уходи сейчас. Забыла правило? После наступления темноты в одиночку не ходить.

Энца нахмурилась.

– Это ведь потому что им всем шаги слышались? Я бы наоборот послушала, что к чему.

– Это так Роман сказал, про шаги, – уточнила Камелия. – А как оно на самом деле, мы не знаем. Вернемся к нашему делу. Говори, что чувствовала, Кло.

– Да ничего, – пожалала плечами девушка. – Как будто не было этого пса в комнате. Ни на каком плане восприятия.

– Похолодало, – сказала Энца. – Когда он появился, температура явно снизилась, будто окно открыли. И когда я сквозь него пролетела, воздух ледяным был.

– Ну, ты-то конечно заметила, – смешливо отозвалась Кло. – Я, в отличие от тебя, была одета прилично.

– Это неважно, – оборвала ее Камелия. – Что еще?

– Нет, больше ничего. Я же говорю – по моим ощущениям его там не было.

– После того, как он из комнаты пропал, я пару секунд видела его тень за окном, – сказала Энца.

– Ясно, – ответила Камелия. – А ты молодец, хорошая реакция. Плести

чары совсем не можешь?

– Нет, – покачала головой девушка. – Ну, то есть могу, но плетения искажаются из-за слабой подпитки.

– Н-да, – сказала Камелия. – Сочувствую.

– О! – вдруг вскинулась Кло. – Чуть не забыла, этот медляк нам сказал всем язык за зубами держать, и гостей страшными историями не пугать. Он хотел нас заставить патрулировать, представляете? Все танцуют, а мы по периметру ходим! Бред вообще.

– «Медляк»? – переспросила Энца. – Ты про Сварну?

– Ну, – кивнула Кло. – Хорошо еще ребята вступились, отговорили его. Ух, как представлю: все празднуют-танцуют, а мы как дуры шаримся в коридорах!

Энца не сказала бы, что ей стало легко в этой стихийно сложившейся компании, но по крайней мере она перестала опасаться неожиданного подвоха.

Правда, рыжая магичка продолжала ставить Энцу в тупик своей экспрессивностью и категоричностью суждений.

Девушки спустились вместе в холл. У лестницы их ждали Джек и мрачный Мунце.

– О, – сказал Джек и одобрительно прищурился. – Вот это я понимаю. Бедняга Донно, не повезло ему.

– Это почему? – уязвленно спросила Энца.

– Потому что ты с ним на свидания ходишь как девочка-школьница, а тут наконец как человек оделась, – а его нет. погоди, я тебя сфотографирую и пошлю ему, пусть локти кусает.

– Ты что? – всерьез испугалась Энца. – Он же...

Она запнулась. В самом деле, что он сделает? Расстроится, обидится, будет ревновать?

– В общем, только попробуй, – сказала она. – Тогда я Эли отошлю твою фотку. Попрошу Кло встать рядом, и потом придумывай себе оправдания.

Джек сузил глаза.

– Ну ты интриганка, – восхитился он. – Не ожидал. Ладно, с чего начнем?

– Ты уже был на этом банкете? Там рыба есть? – спросила Энца. – Хочу красную. И шампанского.

– Еще и извращенка, – перекосялся Джек. – Кто же рыбу запивает шампанским?

Более воспитанный Мунце подтвердил, что все это имеется, и не упустил случая напомнить о том, что они должны помалкивать о призраке и следить за безопасностью. Кло презрительно расфыркалась, но Камелия одернула ее, пресекая дальнейшую дискуссию.

Бальный зал был полон людей, на небольшом подмосте, под аркой из цветочных гирлянд негромко играли музыканты. Стены были украшены снопами, венками и живописными связками трав. Камелия сказала, что они по просьбе хозяина в эти связки спрятали обереги, чтобы на вечере не произошло никаких неприятных инцидентов.

Дворецкий подвел их к господину Сварне, рядом с которым стояла сухощавая, но изящная светловолосая дама – его жена, Мина Сварна. Она подала ухоженную холодную руку для пожатия, равнодушно оглядела их и с отстраненной вежливостью сказала, что ей приятно новое знакомство.

– Вот ледышка, – захихикала Кло, когда они отошли от пары достаточно далеко. – Их как будто на одной фабрике делали, замороженные и медленные. А уж как она его ненавидит, даже смешно.

– Ненавидит? – удивилась Энца. – Я не заметила... или ты эмпат?

– Да ну, какой эмпат. И так все видно. Друг на друга и не смотрят. Разговаривают, будто едва знакомы.

Они развернулись понаблюдать за супругами, а Камелия спокойно заметила:

– Суждениям Кло относительно людей вполне можно доверять. Несмотря на ни на что, в этом она всегда попадает в точку. Видимо, природная интуиция.

– То есть мой природный ум и проницательность ты отрицаешь? – возмутилась Кло.

Следующие полчаса они, ловко лавируя между прибывающими гостями, набирали себе полные тарелки закусок со столов, стоявших вдоль длинной стены. Мунце неодобрительно косился на них, а Роман старался вовсе не смотреть.

Потом они разделились: Джек отправился-таки общаться с девушками, а Энца нашла укромную нишу и устроилась там поудобнее с бокалом шампанского и своей тарелкой. Посматривала на Джека, который уже стоял в окружении двух незнакомых дам. Дамы хихикали, Джек невозмутимо отвечивал комплименты. Громовник нависал над Камелией и Кло, безуспешно пытаясь очаровать холодную брюнетку. Рыжая скучала. Юлиус ходил кругами по залу, видимо, исполняя наказ хозяина следить за безопасностью. Круги его все больше сужались, концентрируясь у столов с закусками и напитками.

– Я смотрю, у нас с вами вкусы сходятся, – весело заметил Алекс Сварна, подкатив к ее убежищу на кресле. – Я, бывало, тоже любил вот так посидеть. Все эти пустые разговоры, едва знакомые люди, которым надо улыбаться...

– А это какая-то традиция, что все гости должны в празднике участвовать? – спросила Энца, когда Алекс замолчал.

– Да, традиция... Иначе следующий год будет неурожайный и несчастливый. Если на праздник не будут приглашены все, кто находится под этим кровом, то по старой примете, это сулит неудачи.

– Ну, а если я пришла, а потом пораньше ушла? Примета уже не сработает?

– О, милая Энца. Хотите уйти? А на фейерверки смотреть не останетесь?

Энца покачала головой.

– Очень жаль. Но, впрочем, для приметы вы уже «поработали». Уходить можно когда захотите, главное, поздравить хозяина и угоститься у его стола. Будьте осторожны по дороге обратно. Иногда Мунце, сквальга этакий, рано выключает свет в коридорах верхних этажей.

– А эти слухи о шагах за спиной? – осторожно спросила Энца.

Старик вдруг резко помрачнел.

– Не обращайтесь внимания на глупости, милая Энца. Мало ли что дуракам привидится.

Алекс задумался, машинально разламывая зубочистку на маленькие кусочки. На подлокотнике в специально подставке стояла тарелка с нетронутыми канапе. Энца перевела взгляд на свою тарелку – чуть раньше она сама по привычке разломала несколько зубочисток.

– А в вашей семье никогда не было магов? – спросила она. – Может быть, какое-то отдаленное заклинание вдруг эхом отзывается сейчас?

– Нет, – с сожалением покачал головой Алекс Сварна. – Магов не было, да и в прислуге никогда раньше не служили маги, Пярве – редкое исключение. Насчет заклинаний... раньше я собирал легенды, так или иначе связанные с нашей местностью, но ничего зловещего в них нет. Кроме разве что «проклятия Михала Сварны»...

Энца оживилась, но старик смешливо покачал головой:

– Да там ничего особенного. Наш предок, воевавший в Северную войну, вернулся домой цел и невредим, но утверждал, что его спас то ли дух лесной, то ли маг-отшельник. И как это водится, потребовал за спасение плату.

– Первого, кого увидит дома? – спросила Энца.

– Если бы... – вздохнул старик. – Так-то может и легенда какая поинтереснее вышла бы. Нет, он потребовал, чтобы Сварна больше не участвовал в войне и не проливал ничью кровь.

– Тогда почему это называется проклятьем?

– Потому что за непослушание маг пообещал забрать всех отпрысков нарушившего слово. И распространяется это на всех, кто принимает фамилию Сварна и входит в семью.

Энца вздохнула: действительно, скучно. Маг давно умер, а род Сварна, как это видно, живет и по сию пору. Даже если они нарушали слово, то без роковых последствий.

Зевая, Энца шла по коридору, не забывая прислушаться. На первом этаже было слишком шумно илюдно, на втором, в том крыле, где была ее комната, поспокойнее, но все равно светло и уютно: совершенно неправильное место для призрака. Наверно, надо будет выйти попозже пройтись по коридору, когда Мунце выключит свет на верхних этажах.

Надежды на тихий вечер с пирожными и книжкой развеялись: когда Энца добралась до своей комнаты, сил уже никаких не оставалось. Она сходила в душ, переделалась в пижаму и упала на кровать.

Было давно полночь, уже отгремели фейерверки, когда громкий и нервный стук в дверь заставил ее подскочить.

Стучала Кло, бледная без косметики, в светлом плюшевом халатике.

– Что тебе... что-то случилось? Ты хотела платье забрать?

Кло протиснулась мимо нее в комнату и, подвинув Энцу, быстро захлопнула дверь.

– Что случилось? – повторила Энца.

– Слушай, – нервно сказала Кло. – Ты же одна, да?

Энца моргнула, удивляясь вопросу, и кивнула.

– А этот твой не придет?

– Да с чего бы? – сказала Энца. – У него своя комната. Ты расскажи, что случилось? Может, надо остальных позвать?

– Да не надо никого, – сердито махнула рукой Кло. – Можно, я у тебя переночую? Я как только легла, эта харя в окно уставилась! Ну прям как медляк рассказывал! Смотрит и смотрит! Я шторы дергаю, а их заело!.. а оно ближе! Фу-у-у!.. и в коридоре за мной пошел кто-то, топает и сопит, сволочь, топает и сопит!

– Ты что... призраков не видела раньше? – осторожно спросила Энца.

– Видела. Почему не видела. Что ты вообще придираешься? У меня обычно работа другая... мы с Камелией чистим дурную ауру и

полтергейсты эти... просто не привыкла, понимаешь? Ну, можно я останусь? Пожалуйста-пжалуйста!..

– А Камелия?

– У нее в комнате целых два окна! А если в каждое смотреть будут? Ну и... она уже заперла дверь. Спит в берушах, и не услышала, как я стучу. А потом эти шаги...

Кло передернулась.

– Ты смогла его поймать? – оживилась Энца. – Или просканировать?

– С ума сошла? – с ужасом посмотрела на нее Кло. – Я тут же к тебе побежала. Но... хотя если так подумать, то ничего особенного я не почувствовала, только слышала на обычном, человеческом уровне.

Энца пожала плечами, подавляя зевок.

– Ну, оставайся, только у меня тут одна кровать.

– Я у стенки, – тут же сообщила Кло, сбросила халат прямо на пол, оставшись в коротенькой ночной рубашке, и нырнула под одеяло.

Энца вздохнула, прибрала халат и легла рядом. Было неприятно делить постель с чужим человеком, но Кло, судя по всему, действительно испугалась. Как-то нехорошо было бы прогонять ее. Энца закрыла глаза и попробовала уснуть.

– Ой, вот он, вот он, – запричитала шепотом Кло.

Сквозь прозрачные гардины за окном виднелся бледный овал. Глаза едва угадывались бледными тенями – более темные пятна зрачков непрерывно двигались, что-то выискивая, но ничего более на лице нельзя было разглядеть.

Энца некоторое время изучала его, запоминая, потом снова опустила веки. Надо было, наверно, подойти поближе и посмотреть внимательнее, но сил никаких уже не осталось.

– Да ну его, – сказала она. – Он же только смотрит. Спи.

Кло что-то поворчала из-под одеяла, но спорить не стала.

– У тебя хорошие охранные чары, – вдруг сказала Кло, когда Энца почти заснула. – Я их совсем не чувствую.

– Мгм, – отозвалась Энца. – Ну...

– Что? – обеспокоилась девушка. – Погоди... ты не хочешь сказать, что... защиты *никакой нет*?

– Забей, – сказала Энца, надеясь, что любимое слово Джека тут поможет. – Вон на столике амулеты, ни один не показывает опасное воздействие. Ну, а если полезет что-то, разбуди...

«И я его порублю», – едва понятно пробурчала она, засыпая.

Томительные полчаса Кло не закрывала глаз, для верности положив

руку на плечо спящей Энцы. Худенькая и хрупкая, она представлялась ей сейчас нерушимым бастионом между чудовищами и ею самой.

Было тихо, едва слышно дышала Энца. Призрачный лик колебался, мерцая и дрожа, пока не превратился в размазанное пятно. Незаметно для себя Кло заснула.

Ранним утром Энца проснулась от чертыханий и шума. Она открыла глаза, увидев Джека, который поднимал с пола стул.

– Джек? Ты что-то потерял? – сонно удивилась Энца.

– Зубную пасту. Ты же нашу из дома брала? – спросил тот. – У меня в ванной только тошнилловка клубничная.

– Брала, – сказала Энца. – В моей сумке посмотри, карман сбоку.

Она вытащила из-под подушки телефон, посмотрела на время и поразилась:

– Семь утра! Зачем ты так рано встал?

– А я не ложился, – легкомысленно ответил Джек. – Как раз собираюсь.

Потом замер и осторожно приблизился к кровати.

– Послушай-ка, – изумленно сказал он, – у тебя в постели – баба!

Энца вздрогнула: и точно, она совсем забыла, что Кло ночью пришла к ней.

– Это не то, что ты подумал, – торопливо сказала она.

– Да какая разница, что я подумал, – отмахнулся Джек. – Погоди, сейчас телефон принесу, сфотографирую. Донно это еще больше, чем вчерашнее понравится.

– Вы с ума на этих фотографиях сошли, что ли? – шепотом рявкнула Энца и запустила в Джека подушкой. – Только попробуй, и ты знаешь, что я сделаю!

– Шантажистка! – возмутился Джек, кидая подушку обратно.

– Она просто испугалась, – попыталась объяснить девушка, – к ней это лицо заглядывало в окно.

– Ну да, ну да, – покивал Джек.

В это время Кло заворочалась, просыпаясь, и Джек быстро ушел, напоследок показав язык. Пил всю ночь, поняла Энца, вот и веселый. Главное, чтоб не вляпался во что-нибудь.

Потом она огорчилась: это же значит, Джек как минимум полдня спать будет, и она остается одна со всеми этими делами. Горестно повздыхав и не обращая внимания на невнятное бормотание Кло, девушка снова уснула.

Настоящее утро началось с очередного неприятного сообщения на

телефоне, но Энца на этот раз не стала вчитываться, сунула телефон обратно под подушку и отправилась умыться и разминаться.

Кло, видимо, была из поздних пташек, она только ворчала, когда Энца неосторожно шумела в комнате, но не просыпалась. Девушка за это время успела и провести полный комплекс утренних упражнений, привести себя в порядок, достать из вещей ноутбук и прочитать электронную почту.

Донно прислал два письма: одно с фотографией, – утренний город в рассветном тумане, – другое по делу, с теми данными, которые Энца вчера просила узнать. Девушка вздохнула, подумав, что Донно и рад помочь, а она бессовестно пользуется... но с другой стороны – это же для дела. Она отстучала ответное письмо, в котором кратко сообщила, что всю ночь спала; на празднике, в отличие от Джека, гулять не стала; пыталась разубить пса-призрака и поленилась смотреть на лицо за стеклом.

«...И того, кто топает по ночам в коридоре, тоже не удалось поймать, еще светло было, но Кло его слышала (это моя новая знакомая). Сегодня ночью попробую походить одна и послушать. До встречи! Энца.

П.С. Донно, посмотри еще, пожалуйста, не удастся ли поднять данные школьных проверок по магическому уровню? Нужны по семье Сварны. И еще по одному предку, Михалу Сварне, он участвовал в Северной войне. Если у тебя нет времени, то напиши, я тогда Якова попрошу. Местные говорят, что запрос все равно к нам пойдет, так что быстрее напрямую будет узнать. В любом случае, огромное тебе спасибо!»

Отправила краткий отчет Якову и стала выписывать в блокнот новые сведения, полученные от Донно.

Пярве действительно был магом – ниже среднего, никаких особых способностей, стихийная составляющая нулевая. Общемагический профиль, без специализации, диплом по теме «Народная обрядовая магия».

Энца поймала себя на том, что повернулась сказать Джеку: «Я так и думала», но осеклась. Н-да, сегодня придется все одной – и когда она только успела привыкнуть к постоянному присутствию напарника...

Дальше были адреса и телефоны всех уволившихся слуг, но Энца не успела их все выписать: позвонил Донно, прочитавший письмо и не на шутку обеспокоившийся планами Энцы на следующую ночь. Едва успокоив его, девушка продолжила работу, проверив кое-что в сети.

В двенадцатом часу к ним пришла Камелия, свежая, идеально накрашенная и уложенная, в очередном элегантном костюме.

Энца в это время составляла схему в блокноте, а Кло валялась на кровати на животе и болтала ногами.

– Привет! – воскликнула она, увидев Камелию. – Ты представляешь!..

Смотри, у нее на ноге пятно – это ее умертвие хватало! Нет, ну ты подумай, я вообще обалдела! Умертвие!..

Энца махнула рукой, мол, ничего особенного, а Камелия укоризненно посмотрела на коллегу:

– Ты бы лучше читала новостные сводки, а не свои психологические статейки. Про это умертвие несколько дней подряд писали, а ты все прохлопала... Да не в этом дело. Мы завтрак пропустили.

Вздыхнув, девушка села рядом с Кло.

– Мунце мне сказал, что предупреждал вчера о том, что нужно к десяти собираться.

– Изверг, – с чувством сказала Кло.

– Сходим на кухню, накормят, – предложила Энца. – Там добрая тетка. Что вы так смотрите? Мы вчера там ели.

– Да нет, ничего, – пожала плечами Камелия. – А нам хозяин действительно посоветовал со слугами не общаться и ничего не выспрашивать.

– И что ж это вы такие худющие, мода это у вас такая, что ли? – уже привычно запричитала кухарка, когда Энца ввела девушек на кухню и поздоровалась.

– Не, – грустно сказала Энца. – это не мода, это у нас работа такая. Надо много есть, чтобы энергию восполнять, а не всегда получается. У вас что-нибудь с завтрака осталось? А то Мунце говорит, что теперь до обеда терпеть надо.

– Вот индюк, – рассердилась кухарка, бросила тесто, которое месила, и на ходу вытирая руки, поспешила к огромному пузатому холодильнику в углу. За ним, как теперь знала Энца, был вход в кладовую и подвал.

Через пять минут перед девушками на столе стояла половина мясного пирога, сливовый пудинг, блюдо с запеченными бутербродами и по тарелке овсяной каши.

– А дружок-то твой, чего? – спросила кухарка. Тесто она уже поставила в тепло, прикрыв льняным полотенцем и теперь на колоде рубила большую тушку птицы. Топорик соскальзывал, а кухарка ругалась на жадного дворецкого, который закупил мороженых индюшек вместо свежих.

– Джек спит еще. Хотите помогу? – спросила Энца, кинула в рот бутербродик и подошла к кухарке.

– Да уж ладно, – проворчала Прасковья Ивановна. – Что ты, малявочка, сделаешь? Пусть немного отгадет еще. Придется, правда, ее на

ужин оставить, не успею к обеду.

Энца забрала топорик и провела пальцами по лезвию.

– Как резать? – спросила она.

Кухарка показала где, и с изумлением наблюдала, как твердая тушка с легкостью разваливается на нужные куски.

– Ох, как вспомню, – грустно сказала она, – нашего Пярве. Уж на что к старости язвой сделался, а ножи кроме него никто так не точил. Сейчас-то садовнику ношу, да пользы никакой, все одно тупые.

– А он ножи точил? – спросила Энца. – Давайте я вам все заострю, у меня тоже хорошо получается.

– И ножи точил, – кивнула кухарка. – И за домом следил, и продукты у нас всегда были свежие, да по разумной цене. А этот индюк экономит вечно, и покупает черти что. Я уж хозяйину жаловалась, да что там сделаешь, если хозяйка... ну, не сделаешь ничего. Хотя вот как вся эта катавасия началась с призраками да прочим, хозяин Мунце спуска не дает, то и дело выволочки ему устраивает. Он, конечно, индюк индюком, но разве виноват?

– Старший Сварна тоже о Пярве рассказывал, – осторожно заметила Энца. – Они дружили, да?

Она пристроилась на табуретке возле разделочного стола и коротким воздушным лезвием оглаживала по очереди все ножи из внушительного набора Прасковьи Ивановны. Пару особенно больших она задумчиво повертела в руках, взвешивая и запоминая ощущения.

– Ну, сама-то я работаю здесь лет пятнадцать, – сказала кухарка, очищая овощи. – Но много слышала об этом – они еще ребятами подружились, когда господин Алекс в школу ходил. Их отцы дружили, и даже звали, мне кажется, их одинаково. А Пярве, когда он диплом защитил в Институтах ваших, сюда прислали на работу. Он чуть старше был и ему вроде как поручали за Алексом присматривать. Так они всю жизнь и дружили.

– Отцов одинаково звали, – задумчиво повторила Энца. – Он, наверно, очень расстроился, когда Пярве умер?

– Конечно. Я ж говорила, даже из комнаты не выходил. А уж как узнал, что старого Пярве сожгли, как там у вас принято, да по ветру развеяли, так прям с лица переменялся. Я случайно застала, он к нам сюда спускался тогда... и как мне жалко его было, словами не передать...

– Прасковья Ивановна, а Пярве часто в подвал ходил? – спросила Энца.

– Да разве ж узнаешь, – ответила та. – Через кладовку, бывало, два-три

раза в месяц, проверял, как там все. Вот Мунце ходит реже, в этом месяце и вовсе не спускался. Хозяин самолично ходил – проверял сваи вместо индюка. Да и перед тем как Пярве стало хуже, хозяин вместо него осматривал.

– А через бойлерную не ходят?

– Там после ремонта свалили материалы, проход почти загорожен, ну и пыли много. Никто там не ходит.

– Боги, болтает и болтает, – недовольно ворчала Кло, когда они поднимались по лестнице из кухни. – А как она всем гремит! Нельзя спокойно положить что-то, обязательно шмякнет так, что звон в ушах!

– Зато покормила, – сказала Энца. – И на самом деле много интересного рассказала.

Она вздохнула и нерешительно произнесла:

– А можно спросить, какие у вас на сегодня планы? Пока Джек спит, я бы с вами походила, если вы будете еще что-то по дому делать.

– Мы будем окна сканировать, – ответила Камелия. – Вчера начали немного, а потом Мунце нам запретил, потому что гости уже начали съезжаться.

– Может, тогда с наших окон начнем? – предложила Энца. – Ну, если вы не против, что я с вами буду.

Камелия пожала плечами, и Энца посчитала это согласием.

Джек проснулся в третьем часу. Долго приходил в себя, соображая, где находится. Плотно задернутые шторы, явно чужая комната.

Постель... без посторонних дам, и то хорошо. Джек вспомнил утренний набег на комнату Энцы и хмыкнул.

Повалялся еще полчаса, почитал на телефоне почту, лениво отбил несколько дежурных сообщений Эли, которая успела уже переволноваться, как у него дела, потом оделся и отправился в набег на кухню.

– О, явился не запыхавшись, – засмеялась Прасковья Ивановна. – Садись, я как раз чай пью, и пирог еще с мясом остался, девицы утром не все съели.

– Давно они были? – спросил Джек, отрезая себе кусок побольше. Нож скользнул сквозь пирог с необычайной легкостью – совсем как у него дома. – Что, Энца ножи поточила?

– Ну да, малявочка малявочкой, а так ловко управилась... приходили они до полудня, и с тех пор Мунце жаловался, что они опять по дому шуршат, что-то выискивают. Боится, что гостей напугают, которые на несколько дней приехали. А я ему говорю – тебе чего важнее, дурень, чтоб

у нас тихо было, или как? Хотя вот полтергейста этого сегодня целый день не было.

– Да и не будет, наверно. Мы кое-что сделали, – сказал Джек. – Вчера Энца собаку видела. Призрака. Раньше такое было?

– Собаку?.. неужели Жергана? – расстроилась кухарка. – Стало быть, помер-таки Жерган, раз является... А жалко-то... пес такой добрый был, даром что сторожевой, умница, ласковый...

– А чей он был? – спросил Джек. – Кого-то он ведь хозяином считал?

– Так господина Алекса. Везде за ним бегал. Ну, и Пярве любил, конечно. Вообще он дружелюбный дурень был, только хозяйку не очень жаловал, да последнее время на Мунце огрызался.

– Родственники у Пярве остались? После его смерти вещи из дома выносили?

– Да нет, наверно, – задумалась Прасковья Ивановна. – Никого уж не было у него. Не женился ведь он, семью не нажил. Вещи, если не выкинули, то Мунце должен знать или господин Алекс. А что, думаешь, там чего опасно-магическое могло быть?

Кухарка с любопытством уставилась на Джека, а тот пожал плечами.

– А может и осталось, – беззаботно ответил он. – Не зря ж по ночам в окна заглядывает.

– Он, зараза старая, – с некоторым удовольствием сказала кухарка, – только к женщинам смотрит. Ишь, подлец, помер, а все туда же. Любытной он был, хоть и с возрастом сдал сильно. Но все новости узнавали от него в первую очередь, – кухарка понизила голос, – подслушивал он, думаю, да везде присматривал. Но о мертвых дурно не следует говорить... чтобы там не делал при жизни, а не хватает нам его сильно. Хозяйка, которая его нашла, плакала весь вечер, вот как.

Джек покачал головой: хозяин ни об одном из этих фактов не упомянул. Потом поблагодарил за пирог и отправился разыскивать Энцу.

Девушки пили чай с пирожными в одной из гостиных, кислый Мунце нависал над ними, разливая по чашкам свежесваренный напиток и отвечал на вопросы.

Точнее, пытался уйти от ответов.

Джек присоединился к чаепитию, поднажал немного на дворецкого, но ничего особенно интересного не услышал.

Когда пирожные закончились, Мунце, который на глазах становился все суше и мрачнее, повел их на чердак.

Камелия и Кло отказались идти, так что наверх они поднимались

втроем: Энца, Джек и Мунце. В отличие от подвала, чердак был именно таким, как представлялось: пыльным убежищем неисчислимых старых вещей, островом давно никому не нужных сокровищ, лабиринтом из старой мебели и ящиков.

Мунце показал им, где стоят вещи из комнаты покойного Пярве, потом в ответ на вопрос Энцы, махнул куда-то в сторону, указывая, где могут лежать старые детские игрушки. Потоптавшись немного, строго сказал, чтобы они не шумели и не топали, потому что с потолка на этаж ниже будет сыпаться пыль.

Оставил им фонарь и ушел.

– Слушай, Джек, – тут же сказала Энца, едва убедилась, что шаги Мунце затихли в глубине дома. – Мы тут такое нашли.

Джек с готовностью захлопнул ящик, чьи пыльные недра он созерцал, и сел на него сверху.

– Ну?

– На доме изнутри лежит старое плетение. Слабое, но стабильное, оно глушит сканирование и восприятие магов. Поэтому Кло ничего не чувствовала, когда призрак за ней шел или пес появлялся. И поэтому же сканирование Громовника и Камелии ничего особенного не показало.

– А как нашли?

– Ну, я вспомнила наш флигель, Артура. Он ведь мастерски с несколькими слоями работал, как техники потом говорили. Спросила Камелию, может ли она посмотреть на скрытые в стенах силовые линии плетений. У нее одной не получилось, тогда они вдвоем с Громовником попробовали – подковырнули пару концов и смогли потянуть. Обещали попозже по всему дому так сделать.

– Пярве?

– Может быть. По уровню силы он подходит. А Мунце – знаешь что?

– Кислый осел?

– Ну... и это тоже, но еще он сказал, что клининговую фирму вызывал Роман, а сам Мунце никакого отношения к этому не имеет. Зато может поднять счета, которые те прислали, и передать нам их координаты.

– Значит, не врет, – сказал Джек. – Слушай, я пойду посмотрю, может тут на крышу вылезти можно, покурю.

Энца вздохнула: желание Джека увильнуть от перебирания старых чужих вещей было слишком прозрачным.

– Ладно, – отозвалась она. – Потом давай тут просто пошарим, вдруг что-то интересное.

В ящике, оставшемся от Пярве, Энца нашла несколько пакетов с

одеждой, стопку потрепанных книг, россыпь личных вещей и шкатулку со склянками. Самые интересные, на ее взгляд, она разложила в пятне света из маленького окошка и аккуратно сфотографировала. Вернулся Джек, лениво огляделся и ушел бродить по чердаку.

Это он отыскал шкаф с воздушными змеями самых разных форм и конструкций, а пока он в них разбирался, чихая от пыли, Энца неподалеку обнаружила сундук с детскими вещами. Оловянные солдатики, машинки, парочка круглых зеркал с черными метками, книжки, перья, шарики. Скорее всего, это были вещи Романа или Алекса, современные мальчишки интересовались немного другими вещами.

– Вот эти книги брали, – сказала она.

Джек пригляделся: пыльные обложки, но слой чуть тоньше, со полосами от руки или тряпки, которой протирали. Обрядовая магия, справочники народного целителя...

Энца аккуратно сфотографировала и их, прихватив с собой перья и зеркала. Джек вручил ей одного из змеев, и они поднялись на крышу.

Сверху имение казалось скоплением разновеликих крыш, утопающих в зелени. За домом деревья парка незаметно переходили в лес, с трех сторон обнимающих все постройки, и уходящий к горизонту.

Ветер был хороший, крепкий, так что воздушные змеи, которых они нашли на чердаке, взмывали высоко-высоко, трепеща лентами и крыльями из папиросной бумаги. У Джека был коробчатый змей с нарисованным драконом, а у Энцы – в виде изукрашенного узорами бело-синего веера.

Со змеев хлопьями сыпалась пыль, леера из пеньковой веревки заскорузли от времени, но летали оба отменно. Джек подозревал, что Энца свой змей-веер поддерживает небольшим воздушным потоком, потому что тот подозрительно четко и красиво кувыркался.

– Я позвонила по всем номерам из списка, – похвасталась она.

– Ну ты герой, – удивился Джек. – Какие результаты?

– Да все там нормально, действительно, сами уехали, потому что было страшно, каждую ночь шаги в коридоре. Только эта девушка, которая на кухне помогала, отвечать отказалась.

Энца отвлеклась на змея, который нырнул вниз, и продолжила:

– Алекс Сварна рассказал о предке, который принес с Северной войны проклятье. По условию, никто из их семьи не мог пролить чужую кровь – иначе заберут всех отпрысков нарушителя. Донно прислал недавно результаты проверок, только он перепутал и прислал на всех, включая Алекса Сварну. Там интересное. Алекс – по нулям, но он упрямо проходил и стандартные проверки, и требовал дополнительные. Время прохождения

дополнительных проверок совпадает с временем появлений полтергейста в доме. Почти всегда.

– Давай список, я сам позвоню кухаркиной девице, – сказал Джек. Пока в трубке были гудки, он сказал: – Помнишь, младший сын Сварны видел тень в детской? Не спрашивала у Романа, вдруг они боятся этого проклятья?

– Он не хочет разговаривать вообще, – вздохнула Энца. Да и к тому же – чего опасаться, если они никого не убивали и не проливали кровь?

– Не скажи, – возразил Джек и чертыхнулся, вскакивая. Его змей терял высоту. – Они не боялись полтергейста, отказывались вызывать службу зачистки из Института, и вдруг пригнали кучу людей. Несоразмерно опасности. Чего-то боятся – и сильно. И детей – заметь! – удалили из дома.

– Алло, – в трубке Джека зазвучал усталый женский голос, и Джек помахал Энце рукой, чтобы она последила за его змеем и не отвлекала. Энца перехватила леер и вспомнила еще одну вещь, которую позабыла сказать Джеку. Это тоже касалось результатов проверок, и девушка, немного посомневавшись, не стала рассказывать о ней Кло и Камелии, подумав, что это внутренняя информация Института.

Тем вечером Джеку позвонил Донно и потребовал проследить, чтобы Энца не вздумала ходить одна по коридорам и ловить призраков.

– А чего они ей сделают? – искренне удивился Джек. – Слушай, тут одна штука, можешь еще проверить? Я тебе сообщение пошлю, надо будет в базе пробить... Эй, да ладно тебе! Это ж для общего дела. А я тогда посмотрю за Энцей. А, ты прикинь, тут на нее одна дамочка глаз положила, ночевать к ней пришла... Почему сразу вру? Не вру я. Хорошенькая, рыженькая, не то что ты, медведь... Чего-чего? Караулить?.. погоди, у меня вторая линия. Привет, дорогая... С кем разговаривал? С коллегой... Нет, что ты. Он мужчина и совсем не в моем вкусе, мерзкий дядька... Нет, я не ругаюсь, что ты, милая... Да, конечно, скучаю. Сильно. Очень сильно. Да вообще сильнее некуда. Ладно, мне пора, позвоню тебе ночью... Нет, я не пытаюсь от тебя отвязаться, твой голос я бы слушал и слушал, но у нас общее собрание, опять меня ругать будут, если опоздаю... Да, сильно ругают, бедный я, бедный... И я тебя целую. Пока.

– Ну ты и врешь, – сказала Энца, которая сидела рядом на подоконнике. – Хоть бы постеснялся про меня-то гадости говорить.

– Зато весело, – ответил Джек. – А то скука такая.

Кло захихикала, но больше никто из присутствующих ее не поддержал. Юлиус и Роман были недовольны, Громовник и Камелия были

подчеркнуто равнодушны, а Мунце, стоявший у двери, как всегда напоминал кислый лимон. Еще на импровизированном собрании присутствовал Ворон, но пожилой маг, поздоровавшись, занял самый темный угол и внимательно присматривал за окружающими, никак не вступая в разговор. По просьбе Якова, Энца переслала ему все наработки и догадки, которые у них с Джеком к тому времени появились.

– Я непременно напишу вашему начальству о том... о тех... вообще обо всем, чему я был свидетель за эти неполные два дня, – сказал Роман Сварна. – Я *не* доволен методами вашей работы. Если вы позволите, то мы все же продолжим наше собрание.

Энца тут же нащупала и сжала локоть Джека, вспомнив последнее совещание, на котором Яков произносил примерно то же самое.

– Валяйте, – согласился Джек. – А почему ваша жена не пришла?

– Она... занимается гостями, – с запинкой ответил Сварна и покосился на дворецкого. Тот уверенно кивнул, подтверждая.

– Слушайте, – вдруг сказал Джек. – Если мы уже сейчас во всем разберемся, нам ведь не надо будет вечером идти на продолжение банкета?

– Что... что значит – сейчас разберемся? Вы уже поняли, в чем беда и как поправить?

– Нет, – обаятельно улыбаясь, ответил Джек. – Как поправить вашу беду, честно говоря, я не знаю. А вот то, что происходит последнее время, понятно, по-моему, и вам.

– Но благодаря проведенному осмотру дома и нашим исследованиям, – заговорила вдруг Энца, привлекая к себе внимание уже взбешенного хозяина, – мы имеем более полную картину, чем вы. Может быть, о некоторых вещах вы и не догадывались. Если хотите, мы можем написать вам отчет и выслать официально...

– Ни в коем случае, – практически прошипел Сварна, и Кло высоко вздернула брови, удивляясь неожиданной экспрессии хозяина.

– Слушайте, а что происходит? – сказала она. – Ну, вы же с Джеком что-то эдакое знаете, а мы нет, нехорошо.

– Мы просто обмозговали все данные, – доброжелательно пояснил Джек. – У вас бы тоже, наверно, получилось.

– Знаешь, – сказала Кло Камелии, практически не понижая голос, – по-моему, он ко мне придирается.

– Тебе кажется, – равнодушно ответила та. – Но если вам все известно, Джек, в лучших традициях подобных историй, мне бы хотелось услышать, в чем суть дела. Господин Сварна?

Сварна по своему обычаю помолчал томительную минуту, что-то

обдумывая.

– Что ж, пусть говорят, – наконец, сказал он. – Но я бы не хотел, чтобы некоторые подробности вышли за пределы этой комнаты.

– Тогда, наверно, стоит позвать госпожу Сварна и вашего отца, – осторожно сказала Энца.

– Я позову, – неожиданно кивнул Мунце и вышел, игнорируя злой взгляд хозяина.

Алекс бодро прикатил на коляске, весело поздоровался с присутствующими и устроился поближе к Кло и Камелии. Госпожу Сварна Мунце привел сам, бережно придерживая под руку.

– Итак, – сказал Джек. – Давайте-ка быстренько во всем разберемся и поедем по домам. Ну, те, кто может себе это позволить.

Он вежливо улыбнулся Сварне.

– Собственно, по сути все довольно просто и незамысловато. Сначала я думал, что вы серьезно боитесь всех этих привидений, топота, подсматривания и прочего. Но на самом деле, страхи ваши материальны и обыденны. Иначе бы вы не стали мухлевать с клининговой фирмой и не затаили бы с вызовом специалистов.

Джек склонил голову к плечу:

– Ведь это вы, господин Сварна, вызвали полтергейст, я прав?

История пятнадцатая. Обманные чудеса

Жизнь Романа Сварны всегда была выверенной и просчитанной на несколько шагов вперед. Так он спасался от одного из своих давних и потаенных страхов, порой принимавшего патологический размах, становившегося непреодолимым навязчивым состоянием. Сам он ставил себе диагноз частный случай социофобии: нестерпимо боялся опозориться у всех на виду, сказать не то, стать объектом насмешки...

Когда он был маленьким, его не пугали ни собаки, ни гроза, ни темнота – ничего из обычных детских страхов. Тот же полтергейст, который появлялся у них в доме регулярно раз в несколько лет совершенно не впечатлял его. Кошмары, что снились ему, были о том, как он голый оказывается перед классом, или у него вдруг вырастает огромный нос с бородавками. Чудовища в его кошмарах и не появлялись – им не находилось места.

Мать его была крайне строга, не спускала ему ни малейшего промаха, полагая, что этим растит сильного и умного человека. Она считала, что

любую ошибку нужно разбирать, чтобы выяснить причины ее и тем избежать подобного в будущем. Конечно, лет в пять Роман подобные тонкости постичь не мог, и это воспитание легло камнем на его душу, усилив и без того крепкое сомнение в себе.

Отец же напротив был легок и смешлив. Когда сын падал в лужу и замирал, тоскливо распахнув полные слез глаза, старший Сварна готов был на любую глупость, чтобы развеселить его, отвлечь от накатывающей истерики. Да хоть рядом прыгнуть, чтобы тоже запачкаться и показать, что не так уж страшно-то! Подумаешь, смотрят! Да они сами, малыш, каждый день падают и пачкаются, только никому не говорят, вот попомни мое слово...

За отца Роману было вдвойне стыдно. Никакие шутки не облегчали страдания мальчика. Когда ему исполнилось четырнадцать, отец торжественно подарил ему серьгу, которую некий из прапрадедов получил в дар от императора. Эта серьга жгла мальчику ухо, и бедняге казалось, что все окружающие смотрят на нее и тайком посмеиваются.

С возрастом младший Сварна научился виртуозно избегать любых травмирующих ситуаций. Он всегда и все делал как положено: учил уроки и писал тесты так, чтобы не выделяться, но и не получать плохих оценок. Сокурсники собирались пить? Шел вместе с ними, точно высчитывая грань, за которую нельзя переходить, оставался в меру веселым и пьяным. Тщательно подбирал слова, разговаривая, никогда не встречался с девушками, которые сильно ему нравились – знал, что в такой ситуации можно повести себя глупо. Воздвиг вокруг себя нерушимый доспех, который берег его почти всегда.

Только люди выбивались из схемы. Всех людей он не мог просчитать: ни того же отца, который чересчур вольно общался со слугами, обожал скабрзные шуточки и непристойно увлекался магией, ни мать, которая неожиданно умерла, не дожив и до пятидесяти, ни свою жену, которая порой не считала нужным оправдывать его ожидания, высказанные более чем понятным языком.

Приехавшие из Гражина маги, этот длинноволосый балбес, поведением так жутко похожий на отца в молодости, и маленькая глазастая девчонка, задающая самые неудобные вопросы, – бесили его до дрожи. Они грубо ворошили его жизнь, ломая с трудом возведенные стены и оборонительные укрепления.

Хотя если быть честным, все эти стены давно уже прохудились и стояли на гнилом фундаменте.

Им просто пришла пора рухнуть.

Наверно, именно поэтому Роман согласился на расследование.

– Ведь это вы, господин Сварна, вызвали полтергейст, я прав?

Сварна молчал, потому что отвечать было выше его сил. Держать спокойное лицо – это все, на что его хватало.

Его жена ахнула и, резко выпрямившись в кресле, холодно бросила:

– Что вы себе позволяете, молодой человек? Простите, я забыла, как вас зовут, но обвинять моего мужа в такой нелепости...

– Джек, – улыбнулся тот. – Меня зовут Джек, госпожа Мина.

В его голосе была издевка, а еще та особая интонация, от которой большинство женщин бросало в краску. Энца торопливо начала говорить, чтобы отвлечь на себя внимание.

– На самом деле, – сказала она, обращаясь к Кло и Камелии, – мы, конечно, знали больше, чем вы. Перед отъездом я собрала в архиве почти все материалы, которые относились к этому дому, потом из-за того, что мы с Джеком не можем сканировать и чувствовать как вы, нам пришлось обойти почти все помещения. Ну и... у нас есть знакомые, которые могут быстро достать любую информацию, и...

– Милая Энца, – прервал ее Алекс. – Не частите так. Давайте по порядку.

– А... да. Хорошо, извините, – она вздохнула. – В общем, сначала насчет полтергейста. Насколько мы знаем, этот случай – не единичный. Полтергейст появлялся и исчезал в прошлом году, а так же пять, двадцать, двадцать два и двадцать девять лет назад. Были еще случаи, около сорока лет назад, пока их рассматривать не будем.

Энца подняла голову от блокнота, из которого читала цифры и спокойно оглядела присутствующих.

– Все эти случаи зафиксированы в ежегодных сводках паранормальной активности по вашему региону. Расследования проводились, но безрезультатно: дежурные маги проводили сканирование и ничего не находили. Но если проанализировать все известные случаи, то можно с большой вероятностью вычислить причины появления полтергейста

Энца вздохнула, набирая воздуха.

– Во-первых следует исключить фактор нестабильности. Ваше имение находится в весьма благоприятной геологической зоне, никаких осложнений. Во-вторых, появление полтергейста часто связано с деятельностью неупокоенных духов, но и этот фактор в большинстве случаев следует исключить. Случаи смерти обитателей дома не совпадают по времени с проявлениями полтергейста.

– А Пярве? Разве полтергейст в этом году не связан с ним? – перебил ее Громовник.

– Нет, – покачала головой Энца. – Он начался до его смерти. Кухарка говорила, что Пярве был немало удивлен и пробовал сам разобраться. Другие слуги подтвердили эти показания.

– «Показания», – захихикала Кло. – Просто детектив какой-то.

– Когда мы приехали сюда, то пробовали вызывать духа, которой устраивал погром, – сказала Камелия, – но никто не откликнулся. Это косвенно подтверждает, что призраки не при чем.

– Да, – кивнула Энца. – Так что этот фактор отбрасываем тоже. Далее. Очень часто подростки в период полового созревания неосознанно являются причиной похожих на полтергейст явлений. Особенно если у них начинают развиваться магические способности. Мы запросили сводку ежегодных школьных проверок. Ничего. Абсолютная норма у обоих ваших сыновей.

Энца помолчала.

– Сводка была более полная, чем я запрашивала, и включала в себя несколько поколений вашей семьи. И если у ваших детей все в порядке, то у вас, господин Сварна, индекс недвусмысленно показывал зачатки магического дара. Насколько я понимаю, манифестацию силы вы так и не прошли, а результаты проверки каким-то образом смогли скрыть от семьи.

Роман резко встал и отошел к окну. Господин Алекс изумленно сверлил его спину взглядом.

– Как же так?.. Как же так – и ты ничего не сказал? Ведь твой дар можно было развить, и ты бы стал...

– Зачем? – прервал его сын. – Зачем мне было становиться магом? Чтобы твою мечту исполнить? У меня свои есть. Твои фокусы и чудеса мне и так поперек горла...

– Магический фон никогда не исчезает, даже если человек не развивается, – сказала Энца. – Поэтому вы один из всех присутствующих могли бы выполнить обряд, вызвав полтергейст.

– Не доказательство, – бросил младший Сварна.

– Не доказательство, – согласился Джек. – Но кто еще мог закопать репейную куклу в землю?

– Кто угодно мог! – вспыхнул Роман. – Кто только туда не ходил?..

– Куда? – спросил Джек и мерзко улыбнулся.

Энца только вздохнула. Лучше бы Роман как раньше обдумывал каждый ответ, не попавшись в такую идиотскую ловушку.

Вот сейчас – снова застыл, соображая, что сказать, заметил ли кто-

нибудь, как он почти проговорился?

– Пярве писал диплом по обрядовой магии, – сказала она, из жалости перебивая паузу. – И, насколько я поняла, он этими обрядами тут постоянно занимался. Он или... или вы, господин Алекс.

– О боги, вы и его сюда приплетаете? – сквозь зубы произнес младший Сварна.

– В вашем доме мы нашли немало вещей, очень странного толка. Гвозди, вбитые в притолоки. Булавки в углах комнат. Запрятанные по углам чучелки и самодельные амулеты. На чердаке лежит зеркало с черными метками...

– Поясните, – уронил Роман. – Что в этом такого?

Магички сидели тихо, Кло блестела глазами и кривила губы, пряча нервную улыбку – кажется, ей было весело. Остальные невозмутимо ждали развязки. Пожалуй, только Роман и его жена как-то проявляли эмоции.

– Все это детское баловство, народные обряды, ну... кроме зеркала – оно явно подготовлено под ритуал черного гадания. Что-нибудь, кстати, получилось, господин Алекс?

– Нет, ни черта, – весело усмехнулся старший Сварна, и его сын как никогда ранее был готов удавить его – и за эту неуместную веселость, и за все те глупости, которые он тут натворил. Гвозди?.. Булавки?.. да будь он проклят со своей идиотской тягой к магии...

– Пярве злился на меня, а я заставлял его проводить все эти обряды. Это было весело, а он все боялся, что нас поймают, – сказал Алекс. Он почесал затылок. – Ну, а как вы поняли, что это наших рук дело?

– Едва мы с вами познакомились, вы немало дифирамбов спели магам и магии, не говоря уж, что вы расстроились, узнав, что мы ее использовать не можем, – ответил Джек. – Я не раз с таким сталкивался. В отчете по школьным проверкам указано, что вы несколько раз проходили дополнительное добровольное тестирование. По времени это совпадает с самыми старыми проявлениями полтергейста – видимо, побочного продукта каких-то обрядов. Вы так сильно хотели стать магом?

– А разве это плохо? Разве этого не все хотят? – удивился Алекс.

– Нет, – в один голос отрезали сразу и младший Сварна и его жена. Недовольно переглянулись.

– Ничего плохого в этом нет, – сказала Энца. – Но есть вещи в этом мире, которые не изменить, как бы вы ни старались. А вы по-прежнему надеетесь, что случится чудо, и в вас пробудятся силы...

– Ну же, милая Энца, с чего вы это взяли? Я давно смирился со своей совершенно скучной природой.

– В самом деле? – спросила Энца. – Тогда к чему вам эти все ухищрения? Когда мы вас впервые встретили, вы стояли на границе тени у лестницы, верно? Мало кто знает, что это не простое место. Стоя там, можно поймать циркулирующие по дому потоки энергии. Совсем немного, но все же. Дальше – я видела, как вы ели на банкете. Долго смотрели на свое полное блюдо, потом начинали есть. Вы часто держите в руках зубочистки и ломаете. Это все глупости на первый взгляд, но каждая из этих мелочей хорошо известна любому слабому магу, который пытался прирастить свою силу за счет природной энергии. Это уж не говоря о вербене в горшках по всему дому, целых зарослях белого ясенца, лаванды и прочих растений, которые по вашему указанию сажают в саду.

– Какие глупости, – процедила Мина. – Уже нельзя ломать зубочистки? Что еще придумаете?

– Не стоит, Мина, – мягко, но серьезно сказал старший Сварна. – Н-да. Я и не подумал, что может найтись человек, который разгадает меня с полувзгляда.

– Почему? – тихо сказала Энца. – Ведь это лежит на поверхности. Это не все знают, но нельзя думать, что вы один-единственный обладаете тайными знаниями.

– Примитивные механизмы точечного собирания энергии мы не считаем тайными знаниями, – равнодушно отозвалась Камелия. – Однако, все это не наказуемо, и каждый гражданин может заниматься этим сколько влезет, магии не прибавится. А вот за вызов полтергейста полагается большой штраф, это административное правонарушение.

– Только административное? – с видимым облегчением спросила Мина, и Роман покосился на нее, не скрывая удивление.

– Не сомневаюсь, что наш хозяин обо всем этом знает, – протянул Джек. – Такой человек привык продумывать все до мелочей, верно? Уважаемый господин Сварна, я, впрочем, ни на чем не настаиваю. Репейную куколку с наложенным заклятьем, которое вызывало полтергейст, мы обнаружили. Ее просканируют в лаборатории, и легко определят, кто ее автор. Маги, даже неактивировавшие свою силу, всегда оставляют четкий отпечаток на своих вещах. Ну, и еще добавлю, что мы звонили в клининговую фирму, и они подтвердили, что хозяин поместья заплатил отдельно за то, чтобы они ничего не делали.

– Да откуда репы-то? – вдруг удивился Громовник. – Полтергейст когда начался? Лопухи еще в цвет не входили тогда.

– Прошлогодние, – коротко пояснила Энца. – За оградой сада овраг, там просто заросли лопухов. И старые сухие стебли до сих пор торчат.

– Так вот куда вы через ограду лазали, – сказал младший Сварна и устало вздохнул.

Повернувшись ко всем лицом, он присел на второй подоконник. Это необычное для него пренебрежение правилами поведения заставило его жену и отца обменяться быстрыми удивленными взглядами.

– Ни к чему, – сказал Роман. – Ни к чему тянуть дальше. Полтергейст в этом году вызывал я. Причины – мое личное дело. Считайте, просто хотел проверить свои возможности.

– Сынок, – растроганно начал было старший Сварна, но Роман быстро махнул рукой.

– Я благодарю вас за проведенное расследование и затраченное время, а так же за безопасность, которую вы обеспечили на вчерашнем приеме. Думаю, что действительно, лучше всего будет, если вы уже сегодня уедете. Не хочу задерживать вас далее.

Джек фыркнул, а Кло и Громовник наперебой заговорили, напоминая хозяину о призраках. Их нестройный дуэт прервал Юлиус.

– К сожалению, – сухо сказал он. – к *вашему* сожалению, сейчас мы решаем, когда будем уходить. Налицо все признаки загрязнения среды: неупокоенные сущности, периодический полтергейст, скрывающие магию плетения в стенах. Это уже не для клининговой фирмы работа и не для частных, да простят меня барышни, это дело Института. Джек, я буду настаивать, чтобы этим занималось окружное управление, городские нам тут ни к чему.

– Дело ваше, – пожал плечами Джек.

– Па-адаждите, – опять влезла Кло. – Ничего я не поняла. Аванс мы все равно уже получили, тут вы никуда не денетесь. Так что случилось-то? На черта вам этот полтергейст? На черта все это нужно было городить? А потом нас всех вызвали – испугались, что справиться не можете? А собаку, собаку-то кто убил? Джек, расскажи все по порядку, а то вы тут только кругами ходите!

– А оно тебе точно нужно? – спросил Джек. – Это ведь, как говорит наш уважаемый хозяин, личное дело.

– Тем интереснее, – кивнула Кло. – Про личное-то. И чего этот призрак в окно лезет, тоже расскажи.

– Ну ладно, так и быть, уговорили, – быстро сказал Джек. – Сейчас я похвалюсь своим умом, который у вас всех имеется, но не используется, и мы поедем по домам, ладно?

Энца толкнула его в бок, намекая, что оскорблять окружающих – дурной тон, и Джек милостиво отозвался:

– Хорошо, никто не использует, кроме тебя и меня. Ладно, с чего мы начали? С Пярве? Ну, с него. Парень отучился средненько, ничего особенного не умел, потому отец пристроил его на работу к другу. Тут был свой оболтус, простите, господин Сварна, и они подружились. Не знаю, что там были за отношения, но подозреваю, что Алекс не раз пользовался своим положением хозяина, чтобы заставить слугу творить чудеса и учить его разным хитростям. Все эти мелочи обрядовой магии по дому довольно старые. Видимо, когда-то тогда Пярве сумел наложить толковое заклинание на дом, чтобы скрывать следы ваших экспериментов. Я этого почуять не могу, зато на чердаке мы нашли в вещах как справочники по обрядам, так и несколько пособий по гаданиям и вызовам духов. Тот полтергейст, что периодически появлялся, это ведь Пярве вас так развлекал? Ну, помимо попыток пробудить в вас силу?

Алекс кивнул. Рот старика кривила усмешка: то ли от воспоминаний, то ли от потаенных мыслей.

– Ну так вот, – продолжил Джек. – Жили они, баловались этим своим недоволшебством, а потом выросли. Дети вот появились, не до того стало. Хотя господину Алексу, судя по статистике, чудес все равно хотелось, вот тут и появлялось... разное. Временами. А в этом году история была совсем иной – Пярве сам удивился тому, что появился полтергейст. По словам кухарки, он даже думал, что та пытается скрыть свою вину за разбитую посуду. Он-то знал, что никакого полтергейста не может быть. Думаю, Сварна-младший догадывался о шутках отца и дворецкого; скорее всего, он забрал один из справочников Пярве и сделал, как там было написано. А вот дальше все пошло не так: и дворецкий помер, начал в окна заглядывать, и собака пропала. Роман решил, что пропажа собаки – это тревожный звонок, и может быть, дело рук призрака...

– Как ты мог такое подумать? – поразился старший Сварна. – Да Пярве никогда бы не тронул пса!

– Отец, – тяжело сказал Роман. – Это не я подумал, а Джек так говорит. Но... да, чего-то подобного я опасался.

– Ну вот опять непонятно, – рассердилась Кло. – Зачем вы это сделали? Зачем вам дух, который бьет посуду, мебель и шумит? Да еще детей пугает?

– Нет, – сказал Роман. – Этого не должно было случиться. Ни шагов, ни лица, – ничего не должно было быть.

– О, – вступил Джек. – Совсем не должно было. Насколько я понял, вы просто хотели испугать жену, чтобы она уехала, и потихоньку избавиться от дворецкого.

Джек сполна насладился пораженными лицами присутствующих, а потом пояснил:

– Он хотел просто уволить Мунце. По словам слуг, после отъезда жены он начал нещадно к нему придираться, там до увольнения недалеко было.

– Но зачем? – спросил Юлиус.

– А это...

– Это личное дело, – перебил его Роман.

– Ну да, – согласился Джек, – когда жена изменяет, это, конечно, личное, так что молчу-молчу.

Мгновение в комнате стояла тишина. Мина стиснула руки на коленях, Мунце отодвинулся от нее дальше. Лицо Романа пошло красными пятнами.

Пожалуй, только тренированный годами самоконтроль позволил младшему Сварне остаться на месте и не разбить в кровь наглое лицо этого типа.

– О боги, – тихо сказала Мина и закрыла лицо руками. – Об этом вы тоже... догадались?

– Нет, – ответил Джек. – Об этом нам рассказала девушка, которая помогала на кухне. Мария случайно видела вас обоих, и имела глупость пойти к хозяину и разболтать об этом. Скорее всего, хотела с этим рассказом и к хозяину ближе оказаться, утешить или еще что. Очень уж она злилась на вас, Роман, что вы ее немедленно выслали домой. Столько нехороших слов наговорила, я даже покраснел. В глубине души, конечно.

– Не вяжется, – возразил Громовник. – Девушка уволилась в июне.

– И что? Уважаемый господин Сварна к тому времени обо всем знал, и девушка ничего нового ему не сообщила. Он ее быстро уволил, хотя и так было уже ясно, что первоначальный план полетел к черту: и Мунце остался, и проблем прибавилось. Все. Конец.

– Как?... Как конец? А призрак, а собака? – возмутилась Кло. – Зачем мы таскались к тому сараю?

Джек, пожав плечами, отвернулся: ему уже хотелось курить, а этот разговор давно наскучил.

– Мы полагаем, – осторожно вступила Энца, – что собака была убита... извините, господин Алекс, вами. Мы нашли немало следов от вашей коляски позади дома, где заброшенные птичий двор, хлев и конюшня. В одном из птичников есть участок вскопанной земли, вокруг – заметенные следы колес. После мы с девушками ходили, Камелия подтвердила наличие посмертной ауры.

Энце было страшно неловко, особенно под скрещенными злыми взглядами супругов Сварна.

– Мы точно не знаем, зачем, но... ваша кухарка, Прасковья Ивановна, сказала, что для вас большим потрясением было то, что тело Пярве было сожжено и развеяно по ветру. Он никогда вам не рассказывал, верно? О том, что магов не хоронят в земле, и не ставят памятников.

– Нет, – покачал головой Алекс. – Нет, никогда не говорил. Я... после того, как узнал, я забрал несколько книг из его комнаты и прочел. Я хотел поставить знак памяти – как у вас полагается, потому что у него не было ни родственников, ни друзей-магов, и никто не почтил его уход.

– И вы убили собаку, – полуутверждающе сказала Энца, – чтобы получить энергию и активировать знак.

– Да... но у меня все равно ничего не вышло...

– Отец... – начал было Роман, но не нашелся, что сказать. Замолчал, с тоской глядя в пол.

– Вы привязали обоих к этому месту, – сказала Энца. – Вашего друга – своей скорбью, а потом и кровью пса. Жерган, может быть, вчера являлся потому, что мы, чужаки, весь день ходили в его доме, нарушая всяческие границы. А девушки более всех нас колебали магический фон, и этим привлекли внимание призрака.

– Логично, – подумав, одобрительно кивнула Камелия. – Но вопрос с призраком-мужчиной не до конца решен. На вызов не ответил ни один дух, так что Пярве ли это, или нет...

– Это он, – сказала Энца. – Он очень беспокоится о том, что происходит здесь. Пярве звонил нам с просьбой приехать, недели две назад.

– Он умер гораздо раньше, – меланхолично поправил ее хозяин. – Вы путаете.

– Пярве звонил вам? – замирающим голосом спросил Алекс, перебивая сына.

– Чудеса – это не совсем то, что происходит, когда ты становишься магом, – мягко сказала Энца. – Но, тем не менее, они – часть нашей общей жизни. Так случается, что звонят отключенные телефоны, а мертвые говорят с живыми.

– Но почему не мне?.. Почему?

– Он позвонил туда, куда надо, – отрезал Джек. – У него, хоть и призрака, а всё мозгов... достаточно.

«Побольше», – хотел на самом деле сказать Джек, но Энца успела ткнуть его в бок.

– То есть... вот так вот все? – спросила Мина. – Все так и есть, как вы сказали? Вы просто походили здесь два дня с железными штучками – и все поняли? Но ведь тот, кто стоял в детской?.. Это тоже Пярве?

– Вы о вашем проклятье? – спросил Джек, и младший Сварна ощутимо вздрогнул. Скопил глаза на жену, которая сжала кулаки на коленях. – Скажите, почему вы стали бояться проклятья и услали детей?

Хозяева молчали.

– Если брат интересующий нас временной отрезок, – голос Энцы не разбивал наступившую тишину, вплетался в нее, – то здесь умер только один человек – Пярве.

Имя повисло в воздухе. И Роман, и Мина просто смотрели мимо них, но Энца не стала продолжать.

Что бы ни случилось в доме, какие бы догадки не посетили напарников, это точно не было их делом. Она села на подоконник поглубже, спрятавшись за спину Джека. Поймала очень внимательный, серьезный взгляд Ворона – и тот ей ободряюще подмигнул.

– Да, в общем-то и все, – бодро сказал Джек. – Полтергейст – младший Сварна, пес – старший Сварна. Ну, а кто там кокнул беднягу Пярве – неизвестно.

– Он умер от сердечного приступа, – медленно сказал Роман, хотя глаза его помимо воли наполнились ужасом при мысли о том, что мучения еще не закончились, и его ждет очередное расследование.

– Правда? – удивился Джек. – А мне что-то так послышалось... ну, ошибся, бывает. Тогда действительно всё. Из Института приедет группа зачистки – верно я говорю, Юлиус?– следите, чтобы муж им не мешал, и чистите дом. Ну, и не забудьте для Пярве Место памяти организовать и упокоить обе души.

– Честно говоря, было бы лучше, если бы их дом стоял на каком-нибудь тектоническом разломе, а Роман был черным магом и разводил нежить в подвале, – уныло сказала Энца. – А так вроде бы ничего особенного, а будто всем в лицо наплевала, неловко до ужаса.

– Конечно, это легче, – фыркнул Джек, – залезть в подвал и порубить десяток упырей. Как приедем, напишем жалобу Якову, что нарушители мелковатые попались, нам не по профилю.

Они стояли на станции в ожидании поезда. Кло и Камелия подбросили их на машине, обменялись телефонами и тепло распрощались.

Энца пожалала плечами. Гадкое послевкусие этого вечера не оставляло ее. По Джеку сложно было что-либо судить, но и он не был особенно доволен, иначе бы не стремился так уехать... хотя, если поразмыслить, кто знает, что он ночью делал и от чего – или кого – теперь сбегает.

Все равно нехорошо получилось. Может, хозяевам было бы лучше, не

узнай они ничего друг о друге. Все глупости, какие они натворили, вся грязь и обман так бы и остались несказанными, непроявленными, не-совсем-правдой. А с другой стороны – вся семья Сварна была уже в таком тупике с этими недомолвками, что иначе и выбраться из них нельзя было, кроме как вскрыть гнойник да залечить.

Энца уже почти уговорила себя успокоиться, когда пискнул телефон: сообщение.

«А ты ловкая, да? Притворяешься миленькой, а сама лезешь в чужую жизнь, подлизываешься и устраиваешься... неужели тебе ни капли не стыдно? Да что это я, откуда тебе знать, что такое совесть».

Это было уже пятое. Сообщения приходили каждый день. Отправитель не отвечал на попытки Энцы объяснить, что все это какая-то ошибка. Порой бессвязные, но язвительные или уничижительные обвинения шли одно за другим, и Энца не знала, что с этим делать. Хуже всего было, что слова отвратительно искажали действительность, словно кривое зеркало, заставляя девушку чувствовать необоснованную вину.

– Кто пишет? – спросил Джек, склоняясь над плечом.

Энца резко дернулась и отвернула экран телефона от напарника. Тот, кажется, обиделся: вот еще, тайны. Но Энца не могла себе даже представить, что Джек подумает о ней, прочитав эти сообщения.

Уж кому-кому, а Джеку точно не следовало их видеть.

История шестнадцатая. Железный лес

Из поезда Джек позвонил Якову, отчитался о сделанной работе. Вместо похвал выслушал замечания и дулся всю дорогу. Энца спала, написав сообщение матери и Донно, что все в порядке.

На вокзале их ждали. Невысокий паренек в джинсах и тонкой курточке держал табличку с именами. Джек на всякий случай взял Энцу за руку и повел, обходя его по большой дуге.

– Он же нас встречает! – шепотом сказала Энца. – Ты чего?

– А нафига нас встречать? Что мы, дороги не знаем? Мало ли кто это такой, еще нарвемся на очередную неприятность.

Парень, однако, их узнал и пошел следом, окликивая.

– Здравствуйте! Джек! Подождите, пожалуйста! Джек, Энца! Я от Якова.

– Ну, а чего я тебе говорил? – кисло сказал Джек, останавливаясь.

– Здравствуйте, – еще раз сказал парень и заулыбался.

Улыбка у него была широкая, слегка щербатая, но очень искренняя. Короткий светлый ершик волос, россыпь веснушек на молодом угловатом лице, широко расставленные серые глаза – вчерашний студент, видимо, только-только покинувший свою альма-матер.

– Меня зовут Унро, я буду у вас работать. Яков послал вас встретить, и сразу передать вам бумаги для работы.

– И как ты нас узнал? – недовольно поинтересовался Джек.

Унро смущенно улыбнулся, не отвечая. Спрятал картонную табличку в сумку, и оттуда выудил пару папок, вместе с которыми выскользнул листок бумаги. Листок Унро попытался спрятать обратно, но Джек перехватил. Прочитав, передал Энце. Рукой Якова на бумаге было записано: «Джек, Энца. Высокий длинноволосый пижон и маленькая мышка с темными глазами. Передать бумаги, проследить, чтобы взяли». Энца захихикала.

– А что там за бумаги? – спросила она. – Вы недавно приехали?

– Работать? – нахмурился Джек. – В нашем отделе?

– Да! – радостно кивнул парень. – Я уже сегодня там был, но зайти не смог: очень-очень страшно, второй этаж еще чистят. А бумаги – это для Турнира, вас не нашли и передали Якову. Слушайте, это так здорово! А вы оба участвуете в Турнире? Уже определили, в каких соревнованиях?

– Идем, – сказал Джек Энце.

Потом остановился, спросил через плечо:

– Ты, парень, на машине?

– Н-нет, – растерялся тот.

– Ну, до завтра, – сказал Джек и пошел дальше. Энца вежливо попрощалась за них обоих и побежала догонять напарника.

Было уже полночь, и поймать такси оказалось довольно тяжело. Джек полусонно докладывался Эли о приезде по телефону, Энца пыталась просмотреть в такси бумаги, подсвечивая мобильным фонариком, но глаза слипались. В папке был список дисциплин Турнира с пометками тех, на какие ей можно было подавать заявление, и несколько анкет. Похоже, отдохнуть после поездки не удастся.

На следующий день Джек пропал.

Саган подсел к Энце, уныло болтавшей ногами на подоконнике, и спросил:

– Ну что, куда записалась?

– На Железный лес, – ответила она.

– О! Я тоже, – обрадовался Саган.

– Ага, и Донно, – кивнула девушка. – Ты Джека не видел? Он ушел за

кофе к автомату на второй этаж и не возвращается.

– Может, там очередь, – предположил Саган.

Административный корпус, где они сейчас находились, вообще был оживленным местом, сердцем кампуса, где встречались и студенты, и преподаватели, и работающие маги.

– Он минут сорок назад ушел, – призналась Энца. – Я уже сходила и наверх, и на улицу, его нигде нет. А на звонки не отвечает.

Саган нахмурился и достал свой телефон. Долгие гудки, потом раздраженное «да» Джека. Юноша молча сунул Энце телефон.

– Эм... Джек, а ты где? – осторожно спросила она. – Ты ушел давно, и...

– Да, точно, – сказал Джек. – Я и забыл, что ты меня ждешь. Можешь ехать домой, я уже не вернусь.

– Откуда не вернешься? Ты же за кофе ходил...

– Послушай, а ты серьезно думаешь, что я должен тебе отчитываться? Это мои личные дела. Ну, что не предупредил – уж прости, так вышло. Короче, езжай домой и вопросы оставь при себе.

Джек еще договаривал, когда ее телефон пикнул: пришло сообщение. Энца скосила глаза на экран. Ожидаемо. Очередная гадость все от того же абонента. Джек тем временем повесил трубку.

Энца отдала телефон Сагану и ровно сказала:

– Похоже, Джек куда-то поехал и забыл меня предупредить.

Саган не нашелся, что сказать. Некоторое время оба молчали, бездумно разглядывая висевший напротив них плакат со списком дисциплин нынешнего Турнира и красочной картой Большого ристалища в средневековом стиле.

– А Барбанегра сказал, что можно записаться к нему на тренировки до начала соревнований, – вдруг вспомнил Саган.

Барбанегра был заведующим кафедрой физического совершенствования и боевых искусств, который весь предыдущий месяц гонял мастеров боя на летних тренингах-инструктажах. У Энцы сначала появились проблемы из-за пропущенных занятий, но в целом Барбанегра остался ею доволен: девушка всегда охотно и с удовольствием занималась, отрабатывая положенные часы на тренировочных снарядах.

Это было хорошей новостью, что он разрешил у себя тренироваться.

– Здорово, – оживилась Энца. – Ты будешь ходить?

– Буду, но тебе нужно еще позвонить ему или самой сходить записаться: желающих много, там по часам уже все расписано.

– Сделаю, – кивнула Энца. – Вот бы получилось на два раза в день

записаться. У нас флигель так и не открыли, разрешили работать с бумажками в малом конференц-зале у Якова. Но делать особо нечего.

Саган сочувственно хмыкнул.

– А ты видела, в этом году в жеребьевке какая подборка игр выпала? У меня знакомые на командную игру записались, волосы на себе рвут сейчас.

Список дисциплин на Турнире никогда не был постоянным. Две дисциплины кочевали из года в год, а остальные определялись жеребьевкой, примерно в то же время, когда проходили отборочные туры. Жеребьевка, как и открытие Турнира, была зрелищным и красочным мероприятием, но в этот раз Джек и Энца все пропустили: в Длинном Редане телевидения не было, а в записи уже неинтересно.

Сейчас дисциплины подобрались интересные: помимо обязательных Русалочьих путей и Железного леса, выпали бао, Игольная хризантема, круговая лапта, Охотники и утки, ловля Великого лосося, кубарь и еще десяток игр помельче и попроще. Энца больше всего нравилась командная игра бао для магов-стихийников – яркое соревнование, созданное на основе старинной игры Черного континента, а Сагану – ловля Великого лосося, парное соревнование, где один игрок преодолевает сложную полосу препятствий, а второй пытается остановить его, усложняя или меняя условия в заранее определенных точках.

Железный лес, как и очень похожие на него Русалочьи пути, представлял собой многомерную полосу препятствий со множеством путей для одиночных заходов. Пространство было свернуто, как парк в Лилейных садках, так что ни один маршрут не пересекался с другими. Помимо этого каждый охраняли группы боевых конструкторов.

Русалочьи пути были изощреннее – в них надо было еще и ориентироваться, решая пространственные ловушки, и распутывать намеренно искаженные участки, и использовать более сложную магию для продвижения дальше.

Командные игры вот, помимо бао, выпали сложные, и сейчас многие маги спешно перестраивали тренировки, чтобы не ударить в грязь лицом.

Энца и Саган увлеченно спорили, какую игру лучше выбрать местной команде, когда подошел Донно.

– Что случилось? – сразу же спросил он, хотя сама Энца почти забыла о недавнем неприятном разговоре.

– Ничего, – удивилась она.

– Джек опять слинял, не предупредив, – сказал Саган.

– Поехали ко мне вечером, – тут же предложил Донно и сразу поправился, – Все вместе. Роберт сейчас на выезде без меня, подхватим его

по дороге. У вас с Анной никаких планов?

– Не-а, – отозвался Саган. – Нас от дежурств освободили.

– Ладно, только я пойду пока, – сказала Энца. – У нас там новенький, надо помогать. Вечером созвонимся, хорошо?

Роберта они забирали из пивной, которая была неподалеку от места происшествия. Мужчина был мучнисто-бледен и вял. Донно помог ему сесть в машину, а там его с двух сторон подперли Энца и Саган. Анна села на пассажирское место рядом с Донно. Тот с тревогой посматривал назад: Энца и Саган тихо разговаривали с Робертом, и Донно хотел их предупредить, что в этом состоянии мага лучше не тревожить болтовней, но похоже, Роберта это успокаивало.

Ехать пришлось дольше обычного: часть улиц снова была перекрыта митингующими. К обычным протестам добавились еще возмущения по поводу Турнира и эксплуатации магов на потеху публике. Листовки забрасывали даже в приоткрытые окна автомобилей. Саган делал из самых больших самолетики и передавал Энце. Призывы не прогибаться на потеху зажравшейся толпе чередовались просьбами прислушаться к голосу сердца, жить в мире, и требованиями прекратить убийства монстр-объектов.

– Пси-вампиры, – сказал Роберт. – Снова пси-вампиры. Нет следов: ни остаточной магии, ни эха негативной энергии. Все то же самое. Люди из маг-бригады были правы: то мертвые не при чем. Кто-то снова продолжает дело.

– А это не могут быть разные люди? – спросила Энца.

– Вряд ли. Слишком чисто сработано. Были бы разные, уж как-то да ошиблись бы. Но в этот раз тело спрятать не успели – оно лежало в переулке. Может быть, спугнули. И значит, что эта зараза просчитывает все с самого начала, если даже в такой ситуации не оставляет следов.

Он помолчал.

– Мы ведь проверили всех учтенных магов в городе, кто мог бы забирать энергию.

– И меня проверяли, – вставила Энца.

– И тебя. А толку никакого.

– А вдруг это не слабые маги? – предположил Саган.

– Нет, – покачал головой Роберт. – Чтобы таким образом забирать энергию, надо или насильно каналы открывать или быть гораздо меньше по уровню. Ну, знаешь, этот принцип сообщающихся сосудов. У нас только Джек и Энца могут без спроса забирать или накачивать.

– Джек не умеет просто так, – поправила Энца. – У него пока не

получается.

– Ребята, – нервно сказала Анна. – Что-то мне этот разговор не нравится. Давайте о чем-нибудь другом, ладно?

Саган послушно перевел разговор на политику и нескончаемые акции протеста «Справедливой ассамблеи», потом на Турнир. Роберт, как и Джек, активного участия принимать не собирался, только как поддержка. Анна же записалась на Игольную хризантему: дисциплину-сюрприз. Раскрыть Игольную хризантему сможет сильнейший из заявленных на это состязание магов, а соответственно его уровню будет определена игра.

– Не обращай внимания, – чуть позже говорила Анна. – У Джека бывает. Он просто берет и пропадает, а потом появляется как ни в чем не бывало.

– А тебе не кажется, что сейчас это... ну, странно как-то? – осторожно спросила Энца.

Может быть, они правы, и это норма для Джека, но девушку не покидало чувство неправильности, нелогичности этого поступка. Пошел за кофе – и уехал, не предупредив, зная, что на носу соревнования, да и от работы их никто не освобождал.

Может быть, неверно судить по себе? Энца так не сделала бы никогда. Даже если что-то случилось, она бы предупредила, сказала, что нужно уехать. А что в голове у Джека – не всегда понятно и ему самому.

– Быстро к нему привыкаешь, верно? – с понимающей улыбкой сказала Анна, и Энца малодушно порадовалась, что Донно их не слышит: женщины вышли на балкон подышать свежим воздухом.

– Привыкаешь, как будто он со своей безалаберностью и легкостью был всегда, – продолжила Анна задумчиво. – А потом он – бац! – и сбегает. То ли ему скучно, то ли еще что. Я вот думаю, что он просто трус.

– Джек? – удивилась Энца. – Да Джек вообще никого не боится.

Анна покосилась на нее, потом, вспомнив что-то, улыбнулась.

– Не бери в голову, котенок, – сказала она. – Это я так, заболталась.

Джек не появлялся два дня. Энце это не нравилось: и его отсутствие, и ощутимая осязаемость его отсутствия. Она по привычке разговаривала с ним, будто тот по-прежнему был у ее плеча. Но Джека не было, и это создавало какую-то совершенно дурацкую дыру в окружающем пространстве. Первую ночь она провела у Донно: после тех посиделок они все там остались.

– Джек даже ночевать не приходил, – удивленно сказала она Донно на

следующее утро, когда тот завез ее за вещами в квартиру Джека. – Это странно.

– Почему?

– Он всегда возвращается, не любит ночевать вне дома.

– И насколько давно ты его знаешь, чтобы так утверждать? – скептически поинтересовался Донно. – Он балбес и болтун, и вполне может пропадать по несколько дней подряд, никого не предупреждая.

Энца пожалала плечами, перекладывая вещи в рюкзак. Донно раскинул сканирующую сеть, проверяя слова девушки, потом осторожно спросил:

– А ты что, его чувствуешь? Как ты узнала, что его не было?

Энца немного растерянно огляделась, потом указала на подоконник:

– Смотри, два окурка в пепельнице – ровно столько, сколько было вчера утром. И ноутбук его по-прежнему лежит под моим, а значит, он его не брал.

Донно послушно оглядел и подоконник, и стопку ноутбуков на столе. Подумал, что порой он забывает, насколько мировосприятие Энцы далеко от его собственного. Так же как у Джека – несмотря на его статус мага, всегда приходится делать скидку на то, что видит и слышит он как человек.

На обратной дороге Энца вдруг спросила:

– Донно... А ты эмпат, да?

Удивленный взгляд мужчины она встретила извиняющейся улыбкой:

– Я давно хотела спросить. Прости... если ты это скрываешь, я не хотела лезть.

– Что ты, – сглотнув, сказал Донно. – Я... ну, скрываю, конечно. Это мало кому нравится. Но ты не бойся, я постоянно держу блокировку, так что почти ничего не чувствую.

Темные глаза девушки внимательно смотрели на него.

– Я не боюсь, – сказала она. – Разве в этом есть что-то страшное? Понять, что человек думает, можно и без всякой эмпатии. Да и ты, даже если чувствуешь что-то, откуда можешь знать истоки этих эмоций?

– Что ты имеешь в виду? – удивился Донно.

– Смотри, например, радость. Вот ты что-то сделал доброе, и чувствуешь: человек радуется. А почему? Твой поступок его обрадовал? А может, просто день хороший? Или этому человеку вдруг девушка улыбнулась у тебя за спиной. А вдруг наоборот, он замыслил что-то плохое, а ты ему на руку сыграл, и теперь этот человек радуется, воображая как его планы сбудутся.

– Ну ты... даешь, – покачал головой Донно.

– Ведь это так, – сказала девушка. – Ты видишь только верхушку

айсберга, а что там под водой – нет.

– И как ты догадалась? Обо мне?

– Как-то само собой сложилось впечатление, – пожала плечами Энца. – Ты очень внимателен и всегда стараешься обойти напряженные ситуации. Тебя только Джек выводит из себя, но... Джек вообще любит выводить людей из себя. В какой-то момент я поняла, что твоя реакция быстрее, чем могло быть при обычном анализе ситуации.

– Джек тоже догадался о том, что я эмпат, – признался Донно. – Догадался очень быстро, и раньше часто подкалывал меня этим. Остальные знают только потому, что я сам об этом говорил. И... если тебе не сложно, не упоминай об этом. Люди начинают нервничать, находясь рядом со мной, а мне хотелось бы этого избежать.

– Да, конечно, – неловко сказала Энца. – Извини, что вообще эту тему затронула.

На следующий день она написала Джеку сообщение: «У тебя все в порядке?», но ответа не было. Тогда тем же вечером Энца отослала ему еще одно, с напоминанием о соревновании. За неявку партнера грозила дисквалификация.

Несмотря на приглашение Донно, Энца больше не оставалась у него ночевать. Чем ближе был день состязания, тем больше ее трясло. Она несколько раз ходила к Барбанегре и тренировалась, пока тот не выгонял ее, ходила в Арсенальный павильон и внимательно изучала холодное оружие, выставленное в одном из залов. Бедняга Унро тонул в бумажной работе и постоянно путался, делая все за троих. Энца ничем не могла помочь: когда сама бралась за бумаги, точно так же путалась, отвлекаясь на свои мысли.

– Не бойся, – сказал ей Донно. – Это же не экзамен, ничего с тобой не сделают, если ты не так как нужно пройдешь.

– Я не боюсь, – ответила Энца. «Я не этого боюсь», – хотела сказать она.

На третий день перед соревнованиями, Энца увидела на стоянке института синюю машину и знакомую длинновязую фигуру, опирающуюся о капот. Джек курил и ждал ее.

Донно что-то проворчал, запирая машину, а Энца поспешила к напарнику.

– Джек! – крикнула она, сама удивляясь тому спокойствию, которое моментально охватило ее.

Теперь все в порядке.

– Привет, – отозвался тот, улыбаясь. – Я только сейчас прочитал твои

сообщения, какая-то фигня с телефоном была.

– Ты где был, Джек? – хмуро спросил Донно, подходя к ним.

Джек еще шире улыбнулся.

– Ты по мне скучал? – поинтересовался он.

– Иди к черту, Джек, – огрызнулся Донно. – Ты едва не опоздал. Вас бы дисквалифицировали.

– Беда, беда, – сокрушенно сказал тот.

Донно не стал связываться, почувствовав, что Джек готов и дальше язвить, а Энцу это расстраивает.

Им следовало зарегистрироваться перед соревнованиями в административном корпусе, а потом ехать за город, на Большое ристалище.

Пропустив Донно вперед, Джек озадаченно спросил у Энцы:

– Что, дату передвинули? Чего медведь бухтит?

Энца ответить не успела: они встретили Анну, а потом в бурлящей толпе внутри Эллинского дворца было не до разговоров.

Спустя сорок минут они были в основном здании тренировочного комплекса Большого ристалища. В холле было ещелюднее и шумнее, чем в Эллинском дворце. Здесь были и люди: члены съемочных групп, администраторы, обслуживающий персонал.

Было похоже на праздник. Если бы еще ее так не трясло. Энца не боялась, но общее напряжение и ожидание начала соревнования сказывалось на ней. Нервная дрожь охватывала все тело, и Энца была готова прыгать на месте, чтобы освободить накопившуюся энергию.

Энца сдала все бумаги администратору и осталась ждать жеребьевки, на которой определялся номер и маршрут для каждого участника. Вдвоем с Джеком они стояли возле стены с картой Железного леса. Сотни жилок-путей опутывали изображение, пересекаясь и сплетаясь. Блекло-красным были выделены четыре маршрута ранга S – это если участника не устраивал выпавший на жеребьевке, он всегда мог сменить его на S, высокой сложности.

Очень похожим манером проводили экзамены у студентов: так же разделяли тренировочный парк на маршруты и пускали сразу весь поток на прохождение. Конечно, с Алым турниром не сравнить: тут и размах, и бОльшая техничность. Опасность правда и там, и там была одинаковой.

Участников было много, под две сотни. Когда окончилась жеребьевка, до старта оставалось около сорока минут, половину из которых потратили на повтор правил соревнования и разъяснения техник безопасности.

Пространственную магию не применять, чтобы не нарушить плетения операторов путей, в открывшиеся случайные бреши не заходить, о

перехлестах маршрутов сообщать, быть осторожными и внимательными. И еще полтора десятка различных правил, которые все присутствующие помнили еще со школьной скамьи, по ежегодным экзаменам.

Время прохождения было не самым главным критерием победы. Каждый конструктор содержал в себе металлическую плашку, их нужно было собирать: чем больше побежденных конструкторов, тем больше очков. Других ограничений по воздействию или плетениям в этом соревновании не было.

Энца дышала ровно и глубоко, пытаясь успокоить себя, но когда стягивала куртку, чтобы оставить ее с Джеком в одной из специальных комнат отдыха, пальцы так тряслись, что язычок на молнии все время ускользал.

Ничего.

Вдох-выдох.

Как только она ступит на тропу, все пройдет.

– Тебе достаточно только этого? – с сомнением спросил Джек, кивая на нее.

Из снаряжения у нее были только пустой рюкзак под плашки, рассованные по карманам бинты, напульсники на руках и гарнитура в ухе, выданная каждому участнику. В черной футболке и брюках она казалась совсем маленькой и хрупкой.

Энца молча кивнула.

– Удачи, – сказал Джек.

Энца коротко отозвалась: «Спасибо», и, повернувшись, едва не столкнулась с Анной.

– Саган уже ушел, – сказала Анна и коротко обняла Энцу. – Беги, котенок, удачи вам.

Когда торопливые шаги девушки стихли, Анна нервно заметила:

– Шумно тут, давай Роберта искать. Он наверняка себе самое тихое место занял.

Роберт и в самом деле сидел один в одной из комнат ожидания. На коленях держал рабочий ноутбук и невозмутимо что-то печатал. В комнате было полутемно, по телевизору в углу показывали как участники один за другим исчезали в чернильно-черных тенях Железного леса, а из динамика под потолком шла радиотрансляция переговоров диспетчерской и участников.

Джек подошел к окну, отодвинув пепельно-розовые портъеры, полюбовался на серый пейзаж: забетонированный двор с парковкой, за крышами ангара – черная резная кромка деревьев.

По телевизору стали передавать игру «Охотники и утки», которая шла параллельно. Из-за того, что следить за прохождением Железного леса визуально не было никакой возможности, по официальным каналам показывали только жеребьевку и начало игры, а потом финальный подсчет очков.

По просьбе Анны Роберт поковырялся с телевизором и подключил его к ноутбуку. Вывел на него интерактивную карту Железного леса с сетевого портала Алого турнира.

Сам он продолжил работать, а Джек и Анна – стараниями Джека, разумеется, – пили пиво и сидели на диване, обсуждая продвижение точек на карте.

Оранжевая с номером шестнадцать – Энца. Двигается быстро, почти без задержек. Зеленая с пятым номером – Саган, тоже быстро, но постоянно останавливается и один раз уже сделал лишнюю петлю. Донно – фиолетовая точка с номером пятьдесят три, движется медленно, но уверенно.

Джек даже на какое-то время поверил, что все так и будет дальше прекрасно.

Из транслятора перекликались диспетчеры и участники, двоих парней сняли почти в самом начале соревнований, они попали в ловушку на кромке леса, потом законсервировали тропу одной девицы за нарушение правил: она пыталась поправить свой маршрут.

На двадцатой минуте в юго-западной части леса появилась жирная желтая клякса рядом с точкой номер пять, и Анна, подпрыгнув на месте, вцепилась в плечо Джека.

– Пятый! Вы меня слышите? Что у вас? – тут же позвал диспетчер.

Пауза.

– Это пятый. Повредил ногу, нахожусь на маршруте.

– Что за выброс был? Двигаться можете?

– Это я шарахнул. У меня перехлест с другим маршрутом, конструкты оттуда пошли сплошным потоком.

– Двигаться можете? – повторил диспетчер. – Перехлест сейчас отследим.

– Пока не могу, – с заминкой ответил Саган.

– Снять вас уже нельзя, – с сожалением сказал диспетчер. – в этой фазе вмешательство извне недопустимо. Законсервировать тропу?

Анна ахнула, и Джек положил руку поверх ее пальцев, успокаивая.

– Это шестнадцатый, – звонко раздался голос Энцы. – схожу с маршрута. Проложите путь до пятого.

– Пятьдесят третий, – почти одновременно с ней заговорил Донно. – Перехлест на пятый.

– Ну давайте все туда влезем, – сердито буркнул Роберт.

– Шестнадцатый и пятьдесят третий, предупреждаю: после того, как вы покинете свои маршруты, связи с вами не будет. Дополнительные очки за помощь не начисляются.

– Ребята, не стоит, – встревоженно вклинился Саган. – Я уж как-нибудь...

– Если можно, сделайте быстрее, – перебила его Энца. – Это все понятно.

– Пятьдесят третий?

– Условия помню, – бесстрастно отозвался Донно.

– Маршруты изменены, двигайтесь по указателю, – сказал диспетчер. – Удачи, ребята.

– Анна, все будет хорошо, не переживай, – успела сказать Энца.

Больше на связь никто из них не выходил. Из-за перемены маршрутов сбились настройки гарнитур. Точки-маркёры с их номерами пропали с карты.

– Участники номер пять, шестнадцать и пятьдесят три покинули свои маршруты, – объявил диспетчер. – Из соревнования они не выбывают, расчетное время прибытия обнулено.

Почти сразу поступил сигнал с двадцатого маршрута: участник потерял сознание. Двадцатый законсервировали до окончания игры. Затем диспетчер объявил, что участники пять, шестнадцать и пятьдесят три перебрались на маршрут S и двигаются дальше.

На карте они так и не появились. Анна уткнулась Джеку в плечо лбом, ногтями впиваясь в кожу.

Через полчаса из Железного леса стали появляться первые финалисты. Рядом с картой повесили турнирную таблицу, в которой одно за другим загорались имена участников, завершивших состязание. Спустя еще двадцать минут Роберт решил перекусить, Анна мерила шагами комнату, раздражая этим Джека, а в таблице так и не загорелся почти десяток имен.

История семнадцатая. Железный лес (окончание)

Саган солгал. Знал, что Анна будет слушать их переговоры, и намеренно приуменьшил серьезность своего состояния.

Поговорив с диспетчером, он кое-как сел, оперся спиной о ствол

дерева и уныло осмотрел окрестности одним глазом. Второй уже заплывал, залитый кровью.

Вот что Саган терпеть не мог – так это пространственные выкрутасы. У него была просто органическая несовместимость с подобной магией. С самых первых занятий в школе и академии, несмотря на жестко проложенные маршруты тренировочных путей, он всегда умудрялся повернуть не там, замкнуть контур на себя или попасть в перехлест линий.

Он бы и не пошел в Железный лес, но на отборочном туре заработал слишком мало очков, чтобы иметь какой-то выбор. Командные игры ему не подходили: все группы были уже укомплектованы, а идти запасным, чтобы так и просидеть на скамье всю игру, было слишком досадно.

Из-за большого количества участников для сворачивания пространства использовали дополнительную темпоральную компоненту, так что время на его маршруте было сдвинуто. Было сумеречно и прохладно – то ли утро, то ли уже вечер. С его-то везением наверняка вечер, а значит, вскоре придется пробираться во тьме.

Почти сразу попал в пространственную петлю, но с помощью оператора выпутался; выловил пять простых големов и технично с ними справился, а потом...

Даже вспоминать стыдно. И это мастер боя, черт возьми, опытный и умелый. Нет, ребятам точно рассказывать не будет: только представить, как Джек будет ехидничать, а остальные сочувственно жалеть... нет, и нет.

И ту петлю, в общем-то можно было списать на обычное неприятие пространственной магии, а вот дальше – только на идиотскую неуклюжесть. На очередной развилке тропинок он глупейшим образом попал ногой в рытвину под приподнятым корнем и потерял равновесие, упав на выставленные руки.

Хотя в некоторой степени это его спасло. Прямо над головой просвистела удлинённая узкая рука конструкта, выскочившего откуда-то слева, и Саган, не вставая, выхватил дагу из ножен и полоснул наугад. С лезвия сорвалось подготовленное плетение, добавляя в удар мощи, но закрепить результат не вышло: справа по голове прилетел такой удар, что Сагана развернуло и швырнуло на землю, а ногу, все так же заклиненную под корнем, до колена прострелило болью.

Саган выдохнул с присвистом и швырнул в нападающего вторым подготовленным плетением. На этом запас закончился.

Оно должно было остановить голема, но не вышло. Из леса стремительными тенями скользили конструкты, в сгущающемся сумраке почти неразличимые на фоне серо-зеленой листвы. Шишковатые головы

венчали рога, и тела были покрыты тонкими пластинами брони. Устойчивы к магии. Где-то совсем рядом слышался характерный треск и ультразвуковые колебания: перехлест маршрутов. Вот почему он не заметил засаду – сбили с толку эти помехи.

Как бы ни были опытны операторы, такие накладки происходили всегда. Маршруты периодически соприкасаются друг с другом, прорываясь на несколько минут. Иногда прорехи небольшие. Иногда – достаточные, чтобы прошел отряд големов. Вот как сейчас.

Отлично. Замечательно.

Нога как бревно, охваченное пожаром, – и болит, и не двигается; шпага придавлена телом, быстро откатиться и выхватить ее не выйдет, а тот, что напал первым, еще неизвестно, выключен или нет.

Выхода не было, и Саган не раздумывая – пока не стало слишком поздно – вдарил по наступающим големам потоком сырой магии, надеясь выиграть время.

Пламя заревело, опаливая разбитое лицо, и грохочущим шквалом рвануло в стороны. Перестарался, вот черт, слишком сильно вышло.

Саган выругался в голос, и краем зрения успел поймать движение. Дернулся в сторону, уворачиваясь. Недобитый конструктор замахивался снова, нелепо тряся полуоторванной головой.

По правую руку от него вставала нестерпимо обжигающая стена огня, и деревья занимались как спички. Размышлять было некогда – и Саган, подхватив волну из пожара, швырнул ее в оставшегося голема.

– ...Пятый! Вы меня слышите? Что у вас? – прорвался в наушнике голос оператора.

Саган обеими руками подхватил поврежденную ногу поближе к щиколотке и подтянул к себе. Надо было успокоиться, чтобы погасить пламя.

Как хорошо, что вокруг ни души.

Маг сложил ладони в жест «озерная гладь» и медленно произнес фразу отрицания. На миг он оказался в центре безвоздушного колокола, и небеса загудели, отзываясь на его силу. В темнеющей синеве задрожали звезды, и стало темно: пламя умерло.

– Это пятый. Повредил ногу, нахожусь на маршруте, – едва переведя дух, отозвался Саган.

***

У входа в лес стояли несколько человек: проверяли регистрационные номера и запускали на маршрут. Усатый хмурый маг с глубокими

складками вокруг рта небрежно повертел руку Энцы, потом кинул помощнику через плечо:

– Номер шестнадцатый в порядке. Пошел.

– Удачи! – вслед сказала светловолосая девушка-оператор. Она всем так говорила, и получалось уже не так искренне и бодро, как в начале.

– Спасибо, – с благодарностью отозвалась Энца и шагнула в тень деревьев.

Мгновенье мрака, закладывает уши и немного пахнет хвоей: оператор запускает нужный маршрут.

Энце тоже не повезло. Хотя она попала на светлое время суток, временной сдвиг был гораздо большим. На ее маршруте стояло зябкое межсезонье. Мерзлая бугристая земля тропы, кое-где покрытая ледяной коркой на лужах, ноздреватые сугробы под деревьями и пронизывающий стылый ветер.

Девушка растерла плечи руками, пожалела, что оставила куртку у Джека, и ровной трусцой двинулась вперед.

В конце концов, если двигаться быстро, то и замерзнуть не успеешь, рассуждала Энца. А если тут окажется несложно, то всегда можно будет свернуть в условленных точках. На карте в холле, которую она изучала, были отмечены стационарные скопления големов – при желании набрать больше очков, можно было туда сунуться, главное – помнить ориентиры.

Пока же кровь мерно стучала в ушах, в теле бурлила искрящаяся энергия, полученная от Джека, и Энца размеренно бежала, внимательно прислушиваясь и цепко оглядывая окружающий подлесок.

В наушнике постоянно бормотали диспетчеры, участники жаловались на неудобные условия троп, пару раз доносились вскрики и ругань, один парень то и дело отпускал едкие комментарии. «Удивительное ощущение, – подумала Энца. – Вроде бы я одна, но словно в толпе. Захочешь, можно позвать кого-нибудь и поболтать».

А затем выловила в переключке номер Сагана, и поняла, что тот попал в беду. Даже не по голосу, не по тому, что именно тот сказал, а каким-то предчувствием. Мелькнул перед глазами образ искаженного страхом и тревогой лица Анны, и Энца, не задумываясь, нажала кнопку на гарнитуре:

– Это шестнадцатый, схожу с маршрута. Проложите путь до пятого.

Почти одновременно заговорил Донно, и Энца обрадовалась: вдвоем будет гораздо легче, мало ли какие повреждения у Сагана. Сама-то она разве что забинтовать сможет.

После подтверждения диспетчера впереди и слева появилось смазанное пятно света на уровне глаз. Пятно мигнуло и пропало, а Энца

быстро шагнула вперед, стараясь попасть точно в ту же область.

Из светлого морозного дня она попала в теплую летнюю темень, и сразу же обо что-то запнулась. От запаха гари щипало в глазах, а под ногами сухо трещали рассыпающиеся в пепел угли.

***

Пели птицы, сквозь резное кружево листвы над головой солнце заливало тропу золотом. Порой тропа сужалась, стиснутая буйно цветущим шиповником, и от аромата цветов кружилась голова.

Донно шел, раскинув сканирующую сеть вокруг себя на несколько метров, левая рука обмотана цепью от локтя к запястью, в правой – фальката. На каждом звене цепи – небольшое бронебойное плетение, а меч наточен Энцей до небывалой остроты. Донно даже в ножны не смог его вложить: лезвие случайно разрезало и толстую кожу и металлические клепки.

В небольшой сумке на поясе – девять металлических плашек от уничтоженных конструкторов. Донно шел и сам не знал, что улыбается.

Перед началом соревнований к нему подошла Энца, попросила наклониться к ней и поцеловала, пожелав удачи.

Роберт подождал, пока она уйдет, и хлопнул Донно по плечу:

– Иди уже, старый похотливый козел, – одновременно с этим напарник подправил на нем чары, регулирующие уровень энергии, – только попробуй выйти из леса не целиком, голову откручу.

Големы просто рассыпались в прах под его ударами.

В наушнике неразлично бормотали голоса, и вдруг Донно выловил Сагана, и несмотря на все свернутое пространство между ними и свою блокировку, почувствовал, что Саган лжет, что ему больно и досадно. Донно остановился. Слишком далеко они уже все ушли, теперь до Сагана обслуживающий персонал извне добраться не сможет, только законсервировать тропу до окончания игры. А это, во-первых, значит, что Саган будет еще час-полтора без медицинской помощи, и во-вторых, что он снимается с соревнования.

Донно потер затылок рукой и нажал на кнопку переговорника, лишь на несколько секунд опоздав. Встревоженный голос Энцы опередил его.

Саган устроился поудобнее под деревом, чтобы при случае можно было хоть как-то маневрировать. Вытащил из ножен шпагу, обновил усиливающее плетение на даге, и попытался просканировать местность.

Это у него плохо получилось: в подобного рода чарах он был не силен.

Стало уже совсем темно, Саган едва мог разглядеть свои руки. Нужно было добавить света, но и на себя внимание не привлекать не хотелось. Подумав, он решил повесить несколько небольших плетений-светляков на дерево в нескольких метрах от себя. Дирижируя дагой, послал парочку на нижние ветви.

Зеленовато-белый свет залил ствол дерева, небольшой участок земли под ним и овальную бугристую маску лица голема, застывшего неподвижно прямо под ветвями.

Саган вздрогнул, и один из светляков сорвался, погас. Второй зацепился за ветку.

Сколько он там стоял? Один ли?

Словно пробужденный светом, голем дрогнул и шагнул вперед. За его спиной послышался шорох, и мелькнула еще пара похожих теней. Справа, где была выжженная огнем прогалина, раздались шаги.

«Твою ж мать», – про себя выругался Саган и подобрался, сжимая шпагу в руках. Теперь, когда в любой момент могли появиться Энца и Донно, использовать огонь нельзя было, чтобы не задеть их.

Пусть и так. Саган сжал зубы, внимательно следя за надвигающимся конструктором. Подпустив его на необходимую дистанцию, резко кинулся вперед, перехватывает гарду прочнее и вонзил шпагу точно между сочленениями брони.

На кончике шпаги – шарик разрывного плетения, и голем споткнулся, вздрагивая всем телом. Внутри раздался отвратительный скрежет, словно каменные глыбы трутся друг о друга, и голем упал вперед.

Саган резво откинулся в сторону, чтобы не придавило тяжелым обломком, и довершил ударом даги в голову. Чертовски неудобно делать это все сидя.

Еще двое или трое. Саган торопливо начал плести разрывные чары, чтобы повесить на шпагу, но не успел.

Свист воздуха над ухом – едва получилось уклониться от удара, и поврежденную ногу снова пронзила боль, когда он неловко перекатился. Конструкторы обошли его с другой стороны, и судя по торопливым приближающимся шагам, скоро их будет еще больше.

Саган призвал огонь и встряхнул кистью, концентрируя пламя. Получилось плохо: контроля почти нет, да еще големы резво отодвинулись подальше от огня и разошлись, окружая его. Саган попытался приподняться, держась за ствол дерева одной рукой, а другой роняя на траву вспыхивающие искры.

За пределами освещенного пятна – грохот, свист рассекаемого воздуха и... внезапно тишина.

– Ого, – сказала Энца, выступая из темноты и стряхивая воздушные лезвия. – Это ты тут все сжег? Я, наверно, целых семь минут по просеке шла... Как ты? Ничего, что я твоих големов порубила? Можем поделить жетончики.

Она почти сливалась с тьмой, вся в черном с головы до ног, короткие волосы заколоты на висках, чтобы не лезли в глаза. Сейчас Саган до чертиков был рад ее видеть.

– Саган, – раздался за спиной низкий голос Донно. – Как ты?

Донно появился абсолютно бесшумно и присел рядом на корточки. Он тоже в черном, и Саган нервно засмеялся:

– Вы как духи тьмы... парочка, блин...

Саган выглядел ужасно, и Энца внутренне вздохнула: все же не зря она сошла с маршрута, предчувствие было верным.

Половина лица у него была залита кровью, бровь отекала, прикрывая глаз. Юноша сидел, привалясь спиной к дереву и неловко вытянув одну ногу. И все равно, даже в таком положении умудрился справиться с крупным големом.

Не говоря уж о том, насколько огромной была выжженная территория. Неужели все сам? Энца знала, что Саган – огневик, но ей казалось, что среднего уровня. Хотя как там Джек говорил? Саган плохо контролирует свою стихию, поэтому работает в паре с Анной.

– Голова сильно повреждена? – спросила она.

– Я не знаю, – отозвался он. – По-моему, просто кожу рассадило на лбу, и бровь. Хотя в голове звенит, да.

– Давай посмотрю, – Донно положил фалькату на землю рядом с собой и провел рукой сначала по лицу Сагана, потом над ногой. – У меня, конечно, как у Роберта не получится, но...

Он замер, прикрыв глаза, потом сказал:

– Вывих, связки сильно растянуты и, может быть, частично разорваны. Насчет лица – ничего страшного, ушиб и разрыв мягких тканей. Вывих вправлю сейчас, но сам ты ходить пока не сможешь. Нужна будет фиксирующая повязка и холод.

– У меня есть бинт, – сказала Энца. – Много бинтов. А ты сможешь вправить сам? Это же опасно.

– Имею некоторый опыт, – мягко улыбнулся в ее сторону Донно. – Доставай бинты и попробуй промыть ему лицо. У тебя есть вода?

– Есть, – кивнула Энца, и тоже склонилась над Саганом.

– Ребят, – сказал тот, – я, конечно, благодарен и все такое... но, может, кто-нибудь будет следить, чтоб на нас не напали?

– У меня раскинута сеть, – сказал Донно и взялся обеими руками за щиколотку Сагана.

– Я тоже прислушиваюсь, – кивнула Энца. – А где те конструкты, о которых ты говорил? Ну, по общей связи.

– Которые на меня напали? Так я и... Ай! А-у-ых...блин, Донно, ты бы предупредил!

– Было бы больнее, – спокойно сказал тот, хотя на его лбу в неверном свете светляка блестели капли пота.

Ведь он же сам эту боль поймал – целиком или отголосками, Энца не знала, какая у него сейчас блокировка. Она потянулась и погладила его колючую щеку костяшками пальцев. Донно вскинул глаза, ловя ее руку и прижимая к лицу. Сухие жесткие ладони были горячими, как всегда, а от серьезного, сумрачного взгляда у девушки дрогнуло в груди.

Саган деликатно похмыкал, напоминая о себе.

– А големов я всех сжег, их туда вынесло, где все горело, – сказал он. Энца покраснела, отстраняясь.

– А... шина нужна? Я могу ветку подходящую поискать.

– Не надо, – отозвался Донно. – Мы сейчас наложим фиксирующую повязку, и я закреплю ее мертвым храном, не хуже гипса будет держать.

– Стоп-стоп-стоп! – в панике воскликнул Саган. – Никаких мертвых хранов. А вдруг на кожу попадет? Нет уж, и так доковыляю.

– Джеку прямо на руку попадало, и ничего, – попробовала успокоить его Энца.

– Джеку твоему можно кол на голове тесать, и ему ничего не будет, – сердито возразил Саган и вскрикнул: – Уй! Ты чего, ногу мне решил оторвать? Больно же!

– Терпи, – коротко ответил Донно. – Энца, давай свой бинт, сейчас сделаем повязку. Ты держи его ногу вот тут, я буду накладывать.

Чтобы им было светлее, Саган вызвал еще несколько светляков, подвесив их на ветви дерева.

– Вы уж простите, ребята, – тихо сказал он, – из-за меня пришлось все бросить.

– Ничего страшного, – ответила Энца. – Всяко ведь бывает. Я вот когда тренировки начала, очень часто падала и постоянно растягивала связки на одной ноге. А наставнице боялась сказать, она строгая у меня очень. И потом я из-за этого экзамен завалила... тогда она заставила меня все

рассказать и пообещать, что я больше так не буду делать. Сказала, что такие вещи нельзя замалчивать.

– Ну и как... держишь обещание? – спросил Саган.

– Н-нет, – с запинкой сказала Энца. – Не держу. А ты сам – почему не сказал правду? А если бы мы не пришли, так бы и сидел тут?

– И сидел бы, – пожал плечами Саган. – Чего такого? Не отвалилось бы. Ну, то есть я рад, что вы пришли, не подумайте, но и смертельного тут ничего не было.

Энца покачала головой. Когда Донно закончил накладывать повязку и стал плести чары, она попросила Сагана сделать ей светляк на срезанной ветке.

– Я тогда пойду поищу жетоны, ладно?

– Жетоны? – удивился Саган. – С големов, что ли?

– Ну да. Ты не против, если я с этих двух, которых сейчас порубила, себе возьму? А то мне только три штуки на моей тропе встретились.

– Негусто, – отозвался Саган. – Но ты в темноте ничего не найдешь, да и не стоит. Мы же все равно выбываем, какая разница, сколько жетонов собрали?

Энца, которая уже встала на ноги и направилась было к останкам големов, остановилась и недоуменно обернулась:

– Как выбываем? Диспетчер сказал, что мы можем продолжать соревнование. Мы поможем тебе идти, и будем двигаться дальше. Разве нет?

Донно и Саган смотрели на нее во все глаза.

– Что такое? Мы ведь все можем перейти на маршрут S, – она подняла правую руку, под запястьем был застегнут браслет-артефакт, активировавший одноразовый переход. Такие же браслеты были у всех остальных участников.

– Мы можем идти, останавливаться или меняться, и охотиться на големов. Нам же важно собрать жетонов побольше, чтобы выиграть?

– Так ты и выиграть собираешься? – восхищенно спросил Саган.

– А зачем тогда участвовать? – удивилась Энца. – Донно, мы же сможем вдвоем помогать ему идти?

– Сможем, – согласился Донно и сказал: – Я тебя люблю.

От неожиданности Энца засмеялась, но почти сразу спохватилась и широко распахнув глаза уставилась на Донно. От нее волной прянул осязаемый ужас.

Донно всего на миг запнулся, но взял себя в руки. Как она недавно говорила? Важно не только, что ты чувствуешь, но и по какой причине. Она

испугалась не признанию, а своей реакции на него, и того, что смехом обидит Донно.

Энца была такой же как Джек – вроде бы читаешь, но в глубине совсем не то, что видно на поверхности.

Саган ткнул его в бок:

– Нашел время, – прошептал он. – Тебя что, не учили как надо девушкам признаваться?

– Я пойду, – взъерошив волосы, быстро сказала Энца и ушла, освещая путь светляком на ветке.

– Ну ты даешь, – с осуждением сказал Саган. – И чего это учудил?

– Не знаю, – отозвался Донно. – Как-то само вырвалось.

Он закончил с повязкой, надел сверху носок и, подхватив свою фалькату, отправился вырезать из троих лежащих големов металлические бруски, которые Энца называла жетонами.

– Вот этот – мой, – сказал Саган. – Остальных порешила Энца.

– Да это заметно, – сказал Донно. На зеркальных срезах големов поблескивало отражение его светляка.

Минут через пятнадцать вернулась Энца, руки были по локоть испачканы в золе, светляк почти угас.

– Я все, что нашла, упаковала в свой рюкзак. Отдам, когда выберемся, – сказала она. – Донно... там бинт остался? Я немного руки обожгла.

Еще договаривая, она покраснела так, что видно было даже в полутьме. Саган про себя хихикнул, а Донно кинулся к ней осматривать ожоги. Юноша в это время пробовал встать.

– Не вздумай на больную ногу опираться, – предупредил его через плечо Донно.

– Не маленький, знаю, – отмахнулся Саган и тут же случайно оступился, перенеся вес на поврежденную ступню. Сам тихонько взвыл, да и Донно вздрогнул: слишком близко и слишком больно.

Ожоги были несерьезные: покраснение, без пузырей, так что Донно аккуратно забинтовал обе маленькие ладони и осторожно поцеловал их сверху. Энца напряглась, но руки не отняла.

– Давайте быстрее пойдем, – сказала она. – Мы и так будем медленно двигаться... извини, Саган... а времени уже много прошло. Наверно, лучше если ты, Донно, будешь открывать, а мы пойдем за тобой.

Донно кивнул, вернулся к Сагану и перекинул его руку через плечо. Разница в росте была слишком велика, и идти было неудобно.

– Смотри, уже командует, – весело прошептал Саган. – Вот малявка.

– Помолчи и иди осторожно, – сказал ему Донно. – Энца, возьми мою фалькату, пожалуйста, и встань по левую руку. Когда скажу, шагаем все одновременно.

Саган и Энца вразнобой подтвердили, что готовы. Донно сжал керамическую бусину на кожаном шнурке, давя ее в крошку, и скомандовал:

– Вперед!

Снова закладывает уши, в глазах не тьма, а непонятная хмарь, но спустя миг все в порядке.

– Тепло, – облегченно вздыхает Энца, опасавшаяся, что снова попадет в межсезонье.

– Светло, – радуется Саган, и Донно смеется над ними.

Анна нервно ходила из угла в угол. Вылетала в коридор, чтобы выпить воды из кулера и возвращалась в комнату, чтобы снова мерить ее шагами. Она успела взять штурмом диспетчерскую, плотно пообщаться с администрацией и собственным начальством. Никаких результатов это не принесло.

Джек вышел на балкончик и устроился покурить. Смотреть на трансляцию «Охотников и уток» было слишком скучно: Джеку никогда не нравились командные игры. Была бы там еще интеллектуальная составляющая, вроде стратегии в бао, еще куда ни шло. А то носятся, схлопывают на поле пространство, ныряют в свои же ловушки, дерутся и скандалят. Тоска.

– Ты совсем не волнуешься! – накинулась на него Анна. – А ты, Роберт, вообще бревно! Впрочем, как всегда. Что вы расселись? Надо же что-то делать?

– Пока у тебя нет дурных предчувствий, – меланхолично заметил Роберт, – к чему трепыхаться? Они не маленькие, и сами во всем разберутся.

– Надо ждать, – зевнув, сказал Джек. – Ты уже все, что могла сделала.

– Это ты, Джек, – вдруг сердито сказала Анна. – Всегда, везде. Где ты только ни появляешься, все идет не так.

– Ну ты совсем того, – поразился Джек. – Тут как ни крути, я вообще не причем.

– А ты теперь и не один, теперь вы вдвоем вносите хаос, – устало ответила Анна.

Она наконец присела на диванчик и обхватила себя руками.

– Я его совсем не чувствую. Он выплеснул слишком много энергии, и

все мои контролирующие чары смело. Он теперь не сможет вызывать огонь...

Она нервно растерла пальцы и вдруг вскинулась, осененная новой идеей.

– И как ты мог ее отпустить, Джек? Неужели ты не боишься, что с ней что-то случится? Разве вам обоим мало той опасности, которая на работе?

Джек заткнул уши. Он не видел смысла разговаривать с женщиной, явно пытающейся довести себя до истерики.

– Энца, ты не могла бы срезать мне прут вон с того дерева? Вроде бы яшень. И штук пять прямых хворостин.

– Могу, – удивилась Энца. – Но если тебе нужно опираться, лучше потолще что-то.

– Не, это я сам сейчас подберу. Я хочу лук сделать. Когда в академии учился, ходил на факультатив по стрельбе, так что тряхну стариной.

Донно в это время методично разбивал отряд из шести големов: была его очередь охотиться.

Энца по указаниям Сагана выбрала и срезала прут посуше, обтесала его и нанесла зарубки для тетивы.

– Это временный, несерьезный лук, – сказал Саган, натягивая тетиву. В его рюкзаке валялась всякая всячина – от жвачек и шоколада до гвоздей и бечевки. – Я предполагал, что будет сложно, и прихватил всего понемногу.

– А зачем тебе пассатижи? – спросила Энца, помогая собрать высыпанные из рюкзака вещи. – А резиновая собачка, рулетка и проездной на автобус?

– Ну, мало ли что может случиться, – туманно ответил Саган.

– Что еще может случиться, чтобы тебе понадобился в лесу проездной? – не унималась Энца.

– Я всегда беру с собой проездной – это счастливый билетик. На удачу, понимаешь?

– Он на этот месяц... Ого. У тебя бутерброды. Старые?

– Почему старые? Сегодня утром готовил, – сказал Саган. Он примерился и выпустил стрелу.

Наточенный с одной стороны прут ушел по дуге и почти наполовину вонзился в ствол дерева. Энца уважительно присвистнула.

– О как, – гордо сказал Саган. – Ничего еще не забыл.

– На стреле чары? Или на луке?

– И там, и там. На стрелу еще дополнительно можно вешать разные боевые плетения, так что когда до меня очередь дойдет, я тоже

«жетончики» пособираю.

Взмокший Донно присел на землю рядом с ними, и Саган тут же похвастался луком.

– Давайте перекусим? – предложила Энца. – Как-нибудь поделим, тут и шоколад есть, а у меня немного воды осталось.

Донно, поколебавшись, согласился.

– Знаешь, – спустя некоторое время сказал Саган. – Вы с Джеком просто притягиваете к себе неприятности. Еще ни разу ни одна задумка не удалась, если в ней вы участвуете.

– Неправда, – обиделась Энца. – Ничего такого мы не делаем.

– Вы разрушаете мироздание, понимаешь? Вот я живу, никого не трогаю, вокруг меня по своим правилам живет мир, потом появляетесь вы – и все рушится.

Вместо ответа девушка приложила руку к его лбу.

– Вроде не горячий, – озадаченно нахмурилась она. – Может, удар был сильнее, чем мы думаем...

– Да нет же! – с досадой отмахнулся Саган. – Я ведь в переносном смысле.

Лет двести назад, еще при славном императоре Максене, том самом, который всю жизнь собирал коллекцию жуков, ненавидел парады и ровно раз в месяц ездил смотреть на публичную казнь для просветления духа, Железный лес вовсе не был тем приятным местом для спортивных соревнований, каким его видят сейчас.

Тогда Алый турнир проводился раз в шесть лет. Готовить его начинали за полгода: искусные маги прокладывали тропы и наполняли их ловушками, закручивали переходы в головоломные лабиринты, расставляли конструкторов и свозили со всех уголков Старого света опасных чудовищ.

Русалочьи пути в то время еще не придумали, и Железный лес был сложнейшим испытанием, пройти которое было честью для любого мага. Не только честью, но и удачей, если уж быть до конца честными. На путаных тропах под черной сенью деревьев пропало немало людей и, говорят, их неупокоенные души и по сию пору бродят в поисках выхода из леса.

В Старом свете это было одним из обязательных состязаний Алого турнира, и подобных лесов существовало несколько. Под Лютецией, например, Железный лес в прошлом веке превратили в туристическое развлечение, что-то вроде дома ужасов, с безобидными големами, пугающими из-за кустов и неким подобием лабиринта.

Сейчас мало что осталось от былого. Операторы отслеживают каждую тропу, на участниках навешаны специальные маячки и гарнитуры для связи – они, конечно, работают только в пределах установленного маршрута, но и то огромный прогресс по сравнению со старым Железным лесом. И разве что маршруты S были неким подобием троп стародавнего времени.

Расслабляться на них нельзя было. Усложненное поведение големов, их более опасные разновидности – и магические ловушки.

Тем чуднее Сагану казался их пикник на небольшой поляне. Он нервничал и оглядывался постоянно, хотя Донно сказал, что все время сканирует окрестности. Энца, казалось, вовсе ни о чем не думала, увлеченно жевала бутерброд и разглядывала его лук.

Наверно поэтому он завел этот дурацкий разговор. Дурацкий – потому что ему никак не удавалось выразить свою мысль. Слова подтопляли ее, искажали, сколько бы раз он не пробовал ее озвучить.

– И ты, и он отрицаете законы обычной реальности, вы все делаете неправильно, не так, как остальные, – пытался он объяснить. – И вот получается, что те события, в которых вы принимаете участие, идут не так, как нужно. Вы словно преломляете реальность. Я не говорю, что это плохо. Просто вот так чувствую

Энца нахмурилась и отложила лук.

– Я... совсем обычная, – осторожно подбирая слова, сказала она. – Я мало чем отличаюсь от простых людей. Да и Джек... не такой уж он странный или необыкновенный, как вам кажется.

– Ну да, ну да, – покивал Саган. И махнул рукой: все равно не объяснить.

Они собрались и пошли дальше. Донно поддерживал Сагана, Энца шла чуть впереди: по уговору была ее очередь охотиться. Девушка шагала легко и уверенно, вокруг пальцев гудел и переливался уплотненный воздух: видимо, она была готова в каждый миг вызвать свои клинки.

– Энца, – вдруг позвал Саган. – Послушай, а тебе хватит... м-мм, ну хватит ли тебе энергии? Джек говорил, что тебе плохо бывает.

Донно ощутимо вздрогнул: видимо, об этом он не думал.

– Все хорошо, – успокоила их Энца. – Я как следует «подзарядилась» перед выходом. Ну, и мы сейчас держим постоянный канал, как тогда, на отборочном туре.

Саган и Донно ошеломленно переглянулись.

– Не, ну если это Джек... с его-то силищей, – пробормотал Саган. – То может... но, блин, никогда о таком не слышал. Другой бы кто за это время уже загнулся от выкачивания...

Донно, вспоминая собственные ощущения от того, как он пытался поделить энергию, лишь покачал головой. Это не укладывалось в голове, но тем не менее существовало. Как и все остальное, видимо, надо было просто принять как должное.

До конца обдумать эту мысль он не успел: в ушах пронзительно зазвенело и их накрыло глухим куполом магической ловушки.

– По-моему, ты сломал мне ребро, – печально сказал Саган откуда-то снизу.

Донно завозился, приходя в себя, а Саган охнул.

Света не было. Тьма душной пеленой охватывала тело. Они лежали вповалку, и Саган даже не пытался шевелиться, зажатый под ним. Донно его совсем не чувствовал, ни ауры, ни эмоций, только тепло тела. Это было... странно. Вроде бы рядом, но словно его нет. Донно как мог, отодвинулся от Сагана и раскинул сканирующую сеть, но неудачно.

– Не могу ничего, – с досадой сказал константировал Донно. – Магия заблокирована.

Он ткнул наугад пальцем в юношу, и тот возмущенно взвыл:

– Ты чего, больно же!

– Я тебя не чувствую, – сказал Донно. – Совсем. Как будто тебя нет.

– Ничего, – буркнул Саган. – Люди с этим как-то живут же. Хотя... они с этим не сидят в ловушке.

– А где Энца? – вздрогнул Донно. – Энца!

– Ее не задело, наверно, – сказал Саган. – Она шла правее и впереди, а ты что-то зацепил.

Донно выругался: он был уверен, что постоянно поддерживаемая им сеть отслеживает любые возмущения магического фона.

Н-да, расслабился.

– Знаешь, – сказал Саган. – Было бы хорошо, если б эта ловушка ... ну, понимаешь, не из тех была, которые сжимаются. Или типа паутины с пауком. Я не знаю, где мой лук, а махать даже дагой в темноте будет опасно.

– Не каркай, – остановил его Донно.

И ощутил, как холодные быстрые пальцы скользнули по шее.

– Саган? – позвал он.

– Блин, – сказал юноша. – Меня кто-то за ногу трогает. Надеюсь, это не ты.

– Знаешь, – возразил Донно. – вот в данном случае, лучше бы это был я, но нет. Меня тоже потрогали.

– Ну твою мать, – простонал Саган.

– Подожди, не нервничай, – сказал Донно и поморщился – мало того, что полная слепота, так и это отсутствие привычного облака эмоций заставляло чувствовать себя неполноценным. Кажется, даже слух притупился, а кожа онемела. Нервничает ли Саган? Может, шутит? С него станется – Джек на них всех дурно влияет, с этой его манерой несерьезно относится к важным вещам.

– Не нервничай, – повторил он, слыша как хмыкнул Саган. – Это все-таки соревнования, из ловушки должен быть выход. Просто надо подумать.

Роберт бы придумал. Он бы, наверно, уже шел дальше, просчитывая в уме все дальнейшие шаги и планируя, что закажет на ужин.

А ведь даже если они сейчас выберутся, Донно не сможет ни блокировку вернуть, которая наверняка обнулилась, ни уравнивающие плетения, которые ставил Роберт. И как там Энца? Что с ней?..

– Ничего не придумывается, правда? – тихо спросил Саган.

Кажется, он отполз дальше.

Насколько простирается их ловушка?

Донно руками ощупал землю вокруг себя, борясь с тошнотворным головокружением. Утоптанная земля, островок травы, прошлогодние листья, сухая хвоя... они, вероятно, все там же, на тропе, только укрыты этим колпаком.

В его руку скользнули холодные пальцы.

– Боюсь, отсюда не выбраться, – сказал Саган. – Придется просидеть до конца соревнований. Ни разу не слышал о таких ловушках.

– Как твоя нога? – спросил Донно.

– Не знаю, – ответил юноша. – Я ничего не чувствую. А ты не боишься? Тебе не страшно?

– Да, – сказал Донно. – Боюсь, что там Энца одна в беду попадет.

– Вот как, – удивился Саган. – А вдруг нас тут съедят?

Холодные пальцы сжались на его ладони, и Донно отдернул руку, не уверенный, что это Саган.

– Кто же съест? Такого не может быть, чтобы на спортивных соревнованиях кого-нибудь ели.

Саган захихикал.

– Ну а вдруг? Разве ты не должен сейчас придумать, как отсюда выбраться?

– Я думаю, – огрызнулся Донно.

Он продолжил ощупывать пространство вокруг себя, и отчего-то тошнота усиливалась, а движения становились все медленнее. Кто-то

взъерошил волосы на его голове.

– Жаль, – сказал Саган. – Кажется, время выходит.

Пальцы, что гладили волосы, вдруг резко впились в них и дернули, так что голова Донно задралась кверху. Лицо застыло от чужого ледяного дыхания, и Донно в бессильном гневе попытался ударить невидимку.

Что-то пронзительно захихикало, и от этого звука заложило уши. Саган печально вздохнул.

А потом чернота наполнилась визгом, который ввинчивался в уши и скручивал суставы. Ледяное дыхание пропало, как и руки, державшие его. Донно обхватил голову руками и повалился наземь.

Мир вокруг взорвался.

Протяжный скрип, шелест, набирающий скорость и силу – а потом глухой, тяжелый удар о землю, который отдается прямо в груди.

Трясутся руки, как у древнего старика, ходят ходуном, словно существуют сами по себе.

Донно лежит ничком на давешней тропе, солнечный свет режет глаза даже сквозь ресницы, а все тело болит, словно с него содрали шкуру. Резко, слишком резко вернулись все чувства, и Донно стонет, не в силах сдержаться.

– Саган! Донно! – кричит откуда-то сверху Энца. Густо намешаны тревога и облегчение. Саган не чувствует.

Донно берет себя в руки, считает до двадцати, потом обратно. Дышит. Дыхательной гимнастике научил его Роберт, и Донно сейчас почти чувствует тяжесть ладони напарника на плече.

Открывает слезящиеся глаза.

Все та же тропа.

Только лес отодвинулся, и теперь они находятся посреди поляны. Саган лежит неподалеку, лицом в землю, без сознания. Энца скользит вниз по ветвям старой ели, с такой высоты, что у Донно захватывает дух, но девушка спокойна, только расправила руки в стороны, и вокруг них – дрожащее марево магии, словно крылья из сгустившегося воздуха.

Когда Энца добежала до него, Донно уже более-менее пришел в себя, и вдвоем они перевернули беднягу Сагана, у которого, похоже, сегодня был неудачный день. К разбитому лбу добавилась кровотокающая ссадина на скуле, ее Энца залила йодом из рюкзака юноши. От жжения Саган пришел в себя.

– Ну... что это такое было? – простонал он. – На нас что-то упало?

Они помогли ему сесть и Саган вытаращил глаза:

– Тут взорвалось что-то? Нас перекинуло? Почему все деревья повалились?

Донно вздрогнул, невольно ловя его эмоции, и встал, чтобы отойти подальше и осмотреться. В самом деле, эта поляна оказалась искусственной: пять или шесть крупных деревьев были ровно срезаны и лежали, образуя круг, в центре которого стояли незадачливые спортсмены.

– Это я, – пояснила Энца. – Вы в какую-то ловушку попали. Хлопнуло что-то, я повернулась – а вас нет. Только такой шар висит в воздухе, большущий. И от него ниточки к деревьям. И он пузырится, пузырится, и то пленкой радужной затягивается, то мутный становится. Я побоялась его трогать, а узнать что такое, я же не могу. Потом смотрю – на деревьях в тех местах, куда в них входят нитки печати выжжены. Я подумала, что если их разрубить, то ловушка раскроется.

– Обалдеть, – выдохнул Саган, но тут же нахмурился. – А если бы на нас упало? Или на тебя?

– Я осторожно делала, – уверила его Энца.

– Саган, ты сможешь идти? – спросил Донно. – Лучше двигаться дальше.

Они проверили свои вещи, и поспешили покинуть поляну. Проходя мимо последнего срубленного дерева, Донно заметил за ним несколько коричнево-серых глыб, в которых угадывались останки големов.

Проследив за его взглядом, Энца пояснила:

– У них тут засада была. Видимо, для того, кто из ловушки выберется.

– Да уж, – присвистнул Саган.

– Очень странная ловушка, – сказал Донно, чтобы отвлечься. Без привычной блокировки чужие эмоции захлестывали, и он все никак не мог настроиться на нужный лад, чтобы отсеивать их. – Мы были в темноте, и абсолютно без магии. Каким образом можно было выбраться? И кто-то постоянно хватал нас за руки...

– Надо же, – сказал Саган. – Даже жалко, что я отрубился и все пропустил.

Донно сбился с шага – но лишь на миг.

– Ясно, – тяжело сказал он.

Больше к этой теме он не возвращался – слишком неприятно было.

Да и не до того стало.

Сначала они уговорили Энцу больше не останавливаться и не охотиться – а быстрее двигаться к выходу, но как назло, засады конструкторов стали слишком частыми. Теперь уже и Донно не рисковал пользоваться

чарами: из-за ловушки все плетения, которые держали в балансе его энергию, слетели, и в любой момент уровень мог упасть.

Сканирующую сеть он свернул до необходимого минимума – и то, она постоянно сбоила, Донно никак не мог поддерживать нужную концентрацию. Это его раздражало, и он еще сильнее нервничал, теряя контроль.

Энца, как он чувствовал, тоже переживала, но, видимо, больше из-за напряжения в их компании, поэтому некоторое время пыталась поддерживать разговор. Получалось у нее плохо, да и отвлекалась все время.

Теперь они сражались втроем: Саган усаживался прямо на землю и доставал лук, Донно вставал с фалькатой рядом, а Энца сразу уходила подальше от них, чтобы не задеть. Потом по ее настоянию они собирали «жетончики», хотя Донно и ворчал, что это лишняя трата времени.

Малейшие изменения магического фона – и он заставлял своих спутников обходить подозрительное место по лесу. Саган терпел, хотя волны боли и усталости от него все сильнее захлестывали Донно.

Еще две явные ловушки они обошли, в третью попала Энца. Ну, как попала. Зачарованная петля захлестнулась вокруг щиколотки, и Энца с невнятным воплем взлетела вверх ногами. Прежде чем Саган и Донно успели что-то сделать, девушка извернулась в воздухе и отсекла бечевку вместе с несколькими сучьями дерева. С шумом ветки обрушились на тропу, Энце удалось приземлиться на ноги.

– Пожалуй, – проворчала она, – и я уже начала уставать от всего этого.

– Ты как? – спросил Саган.

– Нормально, – сказала она. – Слегка передавило ногу, но ничего. Надеюсь, уже недолго осталось.

Оставалось и вправду совсем немного, но чтобы пройти этот путь, им понадобилось гораздо больше сил, чем они думали.

До выхода оставалось не более двухсот метров – по крайней мере, так было указано на покосившемся деревянном столбе у поворота. До столба этого они не дошли всего ничего.

Донно ничего не почувствовал. Ни пятым, ни шестым, ни тридцать девятым чувством. Что уж говорить об Энце, которая не могла сканировать местность, или о Сагане, который настолько вымотался, что последние силы уходили на ходьбу. Он же еще и старался поменьше виснуть на них и идти быстрее, а его чувство вины кислой тошнотой отдавалось в Донно.

Не почувствовал. Они вляпались в ловушку все вместе и поняли это,

только услышав за спиной тонкий дрожащий звук, будто лопнула струна.

Повернулись все разом, и Саган ахнул: причудливым цветком поднимался над тропой огненный сполох. Даже юноше хватило его способностей разглядеть невидимую паутину силовых линий.

– Настоящая Жгучая лилия! – воскликнул он, а Донно, подхватив обоих в охапку, диким прыжком рванул в сторону.

В мгновение ока цветок превратился в ревущую колонну огня.

– Ты сможешь его остановить? – крикнул Донно.

– Нет, – обдавая его неприятной смесью вины и ужаса ответил Саган, – я только свой огонь могу отрицать.

Не отвечая, Донно молниеносно сплел скользящее плетение им под ноги и обоих зашвырнул вперед по дороге, ближе к указателю. К выходу.

– Ты что? – закричала Энца, вскакивая на ноги. – Ты что?!

Жгучая лилия, которую они прошли, уже раскрывалась, и не было времени ее схлопывать по всем правилам. Не с этими помощниками, и не силами Донно в его нынешнем состоянии. Запущенная единожды, Жгучая лилия выжжет всех, кто ее активировал. Бес бы побрал того урода, который решил ее тут поставить...

Хотя в любой ситуации есть выход. Донно пару раз приходилось сталкиваться с подобными, хотя и менее опасными шутками, – их всегда можно закольцевать на себя, и обратной тягой загасить. Правда, придется несладко, а в данной ситуации – и вовсе хреново.

Голова работала четко, ясные и холодные мысли кристально ровно укладывались одна к другой, и Донно наконец дошел до того состояния, когда чужие эмоции отодвинулись на задний план, не мешая думать. Он отбросил фалькату в сторону, чтобы не пострадала, и пальцами начал выплетать чары, одновременно пытаясь сделать себе хоть подобие щита.

Даже если Энца побежит к нему, она не успеет, да и не бросит Сагана, которые едва передвигаются.

Донно сделает все быстро.

И постарается остаться в живых.

– Давай! – раздался злой голос Энцы прямо за спиной, и кто-то ударил его прямо под колени, так что Донно позорно упал, теряя нити, а сверху на него навалились вдвоем оба дурака, которых он пытался спасти. Ревущее пламя стремительно двинулось к ним.

Закружили его собой, и хотя он пытался столкнуть их, только ругались в ответ.

– Ну же! – крикнула Энца, и Саган, напрягшись всем телом, вызвал огонь.

Какая там лилия! Эта пылающая стена проглотила ближайšie деревья, а Энца воздушными потоками подпитала и направила ее вперед. От нестерпимого жара опалили открытые участки кожи, и Донно, не видя, что происходит, глухо застонал.

– Простите, – виновато сказал Саган, – сейчас будет плохо.

Он произнес невнятно фразу, и воздух вокруг пропал. Голову сдавило тугим обручем, а сердце забилося как бешеное. Донно почувствовал, как Энца совсем обмякла, теряя сознание. Через несколько мгновений действие отрицания прошло, и Донно смог вздохнуть. Энца тоже завозилась, приходя в себя.

– Нам вкатят большой штраф за все это, – мрачно сказал Саган. – Я уже вторую поляну тут выжигаю. А ты не смейся, ты тоже руку приложила к уничтожению леса.

Они помогли друг другу встать, а потом не сговариваясь, пихнули Донно кулаками в бок.

– Глупо было, – с осуждением заметил Саган. – Ничего бы у тебя не вышло, только сгорел бы.

– Получилось бы, – возразил Донно. – Почему ты сказал, что не сможешь остановить это? Сделали бы сразу, как надо.

Поддерживая друг друга, они по мере сил поспешили в сторону выхода.

– Мое отрицание не срабатывает, если я до того огонь не запустил, – пояснил Саган. – А договорить ты не дал.

– И как вы так быстро вернулись?

Саган презрительно фыркнул.

– Как будто ты один умеешь эти «скользилки» делать.

Джек запретил Анне ходить из угла в угол, усадил ее рядом с Робертом, а сам куда-то сходил и вернулся, держа в охапке несколько шоколадок и небольших бутылочек с коньяком. Вывалил это на столик перед ней, потеснив ноутбук Роберта.

– Давай, – сказал он. – Ешь и пей. Отвлечет. А я, пожалуй, подремлю.

Он сел рядом и откинулся на спинку дивана.

– Я не знаю, что там у них, – сказал он. – Но с Энцей, кажется, все в порядке. Чувствую ее где-то там. Думаю, и ваши мальчишки рядом. Отвратительно спать хочется, до тошноты.

Он закрыл глаза и проговорил:

– Не слышу ничего. Давай-ка быстро начинай есть шоколад.

Прежде чем Анна успела возразить, Роберт откупорил две бутылочки и

сунул ей распакованную толстую плитку горького шоколада, который она терпеть не могла.

– Надеюсь, ты их не спер, – меланхолично заметил он. – Не хотелось бы потом тратить время на разбирательства с администрацией.

Джек хмыкнул, не отвечая.

В приемнике, уже реже и спокойнее переговаривались операторы. Из леса вышел еще один участник, и спустя полчаса, когда Джек смотрел забавный сон о доме с треугольными окнами и скрипке на ножках, а Роберт и Анна уже сильно повеселели и вспоминали старые добрые времена, диспетчер чуть громче чем обычно произнес: «Маршрут S-ранга, номер четыре! Большой выброс у выхода! Грина, проверьте...», – дальше несколько операторов включились в обсуждение, потом диспетчер оборвал их. – Несколько человек выходит, встречайте!»

История восемнадцатая. Фейерверк и стеклянное конфетти

– Давай пять, – весело сказал Джек и тут же пожалел, когда Энца от души хлопнула по его ладони, размазывая по ней черную землю и кровь.

– Ты в курсе, что такое столбняк? – задумчиво спросил он, размышляя, обо что теперь вытереть руку.

– Я прививку делала весной, – ответила девушка. – Ну что, куда надо идти?

– Медпункт на первом этаже, – сказала Анна. – Деточки мои, давайте вы потом отметитесь, а сначала ко врачу? Или, например, можно Джека послать, чтобы он ваши железки сдал.

Энца засомневалось было, но тут Джек заметил какого-то знакомого в толпе и бросился радостно хлопать того по плечу, приветствуя. За измазанный рукав тот не преминул отомстить, ехидно поинтересовавшись, не его ли, Джека, напарник там стоит и удалось ли хотя бы трех големов прибить.

Но Джека смутить было трудно.

– Боишься, что тебя обойдет? – понимающе хмыкнул он.

– Вряд ли, – сквозь зубы процедил маг. – Я одиннадцать набрал, а мой напарник – двенадцать.

– Правда? – заинтересовалась Энца и подошла, на ходу вытирая чумазое лицо. – А это много?

– Достаточно, – сухо ответил маг и поторопился уйти.

– Так это много, Джек? – не отстала Энца.

– Раз хвалится, значит, много – пожал плечами тот. – Я не следил за таблицей.

Саган и Энца переглянулись.

– Тогда нам надо самим сдать жетончики, – с вернувшейся бодростью сказала девушка. – Куда надо идти?

То, что произошло дальше, Джек еще долго называл одним из лучших представлений, которые на его памяти устраивала Энца. Девушка мучительно переживала, но убедить его в том, что она делала все ненарочно, так и не удалось. «У тебя просто патологическая склонность к театральным эффектам, – уверял Джек. – Ты, главное, не забывай меня звать в случае чего, чтобы я не пропустил самое интересное».

Пока Донно как приличный человек регистрировался у стойки администратора и сдавал набранные им металлические бруски, складывая из них уже третью по счету аккуратную башенку, – правда, девушка-регистратор все больше теряла самообладание и, приоткрыв рот, следила за растущим количеством жетонов, – Энца с гулким шумом сбросила свой рюкзак на соседнюю стойку.

Из рюкзака она извлекла несколько черных оплавленных комков размером с полголовы с поблескивающими металлическими вставками, россыпь углей, пустую бутылку и упаковку бинтов, пару пригоршней разрубленных бесформенных жетонов и десяток-другой целых.

– Что это? – моргая, спросила девушка за стойкой.

Энца сосредоточенно разделяла выложенное на две кучи, а Саган пояснил, опираясь всем весом на стойку, чтобы не стоять на поврежденной ноге:

– Это мое, которое сожженное, а вот эти кусочки – её, – и подбросил в свою кучку еще пять из кармана.

– Я ненарочно, – сразу сказала Энца. – Так получалось. Но я от каждого голема брала только один кусочек, вы не думайте.

Девушка с ужасом посмотрела на разбитую окровавленную голову Сагана, потом на угли на своей стойке, и вдруг закричала через плечо:

– Лана-а!

Пришла старшая администратор, позвали одного из распорядителей, потихоньку вокруг стойки собралась небольшая толпа любопытствующих, а в центре Саган и Энца наперебой отвечали на вопросы администрации. Энца переживала, что им не засчитают результаты из-за поломанных и испорченных жетонов, пыталась объяснить как это случилось и извиниться «за доставленные неудобства». Саган больше волновался из-за

возможных штрафов за выжженный лес, поэтому наперед возмущался тем, что операторы не сумели обеспечить стабильный маршрут и допустили перехлест, сердито рассказывал о чересчур опасных ловушках. Они перебивали друг друга, поясняли и даже пару раз поспорили, но ясность в их рассказе так и не появилась.

Чуть поодаль Джек ржал до слез, придерживая бледную и уже очень уставшую от всего этого Анну. Роберт, прихватив Донно, отправился решать все на другом уровне, оставив администраторов на растерзание толпы.

Когда впоследствии Энца вспоминала тот день – если мешанину из этой кучи событий можно назвать воспоминаниями – она никогда не могла выделить то, что было самым главным.

Джек вернулся, и с ним все в порядке?

Она наконец поучаствовала в настоящем турнире?

Донно признался ей?

Или вся та ужасающая суматоха, которая поднялась вечером?

Ведь они так и не получили свои призы, да и награждения никакого не было.

Тем вечером, в семь минут шестого на Большом ристалище раздалось три взрыва – один за другим с небольшим промежутком. Одновременно с ними на стадионе, где заканчивался очередной тур игры «Охотники и утки», кто-то устроил задымление, а рядом с административным холлом два десятка активистов «Справедливой ассамблеи», накинув принесенные с собой белые накидки, взялись за руки и затянули старинный гимн гильдии магов Гражина.

Пока они пели, другие активисты транслировали звук на все громкоговорители, снимали видео и растягивали транспаранты «Магам – свободу выбора», «Дайте нам дышать», «Прекратите угнетение» и тому подобные, давно набившие оскомину лозунги.

От заложенных дымовых шашек, пугачей и жутких хлопушек с осколками стекла, усиленных артефактами, погибли всего четверо, раненых было под сотню. Многие маги – как спортсмены, обслуживающий персонал, так и зрители, – успели растянуть щиты, закрывая себя и оказавшихся рядом людей.

В холле, где проводился подсчет очков, вылетели стекла и взрывной волной людей швырнуло на пол. Старший администратор смогла охватить почти всю собравшуюся толпу крепким защитным куполом, и многие

спортсмены, глазевшие на Сагана с Энцей, оперативно среагировали, так что от последовавших двух взрывов никто не пострадал. Джек закрыл собой Анну – они оказались в стороне от всех, и купол до них не дотянулся. Магичка потом нещадно его ругала – уж она-то смогла бы поставить более надежный щит. Джек не обижался: сам виноват, его реакция оказалась слишком человеческой.

Не говоря уж о том, что из плеча у него вытащили пять разнокалиберных осколков стекла – если бы не лез и дал Анне возможность действовать, остался бы цел.

Такие же ранения, разной степени тяжести были у многих: разбитые стекла, осколки из хлопушек посекали немало зазевавшихся.

Протестующим это не простили.

Они настаивали на том, что безоружны, что взрывы были только для привлечения внимания, но невзирая на это, всех демонстрантов в балахонах повалили и крепко избili еще до прибытия дежурных магбригад полиции.

На этот вечер все мероприятия были отменены, и продолжение Алого турнира было под вопросом. Из столицы срочно прилетели директор Института Белавина, заместитель премьер-министра, глава Дисциплинарного комитета и еще столько же крупных шишек, чтобы решить судьбу соревнований. Команды магов собирали подписи под просьбы продолжить, многие вызывались добровольцами в охрану. После четырехчасового совещания было решено продолжать.

Энца так никогда и не узнала, кто из них победил. На тот момент, когда она со своими спутниками вышла из Железного леса, максимальное количество набранных очков среди остальных участников составляло двадцать два. Подсчитать очки Сагана и Энцы полностью не удалось: когда начались взрывы, кучки на столе администратора разметало по холлу. Потом уже было не до них.

У Донно насчитали двадцать четыре, у Сагана – двадцать семь, у Энцы на один меньше... ну, а сколько было на самом деле, эти двое спорили еще долго, по памяти перебирая все стычки и побежденных големов, которые им встретились в Железном лесу. Истину так и не удалось установить: каждый раз выходило другое количество.

Было еще одно событие в тот день, которое для окружающего мира прошло совершенно незамеченным, а несколько жизней все же повернуло.

После того, как окружающее более-менее успокоилось, все друг друга пересчитали и ощупали на предмет целостности, Энца отыскала Донно и Роберта.

– Подожди, ладно? – попросил Донно. – Роберт мне поможет восстановить блокировку и все контуры, и я подойду к тебе.

– Н-нет, – с заминкой сказала Энца. – Как раз лучше, чтобы ты еще чувствовал... можно прямо сейчас поговорить? Я не отниму много времени.

Донно, ощущая непонятную смесь эмоций девушки, напрягся. Чего Энца хочет? Он, нахмурившись, кивнул и подтолкнул Роберта локтем, потому что тот, задумавшись о своем, пошел за ними следом.

– А, миль пардон, – рассеянно отозвался тот. – Позовешь, когда договорите.

Энца взяла Донно за руку, и оглядевшись, увела за поворот в технический коридор, где никого не было. Она сильно нервничала, и Донно с трудом скрывал нарастающую тревогу – ему все меньше нравилась эта ситуация.

Продолжая держать его за руку уже обеими ладонями, Энца, не поднимая головы, заговорила. Донно наклонился ближе, чтобы лучше слышать, и намеренно ослабил контроль, с таким трудом возвращенный на тропях Железного леса.

Кисловатый запах страха, нервозность и неуверенность... страх не перед ним. Опять боится его обидеть.

– Ты поймешь, что я говорю именно то, что думаю, – сказала Энца. – Это даже хорошо, что твою блокировку поломало. Я... ну, я о том, что ты мне тогда сказал...

Она отвернулась, чтобы легче было говорить.

– Понимаешь, Донно... ты мне нравишься.

Она быстро улыбнулась, посмотрев исподлобья – чтобы проверить, услышал ли. И понял ли.

Донно понял. Это мягкое и ласкающе-теплое чувство действительно было. Не такое жгучее и глубокое, как у него, но было.

– Но я тебя не люблю, – тихо завершила Энца.

Теперь сожаление и опять страх: сожаление густое и удушливое, а страх где-то под ним, уже почти угасший, потому что Энца, наконец, сказала, то, что боялась сказать – и усталость и облегчение от этого стали забивать все остальные эмоции.

«И не нужно, главное, что я тебе нравлюсь», – хотел сказать Донно. Или: «Ничего, я подожду». «Я рад, что ты сказала»... варианты теснились в

голове, пока он смотрел на нее, а Энца, решив, что он не злится, не расстраивается и вообще, кажется, спокойно это принимает, приободрилась и неуверенно улыбалась ему.

«Давай мы будем встречаться, а там посмотрим». Может, надо: «Зато я тебя люблю, и буду делать это за нас двоих»...

Донно стряхнул ее руки и устало сказал:

– Давай потом поговорим, к бесу все это.

И, не оглядываясь, ушел.

Все же это оказалось больше, чем он думал.

И, конечно, он тысячу раз пожалел, что ушел, поддавшись идиотскому смятению, и не закончил их разговор.

История девятнадцатая. Долгий август

В конце июля флигель за Птичьим павильоном снова был открыт. И хотя здание было вычищено от всех остаточных следов темной магии и скрывающих его плетений, дурная слава и фокусы с окружающим пространством остались при нем.

Не говоря уж о том хаосе, в который превратились все кабинеты. Энца и Унро трудолюбиво и терпеливо разгребали завалы, расставляли все по местам, мыли и чистили мебель. Джек уныло сортировал папки, пользуясь любым предлогом увильнуть от этого.

На ремонт, даже косметический, руководство Института в этом году денег решило не выделять, так что по сути внутренняя обстановка мало изменилась – разве что были убраны все старые пыльные обереги и пучки трав, а Энца на всякий случай везде развесила артефакты обнаружения парабиологических существ. Ни Энца, ни Джек не давали Унро закрыть жалюзи на окнах даже в самый солнечный день.

Хотя здание и его архив были теперь открыты для всех, притока посетителей они не дождались. Увеличилось только количество письменных и электронных запросов – видимо, раньше блокировка Артура отсеивала большинство из них. Джек считал, что это было правильно, но кто его спрашивал...

Во флигель приходили только маги из технической службы и системные инженеры, которые заново прокладывали и настраивали сетевые доступы и устанавливали компьютеры. Появлялись они группами, обвешанные защитными амулетами, что сначала веселило Джека, а потом приелось.

Его мечты о безмятежной и бесконтрольной жизни не осуществились: Яков сказал, что у отдела будет и начальник, и еще сотрудники. Кандидатуры были утверждены, и ждали только их возвращения из отпуска.

Понемногу жизнь входила в свою колею, Джек начал было скучать, тем более, что его огненно-пылкая возлюбленная уехала на весь месяц к родне и практически перестала звонить и писать. К счастью, у них теперь был Унро.

Когда Унро приехал в город, его переполняли радужные надежды. После окончания учебы перевод в Гражин ему помог организовать друг, который работал чиновником в мэрии. Привыкший к постоянному напряжению прежней жизни, первое время Унро ходил с блаженной улыбкой, излучая дружелюбие и счастье. Ему нравилось все вокруг: и город, и коллеги, и работа. Его не пугали даже трудности с жильем: как и Энца он ждал открытия общежития, временно обитая у знакомых. Как и думал Джек, Унро только-только окончил учебу, ему было около двадцати трех. Немного нескладный, но обаятельный юноша с открытым взглядом светлых глаз и щербатой улыбкой был похож на щенка.

До переезда в Гражин у него была ничем не примечательная по его мнению жизнь: он вырос и родился в небольшом городке под Люцем, в нестабильной зоне, и уже в детском саду попал на учет в Институт. Несмотря на раннее развитие, общий уровень, по его словам, был средним, и никакими особыми способностями он не обладал.

С Джеком ему оказалось сложно: несмотря на легкий нрав, тот не слишком любил пускаться в ближнее окружение незнакомцев. Энца хорошо помнила презрительное равнодушие первых дней общения с Джеком, так что сначала с Унро разговаривала только она. На Джека Унро робко поглядывал, полагая его большим начальником, которому не по статусу общаться с мелкими сошками.

Не то чтобы Джек намеренно создавал такое впечатление, но и опровергнуть его не пытался. В некотором роде оно ему даже льстило. Правда, спустя некоторое время, после турнира, Джек изменил свое мнение об Унро, привыкнув и узнав получше. Юноша оказался восхитительно наивным и патологически доверчивым.

После открытия флигеля Джек самолично провел новенького по этажам, рассказывая леденящую кровь историю, произошедшую в этих стенах. Энце он запретил вмешиваться, так что та просто шла следом и молча поражалась, насколько зловещными и жуткими в рассказе представляли

казавшиеся тогда незначительными детали.

Унро несколько дней ходил под впечатлением, нервно оглядываясь. Джек добавлял порой, чтобы тот не расслаблялся: бросал небрежно «сегодня не поднимайтесь на третий, опять на стенах кровь проступает» или спрашивал: «А это не вы сейчас в подвале топали? Хм-м».

Когда бывало совсем скучно, мрачно тарачился на беднягу поверх монитора, нагоняя нервный трепет. Разок, дождавшись когда Унро выйдет по своим делам из общего кабинета, Джек угрюмо сказал Энце: «Кажется, он о чем-то догадывается», так что Унро – который, разумеется, это услышал, – еще долго старался не поворачиваться к ним спиной.

Отношение Энцы тоже ставило его в тупик: девушка отчего-то вбила в голову, что их флигель – место, где отбывают наказание провинившиеся по работе маги, и она несколько раз пыталась тактично выяснить, что же такого натворил весьма ответственный и трудолюбивый юноша.

Унро никак не мог понять, к чему эти вопросы, и, смущаясь, отвечал совсем невразумительно, поэтому Энца решила, что у него какие-то большие ограничения по магии или здоровью, которые не вписали в общую анкету, и перестала его тревожить.

Впрочем, через пару недель игра с пуганием прискучила Джеку, так что Унро стало поспокойнее. Он прилежно вникал во все тонкости работы, помогал Энце разбирать дела, и вдвоем они начали заполнять электронный каталог для архива.

С Донно Энца разобралась по-своему. Джек не расспрашивал ее ни о чем, только подметил один раз, что Донно больше не появляется, и хмыкнул, когда Энца помрачнела.

Донно очень скупно отвечал на сообщения и письма, отговариваясь, что много работы из-за теракта. Звонить ему Энца не решалась, а все ее попытки письменно вернуться к *той* теме Донно обходил молчанием или сводил на нет. Так же, как и предложения встретиться. У Джека Донно не появлялся, впрочем, как и Роберт. У них действительно работы было невпроворот, но Энца думала, что для короткого разговора все равно можно найти хотя бы полчаса.

Тогда Энца заручилась поддержкой Джека, и они вдвоем решили, что делать.

Тем вечером Донно возвращался домой около девяти вечера, уже смеркалось, и занятый своими мыслями, он не обратил внимания на притаившийся на крыше крыльца темный силуэт.

Человек соскользнул вниз прямо перед Донно и быстро перехватил его

руку, когда тот попытался бросить обездвиживающее плетение.

– Т-с-с, это же я, – сказала Энца, и Донно вздрогнул от неожиданности, даже сквозь блокировки ощутив привычный рисунок ее эмоций.

Донно по привычке раскинул сканирующую сеть: где-то слева, у соседнего дома еще один знакомый рисунок. Джек, полыхающий своей аурой, еще и потешается.

Да, наверно, нелепо это смотрелось – как опытный боевой маг был пойман за руку маленькой девчонкой.

– Послушай, – сказала Энца, глядя ему в глаза. – Давай немного поговорим?

– Уже поздно, – произнес Донно, не решаясь освободить руку. – Сейчас не время и не место...

– Донно, – перебила Энца. – То, что я тебе тогда сказала...

– Я понял, – напряженно отозвался Донно. – Еще тогда. Не хочу навязываться.

– Донно, – хмуро сказала девушка. – Ты меня сейчас слышишь? Ну, не в смысле, что ушами, а так?

– Слабо, – неохотно признался Донно.

– Жаль. Все равно, – она крепче сжала его руку, как тогда, обеими ладонями. – Послушай, Донно. Я ведь сказала правду – ты мне нравишься. Но и то что не люблю... Я вообще не думаю, что способна на такие сильные эмоции. Понимаешь, есть люди, вот как Анна – она сильная и любит от души, пусть и... немного нервно. Я так не умею. Никогда не умела. Наверно, потому что я не сильная. И... если тебя это... ну, не устраивает, тогда давай просто будем друзьями? Чтобы все как раньше? Ну, не совсем, – Энца наконец отвела от него глаза, смутившись, – а как до всего. Из-за меня ваша компания разваливается, и это плохо.

– Тебя только это беспокоит? – устало огрызнулся Донно.

– Переводишь стрелки, – сказала Энца. – Не отвечаешь на вопрос.

Донно все время забывал, что Энца, задавая вопрос, никогда не отступает, пока не услышит ответ. Так же, как и то, что даже будучи опытным боевым магом, в рукопашной схватке он не выстоял бы и нескольких секунд против нее. Отчего-то мысль об этом пришла ему в голову именно сейчас.

Может, ему просто пора совместить в своей голове обе ее ипостаси? И принять?

Донно хотел было сказать, что он слишком устал за последние дни на работе, что на этой неделе ему предстоит навещать мать, и голова заранее

трещит от всего, и погружаться сейчас в эти идиотские размышления о чувствах, не-чувствах, отношениях и прочем ему совсем не хочется.

Однако вместо этого, Донно потянул руку на себя, и когда девушка качнулась к нему, обнял, прижимая ее голову к груди.

– Что бы там ни было, – сказал он. – Просто будь рядом. Мне достаточно. Скажи Джеку, пусть валит домой.

– В смысле? – удивилась Энца, уткнувшись носом ему в рубашку. Ее теплая радость грела до самого сердца. Донно даже жалел, что блокировки нельзя просто так снять и насладиться этим теплом полнее.

– В смысле, что ты больше к нему не поедешь. Я с трудом представляю ситуацию, когда девушка встречается с одним мужчиной, а живет с другим.

– Ну... почему же, – попыталась возразить Энца. – А вот...

И осеклась, подумав, что аналогия с женой, изменяющей мужу, здесь совсем неуместна. Даже если в роли любовника выступает Донно.

– Тогда, – сказала девушка, – только до общежития. Я... ты извини, но я хочу, чтобы у меня был свой угол. Не обижайся! – поспешно добавила она.

Донно покачал головой: да и черт с ним, пусть так будет.

Джек моргнул, когда Донно сообщил ему о своем решении. На миг даже растерялся, и сам удивился этому: ведь логично. Разве не должно было так быть?

– А зачем ты сидела на крыше? – спросил Донно, когда они поднимались наверх.

– Мы с Джеком сейчас тренируемся передавать энергию на расстоянии. Мне надо было его видеть, чтобы настроиться.

О своих опасениях, что Донно, увидев ее издали, не захочет подходить, Энца умолчала.

А с передачей на расстоянии получалось отвратительно. То совсем никак, то неправильно. Те чары, например, которые она наводила перед Железным лесом, сработали, но до конца снять их не получилось. Канал был неширокий, и Джеку никакого ущерба не причинял, они даже ходили в медблок, порадовать Орку очередным своим «фокусом». Тот долго чертыхался и примеривался, потом все же смог закрыть, но на всякий случай выписал обоим направление на обследование.

В больницу им так и так предстояло идти – проведать Сагана. После турнира он еще неделю лежал на восстановлении, отчаянно скучал и потому обрадовался, когда напарники зашли в «неположенное» время.

Энце в больнице совсем не понравилось. Очень уж уныло и серо было у них там. Низкие потолки, тусклые лампы и обшарпанный линолеум пола. Стены были покрашены в свежий мятно-зеленый цвет и все равно выглядели старыми и пыльными. Как тут могли лечить? Даже сам воздух был невыносимо серым. Саган тосковал, обложенный книгами, журналами, пакетами с чипсами, орешками, отстреливал монстров на потрескавшемся старом планшете и ходил на процедуры. У него был сосед по палате, неразговорчивый угрюмый мужик лет сорока – тот либо смотрел фильмы на своем ноутбуке, либо глазел в окно.

Больницу еще в прошлом веке строили, и удобства были... никакими они были. Одна на все отделение душевая с несколькими кабинками, туалеты в конце коридора. Энце пришлось идти через весь этаж в противоположный конец, чтобы попасть в женский туалет. Замученная медсестра на посту проводила ее глазами, но ничего не сказала. Две бабули в халатах жадно рассмотрели и стали обсуждать, какая-токая мелковозрастная девица может выходить из мужского отделения, да еще и не во время посещений. А вдруг и не девица? Развелось их...

Двери в палаты были открыты, по ногам дул сквозняк, не добавлявший никакой свежести воздуху. «И как люди могут тут выздороветь», – грустно удивлялась Энца, невольно скользя глазами по фигурам в палатах. У крайней двери она даже приостановилась: лежащая на кровати девушка показалась чем-то знакомой. Стесняясь задерживаться долго – вдруг та проснется, Энца не смогла ее вспомнить.

Пользуясь служебным положением, Энца и Джек еще пару раз посетили Сагана среди дня, повеселили его рассказами о флигеле и новом коллеге.

Совершенно парадоксально Унро заподозрил, что над ним шутят, когда они выехали на первое в этом месяце дело. Джек и Энца были серьезны, но их серьезность разительно отличалась от уже сложившегося у юноши образа великих и могучих напарников, с легкостью разоблачивших темного мага-некроманта, прошедших сложнейший маршрут Железного леса и еще немало различных опасных и тяжелых дел.

Что касалось выезда, то начиналось все как обычно: Энца выбрала из стопки запросов самый старый, собрала по нему информацию, подшила, захватила сумку с артефактами, и они поехали.

Унро первый раз был на подобном выезде: у них точечные прорывов почти не случалось, уж если прореха – так большая, отправлялись сразу целым нарядом. Смутных вялотекущих ситуаций, когда дело

перекидывается между инстанциями в поисках крайних лиц, почти не происходило.

В машине он листал подшивку, зачитывая для Джека отдельные места. Хотя Джек подговаривал Энцу для первого раза выбрать что-нибудь «эдакое», девушка не послушала. Она помнила, как тяжело было ей, и не хотела ставить новенького в неловкое положение.

Они проехали по Третьей Каменной набережной, и Унро своими глазами посмотрел на желтые медленные воды реки Эне, где обитала горбана. Потом полюбовался на кованую ограду Лилейных садков, где пространство было свернуто в клубок, и наконец они оказались на месте, в тихом сонном районе Княжеской заставы.

Местом действия был сквер у полицейского участка. Жители неоднократно жаловались на то, что темными вечерами кто-то довольно шумно идет в тени деревьев параллельно дороге, а порой дергает за рукав и шепчет что-то.

За пару месяцев до того, в конце зимы, помер начальник маг-бригады из этого полицейского участка, и местное население отчего-то решило, что это его неуспокоенный дух балуется. Человек он был тяжелый, вздорный и злопамятный, так что побаивались его даже подчиненные. А уж в виде покойника и вовсе никто не хотел видеть. Двое суток подряд бригада обшаривала сквер, изучая каждый листок и каждую веточку, но и следа паранормальной активности не нашла.

Однако преследования регулярно повторялись, и вскоре жалобы посыпались и в головное управление маг-бригад, и в Дисциплинарный комитет по делам магии. Дело спихнули в архивные исследования, и по известным причинам оно пролежало в отделе около месяца.

Унро, еще незнакомый с тонкостями подобного делопроизводства, читал отчеты и сопроводительные записки, все больше недоумевая.

– А у нас все по-другому, – говорил он. – А разве так можно вообще? Просто передали дело, а с проблемой не разобрались...

– А у нас все так, – отрубил Джек, разворачиваясь, чтобы припарковаться. – Если нет ни жертв, ни травм, никто беспокоиться не будет.

– Как же это? Ой, ну а если монстр-объект? Бывает же, они сначала ничего не делают, а потом – раз! – и начинают нападать.

Джек сочувственно похлопал его по плечу.

– Будь проще, – посоветовал он.

Они выбрались из машины, осмотрели место. Специально подгадали время, чтобы уже смеркалось и людей поменьше. Энца на всякий случай

поставила прихваченные с собой знаки-распорки со знаком парабиологической опасности. Поговорили с подошедшим патрульным полицейским, который дежурил в сквере все темное время суток. Ничего нового тот не рассказал, но очень обрадовался, что, возможно, дежурить больше не придется, и по совету Джека вернулся в отделение.

Энца достала сумку с артефактами и протянула ее Унро.

– Выбирай. В таких случаях мы всегда ставим артефакт-приманку и вешаем на него заклинание-ловушку, – сказала она. – Если ты не знаешь его, у меня вот тут записано...

Унро очень осторожно посмотрел сначала на нее, потом на Джека. В его представлении подобные вещи проходили еще в начальной школе, и даже если он этим не занимался постоянно на работе, то забыть такое было достаточно сложно, в силу их элементарности. Унро поколебался и вытащил из сумки пирамидку с рунами.

– Я помню заклинание, – сказал он. – Что... ставить ловушку?

– Действуй, – коротко кивнула Энца, и они с Джеком прислонились к капоту машины.

Новенький снова озадаченно посмотрел на них, огляделся и установил пирамидку на перекрестке перед входом в сквер. Сплел короткое заклинание, накидывая пальцами невидимую петлю на амулет. Утопил кнопку на верхушке и спокойно отступил.

– Эмм... – нервно сказала Энца. – Ты не мог бы отойти подальше? Если сейчас...

Но юноша лишь удивленно покосился на нее:

– Так до меня никто не дотянется, тут на два метра ловушка.

– Туда еще залезть надо, вряд ли оно вежливо будет тебя обходить, – едко заметил Джек.

Пока они препирались, из кустов практически бесшумно выполз длинный иглистый уж, свернулся вокруг пирамидки и замер. Толстые, покрытые серо-зелеными загнутыми иглами бока его мерно вздымались.

Спустя пару минут Энца удивленно выдохнула:

– Что, всё? Смотри-ка, попался...

– Так ты и вправду маг, – хлопнул парня по плечу Джек, и они с Энцей окружили пирамидку, разглядывая существо.

Унро озадаченно нахмурился.

– А почему я должен был?.. Что вы имеете в виду? А-а, это была проверка, да?

– Что-то вроде, – отозвался Джек. – И что мы с ним делать будем?

Унро, кажется, начал понимать, что ситуация каким-то образом

совершенно не стандартная.

– А что вы раньше с ними делали? – осторожно спросил он.

– Рубили, – пожалала плечами Энца. – Помельче. И потом вызывали уборщиков.

– Иногда наш коллега приезжал и забирал, – добавил Джек.

Оба они разом поскущтели и вернулись к машине.

– Ну, парень, ты же маг. Придумай, куда посадить, сдадим его на опыты. Только давай быстрее, ладно?

Энца, помявшись, предложила помощь, но уже порядком нервничающий Унро отказался.

– Фигня какая-то, – сказал Джек, пока они с Энцей наблюдали за Унро, который пытался сплести клетку вокруг «ужа». – Как это существо могло топтать? Хватать за руки?

– Может, оно шуршало? – предположила Энца. – А испуганные люди довоображали все остальное.

– За уши притягиваешь.

– А ты придираешься.

– Пацан, – позвал Джек, – а эта штука еще приманивает?

– Что?.. – поднял голову юноша, но Энца вдруг закричала, бросаясь вперед:

– Унро!

Юноша, не теряя времени даром, нырнул в сторону, перекатываясь и разворачиваясь назад. Коричнево-бурое, словно покрытое иссушенной древесной корой, за ним стояло высокое существо Оно был удивительно похоже на человека, несмотря на угловатые и разновеликие конечности и вздутое шишками бесформенное тело с небольшой головой. Ростом оно был под два метра, но страшно горбилось.

Сначала оно просто не двигалось, протягивая руки к пирамидке и ужу, и Энца остановилась, держа наготове широкие воздушные клинки. Унро, беззвучно шепча заклинание, одновременно плел какие-то чары. Джек наблюдал.

Сумка с артефактами была далеко, и Энца едва слышно спросила:

– Унро, ты можешь разобраться, что это? Монстр-объект?

– Я чувствую, что это существо не нашего мира, – медленно сказал юноша, внимательно изучая и чудовище, и свою реакцию на него. Оно, видимо, не обладало никакой магией – Унро даже ауру не мог различить. Словно неживое.

Энца облегченно вздохнула: с ними все же проще. Не смог поймать – убей, никаких тонкостей или последствий неправильного решения.

Унро, завершив плетение, резко сбросил его на монстр-объект, одновременно припечатывая еще одним заклинанием. Потом вскочил на ноги и хмыкнул.

– Ну и вот, – сказал он. – Я его обездвигил, теперь не шевельнется.

Он повернулся к ним, довольно улыбаясь. Джек подошел ближе, и они с Энцей переглянулись: надо же, насколько проще работать с *настоящим* магом. Энца даже приуныла – несмотря на то, что они так и планировали только понаблюдать за новеньким, подзабытое чувство ненужности привычно кольнуло в сердце.

– Я вообще его не почувствовал, – удивленно сказал Унро. – Ни ауры, ни какого-либо магического фона.

– Понятно, почему полицейские тоже не смогли его найти, – отозвался Джек, на безопасном расстоянии обходя скрюченную фигуру.

– Он странный, – заметила Энца. – Посмотри, зачем-то все тянулся к этому, маленькому. И слишком близок к человеческим формам.

Они снова переглянулись, и Джек устало вздохнул. Такие объекты всегда идут под повышенным контролем Института, а значит, им еще долго придется тут возиться и все оформлять как полагается.

– Все-таки придется уборщиков вызывать, – отозвался Джек и скривился. Со времен побоища с тараканами, отношения у напарников с этой службой были весьма натянутыми.

Ну, в этот раз они хотя бы асфальт не разбили. И даже газон не попортили.

– Может, прикопаем его где-нибудь? – без особой надежды спросил Джек. – Скажем, что вот этот мелкий во всем виноват?

И вздохнул, когда Энца и Унро в один голос возмутились.

Впрочем, через два часа Унро признал, что Джек, возможно, был прав. Приехавшие по вызову специалисты из отдела Якова долго и нудно расспрашивали магов, осматривали монстр-объекты и место их обитания, фиксировали все мелочи, составляя одновременно несколько актов и описей. К полуночи с Джеком согласилась и Энца. Освободились уже после часа ночи. По дороге подбросив Унро до того места, где он жил, напарники поехали домой. Едва передвигая ногами, Энца дошла до своего дивана и упала на него лицом вниз. Джек отправился за пивом.

– Ты будешь? – спросил он от холодильника.

– Ты двужильный, да? – слабо спросила Энца. – Какое еще пиво... Джек! Ноутбук!..

Джек повернулся, нахмурившись. Ему хватило нескольких мгновений, чтобы составить логическую цепочку из нервного восклицания Энцы и

швырнуть пиво обратно на полку.

Ноутбука нет – он у Донно – Энца переехала.

– Твою мать, – простонал он. – Давай пулей обратно, долетим, может не заметит, что долго ехали...

Эта история повторилась потом еще не раз. И если в обычные дни Донно сам забирал Энцу на своей машине, то после выездов напарники по привычке ехали домой к Джеку, а потом сломя голову неслись обратно. Донно не знал об этом: Энца берегла его нервы, подозревая, что подобные «шуточки» вовсе не покажутся ему смешными.

Эти метания, впрочем, долго не продлились.

В конце августа открылись после ремонта все корпуса общежития, и Энце пришло приглашение на электронную почту. Видимо, по протекции Якова, ей достался жилой блок в первой Зеленой башне, завидное место для рядового сотрудника. Донно помог перевезти вещи, и Энца, наконец, оказалась одна.

Так незаметно закончилось лето.

Конец второй части

Часть третья. Ветер в пустоте

История двадцатая. Дурные шутки

Яркий солнечный свет заливал кабинет через высокое окно.

Хозяин кабинета сидел спиной к окну, опираясь локтями о массивный стол, и его лысина несолидно блестела на солнце.

Джек прищурился, но разглядеть выражение лица мужчины было сложно: свет слепил глаза, скрадывая черты. От этого контраста начинала болеть голова. Джек сглотнул, сев поудобнее, чтобы отогнать подступающую боль. Последнее время во рту постоянно был мерзкий кисло-горький привкус – чертова еда из столовой и кафе. Какая-никакая домашняя готовка Энцы все же была приятнее желудку. Джек покосился на сидящую рядом девушку: тоже щурится, склонив голову к плечу.

Малявка оказалась принципиальной: едва дали общежитие, сразу перебралась туда. Джек привозил ей кое-какие забытые у него мелочи и имел удовольствие посмотреть ее «апартаменты»: маленькую кухню, где плечом к плечу могли встать всего два человека, санузел с душевой и что-то вроде спальни-гостиной с раскладывающимся диваном, столом и шкафом. Яков, скотина этакая, видимо, считал, что Энце еще повезло. Джек не знал, как живут другие сотрудники, но как студенты – видел. Он и сам сколько лет провел в общежитии, и его комната отличалась только тем, что там была двухъярусная кровать, а туалет и кухня были общие на этаж.

– Давайте будем откровенны, – говорил человек, сложив руки в замок.
– Я бы не хотел, чтобы вы беспокоили моих сотрудников. Проведите свое расследование максимально быстро и тихо.

Дело было... странноватым. Запрос поступил совсем недавно, из маг-бригады Северной заставы, с пометкой «сложный случай». Некая фирма, издательский дом учебной литературы «Амадина», настаивала на том, что у них в офисе «что-то плохое происходит», но при этом маг-бригаду на порог не пустили. После того, как дело оказалось в отделе архивных исследований, и Унро позвонил, чтобы уточнить детали, сотрудников отдела сразу же пригласили на встречу. Поехали только Джек и Энца; Унро отправился по более серьезному вопросу, ему нужно было до конца оформить бумаги с общежитием.

Секретарь встречал их внизу, у роскошного парадного крыльца,

обсаженного туями и украшенного скульптурой лежащего красного льва. Секретарь молчал, будто в рот воды набрав, да и замдиректор, к которому их проводили, тоже напускал туман, разговаривая то о погоде, то о важности соблюдать конспирацию.

– Эм-м, господин К-камень, – Энца запнулась на имени: не далее получаса назад они с Джеком потешались, читая дело по дороге. – При всем уважении, мы не... не обещаем, что расследование можно провести в тайне. Вы понимаете, специфика нашей работы...

– Я слышал, – прервал ее мужчина. – Вы не используете силы, данные вам матерью-природой, предпочитая искусственные заменители. Артефакты, амулеты.

– Забавно вы это преподнесите, – усмехнулся Джек. – Особенно если учесть, что вы сам являетесь магом низкого уровня. Интересно, как вам удалось встать во главе такой крупной фирмы? Связи?

– Вас это так удивляет? – вдруг огорчился мужчина, и в голосе ясно послышалась печаль. – То, что человек может занять достойное место?

– Не человек, – поправил его Джек. – Маг.

Господин Камень замолчал. Энце стало неуютно под его пронзительным и неприятным взглядом.

– И вы... одобряете подобное положение вещей? – наконец заговорил он. – Когда человек с отметкой Института парасвязей в документах не имеет возможности подняться выше обычного специалиста? Неужели вам никогда не хотелось выпутаться из силков, куда нас загоняет система? Или вы оба... из этих амеб, которым все равно где находиться, лишь бы не трогали?

Джек хотел было возмутиться подобной формулировкой – почему сразу «амебы», – но Энца дернула его за рукав.

– По-моему, – мягко сказала она, – мы далеко ушли от нашей темы. Давайте вернемся к...

– Неужели вам никогда не хотелось изменить этот мир? – медленно спросил Камень, не слушая ее. – Ведь это несправедливо. Мы не хуже них. А в чем-то и превосходим, и они нас боятся. Они сковывают нас, ограничивая свободу, и пользуются нашей силой. Без нас люди бы прятались по убежищам – им нечего противопоставить монстрам иных миров... а вместо благодарности они сели нам на шею, и наши дети гибнут в неблагополучных районах. И то, что над магами разрешено проводить эксперименты, как вам это понравится? Это скрывается от широкой общественности, что все их амулеты проходят проверку на безопасность не на кроликах, а на живых людях. Вы знали об этом?

Джек широко улыбнулся. Несмотря ни на что, этот мужик нравился ему все больше и больше.

– Да, – медленно сказал он. – Подлые сволочи и вивисекторы. Пытаются прикрыться тем, что платят по тройному тарифу, но ведь это не суть, правда? Главное, что эксперименты. Еще и добровольное согласие требуют: ни в какие ворота не лезет.

Камень моргнул, сбиваясь с мысли. Некоторое время смотрел на Джека, пытаясь понять, серьезен тот или нет. Джек был, разумеется, предельно серьезен.

Как, впрочем, и всегда, когда представлялась возможность разыграть одну из своих дурацких шуток.

Камень откашлялся и продолжил, хотя вернуться к прежнему тону удалось с трудом.

– Д-да, это вы верно сказали. Обманывают, прикрываясь завлекательными для несведущих приманками. А что творится за вышками Саржино?..

– А в Остзейде магов развешивают по деревьям, – невзначай заметил Джек, имея в виду, что живет-то им тут вполне себе неплохо, в отличие от некоторых, но Камень понял его неверно.

– Да! – подтвердил он. – Там еще хуже. Мрак и тьма, которые вполне могут поглотить и нашу страну. Ведь в наших руках поменять все, а мы – совершенно никто из нас ничего не делает. «Свободная ассамблея» пыталась донести до общества эти идеи, и кто, как не сами маги, помогли с захватом протестующих на Алом турнире? Прислуживаясь людям, мы идем в бездну и губим друг друга. А вы двое?..

Напарники ответили ему крайне подозрительными взглядами. Фразой «А вы двое?..» Яков обычно начинал свои околосопитательные беседы.

– Ведь в ваших руках, возможно, будущее магов этой страны. Вы оба уникальны. Когда секретарь доложил мне о том, кто приедет на встречу, я изучил о вас все данные, что смог достать. Вы оба, по отдельности и в связке – идеальное оружие против немагических существ, – он сделал паузу и подался вперед, цепко глядя на них блестящими темными глазами, – против людей.

Энца оторопела, а у Джека брови поползли вверх. Такого поворота никто из них не ожидал.

– Вам не выстоять против заклинаний или подавителей магии, но в случае с людьми это и не нужно. У них нет защиты от вас... неужели осознание этого не привело вас к логичной мысли, что вы стоите на порядок выше них? Что вы не обязаны подчиняться их унижительным

законам?

Картина всеобщего разрушения, летящие по ветру обломки, стекла, вещи, разрубленные до основания здания, и где-то сверху – воцарившийся над миром Джек, повелитель штормов и бурь, и Энца в качестве верного телохранителя с огромными устрашающими мечами, мгновенно пронеслись в умах напарников. Картины, разумеется, несколько отличались: у Джека там присутствовал удобный черный трон и некоторое количество полуобнаженных дамочек, а у Энцы – груды прекрасного оружия, дары поверженных людишек.

Некоторое время напарники ошеломленно смотрели на мага, подавшегося вперед над столом, потом переглянулись.

Столько пережив вместе, они уже могли разговаривать без слов, понимая друг друга на лету.

«Кажется, этот человек – сумасшедший», – читалось во взгляде Энцы.

«По-моему, крутые у него идеи», – согласно прищурился Джек.

Энца честно пыталась сдержаться, но дурацкое хихиканье вырвалось у нее против воли.

– Простите, – выдавила она. – Я не хотела...

Откинув голову, она расхохоталась, а Джек грустно покачал головой:

– Совершенно несерьезный человек. Я уже сколько раз склонял ее к идеям о мировом господстве, а она все хихикает. Ну, а вообще мысль интересная, у вас уже составлен бизнес-план?..

– Вижу, у нас с вами разговора не выйдет. Соблаговолите покинуть кабинет. О деле мы поговорим в другой раз, – сухо и разочарованно произнес Камень.

Он нажал кнопку на интеркоме и секретарь из приемной, сутулый молодой человек в очках, вывел Джека и Энцу из здания.

Снова оказавшись рядом с монстрообразным львом у входа, напарники некоторое время смотрели на него, потом Джек сказал:

– Давай, что ли, на солнце отойдем, слишком прохладно тут, знобит.

Они отошли к невысокой ограде газона, и Джек закурил.

– Ну чего, долго еще ждать? – спросил он.

Энца пожалала плечами и полезла за телефоном, чтобы проверить время.

– Обещали встретить внизу. Но, может быть, потому что мы опоздали?.. Ну, Джек, я же говорила, что опоздали, времени-то вон сколько уже! А, подожди, тут сообщение пришло.

Девушка на всякий случай отвернула экран от напарника, чтобы прочитать.

– Так это от них, от издательства, – растерянно сказала она. – Пишут,

что встреча переносится, и детали уточнит секретарь. Странно, я и не слышала когда сообщение пришло.

– Зря ехали, – рассердился Джек. – Хотя в принципе можно воспользоваться ситуацией и пообедать где-нибудь в приличном месте, а то от институтских тошнилочек у меня скоро желудок наизнанку вывернется.

Секретарь и господин Камень смотрели на напарников сквозь затемненное стекло фойе. Секретарь чувствовал недовольство начальника и попытался подсластить пилюлю:

– А как без запинки сработало плетение на статуе! – немного преувеличенно восхитился он. – Они даже не поняли ничего, память стерлась мгновенно. Вы просто мастер.

– Это несложно, если объекты воздействия не имеют никаких навыков распознавания чужой магии, – возразил Камень, но черты его, заострившиеся от пережитого разочарования, все же сгладились.

– Все равно, сама идея выключения памяти по триггеру просто гениальна, – продолжил разглагольствовать секретарь и неловко замолчал, под недовольным взглядом начальника.

Его спас телефонный звонок. Камень поднес мобильник к уху и знаком приказал секретарю удалиться.

Нервно переживая неудачную попытку подольститься, секретарь уныло слышал обрывочные реплики начальника: «нет, не вышло», «запись отправлю», «вас понял, а разве не стоит...». Видимо, это их куратор интересовался ходом дела.

Ну и подумаешь, тоже мне, важные птицы, утешил себя секретарь. Кто они вообще такие? Даже триггер обрыва памяти не распознали.

А вот вчера господин Камень такую жирную утку поймал, что эти двое и рядом не стояли. А что еще будет.

Что еще будет...

Сентябрь был теплым, а порой и жарким, словно лето не хотело отступать. Кампус Интстута стал многолюднее. Любопытные студенты компаниями приходили послоняться под окнами прославившегося за лето флигеля, а Яков сказал, что скоро здание включат в общий маршрут экскурсий.

Правда, это никого не взволновало: экскурсии обычно проводились во время каникул, чтобы туристы не особо пересекались со студентами – и тем, и другим безопаснее.

Понемногу и флигель стал наполняться жизнью: на третьем этаже

расчистили и оборудовали два кабинета, и коллеги порой обсуждали, кого к ним пришлют.

Первыми появились две женщины, архивариусы – они забрали у Энцы и Унро всю опостылевшую работу по разбору старых дел и созданию электронного каталога.

Старшей было сильно за сорок, ее звали Леди, у нее были очки на цепочке, цепкие зеленые глаза и темные элегантные костюмы. Она была ниже Энцы и шире в два раза. Джек ее опасался и старался не попадаться на глаза: Леди не упускала возможности отчитать его за неподобающий вид, склонность к курению и опоздания. Впрочем, она не раз угощала Унро и Энцу своими пирожками, сдабривая их рассказами о внуках.

Младшей было около двадцати пяти – бесцветная молодая особа с круглыми, вечно удивленными глазами. Она едва слышно шелестела, разговаривая, и деловитая Леди была у них в паре за главную. Младшую звали Гарброу, и с легкой руки Джека обеих дам за глаза коллеги величали не иначе как Леди Гарброу. Магички почти не появлялись на их этаже, проводя почти все время или внизу, в архиве, или у себя в кабинете.

Новый начальник, хоть и давно обещанный Яковом, так и не появлялся. Зато теперь к ним часто забегал Ворон – он перевелся в Гражин на преподавательскую должность, и после событий в имении считал за удовольствие «поболтать с молодежью».

Через неделю после начала учебного года стремительным шагом, с шумом распахнув дверь, в отделе – и их жизни – появилась Шиповник.

Девушке было чуть больше двадцати, она еще училась, и работа засчитывалась как необходимая практика. Высокая, статная – настоящая русоволосая красавица с уверенным взглядом светло-голубых глаз. Больше всего Энцу восхитили волосы новенькой: такие длинные, что кончик косы Шиповник небрежно засовывала в задний карман джинсов, чтобы не мешался.

Унро был поражен в самое сердце, но, как он быстро понял, ничего серьезного ему не светило. Ростом не вышел, да и с коллегами новенькая принципиально не имела дела.

Принципы ее жизни, озвученные твердо и с достоинством, привели Энцу в немое восхищение. Джеку она чем-то напоминала Офелию, а потому даже ее эффектная внешность никак не вдохновляла на близкое общение. Джек по возможности сторонился ее.

Не подозревая о том, что к ним идет пополнение – письмо от секретаря кадровой службы как всегда затерялось где-то на подходах – все трое собирались на выезд. Джек попросил Энцу подвязать ему волосы, чтобы те

не мешались, а Унро был послан на шкаф: там в коробке лежали запасные артефакты.

Ни молодой человек, упавший со шкафа при виде новенькой – Унро, конечно же, в свойственной ему манере тут же попал впросак, – ни длинноволосый хлыщ, сидевший на стуле, ни мелкая девчонка, возившаяся с его волосами, не внушили никакого доверия или уважения Шиповник, и с первого взгляда девушка поняла, что тут будет очень сложно.

Во-первых, придется как-то привыкать и попробовать навести порядок, во-вторых, донести до этих людей, что неформальные отношения на работе – некомильфо.

Да и смеяться так громко и часто тоже не следует.

При выборе места практики Шиповник посчитала, что этот отдел довольно перспективен – из-за недавних событий и малочисленного персонала у нее будет больше возможности для продвижения выше. Учиться ей оставалось всего полтора года, а близость к архиву и экспериментальным площадкам Птичьего павильона в следующем году поможет ей в написании дипломной работы.

Тут же было... все неправильно.

Никакого начальника.

Никакого распорядка дня и четкой организации работы.

Идиотские шутки и розыгрыши. Халатное отношение к делу.

Да еще и сам флигель. Шиповник специализировалась в одном из направлений пространственной магии, и потому сразу поняла, что вокруг здания еще остались некоторые аномалии. Она написала заявление в техническую службу – и через неделю после того, как ей так и не ответили, попробовала поправить их сама.

Еще три дня после этой – как ей казалось, удачной – попытки девушке приходилось звонить на мобильный Энце и просить ее встретить у входа: флигель отказывался появляться. После этих мучительных для ее самолюбия дней все наладилось, но некоторые шутки флигель продолжал выкидывать – иногда можно было зайти не в ту комнату, что планировал, или потерять дверь от архива. Порой пропадали окна на первом этаже, и тогда в срочном порядке Энца и Унро хватались за швабры и отмывали до блеска полы на всех этажах. Отчего-то проблем сразу становилось меньше. Унро говорил, что здание любит чистоту, а Шиповник сердилась и спорила: у зданий не бывает любви или ненависти, у них даже души нет, и это доказано множеством исследований.

Если Унро уже стал своим за этот месяц, окончательно завоевав сердца

напарников своим чудесным умением из остатков подсохших в холодильнике продуктов готовить полноценные блюда в микроволновке, то Шиповник вовсе и не хотела стать «своей».

Кое-как в отделе установилось тяжелое перемирие, разбавляемое все более частыми отсутствиями Джека и его постоянными опозданиями. Раньше чем через месяц Шиповник перевестись на другое место не могла, на этот счет для студентов были строгие правила, так что девушка, сжав зубы, держалась.

Однако именно Шиповник нашла ту странную закономерность, которая стала головной болью всего отдела на долгое время.

– Руки из стены? – сердито фыркнула она и бросила очередную бумагу в стопку слева.

На ее столе ровной шеренгой высились пять стопок с делами, заявлениями и запросами. Несмотря на титанические усилия Энцы и Унро в прошлом месяце, поток бумаг, которые нужно было обработать, все еще не иссяк, и в нем по-прежнему попадались запросы, датированные июнем, июлем и даже маем.

Шиповник не ожидала, что в этих докладных и заявлениях, порой написанных от руки, будут откровенно нелепые и странные просьбы и доносы. Она-то хотела чего-нибудь посущественнее, вроде таинственных событий, как в книгах или журнальных статьях, но большая часть дел, к ее разочарованию, оказывались пустышками. Бывали и случайно попавшие сюда бумаги, вроде анонимного доноса на мага-ученого Шенке – еще прошлогодний, до того, как тот запустил турбийон и был арестован.

– Можно посмотреть? – спросила Энца, забирая бумагу. Унро, любопытный как кошка, тут же подкатился на кресле ближе. Энца сейчас сидела рядом с ним, на месте Джека.

А Джек опять отсутствовал. Второй день подряд – и это было уже не впервые. Когда он появлялся, Анна требовала, чтобы тот звонил или хотя бы писал, если собирается так надолго выпасть из общения. Джек сердился – не хватало ему очередной «мамочки» на голову, чтобы отчитываться в своих передвижениях.

В сентябре у всех работы было много, так что встречались теперь друзья реже. В основном у Донно сидел Роберт и приезжала Энца.

Энца тоже переживала за Джека: кто знает, очередной загул или... что-то более страшное. После затишья августа и первых дней сентября, истории с пропажами магов возобновились. В газетах стали писать, что это дело магического общества, и пусть они сами разбираются. Сейчас у всех на устах был суд над террористами, которые взорвали пугачи с осколками

на Алом турнире. Разбирательство шло долго, постоянно появлялись новые подробности, заседания суда переносились. Газетчики негодовали, а террористы упорно твердили, что в их пугачах не было осколков и что они не планировали ничего опасного. В общем, о маньяке теперь волновались только сами маги. Полицейские, которые помогали следствию, были отозваны: по утверждению главы маг-бригад города, у них были намного более важные дела.

Донно подарил ей мощный защитный амулет и приказал никогда не снимать. Энца не слушалась – на выездах, если вдруг выпадало ехать с Джеком, амулет сильно фонил, мешая работе артефактов, так что девушка его убирала подальше, полагая, что присутствие самого сильного мага в мире и ее всережущие клинки защитят от чего угодно.

– Руки из стены, – сказала она задумчиво, пробегая глазами заявление.

– Да их там три или четыре еще, – насупленно отозвалась Шиповник.

– Руки! Из стены! Вот в этой стопке посмотри еще.

– Это не может быть просто так, – заключила Энца, проглядев остальное. – Разные места и разные люди. Давай я это в отдельное дело оформлю.

– Я сама, – сказала Шиповник: она не любила отдавать свою работу. Пусть и бессмысленную.

Бумаги взял Унро:

– Интересно, что тут общего? Может, связано с временем суток?

– Не связано, – отрезала Шиповник. – Я уже думала.

– А место? – спросила Энца. – Давай на карте потыкаем, может какая-то там закономерность обнаружится?

На стене рядом с дверью теперь висела большая карта города, и любимым делом Энцы было втыкать в нее булавки с разноцветными головками.

Унро зачитывал адреса, по которым происходило явление, а Шиповник взяла справочник с указанием нестабильных зон и называла ближайшие к этим адресам области.

«...Хочу донести до вашего сведения злостное нарушение сотрудниками полиции своих прямых обязанностей. Три дня назад мною был утерян кошелек с приличной суммой денег и несколькими кредитными карточками. Мною было заявлено об этом немедленно, я выполнил все необходимые процедуры, но кошелек так и не был найден, несмотря на мои неоднократные обращения к дежурным полицейским. Более того, два дня назад я столкнулся с откровенно хамским отношением со стороны

ответственных лиц неустановленной должности, которые в крайне неприятной для меня форме....

... также со стороны полицейских были проведены розыгрыши, которые мне показались совершенно неуместными, а мою супругу...

... когда мы проходили мимо полицейского участка из стены противоположного дома показалась рука. Она не двигалась, но несомненно, это был преглупейший розыгрыш полицейских, и я хотел бы обратить внимание на этот вопиющий факт...»

Выдержки из заявления в головное управление
полиции города Гражина
от г-на П-ва

Из резолюции к заявлению:

«Переслать заявление в Институт парасвязей, справку о переводе запроса выдать потерпевшему, а также завести на него дело о клевете и причинении помех следствию. Обнаглели уже совсем, работать не дают, а жалобы пишут»

«Мы с девушкой домой возвращались, после вечеринки, – и значит, уже полночь прошла давно, потому что мы в половину первого домой собрались.

И вот мы идем, а тут кто-то рукой машет. Мы подумали, что это из наших, и подошли ближе. А там из стены рука торчит. Почти по локоть, бледная и очень худая. А стена была обычного жилого дома, только торцевая, где окон нет. Мы сначала не испугались, потому что подумали, что в стене дырка какая-то, но когда рука переместилась выше, стало видно, что поверхность ровная и дырок никаких нет.

Ну, мы сначала очень испугались и побежали, а потом подумали, что сфотографировать надо и вернулись. Но уже ничего не было».

Из интервью очевидца
в журнале «Тайны Гражина»,
статья «Непознанные загадки современного города»

«Я вообще-то не боюсь всяких штук, но вот эти были страшные. Вы уж сделайте что-нибудь, пожалуйста. Я не знаю, куда надо писать, поэтому пишу вам. Может, вы перешлете куда нужно. Я два раза пугалась очень сильно, а вдруг там дети пройдут и что-то случится? Меня оно за подол платья хватало, когда я на работу шла. У нас там возле дома трансформаторная будка, и я раньше срезала дорогу, между ней и домом. И рука эта появлялась вдруг из стены, дернула меня за подол, я повернулась и

чуть не упала, так страшно было. Потом через два дня я опаздывала и забыла совсем, снова там пробежала, и снова оно меня схватило.

Я на форуме у девочек спросила, куда про это писать, никто не знает. В полицию постеснялась идти, хотя может надо было. Нашла через поисковик вас. Помогите пожалуйста.

С уважением,

Solnisko_S»

Из письма в техподдержку форума «Пара-Б»,
первого и старейшего форума о парабиологических сущностях
(переслано на портал Института парасвязей)

– Нам нужны последние сводки по паранормальной активности в этих районах, – сказала Энца, когда булавки были расставлены. – Никакой связи сейчас не вижу между ними, два случая на севере, один в центре города, по одному еще в трех разных кварталах.

Она посмотрела на Шиповник, но девушка не сразу поняла, что от нее хотят.

– В архиве, – подсказала Энца. – Позвони, пожалуйста, леди Гарброу, они тебя хорошо слушают.

И это было правдой: обе женщины только к Шиповник относились как к ответственному работнику, по первому требованию выписывали требуемые справки и подбирали нужные отчеты. Поначалу ее тоже брались опекать, как Унро и Энцу, но Шиповник быстро расставила всех по своим местам.

Так что спустя сорок минут на общем столе высилась внушительная стопка разнообразных отчетов за весну-лето: и административные сводки, и криминальные, и паранормальные, и даже метеорологические.

Джек пришел после обеда, подозрительно оглядел горные кряжи из папок и бумаг и спросил:

– Опять, что ли, чего-то раскопали? Или вас дамы подключили к своим делам?

Он без особого интереса полистал ближайшую к нему подшивку и отбросил.

– Вы уже обедали?

Энца вынырнула из-за бумаг:

– Ты откуда вообще?

Джек на миг остановился, глядя на нее. Потом опомнился, тряхнув головой.

– Переклинило почему-то, – сказал он. – Вдруг показалось, что не

помню откуда приехал. Я у Эли был, у нее проблемы дома, помогал.

– Интересно, с чем, – сухо отозвалась Энца, отворачиваясь от него. – Помогал есть ее деликатесы, которых она опять наготовила слишком много?

– А ты чего язвись? – заинтересовался Джек.

– Слушайте, – встрял Унро, который слушал их невнимательно, и из всего уловил только про еду. – Там Леди Гарброу сегодня принесли шарлотку и оставили для нас, только я забыл передать.

– И сам слопал? – сурово спросил Джек.

Унро испуганно замотал головой.

– Нет, что ты. Все так и лежит в холодильнике. Пойдем пить чай?

Шиповник выразила сомнение в необходимости делать перерыв и тем более есть мучные изделия, вредные для фигуры, но Энца прихватила с собой блокнот и предложила перенести обсуждение в комнату отдыха.

По дороге Джека ввели в курс дела, и он неожиданно увлекся: наконец хоть какая-то загадка, а не надоевшая рутина последних недель.

– Три случайно выловленных заявления и еще столько же – направленных именно в Институт, верно? – спросил Джек. – Почему в наш отдел, а не к Якову?

– Потому что это лично нам с тобой, – сказала Энца. – Это наши дела, те самые, с пометкой «a posse».

– Это латынь? – спросил Унро. – А как это – «лично вам»?

– Потому что за нами закреплены такие дела, – пояснила Энца. – Те, в которых непонятно, действительно ли там есть паранормальное, или это выдумки и совпадения.

– Видно же, что не совпадения, – сказал Унро. – Они должны были сразу увидеть.

– Кто «они»? – спросил Джек. – Секретари, что ли, которые их сюда переправили? Через них тонны такой макулатуры идут. Едва ли они читают все подряд. Энца, пометь, надо проверить, не связаны ли все эти люди друг с другом. Вдруг это чья-то грамотно разыгранная шуточка.

Шиповник фыркнула презрительно: представление о специфическом юморе Джека она уже имела, и более того, лично сорвала несколько его шуток.

– Тех, что писали на форум и в журнал, отследить будет сложно, – задумчиво сказала Энца. – Разве что обращаться к... хм. У нас там знакомый есть, на форуме, помнишь, Джек?

Напарники обменялись кисло-ми взглядами.

– Пообещай ему эксклюзивную статью о новом виде

парабиологического существа, – сказал Джек, – и возможность защищать его от произвола властей, и он нам выдаст все, что нужно.

– Хорошо, – кивнула Энца, записывая себе в блокнот.

– Еще нужно будет осмотреть все места, где это происходило, – сказала Шиповник, все же невольно втягиваясь в обсуждение. – Если это шутка, то и следы должны остаться, магический фон, к примеру.

– Тогда это вам с Унро, – кивнул Джек, подтягивая к себе последний кусок шарлотки.

Шиповник прищурилась было, чтобы возразить, но Джек быстро добавил:

– Если фон, то его только вы прочитаете. А интеллектуальными делами займемся мы с Энцей.

Поездки распланировали на следующий день, а до вечера удалось разобрать почти все присланные из архива сводки, и Унро обнаружил еще несколько странных вещей, которые временно решили не привязывать к «рукам», но взять на заметку.

С мая по июль в городе в городе было обнаружено несколько точечных прорех искусственного происхождения – среди магов их называли черными лужами. В отличие от естественных прорех или прорывов, эти можно было разглядеть невооруженным взглядом, и похожи они были на бесформенные глянцево-черные лужи мазута. Существовали недолго, схлопываясь примерно через двадцать-тридцать минут.

Их появление значило, что где-то рядом творилась темная магия, и довольно мощная, раз давала такой сильный отзвук.

Тот же Артур, несмотря ни на что, темной магией пользовался понемногу, исподволь, чтобы этакой отрыжки в виде черных луж не появлялось.

Энца встревожилась, и хотела сразу звонить Якову, чтобы передать ему данные, но Шиповник, уже предвкушавшая удовольствие от удачно раскрытого дела с «руками» и связавшая с ним черные лужи, убедила ее ничего не говорить хотя бы дня два-три.

Джеку было все равно, а Унро, как и Шиповник, горел желанием самому во всем разобраться. Энца не стала спорить, хотя на душе было беспокойно.

Не то чтобы эти черные лужи были как-то из ряда вон, но и в таком количестве давно не появлялись. Видимо, из-за того, что последние месяцы царил такая суматоха, то с умертвием, то с турниром, данные о черных лужах не учитывались и не передавались на заметку в отдел уголовных расследований. Темная магия была уже вне юрисдикции отдела Якова или

архивных исследований.

Они засиделись допоздна, и уже начало темнеть. Шиповник, сердито ворча, схватила сумку и полетела к себе в общежитие, делать домашнюю работу, с негодованием отметя робкое предложение Унро проводить ее.

Оставшись втроем, коллеги еще какое-то время раскладывали бумаги, потом по настоянию Джека отправились в комнату отдыха перекусить.

Снова сообщение. Энца не глядя пометила прочитанным. Удалять всю цепочку не хотела – иногда перечитывала, пытаюсь понять. Она уже не отвечала ничего, потому что даже многократно обдуманное и, может быть, излишне вежливые попытки объяснения толковались против нее. Любое слово оборачивалось наизнанку, и каждое ответное сообщение еще больше уязвляло девушку.

Энца уже давно знала, кто это. У нее почти сразу появилась догадка – и девушка тайком стащила телефон у Джека, чтобы проверить ее. Номер совпал – у Джека он был забит как Эли.

Смысла не было. Никакого. Впрочем, нет, домыслы – и очень глупые, притянутые за уши, как сказал бы Джек, появлялись. Из-за ревности: может быть, Эли отчего-то считает ее соперницей, причем реальной, настоящей, из тех, что хитростью отбивают чужих мужчин для своего удовольствия. А выразить свое горе иначе она не может, посылает эти сообщения. Может, у Эли... какие-то проблемы? Она казалась вполне здравомыслящей женщиной, да и по рассказам Джека тоже ничего дурного не было. Хотя в последнее время Джек мало о ней говорил, сокрушался только пару раз, что у него все никак не получается стихотворение, которое просила женщина.

И надо сказать, что последнее время они с Джеком вообще почти не разговаривали. Дежурства в Птичьем павильоне отменили, Яков посчитал, что для наказания уже достаточно, на выездах часто с ними бывал кто-то из отдела, так что разговор был общим.

Сейчас тоже – Джек рассеянно спросил, как там у нее на новом месте, понимающе хмыкнул, когда она ответила, что нормально, и они замолчали. Унро тоже о чем-то задумался, потом подскочил и понесся звонить матери: докладывался каждый вечер, что день прошел, а с ним, Унро, все в порядке.

Напарники посмеялись над юношей, а потом Энца тоже вышла – в туалет. Телефон она забыла рядом с кружкой, и вернувшись, обнаружила его в руках Джека.

– Давно это? – напряженно спросил Джек.

Энца сузила глаза, чувствуя непонятный тяжелый страх под ложечкой.

– Ты... почему мой телефон берешь? – трусливо возмутилась она.

Наверно, пока ее не было, снова пришло сообщение: на экране выпрыгивал пузырь с текстом, и Джек мог случайно его прочесть... вот ведь дура, надо было с собой брать...

– Я спрашиваю, давно это? – повысил голос Джек, и Энца поняла, что тот в бешенстве. Это неожиданно выбило ее из колеи: по-настоящему злой Джек выглядел страшным.

– Это... не твое дело, – процедила она, сжимаясь в комок. – Ты вообще не должен был туда лезть.

– Это мое дело, дура! – заорал он. – Ты что, вообще с ума сошла? Почему ты мне это раньше не показала?

– А что бы ты сделал? – крикнула она в ответ, отстраненно поражаясь самой себе. – Тебе что, не все равно?

– Да твою ж мать...

Она уже видела такое лицо у Джека – в кресле у Винни, в лабораториях. Злое и полное сдерживаемой боли.

– Я ни в чем не виновата, – заявила она, чувствуя уже, как подступают слезы и дрожит голос. – Не хотела я никуда лезть и ссорить вас. Я с ней не ругалась, ты же видел, если все прочитал. Я не виновата, и ничего такого не думала...

– Разве в этом проблема, идиотка?

Энца только открыла рот, чтобы ответить, как дверь скрипнула. Они оба обернулись, мгновенно теряя запал, но это был всего лишь Унро.

– Что случилось? – удивился он. – Энца, ты чего, плачешь?

Девушка замотала головой и сбежала из комнаты, а Джек поспешил следом, оттеснив Унро к стене.

В этот раз флигель выкинул свою очередную шутку: вместо коридора они оказались в темном подвальном помещении архива, но пронеслись еще несколько шагов, прежде чем поняли это. Энца шепотом выругалась: леди Гарброу могли уже запереть архив на ночь, но Джеку не было дела.

Крепко ухватив ее за тощее плечо, Джек сказал:

– Я во всем разберусь. Никогда больше не замалчивай такие вещи.

Потом Энце пришлось срезать замок на двери, и еще целый день выслушивать гневные упреки Леди, даже объяснительную писала, но благодаря обаянию Джека удалось избежать штрафа: поломку двери спустили на тормозах.

Через несколько дней Энца набралась храбрости и спросила Джека, пока рядом никого не было:

– Ну... как там, вы не поругались?

Видя удивленное лицо напарника, она пояснила:

– По поводу... переписки...

– Какой переписки? – нахмурился Джек. – Ты вообще о чем?

И это напугало ее даже больше, чем все сообщения Эли вместе взятые. Она попробовала продолжить разговор, пытаясь выяснить, забыл ли Джек обо всем или разыгрывает ее. Джек некоторое время слушал ее, потом отмахнулся.

В двадцатых числах сентября, вместе с досадной новостью о внеочередной медицинской проверке, в отделе появился новый начальник.

Подтянутый, с выправкой военного, высокий мужчина лет сорока бодро вошел в кабинет и оглядел сотрудников пронзительно серыми глазами. Девушкам он подмигнул, а потом, пригладив рукой короткие седые волосы, представился:

– Финнбар. Ну, здравствуйте, ребята. Надеюсь, мы поладим.

История двадцать первая. Симптомы болезни

Что есть темная магия?

Средневековые авторы в большинстве своем утверждали, что основа темной магии – злой помысел. Потому и последствия дурны, и средства ужасающи. Вопрос баланса энергии в мире волновал их куда меньше, и потому за поднятие мертвецов и наведение порчи карали смертью, а создание боевых амулетов считали высокооплачиваемой и уважаемой работой. А между тем боевые амулеты вызывали – как при активации, так и при уничтожении – мощнейший и опаснейший откат, рвущий саму материю мира.

Сейчас же под темной магией понимается та, которая ведет к дисбалансу тонких энергий и силовых линий, та, что истончает или разрывает границы мира, нарушая его нестойкое равновесие.

Важнейшее понятие современной теории магии – сохранение равновесия. Только благодаря его соблюдению мир еще не разошелся по швам, как ветхое платье.

Философы и эзотерики современности и поныне спорят о сущности темной магии и тонкостях ее детерминирования, хотя юриспруденция четко определяет темную магию как уголовно наказуемую деятельность, вне зависимости от того, какими помыслами – добрыми или злыми – руководствовался маг.

– Устала, да? – сочувственно спросила Энца, кивнув на Анну.

Магичка уютно свернулась в углу обширного дивана, положив голову Сагану на плечо и спала.

Саган помолчал, а потом ответил, нахмутив светлые брови.

– Да не знаю даже, – неохотно сказал он. – Мне кажется, что она заболела. Устает быстро и чуть что – засыпает. Мы сегодня и не выезжали даже, у нас сокращенное дежурство было.

– Чего ко врачу не отведешь? – спросил Роберт, выходя из кухни и вручая ему бутылку пива.

– Да разве она пойдет? Тем более совсем недавно это общее обследование было, ничего не нашли.

Донно из кухни сказал, что чуть попозже посмотрит сам, и если что, у него отличное средство есть от простуды.

– Джек-то сегодня придет? – спросил Саган.

Энца пожала плечами и осторожно начала:

– Знаете, с Джеком тоже что-то странное, он пропадает и...

– Скотина Джек, – невнятно сказала Анна и проснулась. – Пропадает и не звонит. Разве так можно? У меня прям сердце не на месте каждый раз...

– У тебя же не было дурных видений, – отмахнулся Роберт.

Анна долго и серьезно смотрела на него, пока мужчина не смутился.

– А вдруг именно в этот раз ничего не будет? – спросила она. – О тех взрывах на турнире я вообще ничего не видела, ни снов, ни предсказаний. А ведь мы все там присутствовали.

– Ну да, – согласился Роберт, – но никто серьезно не пострадал.

– Джека сильно порезало, – возразила Анна, и между ее бровей пролегла тень.

– Джек себя странно ведет, – снова начала Энца. – Он...

Роберт хмыкнул и мягко похлопал ее по плечу.

– Джек себя с рождения странно ведет, не переживай, – сказал он. – Просто ему скучно у вас стало, а он всегда в этих случаях сбегает.

Третий раз заводить эту тему Энца не решилась: она прекрасно понимала, что Донно все слышит, и ее настойчивость ранит его. Обычно рассудительный и внимательный Донно негативно относился к их отношениям с Джеком. Хоть там и отношений-то не было, из тех, к которым можно относиться подозрительно, но все же.

Порой концепция жизни, которую всячески поддерживал Джек – не думать о сложном, казалась ей вполне себе удобной.

Да и Джек вообще-то уже большой мальчик, разберется со своими делами. Если ему скучно, может заниматься чем хочет, они как-нибудь

обойдутся.

Подумаешь.

Сразу после окончания суда над террористами премьер-министр распорядился провести полномасштабную медицинскую проверку среди магов. В первую очередь изучали психическую компоненту сознания, расщепление которой было легко определить. Во вторую, тщательно искали малейшие следы участия в темных ритуалах. Таким образом, правительство пыталось предупредить повторение подобных акций.

На деле же это было сумбурное, тяжелое для всех сторон мероприятие. Составленный график явок сотрудников Института, студентов, рядовых магов из других организаций постоянно уточнялся, дополнялся, изменялся. Энце три раза приходило сообщение на электронную почту о переносе даты осмотра, а Унро – всего один, зато на день раньше, так что оказалось, что он опоздал.

Переносили и уточняли, как говорят, из-за высокопоставленных магов: чтобы им удобнее и чтобы некоторые оппозиционеры случайно не пересеклись. Страдали от этого все.

В итоге на каждого выделялось по двадцать минут: проверяемый садился на стул перед комиссией, снимал все обереги и амулеты и отвечал на вопросы. Вопросы были специально подобраны, один из комиссии сканировал ауру, второй считывал ментальный отзвук, третий проверял соответствие магического уровня заявленному в анкете.

Энца давно знала, чем чреваты для нее подобные проверки – из-за ее уровня проверяющие всегда ставили на себя дополнительные щиты, и использовали особые процедуры, черпая небольшие порции силы из нее. Для обычного мага эти порции были действительно неощутимыми, а для нее... В этот раз она сумела удержаться, и не упала в обморок, как обычно на обязательных медкомиссиях. С собой у нее был заговоренный Донно платок, на всякий случай ватные шарики и перекись водорода, а за дверью ждал Джек. Он предлагал наладить постоянный канал как тогда, в Железном лесу, но Энца не согласилась: проверяющие засекут это и еще неизвестно как воспримут. Может быть, как попытку обмануть комиссию – а это чревато лишением лицензии.

Энца предпочла потерпеть.

Чем меньше проверяющие находят, тем лучше. У нее всегда излишне подробно изучали наличие остаточного фона, который бывает при насильном изъятии энергии. К счастью, случай с Донно и врачом был слишком давно, чтобы остались внятные следы, а Джек был

зарегистрированным напарником в партнерской программе, так что ничего криминального комиссия не нашла.

Правда, в этот раз было не только тошно от мгновенной откачки энергии, но еще и больно. Раньше такого не случалось, и Энца, поколебавшись, сообщила об этом магу, который в это время держал пальцы на ее висках, измеряя уровень.

Он не ответил, а дама из комиссии, обычный человек, как поняла Энца, строго сказала, что следует молчать.

Уходила Энца сама – в отличие от многих других подобных комиссий, когда ее выносили в коридор «подышать». Кровь из носа почти не шла, и Энца просто зажала пальцами ноздри, опуская голову ниже, как учил Джек.

Тот ждал ее за дверью. Сам он комиссию прошел еще вчера и вдоволь поиздевался над проверяющими: никакие щиты от него не закрывали, и мощный поток энергии не удавалось отрегулировать, так что результат проверки остался все тем же: уровень не поддается измерению.

Магам вообще полагалось раз в год проходить медкомиссию для продления лицензии, и для многих она была неприятным событием, поэтому из-за внеочередной, да еще и поголовной проверки было много толков и возмущений. Один парень из Птичьего павильона даже начал собирать подписи против нее, но с этим делом связываться почти никто не стал: мало ли, может, провокация и часть проверки.

Интересная версия о связи «рук» и черных луж, с которой так носились Шиповник и Унро, провалилась.

С рвением неофитов оба проехали по места явления рук, обследовали каждый доступный сантиметр стен, повторно расспросили тех очевидцев, что сумели найти, и снова засели за изучение сводок.

Во-первых, ни следа возможного розыгрыша они не нашли. Но и магического фона не было – зато на двух последних местах Шиповник ясно почувствовала посмертную ауру.

Призраки. Вероятно, призраки.

Ребята с новой силой взялись за сводки, пытаясь отыскать концы, загадочные смерти или неопознанные трупы, но смогли найти только то, что опрокинуло первоначальную версию.

Расстроенный Унро тем вечером показывал свои выкладки Джеку и Энце, а Шиповник, сердито сопя, печатала доклад к семинару. Из-за их расследования она подзапустила занятия и поэтому доделывала задания на работе.

– Вот, – сказал Унро. – Тут я написал, когда были черные лужи, в этом

столбике – когда руки появлялись, а вот тут – у меня не уместилось, поэтому я сбоку добавил, – из уголовной хроники совпадения.

Он вздохнул, почти одновременно с Шиповник, которая с удвоенной силой продолжила барабанить по клавиатуре.

– В общем, руки появлялись с мая, два случая; потом в июне четыре сразу. Мы подумали, что лужи, как это бывает, не всегда по времени совпадают с моментом сотворения черной магии, и могут смещаться на день вперед или назад. Но даже так, с допуском, только три черные лужи подходят к рукам, и то... которые майские, ближе вот к этим двум задержаниям темных магов. Я нашел в уголовных сводках: одного мужчину задержали на месте преступления, спяну пытался сделать дыру в каменной ограде парка, чтобы побыстрее попасть на улицу, второй прямо в квартире проводил ритуал призыва некой сущности, из-за него электричество отключилось во всем квартале.

– Странно, что отчеты о лужах не подшили в дело, – рассеянно сказала Энца.

– В какое дело? – удивился Унро.

– Ну, в уголовное, – пояснила Энца. – В оба дела, на этих магов.

– А, – сказал Унро. – Так их отпустили. В сводках написано, что за отсутствием прямых доказательств применения темной магии...

Джек и Энца переглянулись.

– Парень, ты в курсе, что у тебя на руках те самые прямые доказательства? – лениво спросил Джек.

Унро медленно повернул к нему голову, а Шиповник потрясенно распахнула глаза. Кисточка косы, которую она задумчиво жевала, раздумывая над докладом, со стуком упала на клавиатуру.

– Так это значит, мы все-таки что-то нащупали?.. – выдохнул Унро.

– Ну да, – ответила Энца. – Молодец. Давай мне эти сводки, я оформлю бумаги и перешлю в Чайный домик...

Быстрее молнии Шиповникхватила из протянутой руки Унро документы и ревниво сказала:

– Мы сами! Это мы нашли, – потом, поколебавшись, спросила: – А по какой форме надо составлять бумаги?

– Выслуживание до добра не доведет, – с укором сказал Джек и собрался было курить, но потом вернулся. – Ты, парень, не договорил, что там дальше-то было?

– Дальше? А. Ну, те лужи, что в июне и июле, они никак не по времени, ни по месту не совпадают. Ни с руками, ни с другими сводками. Начинаются они с третьего июня, и дальше неравномерно идут до конца

июля.

– А что было третьего июня? – вдруг нахмурился Джек. – Энца, что-то у нас было третьего июня?

Энца и сама зацепилась за эту дату, но в отличие от Джека у нее всегда была хорошая память на числа.

– Тараканы, – сказала она. – Это было за день до того, как мы разнесли тот сквер с тараканами.

Джек замер, обдумывая.

– Выброс энергии, – сказал он. – Яков у нас пытался потом выяснить, не было ли каких-то странных штук.

– Давай сюда, Унро, эти отчеты с третьего числа и дальше, – решительно сказала Энца. – Их уже точно надо оформлять и передавать Якову. К рукам они отношения не имеют, а вот ему они будут интересны.

– Что за тараканы? – удивилась Шиповник, которая так и не поняла, о чем речь.

Более осведомленный Унро – он уже послушал эту историю в разных исполнениях, – пояснил:

– Это парабриологические сущности, инсект-типа. Джек с Энцей обнаружили и уничтожили огромное гнездо.

Хотя в этой медицинской проверке были и свои плюсы: например, удалось повидаться с Камелией и Кло – их тоже вызвали на освидетельствование. Камелия позвонила за день до приезда и сухо сообщила, что они везут с собой свиные ребрышки в карамели и домашнее пиво, так что вечер ничем не занимать.

Энца порадовала бы Джека, но тот взял обычай уходить с работы сразу после обеда: из-за этого они уже два раза пропускали вызовы. С августа им снова стали присылать запросы на выезд, как патрульным: случаев по их категории стало больше.

Одной Энце запрещалось выезжать, и она сильно огорчалась, потому что ей катастрофически не хватало движения. Как только начался учебный год, ходить на тренировки к Барбанегре так же часто, как раньше, уже не получалось, и Энца порой не знала куда себя деть, привыкнув к ежедневной нагрузке.

Вот и сегодня, пока они были с Донно на обеде в студенческом кафетерии, на телефон пришла ориентировка с адресом и запрос подтверждения, а Энца не смогла дозвониться Джеку.

Она рассердилась, больше даже не из-за неминуемого штрафа за пропуск, а из-за того, что опять уплывает возможность подраться с

монстром, и Донно никак не мог взбодрить ее разговорами, когда они шли обратно во флигель.

Они пересекали небольшую площадь перед Птичьим павильоном, когда Энце на спину прыгнула Кло, обхватывая за шею руками.

– Привет! – закричала она.

Энца, невольно улыбаясь, повернулась.

Рыжая магичка как всегда была неотразима: сияющие волосы, яркие серьги и приталенный эффектный костюм с короткой юбкой – не иначе с тонким расчетом повеселиться на комиссии над проверяющими. Было что-то родственное в их с Джеком способах развлечения.

Камелия тепло пожала руку Энцы и коротко кивнула Донно, представляя себя и спутницу, а Кло тем временем за плечо дернула Энцу чуть в сторону и своим неподражаемо громким шепотом спросила:

– А это кто такой? А Джек где? Ты его кинула, да? Ну и правильно...

– Кло, – спокойно сказала Камелия. – Мы все слышим.

– Да? Ну и не подслушивайте, это невежливо.

Она смерила Донно недружелюбным взглядом.

– А мы совсем недавно видели Джека, – сообщила Камелия. – Так что, вы вечером свободны? Мы в городе на два дня, если сегодня не выходит, то завтра.

– Если вам удобно, я бы пригласил вас на ужин к себе, – неожиданно сказал Донно, который был уже в курсе того, кто такие магички – Энца рассказала об их приезде и приглашении. – Вы наверняка остановились либо в гостинице, либо в общежитии. У меня было бы лучше.

– Если вас не затруднит, – слегка склонила голову Камелия. – Сегодня?

– Да, – сказал Донно. – Со следующего дня у меня подряд двое суток дежурства.

– А где вы его видели? – нетерпеливо вклинилась в разговор Энца: все это время она крутила головой, пытаясь высмотреть в толпе студентов, снующих между корпусами высокую фигуру напарника.

– Он курил у входа на парковку, – отозвалась Кло и хихикнула, когда Энца стремительно рванула в ту сторону, по дороге бросив:

– Я за ним! Попробую поймать! Донно, я тебе позвоню!

Чтобы не терять времени, пробираясь среди людей, девушка вспрыгнула на кованую ограду газона и пробежала по ней, ловко балансируя на острых черных столбиках.

Камелия проводила ее взглядом, потом снова повернулась к Донно.

– Вот моя визитка, – сказала она, – давайте созвонимся ближе к вечеру уточнить детали.

– Пойдем посмотреть, как она его поймает, – азартно воскликнула Кло и потащила коллегу за руку. – Пока, медведь! До вечера!

Оставшись один, Донно некоторое время постоял, приходя в себя. Эмоциональная буря Кло и властный напор Камелии произвели на него неизгладимое впечатление.

«Пожалуй, – подумал он, – с подобными женщинами понятен подход Джека: чем меньше проблем, тем лучше». Он сунул визитку в карман и отправился в свой отдел, крепко задумавшись над тем, что купить к ужину. О том, с каким рвением унеслась от него Энца, он старался не размышлять: совсем недавно Роберт пытался вправить ему мозги, заметив, как Донно не находит себе места, пережевывая про себя одни и те же мысли.

«Как ты себе представляешь, приятель, – сказал Роберт, – ей что, из-за твоей ревности работать перестать? Ты же видел, сколько удовольствия ей доставляют все эти сражения и даже тренировки? Ты ей с этим никак не поможешь. А если ты будешь акцентировать внимание на Джеке, и вести себя так, будто там у них действительно что-то есть, она ведь и задуматься может. И ты сам уведешь ее мысли не в ту сторону. Радуйся, что ты ее приручил. А Джека ты никогда не заменишь... ну, чего вызверился? Не заменишь в плане работы. Ты никогда не сможешь сделать так, чтобы Джек ничего не значил для нее. Они связаны крепче, чем ты видишь, и чем они сами понимают. Слишком уж специфичны их силы и слишком уникально это совпадение... Короче, прекращай все это. Ты уже достал меня своим кислым видом».

Потом Роберт сам сдулся и сказал: «Лучше б помог Анну уговорить ко врачу сходить. Саган сказал, она вчера заснула прямо за рабочим столом – едва разбудили. И уже не первый раз. Говорит, снится что-то плохое, но что именно – не помнит».

Вот это действительно была проблема: сезонные простуды и гриппы у магов порой принимали весьма причудливые, а порой и опасные формы. И несмотря на врожденное упрямство Анны, втроем им удалось ее уговорить и отвести в медблок на обследование.

Врач был новый, худой рыжеватый мужчина лет тридцати, уже начинавший лысеть. У него были холодные и потные руки, и когда он осматривал Анну за ширмой, та вздрагивала и едва терпела его прикосновения: будто тот лягушкой по ней водил.

Не найдя ничего опасного, врач прописал витамины и травяной сбор для тонуса.

– Вам надо отдохнуть, сменить обстановку, – равнодушно сказал он. – Похоже на подступающую осеннюю хандру.

Анна моргнула несколько раз, а потом просветила эскулапа, куда он должен вставить свои бесценные советы, и заявила, что еще надо проверить, не липовый ли у него диплом, у извращенца несчастного, может и на работу устроился только чтобы причина была баб лапать...

Неожиданно разошедшуюся магичку Донно и Саган с трудом увели, и Саган при этом радостно благодарил врача – последнее время Анна была слишком вялой, и эта вспышка почему-то показалась Сагану предвестием выздоровления. Роберт же задержался в кабинете и некоторое время спокойно смотрел на врача. Под непроницаемым взглядом серых глаз тот задергался, занервничал:

– У вас тоже какие-то жалобы? – раздраженно спросил он. – Если нет, то попрошу покинуть кабинет, у меня полно работы.

– Вы тут новенький? Я вас запомнил, – медленно сказал Роберт и вышел.

У Роберта тоже было специфическое чувство юмора.

Передать все бумаги лично Якову не получилось: когда Энца подписывала у Финнбара на третьем этаже сопроводительный лист, тот рассеянно сказал, чтобы она не пыталась даже пробиться – сегодня начальник отдела практической защиты не принимает.

Что-то в его интонациях встревожило девушку, и она попробовала уточнить, в чем дело.

Финнбар передал ей подписанные бумаги и внимательно посмотрел на нее.

– Волнуетесь? Я сам всех деталей не знаю, но утром на летучке говорили, что его увольняют. А сегодня он в медкомиссии. Мы там все по очереди заседаем, если вы не знали.

Энца неловко кивнула.

Финнбар ее смущал – он то был отстраненно-холоден, то вдруг начинал подмигивать им с Шиповник, шутливо поддразнивая, когда каждое утро заходил поздороваться и узнать как дела. В его поведении не было ни фальши, ни наигранности, но никогда нельзя было угадать, что там у него на уме.

Он был старомодно галантен, не раз приносил им к чаю коробки дорогих конфет, а уж Леди Гарброу и вовсе были от него без ума – красавец мужчина, обаятельный и вежливый, – не то, что некоторые язвы, которые курят слишком близко к ценным бумагам и документам, – и с пониманием. Благодаря отличной памяти и цепкому уму, Финнбар разобрался в работе и организации архива за несколько дней.

Из-за того, что она никак не могла его понять, Энца постоянно вглядывалась в его лицо, пытаясь прочитать, а Финнбар отшучивался: «Что, и во мне хотите разглядеть темного мага, да, Энца? У меня алиби, честное слово».

Эти его шутки и намеки – видимо, на Артура и на всю ту историю, – смущали Энцу еще больше.

В тот день с утра шел мелкий морозящий дождь. Против обыкновения Джек с самого утра торчал в отделе, мрачный и кислый, в отвратительном настроении. Он совершенно не слушал Унро, который пересказывал ему последние новости – юноша аккуратно следил за всеми сводками, и политическими, и уголовными, и экологическими. Джек подозревал, что Унро тайком в каком-нибудь обществе защиты парабиологических существ состоит – очень уж эмоционально тот относился к этим вопросам.

– Джек, вызов на вторую половину дня, – сказала Энца, входя в кабинет.

– И тебе не хворать, – буркнул напарник.

Девушка слегка пнула его по щиколотке под столом, но Джек даже не заворчал.

– Болееешь, что ли? – с подозрением спросила Энца и расстроилась. – Ну вот, а я думала, сегодня поедем наконец...

Хотя она и сама с утра дурно себя чувствовала: накануне не выспалась. Они с Кло и Камелией засиделись до двух ночи, даже не заметив как быстро пролетело время. Донно предусмотрительно не пил и отвозил потом магичек в их гостиницу. И вот теперь Энца сидела, подпирая раскальвающуюся голову рукой, и вяло злилась.

– Всем доброе утро, – степенно сказала Шиповник, входя в кабинет.

Сегодня коса ее была обернута короной вокруг головы, и девушка постоянно прикасалась к вискам рукой, поправляя волосы. Унро попробовал было сделать комплимент, но Шиповник строго посмотрела на него, и юноша умолк.

– Что-то сегодня у всех плохое настроение, – пожаловался он.

Шиповник огляделась. Потом, хмурясь, встала и обошла вокруг столов, мимолетно коснувшись лба Энцы и изучив внимательно Джека.

– Заварю чай с имбирем, – решила она и стремительно удалилась.

Шиповник происходила из семьи потомственных магов-лекарей и травников, и единственная из всего рода пошла обучаться на технический факультет по специальности «Анализ и проектирование пространственных

конструкций». Мать и бабушка Шиповник были известными травницами; к бабушке до сих пор, говорят, ехали на лечение со всех концов страны. А Шиповник, хоть и унаследовала их таланты, решила все по-своему.

По ее словам, ни бабка, ни мать не разговаривали с ней целых полгода после поступления, только отец позванивал тайком с работы, расспрашивал как жизнь и присылал деньги. Но даже и без этой помощи Шиповник училась на отлично, получала стипендию и постоянно подрабатывала, так что взять ее измором, как планировали старшие женщины, не вышло.

Теперь же Шиповник заканчивала обучение, и смириться пришлось уже им.

Едва только освоившись в отделе, Шиповник выкинула все пачки с пакетиками чая и растворимый кофе, стойко выдержала возмущение Джека и робкое недоумение Унро, принесла пузатый коричневый заварный чайник и полотняный мешок с травами, и каждое утро долго корпела над составлением очередного полезного для всех состава.

Дар у нее несомненно был – порой только по одному взгляду или касанию девушка могла определить, что сейчас нужно ее коллегам: состав для бодрости, для успокоения, для сосредоточения или пополнения сил.

Имбирь, правда, ни Энца, ни Джек не любили, даже с лимоном, но под строгим взглядом Шиповник пришлось выпить все. Для Джека Шиповник добавила немного мяты, и напарники тайком обменялись кружками: в отличие от Энцы Джек мяту терпеть не мог.

Зато Унро всегда с удовольствием пил все, что давала Шиповник, даже если от горечи сводило во рту. Энца подозревала, что Шиповник нарочно так делает, проверяя, насколько хватит терпения у юноши. Но пока что, казалось, оно безгранично, и Унро готов был принять все.

– В общем, – сказал Унро. – Ничего мы не нашли. Это не розыгрыш, но и не магия, а вот чьи это призраки, и почему они показались этим людям, непонятно. Может, совпадение. А... и свидетели друг с другом никак не связаны и не знакомы.

– Все проверили?

– Все, – отрубила Шиповник. – И связи по работе, и через друзей-знакомых, и через учебу, и родственные. И социальные сети тоже.

Она фыркнула: отчего-то терпеть не могла подобные сайты.

– Н-да, – задумался Джек. – Тупичок... А в прошлое? Насколько далеко вы залезали в их прошлое?

– К чему? – презрительно спросила Шиповник. – Зачем это еще?

– Затем что, если это призраки, то их смерть могла быть сколь угодно давно... и связь прячется тоже где-то там. Копайте дальше, пока не найдете

какую-то общую для них зацепку.

На самом деле Джек говорил наобум, но по тому как загорелись глаза Унро, понял, что попал в точку. Остальные идеи они уже все равно отработали, а силы еще оставались, архив – под рукой, в общем, азарт с новой силой охватил молодежь. Шиповник сразу стала звонить леди Гарброу за допуском в архив, а Джек заскучал.

Крепкий чай ненадолго взбодрил Энцу, она углубилась в работу, не участвуя в общем разговоре. Около двенадцати Джек собрался на обед, пообещав вернуться, чтобы ехать по вызову, – и действительно вернулся. Хотя и на час позже.

Энцы уже не было, и Шиповник, хмуря светлые брови, сказала, что отправила ее домой. «У нее слишком болела голова», – пояснил Унро.

Джек подумал и тоже засобирился.

– Ну, а чего тут сидеть? На вызов и меня одного не возьмут, а с бумажками как-нибудь завтра... или послезавтра.

Все-таки это было не похмелье – да и с чего, пива было не так уж много, – и не простая головная боль от недосыпа. Когда Энца добралась до общежития, ее плавно вело из стороны в сторону, а тело бросало то в жар, то в холод. По-хорошему, надо было позвонить кому-нибудь или идти не домой, а в медблок, но Энца соображала все хуже и хуже, и на автопилоте брела к себе, чтобы лечь и, наконец, отдохнуть.

Она едва успела устроиться у себя на диване и перестала трястись от озноба, как в дверь постучали. Путешествие в несколько метров по маленькому коридору показались ей бесконечностью, и открыть дверь удалось не с первого раза.

Холодная узкая ладонь легла на горячий лоб. Голова Энцы безвольно откинулась назад, а сама девушка покачнулась.

Джек рассердился. Воспаленные от температуры и боли глаза Энцы смотрели сквозь него.

– Давай, вали в кровать, – скомандовал Джек. – Чем заболела?

– Грипп? – неуверенно предположила Энца. – Все тело ломит.

Говорила она медленно и невнятно. Едва переставляя ноги, побрела в сторону дивана. Джек некоторое время смотрел на эти черепашьи бега, потом, раздражаясь все сильнее, подхватил на руки и дотащил до дивана сам. Укутал по уши в одеяло, плед и сверху намотал шарф.

– Что болит? Горло? Температуру мерил? Кипяток у тебя есть? А лекарства?

Энца молчала, бессмысленно глядя на него из объемного свертка.

Джек решительно обшарил маленькую ванную и кухню, нашел аптечку и чайник.

Энца то и дело проваливалась в густой дурной сон, не в силах даже думать четко. Она слышала, как Джек, поругиваясь, громыкает грязной посудой на кухне в поисках чашки, как клокочет вода в чайнике. Потом зазвонил телефон, и Джек что-то ответил.

Под звуки его голоса Энца заснула.

Когда она очнулась, тело все так же ломало. В комнате было зябко и темно. На ощупь, дрожа от озноба и слабости, она добралась до кухни и зажгла свет. На столе у чайника стояла наспех отмытая кружка, распотрошенная аптечка, а рядом термометр и надорванная пачка растворимого порошка от жара.

«Что-то случилось, – заторможенно поняла Энца, вспомнив телефонный звонок. – Ему позвонили, и пришлось срочно уехать. С кем-то что-то случилось». От страха вдруг перехватило горло, и она некоторое время постояла, опираясь на стол обеими руками. Воздух никак не шел в легкие. Потом она вернулась в комнату и мучительно долго разыскивала свою трубку, чтобы позвонить Джеку.

Долгие гудки, потом раздраженное:

– Слушай, не до тебя сейчас, перезвоню.

На заднем плане звонко хохотала Эли, и фоном шел какой-то шум, то ли кафе, то ли кино. Энце и так было больно, так что нового укола прямо в сердце она почти и не почувствовала.

Снова вскипятила чайник, залила порошок и, выпив сладкий до тошноты напиток, отправилась на свой диван.

На следующее утро приехал Донно, обеспокоенный ее молчанием, но к тому времени она уже была более-менее похожа на человека и даже могла разговаривать. Донно не мог с ней оставаться: он и так под прикрытием Роберта сбежал на полчаса с дежурства, так что снова завернув девушку во все одеяла, он погрузил ее в машину и отвез к Анне.

У магички был выходной и она с удовольствием окружила Энцу заботой и теплом...

Пока сама не свалилась к вечеру – с теми же симптомами, и уже призванный в срочном порядке Саган привез врача, кучу лекарств и свой ноутбук с целой фильмотекой. Устроившись рядом на широкой кровати под тремя одеялами, Энца и Анна ревели над очередной мелодрамой, ворчали, когда Саган заставлял их пить положенные им целебные отвары и периодически проваливались в тяжелый сон.

– Грипп, – подтвердил врач. – Ничего, отлежатся – и все пройдет. А

вам, молодой человек, я сейчас поставлю защиту от инфекции, и сами не забывайте на всякий случай пить побольше и наденьте маску.

Энца, уставая от фильма, пробовала читать, но голова слишком болела, и буквы расплывались. Засыпая, она видела только тьму, и порой никак не могла понять, то ли она спит и сон видит, то ли это фильм дурацкий такой.

Анне было хуже: хотя болезнь поймали в самом начале, протекала она тяжело, и душные кошмары обступали ее каждый раз, как она закрывала глаза. Если Энца не спала, то будила ее, услышав стоны. Самой Анне проснуться ни разу не удалось, хотя управлять снами она вполне умела – в здоровом состоянии.

Иногда снились люди, самые разные. Приходил отец, ругался, что она давно им не звонит, – а они с матерью беспокоятся. Саган укоризненно покачивал головой. Даже Джек зашел – и вот его появление больше всего почему-то удивило Анну: сначала она решила, что это на самом деле.

Был уже поздний вечер, Энца тихо спала рядом. В темноте мягко мерцал экран, шел старый черно-белый фильм, а из-за приоткрытой двери в коридор лилась узкая полоска света: там где-то был Саган. Джек тихо постукивал костяшками о косяк двери и скользнул в комнату.

– Джек? – удивилась Анна. – Ты что, постригся?

От жара в глазах плыло, и она медленно моргала, с трудом сосредотачиваясь на нем. «Да я же сплю, – подумала она. – Осознанный сон и, наконец, не кошмар... надо только суметь выудить смысл. Вдруг что-то полезное?»

Джек провел ладонью по взъерошенным коротким волосам и неожиданно ласково улыбнулся ей.

– Что ты хотел сказать? – спросила Анна. – Или это я должна тебе что-то?..

– Она тебя слышала? – раздался вдали голос Энцы. – Скажи ей, что у нас все хорошо.

– У нас все хорошо, – повторил Джек. – Энца просит передать всем привет.

– А разве... разве что-то случилось? – осторожно поинтересовалась женщина, интуитивно уловив некую странность в этом разговоре.

Джек-во-сне нахмурился.

– Ну я так и знал! – воскликнул он. – Этот криворукий все неправильно рассчитал, мать его за ногу. Еще рано!

– Рано – для чего, Джек? – спросила Анна.

Джек что-то ответил, но голос его она уже не слышала в гулком шуме, заполнившем вдруг ее голову. Треск статического электричества,

обрывки искаженных голосов, тихое «береги себя» Энцы, а затем чей-то глубокий жуткий голос, отдавшийся эхом в груди. Голос считал вслух, и цифры обратным ходом вспыхивали дрожащим бледным огнем прямо перед глазами. И в этом сне Анна четко знала, что следом за цифрами придет душная клубящаяся тьма.

Анна вскрикнула и на мгновение потеряла сознание – проснулась.

Саган влетел в комнату, с тревогой осмотрел магичку и привычным жестом приложил ладонь ко лбу.

– Плохо, да? Что случилось?

– Саган... Джек приехал? – спросила она. – Мне показалось, что он заходил.

– Нет, радость моя, не приезжал. Тебе приснилось.

Анна кивнула и мгновенно провалилась в глубокий темный сон.

– Шеф? – секретарь сунул голову в кабинет и зажмурился: солнце ударило прямо в глаза.

– Сколько раз говорить, по интеркому разговаривай, – нахмурился господин Камень.

– Так... ну... извините, – смутился секретарь и хотел было прикрыть дверь, но шеф раздраженно прикрикнул:

– Да говори уже! Что за дурацкие манеры!

– А, ну... звонил там наш агент номер двенадцать, говорит, что каким-то образом вызвал подозрения у сотрудника отдела расследований, и очень боится, что его раскроют. Просит перевести его...

– Болван, – с отвращением сказал господин Камень.

Секретарь замялся и стремительно побледнел.

– Да не ты. Этот... двенадцатый. Передай, чтоб даже не дергался. Пусть держится за свое место, а если ему покажется, что еще у кого-то подозрения вызвал... тогда пусть пришлет имена. Нам будет проще убрать ненужных подозревающих, чем терять агентов на узловых точках. А вообще присмотришь и к агенту, и к точке – возможно, нужно будет его переместить на другое место, если уж он такой нервный.

История двадцать первая. Симптомы болезни

Что есть темная магия?

Средневековые авторы в большинстве своем утверждали, что основа темной магии – злой помысел. Потому и последствия дурны, и средства

ужасающе. Вопрос баланса энергии в мире волновал их куда меньше, и потому за поднятие мертвецов и наведение порчи карали смертью, а создание боевых амулетов считали высокооплачиваемой и уважаемой работой. А между тем боевые амулеты вызывали – как при активации, так и при уничтожении – мощнейший и опаснейший откат, рвущий саму материю мира.

Сейчас же под темной магией понимается та, которая ведет к дисбалансу тонких энергий и силовых линий, та, что истончает или разрывает границы мира, нарушая его нестойкое равновесие.

Важнейшее понятие современной теории магии – сохранение равновесия. Только благодаря его соблюдению мир еще не разошелся по швам, как ветхое платье.

Философы и эзотерики современности и поныне спорят о сущности темной магии и тонкостях ее детерминирования, хотя юриспруденция четко определяет темную магию как уголовно наказуемую деятельность, вне зависимости от того, какими помыслами – добрыми или злыми – руководствовался маг.

– Устала, да? – сочувственно спросила Энца, кивнув на Анну.

Магичка уютно свернулась в углу обширного дивана, положив голову Сагану на плечо и спала.

Саган помолчал, а потом ответил, нахмутив светлые брови.

– Да не знаю даже, – неохотно сказал он. – Мне кажется, что она заболела. Устает быстро и чуть что – засыпает. Мы сегодня и не выезжали даже, у нас сокращенное дежурство было.

– Чего ко врачу не отведешь? – спросил Роберт, выходя из кухни и вручая ему бутылку пива.

– Да разве она пойдет? Тем более совсем недавно это общее обследование было, ничего не нашли.

Донно из кухни сказал, что чуть попозже посмотрит сам, и если что, у него отличное средство есть от простуды.

– Джек-то сегодня придет? – спросил Саган.

Энца пожала плечами и осторожно начала:

– Знаете, с Джеком тоже что-то странное, он пропадает и...

– Скотина Джек, – невнятно сказала Анна и проснулась. – Пропадает и не звонит. Разве так можно? У меня прям сердце не на месте каждый раз...

– У тебя же не было дурных видений, – отмахнулся Роберт.

Анна долго и серьезно смотрела на него, пока мужчина не смутился.

– А вдруг именно в этот раз ничего не будет? – спросила она. – О тех

взрывах на турнире я вообще ничего не видела, ни снов, ни предсказаний. А ведь мы все там присутствовали.

– Ну да, – согласился Роберт, – но никто серьезно не пострадал.

– Джека сильно порезало, – возразила Анна, и между ее бровей пролегла тень.

– Джек себя странно ведет, – снова начала Энца. – Он...

Роберт хмыкнул и мягко похлопал ее по плечу.

– Джек себя с рождения странно ведет, не переживай, – сказал он. – Просто ему скучно у вас стало, а он всегда в этих случаях сбегает.

Третий раз заводить эту тему Энца не решилась: она прекрасно понимала, что Донно все слышит, и ее настойчивость ранит его. Обычно рассудительный и внимательный Донно негативно относился к их отношениям с Джеком. Хоть там и отношений-то не было, из тех, к которым можно относиться подозрительно, но все же.

Порой концепция жизни, которую всячески поддерживал Джек – не думать о сложном, казалась ей вполне себе удобной.

Да и Джек вообще-то уже большой мальчик, разберется со своими делами. Если ему скучно, может заниматься чем хочет, они как-нибудь обойдутся.

Подумаешь.

Сразу после окончания суда над террористами премьер-министр распорядился провести полномасштабную медицинскую проверку среди магов. В первую очередь изучали психическую компоненту сознания, расщепление которой было легко определить. Во вторую, тщательно искали малейшие следы участия в темных ритуалах. Таким образом, правительство пыталось предупредить повторение подобных акций.

На деле же это было сумбурное, тяжелое для всех сторон мероприятие. Составленный график явок сотрудников Института, студентов, рядовых магов из других организаций постоянно уточнялся, дополнялся, изменялся. Энце три раза приходило сообщение на электронную почту о переносе даты осмотра, а Унро – всего один, зато на день раньше, так что оказалось, что он опоздал.

Переносили и уточняли, как говорят, из-за высокопоставленных магов: чтобы им удобнее и чтобы некоторые оппозиционеры случайно не пересеклись. Страдали от этого все.

В итоге на каждого выделялось по двадцать минут: проверяемый садился на стул перед комиссией, снимал все обереги и амулеты и отвечал на вопросы. Вопросы были специально подобраны, один из комиссии

сканировал ауру, второй считывал ментальный отзвук, третий проверял соответствие магического уровня заявленному в анкете.

Энца давно знала, чем чреваты для нее подобные проверки – из-за ее уровня проверяющие всегда ставили на себя дополнительные щиты, и использовали особые процедуры, черпая небольшие порции силы из нее. Для обычного мага эти порции были действительно неощутимыми, а для нее... В этот раз она сумела удержаться, и не упала в обморок, как обычно на обязательных медкомиссиях. С собой у нее был заговоренный Донно платок, на всякий случай ватные шарики и перекись водорода, а за дверью ждал Джек. Он предлагал наладить постоянный канал как тогда, в Железном лесу, но Энца не согласилась: проверяющие засекут это и еще неизвестно как воспримут. Может быть, как попытку обмануть комиссию – а это чревато лишением лицензии.

Энца предпочла потерпеть.

Чем меньше проверяющие находят, тем лучше. У нее всегда излишне подробно изучали наличие остаточного фона, который бывает при насильном изъятии энергии. К счастью, случай с Донно и врачом был слишком давно, чтобы остались внятные следы, а Джек был зарегистрированным напарником в партнерской программе, так что ничего криминального комиссия не нашла.

Правда, в этот раз было не только тошно от мгновенной откачки энергии, но еще и больно. Раньше такого не случалось, и Энца, поколебавшись, сообщила об этом магу, который в это время держал пальцы на ее висках, измеряя уровень.

Он не ответил, а дама из комиссии, обычный человек, как поняла Энца, строго сказала, что следует молчать.

Уходила Энца сама – в отличие от многих других подобных комиссий, когда ее выносили в коридор «подышать». Кровь из носа почти не шла, и Энца просто зажала пальцами ноздри, опуская голову ниже, как учил Джек.

Тот ждал ее за дверью. Сам он комиссию прошел еще вчера и вдоволь поиздевался над проверяющими: никакие щиты от него не закрывали, и мощный поток энергии не удавалось отрегулировать, так что результат проверки остался все тем же: уровень не поддается измерению.

Магам вообще полагалось раз в год проходить медкомиссию для продления лицензии, и для многих она была неприятным событием, поэтому из-за внеочередной, да еще и поголовной проверки было много толков и возмущений. Один парень из Птичьего павильона даже начал собирать подписи против нее, но с этим делом связываться почти никто не стал: мало ли, может, провокация и часть проверки.

Интересная версия о связи «рук» и черных луж, с которой так носились Шиповник и Унро, провалилась.

С рвением неофитов оба проехали по места явления рук, обследовали каждый доступный сантиметр стен, повторно расспросили тех очевидцев, что сумели найти, и снова засели за изучение сводок.

Во-первых, ни следа возможного розыгрыша они не нашли. Но и магического фона не было – зато на двух последних местах Шиповник ясно почувствовала посмертную ауру.

Призраки. Вероятно, призраки.

Ребята с новой силой взялись за сводки, пытаются отыскать концы, загадочные смерти или неопознанные трупы, но смогли найти только то, что опрокинуло первоначальную версию.

Расстроенный Унро тем вечером показывал свои выкладки Джеку и Энце, а Шиповник, сердито сопя, печатала доклад к семинару. Из-за их расследования она подзапустила занятия и поэтому доделывала задания на работе.

– Вот, – сказал Унро. – Тут я написал, когда были черные лужи, в этом столбике – когда руки появлялись, а вот тут – у меня не уместилось, поэтому я сбоку добавил, – из уголовной хроники совпадения.

Он вздохнул, почти одновременно с Шиповник, которая с удвоенной силой продолжила барабанить по клавиатуре.

– В общем, руки появлялись с мая, два случая; потом в июне четыре сразу. Мы подумали, что лужи, как это бывает, не всегда по времени совпадают с моментом сотворения черной магии, и могут смещаться на день вперед или назад. Но даже так, с допуском, только три черные лужи подходят к рукам, и то... которые майские, ближе вот к этим двум задержаниям темных магов. Я нашел в уголовных сводках: одного мужчину задержали на месте преступления, спяну пытался сделать дыру в каменной ограде парка, чтобы побыстрее попасть на улицу, второй прямо в квартире проводил ритуал призыва некой сущности, из-за него электричество отключилось во всем квартале.

– Странно, что отчеты о лужах не подшили в дело, – рассеянно сказала Энца.

– В какое дело? – удивился Унро.

– Ну, в уголовное, – пояснила Энца. – В оба дела, на этих магов.

– А, – сказал Унро. – Так их отпустили. В сводках написано, что за отсутствием прямых доказательств применения темной магии...

Джек и Энца переглянулись.

– Парень, ты в курсе, что у тебя на руках те самые прямые доказательства? – лениво спросил Джек.

Унро медленно повернул к нему голову, а Шиповник потрясенно распахнула глаза. Кисточка косы, которую она задумчиво жевала, раздумывая над докладом, со стуком упала на клавиатуру.

– Так это значит, мы все-таки что-то нащупали?.. – выдохнул Унро.

– Ну да, – ответила Энца. – Молодец. Давай мне эти сводки, я оформлю бумаги и перешлю в Чайный домик...

Быстрее молнии Шиповник выхватила из протянутой руки Унро документы и ревниво сказала:

– Мы сами! Это мы нашли, – потом, поколебавшись, спросила: – А по какой форме надо составлять бумаги?

– Выслуживание до добра не доведет, – с укором сказал Джек и собрался было курить, но потом вернулся. – Ты, парень, не договорил, что там дальше-то было?

– Дальше? А. Ну, те лужи, что в июне и июле, они никак не по времени, ни по месту не совпадают. Ни с руками, ни с другими сводками. Начинаются они с третьего июня, и дальше неравномерно идут до конца июля.

– А что было третьего июня? – вдруг нахмурился Джек. – Энца, что-то у нас было третьего июня?

Энца и сама зацепилась за эту дату, но в отличие от Джека у нее всегда была хорошая память на числа.

– Тараканы, – сказала она. – Это было за день до того, как мы разнесли тот сквер с тараканами.

Джек замер, обдумывая.

– Выброс энергии, – сказал он. – Яков у нас пытался потом выяснить, не было ли каких-то странных штук.

– Давай сюда, Унро, эти отчеты с третьего числа и дальше, – решительно сказала Энца. – Их уже точно надо оформлять и передавать Якову. К рукам они отношения не имеют, а вот ему они будут интересны.

– Что за тараканы? – удивилась Шиповник, которая так и не поняла, о чем речь.

Более осведомленный Унро – он уже послушал эту историю в разных исполнениях, – пояснил:

– Это парабиологические сущности, инсект-типа. Джек с Энцей обнаружили и уничтожили огромное гнездо.

Хотя в этой медицинской проверке были и свои плюсы: например,

удалось повидаться с Камелией и Кло – их тоже вызвали на освидетельствование. Камелия позвонила за день до приезда и сухо сообщила, что они везут с собой свиные ребрышки в карамели и домашнее пиво, так что вечер ничем не занимать.

Энца порадовала бы Джека, но тот взял обычай уходить с работы сразу после обеда: из-за этого они уже два раза пропускали вызовы. С августа им снова стали присылать запросы на выезд, как патрульным: случаев по их категории стало больше.

Одной Энце запрещалось выезжать, и она сильно огорчалась, потому что ей катастрофически не хватало движения. Как только начался учебный год, ходить на тренировки к Барбанегре так же часто, как раньше, уже не получалось, и Энца порой не знала куда себя деть, привыкнув к ежедневной нагрузке.

Вот и сегодня, пока они были с Донно на обеде в студенческом кафетерии, на телефон пришла ориентировка с адресом и запрос подтверждения, а Энца не смогла дозвониться Джеку.

Она рассердилась, больше даже не из-за неминуемого штрафа за пропуск, а из-за того, что опять уплывает возможность подраться с монстром, и Донно никак не мог взбодрить ее разговорами, когда они шли обратно во флигель.

Они пересекали небольшую площадь перед Птичьим павильоном, когда Энце на спину прыгнула Кло, обхватывая за шею руками.

– Привет! – закричала она.

Энца, невольно улыбаясь, повернулась.

Рыжая магичка как всегда была неотразима: сияющие волосы, яркие серьги и приталенный эффектный костюм с короткой юбкой – не иначе с тонким расчетом повеселиться на комиссии над проверяющими. Было что-то родственное в их с Джеком способах развлечения.

Камелия тепло пожала руку Энцы и коротко кивнула Донно, представляя себя и спутницу, а Кло тем временем за плечо дернула Энцу чуть в сторону и своим неподражаемо громким шепотом спросила:

– А это кто такой? А Джек где? Ты его кинула, да? Ну и правильно...

– Кло, – спокойно сказала Камелия. – Мы все слышим.

– Да? Ну и не подслушивайте, это невежливо.

Она смерила Донно недружелюбным взглядом.

– А мы совсем недавно видели Джека, – сообщила Камелия. – Так что, вы вечером свободны? Мы в городе на два дня, если сегодня не выходит, то завтра.

– Если вам удобно, я бы пригласил вас на ужин к себе, – неожиданно

сказал Донно, который был уже в курсе того, кто такие магички – Энца рассказала об их приезде и приглашении. – Вы наверняка остановились либо в гостинице, либо в общежитии. У меня было бы лучше.

– Если вас не затруднит, – слегка склонила голову Камелия. – Сегодня?

– Да, – сказал Донно. – Со следующего дня у меня подряд двое суток дежурства.

– А где вы его видели? – нетерпеливо вклинилась в разговор Энца: все это время она крутила головой, пытаясь высмотреть в толпе студентов, снующих между корпусами высокую фигуру напарника.

– Он курил у входа на парковку, – отозвалась Кло и хихикнула, когда Энца стремительно рванула в ту сторону, по дороге бросив:

– Я за ним! Попробую поймать! Донно, я тебе позвоню!

Чтобы не терять времени, пробираясь среди людей, девушка вспрыгнула на кованую ограду газона и пробежала по ней, ловко балансируя на острых черных столбиках.

Камелия проводила ее взглядом, потом снова повернулась к Донно.

– Вот моя визитка, – сказала она, – давайте созвонимся ближе к вечеру уточнить детали.

– Пойдем посмотреть, как она его поймает, – азартно воскликнула Кло и потащила коллегу за руку. – Пока, медведь! До вечера!

Оставшись один, Донно некоторое время постоял, приходя в себя. Эмоциональная буря Кло и властный напор Камелии произвели на него неизгладимое впечатление.

«Пожалуй, – подумал он, – с подобными женщинами понятен подход Джека: чем меньше проблем, тем лучше». Он сунул визитку в карман и отправился в свой отдел, крепко задумавшись над тем, что купить к ужину. О том, с каким рвением унеслась от него Энца, он старался не размышлять: совсем недавно Роберт пытался вправить ему мозги, заметив, как Донно не находит себе места, пережевывая про себя одни и те же мысли.

«Как ты себе представляешь, приятель, – сказал Роберт, – ей что, из-за твоей ревности работать перестать? Ты же видел, сколько удовольствия ей доставляют все эти сражения и даже тренировки? Ты ей с этим никак не поможешь. А если ты будешь акцентировать внимание на Джеке, и вести себя так, будто там у них действительно что-то есть, она ведь и задуматься может. И ты сам уведешь ее мысли не в ту сторону. Радуйся, что ты ее приручил. А Джека ты никогда не заменишь... ну, чего вызверился? Не заменишь в плане работы. Ты никогда не сможешь сделать так, чтобы Джек ничего не значил для нее. Они связаны крепче, чем ты видишь, и чем они сами понимают. Слишком уж специфичны их силы и слишком уникально

это совпадение... Короче, прекращай все это. Ты уже достал меня своим кислым видом».

Потом Роберт сам сдулся и сказал: «Лучше б помог Анну уговорить ко врачу сходить. Саган сказал, она вчера заснула прямо за рабочим столом – едва разбудили. И уже не первый раз. Говорит, снится что-то плохое, но что именно – не помнит».

Вот это действительно была проблема: сезонные простуды и гриппы у магов порой принимали весьма причудливые, а порой и опасные формы. И несмотря на врожденное упрямство Анны, втроем им удалось ее уговорить и отвести в медблок на обследование.

Врач был новый, худой рыжеватый мужчина лет тридцати, уже начинавший лысеть. У него были холодные и потные руки, и когда он осматривал Анну за ширмой, та вздрагивала и едва терпела его прикосновения: будто тот лягушкой по ней водил.

Не найдя ничего опасного, врач прописал витамины и травяной сбор для тонуса.

– Вам надо отдохнуть, сменить обстановку, – равнодушно сказал он. – Похоже на подступающую осеннюю хандру.

Анна моргнула несколько раз, а потом просветила эскулапа, куда он должен вставить свои бесценные советы, и заявила, что еще надо проверить, не липовый ли у него диплом, у извращенца несчастного, может и на работу устроился только чтобы причина была баб лапать...

Неожиданно разошедшуюся магичку Донно и Саган с трудом увели, и Саган при этом радостно благодарил врача – последнее время Анна была слишком вялой, и эта вспышка почему-то показалась Сагану предвестием выздоровления. Роберт же задержался в кабинете и некоторое время спокойно смотрел на врача. Под непроницаемым взглядом серых глаз тот задергался, занервничал:

– У вас тоже какие-то жалобы? – раздраженно спросил он. – Если нет, то попрошу покинуть кабинет, у меня полно работы.

– Вы тут новенький? Я вас запомнил, – медленно сказал Роберт и вышел.

У Роберта тоже было специфическое чувство юмора.

Передать все бумаги лично Якову не получилось: когда Энца подписывала у Финнбара на третьем этаже сопроводительный лист, тот рассеянно сказал, чтобы она не пыталась даже пробиться – сегодня начальник отдела практической защиты не принимает.

Что-то в его интонациях встревожило девушку, и она попробовала

уточнить, в чем дело.

Финнбар передал ей подписанные бумаги и внимательно посмотрел на нее.

– Волнуетесь? Я сам всех деталей не знаю, но утром на летучке говорили, что его увольняют. А сегодня он в медкомиссии. Мы там все по очереди заседаем, если вы не знали.

Энца неловко кивнула.

Финнбар ее смущал – он то был отстраненно-холоден, то вдруг начинал подмигивать им с Шиповник, шутливо поддразнивая, когда каждое утро заходил поздороваться и узнать как дела. В его поведении не было ни фальши, ни наигранности, но никогда нельзя было угадать, что там у него на уме.

Он был старомодно галантен, не раз приносил им к чаю коробки дорогих конфет, а уж Леди Гарброу и вовсе были от него без ума – красавец мужчина, обаятельный и вежливый, – не то, что некоторые язвы, которые курят слишком близко к ценным бумагам и документам, – и с пониманием. Благодаря отличной памяти и цепкому уму, Финнбар разобрался в работе и организации архива за несколько дней.

Из-за того, что она никак не могла его понять, Энца постоянно вглядывалась в его лицо, пытаясь прочесть, а Финнбар отшучивался: «Что, и во мне хотите разглядеть темного мага, да, Энца? У меня алиби, честное слово».

Эти его шутки и намеки – видимо, на Артура и на всю ту историю, – смущали Энцу еще больше.

В тот день с утра шел мелкий морозящий дождь. Против обыкновения Джек с самого утра торчал в отделе, мрачный и кислый, в отвратительном настроении. Он совершенно не слушал Унро, который пересказывал ему последние новости – юноша аккуратно следил за всеми сводками, и политическими, и уголовными, и экологическими. Джек подозревал, что Унро тайком в каком-нибудь обществе защиты парабиологических существ состоит – очень уж эмоционально тот относился к этим вопросам.

– Джек, вызов на вторую половину дня, – сказала Энца, входя в кабинет.

– И тебе не хворать, – буркнул напарник.

Девушка слегка пнула его по щиколотке под столом, но Джек даже не заворчал.

– Болееешь, что ли? – с подозрением спросила Энца и расстроилась. –

Ну вот, а я думала, сегодня поедem наконец...

Хотя она и сама с утра дурно себя чувствовала: накануне не выспалась. Они с Кло и Камелией засиделись до двух ночи, даже не заметив как быстро пролетело время. Донно предусмотрительно не пил и отвозил потом магичек в их гостиницу. И вот теперь Энца сидела, подпирая раскальвающуюся голову рукой, и вяло злилась.

– Всем доброе утро, – степенно сказала Шиповник, входя в кабинет.

Сегодня коса ее была обернута короной вокруг головы, и девушка постоянно прикасалась к вискам рукой, поправляя волосы. Унро попробовал было сделать комплимент, но Шиповник строго посмотрела на него, и юноша умолк.

– Что-то сегодня у всех плохое настроение, – пожаловался он.

Шиповник огляделась. Потом, хмурясь, встала и обошла вокруг столов, мимолетно коснувшись лба Энцы и изучив внимательно Джека.

– Заварю чай с имбирем, – решила она и стремительно удалилась.

Шиповник происходила из семьи потомственных магов-лекарей и травников, и единственная из всего рода пошла обучаться на технический факультет по специальности «Анализ и проектирование пространственных конструкций». Мать и бабушка Шиповник были известными травницами; к бабушке до сих пор, говорят, ехали на лечение со всех концов страны. А Шиповник, хоть и унаследовала их таланты, решила все по-своему.

По ее словам, ни бабка, ни мать не разговаривали с ней целых полгода после поступления, только отец позванивал тайком с работы, расспрашивал как жизнь и присылал деньги. Но даже и без этой помощи Шиповник училась на отлично, получала стипендию и постоянно подрабатывала, так что взять ее измором, как планировали старшие женщины, не вышло.

Теперь же Шиповник заканчивала обучение, и смириться пришлось уже им.

Едва только освоившись в отделе, Шиповник выкинула все пачки с пакетиками чая и растворимый кофе, стойко выдержала возмущение Джека и робкое недоумение Унро, принесла пузатый коричневый заварный чайник и полотняный мешок с травами, и каждое утро долго корпела над составлением очередного полезного для всех состава.

Дар у нее несомненно был – порой только по одному взгляду или касанию девушка могла определить, что сейчас нужно ее коллегам: состав для бодрости, для успокоения, для сосредоточения или пополнения сил.

Имбирь, правда, ни Энца, ни Джек не любили, даже с лимоном, но под строгим взглядом Шиповник пришлось выпить все. Для Джека Шиповник добавила немного мяты, и напарники тайком обменялись кружками: в

отличие от Энцы Джек мяту терпеть не мог.

Зато Унро всегда с удовольствием пил все, что давала Шиповник, даже если от горечи сводило во рту. Энца подозревала, что Шиповник нарочно так делает, проверяя, насколько хватит терпения у юноши. Но пока что, казалось, оно безгранично, и Унро готов был принять все.

– В общем, – сказал Унро. – Ничего мы не нашли. Это не розыгрыш, но и не магия, а вот чьи это призраки, и почему они показались этим людям, непонятно. Может, совпадение. А... и свидетели друг с другом никак не связаны и не знакомы.

– Все проверили?

– Все, – отрубил Шиповник. – И связи по работе, и через друзей-знакомых, и через учебу, и родственные. И социальные сети тоже.

Она фыркнула: отчего-то терпеть не могла подобные сайты.

– Н-да, – задумался Джек. – Тупичок... А в прошлое? Насколько далеко вы заглянули в их прошлое?

– К чему? – презрительно спросила Шиповник. – Зачем это еще?

– Затем что, если это призраки, то их смерть могла быть сколь угодно давно... и связь прячется тоже где-то там. Копайте дальше, пока не найдете какую-то общую для них зацепку.

На самом деле Джек говорил наобум, но по тому как загорелись глаза Унро, понял, что попал в точку. Остальные идеи они уже все равно отработали, а силы еще оставались, архив – под рукой, в общем, азарт с новой силой охватил молодежь. Шиповник сразу стала звонить леди Гарброу за допуском в архив, а Джек заскучал.

Крепкий чай ненадолго взбодрил Энцу, она углубилась в работу, не участвуя в общем разговоре. Около двенадцати Джек собрался на обед, пообещав вернуться, чтобы ехать по вызову, – и действительно вернулся. Хотя и на час позже.

Энцы уже не было, и Шиповник, хмуря светлые брови, сказала, что отправила ее домой. «У нее слишком болела голова», – пояснил Унро.

Джек подумал и тоже засобирался.

– Ну, а чего тут сидеть? На вызов и меня одного не возьмут, а с бумажками как-нибудь завтра... или послезавтра.

Все-таки это было не похмелье – да и с чего, пива было не так уж много, – и не простая головная боль от недосыпа. Когда Энца добралась до общежития, ее плавно вело из стороны в сторону, а тело бросало то в жар, то в холод. По-хорошему, надо было позвонить кому-нибудь или идти не домой, а в медблок, но Энца соображала все хуже и хуже, и на автопилоте

брела к себе, чтобы лечь и, наконец, отдохнуть.

Она едва успела устроиться у себя на диване и перестала трястись от озноба, как в дверь постучали. Путешествие в несколько метров по маленькому коридору показали ей бесконечностью, и открыть дверь удалось не с первого раза.

Холодная узкая ладонь легла на горячий лоб. Голова Энцы безвольно откинулась назад, а сама девушка покачнулась.

Джек рассердился. Воспаленные от температуры и боли глаза Энцы смотрели сквозь него.

– Давай, вали в кровать, – скомандовал Джек. – Чем заболела?

– Грипп? – неуверенно предположила Энца. – Все тело ломит.

Говорила она медленно и невнятно. Едва переставляя ноги, побрела в сторону дивана. Джек некоторое время смотрел на эти черепашьи бега, потом, раздражаясь все сильнее, подхватил на руки и дотащил до дивана сам. Укутал по уши в одеяло, плед и сверху намотал шарф.

– Что болит? Горло? Температуру мерил? Кипяток у тебя есть? А лекарства?

Энца молчала, бессмысленно глядя на него из объемного свертка. Джек решительно обшарил маленькую ванную и кухню, нашел аптечку и чайник.

Энца то и дело проваливалась в густой дурной сон, не в силах даже думать четко. Она слышала, как Джек, поругиваясь, громыхает грязной посудой на кухне в поисках чашки, как клокочет вода в чайнике. Потом зазвонил телефон, и Джек что-то ответил.

Под звуки его голоса Энца заснула.

Когда она очнулась, тело все так же ломило. В комнате было зябко и темно. На ощупь, дрожа от озноба и слабости, она добралась до кухни и зажгла свет. На столе у чайника стояла наспех отмытая кружка, распотрошенная аптечка, а рядом термометр и надорванная пачка растворимого порошка от жара.

«Что-то случилось, – заторможенно поняла Энца, вспомнив телефонный звонок. – Ему позвонили, и пришлось срочно уехать. С кем-то что-то случилось». От страха вдруг перехватило горло, и она некоторое время постояла, опираясь на стол обеими руками. Воздух никак не шел в легкие. Потом она вернулась в комнату и мучительно долго разыскивала свою трубку, чтобы позвонить Джеку.

Долгие гудки, потом раздраженное:

– Слушай, не до тебя сейчас, перезвоню.

На заднем плане звонко хохотала Эли, и фоном шел какой-то шум, то

ли кафе, то ли кино. Энце и так было больно, так что нового укола прямо в сердце она почти и не почувствовала.

Снова вскипятила чайник, залила порошок и, выпив сладкий до тошноты напиток, отправилась на свой диван.

На следующее утро приехал Донно, обеспокоенный ее молчанием, но к тому времени она уже была более-менее похожа на человека и даже могла разговаривать. Донно не мог с ней оставаться: он и так под прикрытием Роберта сбежал на полчаса с дежурства, так что снова завернув девушку во все одеяла, он погрузил ее в машину и отвез к Анне.

У магички был выходной и она с удовольствием окружила Энцу заботой и теплом...

Пока сама не свалилась к вечеру – с теми же симптомами, и уже призванный в срочном порядке Саган привез врача, кучу лекарств и свой ноутбук с целой фильмотекой. Устроившись рядом на широкой кровати под тремя одеялами, Энца и Анна ревели над очередной мелодрамой, ворчали, когда Саган заставлял их пить положенные им целебные отвары и периодически проваливались в тяжелый сон.

– Грипп, – подтвердил врач. – Ничего, отлежатся – и все пройдет. А вам, молодой человек, я сейчас поставлю защиту от инфекции, и сами не забывайте на всякий случай пить побольше и наденьте маску.

Энца, уставая от фильма, пробовала читать, но голова слишком болела, и буквы расплывались. Засыпая, она видела только тьму, и порой никак не могла понять, то ли она спит и сон видит, то ли это фильм дурацкий такой.

Анне было хуже: хотя болезнь поймали в самом начале, протекала она тяжело, и душные кошмары обступали ее каждый раз, как она закрывала глаза. Если Энца не спала, то будила ее, услышав стоны. Самой Анне проснуться ни разу не удалось, хотя управлять снами она вполне умела – в здоровом состоянии.

Иногда снились люди, самые разные. Приходил отец, ругался, что она давно им не звонит, – а они с матерью беспокоятся. Саган укоризненно покачивал головой. Даже Джек зашел – и вот его появление больше всего почему-то удивило Анну: сначала она решила, что это на самом деле.

Был уже поздний вечер, Энца тихо спала рядом. В темноте мягко мерцал экран, шел старый черно-белый фильм, а из-за приоткрытой двери в коридор лилась узкая полоска света: там где-то был Саган. Джек тихо постукал костяшками о косяк двери и скользнул в комнату.

– Джек? – удивилась Анна. – Ты что, постригся?

От жара в глазах плыло, и она медленно моргала, с трудом сосредотачиваясь на нем. «Да я же сплю, – подумала она. – Осознанный

сон и, наконец, не кошмар... надо только суметь выудить смысл. Вдруг что-то полезное?»

Джек провел ладонью по взерошенным коротким волосам и неожиданно ласково улыбнулся ей.

– Что ты хотел сказать? – спросила Анна. – Или это я должна тебе что-то?..

– Она тебя услышала? – раздался вдали голос Энцы. – Скажи ей, что у нас все хорошо.

– У нас все хорошо, – повторил Джек. – Энца просит передать всем привет.

– А разве... разве что-то случилось? – осторожно поинтересовалась женщина, интуитивно уловив некую странность в этом разговоре.

Джек-во-сне нахмурился.

– Ну я так и знал! – воскликнул он. – Этот криворукий все неправильно рассчитал, мать его за ногу. Еще рано!

– Рано – для чего, Джек? – спросила Анна.

Джек что-то ответил, но голос его она уже не услышала в гулком шуме, заполнившем вдруг ее голову. Треск статического электричества, обрывки искаженных голосов, тихое «береги себя» Энцы, а затем чей-то глубокий жуткий голос, отдавшийся эхом в груди. Голос считал вслух, и цифры обратным ходом вспыхивали дрожащим бледным огнем прямо перед глазами. И в этом сне Анна четко знала, что следом за цифрами придет душная клубящаяся тьма.

Анна вскрикнула и на мгновение потеряла сознание – проснулась.

Саган влетел в комнату, с тревогой осмотрел магичку и привычным жестом приложил ладонь ко лбу.

– Плохо, да? Что случилось?

– Саган... Джек приехал? – спросила она. – Мне показалось, что он заходил.

– Нет, радость моя, не приезжал. Тебе приснилось.

Анна кивнула и мгновенно провалилась в глубокий темный сон.

– Шеф? – секретарь сунул голову в кабинет и зажмурился: солнце ударило прямо в глаза.

– Сколько раз говорить, по интеркому разговаривай, – нахмурился господин Камень.

– Так... ну... извините, – смутился секретарь и хотел было прикрыть дверь, но шеф раздраженно прикрикнул:

– Да говори уже! Что за дурацкие манеры!

– А, ну... звонил там наш агент номер двенадцать, говорит, что каким-то образом вызвал подозрения у сотрудника отдела расследований, и очень боится, что его раскроют. Просит перевести его...

– Болван, – с отвращением сказал господин Камень.

Секретарь замялся и стремительно побледнел.

– Да не ты. Этот... двенадцатый. Передай, чтоб даже не дергался. Пусть держится за свое место, а если ему покажется, что еще у кого-то подозрения вызвал... тогда пусть пришлет имена. Нам будет проще убрать ненужных подозревающих, чем терять агентов на узловых точках. А вообще присмотришь и к агенту, и к точке – возможно, нужно будет его переместить на другое место, если уж он такой нервный.

История двадцать вторая. Старые легенды

На Листопадную неделю, что перед осенним равноденствием, в институтском парке всегда появляются бабочки. Огненные бабочки, размером с ладонь, узорчатые, с разноцветными прожилками на сияющих крыльях, похожие на чудесные цветы. Они порхают каждую ночь, а исчезают с рассветом.

По легенде, в начале прошлого века один преподаватель был влюблен в студентку. Нравы в те времена были строгие – не то, что нынешние, – и он даже смотреть на нее лишней раз не смел на людях. Сам он был достаточно молод и хорош собой, так что неудивительно, что студентка отвечала ему взаимностью. Каким-то образом все вскрылось, и преподавателю было отказано от места. Как раз тогда назревала война, бедолагу отправили на фронт, где он и был убит.

Как прощальный подарок любимой, перед отъездом он создал этих бабочек. Ровно неделю, каждую ночь тьма нежно озаряется трепетом тонких золотых крыл, и в это время парк института открыт для посещения. В нем полно романтически настроенных особ самых разных возрастов.

Эту легенду рассказывают туристам на экскурсиях, а среди своих ходит другая история: о том, как компания подвыпивших студюзовцев шла через парк в Императорские бани – один из корпусов общежития, – и по дороге кто-то захотел осветить дорогу, да немного не рассчитал.

С пожаром, охватившим старые деревья, удалось справиться на удивление быстро – и эксцентрично: студюзовцы совместными усилиями обратили огонь в безвредных красивых бабочек.

То, что творить магию в подпитии чревато разнообразными и

трудноискоренимыми последствиями, знают все. Тот случай произошел в начале прошлого века, но заклятие оказалось таким заковыристым и стойким, что и спустя более ста лет бабочки не утратили своей яркости и красоты.

Девушки, конечно, больше верят в легенду о погибшем любовнике, чем в каких-то пьяных студентов, да и для туристов она привлекательнее, так что «свою» версию в Институте обычно придерживают.

А вот в Старом парке, что возле Оружейного подворья в центре города, совсем другие легенды.

Например, рассказывают, что если оказаться под часами на перекрестке аллеи ровно в полночь, то тебя окликнут из-за спины и зададут вопрос. Сможешь ответить – тогда одно твое желание сбудется, а если нет... чудовище съест твою голову.

Бес знает, откуда это поверье – ни разу еще такого не было, чтоб безголовые тела находились. Но однако же болтают, и не первый десяток лет.

Еще одна легенда поновее: будто бы кто-то подстерегает парочки, прогуливающиеся по темным аллеям ночью, тихонько подкрадывается и крадет юношу, а чтобы девушка не догадалась, подсовывает ей вместо него тень. Парочка доходит до выхода из парка, и тень рассеивается.

По слухам, это ревенант – сильное привидение, вернувшееся с того света, чтобы отомстить за обиду, а точнее – обманутая жена, которая от горя утопилась в пруду Старого парка.

История еще более неправдоподобная, зато подкрепленная некоторыми фактами: трое юношей действительно пропадали, но на следующее утро нашлись: избитые и раздетые догола, без сознания. Что с ними было и кто это сделал, сказать они не могли, напали на них неизменно со спины.

Но в пруду никто не топился, по крайней мере, специально, так что официальные органы версию о ревенанте не рассматривали. Тайна оставалась тайной.

И вот несмотря на зловещие предания в этот теплый осенний вечер по Старому парку прогуливалась парочка.

Они бесстрашно выбирали самые темные аллеи и неспешно проходили их одну за другой. Выглядели они довольно забавно: юноша едва ли был выше плеча девушки, но тем не менее они нежно ворковали, склоняясь друг к другу и держась за руки.

Редкие припозднившиеся прохожие весьма бы удивились, услышав их

разговор.

– Не виси на мне! Ты меня вниз тянешь все время! – шипела девушка.

– Знаешь, ты могла бы не надевать такие высокие каблуки, – с укором говорил ей спутник. – И я тебя совсем не тяну, наоборот, держу, чтоб не упала.

– Я не падаю!

– Но спотыкаешься. Постоянно.

Слова «если бы не я, то ты уже несколько раз упала бы» Унро благоразумно проглотил. Шиповник была не в духе, хотя на взгляд юноши ничего такого плохого не происходило.

Напротив. По его скромному мнению, этот вечер был просто прекрасен.

– Просканируй тот куст, слева, – нервно говорила Шиповник. Она вообще боялась темноты, и в такие авантюры еще никогда не ввязывалась. – Ты уверен, что она идет за нами? Вдруг она осталась там, у входа?

– Не бойся, – отвечал Унро, – конечно, идет. Я ее иногда чувствую. У нее особенная аура. А в том кусте ничего нет, только воробьи спят.

Он даже успокаивающе погладил ее ладонь, но в ответ получил только щипок – Шиповник заранее предупредила, что защищать свою честь она будет до последнего, и никакие приставания терпеть не намерена.

– Ну, что там по списку? – спросила она.

В кармане Унро лежал сложенный листок бумаги со списком действий, который для них заботливо составил Джек. Шиповник, уже имевшая определенное мнение о самом Джеке и качествах его ума, крепко сомневалась, что в этом списке хотя бы один пункт без подвоха, но не смогла найти, к чему придраться. У них обоих – и Унро, и у нее – был совсем небольшой опыт по части свиданий, а так как жребий изображать парочку выпал им, то приходилось прислушиваться к мнению «старших товарищей».

– Лучше бы мы своим делом занимались, – расстроено шипела она, имея в виду историю про руки.

Унро неопределенно пожал плечами, одновременно пытаясь незаметно выудить из заднего кармана джинсов листок бумаги.

– Так, следующее, – шепотом сказал он, – Сидеть на скамейке и тесно... кхм... обниматься..

– Кто так говорит? Безграмотно совсем, – возмутилась Шиповник, заглядывая в список. Длинные волосы, распущенные по случаю «свидания», легкой волной мазнули Унро по щеке, и тот торопясь, убрал

бумажку.

Этот список был немного отредактирован после того, как его одобрила Шиповник, и в пункте три было вовсе не «обниматься».

Девушка хотела было возмутиться, выпрямилась– и зашипела сквозь зубы. Прядь волос зацепилась за пуговицу на куртке Унро.

– Подожди, – засуетился тот. – Сейчас я распутаю.

Шиповник сама попыталась было извернуться, чтобы посмотреть, но длины запутавшейся пряди не хватило. Унро помог ей дойти до скамейки, и они неловко присели.

В темноте было сложно нащупать и распутать паутину тонких волос, Унро возился довольно долго.

– Энца рядом? – спросила Шиповник, сейчас больше переживая о том, как они нелепо смотрятся со стороны, чем о своей безопасности.

Унро, не отвлекаясь, быстро окинул пространство вокруг сканирующим плетением.

– Да, двигается к нам, – сказал он. – Скоро будет тут.

– Странные они, да? – сказала вдруг Шиповник.

От ее тихого голоса, который звучал слишком близко – и слишком интимно – Унро только сглотнул. Промычал что-то согласно. Шиповник сидела рядом, прижимаясь к его плечу, и тонкий травяной запах ее духов кружил бедняге голову.

– Ну, я имею в виду, что вообще там все странно, во флигеле... и эта история, с магом-некромантом и умертвием... Унро, а ты никогда не думал, что их духи, ну... могли переселиться? И остаться в них?

Унро вытаращил глаза, отвлекшись от пуговицы. Благодаря Джеку он прошел суровую подготовку в августе и уже получил иммунитет к подобным мыслям. И теперь, высказанные другим человеком, они звучали для Унро как бред.

Юноша не успел ничего ответить – их прервали:

– Молодые люди, вам помочь? – вкрадчиво спросил незнакомый голос.

Унро и Шиповник одновременно повернули головы, чтобы ответить, – и на миг остолбенели.

В желтых тусклых глазах не было ничего человеческого. Серое удлиненное лицо согнувшегося перед ними существа было похоже на пластиковую маску.

Шиповник завизжала, а Унро толкнул ее в сторону и, извернувшись, обеими ногами пнул существо в лицо.

С треском отлетела пуговица, так и оставшись в волосах Шиповник, а девушка прокатилась по асфальту, обдирая ладони. Из кустов напротив нее

беззвучно выпрыгнула черная тень, и Шиповник снова закричала, одновременно бросая на лету сотворенное плетение.

– Нет! – закричал Унро. – Это Энца! Энца!..

Черная фигура рывком ушла в сторону, уворачиваясь от плетения, оттолкнулась от земли и бросилась к существу, замахаясь гудящими от напряжения саблями, но Унро снова предупреждающе закричал.

Энца уже не могла свернуть, набрав приличную скорость, и все, что она успела сделать – это отвернуть сабли, чтобы никого не задеть, и по инерции влететь кубарем в кусты на противоположной стороне.

С грохотом рухнули подрубленные на ходу сучья деревьев, из кустов донеслась невнятная ругань. Шиповник села на асфальте, ошеломленно оглядываясь. Унро разрывался между тем, к кому броситься в первую очередь. Существа нигде не было видно.

В конце концов, Унро подбежал к Шиповник, помогая ей встать – Энца уже самостоятельно выбиралась из кустов.

– Что это было? – с любопытством спросила она, потирая ссадину на лбу. – Я не успела разглядеть. И чем ты в меня запустила?

– Я не знаю... – растерялась Шиповник и жалобно оглядела их обоих. – Я так испугалась...

– Ты не поранилась? – встревожилась Энца, присела рядом на корточки, и они с Унро вдвоем попытались осмотреть девушку, а Шиповник слабо отмахивалась.

Руки тряслись, и Шиповник никак не могла решить, что же страшнее – ужасный урод, который подкрался к ним так неожиданно или то, что она чуть не причинила вред коллеге.

– Извини, извини, – повторяла она. – Тебя точно не задело? Ой, и что теперь будет? Я куда-то сюда запустила, и даже не знаю, что теперь будет...

Энца пожалала плечами: она даже отдаленно не могла почувствовать то плетение, слишком уж тонким и замудренным оно было. И Унро не смог ничего определить. На всякий случай он изучил весь участок дороги перед Шиповник – но ничего дурного не нашел.

– А чего ты кричал? – спросила Энца. – Что это было все-таки?

– Призрак, – ответил Унро. – Я успел немного просканировать его, когда ударил и ноги сквозь него прошли. Я боялся, что ты нас заденешь, если будешь его рубить, он же бесплотный.

– Круто, – оценила его скорость анализа Энца. – Ну, в принципе, тоже, наверно, результат. Хотя и непонятно, кто парней раздевал и откуда эти дурацкие истории. Ладно, давайте на этом закончим. Призрака видели, зафиксировали. Оформим и передадим дело чистильщикам.

– А... всё это – как? – растерянно спросила Шиповник, обведя рукой и просеку, которую проделала Энца и место своего предполагаемого удара.

– Ну... как-нибудь, – сказала Энца. У нее зазвонил телефон – видимо, Джек заскучал на своем посту под часами на перекрестке, и девушка торопливо сказала: – Будут ругать, скорее всего, но вы не расстраивайтесь.

Унро и Шиповник переглянулись.

Им еще предстояло знакомство с Офелией, которая лично курировала все дела, так или иначе связанные с ее «любимчиком». В этот раз, к ее негодованию, Джек был ну совершенно ни при чем, хотя это не помешало ему присутствовать при разбирательстве и довести даму до белого каления.

Несколько срубленных сучьев простили бы, но заклинание, брошенное Шиповник, оказалось с подвохом: оно исказило пространство над дорожкой, хотя срабатывало не всегда, а по какому-то пока не определенному алгоритму, связанному либо с характеристиками попадающего в искажение объекта, либо с временными интервалами.

В общем, следующим утром пара собачников неожиданно для себя переместились в дальний конец парка, и один бегун – к общественному туалету. Собаки остались на дорожке, поводки срезаны как бритвой. Хорошо еще, что обе оказались добродушными тварями, и изловить их труда не составило, но пока сообразили, что к чему, прошло уже полдня. Засечь искажение было практически невозможно, оно давало некоторые колебания только когда в поле попадал подходящий объект.

Офелия приехала на следующий день – расследование причин казуса было молниеносным, виновники, впрочем, не скрывались и не отпирались. Она проконтролировала воспитательный процесс, но осталась совершенно недовольной педагогическими талантами Финнбара, – и новому начальнику тоже досталось.

После праведных трудов дама пообедала в кафетерии Эллинского дворца и, встретив там Якова, не упустила случая пообщаться.

– Это у вас хобби такое – собирать паноптикум из особых бездарностей и неудачников? – ядовито осведомилась Офелия, присаживаясь за столик.

Яков покосился на нее и отложил вилку, которой он уже минут пятнадцать ворошил салат.

– Что вы, уважаемая Офелия. Ни в коем случае. Оба новеньких – весьма перспективные маги, да и к тому же до сего момента не имевшие ни одного нарекания.

– Прекрасно, – скривила губы дама. – Значит, дурное влияние? И сколько еще подобных делишек вы будете своему протезе спускать с рук? Впрочем, что же я. Слышала, что вы скоро уходите со своего поста?

Яков вдруг повернул к ней голову, и ровный серый свинец его глаз неприятно поразил Офелию.

– Что до моей... отставки, то это не ваше дело, дорогая Офелия. Хотя вы, как и всегда, не видите за деревьями лес. Прислушайтесь к моему совету, и постарайтесь приглядеться к тому, что вокруг вас происходит. Целее будете.

Сухо кивнув на прощание, Яков удалился, оставляя Офелию недоуменно хлопать густо накрашенными ресницами.

Шиповник тяжело переживала первый в своей жизни выговор. Энца, помня свои ощущения, пыталась ее утешить, но безуспешно. Нужно было иметь обаяние и уверенность Джека, чтобы простое «забей» в такой ситуации выглядело весомо.

Унро же напротив, не переживал нисколько – как-то по секрету он признался Энце, что у него повышенный индекс Гримана – то есть возможность несчастного случая всегда чуть больше, чем у остальных. Из-за этого юноша с детства попадал и попадает в различные неприятности, а потому и знакомством с главой Дисциплинарного комитета его удивить было сложно. Яков слегка покривил душой, сказав, что нареканий у новеньких не было. Серьезных – нет, просто цепь случайностей и совпадений, и Унро с завидным постоянством собирал на свою голову все, что можно.

«Так вот в чем дело», – еще тогда подумала Энца. Все же теория о том, что во флигель просто так не попадают, подтверждалась. Шиповник и Финнбар пока туда не очень подходили, – но может быть и у них что-то такое за пазухой есть.

Шиповник на время углубилась в учебу, а в отделе выполняла только распоряжения начальника, стойко игнорируя все страстные призывы Унро помочь ему с загадкой рук-в-стене.

Пока Унро не наткнулся в архиве на пару интересных бумаг.

Телефон зазвонил прямо на паре. Шиповник подпрыгнула от неожиданности, прихлопнула его рукой и, нервничая, не сразу смогла отключить. Преподаватель, умолкнув, вежливо ждала, пока девушка справится. Острые иглы серых глаз поверх стильных узких очков женщины пронзили студентку как мотылька.

Ведь еще надо было так попасть, злилась Шиповник, и неровные пятна румянца расползались по ее щекам. Преподаватель теории упругости была той еще язвой и весьма злопамятной дамой, которая терпеть не могла, когда ее прерывали. Обычно Шиповник отключала даже вибрацию на входящие, когда была на ее предмете, а тут и звук позабыла.

– Это по работе, – несчастным голосом сказала она, понимая, что тут лучше промолчать и даже извинения уже не спасут ее зачетку на предстоящем экзамене в зимнюю сессию.

Гаш такие вещи запоминала надолго.

– В самом деле? – вдруг спокойно спросила преподаватель, и острые иглы спрятались. – Тогда можете выйти и перезвонить.

Если кто до этого не обернулся, чтобы посмотреть на дуреху, которая так опростоволосилась с телефоном, то сейчас на нее посмотрели все. Гаш – и разрешила выйти перезвонить? Не съязвив ничего и не попытавшись сравнить умственные способности студента с инсект-объектом?

– Благодарю, – деревянно сказала Шиповник и стремительно вышла.

Она отошла по коридору насколько могла дальше, чтобы обрушить на голову бедняги Унро самые отборные ругательства, которые только знала.

– Какого беса ты звонишь? – кричала она. – Ты ведь знаешь, что я на занятиях! Да меня из-за твоего звонка завалить могут! И я сейчас еще половину лекции пропущу!

– Ну, спишешь, у кого-нибудь, – расстроено пытался вклиниться в ее монолог Унро. Извиняться он уже прекратил, после десятого или двенадцатого раза Шиповник просто взъярилась еще больше, и Унро покорно замолчал, посчитав, что женщинам надо давать выговориться.

Шиповник и выговорилась. Потом бросила трубку – и вдруг успокоилась.

– Чего ты хотел-то? – набрав снова номер коллеги, спросила она.

– Слушай, – возбужденно сказал Унро, сразу позабыв об этой интермедии. – Я тут чего накопал. Помнишь тетку, которую за подол рука хватала? Ее прапрадед был магом, в Императорской егерской службе.

– Ну и что? – раздраженно сказала Шиповник.

– А то, что один из предков парня, который самый первый видел эти руки, тоже был магом и служил егерем в те же годы.

– Надо остальных проверить! – тут же включилась Шиповник. – Прямо по цепочке проследить до тех лет... узнать, может они пересекались, были знакомы, или еще что-то... Ох, подожди, у меня еще одна пара после этой, я тоже хочу в архив пойти. Ты пока разрешения возьми, ладно? И на меня тоже.

– Ладно, – обрадовался Унро. – До встречи тогда.

– Все в порядке? – осведомилась Гаш, когда Шиповник вернулась в аудиторию.

– А? – рассеянно отозвалась девушка. – Да... да, все в порядке, просто кое-что нашли по одному делу.

– Не забудьте сделать копию пропущенной части лекции, – сухо сказала Гаш. – Итак, продолжим...

Позже, расспросив коллег, Шиповник узнала секрет снисходительности: летом преподавательница присутствовала при достопамятном раскрытии флигеля, и помогала разворачивать укрывающие чары.

Шиповник степенно шагала по людным аллеям – и летела, не разбирая дороги по пустым, чтобы срезать путь до флигеля. Последнюю пару она прогуляла, первый раз в жизни, но перед этим, правда, договорилась с сокурсницей о том, что одолжит ее записи.

– Ну, что? – выпалила она, сразу влетая в архив. Сегодня флигель даже ни на миг не моргнул, и вроде как поближе подвинулся, будто одобряя нетерпение, с которым она спешила на работу.

Леди Гарброу – а точнее младшая из них, – укоризненно посмотрела на Шиповник.

– Разве можно так? – прошелестела она. – Вы даже не переоделись.

Из-за стеллажа выглянул Унро и радостно помахал ей.

«Что-то нашел», – поняла Шиповник и стрелой понеслась наверх, чтобы скинуть куртку и переобуться.

В кабинете сидела Энца, чем-то расстроенная, а на месте Джека, оседлав стул и положив подбородок на спинку, покачивался незнакомый молодой человек. Он немного был похож на Унро: тоже невысокий и светловолосый, но в отличие от коллеги был физически более крепким и производил совершенно иное впечатление. Он быстро сверкнул глазами на вошедшую, коротко кивнул и продолжил разговор. Шиповник не вслушивалась, но общий тон был довольно унылый.

Шиповник с недоумением подумала об Энце: мало того, что она с напарником крутит – а Шиповник была в этом абсолютно уверена, – и обманывает своего мужчину, так еще вот и третий появился. С Джеком, видимо, последнее время не ладилось, приходил он все реже, и напарники едва разговаривали друг с другом.

Из этих троих Шиповник больше всего Донно нравился: сразу видно, что надежный мужчина, настоящий. Который заботится и оберегает, да еще

и маг не из последних.

Да впрочем, что ей за дело? Пускай Энца сама со своими мужчинами разбирается. Была бы поумнее, занималась бы карьерой. Вот она, Шиповник, как только диплом получит, сразу отправится в столицу, у нее есть список из компаний, в которые девушка собралась подавать резюме и целый план есть для дальнейшей жизни.

– Вот, смотри, – шепотом сказал Унро – при младшей леди Гарброу невозможно было повышать голос, – и разложил перед Шиповник несколько потрепанных старых бумаг. Рядом был его блокнот, густо исписанный крупным детским почерком.

– Я нашел еще одного из егерской службы... точнее, это женщина. Тоже маг, Нено, – и представь, она дальняя и очень далекая по крови прапра– и еще прапрабабка сразу двоим из нашего списка, кто видел руки. Они, наверно, и сами не знают, что родственники. Хотя там родственности одна капля, но все равно...

– Ничего себе, – в полном восторге шептала Шиповник. – Такое совпадение не может быть просто так, да? А ты что-нибудь про них накопал еще?

– Немного. Вот тут несколько дел, в которых он и она участвовали. По отдельности, конечно. Не пересекались, но наверно, если работали в одной службе, были знакомы. Получается, уже трое: Гриф, Рябинник и Нено, и через них связаны уже четверо из шести свидетелей.

Шиповник торопливо перелистала желтые хрупкие страницы, подшитые в папку, заполненные чьей-то уверенной твердой рукой. Чары, которые сохраняли бумагу, все еще держались, холодком отдаваясь в пальцах.

Но ничего интересного. Очень похожие дела Шиповник и ее коллеги до сих пор разбирали у себя наверху, и точно так же выезжали проверять достоверность донесений, как и егерь-маг Гриф, и Нено, и еще многие другие.

– А ты не нашел, что с ними могло случиться? Как они умерли?

– Нет, – покачал головой Унро. – Но последнее по времени, что я нашел, – вот эти два документа.

Он пододвинул ей поближе две бумаги, явно вырванные из папки. Прощение от старосты некой деревни Утицы – длинное перечисление разнообразных событий и жалобы на приезжую ведьму, – и ответное распоряжение о выделении отряда из пяти егерей для разбирательства. Первая – за июль тысяча девятьсот восьмого, вторая – за август.

Ведьму... это надо же. Впрочем, тогда еще много необразованных было, ведьмами всех подряд называли, и не отличали от магов.

– А почему бумаги отдельно? – как можно тише спросила Шиповник, невольно оглядываясь на Гарброу, которая недалеко от них сортировала подшивки.

Унро подвинулся ближе и тоже снизил голос:

– По каталогу там должно было быть папка с незакрытыми делами за тысяча девятьсот восьмой, но вся полка была в беспорядке. Бумажки были рассыпаны, а обложка отсутствовала. То есть, может, еще что-то было, но уже не найти. За следующий год ничего нет, ни об одном из этих троих.

Шиповник вздохнула: после летних событий во флигеле, сотрудники уже не раз находили разоренные или перевернутые полки. И если до появления Леди Гарброу это еще как-то сходило всем с рук, то после – любой беспорядок вызывал негодование архивариусов и долгие разборки: по мнению женщин легче легкого свалить всю вину на темных магов или службу зачистки.

Шиповник потерла ладонью лоб, вспоминая все, что она знала о делопроизводстве начала века.

– Должны быть каждый месяц отчеты о ревизии дел, – сказала она. – Или каждые полгода? И еще описи...

Унро покачал головой – и то, что он нашел, можно сказать, было чудом.

– Подожди, – вдруг сказала Шиповник. – Ну ведь они наверняка получали жалованье, и списки где-то должны быть.

– А в списках можно увидеть, когда они перестали получать, – подхватил Унро, невольно повышая голос.

– Здесь такое не хранится, – прошелестела Гарброу, о которой они уже позабыли.

Молодая женщина тускло взглянула на них, а потом кивнула куда-то в сторону.

– Все данные о жаловании, обмундировании, обеспечении артефактами и оружием хранятся в хозяйственных службах, – сказала Гарброу. – Мы подали прошение на перевод этих документов в наш архив, но во Вдовьем доме не спешат их отдавать.

Она поджала губы, выражая свое негодование.

– Гарброу, – заискивающе сказал Унро. – Мы вот тут возьмем бумажки, чтобы копии сделать, ладно? И еще знаете, я одну полку нашел, наверно, чистильщики ее перевернули, все перепуталось...

«Болван», – подумала про себя Шиповник и пнула его под столом.

Лучше бы Леди Гарброу сами нашли полку, без них.

Гарброу стремительно встала и, сузив глаза, как ястреб пролетела вглубь архива, кинув на ходу:

– Где?!

Шиповник быстро схватила документы и понесла наверх, пока Унро уточнял место, одновременно пытаясь отвести от себя все подозрения.

Энца уже была одна, и Шиповник, проходя к своему месту, спросила:

– Все в порядке?

Энца пожала плечами.

– Послушай, – поколебавшись, сказала Шиповник. – Если нужно получить доступ к архиву другой службы, это через начальство?

– Да, – ответила, подумав, Энца. – Или можно написать официальный запрос. А если там есть знакомые, можно проще.

– А у нас есть? В хозяйственных?

– У Джека есть знакомый, он раньше артефакты помогал нам вне очереди получать...

Девушки перевели взгляды на пустой стул, который так и остался стоять спинкой к столу. Джек не появлялся второй день.

– А ты сама его не знаешь? Можешь попросить, чтобы он нас в архив провел?

Может быть, Энца и отказалась бы – все же она не очень хорошо знакома была с тем магом, который помогал Джеку, но в тот момент пришел растрепанный Унро. Он едва вырвался из когтей Гарброу, чудом сумев спасти свое честное имя.

Унро плюхнулся на стул, а потом, к досаде Шиповник, выложил все, что им удалось узнать – и про двух предков, и про ведьму.

Зато Энца заинтересовалась и, переборов свою обычную нелюбовь к телефонным разговорам, договорилась с кем надо, чтобы Унро и Шиповник пропустили в архив Вдовьего дома – хозяйственных служб Института.

***

– Послушай, а ты уверен, что мы на нужной платформе?

Пронзительный ветер пробирал до костей. Шиповник затолкала кончик косы в задний карман джинсов, чтобы та не болталась, и поежилась, обхватывая себя руками. Усталый женский голос объявлял отходящие и приходящие поезда, но табло на их платформе не работало. Шиповник была уверена, что коллега как всегда все перепутал, и поезд вот-вот уйдет по соседнему пути. Унро в нелепой полосатой шапке и куртке – явно теплой, хотя тоже нелепой, – стоял рядом, комкая в руках билеты.

Они ехали в Утицы, и, оглядывая залитые киселем тумана железнодорожные пути, Шиповник никак не могла поверить, что она пропускает занятия, чтобы в какой-то деревне расспрашивать о ведьме и падеже скота столетней давности.

В ее сумке лежали распечатанные снимки найденных ими бумаг в архиве хозяйственных служб. Выносить и копировать запретили, так что они с Унро тайком фотографировали документы на телефон. Это потом, когда все точно будет известно, они запросят все официально, а пока и так сойдет.

Вот сейчас, как думала Шиповник, пытаясь подавить тщеславные мысли о будущей славе, они идут по верному пути.

Архив хозяйственных служб был не в пример скучнее, но и более организованным. У него был электронный каталог, и коллегам удалось найти несколько интересных бумаг.

По спискам о выданном жалованье получалось, что Гриф, Нено, Рябинник и еще двое егерей получали деньги в последний раз в июле. В августе по распоряжению начальства им были выданы подорожные, пайки, артефакты – и стояла отметка о невозврате последних. Местом назначения у всех пятерых стояла деревня Утицы.

Судя по всему, эти люди так и не вернулись.

История двадцать третья. Могилы и их обитатели

В Утицах, которые были в часу езды от Гражина, было так же туманно и промозгло, как и на вокзале города. За сто лет в облике деревни изменилось немного: разве что добавилась автобусная станция и приросла одна улица.

Пока Унро, старательно сопя, вертел телефон, чтобы поймать сеть и загрузить навигатор, Шиповник подошла к двум женщинам, которые обсуждали приезжих у дверей сельского магазина, и узнала дорогу.

На самом деле, никуда бы они не поехали, но телефон сельской администрации не отвечал, а на почте Утиц – в сети удалось раздобыть только два номера, относящиеся к деревне – им сказали, что они не могут знать «за главу, где он там сейчас... он у нас занятой, в разъездах все».

И тогда Унро сказал: давай поедem туда сами. Еще и посмотрим своими глазами место, где жила настоящая ведьма.

Шиповник бы не согласилась, но это невероятное совпадение –

ниточка, которую они сами каким-то чудом выкопали, – возможный ключ к решению сразу двух загадок наполняли ее кровь адреналином, и она согласилась, даром что вечером была лекция и два семинара.

Энца помогла оформить командировочные удостоверения, и они с Унро сляпали кое-какие служебные задания, пока Шиповник договаривалась со своим деканатом о пропуске занятий. Финнбар отнесся к их бумагам равнодушно, подписал, даже не глядя – Энца, которая их относил, подумала, что у начальства, видимо, какие-то проблемы.

Энца выписала себе на бумажку имена двух оставшихся пока неизвестными егерей и пообещала узнать про них все, что сможет, а пылающие жаждой свершений коллеги отбыли на вокзал.

Здание сельской администрации стояло на пригорке, полускрытое за деревьями. Выкрашенное в зеленый цвет, летом, наверно, оно и вовсе терялось в листве. С разошедшегося деревянного крыльца внутрь вели две двери: на одной было написано «Почта», на другой – «Администрация».

Унро и Шиповник одновременно вздохнули, глядя на эти таблички. Сложно было представить, что в таких условиях можно не знать, на месте ли глава или нет. Да и просто позвать к телефону...

Тут их ждало первое и самое крупное разочарование.

Глава на месте был. Полный крупный мужчина с красным лицом радушно приветствовал гостей, усадил их пить чай, не обращая внимания на протесты и попытки Шиповник разобраться, почему тут никто не подходит к телефону.

– Сломан телефон, – с неуместной гордостью сообщил глава. – Ачинить некому. Да вы садитесь, садитесь. На практику, да, молодежь? Ох, как обрадуется наш Гордей, ох, обрадуется. Он сейчас на вызове, подойдет скоро. Дел много, мы с ним тут разрываемся просто. Это наш маг, он деревню бережет, сил не жалеет...

В торопливые перекаты слов невозможно было вставить свое, хотя Шиповник и Унро наперебой его уверяли, что приехали по делу, а вовсе не на практику и не посмотреть, как тут дела идут. С ним было невозможно спорить. Даже когда зазвонил телефон, глава – Аркадий Михайлович – только развел руками.

– Звонит и звонит, – сказал он. – Но не соединяет. Я уж думал выдернуть провод, а он все равно звонит.

– Давайте я посмотрю, – вклинился Унро. – Я немного разбираюсь в таких вещах.

– Не стоит, не стоит, – добродушно отмахнулся Аркадий Михайлович,

– ну зачем мне вас обременять? Вы уж лучше расскажите, какое у вас задание? Что там теперь в городе? У нас-то тут все тихо, по-старому, вашего этого стрессу нет, да и не надо нам.

Но и так слова не дал вставить, продолжая описывать славную и тихую жизнь деревни. Шиповник озверела вконец, но устроить скандал ей помешало появление высокого бородатого мужика. Он постучал болотными сапогами у входа, швырнул пустую корзину в один угол комнаты – весьма условно называемый тут кабинетом, – а грязную длинную куртку в другой угол.

– Ни беса нет, – пророкотал он. – Дожди идут и идут, а ни беса не найдешь в этих гребаных лесах. Ни одного гребаного червивого гриба... Что за мелочь?

Он вдруг сунулся между ними, втягивая широким плоским носом воздух, и Шиповник от неожиданности взвизгнула.

– Маги, – с некоторым презрением констатировал пришедший, протопал ко второму столу, оставляя на половицах черные следы, и бухнулся на стул.

– А это Гордей, наш маг, – сказал глава. – Вот к нему все вопросы.

– Да у нас вопрос больше к вам, – удерживая за руку Шиповник, примирительно сказал Унро. – Нам нужны сведения о ведьме, которую у вас тут отловили в начале прошлого века. Вот, я же вам показывал наше служебное задание.

Глава и маг переглянулись и захохотали.

– Это ж когда было? Ну и спохватились, – пофыркивая, отозвался Аркадий Михайлович. – Да у нас при моем деде еще все архивы погорели.

Это был удар, Шиповник даже вздрогнула, и с трудом сдержала злые слезы, которые тут же обожгли глаза. Ну стоило сюда ехать?! Чтобы этот толстый ленивый лгун так легко разбил все надежды?

С интересом разглядывая побледневшее лицо студентки, с неровными пятнами румянца, Гордей откинулся на стуле и подмигнул нахмурившемуся Унро.

– Эк вас припекло, – сказал маг. – А вы езжайте в Хрыпно, у них настоящий есть архив, там копии со всей волости собирались. А если расскажете, чего ищете, мож и мы поможем, а, Аркадий?

Ничем они не помогли. Ни один из них, конечно, не помнил – и не мог помнить – тех событий. Но раззадорившийся Аркадий Михайлович сходил к почтальоншам, и Унро снова повторил укороченную версию истории – о руках они уговорились не упоминать, только о том, что ищут следы

пропавшего отряда егерей.

Почтальоншам, двум пожилым женщинам, история показалась занятой, но никаких егерей они не помнили, зато одна из них что-то такое о ведьме слышала, пошла звонить своей родственнице, и вскоре на Унро и Шиповник вывалили несколько баек, которые юноша старательно записал, не очень-то обольщаясь насчет их достоверности.

Потом оживленной толпой все сходили в дальний конец деревни, где из земли, поросшей почерневшим бурьяном, еще торчали остатки гнилых бревен. По общему предположению, именно здесь сто лет назад жила ведьма. Место считалось дурным, хотя ни один маг – ни обследовавшие окрестности Унро и Шиповник, ни сам Гордей, – ничего «этакого» не почувствовали.

Гордей проводил их до автобусной станции, когда разочарованная и не дождавшаяся зрелищ толпа разошлась, кинул под ноги знак доброй дороги и отбыл восвояси.

– Если чего найдете интересное, приезжайте рассказать, – напоследок сказал он. – Или письмом хоть. Но лучше приезжайте, я вас повожу по местам нашим. Тут красота, только смотри да смотри. Есть и любопытные уголки, где бесовщина всякая бывает, тоже интересно.

Шиповник не очень поняла, как может быть интересной какая-то «бесовщина», да и грубый мужик ей совсем не нравился, но она на всякий случай криво улыбнулась, пока Унро, балда такая, всячески уверял, что приедут и обязательно все посмотрят.

Ага, как же. Так ее тут и видали, в дыре этой.

Пока они ждали автобуса, безуспешно пытаясь согреться в продуваемом всеми сквозняками зале автобусной станции, позвонила Энца.

– Я нашла их, – обрадованно сообщила она. – И Тимофей, и Лягва, оба прослеживаются до наших свидетелей. Они все – все, представляете! – потомки тех егерей. Что-нибудь получилось узнать?

– Ничего, – мрачно сказала Шиповник. – Они тут ничего не знают. Мы едем в город Хрыпно, где может быть, сохранились какие-то документы. Слушай, позвони в местную службу, предупреди, что мы приедем? Может, не так бестолково все пройдет.

– Ну, хорошо, – не решившись спорить, сказала Энца. – Я позвоню, попробую. Удачи вам.

На автобусной станции Хрыпно их встречали. Встрепанный молодой человек в потертой кожаной куртке, схватил Унро за плечо и нервно спросил:

– Из Гражина? Маги?

Унро только кивнуть успел, а молодой человек стремительно зашагал в сторону, махнув им рукой.

– Почему так долго? Идите за мной! У меня машина за углом, быстрее!

– И что им Энца сказала? – недоуменно спросила Шиповник, одновременно радуясь, что сейчас можно будет погреться в машине.

Спустя пятнадцать минут, стоя на холме под порывами ледяного ветра, она возмущенно спросила, уже не в силах сдерживаться:

– Это что вообще такое? Вы куда нас привезли?

Нервно приглаживая встопорщенные темные волосы, молодой человек недоуменно посмотрел на нее.

– Это, – сказал он, обводя рукой черные кроны елей, теснившихся в низине у подножия холма, – место точечного прорыва. А вон там, где туман клубком, – монстр-объект. Мы еще вчера запрос присылали, я с утра сторожу все автобусы, мой коллега на вокзале поезда встречает, а вы, вижу, и не торопились.

***

Шиповник ненавидела природу, лес, прелые листья, холодный ветер и тупых людей. Каким, каким же образом вышло, что она тащилась вслед за одним из самых больших идиотов на свете, поминутно отводя от лица тяжелые мокрые лапы елей и проваливаясь в подгнившую подушку хвои по щиколотку?

Парень, что завез их на край света и пытался бросить в пасть монстр-объекту, не поверил, что они по совсем другому делу. Он решил, будто маги трусили и обманывают, чтобы отвертеться от задания, и от презрения в его прищуренных глазах Шиповник завелась не на шутку.

– С чего вы взяли, что мы обязаны разбираться с вашими проблемами? – сердито выговаривала она. – Что, у вас своих магов не хватает? Почему сами не можете ничего сделать?

– У нас... у нас есть патруль, – отведя взгляд, сказал парень. – Но город маленький, боевых магов всего-то четверо. Двое сейчас не смогут вернуться, они выехали в область, третий серьезно ранен, а четвертый... четвертый погиб. Монстр-объект входит в силу, он уже начал покидать место прорыва, и скоро могут пострадать люди, которые живут в ближайших к этому прорыву районах города. Я не боевой маг. Моего уровня не хватит даже на то, чтобы поймать чудовище в ловушку. Остальные в нашей конторе... тоже.

Шиповник онемела и только смогла пробормотать: «Простите». Унро

взял ее за локоть и мягко оттянул назад.

– Послушайте, – сказал он. – Мы приехали, чтобы найти интересующие нас документы в архивах службы, а если понадобится, и городского управления. Давайте так: мы поможем тут, а вы посодействуете нам с бумагами?

И вот каким-то таким образом и получилось, что Шиповник, проклиная на чем свет стоит и юношу, и судьбу свою, продиралась сквозь еловый лес к месту прорыва.

С собой у них был артефакт-ловушка, два бутерброда с сыром и перочинный нож.

Перед тем как расстаться, встрепанный парень, который с опозданием представился Вервольфом, записал их имена, а Унро со своей идиотской улыбкой уверил Шиповник, что несколько раз помогал Энце и Джеку, не говоря уж о патруле в родном городе. Так что бояться нечего.

Это он, может быть, и помогал, а Шиповник так никогда дальше тренировок в парке не ходила. Но оставаться рядом с Вервольфом и ждать возвращения бестолкового коллеги даже в голову не приходило: обязательно ведь по дороге заблудится. Перепутает что-нибудь. Он же растяпа.

А Энца бы, конечно, обрадовалась. Она вообще немного неадекватно реагировала на подобные вещи. Наверно, у нее что-то с инстинктом самосохранения: то ли не развился, то ли его отбили в процессе учебы, думала Шиповник, не допуская и мысли, что такое времяпрепровождение может кому-то нравиться.

Унро рассказывал, как на прошлой неделе они с Джеком поехали на вызов. Унро не должен был, но и Джек один поехать не мог, а дело было по их списку. Очередная неявка грозила штрафом.

Унро толком ничего не смог сделать: чудовище было устойчиво к чарам. Джек тогда написал сообщение Энце, и та прилетела через четверть часа – хотя, минуточку, – рабочий день уже давно закончился, и она была в кафе на свидании с Донно.

Шиповник ни за что в жизни не сорвалась бы со свидания, чтобы... подраться с монстром? Даже мысль об этом звучала дико. Это совершенно несравнимые вещи. Свидания и драки. Ну, а те, кто не умеет расставлять приоритеты, в итоге всегда оказываются в хвосте.

Шиповник запнулась об очередной корень, укрытый под слоем рыжей хвои, и едва не упала.

Уши вдруг заложило: беззвучное, но осязаемое всем телом движение

инородного тела совсем рядом. словно шипение сотен змей. Шиповник остановилась, стремительно раскидывая небольшие сканирующие щупы, но ничего не почувствовала.

И только сейчас поняла, что Унро впереди нет. Его зеленая куртка, уже успевшая намозолить ей глаза, пропала.

Оглушающая тишина опустилась на ельник, и только где-то наверху, в колючих верхушках запутался ветер.

Шиповник глубоко, сипло вдохнула, и ледяной воздух застудил легкие. Дрогнувшей рукой она крепко сжала ближайшую колючую ветку, так что хвоинки впились в ладонь.

Девушка думала, что это ее отрезвит, но стало хуже.

Она одна. В густом сумрачном ельнике бес знает где. Из-под низких ветвей сочится слабый туман, и где-то совсем рядом бродит монстр.

Кому тут нужна трезвость?

Шиповник часто задышала, и еще сильнее стиснула еловую ветку, вдыхая смолистый запах раздавленной хвои.

Унро не мог ее бросить. С ним что-то случилось, или он свернул, думая, что она идет следом. Его просто надо найти.

Нерешительно разжав ладонь – казалось, что она отрывается от якоря безопасности в зыбком сумраке, – девушка шагнула вперед.

Энца бы не боялась... нет, плохой пример... где же Унро... мама и бабушка так и скажут: мы же были правы! Наверно, будут плакать. Точно, особенно мама. Но друг другу скажут: мы были правы, а эта глупышка – нет.

Шиповник закусил губу. Ну уж нет. Всего лишь монстр-объект и всего лишь елки. Она найдет этого балбеса, пусть он разберется с чудовищем, а потом они расщелкают как орешек эту загадку и Шиповник всем докажет. Она не просто так. Не внучка-дочка, а сама по себе. И...

С коротким глухим воплем девушка свалилась в овраг, прокатившись по осыпавшемуся песчаному склону, коса зацепилась за выступающие корни, и Шиповник взвыла от боли.

– Подожди! – раздался встревоженный голос, и девушка едва не бросилась на шею склонившемуся над ней Унро.

Придерживая ее одной рукой, тот освободил косу и помог Шиповник встать.

– Ты чего так долго? – спросил он. – Я тут тебя жду-жду.

Шиповник постояла всего мгновение, уткнувшись лицом в его плечо.

– Я просто задумалась, – сказала она, отводя глаза. – Давай уж быстрее

найдем эту гадость, я замерзла.

Унро кивнул, потом нерешительно предложил свою куртку, которую тут же отвергли. На шарф Шиповник согласилась, хотя и пробурчала, что полоски на нем идиотские.

– В общем, – сказал Унро, ведя ее в сторону тропки, – нужно выйти на открытое место, я сверху приглядел, там полянка есть. Мы поставим ловушку и будем ждать. Я приготовлю обычное плетение для того, чтобы остановить его, а потом припечатаю мертвым храном или бесовым колесом. Ты просто стой и страхуй. Держи наготове мертвый хран и, главное, не двигайся. На всякий случай в другой руке приготовь плетение-щит, чтобы закрыться от случайного попадания.

Шиповник кивала, и ее начинало трясти все больше. Не то чтобы она не доверяла Унро, но и всерьез его воспринимать не могла. Он был едва ли выше ее плеча, нос у него покраснел от холода, а тощая жилистая шея нелепо торчала из ворота куртки, не защищенная шарфом. Какой из него боец? Он ведь обычный маг общего профиля...

Она на всякий случай начала делать щит на левом запястье – правой рукой она держалась за его рукав, чтобы больше не потерялся, – когда уши снова заложило.

В беззвучном злом шипении метались призраки слов, и воздух вокруг сгустился, заледенев.

Унро выругался – кажется, выругался... рот его забавно двигался, потом дернул ее за руку, швыряя куда-то себе за спину.

Почему он ее все время швыряет куда-то? И в парке тогда тоже, все ладони себе ссадила. Хотя силы ему, конечно, не занимать. Легко так ее сдвинул с места. А она вообще-то крупнее. Что за мужики вообще пошли, мелкота одна.

Унро потряхнул с пальцев плетение, а потом резко свел перед собой ладони – жест «пустой колокол», и Шиповник закричала, зажав уши руками. Оглушающее шипение резко умолкло – откатом ударив по слуху, и ее заторможенные пустые мысли разбились вдребезги.

Она лежала на земле, на колкой хвойной подстилке, Унро закрывал ее собой, а прямо перед ним...

человек?

Мясистое круглое лицо, словно из ноздреватого теста, клеклое и бледное. Вместо глаз неровно слеplенные валики, бугристые нос и щеки... не человек.

Темная длинная шея свисала с высокой еловой ветви, и уходила куда-то в чащу, откуда ползли ключья тумана и где шевелилось нечто огромное.

Оно само их нашло.

Когда монстр-объекты входят в силу, они начинают искать живое: людей ли, зверей. Тянутся, приманивают, догоняют, кто на что способен. Чем больше жизненной энергии они получают, тем сильнее станут и дольше протянут.

Говорят, в древние века такие чудовища могли жить годами и десятилетиями, рождая легенды о драконах, многоголовых тварях и великанах-людоедах.

А еще говорят, что маг, сам сожравший подобную тварь, становился не-мертвым и не-живым, обретая новые способности. Женщин называли ведьмами – и они могли скрываться среди живых, ничем не отличаясь от них внешне, а вот мужчины становились хоть и сильнее, но и уродливее, сливаясь с поглощенным чудовищем почти целиком.

Их уничтожали быстро.

Ведьм же за последние сорок лет в Старом свете не встречали ни разу.

И сейчас, когда оцепеневшая от ужаса Шиповник глядела на это подобие человеческого лица, строки из учебника истории так и плыли в ее голове, пока Унро не крикнул через плечо:

– Зайди за дерево! Спрячься и подстрахуй меня! Как договорились!

Что-то щелкнуло, наконец, в ее голове и вернулась кристальная ясность. Шиповник быстро подхватила с земли, ныряя за ближайшую разлапистую ель и отвешивая сама себе мысленные пощечины. Попалась на ментальный крючок! Дура! Какие ведьмы-колдуны? Сказал же Вервольф, что прореха рядом, и всего несколько дней прошло, за это время ни один маг поглотить сущность не сможет. Тьфу, просто!

Шиповник быстро сформировала обеими руками плетения – мертвый хран и простой щит – и выглянула из-за елки.

Да уж...

Унро попал обездвиживающими чарами в голову и та ожидаемо обвалилась на землю, но юноша не успел закрепить успех.

Длинная шея сизой кишкой метнулась вперед и петлей охватила его плечи.

Унро замер, а потом стал медленно опускаться на колени: наверно, и он попал на ментальный крючок монстр-объекта.

Бежать и звать на помощь – не подходит. Телефоны – тоже: как только они вошли в ельник, перестали работать из-за возмущения электромагнитных полей вблизи прорехи.

Все еще продолжая впустую перебирать варианты, Шиповник

вылетела из-за елки и бросилась вперед, на ходу сбрасывая мертвый хвост на шею монстра. Не снижая скорости, она всем телом толкнула Унро вперед, и рукой, защищенной чарами, стянула через его голову петлю.

Унро выругался и с трудом встал на ноги.

– Оглушил, зараза, – пожаловался он, потирая лоб. – Ну ладно, остановить его не получится, видимо, надо что-то другое придумывать...

– Унро! Ты что! – завопила Шиповник. – Надо бежать, что мы тут можем сделать? И я, и ты смогли обездвижить только небольшую часть его, а...

Она завизжала, громко и отчаянно, когда ломая сучья и стволы, в их сторону ринулась темная туша, а пелена тумана вдруг поднялась до пояса.

Обхватив девушку обеими руками, Унро нырнул в сторону, уходя с дороги монстра. Удар о землю на миг выбил из Шиповник дыхание, и она несколько секунд лежала без движения, хватая воздух ртом.

Унро вдруг вскрикнул и пропал: едва Шиповник пришла в себя и привстала, она увидела как еще подвижный сегмент шеи, схватив юношу за ноги, тащит его куда-то в темень.

Бугристая, в налипшей хвое туша монстра возвышалась над ней, выше ее роста, обхватом метра три. Унро видно не было, но слышались его крики.

Шиповник закусила до крови кулак, уже не сдерживая слезы. Сердце колотилось так, что было больно ребрам.

Энца бы разрубила этот мешок, разрубила бы не глядя, и шею бы эту нашинковала, и потратила бы на все минут десять. А она, Шиповник, гораздо более способный и могучий маг, сидит тут на хвое...

Дикая идея ударила в голову, и Шиповник закричала:

– Унро! Берегись! Я сейчас его!..

Неразборчивый вопль она отнесла на счет того, что Унро ее услышал.

Вдохнула глубоко-глубоко, выплетая чары пространственного переноса.

Сложив ладонь в жест «меч короля», Шиповник резко рубанула наискось перед тушей монстр-объекта.

Оказывается, может быть так тихо. Снова только собственное дыхание да ветер где-то в ветвях.

Шиповник обошла располовиненного монстра и попробовала вытащить юношу из-под придавившей его кишки-шеи. Сил не было совсем, и девушка заревела от усталости, растирая слезы по щекам, опустила рядом на колени, пока Унро с трудом выпутывался сам. Лицо и

руки его было в ссадинах и царапинах.

– Я же кричал: беги, – устало сказал он разбитыми губами, присев рядом с ней.

– Ты что, дурак?.. – со слезами спросила Шиповник, пытаясь ощупать его руки и ребра, не сразу догадавшись запустить сканирующий щуп на поиск переломов. – Дурак, да?.. Я так испугалась! Я думала, он тебя убивает...

– Прости, – раскаянно шептал Унро, глядя ее по голове. – Прости. Я больше так не буду.

Потом они осмотрели место происшествия. Разделенное будто по линейке существо не подавало и признаков жизни. Неглубокая просека разделила ельник позади него метров на десять.

– Как ты это сделала? – спросил Унро, содрогаясь от мысли, что и его тело могло оказаться на линии разрыва.

– Я... поймала половину его тела в пространственный карман и сместила на несколько сантиметров... с глубиной не получилось рассчитать, поэтому деревья задело.

– Я не уверен, – тщательно подбирая слова, сказал Унро, – что местные это оценят, но... по-моему, это было круто.

Шиповник тоже не была уверена, ее просто трясло. Юноша снова помог ей встать и повел обратно; Шиповник обеими руками держалась за его плечо, оказавшееся на удивление твердым.

Когда они вышли из леса, появилась мобильная связь – зазвонил телефон.

С пригорка к ним навстречу бежал Вервольф.

– Вы где? – в панике спросила Энца. – Я уже полтора часа пытаюсь кому-нибудь из вас дозвониться, мне сказали, что вы пошли на ликвидацию монстр-объекта... Что случилось? Если надо, я прямо сейчас к вам поеду.

– Не надо, – слабым голосом сказала Шиповник. – Мы уже все. Мы его... ликвидировали. Я его разрубила... Пространственной ловушкой.

– Ты – что?.. Вот это да! – неподдельное восхищение в голосе Энцы благодатным бальзамом пролилось на душу Шиповник. – Круто! Слушай, ты такая молодец! Унро-то как, цел?

Шиповник засмеялась – сначала тихо, потом громче и громче. Она сунула телефон Унро, а сама сложилась пополам, не в силах унять хохот.

Она даже не ожидала, что это так... приятно. Что похвала от Энцы будет настолько воодушевляющей.

Впрочем, второй раз в лес она бы не сунулась. Даже ради этого необъятного чувства восторга одержанной победы.

– Привет, – сказал в трубку Унро, беспокойно поглядывая в сторону Шиповник. – Да, я в порядке. Ага, и она тоже. Ой, вот спасибо! Мы как раз сейчас туда поедem и... поздно? Ну, не знаю, может, тут договоримся, где-то переночуем... Да, конечно. Я позвоню.

Он прервал связь и сказал успокоившейся уже Шиповник, которая вытирала ладонью слезы с глаз.

– Пока мы по лесу ходили, Энца прочитала те байки, про ведьму, что я ей послал, и поговорила с архивариусом в Хрыпно, так что нас уже там целая подборка ждет.

– Я вас к себе домой сейчас отвезу, – решительно сказал Вервольф. – Моя подруга готовит обалденно. Накормлю и доставлю в архив, все как договаривались. И за мной еще отчет в Гражин. И... если вам негде остановится, то я вас могу устроить.

– Столько добра – и все нам одним? – фыркнула Шиповник, уже приходя в себя и обретая присутствие духа.

Как там жил Вервольф, как выглядела его подруга и что они ели, Шиповник не запомнила совсем. Она устала, но больше всего ей хотелось приняться за свою настоящую работу и потом вернуться домой.

Ну, пусть в общежитие.

Главное – вернуться уже, и чтобы все было как следует, без неопределенностей, неожиданностей и поездок этих дурацких.

Когда их довезли до здания службы магической охраны города, было уже около пяти. Шиповник даже удивилась: ей-то казалось, что прошел целый день или даже два с того далекого утра в отделе.

Здесь их ждал стол, заваленный бумагами и подобранными подшивками, папками и коробками с документами, старенький компьютер с выходом в сеть и пожилой архивариус, который подробно рассказал, что и где лежит, и как искать остальное, если понадобится.

По рассказам деревенских бабок, которые сами не помнили ведьму, но слышали истории от своих теток-матерей, на том конце деревни, где сейчас был поросший бурьяном холм, стояли три дома. Не отдельно стояли, улица была, потом две избенки выгорели аккурат между ними и остальными, так и получилось, что дома на отшибе.

Люди там жили самые обычные, звезд с неба не хватало, работали на поле, за скотиной ходили, детей растили. Ни магов, ни монстров в округе почти и не водилось.

А вот однажды осенью вернулись с солдатской службы сразу трое:

одноногий Митька Кабан и братья Вуричи. Братья-то каждый с женкой вернулись, у старшего молодая да смазливая хохотушка, а у младшего степенная вдовушка с дочкой. Дочке было всего ничего, от первого мужа она осталась, но отчим ее как родную любил, своих-то детей сразу завести не удавалось.

Хоть и приезжие бабы, а все как-никак в общую жизнь влились, обе работающие, хоть и старшего жена слишком уж остра на язык была.

Энца с архивариусом подняли записи имперского регистратора по этой волости и сумели примерно рассчитать, что после женитьбы братья вернулись в деревню в девятьсот седьмом, за год до пропажи егерей.

Помаленьку и жили, пока по весне не началось дурное. Сначала дошли свиньи да козы, не скопом, а по одной – еще подумали, что болячка какая прицепилась. Потом разом пали три коровы у старостиной свояченицы, а дальше, как лето пришло, такое стало твориться...

Тут байки расходились кардинально, пестря всевозможными ужасами, таинственными знаками, пропажами людей и найденными обескровленными трупами. Звали магов из Хрыпно, те амулетов навешали везде, ворота размалевали знаками своими да уехали.

Люди пропадали. С Вуричами перестали знаться – и с мужиками, и с бабами – которые, верно и были всему причиной, потому как приезжие.

Прекратилось вдруг само. Когда именно, никто вспомнить не смог, да и про Вуричей – куда они делись, померли или уехали, было неизвестно.

– Нет, ничего нет! – Шиповник с досадой хлопнула очередной картонной папкой о стол. – Ну что это такое, а? Зачем мы чуть не померли в этом дурацком лесу! Егери даже не заехали в город, чтобы отметить! Унро... А вдруг они ехали на телеге, она перевернулась и все умерли? Или, может, на них разбойники напали? А?

В документах не было ни одного упоминания отряда егерей. Не было зарегистрировано и обращение старосты, – но это понятно, вполне может быть, что тот писал сразу в Гражин. Зато были несколько других упоминаний Утиц – вот ведь дурное место, то одно, то другое происходит. Просьба выслать мага для лечения скота и проведения очистительного ритуала. Жалобы на то, что в озере неподалеку постоянно тонут люди, что луна красным каждую ночь, что ягоды в окрестном лесу враз сгнили и еще столько же разнообразных жалоб.

Унро подозревал, что раз выборка только по их деревне, то еще неизвестно, какие прошения и жалобы строчили жители других деревень.

– По-моему, в этой дыре не ведьма жила, а целый ковен, и в хлеву у

них не коровы были, а монстры с той стороны... Вот смотри, еще один отчет: по прошению населения деревни Утиц выехали трое охотников, отловили несколько умертвий и упокоили. Тут даже карта с отметкой, где могильник... Ну откуда там умертвия? Она вообще ничего не боялась, эта ведьма?..

Шиповник пыталась шутить, но злое пробивалось в ее голосе, который то и дело срывался. Встревоженный Унро быстро встал и, прежде чем девушка сообразила, что он хочет, подошел и обхватил ладонями ее голову. Заставил посмотреть на себя.

– Тихо, тихо, – мягко сказал он. – Мы не зря в лес ходили. И сюда не зря ехали. Надо только во всем разобраться, хорошо?

Его светлые глаза смотрели прямо и бесхитростно. Шиповник вздохнула, отведя взгляд. Дурак Унро улыбался ей, хотя наверняка ему было больно из-за разбитых губ. И вообще... он себе много позволяет. Шиповник нервно дернула головой, скидывая его ладони, и собиралась уже отчитать его, как юноша костяшками пальцев провел по ее щеке, убирая выбившуюся прядь за ухо.

Прежде чем она успела что-нибудь сказать, Унро отвернулся и вышел, сказав: «Я сейчас».

Горячий след его пальцев еще ощущался на щеке, и Шиповник невольно потрогала ее, а потом рассердилась и ущипнула себя, чтобы прогнать неуместную растерянность.

Вернулся он с еще одной стопкой папок и деревянным гребнем.

И был это совершенно обычный Унро, который смущался и запинаясь, а вовсе не тот пугающий незнакомец, что минуту назад.

– Вот, – сказал Унро, кладя перед ней гребень. – У тебя после леса волосы... немного запутались...

Шиповник ахнула, поняв, что после всей этой передраги даже в зеркало на себя не смотрела... а ей никак нельзя было допускать, чтобы волосы спутались – их и с чарами не удастся потом толком расчесать. Она с ужасом ощупала разлохмаченную косу и воронье гнездо на макушке и, схватив гребень, понеслась в уборную приводить себя в порядок. Унро и его наглость были моментально забыты.

– Я посмотрю то, что они подобрали по населению, может, что-то про семью найду, – сказала Шиповник, вернувшись. – А ты снова поищи по сводкам службы, что там к деревне относится.

Она осмотрелась и подтянула к себе одну из коробок.

– Егери могли тайком приехать, – сказала она вдруг, продолжая свои

мысли. – И в городе не появиться, и в деревню тоже не заходить... Хотя тогда не смогли бы расследовать. Ну, допустим, один-два пришли в деревню, остальные в лесу спрятались? Те, кто в деревне, разведывали там, их товарищи осматривали округу...

– Ага, и все пропали? – печально спросил Унро. – Они потому впятером и ехали, что со всеми зараз ведьма бы не справилась... да еще и обвешанные артефактами...

Унро задумался вдруг, морща лоб.

– Ты не помнишь список того, что они с собой брали? – спросил он.

Шиповник вытащила из своей сумки помятую утреннюю распечатку и послала ее через стол Унро.

«Августа, третьего числа, на руки выдано:

- пять плащей шерстяных;
- три кинжала, заговоренных мастером Острозубом на верный удар и остроту;
- один амулет «кошкина спина»;
- пять амулетов «слепой глаз»;
- один амулет «птичья клетка»;
- пять веревочных петель, заговоренных мастером Славлем на неразрывность.

Под личную ответственность старшего егеря Императорской егерской службы г. Гражина мага Грифа»

– Нет, – нахмурился Унро, – не сходится. Вот смотри, она их вообще не должна была почуять – «слепой глаз» укрывает ауру, и человека нельзя отследить. Они могли сколько угодно и по лесу ходить, и по округе. Им только и нужно было заманить ее в ловушку, накинуть заговоренные петли и активировать «птичью клетку», и она бы уже ничего не сделала.

– Так они же наверняка не знали, кто из баб точно ведьма, – отозвалась Шиповник, сосредоточенно пробегая глазами строчки из отчета. – Могли как-то выдать себя или думать не на ту, пока настоящая ведьма приготовила им самим ловушку.

– Ну... нет, – сказал Унро. – Не верю я, что пять опытных охотника так промахнулись.

– Нашла! – вскрикнула Шиповник. – Вот, есть они. Да не егери твои, а Вуричи. Вот тут отметка об их переезде, и прошение в Межевую канцелярию. Один из соседей хотел себе участок их прирезать, пишет, что «они навсегда уехали, а земли бесхозные стоят».

– А куда они уехали? Все?

– Не знаю, это надо... хм, это надо посмотре-еть, – протянула Шиповник, прикидывая, в какой из стопок искать сначала.

Спустя час она подперла голову рукой и сказала:

– А если так: егери всей толпой ходили по лесу, думали, что выманят ведьму, а потом утонули в том озере. Ведьма их там сама поймала... Нет? Тогда как тебе это: вся деревня стала упырями, а когда еды перестало хватать, стали писать жалобы и жрать магов, которые к ним приезжали.

Унро смотрел на нее очень внимательно, и Шиповник смутилась. Версии были, конечно, нелепые, но она уже так устала, что голова отказывалась соображать четко.

– Я наткнулся на отчет, который ты недавно читала, – задумчиво сказал Унро, и Шиповник поняла, что он ее просто не слышал, размышляя о своем. – Про охотников из Хрыпно, которые умертвий упокоили. Ты на дату смотрела? Тот же август, первая половина.

Шиповник поморгала.

– Ну и оживленное же у них местечко, – озадаченно сказала она. – И ведьма, и умертвия, и императорские егери, и охотники... и все по одному лесу бродят вокруг деревни.

– Шиповник, – произнес Унро. – Откуда у них там умертвия?

Девушка пожала плечами.

– Ведьма кого-то подняла?

– Кого? И если подняла, почему староста в Гражин писал о падеже скота и утопленниках? Почему не писал об умертвиях, которые куда как опаснее?

– Потому что еще не знал, например. Написал письмо, а она на следующий день взяла и оживила кого-нибудь.

– Скажи, а чем отличаются живые от свежих умертвий? Кроме факта смерти?

Девушка сначала презрительно фыркнула: проверяет что ли? Но Унро был серьезен.

– Низкий интеллект, – начала перечислять она. – Говорить не могут, не любят свет... многие из них не переносят замкнутые пространства. Ауры еще. То есть отсутствие ауры. Запах – запах, наверно, сильнее всего...

Юноша подвинул к ней лист с отчетом охотников и приколотой картой, где крестиком были отмечен могильник на берегу безымянного озера под деревней Утицы.

– Как ты думаешь, – спросил Унро. – Можно ли доказать, что

упокоенные умертвия были живы в тот момент, когда их убивали?

Шиповник хотела было возмутиться очевидной глупостью фразы, на замерла на вдохе.

– Были ли они живы? – в ужасе повторила она.

История двадцать третья. Могилы и их обитатели

В Утицах, которые были в часу езды от Гражина, было так же туманно и промозгло, как и на вокзале города. За сто лет в облике деревни изменилось немного: разве что добавилась автобусная станция и приросла одна улица.

Пока Унро, старательно сопя, вертел телефон, чтобы поймать сеть и загрузить навигатор, Шиповник подошла к двум женщинам, которые обсуждали приезжих у дверей сельского магазина, и узнала дорогу.

На самом деле, никуда бы они не поехали, но телефон сельской администрации не отвечал, а на почте Утиц – в сети удалось раздобыть только два номера, относящиеся к деревне – им сказали, что они не могут знать «за главу, где он там сейчас... он у нас занятой, в разъездах все».

И тогда Унро сказал: давай поедем туда сами. Еще и посмотрим своими глазами место, где жила настоящая ведьма.

Шиповник бы не согласилась, но это невероятное совпадение – ниточка, которую они сами каким-то чудом выкопали, – возможный ключ к решению сразу двух загадок наполняли ее кровь адреналином, и она согласилась, даром что вечером была лекция и два семинара.

Энца помогла оформить командировочные удостоверения, и они с Унро сляпали кое-какие служебные задания, пока Шиповник договаривалась со своим деканатом о пропуске занятий. Финнбар отнесся к их бумагам равнодушно, подписал, даже не глядя – Энца, которая их относил, подумала, что у начальства, видимо, какие-то проблемы.

Энца выписала себе на бумажку имена двух оставшихся пока неизвестными егерей и пообещала узнать про них все, что сможет, а пылающие жаждой свершений коллеги отбыли на вокзал.

Здание сельской администрации стояло на пригорке, полускрытое за деревьями. Выкрашенное в зеленый цвет, летом, наверно, оно и вовсе терялось в листве. С разошедшегося деревянного крыльца внутрь вели две двери: на одной было написано «Почта», на другой – «Администрация».

Унро и Шиповник одновременно вздохнули, глядя на эти таблички. Сложно было представить, что в таких условиях можно не знать, на месте ли глава или нет. Да и просто позвать к телефону...

Тут их ждало первое и самое крупное разочарование.

Глава на месте был. Полный крупный мужчина с красным лицом радушно приветствовал гостей, усадил их пить чай, не обращая внимания на протесты и попытки Шиповник разобраться, почему тут никто не подходит к телефону.

– Сломан телефон, – с неуместной гордостью сообщил глава. – А чинить некому. Да вы садитесь, садитесь. На практику, да, молодежь? Ох, как обрадуется наш Гордей, ох, обрадуется. Он сейчас на вызове, подойдет скоро. Дел много, мы с ним тут разрываемся просто. Это наш маг, он деревню бережет, сил не жалеет...

В торопливые перекаты слов невозможно было вставить свое, хотя Шиповник и Унро наперебой его уверяли, что приехали по делу, а вовсе не на практику и не посмотреть, как тут дела идут. С ним было невозможно спорить. Даже когда зазвонил телефон, глава – Аркадий Михайлович – только развел руками.

– Звонит и звонит, – сказал он. – Но не соединяет. Я уж думал выдернуть провод, а он все равно звонит.

– Давайте я посмотрю, – вклинился Унро. – Я немного разбираюсь в таких вещах.

– Не стоит, не стоит, – добродушно отмахнулся Аркадий Михайлович, – ну зачем мне вас обременять? Вы уж лучше расскажите, какое у вас задание? Что там теперь в городе? У нас-то тут все тихо, по-старому, вашего этого стрессу нет, да и не надо нам.

Но и так слова не дал вставить, продолжая описывать славную и тихую жизнь деревни. Шиповник озверела вконец, но устроить скандал ей помешало появление высокого бородатого мужика. Он постучал болотными сапогами у входа, швырнул пустую корзину в один угол комнаты – весьма условно называемый тут кабинетом, – а грязную длинную куртку в другой угол.

– Ни беа нет, – пророкотал он. – Дожди идут и идут, а ни беа не найдешь в этих гребаных лесах. Ни одного гребаного червивого гриба... Что за мелочь?

Он вдруг сунулся между ними, втягивая широким плоским носом воздух, и Шиповник от неожиданности взвизгнула.

– Маги, – с некоторым презрением констатировал пришедший, протопал ко второму столу, оставляя на половицах черные следы, и

бухнулся на стул.

– А это Гордей, наш маг, – сказал глава. – Вот к нему все вопросы.

– Да у нас вопрос больше к вам, – удерживая за руку Шиповник, примирительно сказал Унро. – Нам нужны сведения о ведьме, которую у вас тут отловили в начале прошлого века. Вот, я же вам показывал наше служебное задание.

Глава и маг переглянулись и захохотали.

– Это ж когда было? Ну и спохватились, – пофыркивая, отозвался Аркадий Михайлович. – Да у нас при моем деде еще все архивы погорели.

Это был удар, Шиповник даже вздрогнула, и с трудом сдержала злые слезы, которые тут же обожгли глаза. Ну стоило сюда ехать?! Чтобы этот толстый ленивый лгун так легко разбил все надежды?

С интересом разглядывая побледневшее лицо студентки, с неровными пятнами румянца, Гордей откинулся на стуле и подмигнул нахмурившемуся Унро.

– Эк вас припекло, – сказал маг. – А вы езжайте в Хрыпно, у них настоящий есть архив, там копии со всей волости собирались. А если расскажете, чего ищете, мож и мы поможем, а, Аркадий?

Ничем они не помогли. Ни один из них, конечно, не помнил – и не мог помнить – тех событий. Но раззадорившийся Аркадий Михайлович сходил к почтальоншам, и Унро снова повторил укороченную версию истории – о руках они уговорились не упоминать, только о том, что ищут следы пропавшего отряда егерей.

Почтальоншам, двум пожилым женщинам, история показалась занятной, но никаких егерей они не помнили, зато одна из них что-то такое о ведьме слышала, пошла звонить своей родственнице, и вскоре на Унро и Шиповник вывалили несколько баек, которые юноша старательно записал, не очень-то обольщаясь насчет их достоверности.

Потом оживленной толпой все сходили в дальний конец деревни, где из земли, поросшей почерневшим бурьяном, еще торчали остатки гнилых бревен. По общему предположению, именно здесь сто лет назад жила ведьма. Место считалось дурным, хотя ни один маг – ни обследовавшие окрестности Унро и Шиповник, ни сам Гордей, – ничего «этакого» не почувствовали.

Гордей проводил их до автобусной станции, когда разочарованная и не дождавшаяся зрелищ толпа разошлась, кинул под ноги знак доброй дороги и отбыл восвояси.

– Если чего найдете интересное, приезжайте рассказать, – напоследок

сказал он. – Или письмом хоть. Но лучше приезжайте, я вас повожу по местам нашим. Тут красота, только смотри да смотри. Есть и любопытные уголки, где бесовщина всякая бывает, тоже интересно.

Шиповник не очень поняла, как может быть интересной какая-то «бесовщина», да и грубый мужик ей совсем не нравился, но она на всякий случай криво улыбнулась, пока Унро, балда такая, всячески уверял, что приедут и обязательно все посмотрят.

Ага, как же. Так ее тут и видали, в дыре этой.

Пока они ждали автобуса, безуспешно пытаясь согреться в продуваемом всеми сквозняками зале автобусной станции, позвонила Энца.

– Я нашла их, – обрадованно сообщила она. – И Тимофей, и Лягва, оба прослеживаются до наших свидетелей. Они все – все, представляете! – потомки тех егерей. Что-нибудь получилось узнать?

– Ничего, – мрачно сказала Шиповник. – Они тут ничего не знают. Мы едем в город Хрыпно, где может быть, сохранились какие-то документы. Слушай, позвони в местную службу, предупреди, что мы приедем? Может, не так бестолково все пройдет.

– Ну, хорошо, – не решившись спорить, сказала Энца. – Я позвоню, попробую. Удачи вам.

На автобусной станции Хрыпно их встречали. Встрепанный молодой человек в потертой кожаной куртке, схватил Унро за плечо и нервно спросил:

– Из Гражина? Маги?

Унро только кивнуть успел, а молодой человек стремительно зашагал в сторону, махнув им рукой.

– Почему так долго? Идите за мной! У меня машина за углом, быстрее!

– И что им Энца сказала? – недоуменно спросила Шиповник, одновременно радуясь, что сейчас можно будет погреться в машине.

Спустя пятнадцать минут, стоя на холме под порывами ледяного ветра, она возмущенно спросила, уже не в силах сдерживаться:

– Это что вообще такое? Вы куда нас привезли?

Нервно приглаживая встопорщенные темные волосы, молодой человек недоуменно посмотрел на нее.

– Это, – сказал он, обводя рукой черные кроны елей, теснившихся в низине у подножия холма, – место точечного прорыва. А вон там, где туман клубком, – монстр-объект. Мы еще вчера запрос присылали, я с утра сторожу все автобусы, мой коллега на вокзале поезда встречает, а вы, вижу, и не торопились.

***

Шиповник ненавидела природу, лес, прелые листья, холодный ветер и тупых людей. Каким, каким же образом вышло, что она тащилась вслед за одним из самых больших идиотов на свете, поминутно отводя от лица тяжелые мокрые лапы елей и проваливаясь в подгнившую подушку хвои по щиколотку?

Парень, что завез их на край света и пытался бросить в пасть монстр-объекту, не поверил, что они по совсем другому делу. Он решил, будто маги трусили и обманывают, чтобы отвертеться от задания, и от презрения в его прищуренных глазах Шиповник завелась не на шутку.

– С чего вы взяли, что мы обязаны разбираться с вашими проблемами? – сердито выговаривала она. – Что, у вас своих магов не хватает? Почему сами не можете ничего сделать?

– У нас... у нас есть патруль, – отведя взгляд, сказал парень. – Но город маленький, боевых магов всего-то четверо. Двое сейчас не смогут вернуться, они выехали в область, третий серьезно ранен, а четвертый... четвертый погиб. Монстр-объект входит в силу, он уже начал покидать место прорыва, и скоро могут пострадать люди, которые живут в ближайших к этому прорыву районах города. Я не боевой маг. Моего уровня не хватит даже на то, чтобы поймать чудовище в ловушку. Остальные в нашей конторе... тоже.

Шиповник онемела и только смогла пробормотать: «Простите». Унро взял ее за локоть и мягко оттянул назад.

– Послушайте, – сказал он. – Мы приехали, чтобы найти интересующие нас документы в архивах службы, а если понадобится, и городского управления. Давайте так: мы поможем тут, а вы поспособствуете нам с бумагами?

И вот каким-то таким образом и получилось, что Шиповник, проклиная на чем свет стоит и юношу, и судьбу свою, продиралась сквозь еловый лес к месту прорыва.

С собой у них был артефакт-ловушка, два бутерброда с сыром и перочинный нож.

Перед тем как расстаться, встрепанный парень, который с опозданием представился Вервольфом, записал их имена, а Унро со своей идиотской улыбкой уверил Шиповник, что несколько раз помогал Энце и Джеку, не говоря уж о патруле в родном городе. Так что бояться нечего.

Это он, может быть, и помогал, а Шиповник так никогда дальше тренировок в парке не ходила. Но оставаться рядом с Вервольфом и ждать

возвращения бестолкового коллеги даже в голову не приходило: обязательно ведь по дороге заблудится. Перепутает что-нибудь. Он же растяпа.

А Энца бы, конечно, обрадовалась. Она вообще немного неадекватно реагировала на подобные вещи. Наверно, у нее что-то с инстинктом самосохранения: то ли не развился, то ли его отбили в процессе учебы, думала Шиповник, не допуская и мысли, что такое времяпрепровождение может кому-то нравиться.

Унро рассказывал, как на прошлой неделе они с Джеком поехали на вызов. Унро не должен был, но и Джек один поехать не мог, а дело было по их списку. Очередная неявка грозила штрафом.

Унро толком ничего не смог сделать: чудовище было устойчиво к чарам. Джек тогда написал сообщение Энце, и та прилетела через четверть часа – хотя, минуточку, – рабочий день уже давно закончился, и она была в кафе на свидании с Донно.

Шиповник ни за что в жизни не сорвалась бы со свидания, чтобы... подраться с монстром? Даже мысль об этом звучала дико. Это совершенно несравнимые вещи. Свидания и драки. Ну, а те, кто не умеет расставлять приоритеты, в итоге всегда оказываются в хвосте.

Шиповник запнулась об очередной корень, укрытый под слоем рыжей хвои, и едва не упала.

Уши вдруг заложило: беззвучное, но осязаемое всем телом движение инородного тела совсем рядом. словно шипение сотен змей. Шиповник остановилась, стремительно раскидывая небольшие сканирующие щупы, но ничего не почувствовала.

И только сейчас поняла, что Унро впереди нет. Его зеленая куртка, уже успевшая намозолить ей глаза, пропала.

Оглушающая тишина опустилась на ельник, и только где-то наверху, в колючих верхушках запутался ветер.

Шиповник глубоко, сипло вдохнула, и ледяной воздух застудил легкие. Дрогнувшей рукой она крепко сжала ближайшую колючую ветку, так что хвоинки впились в ладонь.

Девушка думала, что это ее отрезвит, но стало хуже.

Она одна. В густом сумрачном ельнике бес знает где. Из-под низких ветвей сочится слабый туман, и где-то совсем рядом бродит монстр.

Кому тут нужна трезвость?

Шиповник часто задыхалась, и еще сильнее стиснула еловую ветку,

вдыхая смолистый запах раздавленной хвои.

Унро не мог ее бросить. С ним что-то случилось, или он свернул, думая, что она идет следом. Его просто надо найти.

Нерешительно разжав ладонь – казалось, что она отрывается от якоря безопасности в зыбком сумраке, – девушка шагнула вперед.

Энца бы не боялась... нет, плохой пример... где же Унро... мама и бабушка так и скажут: мы же были правы! Наверно, будут плакать. Точно, особенно мама. Но друг другу скажут: мы были правы, а эта глупышка – нет.

Шиповник закусила губу. Ну уж нет. Всего лишь монстр-объект и всего лишь елки. Она найдет этого балбеса, пусть он разберется с чудовищем, а потом они расцелкают как орешек эту загадку и Шиповник всем докажет. Она не просто так. Не внучка-дочка, а сама по себе. И...

С коротким глухим воплем девушка свалилась в овраг, прокатившись по осыпавшемуся песчаному склону, коса зацепилась за выступающие корни, и Шиповник взвыла от боли.

– Подожди! – раздался встревоженный голос, и девушка едва не бросилась на шею склонившемуся над ней Унро.

Придерживая ее одной рукой, тот освободил косу и помог Шиповник встать.

– Ты чего так долго? – спросил он. – Я тут тебя жду-жду.

Шиповник постояла всего мгновение, уткнувшись лицом в его плечо.

– Я просто задумалась, – сказала она, отводя глаза. – Давай уж быстрее найдем эту гадость, я замерзла.

Унро кивнул, потом нерешительно предложил свою куртку, которую тут же отвергли. На шарф Шиповник согласилась, хотя и пробурчала, что полоски на нем идиотские.

– В общем, – сказал Унро, ведя ее в сторону тропки, – нужно выйти на открытое место, я сверху приглядел, там полянка есть. Мы поставим ловушку и будем ждать. Я приготовлю обычное плетение для того, чтобы остановить его, а потом припечатаю мертвым храном или бесовым колесом. Ты просто стой и страхуй. Держи наготове мертвый хран и, главное, не двигайся. На всякий случай в другой руке приготовь плетение-щит, чтобы закрыться от случайного попадания.

Шиповник кивала, и ее начинало трясти все больше. Не то чтобы она не доверяла Унро, но и всерьез его воспринимать не могла. Он был едва ли выше ее плеча, нос у него покраснел от холода, а тощая жилистая шея нелепо торчала из ворота куртки, не защищенная шарфом. Какой из него боец? Он ведь обычный маг общего профиля...

Она на всякий случай начала делать щит на левом запястье – правой рукой она держалась за его рукав, чтобы больше не потерялся, – когда уши снова заложило.

В беззвучном злом шипении метались призраки слов, и воздух вокруг сгустился, заледенев.

Унро выругался – кажется, выругался... рот его забавно двигался, потом дернул ее за руку, швыряя куда-то себе за спину.

Почему он ее все время швыряет куда-то? И в парке тогда тоже, все ладони себе ссадила. Хотя силы ему, конечно, не занимать. Легко так ее сдвинул с места. А она вообще-то крупнее. Что за мужики вообще пошли, мелкота одна.

Унро стряхнул с пальцев плетение, а потом резко свел перед собой ладони – жест «пустой колокол», и Шиповник закричала, зажав уши руками. Оглушающее шипение резко умолкло – откатом ударив по слуху, и ее заторможенные пустые мысли разбились вдребезги.

Она лежала на земле, на колкой хвойной подстилке, Унро закрывал ее собой, а прямо перед ним...

человек?

Мясистое круглое лицо, словно из ноздреватого теста, клеклое и бледное. Вместо глаз неровно слеplенные валики, бугристые нос и щеки... не человек.

Темная длинная шея свисала с высокой еловой ветви, и уходила куда-то в чащу, откуда ползли клочья тумана и где шевелилось нечто огромное.

Оно само их нашло.

Когда монстр-объекты входят в силу, они начинают искать живое: людей ли, зверей. Тянутся, приманивают, догоняют, кто на что способен. Чем больше жизненной энергии они получают, тем сильнее станут и дольше протянут.

Говорят, в древние века такие чудовища могли жить годами и десятилетиями, рождая легенды о драконах, многоголовых тварях и великанах-людоедах.

А еще говорят, что маг, сам сожравший подобную тварь, становился не-мертвым и не-живым, обретая новые способности. Женщин называли ведьмами – и они могли скрываться среди живых, ничем не отличаясь от них внешне, а вот мужчины становились хоть и сильнее, но и уродливее, сливаясь с поглощенным чудовищем почти целиком.

Их уничтожали быстро.

Ведьм же за последние сорок лет в Старом свете не встречали ни разу.

И сейчас, когда оцепеневшая от ужаса Шиповник глядела на это подобие человеческого лица, строки из учебника истории так и плыли в ее голове, пока Унро не крикнул через плечо:

– Зайди за дерево! Спрячься и подстрахуй меня! Как договорились!

Что-то щелкнуло, наконец, в ее голове и вернулась кристальная ясность. Шиповник быстро подхватила с земли, ныряя за ближайшую разлапистую ель и отвешивая сама себе мысленные пощечины. Попалась на ментальный крючок! Дура! Какие ведьмы-колдуны? Сказал же Вервольф, что прореха рядом, и всего несколько дней прошло, за это время ни один маг поглотить сущность не сможет. Тьфу, просто!

Шиповник быстро сформировала обеими руками плетения – мертвый хран и простой щит – и выглянула из-за елки.

Да уж...

Унро попал обездвиживающими чарами в голову и та ожидаемо обвалилась на землю, но юноша не успел закрепить успех.

Длинная шея сизой кишкой метнулась вперед и петлей охватила его плечи.

Унро замер, а потом стал медленно опускаться на колени: наверно, и он попал на ментальный крючок монстр-объекта.

Бежать и звать на помощь – не подходит. Телефоны – тоже: как только они вошли в ельник, перестали работать из-за возмущения электромагнитных полей вблизи прорехи.

Все еще продолжая впустую перебирать варианты, Шиповник вылетела из-за елки и бросилась вперед, на ходу сбрасывая мертвый хран на шею монстра. Не снижая скорости, она всем телом толкнула Унро вперед, и рукой, защищенной чарами, стянула через его голову петлю.

Унро выругался и с трудом встал на ноги.

– Оглушил, зараза, – пожаловался он, потирая лоб. – Ну ладно, остановить его не получится, видимо, надо что-то другое придумывать...

– Унро! Ты что! – завопила Шиповник. – Надо бежать, что мы тут можем сделать? И я, и ты смогли обездвижить только небольшую часть его, а...

Она завизжала, громко и отчаянно, когда ломая сучья и стволы, в их сторону ринулась темная туша, а пелена тумана вдруг поднялась до пояса.

Обхватив девушку обеими руками, Унро нырнул в сторону, уходя с дороги монстра. Удар о землю на миг выбил из Шиповник дыхание, и она несколько секунд лежала без движения, хватая воздух ртом.

Унро вдруг вскрикнул и пропал: едва Шиповник пришла в себя и привстала, она увидела как еще подвижный сегмент шеи, схватив юношу за

ноги, тащит его куда-то в темень.

Бугристая, в налипшей хвое туша монстра возвышалась над ней, выше ее роста, обхватом метра три. Унро видно не было, но слышались его крики.

Шиповник закусила до крови кулак, уже не сдерживая слезы. Сердце колотилось так, что было больно ребрам.

Энца бы разрубила этот мешок, разрубила бы не глядя, и шею бы эту нашинковала, и потратила бы на все минут десять. А она, Шиповник, гораздо более способный и могучий маг, сидит тут на хвое...

Дикая идея ударила в голову, и Шиповник закричала:

– Унро! Берегись! Я сейчас его!..

Неразборчивый вопль она отнесла на счет того, что Унро ее услышал.

Вдохнула глубоко-глубоко, выплетая чары пространственного переноса.

Сложив ладонь в жест «меч короля», Шиповник резко рубанула наискось перед тушей монстр-объекта.

Оказывается, может быть так тихо. Снова только собственное дыхание да ветер где-то в ветвях.

Шиповник обошла располовиненного монстра и попробовала вытащить юношу из-под придавившей его кишки-шеи. Сил не было совсем, и девушка заревела от усталости, растирая слезы по щекам, опустилась рядом на колени, пока Унро с трудом выпутывался сам. Лицо и руки его было в ссадинах и царапинах.

– Я же кричал: беги, – устало сказал он разбитыми губами, присев рядом с ней.

– Ты что, дурак?.. – со слезами спросила Шиповник, пытаясь ощупать его руки и ребра, не сразу догадавшись запустить сканирующий щуп на поиск переломов. – Дурак, да?.. Я так испугалась! Я думала, он тебя убивает...

– Прости, – раскаянно шептал Унро, глядя ее по голове. – Прости. Я больше так не буду.

Потом они осмотрели место происшествия. Разделенное будто по линейке существо не подавало и признаков жизни. Неглубокая просека разделила ельник позади него метров на десять.

– Как ты это сделала? – спросил Унро, содрогаясь от мысли, что и его тело могло оказаться на линии разрыва.

– Я... поймала половину его тела в пространственный карман и сместила на несколько сантиметров... с глубиной не получилось

рассчитать, поэтому деревья задело.

– Я не уверен, – тщательно подбирая слова, сказал Унро, – что местные это оценят, но... по-моему, это было круто.

Шиповник тоже не была уверена, ее просто трясло. Юноша снова помог ей встать и повел обратно; Шиповник обеими руками держалась за его плечо, оказавшееся на удивление твердым.

Когда они вышли из леса, появилась мобильная связь – зазвонил телефон.

С пригорка к ним навстречу бежал Вервольф.

– Вы где? – в панике спросила Энца. – Я уже полтора часа пытаюсь кому-нибудь из вас дозвониться, мне сказали, что вы пошли на ликвидацию монстр-объекта... Что случилось? Если надо, я прямо сейчас к вам поеду.

– Не надо, – слабым голосом сказала Шиповник. – Мы уже все. Мы его... ликвидировали. Я его разрубила... Пространственной ловушкой.

– Ты – что?.. Вот это да! – неподдельное восхищение в голосе Энцы благодатным бальзамом пролилось на душу Шиповник. – Круто! Слушай, ты такая молодец! Унро-то как, цел?

Шиповник засмеялась – сначала тихо, потом громче и громче. Она сунула телефон Унро, а сама сложила пополам, не в силах унять хохот.

Она даже не ожидала, что это так... приятно. Что похвала от Энцы будет настолько воодушевляющей.

Впрочем, второй раз в лес она бы не сунулась. Даже ради этого необъятного чувства восторга одержанной победы.

– Привет, – сказал в трубку Унро, беспокойно поглядывая в сторону Шиповник. – Да, я в порядке. Ага, и она тоже. Ой, вот спасибо! Мы как раз сейчас туда поедem и... поздно? Ну, не знаю, может, тут договоримся, где-то переночуем... Да, конечно. Я позвоню.

Он прервал связь и сказал успокоившейся уже Шиповник, которая вытирала ладонью слезы с глаз.

– Пока мы по лесу ходили, Энца прочитала те байки, про ведьму, что я ей послал, и поговорила с архивариусом в Хрыпно, так что нас уже там целая подборка ждет.

– Я вас к себе домой сейчас отвезу, – решительно сказал Вервольф. – Моя подруга готовит обалденно. Накормлю и доставлю в архив, все как договаривались. И за мной еще отчет в Гражин. И... если вам негде остановится, то я вас могу устроить.

– Столько добра – и все нам одним? – фыркнула Шиповник, уже приходя в себя и обретая присутствие духа.

Как там жил Вервольф, как выглядела его подруга и что они ели, Шиповник не запомнила совсем. Она устала, но больше всего ей хотелось приняться за свою настоящую работу и потом вернуться домой.

Ну, пусть в общежитие.

Главное – вернуться уже, и чтобы все было как следует, без неопределенностей, неожиданностей и поездок этих дурацких.

Когда их довезли до здания службы магической охраны города, было уже около пяти. Шиповник даже удивилась: ей-то казалось, что прошел целый день или даже два с того далекого утра в отделе.

Здесь их ждал стол, заваленный бумагами и подобранными подшивками, папками и коробками с документами, старенький компьютер с выходом в сеть и пожилой архивариус, который подробно рассказал, что и где лежит, и как искать остальное, если понадобится.

По рассказам деревенских бабок, которые сами не помнили ведьму, но слышали истории от своих теток-матерей, на том конце деревни, где сейчас был поросший бурьяном холм, стояли три дома. Не отдельно стояли, улица была, потом две избенки выгорели аккурат между ними и остальными, так и получилось, что дома на отшибе.

Люди там жили самые обычные, звезд с неба не хватало, работали на поле, за скотиной ходили, детей растили. Ни магов, ни монстров в округе почти и не водилось.

А вот однажды осенью вернулись с солдатской службы сразу трое: одноногий Митька Кабан и братья Вуричи. Братья-то каждый с женой вернулись, у старшего молодая да смазливая хохотушка, а у младшего степенная вдовушка с дочкой. Дочке было всего ничего, от первого мужа она осталась, но отчим ее как родную любил, своих-то детей сразу завести не удавалось.

Хоть и приезжие бабы, а все как-никак в общую жизнь влились, обе работающие, хоть и старшего жена слишком уж остра на язык была.

Энца с архивариусом подняли записи имперского регистратора по этой волости и сумели примерно рассчитать, что после женитьбы братья вернулись в деревню в девятьсот седьмом, за год до пропажи егерей.

Помаленьку и жили, пока по весне не началось дурное. Сначала дошли свиньи да козы, не скопом, а по одной – еще подумали, что болячка какая прицепилась. Потом разом пали три коровы у старостиной свояченицы, а дальше, как лето пришло, такое стало твориться...

Тут байки расходились кардинально, пестря всевозможными ужасами, таинственными знаками, пропажами людей и найденными

обескровленными трупами. Звали магов из Хрыпно, те амулетов навешали везде, ворота размалевали знаками своими да уехали.

Люди пропадали. С Вуричами перестали знаться – и с мужиками, и с бабами – которые, верно и были всему причиной, потому как приезжие.

Прекратилось вдруг само. Когда именно, никто вспомнить не смог, да и про Вуричей – куда они делись, померли или уехали, было неизвестно.

– Нет, ничего нет! – Шиповник с досадой хлопнула очередной картонной папкой о стол. – Ну что это такое, а? Зачем мы чуть не померли в этом дурацком лесу! Егери даже не заехали в город, чтобы отметить! Унро... А вдруг они ехали на телеге, она перевернулась и все умерли? Или, может, на них разбойники напали? А?

В документах не было ни одного упоминания отряда егерей. Не было зарегистрировано и обращение старосты, – но это понятно, вполне может быть, что тот писал сразу в Гражин. Зато были несколько других упоминаний Утиц – вот ведь дурное место, то одно, то другое происходит. Просьба выслать мага для лечения скота и проведения очистительного ритуала. Жалобы на то, что в озере неподалеку постоянно тонут люди, что луна красным каждую ночь, что ягоды в окрестном лесу враз сгнили и еще столько же разнообразных жалоб.

Унро подозревал, что раз выборка только по их деревне, то еще неизвестно, какие прошения и жалобы строчили жители других деревень.

– По-моему, в этой дыре не ведьма жила, а целый ковен, и в хлеву у них не коровы были, а монстры с той стороны... Вот смотри, еще один отчет: по прошению населения деревни Утиц выехали трое охотников, отловили несколько умертвий и упокоили. Тут даже карта с отметкой, где могильник... Ну откуда там умертвия? Она вообще ничего не боялась, эта ведьма?..

Шиповник пыталась шутить, но злое пробивалось в ее голосе, который то и дело срывался. Встревоженный Унро быстро встал и, прежде чем девушка сообразила, что он хочет, подошел и обхватил ладонями ее голову. Заставил посмотреть на себя.

– Тихо, тихо, – мягко сказал он. – Мы не зря в лес ходили. И сюда не зря ехали. Надо только во всем разобраться, хорошо?

Его светлые глаза смотрели прямо и бесхитростно. Шиповник вздохнула, отведя взгляд. Дурак Унро улыбался ей, хотя наверняка ему было больно из-за разбитых губ. И вообще... он себе много позволяет. Шиповник нервно дернула головой, скидывая его ладони, и собиралась уже отчитать его, как юноша костяшками пальцев провел по ее щеке, убирая

выбившуюся прядь за ухо.

Прежде чем она успела что-нибудь сказать, Унро отвернулся и вышел, сказав: «Я сейчас».

Горячий след его пальцев еще ощущался на щеке, и Шиповник невольно потрогала ее, а потом рассердилась и ущипнула себя, чтобы прогнать неуместную растерянность.

Вернулся он с еще одной стопкой папок и деревянным гребнем.

И был это совершенно обычный Унро, который смущался и запинаясь, а вовсе не тот пугающий незнакомец, что минуту назад.

– Вот, – сказал Унро, кладя перед ней гребень. – У тебя после леса волосы... немного запутались...

Шиповник ахнула, поняв, что после всей этой передраги даже в зеркало на себя не смотрела... а ей никак нельзя было допускать, чтобы волосы спутались – их и с чарами не удастся потом толком расчесать. Она с ужасом ощупала разлохмаченную косу и воронье гнездо на макушке и, схватив гребень, понеслась в уборную приводить себя в порядок. Унро и его наглость были моментально забыты.

– Я посмотрю то, что они выбрали по населению, может, что-то про семью найду, – сказала Шиповник, вернувшись. – А ты снова поищи по сводкам службы, что там к деревне относится.

Она осмотрелась и подтянула к себе одну из коробок.

– Егери могли тайком приехать, – сказала она вдруг, продолжая свои мысли. – И в городе не появиться, и в деревню тоже не заходить... Хотя тогда не смогли бы расследовать. Ну, допустим, один-два пришли в деревню, остальные в лесу спрятались? Те, кто в деревне, разведывали там, их товарищи осматривали округу...

– Ага, и все пропали? – печально спросил Унро. – Они потому впятером и ехали, что со всеми зараз ведьма бы не справилась... да еще и обвешанные артефактами...

Унро задумался вдруг, морща лоб.

– Ты не помнишь список того, что они с собой брали? – спросил он.

Шиповник вытащила из своей сумки помятую утреннюю распечатку и послала ее через стол Унро.

«Августа, третьего числа, на руки выдано:

– пять плащей шерстяных;

– три кинжала, заговоренных мастером Острозубом на верный удар и остроту;

- один амулет «кошкина спина»;
- пять амулетов «слепой глаз»;
- один амулет «птичья клетка»;
- пять веревочных петель, заговоренных мастером Славлем на неразрывность.

Под личную ответственность старшего егеря Императорской егерской службы г. Гражина мага Грифа»

– Нет, – нахмурился Унро, – не сходится. Вот смотри, она их вообще не должна была почуять – «слепой глаз» укрывает ауру, и человека нельзя отследить. Они могли сколько угодно и по лесу ходить, и по округе. Им только и нужно было заманить ее в ловушку, накинуть заговоренные петли и активировать «птичью клетку», и она бы уже ничего не сделала.

– Так они же наверняка не знали, кто из баб точно ведьма, – отозвалась Шиповник, сосредоточенно пробегая глазами строчки из отчета. – Могли как-то выдать себя или думать не на ту, пока настоящая ведьма приготовила им самим ловушку.

– Ну... нет, – сказал Унро. – Не верю я, что пять опытных охотника так промахнулись.

– Нашла! – вскрикнула Шиповник. – Вот, есть они. Да не егери твои, а Вуричи. Вот тут отметка об их переезде, и прошение в Межевую канцелярию. Один из соседей хотел себе участок их прирезать, пишет, что «они навсегда уехали, а земли бесхозные стоят».

– А куда они уехали? Все?

– Не знаю, это надо... хм, это надо посмотре-еть, – протянула Шиповник, прикидывая, в какой из стопок искать сначала.

Спустя час она подперла голову рукой и сказала:

– А если так: егери всей толпой ходили по лесу, думали, что выманят ведьму, а потом утонули в том озере. Ведьма их там сама поймала... Нет? Тогда как тебе это: вся деревня стала упырями, а когда еды перестало хватать, стали писать жалобы и жрать магов, которые к ним приезжали.

Унро смотрел на нее очень внимательно, и Шиповник смутилась. Версии были, конечно, нелепые, но она уже так устала, что голова отказывалась соображать четко.

– Я наткнулся на отчет, который ты недавно читала, – задумчиво сказал Унро, и Шиповник поняла, что он ее просто не слышал, размышляя о своем. – Про охотников из Хрыпно, которые умертвий упокоили. Ты на дату смотрела? Тот же август, первая половина.

Шиповник поморгала.

– Ну и оживленное же у них местечко, – озадаченно сказала она. – И ведьма, и умертвия, и императорские егери, и охотники... и все по одному лесу бродят вокруг деревни.

– Шиповник, – произнес Унро. – Откуда у них там умертвия?

Девушка пожала плечами.

– Ведьма кого-то подняла?

– Кого? И если подняла, почему староста в Гражин писал о падеже скота и утопленниках? Почему не писал об умертвиях, которые куда как опаснее?

– Потому что еще не знал, например. Написал письмо, а она на следующий день взяла и оживила кого-нибудь.

– Скажи, а чем отличаются живые от свежих умертвий? Кроме факта смерти?

Девушка сначала презрительно фыркнула: проверяет что ли? Но Унро был серьезен.

– Низкий интеллект, – начала перечислять она. – Говорить не могут, не любят свет... многие из них не переносят замкнутые пространства. Ауры еще. То есть отсутствие ауры. Запах – запах, наверно, сильнее всего...

Юноша подвинул к ней лист с отчетом охотников и приколотой картой, где крестиком были отмечен могильник на берегу безымянного озера под деревней Утицы.

– Как ты думаешь, – спросил Унро. – Можно ли доказать, что упокоенные умертвия были живы в тот момент, когда их убивали?

Шиповник хотела было возмутиться очевидной глупостью фразы, на замерла на вдохе.

– Были ли они живы? – в ужасе повторила она.

История двадцать четвертая. Дело упокоенной ведьмы

Наверно, это было слишком заметно со стороны. Очень уж часто у нее спрашивали, как дела и все ли в порядке.

В порядке. Энце просто было скучно.

Даже мама встревожилась и начала расспрашивать, все ли хорошо, когда Энца позвонила поговорить «просто так» и все никак не прощалась, бессильно цепляясь за совершенные пустяки, лишь бы не вешать трубку.

Саган забегал каждый день – правда, он приходил из-за того, что Анна часто болела и оставалась дома или же была на работе и ругалась с ним.

После болезни Энца практически не разговаривала с Джеком – не потому что обиделась, просто времени не находилось. Когда он появлялся, то вел себя как обычно, и Энца вынуждена была сама себе признаться, что не на что ей обижаться.

У Джека своя жизнь, и то, что они работают вместе не должно заставлять его сидеть рядом с ней, предпочитая своей девушке. Это логично.

Но от этого не менее скучно.

Когда на прошлой неделе пришло от него сообщение, то Энца даже не думая, вскочила, чтобы нестись к ним с Унро, – и хорошо, что в это время Донно как раз выходил в уборную – они ужинали в ресторане. Энца успела успокоиться и умудрилась уговорить Донно отпустить ее.

Летела как на крыльях, и даже не потому что не терпелось разрубить парочку монстров, а потому что на миг вернулся старый азарт и ощущение, что все-как-прежде.

«Привет, кровожадная малявка. У нас вызов. Монстр, большущий, уродливый, и к тому же с иммунитетом к чарам. Унро в растерянности, а я хочу домой. Не могла бы ты его немножко порубить? Монстра, я имею в виду».

Только это было всего раз, а потом снова вернулась скука.

После работы она шла к Донно – тот допоздна засиживался в отделе, расследование терактов на Алом турнире пошло по кругу, возобновилось, когда все осужденные террористы покончили с собой в тюрьме – и каким способом им это удалось, выяснить пока не могли.

Энца тихонько присаживалась в углу с книжкой или каким-нибудь делом, прихваченным с работы, Донно приносил ей кружку с чаем, и она терпеливо ждала, пока у них не закончатся силы. Работа не заканчивалась никогда.

Эти несколько часов были самые теплые и спокойные за весь день, следователи и дознаватели занимались своими делами, ходили из кабинета в кабинет, порой травили байки или подшучивали над девушкой, вовлекая в свой разговор. В большом и очень захламленном кабинете сидели четверо: помимо Роберта и Донно, уже знакомые Энце Сова и Паладин.

В тот день, когда Унро и Шиповник сорвались в поездку, Энце было совсем тоскливо – когда она доделала и отослала все запросы, оставалось только скучать. Финнбар, заглянувший к ним просто так, задумчиво окинул

взглядом и ее, и пустой кабинет, хмыкнул и позвал с собой на обед.

В кафетерии к ним присоединился Ворон и оживил беседу рассказами о студентах, которые, по его словам, никак не изменились с тех времен, когда сам Ворон учился. И все бы ничего, если бы не сочувственные реплики о нерадивости ее напарника.

По дороге во флигель Энца, окончательно придавленная унынием, спросила у Финнбара разрешение на следующий день прогулять работу до обеда.

Потом она долго общалась по телефону с администрацией Хрыпно, с отделом магической защиты, долго и плодотворно разговаривала со словоохотливым архивариусом. Шиповник и Унро заставили ее побеспокоиться, когда не выходили на связь, но потом, когда все выяснилось, по голосу коллег Энца поняла, что у тех день проходит очень даже интересно и пожалела, что не поехала вместе с ними.

Хотя, конечно, никто и не приглашал.

И как-то так вышло, что на следующий день, когда Энца, основательно выславшись и побездельничав, шла на работу, было уже около часа пополудни.

На крыльце флигеля курил недовольный Джек и, едва увидев напарницу, начал брюзжать, талантливо подделывая интонации Офелии:

– Стоит мне раз в жизни опоздать, как выясняется, что ты вовсе и не приходишь на работу вовремя! Сама-то небось мне все уши прожужжала, что нужно ходить с утра, с утра... Финнбар мне по секрету сказал, что ты сегодня прогуливаешь, а эти двое так и вовсе со вчерашнего дня не показывались. Распустились, слов нет.

Проходя мимо него, Энца ткнула кулаком в плечо и отвернулась, скрывая улыбку. Казалось, Джеку было все равно, что с момента их прошлой встречи прошло несколько дней.

– Слушай, – с некоторым беспокойством сказал Джек. – А ты уже обедала? У меня с утра ни росинки. Раз уж ты прогуливаешь, давай я тебе покажу, как это делается?

Энца молча развернулась, и они пошли в кафетерий. Пока Энца вводила Джека в курс последних событий, позвонил Унро:

– Ты где? Мы уже приехали! Мы такое нашли!

– Мы в кафетерии, – ответила Энца, и Унро протараторил, не слушая дальше:

– Сейчас будем! Подождите там!

***

Версия была бредовой. Ну, чуть логичнее, чем последняя у Шиповник, про упырей, но все же.

Шиповник с тоской оглядела пропахший книжной пылью кабинет архива Хрыпно. Было уже около десяти вечера. Архивариус давно ушел, Вервольф тоже, только оставил им ключи от кабинета начальника – там был диван, где им разрешили переночевать.

– Да не могли они, – убеждала девушка Унро. – Даже если бы случайно напали, неужели бы охотники не отличили живых от мертвых?

– Так у егерей не было ауры, ты забыла? Каждый носил скрывающий амулет, посмотри список. Их убили... ну, может, охотники и поняли потом, мы же не знаем. Но не стали бы они возвращаться и говорить: ой, мы там случайно императорских егерей упокоили, ничего? Может, они подумали, что мертвия – это как раз поднятые егеря. То есть нет никакого противоречия. А эти, наши которые, они ведь не заезжали в службу Хрыпно, не докладывались о приезде. И может быть, о них никто и не знал.

– Ну да. И никто из Гражина не приехал их искать?

– Допустим, приехала проверка. И что бы нашли? То же самое, что и мы – ничего не понятно, ужасы творились, а где ведьма? Может, к тому времени Вуричи уже уехали из деревни.

– А кто... ну да. Ведьма могла сама или надоумить кого-то охотников позвать, когда ее припекло... Ох, все путается. Давай по порядку. Ведьма узнала, что за ней идут – или уже пришли – егери. Интересно как. Ну ладно. Тогда она жалуется на мертвия в службу Хрыпно, и оттуда присылают охотников. Унро, ну тут куча несоответствий!

– Почему? Узнать она могла. Допустим, староста сказал, что он написал прошение. В деревнях все всегда обо всем знают. Как она передала просьбу? Ну не сама, и не староста – в архиве нет письменного прошения. Могла доехать до Хрыпно, могла с кем-нибудь по okazji передать. Да мало ли.

Унро придвинул к себе блокнот.

– Надо узнать, куда переехали Вуричи. И что с ними стало.

– Было бы это не так давно, можно было бы потребовать эксгумацию, – задумчиво сказала Шиповник. – Но теперь уже не узнаешь, мертвия или нет.

– Зато можно узнать, наши ли это егеря, – сказал Унро. – Скорее всего их упокоили со всем имуществом, как полагается. Под мертвым храном все это должно пролежать и до наших времен. Я запишу, завтра поговорим с местными.

– Давай тогда поделим вот этот ящик, – устало произнесла Шиповник.

– Тут всякая всячина, из гражданских состояний, повесток и прочего. И вон там еще останется парочка коробок. Может быть, что-то...

Она вздохнула.

Через час она заснула, уткнувшись лицом в сложенные руки, и Унро едва смог растолкать ее, чтобы отвести в кабинет начальника и уложить спать. Сам он вернулся в архив, решив, что времени и так немного, а выспаться можно и потом.

Когда-нибудь потом.

Наутро Шиповник разбудила Унро, мирно спавшего лицом на документах.

– Я нашел, – сразу же сказал он, едва открыв глаза. – Нашел, куда они уехали. Подключился к сети через комп и поднял общественные архивы, к которым есть доступ. Прошел несколько городов, потому что поиском не выпадало ничего. Ты знаешь, где они засветились? В Гражине. Ну то есть, как засветились...

Юноша зевнул и снова уронил голову на руки.

– Эй! – возмутилась Шиповник. – А ну просыпайся! Где ты их нашел?

– На кладбище, – сонно отозвался Унро. – Я нашел их на Заречном кладбище Гражина.

Он с силой потер виски и выпрямился. Зачитал из блокнота:

– Похоронены в один день в декабре тысяча девятьсот девятого, примерно через полтора года после переезда, дата смерти неизвестна. Старший брат Алесь Вурич, его жена Милка, и дочь Мария. Младший Илья Вурич и Иванна Багатова, его падчерица.

– Нет жены младшего, Штефании, – заметила Шиповник. – Той самой вдовушки.

Они обменялись взглядами.

– Вот и нашлась ведьма, – с глубоким удовлетворением сказала девушка. – По нашим архивам мы ее в момент найдем. Это раньше мы не знали ни фамилии, ни имени.

– Я думаю, будет удобнее отсюда позвонить Энце, чтобы она начинала искать, пока мы едем.

Шиповник скривилась: не хотелось упускать из своих рук даже скучные части расследования, но спорить было глупо. Правда, до Энцы дозвониться не удалось, ее телефон был выключен, и Шиповник обратилась за помощью к Леди Гарброу.

Унро тем временем копировал нужные бумаги и разговаривал с Вервольфом насчет эксгумации трупов в могильнике на озере.

После поезда и долгой поездки через полгорода на автобусе кирпичные стены флигеля вызвали только усталое умиление: наконец-то вернулись. Казалось, что уехали неделю назад. Флигель в этот раз мирно ждал, когда они подойдут и приветственно – громче чем обычно – заскрипел входной дверью.

Леди Гарброу ждали их в архиве, оставив записку на двери кабинета. Дело ведьмы найти не удалось, зато женщины раскопали несколько разрозненных отчетов и докладных записок, связались с архивом хозяйственной службы и с руководством Чайного домика.

Для них потеря даже расписки полувековой давности из давно закрытого дела было катастрофой, и потому они бросили все силы на поиск и восстановление любой мало-мальски относящейся к вопросу информации.

Итого, они нашли: заявление от околоточного, который обнаружили мертвые тела семьи Вуричей после неоднократных жалоб соседей на дурной запах из комнаты. Околоточный упомянул и жалобы мастера строительной бригады, где работали братья – они не появлялись уже неделю.

Околоточный, как полагалось, вызвал для осмотра тел судебного эксперта и мага, и так как присутствовали следы насильственной смерти и остаточная магия, то завели уголовное дело. Главной подозреваемой была Штефания Вурич, работавшая прачкой. В отличие от мужа и деверя, Штефания продолжала появляться на работе вплоть до последнего дня. Когда за ней пришла полиция, женщина ускользнула через черный ход прачечной, и поймать ее не смогли.

В округе подобных смертей набралось уже с десятков, и дело было передано в Чайный домик. А вот там никаких материалов Леди Гарброу найти не удалось. В хозяйственном отделе сохранились расписки на выдачу амулетов «птичья ловушка» для поимки ведьмы Штефании Вурич и даже был указан номер ее дела. Расписок было три за разное время – видимо, столько раз ведьма ускользала.

Правда, для упокоения ведьмы сильному магу такой амулет не нужен, так что судить по дате последней расписке о завершении дела было нельзя.

На этом след обрывался.

– Почему именно это дело? – возмущалась Шиповник, которая чувствовала, что они все ну просто в волоске от самого главного, от тех сведений, которые помогут увязать всю эту кучу фактов в одно – и несомненно блестящее, удивительное – дело.

– Вы смотрели по номеру дела в архиве? – спросил Унро у Леди

Гарброу.

Младшая кивнула.

– По указанному в каталоге месту – ничего нет. Дело утеряно – или же кто-то его изъял и не вернул. И нет отметок о его выдаче.

– А в каталоге отмечено, закрыто дело или нет? – вдруг осенило Шиповник.

Женщины переглянулись, а Шиповник бросилась к каталогу, чтобы вынуть карточку:

– Закрыто! Пятнадцатого февраля десятого года!

Унро закусил губу, в раздумьях, как можно использовать эту информацию, а Леди Гарброу почти в унисон сказали:

– Ежегодные сводки.

Потом старшая пояснила:

– Ежегодные сводки, подшивки месячных отчетов о работе Чайного домика. Там только закрытые дела – и должны быть данные о результатах расследования.

***

Унро ворвался в кафетерий как ураган, Шиповник шла следом широкими уверенными шагам, и оба сияли как начищенные медяки.

– Ого, – сказал Джек. – Вы подрались?

Унро потер ссадину на лице.

– Да не, – отмахнулся он. – Это так, потом расскажу.

– Я убила монстра, – гордо сообщила Шиповник.

Энца широко улыбнулась ей, а Джек скептически хмыкнул. Унро поторопился сменить тему:

– Та ведьма, о которой речь была, помните? За которой охотились пропавшие егери...

– Мы их нашли, – вставила Шиповник.

– Да, мы их нашли. Точнее, возможную могилу, и оставили запрос на эксгумацию, – нетерпеливо подтвердил Унро. – А ведьма – она переехала в Гражин, и здесь снова себя выдала. Ее нашли и упокоили. Знаете, где?

– Где? – вежливо спросила Энца, потому что Унро явно ждал вопроса, затаив дыхание.

– В могильнике у Литейного тупика! – выпалил он.

– Да ладно, – спустя миг сказал Джек, а Унро и Шиповник наслаждались триумфом – ошарашенными лицами напарников.

– И все увязывается! – ликующе воскликнула Шиповник. – Руки-призраки, которые являлись своим потомкам, потому что кто-то ведьму

хотел разбудить! Черные лужи, до и после того дня! Наверняка, когда мы обратимся в отдел практической защиты и надзора, который занимался вашим случаем с инсект-объектами в Литейном тупике, то найдем все подтверждения тому, что ведьму разбудили! А из нашего архива украли дело этой ведьмы!

– Притягиваешь за уши, – заметил Джек, и Шиповник оскорбленно уставилась на него.

– Но факты хорошо укладываются, – возразила Энца. – Как основная версия – это очень даже круто. Во-первых, надо подождать результатов эксгумации, а во-вторых потребовать повторный осмотр того тупика. Прошло, конечно, уже больше двух месяцев, но определить, был ли взломан могильник, думаю, можно.

– Кстати, почему сразу не осмотрели? – спросил Джек. – Нас опрашивали, а могильник не проверили.

– А потому, – торжествующе сказала Шиповник, – что могильник законсервирован уже больше девяноста лет, и данные по нему изъяты из архива! Там сейчас дом стоит над ним, но я думаю, что данные по могильнику и дело ведьмы забрал тот, кто ее разбудил!

Джек закашлялся на полуслове – Энца толкнула его под столом, заметив язвительную усмешку. Шиповник так светилась, что жестоко было бы шутить над ней сейчас.

– И как вы узнали о могильнике? – спросила Энца.

– Мы узнали его номер из сводки, а потом стали искать, – пояснил Унро. – Позвонили в конце концов в краеведческий музей, и там нашелся специалист, он для нас раскопал все, что нужно по этому месту.

– Краеведческий музей, – одобрительно хмыкнул Джек. – Ну надо же.

Подождав, пока Унро и Шиповник наедятся, Энца попросила рассказать о том, как прошла поездка и как они справились с монстром. Шиповник кратко обрисовала Утицы и Хрыпно, а потом взялась за подробный рассказ об их жутком приключении.

– И вот, знаете, странно, – добавил к рассказу Унро. – Когда оно меня в лесу схватило, мне казалось, что я слышу какие-то слова. Будто оно пыталось что-то мне сказать... Еще и лицо это...

– Да, – кивнула Энца. – Последнее время очень много человекообразных монстров появляется, я читала в рассылке от НИИ инвазий.

– Н-нет, – неуверенно сказал Унро, – я не об этом... ну, мне просто показалось, что он... разумный? Может такое быть, что с той стороны к нам проникают и разумные существа?

Его собеседники переглянулись.

– Что? – спросил Унро, потому что пауза затянулась.

– Я забыла, ты откуда приехал?.. – поинтересовалась Шиповник.

– Из Белена. А причем тут?..

– Унро, – мягко начала Энца. – А у вас разве не преподают теорию пространственных искажений?

– Факультативно, на последнем курсе, – признался тот.

– И ты не ходил?

– Нет, – пожал плечами он. – Я другие брал, про первую медицинскую помощь, и еще про создание амулетов...

Джек вздохнул, а Энца нахмурилась.

– Ну, вообще-то, – осторожно сказала она, – есть одна гипотеза, почему через инвазии проникают только монстры – о том, что из-за неравномерности наших границ, существа, которые приходят к нам из других пространств, искажаются.

– То есть... – в ужасе сказал Унро, – это и вправду могут быть... люди?

– Или животные, или другие разумные существа, – пожала плечами Шиповник. – Мало ли кто попадает в прорехи.

– И вы... это знали? Мы что, каждый день убиваем людей?

– Неужели ты думаешь, что в них сохранилось что-то человеческое? – спросила Шиповник. – Они искажены. Они даже себя не осознают. И, если ты забыл, они едят живых.

Унро сжал виски: все это шло вразрез с тем, что он всегда знал и думал об их мире. И ведь... совсем недалеко, в Птичьем павильоне над монстр-объектами ставят опыты. Разрезают, смотрят, что внутри. А скольких несчастных, которым не повезло пройти сквозь прорехи, убили на его глазах?..

– Только гипотеза, – сжалившись над ним, сказала Энца. – Унро, это недоказанная гипотеза. Ее даже не всегда в учебную программу для магов включают. А в учебниках для обычных людей ее нет... за публичное обсуждение с гражданскими полагается штраф. За разжигание беспорядков и все такое.

– В пограничных зонах вроде Белена, такие вещи и вовсе не рассказывают, и это логично, – опять хмыкнул Джек. – Там только лиги защитников искаженных не хватает.

– Что за лига? – слабым голосом спросил Унро.

– Такие, вроде тебя, что считают будто убивать монстров – неэтично. Лига запрещена, поэтому ее на самом деле вроде как нет.

– Зеленое солнце, – сказала Энца. – Наверно, видел, они на стенах

рисуют, это их знак. Такое круглое, с лучиками-треугольниками.

Юноша едва участвовал в дальнейшей беседе, когда они возвращались в флигель, обсуждая, куда надо отдавать отчет – Финнбару или сразу идти в уголовный.

Флигель в этот раз выкинул их почему-то на третий этаж с лестницы: коридор был ярко освещен, пахло свежесваренным кофе, из открытых дверей Леди Гарброу слышался сухой четкий голос старшей, которая что-то диктовала; из кабинета Финнбара доносился смех.

Джек чертыхнулся, и вся компания вернулась на лестницу и спустились ниже, в этот раз попав к себе: темный коридор, прикрытые двери и тишина.

Пока Шиповник не включила свет в кабинете и не закричала.

Одним прыжком Энца рванула к ней, за плечо оттаскивая назад. Но воздушные клинки негодились: в помещении было пусто.

– Ты чего кричала? – удивилась Энца, осмотрев все углы и убирая клинки.

Не обращая на нее внимания Унро и Шиповник судорожно осматривали стол, стулья, по очереди заглянули под стол.

– Где они? – снова закричала Шиповник. – Где бумаги?

– Бумаги пропали? – спросила Энца, но на нее никто не обращал внимания. Джек, чтобы не мешаться, остался в дверях, сложив руки на груди.

– Это ты их куда-то положил?

Унро замотал головой.

– Может быть, приходили Леди Гарброу и забрали? Я сейчас сбегая, спрошу, – сказал он и унесся как ветер.

– А вы с собой не брали? – спросила Энца.

– Нет! – огрызнулась Шиповник, но на всякий случай перетрясла сумку.

Унро вернулся с пустыми руками.

Все, что они нашли за эти несколько дней, пропало.

И если бумаги из архива Хрыпно и хозяйственного отдела можно было восстановить, то ежегодные сводки были в оригинале, их как раз принесли, чтобы скопировать.

Шиповник едва не плакала. Она накричала на Унро, сорвавшись на нем – юноша только болезненно щурился, почти не отвечая.

– Ребят, – неуверенно сказала Энца. – Вы устали, может пойдете отдохнуть домой? А я пока напишу официальный запрос и в службу

магической защиты Хрыпно, и во Вдовый дом. Для того, чтобы открыть дело, все равно нужно, чтобы оформлено было правильно. Ну, подумаешь, чуть позже все будет.

Шиповник, не в силах думать рационально, решила, что ее отстраняют, вспыхнула, схватила свои вещи и выбежала прочь. Унро двинулся было за ней, но Энца остановила: ей показалось, что Унро только разозлит девушку еще больше.

– Ты лучше продиктуй мне, что запрашивать. Ты же помнишь, что и где вы находили? – сказала она, и Унро, тяжело вздохнув, сел рядом.

Пока они составляли список, у Джека зазвонил телефон.

Джек поговорил, а потом, коротко попрощавшись, ушел. Через полчаса, закончив со списком, Энца отправила расстроенного Унро домой.

Тем же вечером Энца пошла в Эллинский дворец – забросить письма в почтовую службу и отнести, наконец, папку с отчетами по черным лужам Якову. Энца посчитала, что тому будет очень интересен рассказ и о том, что накопили их юные коллеги, и о том, как все пропало.

Готическое крыло встретило ее непривычной тишиной. В кабинете Якова стояли башни картонных коробок, которые молча и торопливо выносили техники из его команды. Сам Яков аккуратно укладывал бумаги и вещи со стола в одну из таких коробок.

Энца встала в дверях, растерявшись.

– А, здравствуй, – кивнул Яков.

Энцу осторожно подвинули в сторону, чтобы она не мешалась. Знакомые техники здоровались с ней, а Энца только кивала в ответ.

– А я... принесла бумаги. Но... Яков, вы что, правда уходите?

– Не совсем, малышка, не совсем. Пошел, можно сказать, на понижение, но и то хорошо, что старика пыльной метлой не погнали.

Яков ненатурально повздыхал, а папку все же взял, и, пока он ее пролистывал, Энца коротко рассказала о том, что узнали коллеги, и как пропали документы из их кабинета.

Яков захлопнул папку и вернул ей.

– Отнеси-ка ты лучше это в Чайный домик, девочка. И не забудь оформить, как положено. Им это сейчас больше пригодится. Ты беги, не буду задерживать.

Энца деревянно шагнула назад, не разворачиваясь. Она не знала, что в таких случаях говорят – «спасибо, что работали со нами»? Или что-то еще?

– Энца, – скрипуче позвал ее Яков. Взглянул поверх квадратных оправ.

– Вы с Джеком, оба, будьте осторожны... ну, знаете, у чужих дядек нельзя

конфеты брать. И в машины к незнакомцам садиться. И всякое такое.

– Х... хорошо, – отозвалась Энца, не сразу поняв, что он шутит. – И вы тоже. Удачи.

Во флигель она возвращаться не стала: кабинет был закрыт, сумка при ней. Девушка отправилась сразу в Чайный домик и, встретив по дороге Донно, молча подошла и ткнулась лицом в его грудь.

Будто все сломалось.

В кабинете Энца не стала садиться у окна как обычно, залезла с ногами в старое кресло рядом со столом Роберта. Донно ушел за кофе, а Энца, обхватив колени руками, с отстраненным любопытством смотрела на его раздраженного напарника.

– Пришли отчеты из лаборатории по последней жертве пси-вампира, – пояснил он, заметив взгляд Энцы. – Ни о чем. Ноль. Хоть, бес его раздери, прекратилось на время. Уже почти три недели никого не находили.

Роберт подумал и на всякий случай сделал знак, отводящий беду. Еще раз пролистал на экране отчет, а потом распечатал и убрал в дело.

– Такое ощущение, – с досадой сказал маг, – что они сами туда пришли и легли. Ничего постороннего вокруг.

– А... так не могло быть? Они не могли сами дойти? – неуверенно спросила Энца.

– Каким образом? Много ты ходишь, когда у тебя острая нехватка энергии?

– Нет, – сказала Энца. – Много не хожу.

Ее задел пренебрежительный тон Роберта, но тот не имел в виду ничего плохого, просто устал.

Помолчав, она все же продолжила: тишина слишком давила.

– Но ведь их могли привести. Я имею в виду, под контролем.

– Да не могли. Без энергии никуда они – даже запрограммированные – не пришли бы, – отмахнулся Роберт.

– А что, если... – Энца запнулась, не зная, стоит ли развивать тему. Роберта явно не интересовало переливание из пустого в порожнее.

Кто знает, сколько часов они таким образом с коллегами обсуждали так и эдак все возможные версии.

– Энца, – будто услышав ее мысли, сказал Роберт. – Мы уже повсякому крутили. Версию с тем, что жертвы сами дошли и легли на нужные места мы рассматривали – и отбросили в самом начале. Не дошли бы они в таком состоянии.

– В каком? – спросила Энца. – Вы же не знаете, в каком состоянии они

шли? Что, если они делали, как мы с Джеком – протягивали постоянный канал, и жертва шла сама, просто потихоньку теряя энергию, а потом уже остановившись, отдавала все до конца?

– Это сделать можно только с согласия человека – в нашем случае, жертвы, – сказал Роберт. Он развернулся к ней всем корпусом.

Роберт втянулся в разговор, и Донно, вернувшийся со стаканчиками кофе, криво усмехнулся: давно привычная картина. Хищно сверкающий глазами Роберт, напавший на какую-то перспективную идею. Донно осторожно поставил стаканчики на край стола и тихо присел рядом. Тут главное не лезть и не сбивать с мысли.

– Согласие можно получить, – сказала Энца. Она оперлась локтями о стол, потом подтянула к себе ручку и бумагу и стала чертить круги.

– Это ведь не просто формальность, не пара слов. Ритуальная часть плетения, – сказал Роберт. – Кто пойдет на это? К тому же после того, как появились первые новости о жертвах.

– Оформи ритуал по-другому, – сказала Энца. – Ты же знаешь, что способов получить согласие несколько.

– Замаскировать согласие под какое-то действие? Попросить что-то сделать? Сказать?

– На мертвом или иностранном языке? – включился Донно.

– Нет, это все-таки долго, – покачал головой Роберт. – Долго. Быстрее действие.

– Отдать что-нибудь важное, – предположила Энца. – Если это ценная вещь и по своей воле отданная, то...

– Нет, так просто не получится, – возразил Роберт. – Просто отдать – не работает.

– По просьбе, в которую можно вплести вопрос о согласии, – сказал Донно. – Сформулировать просьбу так, что отдающий невольно открывает к себе доступ.

Роберт и Энца долго смотрели на него.

– Так может быть... так может быть, – медленно сказал Роберт. – Хорошо. Пусть. Тогда какого черта жертва неизвестно кому отдает что-то ценное?

– Под ментальным давлением? – предположила Энца.

– Нет, – сразу отмел это Роберт. – Согласие должно быть добровольным. Это только ты можешь забирать сразу, едва каналы открыты. Те, у кого нормальный баланс энергии, этого не могут. А у преступника – нормальный баланс, если принять версию, что ему хватает сил проводить ритуал и вести человека до места смерти.

– А почему вы думаете, что он один? Может, их несколько?

– Потому что это основная версия. Для того чтобы рассматривать дело о сговоре или преступной группировке, не хватает доказательств.

Энца нахмурилась: тут Роберт явно темнил... но, может быть, эти детали были под неразглашением? Обычно любая версия имеет право на жизнь, пока ее целиком не опровергнут.

– А что, если преступник – хороший знакомый? Говорит, что попал в беду. Ну или просто что-то понадобилось и просит отдать на время.

– Нет, – качнул головой Донно. – Жертвы либо никак не связаны, либо опосредованно, у них нет общих знакомых такого порядка. Энца...

Тут Донно замаялся и взглянул на Роберта. Тот кивнул, без слов поняв, о чем хочет сказать напарник.

Это каким-то дурацким образом напомнило Энце о том, что Джека рядом нет.

Хотя пора бы уже привыкнуть.

– У нас есть подозреваемый, Энца, – склоняясь к ней сказал Донно. Он даже накрыл ее ладонь теплой рукой, и это простое движение вдруг напугало ее. Энца невольно отстранилась.

– И... кто это?

– Это любовница Джека. Елизавета Рюген.

– Что за бред?.. – растерялась Энца. – Причем тут она? Она даже не маг...

Она машинально встала, но никуда не пошла, вцепилась обеими руками в спинку своего стула.

– После того, как Джек пропал перед Алым турниром, мы запросили разрешение наблюдать за ним, – пояснил Роберт. – Согласись, Джек – самый лакомый кусочек в этом городе. С почти стопроцентной вероятностью маньяк должен был им заинтересоваться.

Тошнотворной волной ужаса прянуло от Энцы, даже сквозь блокировки Донно. Глядя в ее застывшее лицо, он понял, что совершил ошибку, рассказывая об этом.

Но и молчать далее не мог.

– Это совершенно безопасно. Напротив, для Джека – это гарантия того, что с ним ничего не случится. Ну, ты же понимаешь – мы ведь заодно охраняем его.

– А Джек... знает?

– Нет, конечно, – фыркнул Роберт. – Разве можно ему о таком говорить? Он же из кожи вон вылезет, чтобы досадить наблюдающим своими идиотскими шуточками.

Энца едва дернула уголками рта, но улыбки не вышло.

– Но почему?.. причем тут Елизавета? Как вообще вы на нее вышли?

– Так и вышли, после наблюдений за Джеком. Во-первых, она скрывает то, что она маг, живет по человеческим документам. Во-вторых, она практически не ночует дома. Куда она уходит, выяснить не удалось. Она легко скрывается из поля зрения наблюдающих. А они не новички.

Энца поймала себя на том, что слушает Донно, приоткрыв рот. Все это было совершенно... нелогично. Но...

– Она попросила Джека написать стихи для нее, – вдруг сказала Энца. – Попросила написать, а он все мучился, не получалось...

Она стремительно прыгнула к своей сумке, легко перемахнув через столы. Трясущимися руками выудила телефон и все никак не могла попасть по кнопке разблокировки.

– Этого не может быть, – говорила она. – Ну просто не может быть. Она совсем обычной была, мы и познакомились случайно...

Донно подошел ближе и забрал телефон.

– Не переживай, он не один. За ним присматривают.

– Но ведь у нее есть фамилия? Как она смогла получить документы? Или они поддельные?

– Они настоящие, – сказал Роберт. – Пробиваются по всем базам. Опрашивали соседей, поднимали сведения о школьных проверках. Она была абсолютна чиста.

– Но ее аура говорит о другом, – сказал Донно. – Она – маг, причем не из слабых. Есть версия, что она уникам, прошедший манифестацию сил в зрелом возрасте, но это тоже еще нужно доказать. Пока мы ее пасем, чтобы поймать с поличным.

Энца не знала, что сказать. Если чуть раньше казалось, будто весь привычный мир сломался, то теперь оказалось, что его и не было вовсе. Одна только ширма-обманка, за которой проходила настоящая жизнь и о которой Энца и не знала.

Она бездумно походила туда-сюда, постояла у окна, вернулась к столу Роберта.

– Как же так? – тоскливо спросила она. – Может, вы ошибаетесь? Может, она и уникам, но зачем ее увязывать со всем этим делом? Вдруг она и сама о себе не знает?

– У нее есть работа, магазин... который она открывает раз-два в неделю. По свидетельствам соседей, еще весной она работала каждый день. Сейчас она либо с Джеком, либо бродит по городу. Она с легкостью обводит вокруг пальцев следящих за ней магов. И у нее нет алиби ни на

один день, когда пропадали маги.

Донно достал картонную пухлую папку с делом ведьмы и открыл ее:

– Посмотри, вот график ее передвижений, «слепые пятна», то есть когда ее не было, вот таблица соответствий времени пропажи жертв. Попадание полное.

Вместе с графиками в папке были фотографии: на улице, в кафе, рядом с Джеком высокая красивая женщина с подобранными темными волосами. Широкое скуластое лицо, изящно выгнутые тонкие губы, миндалевидные карие глаза. Немного грубая, но чувственная красота зрелой женщины.

– Кто это? – спросила Энца, чувствуя, как обрывается сердце.

Антикварная лавочка, сумрак близкого заката. Прекрасная незнакомка с копной рыжих волос и синими глазами.

Колокольчики над кассой.

Бердыш и хрустальные подвески в шкатулке с рыбками.

Память по инерции побежала дальше, и в мыслях всплыло бледное лицо спящей девушки в больнице: сколько бы раз они не приходили к Сагану, еще тогда, в августе, она спала, не двигаясь. И Энца все не могла вспомнить, почему она кажется ей знакомой.

Конечно, Энца ее не смогла узнать: она ведь видела Елизавету всего раз в жизни.

И кто тогда эта женщина на фотографиях?

Резко дотянувшись до своего телефона, Энца вырвала его из пальцев Донно и, уже не запинаясь, разблокировала и вызвала Джека.

– Ты где? – закричала она и, не слушая возмущенное бормотание напарника, спросила: – Ты ей стихи уже отдал?

– Чего? – удивился Джек. – Я их не дописал еще. Хотя там всего последняя строчка хромает... я вот думаю, сделать ход конем, выкинуть ее и вроде как модерново будет. Или вместо строчки одно слово, но в рифму. Такое длинное. Круто, что позвонила, мне идея хорошая в голову пришла.

Джек повесил трубку.

Больше он не отвечал, сколько бы Энца не набирала его номер.

– Донно! Роберт, – Энца повернулась к ним, сжимая в руках телефон. – Позвоните наблюдающим, узнайте, где они? Где Джек?

Она остановилась. Роберт привстал, с тревогой глядя на нее, и они с Донно обменялись быстрыми взглядами, решая, что делать.

– Подожди, – сказала она. – То есть подождите.

Энца сжала виски руками.

– Та женщина на фотографиях – не Елизавета. Или же не Елизаветой была та, с кем мы тогда познакомились? Нет, это глупо. Донно, я видела

похожую девушку в больнице, где лежал Саган. Ну какая же я дура, что не узнала ее сразу!

– Ты о чем? – осторожно спросил Донно. Подошел и мягко взял ее за плечи.

Энца зло посмотрела ему в глаза.

– Обо всем. Тут все связано. Та ведьма, что искали ребята – упокоена была в могильнике под Литейным переулком. Документы, которые они хотели нам показать, пропали. Когда в июне нас послали на зачистку тараканов, ориентировка была неверной, и мы наделали шума. А в это время кто-то пробудил ведьму. Яков еще говорил, что были непонятные следы. И черные лужи! Откаты от темной магии... А магазин, где работала Елизавета, совсем рядом с тупиком.

Она отошла от Донно и насупилась. Получалось путано: Энца никак не могла привести мысли в порядок.

– Ты хочешь сказать, что эта баба на фотографиях – ведьма? Настоящая столетняя ведьма? – медленно спросил Роберт. – Донно, звони в больницу. Энца, скажи, в каком отделении ты ее видела. Сова! Да где он, опять на перекур ушел?

Донно утянул Энцу в угол, чтобы она не мешала Роберту, который с лихорадочным блеском в глазах бросился действовать.

Не в том направлении, как подумала Энца. Проверить девушку в больнице можно хоть завтра... но разве не надо в первую очередь забрать у ведьмы Джека?..

Около семи часов в кабинете Финнбара раздался звонок – после окончания рабочего дня все вызовы переводились на телефон начальника.

– Добрый вечер! Это Вервольф. По поводу эксгумации могильника, – быстро заговорил мужской голос.

Озадаченный Финнбар не смог даже перебить звонившего: тот говорил слишком напористо и эмоционально.

– Все так, как вы и говорили, в могильнике пять тел, есть значки Императорской егерской службы, при них находятся все перечисленные в описи предметы! Мы взяли образцы ткани, в лаборатории определяют, был ли проведен над телами обряд воскрешения, результаты вышлем вам немедленно.

– Уважаемый, – мягко сказал Финнбар, уловив минуту, когда мужчина сделал паузу, чтобы перевести дух. – Я не совсем понимаю, о чем вы. Вполне может быть, что вы ошиблись номером. А если вы посмотрите на часы, то увидите, что рабочий день уже закончился. Попробуйте позвонить

завтра, а перед этим – уточните номер абонента. Всего доброго.

Финнбар нажал отбой и вернул трубку на базу.

– Н-да, – вслух сказал он. – Могильники, трупы, эксгумация. Вот тебе и тихая работа в архиве.

История двадцать пятая. На краю

В желтом свете уличного фонаря листья казались еще ярче. Вот этот, сердцем, сразу после круглого. Потом резной, разлапистый. Снова круглый и снова сердцем. По краям несколько длинных и узких.

Энца несколько минут смотрела на листья, потом начала выкладывать новый узор. Ее морозило, и пальцы тряслись, когда она, с трудом контролируя движения, подбирала новый ритм для орнамента. Бордюрный камень, на котором она сидела, был холодным, а из мусорных баков за больничным сквером у нее за спиной ощутимо тянуло гнильцой. Этого Энца не замечала.

Четверть часа назад ей дали поговорить с оперативником, который в данный момент следил за Джеком и его спутницей. Маг уверил ее, что с Джеком все в порядке, а Энца успела – до того, как Донно отобрал телефон, – спросить, где они находятся.

Сейчас группа следователей изучала спящую девушку, общалась с медперсоналом и пыталась вызвонить заведующего отделением. Был уже девятый час вечера, и Энца думала, что скорее всего все придется отложить на завтра. Больничная карта девушки зияла пробелами, как и память дежурных медсестер. Имени в карте не было, как и номера медицинской страховки. Все, что удалось узнать: больную поместила в палату ее родственница. Женщина приходила каждую неделю, подолгу сидела рядом с койкой и молчала. Когда она приходила и уходила, никто не видел.

Штатный маг больницы при поступлении проверил ауру девушки на магическое воздействие и не нашел ничего необычного. Что не удивительно – ведьмы воздействуют на реальность не так, как рядовые маги, и чтобы найти следы, надо знать, что ищешь.

Нервная дрожь начиналась где-то в груди, отдаваясь по всему телу до кончиков пальцев. Энца куталась в тонкую черную куртку, бездумно глядя на очередной узор, и бесконечно прогоняла в голове события прошлых месяцев.

Они уже навязли на зубах, как надоевшая жвачка, и голову сводило от

постоянных повторов и осмыслений одного и того же, но Энца не могла остановиться. Джек приходил, задавая свои дурацкие вопросы, которые они считали очередной шуткой, будто не помня, что отсутствовал несколько дней. Прерывал разговор и уходил по первому звонку.

«Это не они его подставили, это я его бросила, – думала Энца. – Я не захотела лезть в его личную жизнь, а там никакой жизни и не оказалось. Джек повис на краю, а я отвернулась от него, предпочтя обижаться».

Джек сейчас был в безопасности, как ее уверяли, но теперь, когда она все знала, не думать о ведьме было невозможно.

А вдруг именно сейчас?.. именно этой ночью?

В конце концов, никто же не заставляет ее драться с ведьмой. Она – напарник Джека, и у них... допустим, задание. Срочное задание, и нужно сейчас же ехать. Ведьма она или нет, она же не может при всех сделать что-то плохое? Не может выдать себя и не отпустить Джека на работу?

Пружина распрямилась, зазвенев, а тело, словно перед боем, снова стало легким.

На крыльцо больничного входа вышел Роберт с одним из коллег, тот курил и что-то сердито рассказывал. Роберт возражал и досадливо разгонял дым.

Удачно. Или он вышел давно, а Энца только сейчас начала соображать? Это уже неважно. Она стремительно взлетела на крыльцо и тронула его за рукав:

– Роберт, я пойду за Джеком схожу.

– Да-да, – рассеянно отозвался тот, слушая собеседника, а потом, спустя несколько мгновений вздрогнул, разворачиваясь.

– Энца, стой! – крикнул он.

Девушка была уже далеко, и всего лишь помахала рукой, продолжая удаляться.

– Совсем как Джек, – раздраженно буркнул Роберт, извинился перед коллегой и набрал Донно.

– Пулей сюда, – отрывисто сказал он. – Едем за Джеком.

У Госпитального сада на Северной заставе скучал наблюдающий маг. Он то стоял под фонарем, то вышагивал вдоль опустевшего цветника у входа в сад, при этом он не спускал глаз с некой точки за кованой оградой. Маг не опасался привлечь ничье внимание – он был надежно укрыт чарами, рассеивающими внимание.

Донно окликнул его, слабо ощущая эмоции – скука, усталость, – и попросил снять чары, чтобы поговорить. Пока Роберт и Энца обходили

машину, присоединяясь к ним, наблюдающий сказал, что объекты уже полчаса сидят на скамье и разговаривают.

Проследив за его взглядом, Донно помрачнел, а Роберт, примерившись, отвесил магу болезненный подзатыльник, отчего тот едва не нырнул носом вниз.

– Вы что себе позволяете? – закричал он.

– Лучшее средство привести в чувство, – пояснил Роберт, кивая на объект наблюдения.

Кроме смутно белешего на ней пятна, скамья была пуста.

Маг выругался сквозь зубы.

– Не трогайте ничего там, – крикнул Роберт Энце и Донно, которые пошли посмотреть, а сам набрал номер старшего по группе наблюдателей.

Одновременно с этим, удостоверившись, что Донно не смотрит, Роберт проглотил пару таблеток стимулятора, смирившись с тем, что спать этой ночью, судя по всему, не придется. От таблеток будет откат, но Донно что-нибудь сделает. Как всегда.

Пока подъезжали разбуженные и недовольные маги из отдела слежения, подтягивались криминалисты из больницы, обследовали оставленный ведьмой заговоренный платок и делали слепок изменений в энергетическом поле места, Энца пропала.

Не совсем пропала, конечно. Как приличный человек, она предупредила о том, что идет на поиски напарника. Разговаривала она со старшим магом из следящих, уговорившись, что за ней пойдут маги, дав ей небольшую фору.

Мормор, старший следящий, просканировал ее ауру и поморщился: слишком слабая и темная, трудно будет искать.

– А вы на Джека ориентируйтесь, – сказала Энца и поспешила удалиться, пока Донно или Роберт не обратили на нее внимания.

Они, конечно, хорошие и заботливые, но стоять за их спинами и ждать, что они во всем разберутся, было уже невозможно. И в конце концов, Джек ее напарник. А она не девочка. Она мастер боя.

Да и опасности-то наверно никакой еще нет. Ведьма не может знать, что она раскрыта. Энце надо только увести Джека, а там как-нибудь и уходить.

Госпитальный сад был небольшим, от круглой площади с цветником в центре расходились веером несколько аллей. Прочесать их будет делом получаса.

Энца уверенно и бесшумно двинулась по первой аллее. Чем дальше она удалялась от входа, тем тише и темнее становилось. Старомодные

газовые фонари едва разгоняли тьму.

Листья кружились вокруг молочно-белого шара с пляшущим огнем внутри. Листья больше не были зелеными, а значит, лето уже прошло. Золото и кармин, охра и кадмий.

Осень.

Ласковый шепот. Мурчание кошки. Пойдем, Джек, хватит смотреть на глупый фонарь.

Голова легкая, как этот пустой стеклянный плафон с огнем, а тело бесконечно огромное и тяжелое, уходит корнями вниз.

– Джек!

Голова зазвенела, будто по стеклу попал камешек.

– Привет, Джек! Тут Яков звонил, нас срочно вызывают.

Стеклянный шар лопнул, осыпаясь беззвучными осколками.

На границе света от газового фонаря стоит Энца, протянув к нему руку. Маленькая ладонь растопырена.

– Извините, Эли, – говорит она, не смотря на его спутницу, а Джек, возвращающейся тяжестью ощущает холодные пальцы Эли на своем локте, дымный запах духов, сладкий запах прелой листвы. – Извините, нам надо с Джеком по работе кое о чем поговорить.

В голосе Энцы фальшь, и Джек ясно ее слышит. Глаза просто огромные, напряженное лицо – и эта рука, которая все тянется к нему.

– Джек, это не займет много времени. Подойди, мне... мне просто нужно тебе кое-что сказать.

Джек недоуменно хмурится, а Эли вдруг усиливает хватку на его локте. Недовольна. Ревнует... снова будет скандал. И что такого случилось, что нельзя было позвонить? Начиная раздражаться, Джек аккуратно отцепил пальцы Эли и шагнул вперед.

Может быть, Энце нужна энергия? Джек осторожно сжал протянутую ладонь, удивляясь: раньше при посторонних Энца стеснялась.

Но девушка вместо того чтобы, как обычно закрыть глаза и подзарядиться, рванула его на себя, а потом заслонила. Широкие сабли тускло отразили свет фонарей.

– И что это значит? – холодно спросила Елизавета.

– Все хорошо, – твердо сказала Энца. – Джек, не бойся, я с тобой. Я прикрою.

Джек хотел было спросить, в чем дело, но Елизавета плавно шагнула к ним, а его напарница тут же пригнулась, предупреждая взмахнув

саблями.

– Не двигайтесь! – резко приказала Энца. – Стойте!

И ведь она не хотела драться. Знала, что против ведьмы никакого толку от ее клинков нет.

Ведьмы обладают совершенно иной магией, если это вообще можно назвать магией. Она нарушает все известные законы пара- и метафизики, воздействует напрямую на человека, его память и мысли. Ведьмы не вполне люди и не совсем из этого мира. Умерла бы ведьма, если Энца разрубила бы ее пополам? Вряд ли.

Ее даже упокоить насовсем не удалось.

А Энца так испугалась, когда увидела эту женщину. Она поглаживала Джека длинными когтями по лицу и шее, дергаными скребущими движениями, будто плела паутину, а тот, безвольно закинув голову, просто смотрел на фонарь и не двигался. Он даже не сразу отозвался.

Ведьма смотрела на Энцу, и лицо ее плыло как пластилин. Темные губы кривились, живя отдельно от белой маски лица. Ползли словно два парных червя, извивались, показывая темное мутное нутро за ними. Ведьма нарочно пугала Энцу.

Но с Мормором был уговор не вступать в конфликт и ждать... к этому времени и Донно уже наверняка спешит сюда.

У Джека аура – как слепящее солнце. Сложно пройти мимо.

Энца сама не могла этого ощутить, но так говорил Унро: еще когда начинали вместе работать, он похвастался, что отлично различает ауры, почти как медики.

И хотя Энца с самого начала не собиралась идти против ведьмы, ужас, охвативший ее до самых костей, помешал логически осмыслить ситуацию, и всего самообладания Энцы хватило только на то, чтобы уговорить Джека подойти к ней.

Энца не умела бояться опасности. Ее ужас переплавлялся в судорожное, навязчивое желание располовинить это существо.

Повернуться к этому спиной и уйти Энца уже не смогла бы.

– Я думала, ты придешь раньше, – сказала Эли.

Нет, не Эли. Ведьма.

Настоящая Елизавета лежит в больнице. Она не дышит, не двигается, замерев на самом краю смерти. Один из следователей говорит, что ведьма украла ее дыхание и живет им. Потому и тело бережет, чтобы заемная жизнь не иссякла раньше времени.

Слишком долго была упокоена ведьма, чтобы теперь она могла без лишних усилий затеряться среди обычных людей.

Это потом еще разберутся, насколько случаен был выбор жертвы и когда именно подменили Елизавету. Пока все это Энцу не трогало. Мир сузился до пятка света на краю одной из аллей парка.

Джек молчал, стоя за ее спиной, и это пугало не меньше. Джек обычно не молчит, он спрашивает, язвит, болтает.

Ну да ничего. Осталось только подождать Донно.

Фонарь вдруг моргнул, и тьма на мгновение стерла окружающее. Глухой стеной подступила тишина, только мертво зашептал ветер в сухих листьях. От стылого воздуха болью сжалось в груди.

В белесом круге света она стояла одна. Пустота за спиной, пустота впереди.

На миг мысли спутались, и Энца быстро-быстро задышала. Так легко было бы взмахнуть парой секир и разрубить этот серый густой воздух, льдом жгуций грудь, тишину, липкий паутинный свет, – разрубить на клочки, и вернуться обратно.

Ведьма.

Ведьма морочит.

Энца отпрянула назад, вновь оказываясь в обычном пространстве, а ведьма – совсем близко, и глаза ее словно грубо намалеванные пятна на куске плохо размятой глины...

...тончайшей фарфоровой маски, и в прорезях – многогранная синева сапфиров.

...и снова кривая усмешка на обычном человеческом лице.

Гадливо вздрогнув, Энца вновь подавила жгучий порыв наискось разрубить ее. Рядом Джек.

Неверное движение, обман ведьмы – и он будет задет.

Почему он молчит?

– Зачем... тебе Джек? – с трудом ворочая языком, спросила Энца. Надо было занять мысли чем-то, кроме навязчивого зуда в руках.

И потянуть время.

– Мне он нравится. Он мой.

Ведьма склонила голову к плечу.

– Он никогда не кончается, – довольно сказала она, и Энцу замутило. – Сколько бы я его не пила, он не кончается. И очень послушный... ну, правда, он иногда сбегал от меня... но всегда возвращался!

Ведьма с торжеством посмотрела на Энцу и скривилась.

– А ты его отнять решила, да? Я сразу поняла. Хотела тебя убить.

Думала, что ты быстрее придешь, поэтому писала. Правда, ты совсем пустая, тебя не съешь.

«Осталось совсем чуть-чуть, скоро тут будут Донно и остальные», – сказала себе Энца, но это не помогло. Плечи сводило от напряжения.

– Только ты опоздала, – вдруг жестко сказала ведьма, – Джек уже целиком мой. Надо было приходить раньше. Он ведь сбегал все время, хоть и не понимал этого. Шел к вам за помощью. А ты проморгала. Теперь он только меня слушается.

На миг ведьма замерла, наслаждаясь моментом, потом пропела:

– Дже-ек! – и тот деревянно шагнул вперед, хотя Энца уперлась ему локтем в живот, пытаясь удержать за своей спиной. – Мы побалакали уже. Я хочу, чтобы ты задушил ее. Давай, Джек, задуши эту маленькую занозу.

Ее голос глухим ватным эхом отдался в ушах Энцы, а потом Джек развернул ее к себе, и ледяные ладони жестко сомкнулись на шее.

Энца захрипела, схватив его за запястья, пыталась позвать, но не выходило ни звука. Джек приподнял ее над землей и ноги Энцы повисли в воздухе. Она изо всех сил сжимала его запястья, пытаясь перебороть и понимая, что сейчас все ее мастерство – ни к чему.

Это был не Джек. Это был тот чужой и холодный человек, который говорил ей по телефону «не до тебя сейчас». И хотя у него было лицо Джека и глаза Джека, он пах по-другому, какой-то мерзкой дрянью, прелым табаком и старыми тряпками.

Но даже и этому человеку она не могла причинить вреда.

Длинные пальцы впивались в кожу, перекрывая дыхание, сжимая гортань. Энца забилась, пытаясь достать его ногами, перед глазами поплыли огненные круги.

Ведьма что-то сказала, совсем рядом, но резкий свист, нарастающий в ушах, не давал ничего услышать, и последнее, на что Энце хватило сил – это отпустить руку Джека и резко выбросить в сторону ведьмы длинный клинок.

Сознание стремительно уплывало, падая за черный горизонт. Последним оставалось бледное размытое пятно, которое сузилось в точку.

Точка схлопнулась, и боль прекратилась.

Джек все видел. Его разум был кристально ясен, как никогда.

Со звуками была проблема – запаздывали. Да и в памяти дыры: как он оказался здесь, и где именно это «здесь», Джек и представления не имел.

Но судя по тому, что Энца готовилась кого-то крошить, ситуация была как всегда... хм, не из тех, куда попадают здравомыслящие граждане.

Видимо, и у Энцы с головой были какие-то проблемы, потому что крошить она собиралась не монстра, как обычно, а весьма симпатичную даму. Даму это обстоятельство почему-то не смущало, – и значит, она тоже была непроста. Опять какой-нибудь чудо-некромант или удивительно сохранившееся умертвие?

Хуже всего, что Джек не мог двигаться. Тело ощущалось по факту – что оно где-то есть вокруг, снизу... или еще как может ощущаться тело мозгом, не имеющим власти ни над чем, кроме самого себя.

Вот уж как всегда, влипли так влипли.

Стоп.

Тут была Эли – Джек вдруг ясно вспомнил недовольные синие глаза, жесткую хватку пальцев на локте – и встревоженную Энцу.

В доступном ему поле зрения женщины не было. Может, смогла убежать?

Хорошо бы.

Дама что-то сказала, и Энца вдруг дернулась, судорожно сжимая клинки. Воздушные полупрозрачные лезвия постоянно трансформировались, то расширяясь изогнутыми ятаганами, то щерясь зубьями пилообразных мечей.

Энца была крайне напряжена, – противник был силен. Или не противник? Может, они обсуждают что-то постороннее и ждут чудовище?

Тогда какого беса Джек не может двигаться? Кто это сделал с ним?

В доходивших до него обрывках речи Джек слышал и свое имя, а потом дама посмотрела прямо на него и позвала.

Его тело шагнуло вперед, и Джек отстраненно поразился этому дикому чувству, когда то, что ты привык считать только своим, движется само по себе.

Его руки, самые обычные руки, – на левой пожелтевшие от никотина ногти, на правой с краю длинный шрам, – взяли Энцу за шею и стали давить.

Если в его гребаной жизни и были дерьмовые моменты, то он себя обманывал. Хуже, чем сейчас, ничего еще не происходило.

Я убью тебя, сказал он тому, кто это сделал с ним. Дай мне добраться до тебя, я разорву тебя этими же руками.

Что ты медлишь, Энца? Ведь ты можешь одним ударом... ну какого беса ты смотришь на меня, я не могу ничего сделать, не могу. Тебе всего раз махнуть, и ты будешь свободна.

Я ведь себе этого никогда не прощу.

Темноволосая баба что-то сказала, совсем рядом, и глупая Энца

потратила последние силы, чтобы достать ее.

Джек взвыл про себя, когда ее глаза закатились, и она обмякла. Сколько прошло времени? Сколько там надо человеку, чтобы задохнуться?

Сухой треск со стороны темноволосой бабы, ее злой вопль, снова треск и топот бегущих ног.

Сквозь кончики пальцев к самому сердцу рванула волна резкой, ослепляющей боли, и к Джеку вернулось его тело.

Всего на миг – чтобы торопливо разжать пальцы, развести руки в стороны в нелепой попытке что-то поправить, а потом мешком осесть на асфальт, пытаясь одновременно удержать еще и Энцу от падения.

Мимо его лица по тускло освещенному асфальту бежали чьи-то ноги, уши разрывало от непривычной какофонии звуков.

– Сбежала, блин! – заорал кто-то. – Мормор, пошли троих с той стороны! Роберт, посмотри, что там с этими!

– Я сам, – раздался рядом глубокий сильный голос Донно, и Джека перевернули на спину, отодвигая от Энцы.

– Помоги ей, – сипло сказал Джек. – Я душил... я ее душил...

Донно не сказал ему ни слова. Даже не ударил его, хотя Джек ждал и был готов принять. Донно не смотрел на него, забрал обмякшее тело Энцы и побежал прочь.

Роберт помог Джеку встать и дойти до машины. К тому времени Донно уже уехал на своей, и они добирались на служебной, вместе с одним из следователей.

Кажется, это был тот парень, который летом снимал у Энцы показания по делу пси-вампира.

По дороге Роберт кратко вводил его в курс дела и пытался расспрашивать, но Джек не отвечал: голова трещала, словно наполненная перекатывающимися камнями. От былой кристальной ясности чистого разума не осталось и следа.

– Никуда не уходи, – сказал Роберт, когда они зашли в приемное отделение больницы.

Была уже глубокая ночь. Холл едва бы освещен и безлюден. Роберт оставил Джека с оперативником и ушел за врачом.

Сова усадил Джека в одно из жестких кресел вдоль стены, а сам устроился перед ним на корточках и снова начал задавать вопросы.

Джек отмалчивался. Были бы силы, тоже расспрашивал, но сейчас их едва хватало, чтобы сидеть ровно, не сползая на пол кучей протухшего желе.

– Ты бы сгонял, – тоскливо сказал Джек, прерывая его на полуслове. –

Спросил, как там она.

Сова вздохнул, потом присел рядом.

– Я тебя пока оставлять не могу, – сказал он. – Мало ли что. Роберт сейчас придет, расскажет.

– Меня тошнит, – невнятно пожаловался Джек. – Почему я в одной рубашке и брюках? Где мои сигареты? Почему она мне не врезала? Я бы себе и руки бы отрубил за такое...

– Ну ты как скажешь, – фыркнул Сова. – Совсем тебе мозги-то запороли. Эх, твою ж за ногу, упустили мы ее.

Сова расстроился, вспомнив недавнюю неудачу, и они оба долго молчали, пока не приехал еще один оперативник, молодой парень, которого Джек не знал. Он отчитался Сове о проведенных розыскных мероприятиях, выслушал бранную тираду, а потом появился Донно.

– Все в порядке, – сказал он. – В относительном, конечно. Сейчас спит. Внутренние повреждения не критичные.

– К ней можно? – спросил Джек.

– Нет, – резко сказал Донно, потом отведя глаза, сказал мягче: – Ты сам должен на осмотр пойти.

– Я в порядке. Как-нибудь обойдусь.

– Не выделяйся, Джек, – нетерпеливо сказал Сова. – Тебе мозги вон сколько промывали. Надо снять остаточные следы воздействия и прочее.

– Да ладно, – криво усмехнулся Джек. – Скорее вам интересно посмотреть, что там на меня ведьма навешала? Может, еще что на благо государства нужно сделать? А? Ты не стесняйся, я привыкший.

– Шеф, – сказал оперативник, – что, может помочь? Я его щас могу заломать и куда надо дотащить, если выделяется.

– Даже и не думай, – тут же сказал Джек, вставая с кресла. Его лицо побледнело еще больше.

– Да ладно, – презрительно сказал оперативник. – И не таких обламывали.

Донно быстро встал между ними и предупредительно сжал плечо Джека. Джек резко скинул его руку, оттолкнув от себя. Оперативник тут же влез между ними и мгновенно получил от Джека по уху.

Когда Роберт показался в конце коридора, Сова и Донно пытались растащить дерущихся, потом Донно плечом оттолкнул оперативника, схватил Джека за руку и вывернул за спину. Сова подхватил своего подчиненного и зло отчитал.

– Эй, ребят, вы там чего? – окликнул их Роберт, приближаясь.

В ответ Донно выругался.

Едва он заломил руку Джека за спину, как в грудь воткнулся огненный штырь боли, внутренности скрутило в тугой ком. Четкое жуткое ощущение, будто железными граблями кто-то скребет живот, вспарывая кожу.

– Роберт! – крикнул Донно, прерывисто дыша. – Роберт, твою мать...

– Что случилось? – совсем рядом голос напарника.

– Прерви... контакт... быстро!

Костлявая ладонь Роберта резким отсекающим движением мелькнула перед его глазами, и маг, вклинившись между ними, толкнул обоих в разные стороны.

Джек упал на пол ничком – уже без сознания, а Донно согнулся, прижимая кулаки к животу. Его мутило.

– Это... Джек, – все еще задыхаясь, сказал он. – Осмотри его, мне все блокировки снесло... я чуть не поплыл.

Роберт кивнул остальным, и они втроем осторожно перевернули Джека на спину: тот только застонал, не приходя в себя.

– Врач там бумаги заполняет, – сказал Роберт, проводя ладонью над телом. – У Джека с собой никаких документов, едва уговорил прямо сейчас оформить, мало ли что... мало ли что.

Роберт нахмурился, повторив свои слова, а потом быстро расстегнул рубашку на Джеке.

– Твою ма-ать, – выругался Сова. – Бранденхост, давай быстро в ординаторскую, зови врача сюда. Что ж он молчал, сука такая?

Грудь Джека до самого пояса покрывали пятна кровоподтеков, кое-где уже старые, выцветшие, и свежие, почти черные. Под сильно выступающими ребрами кожа была разодрана в клочья – Донно живо вспомнил ощущение железных граблей на животе, и его снова замутило. Разрезы едва зажили, и были совсем недавними.

– Угомонись. Ничего тут смертельного нет, живой же, – сказал Роберт. – Со спины еще что-то чувствую, помоги перевернуть.

– Должно быть, больно, – скривился Сова.

– Не то слово, как больно, – мрачно ответил Донно. – Только на нем какие-то кривые чары висят, отчего он сам ничего не чувствует. Я их краем задел сейчас.

На спине кровоподтеков почти не было, но вдоль позвоночника шла цепь круглых ожогов размером с ладонь. Роберт осторожно подержал над каждым руку.

– Отсюда ведьма жрала, – сказал он. – Напрямую. Проморгали мы. Был бы это не Джек, давно бы помер.

Сова опять выругался.

Донно отошел от них и тяжело опустился на кресла. Спрятал лицо в ладони и едва слышно застонал.

– Ты чего? – спросил Роберт. – Да живой он, чего ты убиваешься. Сейчас подлатают, будет как новенький, снова нас доставать...

– Да я об этом разве, – с досадой прервал его Донно. – Я уж и сам понимаю... Ты представь, как я это Энце рассказывать буду? Вот дерьмо...

Энца спала. Донно поправил тонкое одеяло, чтобы прикрыть ее горло, обезображенное пятнами кровоподтеков. Невольно вспомнил Джека.

Донно разрешили прикорнуть в палате – благо в ней больше никого не было. Роберт точно так же спал при Джеке, а Сова отправился домой.

Около трех ночи Энца проснулась. Донно, чутко спавший на составленных в ряд креслах из коридора, уловил изменение в дыхании, откликнул ее.

Первое, что она спросила, с трудом напрягая голос:

– Ведьма?..

– Ушла, – односложно отозвался Донно.

– Джек?

– Жив. Тут, недалеко.

Она хотела сказать еще что-то, но снова задремала.

История двадцать шестая. Желание спрятаться

Утро было солнечным. Сквозь широкие пластиковые жалюзи яркие ребра света ложились прямо на лицо.

Проснувшись, Энца долго не двигалась, глядя в потолок. Собирала мысли.

Что из того, что произошло вчера, было правдой?

Для того, чтобы осмотреться, пришлось встать – вертеть головой было больно. В висках глухо стучало, да и сглатывать было неприятно. Донно не было, зато на стуле рядом с кроватью дремала Анна.

Нет. Сначала Энца не поняла, что это Анна. Темноволосая женщина с небрежным пучком на голове, сидела на стуле, обхватив себя руками и низко опустив голову.

На краткий миг безграничного ужаса Энца подумала, что это ведьма.

Часть простыни в судорожно сжатой руке, выпала из пальцев ровно разрезанными полосами, когда Энца расслабилась, узнав Анну.

Энца осторожно погладила ее по голове – говорить она не рискнула,

потом подергала за плечо. Едва удалось разбудить.

– Ох, деточка, – устало сказала Анна, поднимая на нее глаза. На солнечном свете их бутылочная зелень засияла, но выглядела Анна плохо: похудевшее, осунувшееся лицо, потускневшие волосы.

Анна пересела на кровать и обняла ее за плечи.

– Мне Роберт позвонил с утра, я ничего не поняла, но ужасно испугалась. Ты сейчас не разговаривай, мне сказали, тебе пока нельзя. Я была у Джека, он тоже спал.

Магичка покрепче прижала ее к себе, окутывая терпким запахом духов.

– Ох, простите меня, – прошептала она. – Я ничего, совсем ничего не предчувствовала. Ни малейшей опасности. Не предупредила...

Энца погладила ее по спине, успокаивая. Самой было так же тоскливо. Анна еще в чем-то винит себя... и вряд ли Роберт рассказал, что их отдел уже два месяца – или больше? – держал Джека как приманку.

И как... как к этому отнесется сам Джек? Смогут ли они полностью снять с него то, что на него так долго накладывала ведьма?

«Он ведь сбегал все время, хоть и не понимал этого. Шел к вам за помощью». Слова с отвратительной точностью впечатались в память, и от боли снова перехватило горло. Вернется ли он окончательно?

Или теперь никогда нельзя будет повернуться к нему спиной?

Будто почувствовав что-то, Анна еще раз прижала ее к себе, а потом вернулась на свое место.

– Я привезла твою сумку, ее Донно из машины не вытащил и на работу увез. Я не знаю, что еще нужно было, и...

Анна замолчала, прислушиваясь к шуму за дверью. Дверь без стука распахнулась, и в палату влетел взъерошенный Саган.

– Анна! – воскликнул он. – Ты почему не предупредила, что в больницу едешь? Привет, Энца! Ты как?

– Он следит за мной, как курица-наседка, – печально сказала Анна. – Мне нельзя и шагу ступить, если я его заранее не предупредила. А если я в туалет пойду, надо сообщение писать с примерным временем возвращения? – повысив голос, спросила она. – Из-за тебя я начинаю вспоминать мою дорогую мамочку, а это, поверь, истории не для слабонервных.

– Не бурчи, – отмахнулся Саган. – Если бы ты не засыпала где ни попадя, я бы не волновался. Ну, рассказывай, что там у тебя, Энца.

Он присел на край кровати, потом спохватился, достал из сумки бумажный пакет и передал Энце.

– Я не знал, что тебе можно, купил пудинг. В моей больнице кормили

отвратительно.

Энца подняла большой палец, показывая, что все отлично, потом показала на горло и развела руками.

– Горло повредила? А что случилось-то? Джек, я слышал, тоже здесь где-то.

Энца отвела взгляд.

«Шел к вам за помощью. А ты проморгала», – словно склонившись к ее уху, произнесла ведьма.

Энца обхватила себя руками и ткнулась лицом в колени. Слышала, как встревожилась Анна, решив, что ей стало плохо. Плохо, конечно, плохо.

Ледяные пальцы снова сжались на горле, и чужой человек молча смотрел глазами Джека, как она корчилась, умирая.

Да сколько можно, одернула себя Энца, сколько можно. Она успела поймать за руку Анну, которая уже метнулась к двери, чтобы позвать дежурную медсестру.

Поймала и покачала головой: не надо.

Но даже если бы она могла говорить – сказать, что все в порядке, не получилось бы.

Анна и Саган развлекали ее почти час, потом поехали на работу. Чтобы Энца не скучала, оставили ей по книге. Энца полистала мифологический детектив Анны – «Четыре тени мертвой головы», надо же, – посмотрела кровавые иллюстрации в книге Сагана про месть воина-врага, и отложила их в сторону.

Мысли ели Энцу изнутри, и боль в поврежденном горле неприятным созвучием аккомпанировала душевной боли. Энца походила по палате, потом по коридору, пока ее не обнаружила и не загнала обратно медсестра.

Тошнило. Последнее время она постоянно расходовала энергию, никак ее не пополняя.

Придется кого-то просить. Опять трястись от страха, боясь навредить донору.

Думать об этом было еще хуже.

И Энца сделала то, что она не делала очень давно: спряталась. Это оказалось как всегда просто и как всегда до отвращения умиротворяюще. В темном углу между тумбочкой и стеной, под свисающими вниз полосами раздвинутых жалюзи, Энца обняла колени и замерла в безопасности. Хватит людей, хватит их отношений, запутанных и сложных, хватит уже всех этих тонкостей, разговоров и прочего. Достаточно.

Энца слышала, как заходила медсестра и растерянно выругалась, не найдя ее – смешная, тонким нежным голосом такие словечки. Слышала,

как буфетчица звала всех на обед.

Ей было тихо и спокойно.

Не надо было думать.

Когда уже стало темнеть, ее отыскал Донно.

И очень легко разрушил все искусственное спокойствие.

В палате было темно и тихо. Дежурная медсестра пожаловалась, что пациентка постоянно бродила по коридору – хотя там сквозняки, вы знаете, – потом и вовсе куда-то ушла. Но все верхние вещи на месте, так что где-то тут.

Донно сжал зубы, не дослушал медсестру, стремительно влетел в палату, даже не представляя, что делать, если Энца снова пропала.

Она была там – едва заметным клубком горькой и вяжущей вины, усталости и боли.

Донно заставил ее вылезти из угла и пересесть на кровать. Пододвинул ближе стул и сел, сцепив пальцы в замок.

Он не знал, с чего начинать, хотя по дороге сюда уже и решил, что именно будет говорить, и что должен быть предельно искренним.

Энца молча смотрела на него.

– Тебя выпишут на днях. Джека тоже. Пока мы проводим проверку и очистку его квартиры. На всякий случай.

Донно вздохнул.

– Я должен тебе сказать... он не хотел причинить тебе боль. Ведьма держала его под контролем. Это мы... не досмотрели. Сегодня уже приезжали врачи, маги-специалисты по негативным воздействиям. Они дают благоприятный прогноз. Постепенно все это уйдет, Джеку назначили терапию и постепенную чистку. Все уйдет.

Энца нерешительно кивнула, показывая, что слушает.

– Вчера мы спугнули ведьму, заставили ее уйти. Сова, кажется, попал по ней цепью чар, но боюсь, что для нее это не смертельно. Мы не снимаем наблюдение за Джеком, хотя, как показывает опыт, толку от следящих нет. И... Энца...

Девушка прервала его – сразу после слов о том, что Сова попал по ведьме, она стала искать свой телефон и набирать на нем сообщение. Теперь она показала Донно экран.

«Если бы я разрубила ее пополам, она бы умерла?»

– Я не знаю, – озадачился Донно. – Можно спросить у Роберта. Но думаю, что на какое-то время остановило бы. В старых сказках ведьм разрывали, привязывая к хвостам нескольких лошадей.

Горечь ее эмоций усилилась, и Донно невольно отодвинулся – слишком сильно. Что именно расстроило Энцу, Донно не понял, но ему надо было сказать еще одну вещь.

– Энца... мы не знаем, как работают чары ведьмы... когда мы ее спугнули, она сбежала, и Джек вернулся в себя. Это из-за увеличившегося между ними расстояния или из-за того, что она отвлеклась, непонятно. По факту, свой последний приказ она не снимала. Поэтому ближайшее время тебе к Джеку лучше не подходить. Никак.

Донно ожидал гнева, возмущения, неприятия... но после своих слов он поймал только куцый и невнятный огрызок эмоции – а за ней пустота.

Словно глухая стена.

Недоумевающая – может, блокировки усилились по какой-то причине, – Донно внимательно посмотрел на Энцу, потянулся погладить ее по щеке.

Она не отстранилась. Смотрела на него. Донно сдержал досадливый вздох – в ее взгляде он уловил старую настороженность, будто время откатилось назад, и Энца снова едва с ним знакома.

Снова набрала что-то на телефоне.

«Джек успел отдать ей свое стихотворение?»

– Нет, – сказал Донно. – Сам он не помнит, но врач говорит, что канал не проложен... да и ведьма бы за ночь его... Как других. Энца, только ему все равно досталось. Ведьма пила напрямую. Причиняла ему боль, и... присасывалась, такой способ тоже есть. Мы нашли следы.

Энца словно заледенела, замерла, сцепив пальцы на телефоне.

Уходя, Донно поцеловал ее как обычно, но Энца не ответила. «Я должен был сказать ей правду, – говорил себе Донно. – Не должно быть недомолвок...»

Он мог бы сотню причин, оправдывающих его, привести. Показать ей потерявшихся в горе родственников, у которых ведьма отняла близких. Но вряд ли это бы умерило боль.

Быть может, позже.

Джек выглядел отвратительно. Как больной старый дурак. После нескольких дней волосы спутались так, что расчесать он их не смог, только кое-как собрал в хвост, чтобы не мешали. Побрился. Лучше не стало.

Роберт заходил каждый день, болтал минут пять, потом еще полчаса дрых, привалившись к спинке стула. Видимо, на работе загоняли. Он приносил новости, разные мелочи, вроде зубной щетки и зарядки для телефона.

Остальные тоже приходили.

Донно – видимо, совесть мучила сильно, – приносил коробки с домашней едой.

А вот Энца не приходила.

Джек не представлял, как посмотрит на нее.

Их выписывали в один день, Джека утром, ее – ближе к обеду. Ему это сказал Донно, сказав, чтобы Джек не задерживался и ехал домой. Его машину подгонят на стоянку у больницы.

Поэтому Джек никуда не поехал, а остался караулить у выхода из больницы. Парень, который должен был за ним следить, сначала бестолково суетился вокруг, потом успокоился, когда Джек доходчиво объяснил, что никуда не двинется.

Энца вышла вместе с Донно. Выглядела разве что немного бледной – и это успокоило Джека. Он встал, чтобы подойти к ней, но между ними быстро втесался Донно и тот следящий маг.

Энца молча обогнула их и прошла мимо, так и не взглянув на Джека. Донно пожал плечами и пошел следом.

Джек еще больше ссутулился, прикрыв глаза. Не то чтобы он ожидал мгновенного примирения. Но... хотя бы чего-то. Не пустого взгляда.

Словно его, Джека, больше нет.

С того дня Джек не знал, что делает Энца: на работу он решил не ходить, сказал Финнбару по телефону, что завязывает со всем этим. Когда начальник попытался переубедить его, Джек повесил трубку.

Финнбар перезванивал, Анна, Роберт и даже Донно. Джек сначала поставил на беззвучный режим, потом вообще выключил. Ни черта не хотел с ними разговаривать. Разве сложно было понять?

Когда выключил, даже успокоился немного. Будто ношу сбросил. Да и сколько можно уже – столько времени работал, и даже когда думал, что отдыхает, оказывается, тоже работал – на отдел уголовных расследований.

Брал на себя idiotские обязательства и постоянно совал голову в петлю.

Ничего, найдется кто-нибудь другой вместо него.

Сначала Джек хотел вовсе забить на все это, но тут пачками свалились счета за телефон и квартиру, поневоле задумался о деньгах. Тогда он позвонил Винни и помирился с ним. В этом, конечно, была неприятная сторона: слишком уж Птичий павильон был близко к их флигелю, но при определенных усилиях встречи со старыми коллегами можно было избежать.

Не хочешь меня видеть, думал Джек. Да и хрен с тобой. Я всего лишь

собирался извиниться.

То, что порой было больно даже вздохнуть, когда он вспоминал тот вечер, он списывал на нервы. И на последствия магических воздействий. Винни, например, был жутко доволен, когда понял, что Джек пришел не просто так – а еще и со следами воздействия настоящей ведьмы. Он даже взялся сам хлопотать о переводе Джека к себе на постоянную должность.

Пообещал, что со своей стороны тоже будет способствовать скорейшему снятию этих крайне интересных и малоизученных чар.

По нездоровому блеску в его глазах Джек видел, что Винни врет, но ему было плевать.

Какая, в общем, разница.

Он видел ее пару раз, издали на стоянке – один раз выходила из машины Донно, другой – шла с Шиповник по аллее к флигелю. Оба раза он удачно увернулся от встречи.

Анна все пыталась затащить его в гости, но Джек сначала отговаривался, потом прямым текстом послал ее подальше.

Анна обиделась.

Да и бес с ней.

Еще он ездил к Елизавете: узнал у Роберта, где она. Правда, в палату его не пустили, охрана была серьезной. Палата вообще напоминала целую лавку артефактов – защита от ведьмы. Врач сказал, что основная связь между девушкой и ведьмой разорвана, и маги работают над тем, чтобы вернуть девушку в сознание.

Джек не мог определиться с чувствами к ней – в его путаных воспоминаниях Елизавета постоянно была рядом. Мысль о том, что на самом деле он не знал ее, а знал странное существо в человеческом обличье, сбивала с толку. В какой момент произошла подмена, он не смог бы сказать. Не с этими провалами и слепыми пятнами в памяти.

Долго, конечно, так длится не могло. Однажды они все-таки столкнулись нос к носу: Энца шла на дежурство в лабораторию, а он спускался, слегка пошатываясь, из четвертой лаборатории после очередной серии тестов.

Опять прошла мимо него, глядя в пол.

Джек понял, что стоит, сжимая до боли кулаки, и смотрит ей вслед. Унро, который был с ней, неловко поздоровался, но Джек его проигнорировал.

Джек вышел из здания и остановился, чтобы закурить. От гнева сводило пальцы, так что все никак не получалось чиркнуть колесиком зажигалки.

Дверь за спиной хлопнула, быстрые мелкие шаги простучали по крыльцу.

– Скотина ты, Джек! – неожиданно раздался голос Энцы, и она изо всех сил врезалась ему плечом в спину.

Когда Донно сказал ей, что с Джеком нельзя видеться, первое, что ощутила Энца, – краткое позорное чувство облегчения.

Не надо думать, что говорить, просить прощения. Не надо постоянно вглядываться в напарника, искать изменения и ждать подвоха. Или того хуже – просить прощения и не получить его.

Они уже сказали Джеку, что намеренно подставили его? Слышал ли он, что говорила ведьма?

Знает ли он, что когда он пропал, Энца решила, будто все в порядке и просто перестала думать о всех странностях, которые сейчас казались просто-таки вопиющими и страшными?

Понятно было теперь, что Роберт тогда намеренно увел разговор в сторону, заставив ее чувствовать себя неловко за домыслы на пустом месте.

Это чувство облегчения больно укололо, мгновенно ожгло стыдом – и так же быстро пропало.

Будто ведьма положила холодные руки ей на плечи и легонько дунула в затылок. В голове заломило от темной боли.

Она видела, как встревожился и опечалился Донно. Ничем не могла его утешить: слишком устала.

На работе Джек и не появился – Финнбар пытался расспросить ее, что произошло, хотя наверняка что-то и так уже знал. Энца отделалась общими словами. Унро неловко поинтересовался, как ее самочувствие, а Шиповник молча отобрала кружку с растворимым кофе, вылила и заменила чаем, с имбирем и травами.

От их своеобразной заботы Энце было еще тошнее. Она убеждала себя, что возможно, когда закончится терапия и с Джека все снимут, можно будет поговорить – хотя что мешает сделать это сейчас? – и вернуться к старой работе.

Сейчас-то ей уже ничего не светило кроме переключивания бумажек. Даже в тренировочный комплекс ее не пустили: Барбанегры почему-то не было, а его заместитель без официального разрешения и разговаривать не стал.

Энца по мере сил помогала коллегам, которые тоже вовсе не пылали энтузиазмом – Унро был постоянно печален, а Шиповник раздражительна,

– видимо, до сих пор переживала утрату документов.

Донно звонил и писал, и от его мягкого голоса Энце становилось дурно. Он был слишком добр. Хотелось вернуться в его нежность, и понимание, и всепрощение... хотя какое там всепрощение? Разве это он с Робертом спокойно подставил Джека, чтобы посмотреть, кто клюнет?

Нет, это она не разглядела опасности. Это ее часть обещания – разбираться с чудовищами, и Энца подвела напарника. Донно действительно слишком добр. Он любит ее, а все о чем она думает – о своей вине в беде Джека.

Быть может, все страхи исчезли бы, если бы Энца вернулась жить к Донно. Как прежде спать в его объятиях, смеяться от щекочущих, колючих поцелуев. Снова пользоваться его добротой?

Если бы в этом мире было место, чтобы спрятаться в нем навсегда.

Энца окончательно поняла, что все не так, когда однажды ночью не смогла выключить свет, чтобы лечь спать.

Ей было страшно.

В углах скапливалась тьма, ощутимая и вязкая. Тихий шорох шагов будил ее – и Энца подскакивала, просыпаясь с тяжело бьющимся сердцем.

Каждый раз входя в свой блок в общежитии, Энца медлила на пороге – справлялась с тошнотой. До последнего мига, пока она не включала везде свет, ей казалось, что ведьма стоит посреди комнаты и смотрит на нее.

Это чувство было мерзким, непонятным и ослабляющим. Порой хотелось плакать – но после той ночи, когда она не смогла выключить электричество и спала, завернувшись с головой в одеяло, Энца решила, что так больше нельзя.

Наутро она продумала, как будет действовать.

Перво-наперво она спустилась в архив – попросила у Шиповник ее допуск и, не включая ламп, прошла мимо темных стеллажей к открытому зеву лестницы в подвал. Давно знакомые стеллажи – даже наощупь Энца ориентировалась отлично.

Все как обычно. Просто стеллажи, бумаги, стулья и столы. Не страшно.

Может, потому что ведьмы не могло быть во флигеле? Отчего-то – Энца сама не знала, – мысль о том, что флигель пустит в свои двери ведьму, казалась смешной.

Даже прореженные и ослабленные чары, наложенные Артуром, вряд ли пропустили бы настолько опасное и чуждое существо.

Следующим этапом была вылазка на крышу. Энца задумчиво постояла на краю, глядя вниз и вспоминая, как она падала тогда и ободрала колени.

И телефон разбился. Айниэль удивилась, что Энца вернулась.

Разум всего лишь привычно измерил расстояние до земли, не подавая сигналов иррационального страха.

Энца застегнула куртку, чтобы не мешалась, и, сделав сальто – из любви к искусству и просто чтоб лишний раз порадовать тело движением, – спрыгнула вниз.

Холодный октябрьский воздух принял ее в свои объятия, и будь здание чуть выше, Энца закрыла бы глаза, наслаждаясь этим полетом, но тут надо было следить, чтобы не попасть ни на битые кирпичи, ни в кусты.

Да еще в последний момент чуть не сбилась с траектории: совсем рядом истошно завопила женщина, отвлекая.

Потом пришлось долго извиняться и врать, что соскользнула с крыши нечаянно, – женщина оказалась преподавателем, которая срезала путь к учебным корпусам мимо их флигеля. Она решила, что видит несчастный случай или самоубийство – и хорошо еще, что не сообразила «помочь» падающей девушке чарами.

Но даже и так, ровно никакого страха Энца не испытала.

Следующим этапом – и гораздо более напряженным, был телефонный звонок. Вот уж перед ним Энца собирала в кулак всю свою волю – и страх был, как не быть, – но у Джека телефон оказался выключенным.

При мысли о возвращении вечером в общежитие Энцу затошнило. Темный и необъяснимый ужас продолжал прятаться где-то в подсознании.

Когда чуть позже она встретила Джека в Птичьем павильоне, растерялась так, что не сказала ни слова – но и он промолчал.

Только сейчас Энца подумала, что он тоже не пробовал выйти на связь. Наверняка, ему так легче. Джек ведь вообще не ищет никогда трудных путей.

Нервное напряжение, копившееся все эти дни вдруг излилось желчью и злостью, Энца сунула свою сумку в руки Унро и, пылая гневом, понеслась обратно.

Джек как ни в чем не бывало стоял на крыльце и прикуривал.

Ну, конечно.

Это она с ума сходит, пугается темноты и придумывает глупости. А Джек и в ус не дует. Он уже наверняка и из головы выкинул все, что с ними было.

Вот сейчас она и проверит, действует ли этот чертов приказ ведьмы.

***

Донно раздумывал над тем, что надо было и Роберта показать врачу,

пока они были в больнице – напарник последнее время был бледен аж до зелени, да еще и тайком стимуляторы лопал, пока думал, что Донно не смотрит.

Ага, не посмотришь за ним. За всеми надо смотреть – чуть отвернешься, сразу бесовщина творится.

Аппетита не было – хотя Донно вытащил Роберта на обед в кафе, чтобы тот точно поел как человек, напарник захватил с собой ноутбук и продолжал просматривать отчеты и сводки, мимолетно отвлекаясь на тарелку. Сам Донно ел только из железного принципа, когда-то вбитого в детстве – чтобы тело работало как следует, его надо питать.

Когда зазвонил телефон, Донно решил сначала, что снова начальство на ковер требует – последние дни их по два раза на дню вызывали, но на экране высветился номер Энцы. К удивлению Донно, в трубке послышался неуверенный голос Унро:

– Донно, вы далеко? Можете говорить?

– Далеко – от чего? – спросил Донно, дожевывая. – Говорить могу, что там у вас?

Странный шум на заднем плане. Что у них случилось?

– Что?.. – изменившимся голосом переспросил Донно, и Роберт поднял голову от ноутбука, заинтересовавшись.

– Сейчас буду, – кратко сказал Донно.

Отключил телефон и мгновение смотрел на Роберта.

– Джек и Энца подрались у Птичьего павильона, – сказал он. – Давай пулей.

– Ты вперед, я тогда заплачу за обед и догоню, – ответил ему Роберт, захлопывая крышку ноутбука.

Джек охнул, по инерции пролетев вперед и едва удержавшись на ногах.

– Ты что творишь, мелкая? – заорал он, разворачиваясь.

– Скотина! – просипела Энца, а потом врезала ему под колено носком ботинка и вцепилась в волосы, когда он, согнувшись, попытался отодвинуться.

– Больная совсем? – вопил Джек, отбиваясь от нее. – Мелкая дура! Я тебя тогда ждал, чтобы извиниться! Ты, блин, совсем с катушек съехала? Что ты о себе воображаешь? Задрала нос!..

Энца тут же врезала ему ладонью по носу, и Джек, уже не в силах сдерживаться, локтем двинул ей поддых, чтобы уgomонить. Энца еле увернулась, нырнула вбок, обходя его со спины и снова обеими руками

схватила за волосы, пиная его по голням. Джек страшно матерился, но Энца кричала громче, срывая остатки голоса:

– Это ты нос задрал! Свалил куда-то! Ты меня чуть не убил! Как ты вообще мог?..

То, что творилось перед Птичьим павильоном, Донно и в страшном сне не смог бы представить. Когда Унро сказал ему о драке, Донно – слишком наивно – представил активную перебранку. Тут же было настоящее побоище. Вокруг уже толпились маги: кто-то улюлюкал, ржал, пара умников подавали советы.

Деревья гнулись от сильного ветра, хотя к счастью ни один из дерущихся не использовал свои силы, но Донно с содроганием представил себе возможные последствия.

– Заходи с этой стороны! – крикнули рядом с ним. – Ван-Лир! Да не хлопай ты ушами, отомри!

Невысокий крепыш со сломанным носом приготовил какое-то плетение, судя по возникшему гудению магического фона.

– Эй, парень, ты что это задумал? – схватил его за плечо Донно.

– Сейчас сеть накинём, обездвизивающую, – пояснил тот. – Если умеешь, давай на подхват, правее. Надо обоих разом накрыть.

Донно слишком волновался, и ему не следовало бы лезть в общее плетение, но Роберта не было рядом, так что останавливать было некому.

Донно сосредоточился, пытаясь отрешиться от того, что происходило перед глазами: Энца, обхватив Джека одной рукой за шею, висела у него за спиной, другой рукой выкручивая размочаленный длинный хвост, а Джек пытался сорвать ее со спины. Когда он намеренно грохнулся назад, чтобы выбить из девушки дух, Донно со свистом втянул воздух в легкие, мысленно нащупал сеть, которую держал крепыш, и влил туда силу.

Сеть с противоположной стороны подхватил высокий беловолосый парень и втроем они опустили ее на дерущихся.

Изначально плетение сети было достаточно гуманизировано, только чтобы замедлить дерущихся, но не обездвизить полностью. Донно слишком торопился и нервничал, и вливая силы, нарушил плетение. На лету попробовал восстановить, но, кажется, еще больше усугубил: едва силовые линии чар опустились на смутьянов, Энца, которая в данный момент оказалась наверху, закричала от боли, выгнувшись.

Крепыш рядом выругался, потянул плетение, но оно не поддавалось больше: закоротило.

В это время Донно накрыло. Судорогой пронзило от пальцев рук до

самого сердца: волна боли, страха, гнева – слетела блокировка.

Энца кричала, Джек люто ругался, замедленными рывками двигаясь как сломанная кукла. Воздух сгустился, как перед грозой, и где-то на самом краю слышимости тонко завыл ветер.

Холодные жесткие пальцы сдавили затылок Донно, и голос Роберта сухо произнес:

– Отключайся от сети, дурак, пока хуже не сделал.

– Н-не... не могу, – почти застонал Донно. – помоги мне...

Пальцы Роберта резко сжались, ледяными когтями пронизывая череп, и Донно на мгновение потерял сознание.

Сеть разбирали общими усилиями под строгим руководством Роберта. Унро, по его же указанию, сбегал за врачом в медблок и теперь помогал Донно подняться – Роберт хладнокровно оставил напарника лежать там, где тот упал.

Собравшихся с трудом уговорили разойтись, подошедший врач – тот самый, что принимал Анну, – осмотрел всех троих и равнодушно сообщил, что отклонений нет. Заметно побледнел под острым взглядом Роберта и сбежал.

Роберт же усадил всех троих на крыльце Птичьего павильона и сухо отчитал.

– Зачем? – только и спросил Донно у Энцы, когда Роберт выдохся.

Энца помолчала. Потом, немного повернув к нему голову, но не глядя прямо, сказала:

– Я проверила. Все в порядке.

– Проверила – что? – спросил Джек.

– Прости меня, – сказал Донно. – Мне не надо было лезть сейчас, а я... пожалуйста, прости меня.

– Н-ничего... ничего страшного, – слабо сказала Энца и даже попробовала улыбнуться Донно.

– То есть как «ничего страшного»? – взвился Джек. – Как я – так сразу не разговаривать неделю и ногами бить, а ему, значит, можно?

– Заткнись, Джек, – устало сказал Роберт.

– Потому что он нечаянно, – отрезала Энца.

– Это называется «двойные стандарты», а ты мерзкая маленькая...

Энца повернулась и снова пнула его ногой.

Джек не стал терпеть, дернул ее на себя и заломил руку за спину. Энца яростно молотила кроссовкой по колену, а Донно явственно зарычал, и только Роберт удержал его от того, чтобы не влезть в свалку.

– Ну как дети малые, – умиленно проскрипел знакомый голос.

Застыв на месте, Джек и Энца подняли удивленные глаза. Заложив руки в карманы, над ними стоял Яков. Несмотря на промозглый холод, на нем был всего лишь грубый серый свитер с подвернутыми рукавами и мешковатые брюки.

– Еще когда вы летом подавали прошение о расторжении партнерских отношений, я подумал, что вы как два детсадовских малыша.

Джек выпустил руку Энцы, и они встревоженно переглянулись: оба успели позабыть о том своем прошении.

– Ну и тогда же я подал ваши документы в одно из дошкольных заведений для магов. В педагогических целях, для перевоспитания. Сегодня пришло письмо, спрашивают, почему вы не посещаете занятия.

Яков внимательно поразглядывал оторопевшие лица окружающих, а потом пояснил:

– Это шутка.

Пожалуй, он и сам привык к тому, что никакие его ухищрения в области юмора не вызывают одобрения, и потому был озадачен, когда Энца и Джек вдруг грянули дружным и слегка истерическим хохотом.

– Ненавижу ваши шутки, – сказал Джек, успокаиваясь. – А что вы тут делаете, шеф?

– Я не шеф, – поправил его Яков. – Меня же уволили.

Он коротко кивнул Роберту, скользнув взглядом по Донно и Унро, а потом вновь повернулся к Джеку и Энце:

– Послезавтра жду у себя, есть разговор. Постарайтесь не опаздывать.

Не дожидаясь вопросов – которые безответно понесли ему в спину, Яков развернулся и быстро удалился, заметно прихрамывая.

– Значит, так, – подытожил Роберт. – На сегодня хватит. Вы двое, по домам. Унро, продолжай, что делал. Донно, ты со мной.

Иногда Роберт умел говорить так, что ему не осмеливалось возражать и его собственное начальство.

Когда Роберт приказал им всем расходиться, Энца молча встала и ушла. В очередной раз подивившись вывертам женской логики, Джек тоже не стал задерживаться.

От той сети, которой их приложили, у него нещадно болели ребра, и разбираться, что он опять сделал в этой жизни не так, его совсем не тянуло.

Около десяти вечера в его дверь постучали.

Довольно-таки невежливо, громко – и, видимо, ногой.

Энца двумя руками держала объемный бумажный пакет с логотипом

магазина по соседству. Привычные кроссовки она уже сменила на тяжелые теплые ботинки – и потому стук вышел такой, как надо. Терпения Джека хватило только на полторы минуты.

Когда Джек открыл, она молча достала из бумажного пакета бутылку вермута и подняла повыше. На Джека она не смотрела.

– Ты же знаешь, не люблю эту сладкую гадость, – спустя пару мгновений сказал Джек.

Тогда Энца наконец подняла глаза и криво улыбнулась. Сунула ему в руки холодную бутылку и нырнула мимо него внутрь квартиры.

Запирая дверь, Джек пожаловался:

– Ты плохому научилась у этих своих друзей. Тоже любят, знаешь ли, без спросу заходить.

На пороге Энца остановилась, осматривая комнату.

– Интересно, как давно ты убирался, – брезгливо сказала она – все еще сиплым голосом – и поддела ногой пустую бутылку от пива, которая с шуршанием покатила по смятым пустым упаковкам от чипсов и шоколадных батончиков.

– Примерно с середины сентября, – прикинул Джек, стоя прямо у нее за спиной.

Сегодня от него пахло не обычным табаком и цветам, но перегаром и пылью.

– Проходи, – сказал он. – Есть, правда, нечего.

Шагнув словно через высокий порог, Энца вошла в комнату.

– Я с собой принесла два готовых ужина из магазина, там мясо, рис и овощи какие-то.

– Надеюсь, без перца. Терпеть не могу сладкий перец.

Энца сунула ему в руки пакет и решительно скинула куртку.

– Я думала, приду, напьемся и все обсудим, – сердито сказала она. – Как тут сидеть? Тут же помойка! Воняет! Ты что, вообще не чувствуешь? Давай так: ты греешь еду, а я сейчас начну убирать. А ты уже успел выпить, да?

– Кошмар, – закатил глаза Джек, – только пришла, уже командуешь. Откуда я знал, что ты придешь?

Но он улыбался, не мог остановиться.

– Мог бы догадаться, – буркнула Энца.

Свой, несомненно, дурацкий вопрос, что думает по поводу этого визита Донно, Джек удержал за зубами. Знает или нет, сердит или что там, Джеку нет дела.

Сейчас и здесь Энца сердито пинает бутылки от пива в центр комнаты

и шуршит пакетом, собирая в него мусор. Ворчит что-то.

И будто бы ничего не происходило. Будто бы все как раньше.

Пока они возились с уборкой – Энца заставила его выносить на улицу, к мусорным бакам наполненные пакеты, – алкоголь выветрился, а на полный желудок даже целая бутылка отвратительно сладкого вермута не так уж и опьянила. Джек пошарил в закромах и нашел початый коньяк. Энца скривилась, предчувствуя утреннюю тошноту и похмелье, но тем не менее вытащила из своей сумки вечный запас на голодный день – толстую плитку шоколада.

Спустя еще полчаса, четверть бутылки и треть фильма о приключениях боевой дамочки-археолога, Энца толкнула Джека в плечо и сказала:

– Ну... давай, рассказывай. Потом я расскажу.

Джек залпом выпил прямо из горла бутылки и молча ушел на кухню, чтобы покурить. Энце стало неловко, и – совсем неожиданно, – страшно. Она сжала кулаки, положив на колени, потом разжала, чтобы Джек не увидел.

Она не сказала Донно, что едет сюда. Чтобы быть честной, вообще ничего не сказала, когда он предложил сегодня переночевать у него. Просто отказалась. Шестым или седьмым чувством понимала, что в этот раз нельзя Джека оставлять одного.

Раньше не могла – настолько больно было даже смотреть на него. И вспоминать равнодушные чужие глаза и ледяные жесткие руки. Смерть подошла слишком близко, и оставила свою неизгладимую печать на них.

Донно тоже... Донно сегодня тоже едва не причинил ей непоправимый вред, но его Энца не могла винить: не видела злого умысла. Хотя и Джек был не виноват в том, что произошло, но его поступок ранил неизмеримо глубже.

Джек вернулся, опустился на пол рядом с диваном, где она сидела. Сел совсем рядом и сначала даже хотел опустить голову ей на колени, потом передумал и потянул Энцу за щиколотки к себе. Девушка оторопела, но не сопротивлялась: Джек выглядел слишком серьезно и печально. Он устроил ее у себя на коленях, обхватил обеими руками и положил голову ей на плечо.

– Блин, я забыл, что ты такая мелкая, – щекотно сказал он.

И потом, вместо всяких слов, ее окутал постепенно растущий слоями кокон энергии. Энца не могла видеть ее, не могла слышать, но чувствовала кожей, как невероятная сила окружает ее, словно золотистое с пузырьками шампанское. Она впитывала и впитывала, вспоминая наконец это

ощущение безграничных возможностей, кипящее в крови. Энца закрыла глаза и обняла Джека за спину, пальцами отбросив в сторону жесткие длинные пряди. Джек прерывисто вздохнул.

– Я бесполезное существо, Энца. Могу тебе вот только силы давать, да и то... И только кто-то взял и придумал, как меня можно употребить, как заявили вы и все испортили. С чего ты взяла, что было бы лучше, если бы я остался жив? Может, у нее был крутой план для спасения мира или больных каких-нибудь деток? А?

– Дурак ты, Джек, – ответила Энца. – Ну, а что бы я делала, если бы ты... умер?

– Переживала бы, да? – заинтересовался тот и шевельнулся, чтобы заглянуть в ее лицо.

– Причем здесь «переживала»? Мне бы опять запретили работать! И пришлось бы... даже не знаю, что пришлось бы. Наверное, бумажки перекладывать в архиве...

– Да ну тебя. Посмотри уж, до чего я тебя довел. Куда только мы не влипали.

– Джек... – не слушая сказала Энца. – Это я во всем виновата. Я же видела, что все неправильно, но решила не лезть...

– Фигня, – хладнокровно отозвался Джек. – Забей. Я и не так могу себя вести, и без всяких ведьм. Ты лучше расскажи, что за это время происходило? Роберт мне очень кратко изложил, а когда я сам пытаюсь разложить по полочкам, меня тошнит. Буквально. Выворачивает до зеленой слизи. Я имею в виду, до желчи.

– Знаешь, можно было и без подробностей, – проворчала Энца.

Потом она начала рассказывать – с самого первого замеченного всеми исчезновения перед Алым турниром. Джек отстраненно слушал. Будто пересказ старого фильма: вроде бы интересно, но как-то не верится, что такое в реальной жизни бывает. Август, как выяснилось, он помнил довольно хорошо, первую половину сентября тоже, а дальше пошли глубокие провалы.

– ...потом они оставили все бумаги у нас в кабинете, и когда вернулись, не смогли их найти... Шиповник разозлилась почти до слез. Яков уволился... а я смотрю, драконы-то низко летят... и прямо за лесом зарево...

– Ну да, а еще там видели великанов, – фыркнул Джек, поняв, что Энца заснула.

Подумал, что еще немного посидит так, потом переложит ее на диван, но сам не заметил, как привалившись головой к боковине, провалился в

сон.

Над серебряными шпилями столицы стояло жаркое зарево: драконы жгли город. Старый король оскорбил одного из них и жестоко поплатился. Белые стены рушились, дома пылали, река, протекавшая сквозь город, вспучивалась и поднималась облаком пара. Но Джеку было весело – он был самым настоящим драконом и все, что его сейчас интересовало – это возможность поймать восходящий поток, чтобы взлететь в морозную тишь высокого алого неба, а потом спикировать вниз, штопором ввинчиваясь в густой дым над городом.

История двадцать седьмая. Клинки и зубы

– Уже можно? – нетерпеливо спросила Энца, и Унро невольно шарахнулся в сторону: девушка бесшумно – и совершенно неожиданно для него, – оказалась рядом.

Она застыла, напряженная и неподвижная, и Унро поежился. Хоть и подпитываемая Джеком, ее аура была слишком темна. Клинки, пока еще узкие и нестрашные, ощущались едва слышным вибрирующим стоном, прерывистыми лунными дорожками в воздухе. Их близость нервировала юношу – иррационально. Он это и сам понимал, но справиться с этим не мог.

– Подожди еще, – сказал Джек. – Пусть Унро до конца просканирует, чтобы не напороться ни на что.

Унро и Энца прятались под защитой почти облетевших кустов, а Джек прислонился к капоту машины, закуривая.

Расклад был обычный: вечер, безлюдный тупик за гаражами у глухой стены жилого дома. Несколько жалоб от жителей соседних домов о том, что с наступлением темноты и до самого утра вся электроника работает со сбоями. Маг-бригада переслала кипу жалоб в Институт даже без дополнительного расследования, с пометкой на полях одной из бумаг: «Раз электроника, пусть маги смотрят, наших не гонять».

Унро что-то пробормотал, но Энца не расслышала и переспросила.

– Подтверждаю, – чуть громче, но все так же бесцветно сказал Унро. – Монстр-объект, не поддающийся магическим плетениям.

Когда Энца молнией ринулась вперед, вспарывая воздух двумя широкими серпами, юноша обреченно скорчился за кустом, зажимая уши, пока Джек не подошел и не толкнул его в плечо.

– Не валяй дурака, – сердито сказал он. – Чего скукожился? Ты должен

ее подстраховывать.

Уже после зачистки Джек поинтересовался у Энцы, что там с парнем случилось. Послушал трагическую историю обретения тайных знаний. Хмыкнул и перевел разговор на иное:

– Не хочу тебя расстраивать, но сейчас ты говорила совсем как незабвенная Айниэль, в тот день, когда она хотела нас слопать. Это твое «уже можно?». Да и впечатление было соответствующее. Посмотри, по мне мурашки до сих пор бегут.

Унро, как раз подошедший к ним, нервно оглядел Энцу – и по ее расстроенному виду понял, что шутка Джека была не так уж далека от действительности.

Но несмотря на все, Унро был рад.

Этим утром – так же как и предыдущим, и еще раньше, – юноша ничего хорошего не ждал. Вчерашняя ссора напарников навела уныние – видимо, та рабочая компания, к которой он привык за пару месяцев, уже и не соберется больше, хоть Финнбар и уверял, что уговорит Джека вернуться.

Шиповник пришла как всегда рано, сухо поздоровалась и отправилась заваривать себе чай. Последнее время это был напиток с явно выраженным горьким запахом полыни. За тем, что пил Унро, Шиповник больше не следила. Не то чтобы юноше нравилась полынь, но невнимание коллеги расстраивало.

– Привет! Шиповник уже пришла? – Энца влетела без обычного стука, молниеносно окинула кабинет взглядом и снова пропала.

Вошел Джек, лениво поздоровался и уселся на обычное место.

Унро так оторопел, что не нашелся, что сказать. Энца вернулась очень быстро, ведя на буксире раздраженную Шиповник.

– Ты только посмотри! – воскликнула Энца. – Я не знаю, что делать, но ты ведь наверняка в этом разбираешься?

Она дотащила Шиповник до Джека и ткнула пальцем в его небрежно затянутый хвост волос.

Унро живо вспомнил, как вчера Энца его практически выдернула, обеими руками вцепившись и выкручивая, ну, а Шиповник, которая этого не видела, вдруг нахмурилась, подалась вперед и провела обеими ладонями по встопорщенной волне волос.

– Там несколько колтунов, да и вообще почти не расчесывается, а он говорит, что острижет, – пожаловалась Энца, но Шиповник не слушала.

Стянула коричневую резинку с волос Джека и сунула Унро:

– Сожги.

Юноша машинально взял ее в руки и только потом удивился:

– Чего?

– Сожги, говорю, – нетерпеливо сказала Шиповник. – Еще мне нужен будет огонь и деревянный гребень.

– Что-то серьезное? – спустя миг спросила Энца. Джек молча нахмурился.

– Еще бы, – сердито сказала Шиповник. – Тут полдня с наговорами придется расчесывать. Нужен деревянный.

Унро вспомнил, что в сувенирной лавке у входа в Институт продавали деревянные расчески, и Энца унеслась покупать.

– У тебя узелки в волосах, – ворчала Шиповник, – и они воняют темной магией.

Джек уже битую неделю ходил на терапию в медблок, но там и слова не сказали об этом. Шиповник, послушав, фыркнула:

– Что они в этом понимают! Это старая магия, они наверняка и не догадались проверить, не навязала ли ведьма узлов. Еще и в одежде может быть что-то спрятано.

Пришедшая Энца срезала все узлы, которые нашла Шиповник, и колтуны, которые решено было не распутывать. И еще пару часов Унро и Энца шикали на входящих посетителей, чтобы те не мешали – с тихими наговорами и шепотками Шиповник расчесывала волосы Джека, пока тот – что еще от него ожидать, – дремал.

Звонил Винни, и даже приходил – при виде его рассерженной физиономии Энца растерялась на пару мгновений, а потом увела к Финнбару, натравив их друг на друга. Финнбар был рад, что Джек вернулся, и одновременно встал на защиту отдела и целостности штата, так что Энца оставила их наедине – пусть начальство разбирается. Если дело дойдет до мордобития, наверно, будет слышно, подумала она, спускаясь вниз.

Дискуссия была достаточно жаркой. Винни, конечно, тяжелее по весу, размышляла Энца, но Финнбар тоже не лыком шит, по утрам не пропускает тренировки, да и движения у него отточенные – видно, что неспроста. Девушка вспомнила, что ее перестали пускать на тренировки и расстроилась.

В их кабинете Джека уже расчесали и растолкали – и он, зевая в кружку с чаем, слушал рассказ Унро – снова о том расследовании, что они провели с Шиповник.

– Найти диспетчера или того, кто распорядился послать нас с тобой на вызов по «тараканам», – сказал Джек, обдумав услышанное. – После

пропажи документов вы сканировали помещение? Кто здесь был кроме вас?

– Я не сканировала, – буркнула Шиповник.

Ей не хотелось признаваться, что она настолько была взбешена, что не додумалась до этого сама.

– Здесь не было следов чужих, – осторожно заметил Унро. – Специально я тогда не смотрел, но я бы почувствовал, если бы так.

– Чужих – в смысле незнакомых? – спросил Джек. – Или чужих – в смысле тех, кто здесь не работает?

Унро задумался, прокручивая в памяти тот вечер.

– Ни то, ни то, – не очень уверенно сказал он. – Во всяком случае, никто из тех, что не бывал здесь в последнее время

– Энца, – рассеянно сказал Джек, – ты запиши, что надо узнать про диспетчера. И скажите мне еще раз – когда мы поднимались наверх, лестница привела не на второй, а на третий этаж?

– Да, – насупилась Шиповник. – Может, это как раз дало преступнику время сбежать.

– Или нам намекнули, где искать, – сказал Джек. – Это тоже запиши, Энца, вторая ниточка ко всему. Кто в это время был на этаже?

– Мы же не смотрели, – ответил Унро. – Сразу пошли вниз.

– Леди Гарброу обе, – одновременно с ним заговорила Энца. – И у Финнбара кто-то был. Или он по телефону говорил, потому что было слышно, как он смеется.

– И то хлеб, – одобрительно кивнул Джек.

По телефону узнать ничего в диспетчерской службе не удалось, и после обеда Джек и Энца лично отправились в Эллинский дворец: в Готическом крыле, недалеко от бывшего кабинета Якова располагался диспетчерский центр – несостоявшийся бальный зал.

Под высокими сводчатыми потолками, в резных стропилах гуляло многоголосое эхо, никогда не смолкающее, и порой в нем можно было услышать слова, которые не произносил никто из работавших там людей.

Старший диспетчер уныло выслушал вопрос Джека. Спросил, когда был вызов, и высоко вздернул брови, в печали на неизмеримо глупое человечество, которое постоянно донимает его бессмысленными просьбами.

– В июне? – переспросил он. – Я тогда работал в другом месте. Здесь был другой старший. Максимум что я могу сделать, это поднять записи и узнать, кто отвечал на ваш звонок.

Энца подумала, что они и сами могли бы это узнать – в дисциплинарном взыскании за дело с тараканами упоминалась и девушка-диспетчер, но ее имя напарники вспомнить не сумели. А старшему диспетчеру это наверняка проще и быстрее будет узнать, чем если они пойдут искать сами.

На обратном пути, когда они пересекали холл Эллинского дворца, у Энцы зазвонил телефон.

– Алло! Да, здравствуйте! Все хорошо, а у вас как? Что?.. подождите, я чего-то... Стин? Алло?

Джек увидел, как округлились ее глаза и она, опустив руку с телефоном, медленно повернулась. Такого тоскливого ужаса в глазах Энцы Джек еще никогда не видел, и инстинктивно шагнул к ней, хватая за руку. Проследил за ее взглядом.

Через холл, четко печатая шаг, к ним стремительно неслась женщина, высокая и подтянутая. Вся в черном: узкие брюки, мешковатая стильная накидка, развевающаяся за спиной... В ушах позвякивали массивные серебряные серьги, на руках по несколько браслетов, да еще и крупный янтарь на витой цепочке висел на шее. Короткие темные волосы, пронзительные карие глаза.

Джеку она напомнила Офелию, только та была более... крупной. И парадоксально, в разрезе глаз и очертаниях лица угадывалось сходство с самой Энцей.

– Дорогая! – воскликнула женщина низким, вибрирующим голосом. – Когда я узнала, я сразу же приехала! Я со всеми разберусь и все устрою.

Она ткнула в Джека костлявым пальцем, с черным острым ногтем и массивным кольцом.

– Это что, он? Вот этот?

– Она первая полезла драться, – поспешил заявить Джек, предусмотрительно отходя за Энцу.

– Драться?.. – осеклась дама.

– Тетя, а что именно вы узнали? – осторожно спросила Энца, перебирая в уме события последних месяцев.

– Прощу тебя, – поморщилась дама, – называй меня по имени, сколько раз тебе еще повторять. Что значит – «драться»? Ты же знаешь, тебе запрещено сражаться с людьми!

– Если вы про тот раз, – неуверенно сказала Энца, но Джек перебил:

– Я был не в себе, меня околдовали.

Темные глаза женщины опасно сузились, и Джек, не в силах сдержаться – уж очень дама забавно на все реагировала, – продолжил:

– И в архиве двери она сама решила ломать, я тоже не при чем.

– Замолчи, Джек, – прошипела Энца, наугад ткнув его под ребра локтем.

– Нам нужно поговорить, – сказала женщина, и ее голос был удручающе недовольным.

Энца сникла, кивнув.

– Давайте начнем все заново, – великодушно предложил Джек. – Вот меня зовут Джек, мы с Энцей работаем вместе.

– Это моя тетя... то есть, Стин, – после некоторой паузы среагировала Энца. – Она моя наставница.

Некоторое время Стин сурово глядела на Джека, а потом сообщила, уже более мягким тоном:

– Я приехала сюда с Серафиной. Ты помнишь Серафину? Она будет преподавателем, мы оформляем бумаги для разрешения на работу. Ну и раз такая оказия, я решила лично проверить все эти слухи, которые до нас доходят. Я понимаю, почему ты матери ничего не рассказываешь, но считаю, что меня ты должна держать в курсе всего, что происходит.

– А что за слухи-то? – убито спросила Энца. – Может, вранье какое...

– Это правда, что ты участвовала в Алом турнире? Твоя мать чуть с ума не сошла, когда увидела в турнирной таблице твое имя.

– А! – с облегчением сказала Энца, и Джек поспешно закашлялся. – Ну это как-то так вышло... А мама не смотрит же спортивные соревнования, я и не думала, что она узнает.

– Лично для меня было оскорблением, – отчеканила Стин, – когда я узнала, что ты от нас это скрала. Как твоя наставница я должна была присутствовать на турнире лично и руководить твоими тренировками.

Дьявольская мысль неожиданно посетила голову Энцы. Девушка даже сбилась с дыхания, обдумывая ее.

– Тетя, – печально сказала она и опустила голову еще ниже. – А ведь меня на тренировки перестали пускать.

– Ч... что? – Стин хищно подалась вперед, и Джек невольно отступил дальше. – Кто это не пускает?

– Начальство в Арсенальном павильоне сменилось, и мне запретили приходить без специального разрешения. А пока его оформят...

Энца подняла очень большие и грустные глаза.

– Ясно, – стальным голосом сказала Стин. – Ну разумеется, ты как всегда ничего не можешь сделать сама. Я сейчас же разберусь. Позвоню тебе через полчаса, надо будет встретиться на стоянке. Твоя мать передала тебе сумку.

Черными крыльями взметнулась накидка, и Стин, металлически печатая шаг, удалилась.

– Тебе не стыдно? – спросил Джек.

– Он очень грубо со мной разговаривал, – вздохнув, объяснила Энца. – Так же нельзя. Да и теперь у нас есть время упаковать вещи и доехать до границы, чтобы тетя нас не догнала.

Она подумала и добавила:

– Шутка.

– Безобразие, – покачал головой Джек. – И у кого ты только этому научилась. Ладно, идем уже. А кто эта Серафина? Тоже родственница?

– Не, – ответила Энца. – Это второе большое разочарование тети. Серафина младше меня на год. Тетя разглядела в ней потенциал и взяла к себе на тренировки. Но у Серафины стало портиться зрение: какое-то функционально-магическое расстройство, и мастера боя из нее не вышло. Тетя с ней почти не разговаривала до выпуска, потом помирились.

– Д-да уж, – только и сказал Джек. – И много у нее таких разочарований?

– Только два, – произнесла Энца.

Когда они возвращались во флигель, позвонил старший диспетчер, сообщил, что девушка, принимавшая в ту ночь вызов Джека, уволилась. Диспетчер сначала отказывался сообщать ее координаты, но когда Джек уже почти уломал его выслать данные на почту, связь оборвалась, вызов переключился на другую линию, и одновременно зазвонил телефон Энцы.

– А кому я сказал прийти ко мне сегодня? – скрипуче спросил недовольный голос.

– Кому? – поинтересовался Джек.

– А мы не знаем, где вы находитесь, – одновременно с ним растерянно сказала Энца.

Яков повесил трубку, и спустя пару секунд каждому пришло сообщение с кратким указанием маршрута. Потом еще одно: «Руки в ноги и сейчас же».

Пришлось идти, хотя Джек и предлагал настойчиво сначала зайти пообедать куда-нибудь, а там, авось, и рассосется.

Яков теперь сидел в одном из подвальных помещений Вдовьего дома, в окружении коробок, которые условно делили его новый «кабинет» на несколько секций. Помимо небольшого – и, видимо, не очень удобного – стола, в помещении была зеленая меловая доска и еще несколько письменных столов. Других сотрудников кроме Якова видно не было.

– А... кем вы тут работаете? – осторожно спросила Энца, в то время как Джек удачно вписался лбом в одну из труб, которые шли по потолку.

– Завхозом, – перекрывая поток брани, ответил Яков. – Присылают бумажки с запросами, сортируем, передаем кладовщикам. Ну и прочее.

– Так в чем дело-то? – спросил Джек, успокоившись.

– А дело в том, – сказал Яков и привычным жестом подпер подбородок сцепленными ладонями, – что меня завербовали.

Напарники мгновение молчали, потом синхронно спросили:

– Куда?

– А я не знаю, – легкомысленно отозвался маг. – Какой-то цирк. Вызвали для серьезного разговора, а у самих на входе – замаскированные плетения. Этакое страшилище красное, вроде как модная статуя... И отличненько так прополоскали мне мозги о том, в каком ужасном положении наше общество, маги, монстры и прочее. Предложили эту ситуацию изменить. А я разве против? Я всегда за правое дело. Ну, сговорились мы вместе всех спасти. И вот выхожу от них, и на крыльце задержался, заболтал секретаря, а сам просканировал эту статую. А на ней, оказывается, висит неплохой триггер на ментальное воздействие – стирание памяти. Идея мне понравилась – все, что происходит между двумя точками, первым взглядом на эту статую и последним, затирается.

– Красная статуя? Мы же ее видели. Издательство? – вдруг спросил Джек. – Это было какое-то издательство, с названием цветка, что ли...

Он задумался, вспоминая, а Энца подсказала:

– Амадина. Это не цветок, а птица, Джек.

– Тебе череп не жмет? – скептически спросил тот.

Энца отмахнулась:

– Да какая разница. Мы ведь там были, только... только опоздали, и нас не приняли

Они переглянулись, осознавая.

– Мы не опоздали, да? – расстроено спросила Энца Якова.

– Судя по всему, нет, – отозвался тот. – Жаль, что нельзя как в сказках, поковыряться у вас в головах и посмотреть, что там вам говорили.

– Думаете, заговор, да? – с энтузиазмом спросил Джек. – А нас возьмут?

– Вас уже не взяли, – ответил Яков. – А вот со мной больше на контакт не идут. Почему, я не знаю: ведь согласился же.

– А вы на самом деле согласились? – поинтересовалась Энца.

Яков посмотрел на нее поверх очков:

– Девочка моя, в искренности моих убеждений даже эмпат бы не

засомневался. И ведь как они подают материал! Самый упертый сухарь разрыдается, от того, как тяжело живется магам в нашей стране. Хотя вы, как видно, не разрыдались. Раз вам память стерли.

– А давайте свой заговор устроим, шеф, – предложил Джек.

– Доиграешься ты когда-нибудь, – с сожалением покачал головой Яков.
– Шутки шутками, но история неприятная. Гнилая, я бы сказал. Скинем сюда же все последние мероприятия, которыми нам запудривали мозги последнее время, и вырисовывается еще более интересная ситуация.

Джек открыл было рот, но Яков шикнул на него, уставив ему в переносицу широкий палец. Джек против обыкновения послушно замолчал.

– Историю помним, детки? – проскрипел Яков.

Он поднялся и встал позади своего стула, упершись руками в спинку. Блики света лежали на стеклах очков, не давая увидеть выражение глаз.

– Чуть раньше распада Империи и заключения Женевской конвенции, когда запретили использовать боевые артефакты, во время войны заградительные отряды и партизаны использовали так называемую тактику «пороховой пыли». Чтобы противник не смог обнаружить заложенные на его пути артефакты, по всей местности разбрасывались разные пустячки, бытовые амулеты, разбитые зачарованные сосуды и прочее. Поисковики фонили беспрестанно, и обнаружить среди этого мусора настоящую опасность было невозможно. Маг обнаружил бы, но солдат, вооруженный только поисковым артефактом – нет.

Яков замолчал, глядя на них.

Энца заговорила первой:

– Пробуждение ведьмы, – неуверенно перечислила она, – взрывы на турнире, убийства магов...

– Перестановки в руководящих кадрах, – с намеком продолжил Джек.

– Вполне может быть, что взрывами на турнире занимались не те, кого в этом обвиняли, – сказал Яков. – На всех допросах члены «Справедливой ассамблеи» утверждали, что не собирались причинять вред, а бомбы были безобидными хлопушками. В их словах не было лжи – подтверждено «слышащими правду». Если это так, то вырисовывается некая сила, которая стоит где-то там позади всех и дергает за ниточки. Они здесь, у нас – раз был доступ к архивам, там, у них в партии, и еще бес знает где. Пускают пыль в глаза, и не простую, а пороховую пыль.

– И... что же будет «боевым артефактом» на этом минном поле? – спросила Энца.

Ей стало неудобно. Скрипучий негромкий голос Якова отдавался эхом в

серых глухих стенах подвала. В паузах было слышно, как где-то капает вода и бурчит-журчит в трубах над головой. Рассказываемое Яковом одновременно казалось и домysлом, сплетней, какие любят печатать в еженедельных журнальчиках про неопознанное, и совершенно логичной, обоснованной и страшной явью.

Словно все это лето они шагали по ступенькам вниз, а теперь замерли на пороге в подzemелье, перед клубящейся темнотой.

– Мы в деле, – сообщил Джек. – С чего начнем? С того, что уже у нас есть или пойдём бить морды в «Амадину»?

Яков только вздохнул, но ответить не успел: дальше по коридору послышались шаги. Энца дернулась, прислушиваясь.

– Это тетя, – сказала она. – Она всегда меня находит.

Джек высоко вскинул брови, удивляясь такой прочной семейной связи.

– Тебя сложно не найти, – сухо сообщила Стин, появляясь у них за спинами. – Добрый день, Яков.

– Вы знакомы? – одновременно спросили напарники.

– Они всегда так разговаривают? – недовольно поинтересовалась Стин.

– Ужасно невоспитанные дети, – ответил Яков. – И вам доброго дня.

– Моя племянница, – высокомерно обронила женщина, – раньше себе такого не позволяла. По всей видимости, это ваше дурное влияние.

Она вдруг замешкалась, достала из сумки, спрятанной под накидкой, сверток.

Черная бумага, перевязанная бечевкой, зашуршала в руках Якова. Тот бережно принял сверток и спрятал его в столе.

– О, – заинтересованно прокомментировал это Джек. – У вас тайные отношения? Или еще один заговор?

– Отойдите немного в сторону, Стин, – ласково проскрипел Яков. – Я сейчас чем-нибудь тяжелым запушу в одного болтуна.

– Не стоит, – сказала та. – Мы уже уходим. Энца.

Женщина кивнула Якову и удалилась, не оглядываясь. Мужчины с интересом уставились на Энцу. Та была словно на иголках. Время, чтобы отказать тете, она упустила, а сидеть на месте, когда ей четко приказали уходить, было неловко.

Да и разговор с Яковом не закончился – нельзя было уходить.

– Ты сейчас пополам лопнешь, – сказал Джек, наблюдая за ней.

Энца вздохнула, отпуская напряжение.

– Давайте все-таки договорим, – решила она. – А потом я пойду догонять тетю. Скорее всего, там мама передала зимние вещи и какие-

нибудь вкусности.

– А что ты сразу не сказала? – возмутился Джек. – Какие заговоры и тайные общества? Пошли сразу, пока еда не испортилась. Перекинем в мою машину, если много.

– Посиди, – сказал Яков. – Определим фронт работ и валите на все четыре стороны. Во-первых, чем вы сейчас занимаетесь?

– Ищем диспетчера и того человека, по воле которого мы оказались на вызове с тараканами, – отозвалась Энца.

– Тонкая нитка, – покачал головой Яков. – Но и ее не надо упускать. Энца, напиши мне, как ты раньше делала, отчет по пунктам, что вы узнали за последнее время, плюс собери копии доступных документов. Принесешь лично, и пиши от руки, а не на компьютере.

– Хорошо, – кивнула Энца.

– Я по своим каналам пробью ваших диспетчеров, – добавил Яков. – Ну, а теперь бегите. А не то Стин что-нибудь нехорошее с вами сделает, жестокая женщина.

Стин, однако, спокойно ждала их, и ни слова не сказала о задержке. Энца запаниковала было, но потом подумала, что наставница, скорее всего, в курсе теории заговора Якова, раз уж что-то они там передают друг другу. Жаль, никто из них не расскажет, что это.

Сверток был не очень большим – может быть, сложенные бумаги? Или какой-то артефакт?

Стин молчала всю дорогу до парковки, и потом, задним числом уже, Энца поняла, что та просто готовилась. Из небольшой желтой машинки Серафины, на которой приехали обе женщины, Джек под руководством тети перегрузил в свой «бейнс» объемную коричневую сумку.

Для нападения Стин выбрала самый удобный момент: Джек еще не успел повернуться, отходил дальше, чтобы закрыть багажник, Энца стояла чуть боком к тете, думая, стоит ли поделиться продуктами с Джеком.

Стин послала небольшой шар-импульс поверх правого плеча Энцы – девушка резко повернула голову на хлопок, и в это время Стин мгновенно выпустила подготовленный воздушный цеп, чтобы ударить слева.

Джек хлопок не расслышал и почувствовал только железный привкус во рту. Краем глаза поймав не движение Стин, а рефлекторный замах Энцы, он успел схватить ее подмышки и рывком броситься в сторону, прочь от женщины.

– Ты сбрендила, что ли? – возмутился он. – Ты знаешь, сколько у нас будет проблем, если ты ее порубишь? Мы даже тело спрятать не успеем,

вон сколько народу уже смотрит.

Энца обмякла у него в руках и подняла несчастные, испуганные глаза:

– Я как-то не подумала...

– Да ты вообще не думаешь последнее время, – согласился Джек. – Чуть что – сразу в драку.

– Я не хотела, она же первая начала, – слабо пробормотала Энца. – Это у нее проверка такая – подкрадывается незаметно и бьет. Я просто сразу не сообразила.

– Джек, отпустите ее, – потребовала Стин, и на плечо Джека легла узкая ладонь в черной митенке.

Пальцы сжались, но Джек только на словах притворялся, что боится подобных дам.

Задвинул Энцу за спину и выпрямился:

– Я что-то упускаю? – он аккуратно отцепил пальцы Стин от плеча. – «Проверка»? Вы в курсе, что только что чуть не померли?

– О боги, яйца курицу учат, – зло фыркнула Стин. – В настоящем бою грош цена такой реакции. Сразу видно, что девчонка запустила тренировки...

– Тра-та-та, – презрительно отозвался Джек. – Она вас чуть пополам не разрубил, и никакого настоящего боя в любом случае тут бы не было.

Энца успела прийти в себя и влезть между ними – она видела, какой тонкой и мерзкой стала улыбка Джека и как сузились глаза Стин.

Энца взяла Джека за рукав куртки, но к тете прикасаться не стала – та не терпела подобного.

– Тетя, прости, – напряженно сказала Энца, пытаясь нащупать верный тон и слова. – Я, правда, без задней мысли... не хотела причинить тебе вред. Как-то глупо вышло, да?.. – девушка вымученно улыбнулась. – Просто не ожидала, и на автомате...

Стин даже не нашлась что сказать сразу – а Джек привычно двинул челюстью, подавляя смешок. Энца, балда этакая, просила прощения совсем не за то. Точнее, вообще не надо было просить, но так еще хуже было – грозная наставница только что едва не потеряла лицо, и подчеркивать это было верхом глупости.

Он незаметно толкнул Энцу локтем и, поймав ее взгляд, неодобрительно качнул головой.

– Ты, наверно, устала, – неуклюже меняя тему разговора, словно разворачивая переполненный грузовик на скользком серпантине дороги, сказала Энца. – Хочешь, ко мне пойдём, отдохнешь? Поговорим, мама наверно, много чего передала...

– Позже, – резко ответила Стин. Потом, вспомнив что-то, спросила: – Ты, конечно, и не собираешься к матери в канун Дня мертвых?

– Нет, – растерялась Энца. – Я же ей говорила... у меня отпуск только в конце года.

– Что еще от тебя ожидать, – презрительно поджала губы Стин и отправилась по своим делам, бросив, что еще позвонит сегодня.

Джек и Энца некоторое время стояли, глядя ей вслед.

– Поехали жрать, – наконец сказал Джек.

В другой раз Энца напомнила бы ему, что они уже обедали, и пора идти работать, но не сейчас. Она малодушно подумала о кружке пива со специями, но никакое расслабление нервов не стоило возможного расчленения, которое последует, если тетя почует от нее не тот запах.

По дороге во флигель – после нескольких гневных звонков Шиповник и пары сообщений от Унро с робкими увещеваниями, – сытые и потому благодушные напарники сделали крюк по аллее и шли мимо Чайного домика. Энца снова пересказывала историю эпической битвы Шиповник и чудовища в глухих лесах под Хрыпно, но их дружное хихиканье резко оборвалось, едва они поравнялись с Чайным домиком. Над ровным газоном с пожухшей травой поднимался столб синего пламени. Основанием ему было небольшое призрачно-голубое озерцо.

Столб был высотой с человека, и в том месте, где у него должно было быть сердце, красным огнистым маревом сияли руны.

Пока Джек, близоруко щурясь, вглядывался в мерцающие знаки, Энца трясущимися руками набирала номер Донно.

Она не вспоминала о Донно с самого утра – после того, как ответила на сообщение с пожеланием доброго утра. Сегодня они с Робертом были на дежурстве, поэтому он о себе не напоминал. Ни словом, ни мыслью он не появлялся в ее голове.

А что, если?..

Энца даже не смогла говорить, когда в трубке раздался спокойный голос Донно, от облегчения у нее пропал голос. Джек осторожно отцепил ее пальцы от своего рукава и, сжав их в ладони, другой рукой отнял телефон.

– Здорово, – сухо сказал он. – Мы у вашей конторы. Тут Место памяти. Помолчал немного, внимательно слушая, и сердито сказал:

– Предупредить мог бы, она тут чуть не шлепнулась, – потом мягче: – Сочувствую. Хороший был парень... Что? Да, приедем, конечно.

Выключив телефон, отдал его Энце и мрачно сощурился на Место памяти.

– Это Паладин. Помнишь, тот, который тебя летом допрашивал. Парень из «слышащих правду». Погиб сегодня.

– Да осветят путь его звезды, – тихо сказала Энца.

Джек кивнул.

– Донно сказал, что после дежурства они с Робертом будут нас ждать.

Энца только печально вздохнула. Это у Джека была счастливая способность исчезать и появляться в жизни окружающих так, будто это было в порядке вещей. Донно, кажется, и не удивился, что по ее телефону говорил Джек. А вот ей еще предстояло все объяснять.

Хотя что объяснять?.. ох, да еще и Стин, которая тоже скорее всего потребует встречи... порой Энца весьма сожалела о своем существовании в этом мире.

Гораздо проще быть бесплотным призраком, и носиться себе в порывах ветра: ничего никому не должен и не обязан.

Джек закурил, искоса поглядывая на притихшую напарницу. Скорбная складка у губ – неужели так расстроилась из-за смерти почти незнакомого человека? Маленькая, но жесткая ладонь в его руке совсем холодная, а обычно гораздо горячее. Энца послушно дала довести себя до флигеля, и перед самой дверью поспешно выдернула пальцы.

Хотя чуть позже выяснилось, что мастером боя тоже быть неплохо – Унро передал, что вечером их вызвали на неотложное дело по профилю, уровня «зет», монстр-объект, не поддающийся чарам.

Предвкушение, азарт и отмена всех личных планов на вечер моментально выбили из Энцы все упаднические мысли.

Спустя пару мгновений после того, как Унро дал отмашку и Энца рванула к монстру, из темноты до них донеслось восторженное: «В нем клинки вязнут!», и Джек ухмыльнулся. Унро только еще больше съежился и зажал уши ладонями.

Оставшись одна этим вечером, Шиповник не скучала: доделала доклад для семинара, оформила несколько справок по закрывающимся делам. Помогла в архиве обеим Леди Гарброу, а потом по их просьбе понесла Финнбару на подпись отчеты.

Начальника на месте не было – видимо, вышел покурить. В отличие от Джека, он постоянно пытался бросить, и начинал снова только когда сильно нервничал – обычно после очередной головомойки из ректората. Шиповник не знала, в чем дело, но Леди Гарброу шепотом рассказывали, что Финнбар повздорил на прошлом собрании с кем-то из вышестоящих, и

против архива развернули нешуточную кампанию.

Шиповник положила стопку бумаг на стол и рассеянно огляделась, размышляя, стоит ли подождать или оставить записку, что бумаги от Леди. Бумаги и записные книжки Финнбар хранил в ящике, на столе у него был только ноутбук и две ручки. Финнбар как-то пытался намекнуть, что подобный порядок он бы хотел видеть и у своих сотрудников, но несмотря на все усилия, справиться с бумажным потоком папок и документов никому не удалось.

Пока Шиповник, старательно продумывая слова, составляла записку, ноутбук Финнбара монотонно попискивал, и на экране то и дело всплывали уведомления о новых письмах. Шиповник могла только посочувствовать начальству – ни мгновения покоя.

Финнбар вернулся, когда Шиповник стояла у окна, нахмурившись, и рассматривала что-то внизу. Финнбар и сам устал, но считал, что подчиненным настроение надо поднимать – здоровый дух в здоровом теле и все такое, – дежурно пошутил, устраиваясь в кресле. Шиповник сердито хмыкнула в ответ и указала на документы.

Финнбар постоял немного рядом, пытаясь что-нибудь разглядеть за темным окном. Но в стекле был виден только светящийся монитор его ноутбука, который он забыл закрыть, уходя на перекур. Шиповник нервно дернулась, когда он к ней обратился, и Финнбар решил больше не трогать ее, отпустил домой.

Как выяснилось спустя некоторое время, Финнбар был последним, кто видел девушку.

История двадцать седьмая. Клинки и зубы

– Уже можно? – нетерпеливо спросила Энца, и Унро невольно шарахнулся в сторону: девушка бесшумно – и совершенно неожиданно для него, – оказалась рядом.

Она застыла, напряженная и неподвижная, и Унро поежился. Хоть и подпитываемая Джеком, ее аура была слишком темна. Клинки, пока еще узкие и нестрашные, ощущались едва слышным вибрирующим стоном, прерывистыми лунными дорожками в воздухе. Их близость нервировала юношу – иррационально. Он это и сам понимал, но справиться с этим не мог.

– Подожди еще, – сказал Джек. – Пусть Унро до конца просканирует, чтобы не напороться ни на что.

Унро и Энца прятались под защитой почти облетевших кустов, а Джек прислонился к капоту машины, закуривая.

Расклад был обычный: вечер, безлюдный тупик за гаражами у глухой стены жилого дома. Несколько жалоб от жителей соседних домов о том, что с наступлением темноты и до самого утра вся электроника работает со сбоями. Маг-бригада переслала кипу жалоб в Институт даже без дополнительного расследования, с пометкой на полях одной из бумаг: «Раз электроника, пусть маги смотрят, наших не гонять».

Унро что-то пробормотал, но Энца не расслышала и переспросила.

– Подтверждаю, – чуть громче, но все так же бесцветно сказал Унро. – Монстр-объект, не поддающийся магическим плетениям.

Когда Энца молнией ринулась вперед, вспарывая воздух двумя широкими серпами, юноша обреченно скорчился за кустом, зажимая уши, пока Джек не подошел и не толкнул его в плечо.

– Не валяй дурака, – сердито сказал он. – Чего скукожился? Ты должен ее подстраховывать.

Уже после зачистки Джек поинтересовался у Энцы, что там с парнем случилось. Послушал трагическую историю обретения тайных знаний. Хмыкнул и перевел разговор на иное:

– Не хочу тебя расстраивать, но сейчас ты говорила совсем как незабвенная Айниэль, в тот день, когда она хотела нас слопать. Это твое «уже можно?». Да и впечатление было соответствующее. Посмотри, по мне мурашки до сих пор бегут.

Унро, как раз подошедший к ним, нервно оглядел Энцу – и по ее расстроенному виду понял, что шутка Джека была не так уж далека от действительности.

Но несмотря на все, Унро был рад.

Этим утром – так же как и предыдущим, и еще раньше, – юноша ничего хорошего не ждал. Вчерашняя ссора напарников навела уныние – видимо, та рабочая компания, к которой он привык за пару месяцев, уже и не соберется больше, хоть Финнбар и уверял, что уговорит Джека вернуться.

Шиповник пришла как всегда рано, сухо поздоровалась и отправилась заваривать себе чай. Последнее время это был напиток с явно выраженным горьким запахом полыни. За тем, что пил Унро, Шиповник больше не следила. Не то чтобы юноше нравилась полынь, но невнимание коллеги расстраивало.

– Привет! Шиповник уже пришла? – Энца влетела без обычного стука, молниеносно окинула кабинет взглядом и снова пропала.

Вошел Джек, лениво поздоровался и уселся на обычное место.

Унро так оторопел, что не нашелся, что сказать. Энца вернулась очень быстро, ведя на буксире раздраженную Шиповник.

– Ты только посмотри! – воскликнула Энца. – Я не знаю, что делать, но ты ведь наверняка в этом разбираешься?

Она дотащила Шиповник до Джека и ткнула пальцем в его небрежно затянутый хвост волос.

Унро живо вспомнил, как вчера Энца его практически выдернула, обеими руками вцепившись и выкручивая, ну, а Шиповник, которая этого не видела, вдруг нахмурилась, подалась вперед и провела обеими ладонями по встопорщенной волне волос.

– Там несколько колтунов, да и вообще почти не расчесывается, а он говорит, что острижет, – пожаловалась Энца, но Шиповник не слушала.

Стянула коричневую резинку с волос Джека и сунула Унро:

– Сожги.

Юноша машинально взял ее в руки и только потом удивился:

– Чего?

– Сожги, говорю, – нетерпеливо сказала Шиповник. – Еще мне нужен будет огонь и деревянный гребень.

– Что-то серьезное? – спустя миг спросила Энца. Джек молча нахмурился.

– Еще бы, – сердито сказала Шиповник. – Тут полдня с наговорами придется расчесывать. Нужен деревянный.

Унро вспомнил, что в сувенирной лавке у входа в Институт продавали деревянные расчески, и Энца унеслась покупать.

– У тебя узелки в волосах, – ворчала Шиповник, – и они воняют темной магией.

Джек уже битую неделю ходил на терапию в медблок, но там и слова не сказали об этом. Шиповник, послушав, фыркнула:

– Что они в этом понимают! Это старая магия, они наверняка и не догадались проверить, не навязала ли ведьма узлов. Еще и в одежде может быть что-то спрятано.

Пришедшая Энца срезала все узлы, которые нашла Шиповник, и колтуны, которые решено было не распутывать. И еще пару часов Унро и Энца шикали на входящих посетителей, чтобы те не мешали – с тихими наговорами и шепотками Шиповник расчесывала волосы Джека, пока тот – что еще от него ожидать, – дремал.

Звонил Винни, и даже приходил – при виде его рассерженной физиономии Энца растерялась на пару мгновений, а потом увела к

Финнбару, натравив их друг на друга. Финнбар был рад, что Джек вернулся, и одновременно встал на защиту отдела и целостности штата, так что Энца оставила их наедине – пусть начальство разбирается. Если дело дойдет до мордобития, наверно, будет слышно, подумала она, спускаясь вниз.

Дискуссия была достаточно жаркой. Винни, конечно, тяжелее по весу, размышляла Энца, но Финнбар тоже не лыком шит, по утрам не пропускает тренировки, да и движения у него отточенные – видно, что неспроста. Девушка вспомнила, что ее перестали пускать на тренировки и расстроилась.

В их кабинете Джека уже расчесали и растолкали – и он, зевая в кружку с чаем, слушал рассказ Унро – снова о том расследовании, что они провели с Шиповник.

– Найти диспетчера или того, кто распорядился послать нас с тобой на вызов по «тараканам», – сказал Джек, обдумав услышанное. – После пропажи документов вы сканировали помещение? Кто здесь был кроме вас?

– Я не сканировала, – буркнула Шиповник.

Ей не хотелось признаваться, что она настолько была взбешена, что не додумалась до этого сама.

– Здесь не было следов чужих, – осторожно заметил Унро. – Специально я тогда не смотрел, но я бы почувствовал, если бы так.

– Чужих – в смысле незнакомых? – спросил Джек. – Или чужих – в смысле тех, кто здесь не работает?

Унро задумался, прокручивая в памяти тот вечер.

– Ни то, ни то, – не очень уверенно сказал он. – Во всяком случае, никто из тех, что не бывал здесь в последнее время

– Энца, – рассеянно сказал Джек, – ты запиши, что надо узнать про диспетчера. И скажите мне еще раз – когда мы поднимались вверх, лестница привела не на второй, а на третий этаж?

– Да, – насупилась Шиповник. – Может, это как раз дало преступнику время сбежать.

– Или нам намекнули, где искать, – сказал Джек. – Это тоже запиши, Энца, вторая ниточка ко всему. Кто в это время был на этаже?

– Мы же не смотрели, – ответил Унро. – Сразу пошли вниз.

– Леди Гарброу обе, – одновременно с ним заговорила Энца. – И у Финнбара кто-то был. Или он по телефону говорил, потому что было слышно, как он смеется.

– И то хлеб, – одобрительно кивнул Джек.

По телефону узнать ничего в диспетчерской службе не удалось, и после обеда Джек и Энца лично отправились в Эллинский дворец: в Готическом крыле, недалеко от бывшего кабинета Якова располагался диспетчерский центр – несостоявшийся бальный зал.

Под высокими сводчатыми потолками, в резных стропилах гуляло многоголосое эхо, никогда не смолкающее, и порой в нем можно было услышать слова, которые не произносил никто из работавших там людей.

Старший диспетчер уныло выслушал вопрос Джека. Спросил, когда был вызов, и высоко вздернул брови, в печали на неизмеримо глупое человечество, которое постоянно донимает его бессмысленными просьбами.

– В июне? – переспросил он. – Я тогда работал в другом месте. Здесь был другой старший. Максимум что я могу сделать, это поднять записи и узнать, кто отвечал на ваш звонок.

Энца подумала, что они и сами могли бы это узнать – в дисциплинарном взыскании за дело с тараканами упоминалась и девушка-диспетчер, но ее имя напарники вспомнить не сумели. А старшему диспетчеру это наверняка проще и быстрее будет узнать, чем если они пойдут искать сами.

На обратном пути, когда они пересекали холл Эллинского дворца, у Энцы зазвонил телефон.

– Алло! Да, здравствуйте! Все хорошо, а у вас как? Что?.. подождите, я чего-то... Стин? Алло?

Джек увидел, как округлились ее глаза и она, опустив руку с телефоном, медленно повернулась. Такого тоскливого ужаса в глазах Энцы Джек еще никогда не видел, и инстинктивно шагнул к ней, хватая за руку. Проследил за ее взглядом.

Через холл, четко печатая шаг, к ним стремительно неслась женщина, высокая и подтянутая. Вся в черном: узкие брюки, мешковатая стильная накидка, развевающаяся за спиной... В ушах позвякивали массивные серебряные серьги, на руках по нескольку браслетов, да еще и крупный янтарь на витой цепочке висел на шее. Короткие темные волосы, пронзительные карие глаза.

Джеку она напомнила Офелию, только та была более... крупной. И парадоксально, в разрезе глаз и очертаниях лица угадывалось сходство с самой Энцей.

– Дорогая! – воскликнула женщина низким, вибрирующим голосом. – Когда я узнала, я сразу же приехала! Я со всеми разберусь и все устрою.

Она ткнула в Джека костлявым пальцем, с черным острым ногтем и массивным кольцом.

– Это что, он? Вот этот?

– Она первая полезла драться, – поспешил заявить Джек, предусмотрительно отходя за Энцу.

– Драться?.. – осеклась дама.

– Тетя, а что именно вы узнали? – осторожно спросила Энца, перебирая в уме события последних месяцев.

– Прошу тебя, – поморщилась дама, – называй меня по имени, сколько раз тебе еще повторять. Что значит – «драться»? Ты же знаешь, тебе запрещено сражаться с людьми!

– Если вы про тот раз, – неуверенно сказала Энца, но Джек перебил:

– Я был не в себе, меня околдовали.

Темные глаза женщины опасно сузились, и Джек, не в силах сдержаться – уж очень дама забавно на все реагировала, – продолжил:

– И в архиве двери она сама решила ломать, я тоже не при чем.

– Замолчи, Джек, – прошипела Энца, наугад ткнув его под ребра локтем.

– Нам нужно поговорить, – сказала женщина, и ее голос был удручающе недовольным.

Энца сникла, кивнув.

– Давайте начнем все заново, – великодушно предложил Джек. – Вот меня зовут Джек, мы с Энцей работаем вместе.

– Это моя тетя... то есть, Стин, – после некоторой паузы среагировала Энца. – Она моя наставница.

Некоторое время Стин сурово глядела на Джека, а потом сообщила, уже более мягким тоном:

– Я приехала сюда с Серафиной. Ты помнишь Серафину? Она будет преподавателем, мы оформляем бумаги для разрешения на работу. Ну и раз такая оказия, я решила лично проверить все эти слухи, которые до нас доходят. Я понимаю, почему ты матери ничего не рассказываешь, но считаю, что меня ты должна держать в курсе всего, что происходит.

– А что за слухи-то? – убито спросила Энца. – Может, вранье какое...

– Это правда, что ты участвовала в Алом турнире? Твоя мать чуть с ума не сошла, когда увидела в турнирной таблице твое имя.

– А! – с облегчением сказала Энца, и Джек поспешно закашлялся. – Ну это как-то так вышло... А мама не смотрит же спортивные соревнования, я и не думала, что она узнает.

– Лично для меня было оскорблением, – отчеканила Стин, – когда я

узнала, что ты от нас это скрыла. Как твоя наставница я должна была присутствовать на турнире лично и руководить твоими тренировками.

Дьявольская мысль неожиданно посетила голову Энцы. Девушка даже сбилась с дыхания, обдумывая ее.

– Тетя, – печально сказала она и опустила голову еще ниже. – А ведь меня на тренировки перестали пускать.

– Ч... что? – Стин хищно подалась вперед, и Джек невольно отступил дальше. – Кто это не пускает?

– Начальство в Арсенальном павильоне сменилось, и мне запретили приходить без специального разрешения. А пока его оформят...

Энца подняла очень большие и грустные глаза.

– Ясно, – стальным голосом сказала Стин. – Ну разумеется, ты как всегда ничего не можешь сделать сама. Я сейчас же разберусь. Позвоню тебе через полчаса, надо будет встретиться на стоянке. Твоя мать передала тебе сумку.

Черными крыльями взметнулась накидка, и Стин, металлически печатая шаг, удалилась.

– Тебе не стыдно? – спросил Джек.

– Он очень грубо со мной разговаривал, – вздохнув, объяснила Энца. – Так же нельзя. Да и теперь у нас есть время упаковать вещи и доехать до границы, чтобы тетя нас не догнала.

Она подумала и добавила:

– Шутка.

– Безобразие, – покачал головой Джек. – И у кого ты только этому научилась. Ладно, идем уже. А кто эта Серафина? Тоже родственница?

– Не, – ответила Энца. – Это второе большое разочарование тети. Серафина младше меня на год. Тетя разглядела в ней потенциал и взяла к себе на тренировки. Но у Серафины стало портиться зрение: какое-то функционально-магическое расстройство, и мастера боя из нее не вышло. Тетя с ней почти не разговаривала до выпуска, потом помирились.

– Д-да уж, – только и сказал Джек. – И много у нее таких разочарований?

– Только два, – произнесла Энца.

Когда они возвращались во флигель, позвонил старший диспетчер, сообщил, что девушка, принимавшая в ту ночь вызов Джека, уволилась. Диспетчер сначала отказывался сообщать ее координаты, но когда Джек уже почти уломал его выслать данные на почту, связь оборвалась, вызов переключился на другую линию, и одновременно зазвонил телефон Энцы.

– А кому я сказал прийти ко мне сегодня? – скрипуче спросил недовольный голос.

– Кому? – поинтересовался Джек.

– А мы не знаем, где вы находитесь, – одновременно с ним растерянно сказала Энца.

Яков повесил трубку, и спустя пару секунд каждому пришло сообщение с кратким указанием маршрута. Потом еще одно: «Руки в ноги и сейчас же».

Пришлось идти, хотя Джек и предлагал настойчиво сначала зайти пообедать куда-нибудь, а там, авось, и рассосется.

Яков теперь сидел в одном из подвальных помещений Вдовьего дома, в окружении коробок, которые условно делили его новый «кабинет» на несколько секций. Помимо небольшого – и, видимо, не очень удобного – стола, в помещении была зеленая меловая доска и еще несколько письменных столов. Других сотрудников кроме Якова видно не было.

– А... кем вы тут работаете? – осторожно спросила Энца, в то время как Джек удачно вписался лбом в одну из труб, которые шли по потолку.

– Завхозом, – перебивая поток брани, ответил Яков. – Присылают бумажки с запросами, сортируем, передаем кладовщикам. Ну и прочее.

– Так в чем дело-то? – спросил Джек, успокоившись.

– А дело в том, – сказал Яков и привычным жестом подпер подбородок сцепленными ладонями, – что меня завербовали.

Напарники мгновение молчали, потом синхронно спросили:

– Куда?

– А я не знаю, – легкомысленно отозвался маг. – Какой-то цирк. Вызвали для серьезного разговора, а у самих на входе – замаскированные плетения. Этакое страшилище красное, вроде как модная статуя... И отличненько так прополоскали мне мозги о том, в каком ужасном положении наше общество, маги, монстры и прочее. Предложили эту ситуацию изменить. А я разве против? Я всегда за правое дело. Ну, сговорились мы вместе всех спасти. И вот выхожу от них, и на крыльце задержался, заболтал секретаря, а сам просканировал эту статую. А на ней, оказывается, висит неплохой триггер на ментальное воздействие – стирание памяти. Идея мне понравилась – все, что происходит между двумя точками, первым взглядом на эту статую и последним, затирается.

– Красная статуя? Мы же ее видели. Издательство? – вдруг спросил Джек. – Это было какое-то издательство, с названием цветка, что ли...

Он задумался, вспоминая, а Энца подсказала:

– Амадина. Это не цветок, а птица, Джек.

– Тебе череп не жмет? – скептически спросил тот.

Энца отмахнулась:

– Да какая разница. Мы ведь там были, только... только опоздали, и нас не приняли

Они переглянулись, осознавая.

– Мы не опоздали, да? – расстроено спросила Энца Якова.

– Судя по всему, нет, – отозвался тот. – Жаль, что нельзя как в сказках, поковыряться у вас в головах и посмотреть, что там вам говорили.

– Думаете, заговор, да? – с энтузиазмом спросил Джек. – А нас возьмут?

– Вас уже не взяли, – ответил Яков. – А вот со мной больше на контакт не идут. Почему, я не знаю: ведь согласился же.

– А вы на самом деле согласились? – поинтересовалась Энца.

Яков посмотрел на нее поверх очков:

– Девочка моя, в искренности моих убеждений даже эмпат бы не засомневался. И ведь как они подают материал! Самый упертый сухарь разрыдается, от того, как тяжело живется магам в нашей стране. Хотя вы, как видно, не разрыдались. Раз вам память стерли.

– А давайте свой заговор устроим, шеф, – предложил Джек.

– Доиграешься ты когда-нибудь, – с сожалением покачал головой Яков. – Шутки шутками, но история неприятная. Гнилая, я бы сказал. Скинем сюда же все последние мероприятия, которыми нам запудривали мозги последнее время, и вырисовывается еще более интересная ситуация.

Джек открыл было рот, но Яков шикнул на него, уставив ему в переносицу широкий палец. Джек против обыкновения послушно замолчал.

– Историю помним, детки? – проскрипел Яков.

Он поднялся и встал позади своего стула, упершись руками в спинку. Блики света лежали на стеклах очков, не давая увидеть выражение глаз.

– Чуть раньше распада Империи и заключения Женевской конвенции, когда запретили использовать боевые артефакты, во время войны заградительные отряды и партизаны использовали так называемую тактику «пороховой пыли». Чтобы противник не смог обнаружить заложенные на его пути артефакты, по всей местности разбрасывались разные пустячки, бытовые амулеты, разбитые зачарованные сосуды и прочее. Поисковики фонили беспрестанно, и обнаружить среди этого мусора настоящую опасность было невозможно. Маг обнаружил бы, но солдат, вооруженный только поисковым артефактом – нет.

Яков замолчал, глядя на них.

Энца заговорила первой:

– Пробуждение ведьмы, – неуверенно перечислила она, – взрывы на турнире, убийства магов...

– Перестановки в руководящих кадрах, – с намеком продолжил Джек.

– Вполне может быть, что взрывами на турнире занимались не те, кого в этом обвиняли, – сказал Яков. – На всех допросах члены «Справедливой ассамблеи» утверждали, что не собирались причинять вред, а бомбы были безобидными хлопушками. В их словах не было лжи – подтверждено «слышащими правду». Если это так, то вырисовывается некая сила, которая стоит где-то там позади всех и дергает за ниточки. Они здесь, у нас – раз был доступ к архивам, там, у них в партии, и еще бес знает где. Пускают пыль в глаза, и не простую, а пороховую пыль.

– И... что же будет «боевым артефактом» на этом минном поле? – спросила Энца.

Ей стало неудобно. Скрипучий негромкий голос Якова отдавался эхом в серых глухих стенах подвала. В паузах было слышно, как где-то капает вода и бурчит-журчит в трубах над головой. Рассказываемое Яковым одновременно казалось и домыслом, сплетней, какие любят печатать в еженедельных журнальчиках про неопознанное, и совершенно логичной, обоснованной и страшной явью.

Словно все это лето они шагали по ступенькам вниз, а теперь замерли на пороге в подземелье, перед клубящейся темнотой.

– Мы в деле, – сообщил Джек. – С чего начнем? С того, что уже у нас есть или пойдем бить морды в «Амадину»?

Яков только вздохнул, но ответить не успел: дальше по коридору послышались шаги. Энца дернулась, прислушиваясь.

– Это тетя, – сказала она. – Она всегда меня находит.

Джек высоко вскинул брови, удивляясь такой прочной семейной связи.

– Тебя сложно не найти, – сухо сообщила Стин, появляясь у них за спинами. – Добрый день, Яков.

– Вы знакомы? – одновременно спросили напарники.

– Они всегда так разговаривают? – недовольно поинтересовалась Стин.

– Ужасно невоспитанные дети, – ответил Яков. – И вам доброго дня.

– Моя племянница, – высокомерно обронила женщина, – раньше себе такого не позволяла. По всей видимости, это ваше дурное влияние.

Она вдруг замешкалась, достала из сумки, спрятанной под накидкой, сверток.

Черная бумага, перевязанная бечевкой, зашуршала в руках Якова. Тот

бережно принял сверток и спрятал его в столе.

– О, – заинтересованно прокомментировал это Джек. – У вас тайные отношения? Или еще один заговор?

– Отойдите немного в сторону, Стин, – ласково проскрипел Яков. – Я сейчас чем-нибудь тяжелым запущу в одного болтуна.

– Не стоит, – сказала та. – Мы уже уходим. Энца.

Женщина кивнула Якову и удалилась, не оглядываясь. Мужчины с интересом уставились на Энцу. Та была словно на иголках. Время, чтобы отказать тете, она упустила, а сидеть на месте, когда ей четко приказали уходить, было неловко.

Да и разговор с Яковым не закончился – нельзя было уходить.

– Ты сейчас пополам лопнешь, – сказал Джек, наблюдая за ней.

Энца вздохнула, отпуская напряжение.

– Давайте все-таки договорим, – решила она. – А потом я пойду догонять тетю. Скорее всего, там мама передала зимние вещи и какие-нибудь вкусности.

– А что ты сразу не сказала? – возмутился Джек. – Какие заговоры и тайные общества? Пошли сразу, пока еда не испортилась. Перекинем в мою машину, если много.

– Посиди, – сказал Яков. – Определим фронт работ и валите на все четыре стороны. Во-первых, чем вы сейчас занимаетесь?

– Ищем диспетчера и того человека, по воле которого мы оказались на вызове с тараканами, – отозвалась Энца.

– Тонкая нитка, – покачал головой Яков. – Но и ее не надо упускать. Энца, напиши мне, как ты раньше делала, отчет по пунктам, что вы узнали за последнее время, плюс собери копии доступных документов. Принесешь лично, и пиши от руки, а не на компьютере.

– Хорошо, – кивнула Энца.

– Я по своим каналам пробью ваших диспетчеров, – добавил Яков. – Ну, а теперь бегите. А не то Стин что-нибудь нехорошее с вами сделает, жестокая женщина.

Стин, однако, спокойно ждала их, и ни слова не сказала о задержке. Энца запаниковала было, но потом подумала, что наставница, скорее всего, в курсе теории заговора Якова, раз уж что-то они там передают друг другу. Жаль, никто из них не расскажет, что это.

Сверток был не очень большим – может быть, сложенные бумаги? Или какой-то артефакт?

Стин молчала всю дорогу до парковки, и потом, задним числом уже,

Энца поняла, что та просто готовилась. Из небольшой желтой машинки Серафины, на которой приехали обе женщины, Джек под руководством тети перегрузил в свой «бейнс» объемную коричневую сумку.

Для нападения Стин выбрала самый удобный момент: Джек еще не успел повернуться, отходил дальше, чтобы закрыть багажник, Энца стояла чуть боком к тете, думая, стоит ли поделиться продуктами с Джеком.

Стин послала небольшой шар-импульс поверх правого плеча Энцы – девушка резко повернула голову на хлопок, и в это время Стин мгновенно выпустила подготовленный воздушный цеп, чтобы ударить слева.

Джек хлопок не расслышал и почувствовал только железный привкус во рту. Краем глаза поймав не движение Стин, а рефлекторный замах Энцы, он успел схватить ее подмышки и рывком броситься в сторону, прочь от женщины.

– Ты сбрендил, что ли? – возмутился он. – Ты знаешь, сколько у нас будет проблем, если ты ее порубишь? Мы даже тело спрятать не успеем, вон сколько народу уже смотрит.

Энца обмякла у него в руках и подняла несчастные, испуганные глаза:

– Я как-то не подумала...

– Да ты вообще не думаешь последнее время, – согласился Джек. – Чуть что – сразу в драку.

– Я не хотела, она же первая начала, – слабо пробормотала Энца. – Это у нее проверка такая – подкрадывается незаметно и бьет. Я просто сразу не сообразила.

– Джек, отпустите ее, – потребовала Стин, и на плечо Джека легла узкая ладонь в черной митенке.

Пальцы сжались, но Джек только на словах притворился, что боится подобных дам.

Задвинул Энцу за спину и выпрямился:

– Я что-то упускаю? – он аккуратно отцепил пальцы Стин от плеча. – «Проверка»? Вы в курсе, что только что чуть не померли?

– О боги, яйца курицу учат, – зло фыркнула Стин. – В настоящем бою грош цена такой реакции. Сразу видно, что девчонка запустила тренировки...

– Тра-та-та, – презрительно отозвался Джек. – Она вас чуть пополам не разрубила, и никакого настоящего боя в любом случае тут бы не было.

Энца успела прийти в себя и влезть между ними – она видела, какой тонкой и мерзкой стала улыбка Джека и как сузились глаза Стин.

Энца взяла Джека за рукав куртки, но к тете прикасаться не стала – та не терпела подобного.

– Тетя, прости, – напряженно сказала Энца, пытаясь нащупать верный тон и слова. – Я, правда, без задней мысли... не хотела причинить тебе вред. Как-то глупо вышло, да?.. – девушка вымученно улыбнулась. – Просто не ожидала, и на автомате...

Стин даже не нашла, что сказать сразу – а Джек привычно двинул челюстью, подавляя смешок. Энца, балда этакая, просила прощения совсем не за то. Точнее, вообще не надо было просить, но так еще хуже было – грозная наставница только что едва не потеряла лицо, и подчеркивать это было верхом глупости.

Он незаметно толкнул Энцу локтем и, поймав ее взгляд, неодобрительно качнул головой.

– Ты, наверно, устала, – неуклюже меняя тему разговора, словно разворачивая переполненный грузовик на скользком серпантине дороги, сказала Энца. – Хочешь, ко мне пойдём, отдохнешь? Поговорим, мама наверно, много чего передала...

– Позже, – резко ответила Стин. Потом, вспомнив что-то, спросила: – Ты, конечно, и не собираешься к матери в канун Дня мертвых?

– Нет, – растерялась Энца. – Я же ей говорила... у меня отпуск только в конце года.

– Что еще от тебя ожидать, – презрительно поджала губы Стин и отправилась по своим делам, бросив, что еще позвонит сегодня.

Джек и Энца некоторое время стояли, глядя ей вслед.

– Поехали жрать, – наконец сказал Джек.

В другой раз Энца напомнила бы ему, что они уже обедали, и пора идти работать, но не сейчас. Она малодушно подумала о кружке пива со специями, но никакое расслабление нервов не стоило возможного расчленения, которое последует, если тетя почует от нее не тот запах.

По дороге во флигель – после нескольких гневных звонков Шиповник и пары сообщений от Унро с робкими увещеваниями, – сытые и потому благодушные напарники сделали крюк по аллее и шли мимо Чайного домика. Энца снова пересказывала историю эпической битвы Шиповник и чудовища в глухих лесах под Хрыпно, но их дружное хихиканье резко оборвалось, едва они поравнялись с Чайным домиком. Над ровным газоном с пожухшей травой поднимался столб синего пламени. Основанием ему было небольшое призрачно-голубое озерцо.

Столб был высотой с человека, и в том месте, где у него должно было быть сердце, красным огнистым маревом сияли руны.

Пока Джек, близоруко щурясь, вглядывался в мерцающие знаки, Энца трясущимися руками набирала номер Донно.

Она не вспоминала о Донно с самого утра – после того, как ответила на сообщение с пожеланием доброго утра. Сегодня они с Робертом были на дежурстве, поэтому он о себе не напоминал. Ни словом, ни мыслью он не появлялся в ее голове.

А что, если?..

Энца даже не смогла говорить, когда в трубке раздался спокойный голос Донно, от облегчения у нее пропал голос. Джек осторожно отцепил ее пальцы от своего рукава и, сжав их в ладони, другой рукой отнял телефон.

– Здорово, – сухо сказал он. – Мы у вашей конторы. Тут Место памяти. Помолчал немного, внимательно слушая, и сердито сказал:

– Предупредить мог бы, она тут чуть не шлепнулась, – потом мягче: – Сочувствую. Хороший был парень... Что? Да, приедем, конечно.

Выключив телефон, отдал его Энце и мрачно сощурился на Место памяти.

– Это Паладин. Помнишь, тот, который тебя летом допрашивал. Парень из «слышащих правду». Погиб сегодня.

– Да осветят путь его звезды, – тихо сказала Энца.

Джек кивнул.

– Донно сказал, что после дежурства они с Робертом будут нас ждать.

Энца только печально вздохнула. Это у Джека была счастливая способность исчезать и появляться в жизни окружающих так, будто это было в порядке вещей. Донно, кажется, и не удивился, что по ее телефону говорил Джек. А вот ей еще предстояло все объяснять.

Хотя что объяснять?.. ох, да еще и Стин, которая тоже скорее всего потребует встречи... порой Энца весьма сожалела о своем существовании в этом мире.

Гораздо проще быть бесплотным призраком, и носиться себе в порывах ветра: ничего никому не должен и не обязан.

Джек закурил, искоса поглядывая на притихшую напарницу. Скорбная складка у губ – неужели так расстроилась из-за смерти почти незнакомого человека? Маленькая, но жесткая ладонь в его руке совсем холодная, а обычно гораздо горячее. Энца послушно дала довести себя до флигеля, и перед самой дверью поспешно выдернула пальцы.

Хотя чуть позже выяснилось, что мастером боя тоже быть неплохо – Унро передал, что вечером их вызвали на неотложное дело по профилю, уровня «зет», монстр-объект, не поддающийся чарам.

Предвкушение, азарт и отмена всех личных планов на вечер

моментально выбили из Энцы все упаднические мысли.

Спустя пару мгновений после того, как Унро дал отмашку и Энца рванула к монстру, из темноты до них донеслось восторженное: «В нем клинки вязнут!», и Джек ухмыльнулся. Унро только еще больше съежился и зажал уши ладонями.

Оставшись одна этим вечером, Шиповник не скучала: доделала доклад для семинара, оформила несколько справок по закрывающимся делам. Помогла в архиве обеим Леди Гарброу, а потом по их просьбе понесла Финнбару на подпись отчеты.

Начальника на месте не было – видимо, вышел покурить. В отличие от Джека, он постоянно пытался бросить, и начинал снова только когда сильно нервничал – обычно после очередной головной боли из ректората. Шиповник не знала, в чем дело, но Леди Гарброу шепотом рассказывали, что Финнбар повздорил на прошлом собрании с кем-то из вышестоящих, и против архива развернули нешуточную кампанию.

Шиповник положила стопку бумаг на стол и рассеянно огляделась, размышляя, стоит ли подождать или оставить записку, что бумаги от Леди. Бумаги и записные книжки Финнбар хранил в ящике, на столе у него был только ноутбук и две ручки. Финнбар как-то пытался намекнуть, что подобный порядок он бы хотел видеть и у своих сотрудников, но несмотря на все усилия, справиться с бумажным потоком папок и документов никому не удалось.

Пока Шиповник, старательно продумывая слова, составляла записку, ноутбук Финнбара монотонно попискивал, и на экране то и дело всплывали уведомления о новых письмах. Шиповник могла только посочувствовать начальству – ни мгновения покоя.

Финнбар вернулся, когда Шиповник стояла у окна, нахмурившись, и рассматривала что-то внизу. Финнбар и сам устал, но считал, что подчиненным настроение надо поднимать – здоровый дух в здоровом теле и все такое, – дежурно пошутил, устраиваясь в кресле. Шиповник сердито хмыкнула в ответ и указала на документы.

Финнбар постоял немного рядом, пытаясь что-нибудь разглядеть за темным окном. Но в стекле был виден только светящийся монитор его ноутбука, который он забыл закрыть, уходя на перекур. Шиповник нервно дернулась, когда он к ней обратился, и Финнбар решил больше не трогать ее, отпустил домой.

Как выяснилось спустя некоторое время, Финнбар был последним, кто видел девушку.

История двадцать восьмая. Сон слишком глубок

«Г-ну Координатору <...@magmail.vd>

13 окт. 20xx, 17:50

Мы нашли ведьму. Точнее, она нашла одного из агентов и прислала его с сообщением. Согласна на дальнейшее сотрудничество, но с условиями.

С ув-ием,

Н.»

«Г-ну Н. <...@inpcg.rajin.vd>

13 окт. 20xx, 18:02

Что за условия? В каком она состоянии? Перешлите мне отчет агента.

Координатор»

«Г-ну Координатору <...@magmail.vd>

13 окт. 20xx, 18:30

Нет возможности. Парень – овощ. Повторяет только то, что она приказала передать. Мы сняли его допрос на видео, в приложении к письму – ролик и стенограмма. Посмотрите и ответьте срочно, согласны на условия или нет.

С ув.,

Н.»

«Г-ну Н. <...@inpcg.rajin.vd>

13 окт. 20xx, 18:43

Выполняйте.

Без промедления. И без ваших сантиментов, Н.

Координатор»

Напарники скучали, сидя в машине. Энца рассеянно крутила настройку радио – искала новостную частоту. Ссориться с Джеком, как обычно, из-за музыки, не хотелось, да и тетя, которую они ждали, не признавала ничего кроме песен военных лет.

Тетя уезжала домой на поезде. Ее чемодан был уже загружен в машину, а сама она сейчас отчитывала портье гостиницы за какие-то проколы. В суть претензий Энца углубляться не стала, сбежала к Джеку.

– Мать у тебя такая же? – спросил Джек, с интересом представляя дом, в котором, наверняка, и в отхожее место надо с оглядкой идти – вдруг кому

понадобится срочно опробовать какой-нибудь приемчик.

– Нет, что ты, – испугалась Энца. – Она обычный человек... в школе учителем работает, но все равно добрая. Стин и ее тоже ругает, говорит, что надо быть жестче.

Джек открыл было рот, чтобы прокомментировать, но в машину скользнула Стин, сев на заднее сиденье. Темные углы глаз вперились в Джека через зеркальце заднего обзора.

– Надеюсь, ваша машина достаточно быстро ездит? – сухо спросила Стин. Она еще не простила последней перепалки и не упускала ни малейшей возможности поддеть напарника Энцы.

Джек медово улыбнулся и тронул с места. Пожалуй, еще никогда после сдачи экзаменов на права он не ездил, соблюдая все правила и ограничения скорости. Стин кипела и возмущалась – города она не знала, и понять, успеют ли они на поезд, не могла. Издергавшись, Энца, наконец, успокоила тетю, что успеют они вовремя, и в ответ снова выслушала сухие упреки в пренебрежении семьей.

– Мать ждет тебя в конце месяца, – покачав головой, сказала Стин. – Очень жаль, что тебя это недостаточно трогает.

– Ехать долго, те... Стин. Два дня туда, потом обратно. Да и с мамой я уже поговорила, она с подругами будет. Я лучше на зимние каникулы приеду, сразу на неделю. Вместе отпразднуем смену года.

Несколько минут в машине висело неодобрительное молчание.

– А у нас сегодня праздник, – наконец сказала Энца, неуклюже меняя тему. – Анна звонила, звала погулять. В Старом парке или Госпитальном.

– Что за праздник? – лениво спросил Джек, вырубивая к стоянке у вокзала.

– Сула-Ветрогонник, будут змеев пускать и, может, даже на воздушных шарах... – Энца вздохнула, – я бы покаталась.

– Ну тогда пойдем, – легко согласился Джек.

– На вашем месте, – едко сказала Стин перед тем как вылезти из машины, – я бы сосредоточилась на работе, а не на сомнительных увеселениях. Энца, выйди, проводишь меня до перрона.

По дороге Стин попыталась еще раз надавить на Энцу, чтобы та приехала домой, но девушка неожиданно для тети уперлась.

Тетя только недовольно цыкнула языком.

– Пришлю тебе новый график нагрузок и упражнений, – вместо прощания сказала она, и резко взмахнула рукой.

Энца привычно уклонилась от свистнувшего в воздухе ребра ладони – тетка запросто могла разбить дюймовую доску, – но в этот раз девушка

предусмотрительно держала руки по швам, хотя кровь так и вскипела. С удивлением отметила, насколько отвыкла она от подобного: последнее время, если требовалось бить, то только на поражение.

Стин хмыкнула, опуская руку, а Энца только вздохнула. Впрочем, Стин было присуще своеобразное чувство справедливости, поэтому, проследив за тем, чтобы проводник устроил ее чемодан как надо, она выглянула в окно, чтобы сказать Энце:

– Если бы не этот балбес, вчера ты бы меня задела, – она нахмурилась, глядя на удивленную племянницу, и поторопила ее: – Ну все, иди уже.

Энца только кивнула, слишком ошарашенная, чтобы ответить ей.

Вернувшись в машину, она долго молчала, потом изумленно произнесла:

– По-моему, тетя меня похвалила.

Унро тем временем сильно нервничал. Шиповник не появлялась с утра, и ее телефон был выключен. Все это он выложил торопливой скороговоркой, когда Джек и Энца вернулись с вокзала.

– Может, заболела, – предположила Энца. – Вечером зайди к ней в общежитие, я тебе номер комнаты оставлю.

– А у тебя он откуда? – спросил Джек.

– Я ей как-то заносила распечатанный доклад, который она на работе забыла, – пояснила Энца и снова повернулась к Унро. – Купи ей поесть, вдруг совсем плохо.

– А ты со мной не сходишь? – вздохнул Унро, представляя, какотреагирует Шиповник на вторжение коллеги.

– Извини, – смутилась Энца. – Я сегодня не могу, мы с друзьями договорились встретиться. Ты мне напиши, как там она, и что нужно будет, я завтра с утра забегу.

Унро снова вздохнул.

– Все равно мне это не нравится, – сказал он.

– Да ладно, – успокоила его Энца. – Когда я болела, тоже забыла телефон зарядить, он у меня несколько дней не работал. Если нервничаешь – сходи пораньше. Вызовов все равно никаких нет.

День был чудесный – солнечный, ветренный и не слишком холодный. Самый подходящий для Сула-Ветрогонника, старого-старого праздника, когда поминали беспутного младшего бога, управляющего ветрами и присматривавшего за ветряными мельницами, воздухоплавателями и прочим воздушным хозяйством.

Мало, конечно, кто сейчас действительно почитал полный пантеон, но этот день был любимым у стихийников вроде Энцы и Джека – сплошное удовольствие, развлечения и никаких сложносочиненных ритуалов.

Анна прятала лицо в складках широкого шарфа – боялась обветрить кожу и нетерпеливо постукивала каблуком. Они договорились встретиться у Якорного входа в Старый парк, то есть у самого канала. Тут ветер был сильнее, но очень уж красивый вид открывался, что на парк, что на неторопливые чернильно-черные воды.

Саган стоял, опершись спиной о кованую ограду и закинув голову, смотрел на парящих в небе над парком разноцветных змеев. Анна смотрела в другую сторону – ждала, когда подойдут Энца и Джек.

У Донно шли вторые сутки дежурства, и они с Робертом никак не могли вырваться. Это, впрочем, не мешало Донно писать магичке сообщения с просьбами присмотреть за Энцей.

– Да вот они, – сказала Анна и засмеялась, придерживая развевающиеся по ветру волосы.

Джек и Энца шли по другой стороне канала. Джек о чем-то глубоко задумался и широко шагал, засунув руки в карманы джинсов. Ветер трепал его волосы и полы длинного плаща.

Джек выглядел бы весьма лирично, если бы за его спиной не болталась как парашютист Энца. Она ловила порывы ветра, подпрыгивала и зависала в воздухе на несколько минут, для страховки держась за полы плаща Джека.

Особо сильный порыв ветра отбросил ее в сторону, и она захохотала, описывая круг над водой.

Саган обернулся на звук и завистливо хмыкнул. Хотел было окликнуть их, но Анна, испугавшись, что Энца отвлечется и улетит прямо в канал, остановила его.

– Да уж, – сказал Саган. – Не зря говорят, что воздушники – до самой старости дети детьми.

– Кто б говорил, – засмеялась Анна.

– Огонь – солидная стихия, – надулся Саган, но всякая серьезность слетела, когда Джек и Энца перешли мост и присоединились к ним.

Анна тепло обняла сначала девушку, потом Джека. Его она, правда, исподтишка ущипнула – за «прошое дурное поведение». Джек только снисходительно улыбнулся, не собираясь ни возмущаться, ни просить прощения.

– Воздушные шары там есть? – первым делом спросила Энца.

– Есть, – ответил Саган, – но не катают, только поднимают на тросе

вверх-вниз. Слишком уж ветер сильный.

– Жалко, – немного расстроилась Энца, но тут же оживилась: – А змеев напрокат дают?

– Дают, – сказал Саган. – Бесплатно, если вы удостоверения взяли.

– Конечно, взяли, – отозвалась девушка и потянула напарника за руку.
– Идем быстрее.

Саган зашагал вслед за ними, Анна немного задержалась.

Над темными кронами деревьев, в небе, которое уже предзакатно желтело, реяли десятки цветных змеев. Бумага, шелк, ленты и веревки.

Длинные тени ложились ей под ноги.

Дыхание вдруг перехватило, и Анна ощутила знакомый холодок, бегущий от пальцев по рукам. Реальность дрогнула, двоясь. Хрустально зазвенел ветер в многогранном изогнутом небе.

Словно что-то почувствовав, Джек обернулся, вслед за ним Энца.

Сквозь прищуренные ресницы аура Джека – словно слепящий радужной кромкой сполох, и рядом туманным темным облаком Энца.

Горло сжалось в спазме, и щеки обожгло слезами. Первый раз за долгое время – предвестники транса. Анна, вобрав в легкие воздух, позволила сознанию соскользнуть во мглу, уступая место тому, что приходило говорить ее голосом.

– Анна, ты чего? – спросила Энца. – Тебе нехорошо?

– Больше не увидимся, – глядя сквозь нее, глухо произнесла магичка. – Нет ветра в пустоте.

Она закрыла глаза и мягко осела, так что Саган едва успел подхватить ее.

– Что случилось? Звонить в скорую? – на ходу вынимая телефон, спросила Энца.

– Быстрее сами доедем, на машине, – возразил Джек, прикасаясь к холодному запястью Анны. – Это было предсказание?

– Да, – ответил Саган. – У нее... бывает, в прошлый раз тоже... Ребят, давайте на машине. Только не в Институт, мне не нравится новый мужик, который в медблоке.

– Недалеко госпиталь Северной заставы, где мы с Джеком были, – сказала Энца.

Джек подхватил Анну на руки, и они поспешили на стоянку.

В госпитале ничего толком сказать не могли. Пока Саган ездил к Анне домой за медицинской страховкой, Джек расспрашивал врача о том, что это такое может быть, а Энца переписывалась с Унро. Юноша побывал у Шиповник, выяснил у коменданта, что она не появлялась с прошлого

вечера, и теперь тосковал у Леди Гарброу, не в силах идти домой.

Дежурный врач был молод и растерян. Он разводил руками:

– Это явно не обычный обморок, больше похоже на сон. На препараты не реагирует – скорее всего, сон наведен чарами, но... вот, видите? У нас есть стандартный амулет, и он не показывает никаких магических эманаций. Я позвонил нашему заведующему. Он маг, чувствует тоньше, но когда уж он придет, я не знаю...

Вернулся Саган с документами, потом после окончания дежурства – Донно и Роберт, но Анна так и не пришла в себя.

Донно, а вслед за ним Роберт на доступном им уровне просканировали спящую магичку – и тоже развели руками.

– Я ничего не чувствую, – сказал с сожалением Донно. – И я уже ведь осматривал ее раньше. Если это чары, то очень специфические. Мне не знакомые.

Саган снова привел врача, и тот снова рассказал, что они вводили Анне.

– Анализы крови только завтра будут готовы, – сказал он. – Ведь вполне может быть, что это отравление.

– Она давно себя плохо чувствовала, – возразил Саган. – Не мог же ее кто-то все это время травить – да и как?

– Откуда я знаю, как? – удивился врач. – Я же не следователь. Просто говорю, что может быть...

Пока они разговаривали, Джек вышел покурить, а в палате появился невысокий чернявый мужчина. Круглая голова на тонкой сухой шее, на тощем теле – мятый белый халат, рукава которого были явно ему длинны.

Скользнув незамеченным в двери, он подошел к Анне, что-то бормоча под нос, но едва протянул руку к лицу женщины, как был резко остановлен.

– Ну-ну, – хмыкнул незнакомец, скосив глаза сначала на Сагана, потом на Энцу, которые одновременно ухватили его за жилистую смуглую руку. Донно, который медвежьей хваткой держал его за плечо сзади, он видеть не мог.

– Сразу три боевых мага, – неуместно довольным тоном протянул человек. Голос его был неожиданно низким и глубоким. – И ведь какое интересное собрание... бесконтрольный огневик, эмпат, пустой воздушник, хм-хм...

От неожиданности Донно отпустил тощее плечо, шагнул назад, да и Саган, нахмурившись, разжал пальцы.

– Мы-то знаем, кто мы такие, – тихо сказала Энца, принуждая руку мужчины опуститься. – А вот кто вы?

Ей было сложно перестроиться сразу – войдя в боевое состояние, она еще по инерции продолжала просчитывать ситуацию как в сражении.

Прежде чем человек заговорил, за него вступился дежурный врач, на пару минут онемевший от того, как стремительно его собеседники все скопом накинулись на посетителя. Рядом остался стоять один Роберт – но и он напряжился, мгновенно сплетя чары, чтобы при случае прикрыть своих. Теперь он шипел и отплевывался, распуская клубок второпях скрученных силовых линий.

– Это наш заведующий, я же говорил, что звонил ему, – откашливаясь сказал врач. – Кхм... простите, Каролус, это коллеги нашей пациентки, они... э-э, очень волновались, и я разрешил остаться...

– Ничего, Витенька, ничего, – миролюбиво сказал маг, но врача это, видимо, не обмануло: выражение тоскливого предчувствия омрачило его и без того уставшее лицо. – Идите, Витенька, потом поговорим.

– Д-да, – сказал тот. – А... посетители?..

– Пока пусть остаются, – сказал Каролус, растирая запястье, которое, наконец, выпустила Энца.

Врач, тяжело вздохнув, вышел, столкнувшись в дверях с Джеком.

– Чего все такие злые? – спросил тот. – Вы тут подрались, что ли?

– Ого, – уважительно и совсем по-мальчишески протянул Каролус. – Ну и силища у вас, молодой человек.

– Это что за клоун? – неодобрительно посмотрел на него Джек, сразу не разглядев врача за широкой спиной Донно.

– Это доктор, – тихо ответила Энца. Она отошла к стене у изголовья Анны и замерла там.

– Я вам не нравлюсь, да? – засмеялся врач. – Ну и правильно. Это у вас инстинкты, милочка. Но я не опасен, совсем. Я добрый, людей лечу вот. А теперь – т-с-с! Все замолчали, нужна тишина.

От этого «т-с-с», тихого, словно шипение змеи, морозом по хребту пробрало даже Джека. Саган и Энца неосознанно напряглись, принимая боевую стойку, а Донно от греха подальше вышел в коридор: его непривычно замутило от странного эмоционального фона, который излучал доктор.

Спустя пару мгновений Джек присоединился к нему.

– Ну и морда, – сообщил он. – Прямо руки чешутся набить. И кто его пустил людей лечить?

Донно только покосился на него, не ответив. Последние события наложили свою тень на их и без того непрочные приятельские отношения. Донно чувствовал свою вину – и одновременно злость и ревность. И еще

видел, что Джеку на его внутренние метания наплевать. Это бесило больше всего.

Но несмотря на дурное впечатление, Каролус дело свое знал хорошо – одно то, что по касанию он в момент смог определить даже заблокированные эмпатические способности Донно, говорило о многом

Саган морщился, глядя как Каролус водит руками по телу Анны, бормоча что-то под нос и подолгу задерживаясь над энергетическими узлами. Роберт прикрыл веки, но по вздувавшимся ноздрям было понятно, что и он напряжен.

– Третий случай, – неожиданно сказал врач. – В городе – это уже третий зафиксированный случай. Что предшествовало? Когда началось?

– В сентябре грипп был, – неуверенно сказала Энца. – Это я ее, наверно, заразила. Она говорит, у нее было много дурных снов, да и после она тоже много спала.

– Засыпала на ходу, – вклинился Саган. – За компьютером на работе, в машине, за обедом.

– Я настоял на том, чтобы пойти к врачу, и мы ходили в медблок Института. Там ничего не нашли, – добавил Роберт.

Каролус резко распрямылся, ловя его взгляд.

– Боюсь, мало кто из моих коллег разбирается в старинных проклятиях, – сказал Каролус. – Хотя любой достаточно квалифицированный врач с магической степенью должен был уловить темный фон. Вот здесь.

Худой смуглый палец уперся в солнечное сплетение спящей Анны.

– Я пока не знаю, что тут такое, но подобные темные бляшки проклятий есть у всех, кто подобным образом уснул. Три случая за неделю, я говорил?

– Говорили, – подтвердил Роберт. – Те же симптомы?

– Вялость, апатия, сонливость долгое время, потом после небольшой встряски – неожиданный обморок, из которого пациент уже не выходит, – задумчиво перечислил Каролус, снова водя ладонью над животом Анны.

– И чем вы им помогли? – напряженно спросил Саган. – Как вывести ее из этого состояния?

– Пока никак. Никто еще не проснулся, – рассеянно ответил Каролус.

– А мужик-то по одной из специальностей – некромант, – задумчиво сказал Роберт, когда вся компания обходила главный корпус госпиталя по дороге к парковке.

Каролус достаточно бесцеремонно вытолкнул их всех, согласившись,

однако, на возможность посещения в любое время. Судя по шипению, доносившемуся из ординаторской, заведующий отправился разбираться с подчиненным, нарушившим внутренний распорядок.

Донно забрал у напарника телефон, с которого тот читал личное дело Каролуса и присвистнул:

– Одаренный тип – две диссертации, научная степень... еще одна, аннулированная... пара увольнений за проведение опытов над людьми...

Донно, не сбавляя шага, мягко выбросил руки в стороны, останавливая резко бросившихся назад Сагана и Роберта.

– Это ж когда было, – пояснил он. – Почти десять лет назад. Да и не дурак он: видел, кто приходил, банально побоится что-то делать... Да стойте вы оба!

– А я-то думаю, что у меня руки чешутся, – сказал Джек.

Энца кивнула:

– От него ощущение, как от Артура, неприятное. Хотя тот не пугал.

– Еще бы, – фыркнул Джек. – Сравнила.

– Ребята, – вдруг вспомнила Энца, забежала вперед и остановилась перед мужчинами. – А ведь у нас сотрудник пропал. Что нужно делать? Может, она к родным поехала, но как с ними связаться, мы не знаем. Ушла с работы, но до общежития не дошла.

Конечно, Роберт и Донно были с дежурства, это Энца понимала. После двух суток – но если кто и мог сейчас быстро помочь, то это были они. Вдруг с Шиповник что-то дурное? Ведьма все так же на свободе. Насколько уж большие у нее повреждения после того вечера, и какая у нее нехватка сил, неизвестно.

Энца думала, что пусть уж лучше она перестрашует и попадет в неловкое положение, когда узнает, что Шиповник просто у себя дома, в семье, а телефон... ну, сломался. Пусть лучше так. Даже если придется краснеть, оправдываться и писать объяснительные.

Вот только ни того, ни другого делать не пришлось. Сагана отправили домой, Роберт с Джеком пошли опрашивать коллег, а Донно и Энца – в общежитие.

Донно быстро уломал коменданта открыть комнату Шиповник.

Энца здесь была всего один раз, и на ее взгляд тут ничего не изменилось. Маленькая комната с кроватью, шкафом и письменным столом – Шиповник, как лучшая студентка на курсе, могла жить одна.

Сухой приятный запах трав, анисового масла и полыни.

На верху шкафа ровный ряд банок темного стекла. В специальной

коробке с картонными разделителями полотняные мешочки, подписанные крупным почерком Шиповник, – травы. На столе беспорядочными стопками лежат бумаги, поверх – закрытый ноутбук. Кровать застелена.

Донно, войдя, повел носом. Потом, прикрыв глаза, сосредоточился на сканировании, пока Энца тихо скользила по комнате, не притрагиваясь к вещам и внимательно оглядывая предметы.

– Здесь есть защита, но она дезактивирована. Либо она забыла запустить ее, уходя, либо кто-то уже тут бывал. Но следов я не чувствую.

– Могли скрыть? – быстро спросила Энца, осторожно вытаскивая из бумаг фирменный бланк с маленькой птичкой в углу.

– Могли и скрыть, – сказал он. – Только зачем?

Издательство «Амадина». Приглашение на собеседование и стажировку, расплывчатые фразы о том, что успехи студентки впечатлили руководство и они будут рады предоставить свою материальную базу для помощи в написании дипломной работы.

Честолюбивую Шиповник это могло задеть. Исходящая дата – полторы недели назад. Может ли быть, что девушка это письмо распаковала недавно? С другой стороны, Шиповник не так уж и делилась своими личными делами, могла и умолчать.

Ходила ли она? Энца вернулась к дате, на которую было назначено собеседование, и едва успела его прочитать, как бумагу изъял Донно.

Девушка не расстроилась, нырнула под стол, чтобы вытащить мусорную корзину. Она была почти пуста – только пара бумажных платков.

Позвонил Джек, и Энца, покосившись на Донно, включила громкую связь.

– Прижали Финнбара и Леди Гарброу, – отчитался Джек. – Она сидела в нашем кабинете долго, потом помогала теткам, по их просьбе понесла документы Финнбару. Больше они ее не видели, ушли почти сразу домой. Финнбар сказал, что его не было в кабинете, а когда вернулся, Шиповник его ждала и была чем-то расстроена. Подписал бумажки и проводил ее до выхода – говорит, что все равно по дороге покурить надо было. Попрощался на крыльце. Куда пошла, не следил, вроде как отвернулся от ветра, чтобы прикурить. Ну, и все. Больше никто ее не видел. Унро пошел искать дворника, вдруг тот на ночь глядя решил прибраться и что-нибудь заметил.

– Джек, – сказала Энца, – тут письмо с приглашением от «Амадины».

Скрывать это девушка не видела смысла – Яков ничего не просил умалчивать. Да и это могло быть хорошей такой связкой, которая вывела бы их к девушке.

Джек помолчал, а потом сказал, куда как мрачнее, чем до этого:

– Мы тут подняли ее личное дело. Роберт говорит, что дозвонился до матери Шиповник. Дома она не появлялась.

– Скажи Роберту, что этого достаточно, – решил Донно. – Заводим дело и подключаем остальных. Тут явно дело неладно. Нужны поисковики. Про «Амадину» расскажете отдельно.

Был уже восьмой час. Донно предложил Энце проводить ее до общежития, но девушка отказалась, вдвоем дошли до флигеля. Финнбар уже ушел домой, написав необходимое для открытия дела заявление о пропаже сотрудника.

Энца была благодарна Донно за то, что тот не настаивал на разговоре или выяснении отношений: последнее время они мало общались, у мага было слишком много дел, а Энце было неловко.

После ухода магов, во флигеле они остались втроем, с Джеком и совершенно убитым Унро. Тот порывался то забиться в угол и страдать, то бежать и прочесывать город. Джек совершенно безжалостно гонял его за кофе и бутербродами, доставал с отчетностью и заставлял убраться в кабинете, пока юноша не вспылит.

– Ну вот, теперь ты на человека стал похож, – удовлетворенно сказал Джек, выслушав возмущенную тираду.

Энца, которая как раз зашла в кабинет, устало произнесла:

– Пойдем пить чай. Там в холодильнике пирог с мясом.

– Это ж Леди Гарброу принесли, – оживился Джек.

– Они нас на ленточки порежут, – опасливо сказал Унро.

– Да пофиг, – махнула рукой Энца.

Джек, заподозрив, что напарницу подменили, взялся задавать ей хитрые вопросы, чтобы вывести на чистую воду, и Унро даже немного похихикал, пока они не добрались до комнаты отдыха и пирога.

Спустя полчаса Унро, более-менее успокоенный звонком Роберта о том, что они передали дело поисковикам, сытый и усталый, отправился домой, пообещав написать, как только доберется. Джек предложил проводить Энцу до ее общежития, но девушка снова отказалась.

– Так это правда? – хмыкнул Джек. – И где ты тут спишь? На диване? Тут даже ты не поместишься.

Энца побледнела, потом насупилась:

– Откуда узнал?

– Ты засиживаешься допоздна, а еще Унро сказал, что пару раз пришел очень рано, а ты тут уже была. Я сложил два и два. Почему ты у себя не ночуешь?

Энца помялась, потом подтянула колени к груди и обхватила их руками.

– Мне страшно, – призналась она. – Не могу там находиться вообще. Когда выключаю свет, у меня четкое ощущение, что она стоит и смотрит.

– Она?

– Ну... ведьма. Джек, я не знаю, почему, но там я больше спать не могу.

– Верх логики – сбежать, – презрительно фыркнул Джек. – Тебе в голову не пришло, что надо просканировать комнату? Мало ли что там начаровано? Или следы, например, если ведьма там побывала.

Энца изменилась в лице и сразу отвернулась.

– Ты что-о-о, – поразился Джек, тут же меняя тон, – ведьму боишься?

– Не боюсь я никого, – сердито проворчала Энца.

– Ну, после того, как я видел твою тетку, я даже знаю, почему. Я еще не встретил ни одного монстр-объекта, что был бы страшнее этой дамы... разве что Офелия? Но я не уверен, Офелия, все же более... милая.

– А, ты заметил, что они похожи чем-то? – обрадовавшись, что можно перевести тему, спросила Энца. А потом, невпопад, по ассоциации, перескочила на мысль, которая мучала ее с самого утра, – Джек, ты знаешь, сегодня на перроне, тетя снова проверяла мою реакцию... ну, она всегда это делает... и я едва сдержалась. Я вдруг подумала, что одним движением могу развалить пополам хоть весь вагон, хоть бетонный перрон...

Это непонятное, пьянящее и одновременно пугающее чувство поразило ее тогда. Энца и прежде не сомневалась в своей реакции и умениях, но по привычке всегда считала себя слабой – более слабой, чем, например, тетя. Во время учебных тренировок, с големами или на полосах препятствий, и когда тетя неожиданно нападала, проверяя, Энце удавалось уворачиваться из последних сил – если вообще удавалось.

На перроне она сделала это машинально – и вдруг поняла, насколько она превосходит свою наставницу. Та по-прежнему видит в ней ученицу, но на самом деле, ничему уже научить не сможет. Как големы, как монстр-объекты, тетя ей не соперник. Один удар – от которого нет физической защиты, – и всё.

– Не зарывайся, – сухо сказал Джек.

Он наблюдал за ней, враз посерьезнев.

– Не забывай, Энца, – сказал он. – На тебя хватит всего одного амулета подавления стихийной компоненты, и ты уже не тот боец, что обычно. Магу и амулета не нужно, чары-печать воздуха сложны, но все же известны. На меня не действует – но все равно и меня можно запросто

вырубить фигней вроде детской «замиралки», ну или пресловутого «мертвого храни». На любую силу найдется противодействие.

Джек потер переносицу.

– Глупая Энца, – продолжил он. – Говоришь такие вещи, но ведь на самом деле на человека ты никогда в жизни не сможешь руку поднять. Ты же помнишь... ты помнишь, что не смогла.

Энца потрогала спрятанный под одеждой диск-амулет, который ей подарил Донно, и подумала, что Джеку бы тоже такой не помешал.

Хотя, при чем тут это... Джек ведь прав – она зарвалась, вообразив свое всемогущество. Опасно. Недооценивать противников – опасно. Нет, опять не то. Тетя не противник... и сегодня она преподала еще один хороший урок – хотя и сама не поняла этого.

– Забей, – сказал Джек, внимательно глядя на нее. – Ты помнишь? Мы уговорились, что с людьми буду разбираться я сам.

Энца подняла голову, встречая твердый и все еще непривычно серьезный взгляд напарника.

– Ладно, – сказала она. – Я завтра попрошу, чтобы комнату проверили и очистили, если что. Но сегодня я туда все равно не пойду.

– Ко мне?.. – спросил Джек.

Энца покачала головой.

– Ладно, – покладисто согласился Джек. – Тогда я тоже где-нибудь тут останусь.

– Где это? – удивилась Энца. Диванчик в комнате отдыха, больше декоративный чем функциональный, едва вмещал ее саму в скрюченном состоянии, а других мест не было.

– К Финнбару пойду, – ответил напарник, – у него там кожаный диванище есть, только коробки сбросить – и все отлично будет.

Энца испугалась, представив, что будет утром, когда Финнбар обнаружит такое дело у себя в кабинете, и отговорила Джека оставаться на ночь во флигеле.

Позже они оба пожалели об этом – все могло бы обернуться совсем по-другому.

Ну, а так Энца вытолкала Джека восвояси, пообещав позвонить утром и разбудить вовремя.

На следующее утро они ждали новостей от поисковиков, но до обеда была тишина. Унро послали в помощь Леди Гарброу, чтобы те заняли его работой по самые уши, иначе на него было больно смотреть. Словно на его замену пришел Саган, не менее печальный и неприкаянный.

Сев на место Унро, он качался на стуле и пил кофе, раздражая Джека мельтешением.

– Никаких пока прогнозов, – жаловался он. – Но этот докторишка сказал мне приходить каждый день и проводить рядом с ней как минимум час – читать вслух или разговаривать. Я просил разрешение на два раза – ну, утром и вечером хотя бы... не согласился. Говорит, что это не фига не сон... давит на Роберта, чтобы тот посодействовал переводу двух других пациентов к нему в отделение, чтобы все вместе были.

– Не сон? А что? – спросила Энца.

Саган пожал плечами:

– Онейро что-то там, я не запомнил. Суть в том, что она вроде как видит сон, который не является сном, и не может проснуться. Чем дольше спит, тем тоньше связь с этим миром. Поэтому нужно, чтобы я приходил.

– Хочешь, я тебя подменять буду, если что? – предложила Энца.

– Не, – покачал головой Саган. – Нужно, чтобы это я был – у нас связь крепче.

Энца вздохнула.

– Если бы доктор знал, что это за проклятье, можно было бы посмотреть в архивах подробности... да и мозгами раскинуть, где она могла его подхватить, – с сожалением сказал Джек.

– А что... если ведьма? – запнувшись, предположила Энца.

Джек с жалостью посмотрел на нее.

– У тебя за каждым кустом ведьма сидит, – сказал он. – Для проклятья ее умений не хватит, это все ж высшая магия, а не ее «тарам-барам» интуитивный.

После обеда позвонил Роберт. Вздохнув, сообщил две новости. По своему почину он прошерстил данные о пациентах городских больниц и послал запросы паре коллег в пригородах. Жертв странного проклятья оказалось в два раза больше – по крайней мере, тех, что подходили под составленное описание. И одну общую деталь Роберт тоже нашел, практически сразу. Помимо того, что все шестеро были маги, несмотря на разный возраст, пол и специализацию, у них всех был зафиксирован дар предвидения в той или иной степени. Всю эту информацию Роберт рассказал по телефону Каролусу – и к отвращению мага, доктор просто брызгал слюной от удовольствия.

– Главное, чтобы он смог вылечить их, – неуверенно успокоила Энца раздраженного Роберта. – Ну, то, что он с энтузиазмом ко всему, это же хорошо...

Джек хмыкнул скептически – слушали они Роберта по громкой связи.

Немного успокоившись, тот сообщил еще более неприятную новость: поиски Шиповник прекращены и переданы другим следователям. В ноутбуке, изъятом из комнаты студентки, нашли переписку, которую она вела с одним из бывших членов «Свободной ассамблеи», и письма недвусмысленно говорили о том, что девушка собиралась примкнуть к незаконно собираемой группировке. Об этой группировке – еще не собранной и ничего не предпринявшей, – уже две недели говорили в новостях и дискуссионных клубах в Сети, прогнозируя страшные вещи, вроде терактов на Алом турнире.

Маги привычно пропускали словопрения мимо ушей – подобные домыслы были не редкостью, каждый раз находилось что-нибудь эдакое, что можно было бесконечно обсуждать. В прошлом году, например, пугались возможности прорыва тонких мембран и заполнения всего мира монстр-объектами, предсказывали войну с империей и падение огромного метеорита на столицу. Запущенный пресловутым Шенке турбийон всколыхнул Старый свет, еще несколько месяцев спустя любая пространственная аномалия воспринималась предвестником конца света.

Но как бы там ни было, службы безопасности не дремали, и дело Шиповник было передано в управление маг-бригад для дополнительного расследования.

Информация об «Амадине», по словам Роберта, тоже была принята к сведению, но как-то без энтузиазма – все же одни домыслы, без фактов.

– Но это же бред, – пораженная до глубины души сказала Энца. – Да такого просто не может быть. Шиповник ни в жизни бы не полезла в такие дела! У нее планов на дальнейшую жизнь было... есть... целая куча. Да у нее время расписано по часам! Джек, ну скажи, не может быть такого!

– Тише, тише, – сказал Джек. – Роберт, можно что-то еще сделать?

– Не фига, – мрачно отозвался тот. – Нам с Донно уже вкатили по выговору за то, что раньше времени влезли в ее комнату и давили на должностное лицо.

– Это на какое лицо вы давили? – удивился Джек.

– На Финнбара вашего. Он какого-то хрена настучал начальству, что мы без официального разрешения его допрашивали. С-су... сволочь. А ведь с нами нормально разговаривал.

– Да он хороший дядька. Он бы так не сделал, – потерянно сказала Энца. – Может, это не он настучал?

– А кто? Ты протри свои розовые очки, а еще лучшеними их, – сердито буркнул Роберт. – Ладно, извини. Если что еще узнаю, позвоню.

Как сказать об этом Унро, которого не было при разговоре, Энца не

знала. Саган, тяжело вздыхая, отправился «немного поработать» – без Анны у него были серьезные ограничения на действия.

– У нас же есть знакомый поисковик, – вдруг сказал Джек. – Мирового класса, между прочим. Давай-ка вечерком заглянем к Якову. Прихватим этого бледного юношу и какую-нибудь вещь Шиповник.

Этим они и подсластили горькую пилюлю для Унро. Найти вещь девушки оказалось сложно: Шиповник была очень аккуратна и не разбрасывала нигде свои принадлежности. Сошлись на том, что один из полотняных мешочков с травами, хранившийся на кухне комнаты отдыха вполне сойдет.

Яков поворчал, но покосившись на Унро, который вполне сошелся бы на иллюстрацию к поэме «Королевство печали», взялся за дело.

Но несмотря на все его таланты и славу поисковика мирового класса, ничего у Якова не вышло. Разозленный неудачей маг пробовал несколько раз, пока не обессилел. Вывод был еще более обескураживающий и неутешительный – Шиповник была укрыта искажающими чарами. Только в этом случае Яков не увидел бы ее, присутствуй она в городе и ближайших окрестностях.

Совершенно непоследовательно и неожиданно для Энцы, Джек задумчиво сказал, когда они вышли из подвала Якова:

– Нужно проверить, кто его понизил. Да и вообще покопать вокруг, с кем общается старый перечник. Не нравится мне эта фигня его, с историей заговора и прочим.

– Ты что, Джек, думаешь... – остановилась Энца.

Потом вдруг присела на корточки, обхватив руками голову.

– Ну сколько можно, – простонала она. – Что же это такое? Куда ни плюнь, везде какие-то подозрения, недомолвки и непонятное... Джек, ну что это такое? Что мы вообще можем сделать?

Джек вздохнул. Присел рядом и обхватив ладонью ее затылок, несильно стукнулся лбом о лоб. Энца ойкнула.

– Пойдем, ребят, – неуверенно сказал Унро. – Холодно тут сидеть.

– Сейчас, – тихо сказала Энца, не двигаясь, но Джек, взяв ее за локоть, заставил встать.

– Ты так и не обратилась к хозяйственникам, чтобы тебе комнату почистили? – с укором спросил он.

– Забыла, – расстроилась девушка. – А ведь завтра выходной, и сейчас поздно уже... что за полоса невезения такая...

Унро предложил свою помощь, и за полчаса осмотрел и почистил жилой блок Энцы. Сделал какой-то немудрящий, по его словам, защитный

контур и замкнул его на дверной ручке.

– Как только твоя рука закрывает или открывает дверь, контур замыкается и размыкается, – пояснил Унро. – Чужая рука его нарушит, и тут будет выплеск такой сигнальный, на все здание.

– Круто, – оценил Джек. – А так, нашел тут что-нибудь нехорошее?

– Я не знаю, – нахмурился Унро. – Были следы чужого присутствия, но смазанные, старые.

На том и расстались. На всякий случай Энца все равно спала при свете, хотя этот детский способ избежать опасностей не давал никаких гарантий, да и просто был смешон.

Проспала она против обыкновения почти до обеда, потом наверстывала упущенные утром часы упражнений, пока сосед снизу не постучал по потолку.

Благодаря короткому разговору тети с руководством Арсенального павильона, Энце уже позвонили и отругали за то, что она пропускает тренировочные часы. Стин умела быть убедительной, этого не отнимешь.

В субботу были факультативы у студентов, поэтому Энца послонялась по кампусу вокруг поля и задумалась над тем, чем заняться вечером. Можно было сходить в кино, а еще лучше – съездить к Анне. Джек сегодня собирался к Елизавете в больницу – хоть девушка и не приходила в сознание, Джек регулярно ездил к ней, участвуя в терапии. Брал с собой ограничительный амулет и под надзором врача делился энергией. Девушка не была магом, но была предельно измотана чарами ведьмы, поэтому Джек считал, что таким образом искупает свою вину. Ведьма могла выбрать другую жертву для своего воплощения в человеческом виде, но именно близость к Джеку определила Елизавету на эту роль. Джек кратко изложил свои доводы Энце, и та не нашла, чем возразить.

Еще обязательно нужно было позвонить Донно – тот тактично присылал ей сообщения с пожеланиями доброго утра и ни на чем не настаивал, но ситуация была какой-то подвешенной. Энца понимала, что Донно сейчас совсем не весело.

Она не могла перешагнуть через себя – после того, как Донно рассказал в больнице обо всем, что было с Джеком, в Энце что-то надломилось.

Донно был все тот же. Умом девушка понимала, что он выполнял свою работу – спасал тех, кого можно было спасти. Да, они подставили Джека, но считали, что следят за ним и что он в безопасности. Это она, Энца, была тем человеком, который должен был понять, что дело давно уже вышло из-под контроля. Что с Джеком беда.

Все эти рваные дыры в его памяти, внезапные уходы, резкая смена настроения – как можно было быть такой слепой? Да еще и обижаться невесть на что...

Донно ни в чем не виноват был, и все же...

Может быть, позвать его в кино?

Наверно, неплохое решение. И нет, лучше не звонить, а написать. Если Донно не может и не хочет, проще дать ему подумать и подождать ответа.

Энца так и сделала.

Правда, перезвонил ей после сообщения вовсе не Донно, а Финнбар. Долго извинялся за то, что обращается в законный выходной и отвлекает, потом сказал, что с ним связались из патрульной службы и потребовали выслать сотрудников, которые у него работают по вызовам категории «Z». Финнбар, который, оказывается был не в курсе подработки своих сотрудников, сначала поскандалил, потом в процессе разговора зашел на портал Института и поднял подробные профили Джека и Энцы, где были указаны дисциплинарные взыскания и обязанности. Впечатлился. В качестве компенсации пообещал диспетчеру патрульной службы найти обоих срочно.

Энца в недоумении слушала начальника: – тот как обычно был многословен и весел, но, узнав, куда надо ехать, расстроилась. Джек с машиной был в другом конце города, а ехать на общественном транспорте было далеко. Финнбар тут же вызвался подбросить – он сам жил в Зеленой башне, на три этажа выше Энцы. Поколебавшись, Энца согласилась и написала Донно, что если он согласен на поход в кино, то только поздно ночью.

Машина у Финнбара была самая обычная, старенькая классическая «аванта» темно-зеленого цвета. Энца села сзади несмотря на уговоры Финнбара и всю дорогу мучилась тошнотой – укачивало сильно.

Заметив в зеркальце, что Энца переписывается с кем-то в телефоне, Финнбар добродушно спросил:

– Джек пытается отлынить?

– Н... нет, – с запинкой отозвалась Энца. – Я с Донно разговариваю. Это... мой молодой человек, мы договаривались в кино пойти сегодня.

– Донно?.. Ого, – шутливо воскликнул Финнбар, – как бы у меня проблем не было, если он узнает, что это я тебя увез.

– Нет, – ответила Энца. – Я не уточняла, через кого вызов передали, просто написала, что мы с Джеком едем.

Она вздохнула, потом все же решилась:

– Финнбар, а правда, что вы написали жалобу на Роберта и Донно,

которые начали расследование? Они говорят, им влетело от начальства. Но просто это я попросила их помочь, поэтому...

– О чем ты? – удивился Финнбар. – О тех ребятах, которые приходили позавчера? Я, наоборот, был рад помочь. Надеюсь, вся эта чушь про переписку окажется неправдой, и девушку найдут живой-здоровой. Вполне может быть, у нее на сердечном фронте что-то случилось. Очень уж она грустной была в тот вечер.

Энца неловко пожала плечами. Она не верила, что Шиповник могла настолько увлечься – кем? – чтобы бросить все на свете и сбежать, отключив телефон. Но и спорить не хотелось – не то настроение.

Пока ехали, стемнело. На указанном месте их ждал Джек, уставший и молчаливый. Он курил, сидя на швартовочном кнехте и меланхолично поглядывал на темные воды реки.

Монстр-объект появился в одном из складов речного порта. Пароходство, которое его держало, разорилось, и склады сейчас пустовали: ни грузов, ни людей.

Энца держала в руках прихваченные с собой дежурные артефакты обнаружения, но ни один из кристаллов на диске не реагировал. У Финнбара, который по-мальчишески загорелся идеей поохотиться в ночи на монстров, в телефоне были высланные патрулем координаты точки появления. Джек снял ограничительный амулет и на расстоянии поддерживал баланс энергии с Энцей.

С каждым разом ему это удавалось все лучше и лучше. На всякий случай он остался ждать их на причале, чтобы не подставляться под удар, а Энца и Финнбар, тихо переговариваясь, углубились в сгущающуюся тьму в закоулках между складами.

Фонари там были, но совсем слабые, электрические, подвешенные с большими промежутками. Они едва освещали пространство.

– Вот здесь, – сказал Финнбар, сверяясь с картой на телефоне.

Энца заглянула в тупик за одним из зданий, наполовину погруженный в чернильную тень. Опять эти деятели из патруля забыли натянуть предупреждающие ленты, привычно вздохнула она.

Шагнула назад, чтобы достать на свету из сумки амулеты для работы, и вдруг споткнулась.

Не успев даже удивиться, Энца всем телом грянулась наземь. Возле шеи ожгло болью.

Энца в ужасе смотрела на темный асфальт перед глазами – тело не слушалось. Она не могла ни двинуться, ни крикнуть. «Где же Финнбар? – метнулась мысль. – Неужели с ним то же самое? Это... ведьма?»

Сухие четкие шаги за спиной. Ее тело перевернули на спину, и Финнбар тщательно обшарил карманы. Голова Энцы повернулась набок при движении, поэтому она могла видеть только краем глаза, но несомненно, это был именно Финнбар – сосредоточенный и совершенно спокойный. Он нашел ее телефон, вынул батарею, а сам корпус методично раздавил ботинком.

Так же молча зашвырнул батарею куда-то в темноту и ушел.

Энца слушала замирающий шум его шагов. Он идет к Джеку, подумала она. Идет к Джеку, а тот точно так же не ожидает никакого нападения.

Подозрительный Джек что-то придумывал про Якова и совершенно не брал в расчет Финнбара. Хотя, может, и брал, но вслух не говорил?

В общем-то, какая разница.

Сейчас Финнбар идет к нему, а Энца лежит черт знает где. Грудь жжет пластина амулета, который подарил Донно, но, видимо, его мощности не хватает на мгновенную нейтрализацию чар.

Она могла дышать – уже хорошо.

Плохо было то, что она сейчас видела. Глаза медленно привыкали к темноте, и та проявлялась как неудачная фотография, медленно и невнятно. Залитый густой тенью угол тупика не просматривался до конца, но то, что было ближе к свету, становилось четче: тонкая светлая кисть откинутой в сторону руки, смутно белеющий овал лица. Рядом – змеей на асфальте коса. Дальше все сливалось.

Шиповник никуда не сбегала и не пряталась. Не обманывала и не замышляла глупостей. Девушка все это время лежала тут.

Злые жгучие слезы застлали глаза, и Энца судорожно вздохнула, обещая себе, что Финнбар и все остальные, если они там есть, хоть ведьма, хоть десять ведьм, поплатятся за это.

История двадцать восьмая. Сон слишком глубокий

«Г-ну Координатору <...@magmail.vd>

13 окт. 20xx, 17:50

Мы нашли ведьму. Точнее, она нашла одного из агентов и прислала его с сообщением. Согласна на дальнейшее сотрудничество, но с условиями.

С ув-ием,

Н.»

«Г-ну Н. <...@inpcg.grajin.vd>

13 окт. 20xx, 18:02

Что за условия? В каком она состоянии? Перешлите мне отчет агента.
Координатор»

«Г-ну Координатору <...@magmail.vd>

13 окт. 20xx, 18:30

Нет возможности. Парень – овощ. Повторяет только то, что она приказала передать. Мы сняли его допрос на видео, в приложении к письму – ролик и стенограмма. Посмотрите и ответьте срочно, согласны на условия или нет.

С ув.,
Н.»

«Г-ну Н. <...@inpcg.grajin.vd>

13 окт. 20xx, 18:43

Выполняйте.

Без промедления. И без ваших сантиментов, Н.
Координатор»

Напарники скучали, сидя в машине. Энца рассеянно крутила настройку радио – искала новостную частоту. Ссориться с Джеком, как обычно, из-за музыки, не хотелось, да и тетя, которую они ждали, не признавала ничего кроме песен военных лет.

Тетя уезжала домой на поезде. Ее чемодан был уже загружен в машину, а сама она сейчас отчитывала портье гостиницы за какие-то проколы. В суть претензий Энца углубляться не стала, сбежала к Джеку.

– Мать у тебя такая же? – спросил Джек, с интересом представляя дом, в котором, наверняка, и в отхожее место надо с оглядкой идти – вдруг кому понадобится срочно опробовать какой-нибудь приемчик.

– Нет, что ты, – испугалась Энца. – Она обычный человек... в школе учителем работает, но все равно добрая. Стин и ее тоже ругает, говорит, что надо быть жестче.

Джек открыл было рот, чтобы прокомментировать, но в машину скользнула Стин, сев на заднее сиденье. Темные углы глаз вперились в Джека через зеркальце заднего обзора.

– Надеюсь, ваша машина достаточно быстро ездит? – сухо спросила Стин. Она еще не простила последней перепалки и не упускала ни малейшей возможности поддеть напарника Энцы.

Джек медово улыбнулся и тронул с места. Пожалуй, еще никогда

после сдачи экзаменов на права он не ездил, соблюдая все правила и ограничения скорости. Стин кипела и возмущалась – города она не знала, и понять, успеют ли они на поезд, не могла. Издергавшись, Энца, наконец, успокоила тетю, что успеют они вовремя, и в ответ снова выслушала сухие упреки в пренебрежении семьей.

– Мать ждет тебя в конце месяца, – покачав головой, сказала Стин. – Очень жаль, что тебя это недостаточно трогает.

– Ехать долго, те... Стин. Два дня туда, потом обратно. Да и с мамой я уже поговорила, она с подругами будет. Я лучше на зимние каникулы приеду, сразу на неделю. Вместе отпразднуем смену года.

Несколько минут в машине висело неодобрительное молчание.

– А у нас сегодня праздник, – наконец сказала Энца, неуклюже меняя тему. – Анна звонила, звала погулять. В Старом парке или Госпитальном.

– Что за праздник? – лениво спросил Джек, вырубивая к стоянке у вокзала.

– Сула-Ветрогонник, будут змеев пускать и, может, даже на воздушных шарах... – Энца вздохнула, – я бы покаталась.

– Ну тогда пойдем, – легко согласился Джек.

– На вашем месте, – едко сказала Стин перед тем как вылезти из машины, – я бы сосредоточилась на работе, а не на сомнительных увеселениях. Энца, выйди, проводишь меня до перрона.

По дороге Стин попыталась еще раз надавить на Энцу, чтобы та приехала домой, но девушка неожиданно для тети уперлась.

Тетя только недовольно цыкнула языком.

– Пришлю тебе новый график нагрузок и упражнений, – вместо прощания сказала она, и резко взмахнула рукой.

Энца привычно уклонилась от свистнувшего в воздухе ребра ладони – тетка запросто могла разбить дюймовую доску, – но в этот раз девушка предусмотрительно держала руки по швам, хотя кровь так и вскипела. С удивлением отметила, насколько отвыкла она от подобного: последнее время, если требовалось бить, то только на поражение.

Стин хмыкнула, опуская руку, а Энца только вздохнула. Впрочем, Стин было присуще своеобразное чувство справедливости, поэтому, проследив за тем, чтобы проводник устроил ее чемодан как надо, она выглянула в окно, чтобы сказать Энце:

– Если бы не этот балбес, вчера ты бы меня задела, – она нахмурилась, глядя на удивленную племянницу, и поторопила ее: – Ну все, иди уже.

Энца только кивнула, слишком ошарашенная, чтобы ответить ей.

Вернувшись в машину, она долго молчала, потом изумленно

произнесла:

– По-моему, тетя меня похвалила.

Унро тем временем сильно нервничал. Шиповник не появлялась с утра, и ее телефон был выключен. Все это он выложил торопливой скороговоркой, когда Джек и Энца вернулись с вокзала.

– Может, заболела, – предположила Энца. – Вечером зайди к ней в общежитие, я тебе номер комнаты оставлю.

– А у тебя он откуда? – спросил Джек.

– Я ей как-то заносила распечатанный доклад, который она на работе забыла, – пояснила Энца и снова повернулась к Унро. – Купи ей поесть, вдруг совсем плохо.

– А ты со мной не сходишь? – вздохнул Унро, представляя, как отреагирует Шиповник на вторжение коллеги.

– Извини, – смутилась Энца. – Я сегодня не могу, мы с друзьями договорились встретиться. Ты мне напиши, как там она, и что нужно будет, я завтра с утра забегу.

Унро снова вздохнул.

– Все равно мне это не нравится, – сказал он.

– Да ладно, – успокоила его Энца. – Когда я болела, тоже забыла телефон зарядить, он у меня несколько дней не работал. Если нервничаешь – сходи пораньше. Вызовов все равно никаких нет.

День был чудесный – солнечный, ветренный и не слишком холодный. Самый подходящий для Сула-Ветрогонника, старого-старого праздника, когда поминали беспутного младшего бога, управляющего ветрами и присматривавшего за ветряными мельницами, воздухоплавателями и прочим воздушным хозяйством.

Мало, конечно, кто сейчас действительно почитал полный пантеон, но этот день был любимым у стихийников вроде Энцы и Джека – сплошное удовольствие, развлечения и никаких сложносочиненных ритуалов.

Анна прятала лицо в складках широкого шарфа – боялась обветрить кожу и нетерпеливо постукивала каблуком. Они договорились встретиться у Якорного входа в Старый парк, то есть у самого канала. Тут ветер был сильнее, но очень уж красивый вид открывался, что на парк, что на неторопливые чернильно-черные воды.

Саган стоял, опершись спиной о кованую ограду и закинув голову, смотрел на парящих в небе над парком разноцветных змеев. Анна смотрела в другую сторону – ждала, когда подойдут Энца и Джек.

У Донно шли вторые сутки дежурства, и они с Робертом никак не могли вырваться. Это, впрочем, не мешало Донно писать магичке сообщения с просьбами присмотреть за Энцей.

– Да вот они, – сказала Анна и засмеялась, придерживая развевающиеся по ветру волосы.

Джек и Энца шли по другой стороне канала. Джек о чем-то глубоко задумался и широко шагал, засунув руки в карманы джинсов. Ветер трепал его волосы и полы длинного плаща.

Джек выглядел бы весьма лирично, если бы за его спиной не болталась как парашютист Энца. Она ловила порывы ветра, подпрыгивала и зависала в воздухе на несколько минут, для страховки держась за полы плаща Джека.

Особо сильный порыв ветра отбросил ее в сторону, и она захохотала, описывая круг над водой.

Саган обернулся на звук и завистливо хмыкнул. Хотел было окликнуть их, но Анна, испугавшись, что Энца отвлечется и улетит прямо в канал, остановила его.

– Да уж, – сказал Саган. – Не зря говорят, что воздушники – до самой старости дети детьми.

– Кто б говорил, – засмеялась Анна.

– Огонь – солидная стихия, – надулся Саган, но всякая серьезность слетела, когда Джек и Энца перешли мост и присоединились к ним.

Анна тепло обняла сначала девушку, потом Джека. Его она, правда, исподтишка ущипнула – за «прошлое дурное поведение». Джек только снисходительно улыбнулся, не собираясь ни возмущаться, ни просить прощения.

– Воздушные шары там есть? – первым делом спросила Энца.

– Есть, – ответил Саган, – но не катают, только поднимают на тросе вверх-вниз. Слишком уж ветер сильный.

– Жалко, – немного расстроилась Энца, но тут же оживилась: – А змеев напрокат дают?

– Дают, – сказал Саган. – Бесплатно, если вы удостоверения взяли.

– Конечно, взяли, – отозвалась девушка и потянула напарника за руку.

– Идем быстрее.

Саган зашагал вслед за ними, Анна немного задержалась.

Над темными кронами деревьев, в небе, которое уже предзакатно желтело, реяли десятки цветных змеев. Бумага, шелк, ленты и веревки.

Длинные тени ложились ей под ноги.

Дыхание вдруг перехватило, и Анна ощутила знакомый холодок,

бегущий от пальцев по рукам. Реальность дрогнула, двоясь. Хрустально зазвенел ветер в многогранном изогнутом небе.

Словно что-то почувствовав, Джек обернулся, вслед за ним Энца.

Сквозь прищуренные ресницы аура Джека – словно слепящий радужной кромкой сполох, и рядом туманным темным облаком Энца.

Горло сжалось в спазме, и щеки обожгло слезами. Первый раз за долгое время – предвестники транса. Анна, вобрав в легкие воздух, позволила сознанию соскользнуть во мглу, уступая место тому, что приходило говорить ее голосом.

– Анна, ты чего? – спросила Энца. – Тебе нехорошо?

– Больше не увидимся, – глядя сквозь нее, глухо произнесла магичка. – Нет ветра в пустоте.

Она закрыла глаза и мягко осела, так что Саган едва успел подхватить ее.

– Что случилось? Звонить в скорую? – на ходу вынимая телефон, спросила Энца.

– Быстрее сами доедем, на машине, – возразил Джек, прикасаясь к холодному запястью Анны. – Это было предсказание?

– Да, – ответил Саган. – У нее... бывает, в прошлый раз тоже... Ребят, давайте на машине. Только не в Институт, мне не нравится новый мужик, который в медблоке.

– Недалеко госпиталь Северной заставы, где мы с Джеком были, – сказала Энца.

Джек подхватил Анну на руки, и они поспешили на стоянку.

В госпитале ничего толком сказать не могли. Пока Саган ездил к Анне домой за медицинской страховкой, Джек расспрашивал врача о том, что это такое может быть, а Энца переписывалась с Унро. Юноша побывал у Шиповник, выяснил у коменданта, что она не появлялась с прошлого вечера, и теперь тосковал у Леди Гарброу, не в силах идти домой.

Дежурный врач был молод и растерян. Он разводил руками:

– Это явно не обычный обморок, больше похоже на сон. На препараты не реагирует – скорее всего, сон наведен чарами, но... вот, видите? У нас есть стандартный амулет, и он не показывает никаких магических эманаций. Я позвонил нашему заведующему. Он маг, чувствует тоньше, но когда уж он придет, я не знаю...

Вернулся Саган с документами, потом после окончания дежурства – Донно и Роберт, но Анна так и не пришла в себя.

Донно, а вслед за ним Роберт на доступном им уровне просканировали спящую магичку – и тоже развели руками.

– Я ничего не чувствую, – сказал с сожалением Донно. – И я уже ведь осматривал ее раньше. Если это чары, то очень специфические. Мне не знакомые.

Саган снова привел врача, и тот снова рассказал, что они вводили Анне.

– Анализы крови только завтра будут готовы, – сказал он. – Ведь вполне может быть, что это отравление.

– Она давно себя плохо чувствовала, – возразил Саган. – Не мог же ее кто-то все это время травить – да и как?

– Откуда я знаю, как? – удивился врач. – Я же не следователь. Просто говорю, что может быть...

Пока они разговаривали, Джек вышел покурить, а в палате появился невысокий чернявый мужчина. Круглая голова на тонкой сухой шее, на тощем теле – мятый белый халат, рукава которого были явно ему длинны.

Скользнув незамеченным в двери, он подошел к Анне, что-то бормоча под нос, но едва протянул руку к лицу женщины, как был резко остановлен.

– Ну-ну, – хмыкнул незнакомец, скосив глаза сначала на Сагана, потом на Энцу, которые одновременно ухватили его за жилистую смуглую руку. Донно, который медвежьей хваткой держал его за плечо сзади, он видеть не мог.

– Сразу три боевых мага, – неуместно довольным тоном протянул человечек. Голос его был неожиданно низким и глубоким. – И ведь какое интересное собрание... бесконтрольный огневик, эмпат, пустой воздушник, хм-хм...

От неожиданности Донно отпустил тощее плечо, шагнув назад, да и Саган, нахмурившись, разжал пальцы.

– Мы-то знаем, кто мы такие, – тихо сказала Энца, принуждая руку мужчины опуститься. – А вот кто вы?

Ей было сложно перестроиться сразу – войдя в боевое состояние, она еще по инерции продолжала просчитывать ситуацию как в сражении.

Прежде чем человек заговорил, за него вступился дежурный врач, на пару минут онемевший от того, как стремительно его собеседники всем скопом накинулись на посетителя. Рядом остался стоять один Роберт – но и он напряжился, мгновенно сплетя чары, чтобы при случае прикрыть своих. Теперь он шипел и отплевывался, распуская клубок второпях скрученных силовых линий.

– Это наш заведующий, я же говорил, что звонил ему, – откашливаясь сказал врач. – Кхм... простите, Каролус, это коллеги нашей пациентки, они... э-э, очень волновались, и я разрешил остаться...

– Ничего, Витенька, ничего, – миролюбиво сказал маг, но врача это, видимо, не обмануло: выражение тоскливого предчувствия омрачило его и без того уставшее лицо. – Идите, Витенька, потом поговорим.

– Д-да, – сказал тот. – А... посетители?..

– Пока пусть остаются, – сказал Каролус, растирая запястье, которое, наконец, выпустила Энца.

Врач, тяжело вздохнув, вышел, столкнувшись в дверях с Джеком.

– Чего все такие злые? – спросил тот. – Вы тут подрались, что ли?

– Ого, – уважительно и совсем по-мальчишески протянул Каролус. – Ну и силища у вас, молодой человек.

– Это что за клоун? – неодобрительно посмотрел на него Джек, сразу не разглядев врача за широкой спиной Донно.

– Это доктор, – тихо ответила Энца. Она отошла к стене у изголовья Анны и замерла там.

– Я вам не нравлюсь, да? – засмеялся врач. – Ну и правильно. Это у вас инстинкты, милочка. Но я не опасен, совсем. Я добрый, людей лечу вот. А теперь – т-с-с! Все замолчали, нужна тишина.

От этого «т-с-с», тихого, словно шипение змеи, морозом по хребту пробрало даже Джека. Саган и Энца неосознанно напряглись, принимая боевую стойку, а Донно от греха подальше вышел в коридор: его непривычно замутило от странного эмоционального фона, который излучал доктор.

Спустя пару мгновений Джек присоединился к нему.

– Ну и морда, – сообщил он. – Прямо руки чешутся набить. И кто его пустил людей лечить?

Донно только покосился на него, не ответив. Последние события наложили свою тень на их и без того непрочные приятельские отношения. Донно чувствовал свою вину – и одновременно злость и ревность. И еще видел, что Джеку на его внутренние метания наплевать. Это бесило больше всего.

Но несмотря на дурное впечатление, Каролус дело свое знал хорошо – одно то, что по касанию он в момент смог определить даже заблокированные эмпатические способности Донно, говорило о многом.

Саган морщился, глядя как Каролус водит руками по телу Анны, бормоча что-то под нос и подолгу задерживаясь над энергетическими узлами. Роберт прикрыл веки, но по вздувавшимся ноздрям было понятно, что и он напряжен.

– Третий случай, – неожиданно сказал врач. – В городе – это уже третий зафиксированный случай. Что предшествовало? Когда началось?

– В сентябре грипп был, – неуверенно сказала Энца. – Это я ее, наверно, заразила. Она говорит, у нее было много дурных снов, да и после она тоже много спала.

– Засыпала на ходу, – вклинился Саган. – За компьютером на работе, в машине, за обедом.

– Я настоял на том, чтобы пойти к врачу, и мы ходили в медблок Института. Там ничего не нашли, – добавил Роберт.

Каролус резко распрямился, ловя его взгляд.

– Боюсь, мало кто из моих коллег разбирается в старинных проклятиях, – сказал Каролус. – Хотя любой достаточно квалифицированный врач с магической степенью должен был уловить темный фон. Вот здесь.

Худой смуглый палец уперся в солнечное сплетение спящей Анны.

– Я пока не знаю, что тут такое, но подобные темные бляшки проклятий есть у всех, кто подобным образом уснул. Три случая за неделю, я говорил?

– Говорили, – подтвердил Роберт. – Те же симптомы?

– Вялость, апатия, сонливость долгое время, потом после небольшой встряски – неожиданный обморок, из которого пациент уже не выходит, – задумчиво перечислил Каролус, снова водя ладонью над животом Анны.

– И чем вы им помогли? – напряженно спросил Саган. – Как вывести ее из этого состояния?

– Пока никак. Никто еще не проснулся, – рассеянно ответил Каролус.

– А мужик-то по одной из специальностей – некромант, – задумчиво сказал Роберт, когда вся компания обходила главный корпус госпиталя по дороге к парковке.

Каролус достаточно бесцеремонно вытолкнул их всех, согласившись, однако, на возможность посещения в любое время. Судя по шипению, доносившемуся из ординаторской, заведующий отправился разбираться с подчиненным, нарушившим внутренний распорядок.

Донно забрал у напарника телефон, с которого тот читал личное дело Каролуса и присвистнул:

– Одаренный тип – две диссертации, научная степень... еще одна, аннулированная... пара увольнений за проведение опытов над людьми...

Донно, не сбавляя шага, мягко выбросил руки в стороны, останавливая резко бросившихся назад Сагана и Роберта.

– Это ж когда было, – пояснил он. – Почти десять лет назад. Да и не дурак он: видел, кто приходил, банально побоится что-то делать... Да

стойте вы оба!

– А я-то думаю, что у меня руки чешутся, – сказал Джек.

Энца кивнула:

– От него ощущение, как от Артура, неприятное. Хотя тот не пугал.

– Еще бы, – фыркнул Джек. – Сравнила.

– Ребята, – вдруг вспомнила Энца, забежала вперед и остановилась перед мужчинами. – А ведь у нас сотрудник пропал. Что нужно делать? Может, она к родным поехала, но как с ними связаться, мы не знаем. Ушла с работы, но до общежития не дошла.

Конечно, Роберт и Донно были с дежурства, это Энца понимала. После двух суток – но если кто и мог сейчас быстро помочь, то это были они. Вдруг с Шиповник что-то дурное? Ведьма все так же на свободе. Насколько уж большие у нее повреждения после того вечера, и какая у нее нехватка сил, неизвестно.

Энца думала, что пусть уж лучше она перестрахуется и попадет в неловкое положение, когда узнает, что Шиповник просто у себя дома, в семье, а телефон... ну, сломался. Пусть лучше так. Даже если придется краснеть, оправдываться и писать объяснительные.

Вот только ни того, ни другого делать не пришлось. Сагана отправили домой, Роберт с Джеком пошли опрашивать коллег, а Донно и Энца – в общежитие.

Донно быстро уломал коменданта открыть комнату Шиповник.

Энца здесь была всего один раз, и на ее взгляд тут ничего не изменилось. Маленькая комната с кроватью, шкафом и письменным столом – Шиповник, как лучшая студентка на курсе, могла жить одна.

Сухой приятный запах трав, анисового масла и полыни.

На верху шкафа ровный ряд банок темного стекла. В специальной коробке с картонными разделителями полотняные мешочки, подписанные крупным почерком Шиповник, – травы. На столе беспорядочными стопками лежат бумаги, поверх – закрытый ноутбук. Кровать застелена.

Донно, войдя, повел носом. Потом, прикрыв глаза, сосредоточился на сканировании, пока Энца тихо скользила по комнате, не притрагиваясь к вещам и внимательно оглядывая предметы.

– Здесь есть защита, но она деактивирована. Либо она забыла запустить ее, уходя, либо кто-то уже тут бывал. Но следов я не чувствую.

– Могли скрыть? – быстро спросила Энца, осторожно вытаскивая из бумаг фирменный бланк с маленькой птичкой в углу.

– Могли и скрыть, – сказал он. – Только зачем?

Издательство «Амадина». Приглашение на собеседование и стажировку, расплывчатые фразы о том, что успехи студентки впечатлили руководство и они будут рады предоставить свою материальную базу для помощи в написании дипломной работы.

Честолюбивую Шиповник это могло задеть. Исходящая дата – полторы недели назад. Может ли быть, что девушка это письмо распаковала недавно? С другой стороны, Шиповник не так уж и делилась своими личными делами, могла и умолчать.

Ходила ли она? Энца вернулась к дате, на которую было назначено собеседование, и едва успела его прочитать, как бумагу изъял Донно.

Девушка не расстроилась, нырнула под стол, чтобы вытащить мусорную корзину. Она была почти пуста – только пара бумажных платков.

Позвонил Джек, и Энца, покосившись на Донно, включила громкую связь.

– Прижали Финнбара и Леди Гарброу, – отчитался Джек. – Она сидела в нашем кабинете долго, потом помогала теткам, по их просьбе понесла документы Финнбару. Больше они ее не видели, ушли почти сразу домой. Финнбар сказал, что его не было в кабинете, а когда вернулся, Шиповник его ждала и была чем-то расстроена. Подписал бумажки и проводил ее до выхода – говорит, что все равно по дороге покурить надо было. Попрощался на крыльце. Куда пошла, не следил, вроде как отвернулся от ветра, чтобы прикурить. Ну, и все. Больше никто ее не видел. Унро пошел искать дворника, вдруг тот на ночь глядя решил прибраться и что-нибудь заметил.

– Джек, – сказала Энца, – тут письмо с приглашением от «Амадины».

Скрывать это девушка не видела смысла – Яков ничего не просил умалчивать. Да и это могло быть хорошей такой связкой, которая вывела бы их к девушке.

Джек помолчал, а потом сказал, куда как мрачнее, чем до этого:

– Мы тут подняли ее личное дело. Роберт говорит, что дозвонился до матери Шиповник. Дома она не появлялась.

– Скажи Роберту, что этого достаточно, – решил Донно. – Заводим дело и подключаем остальных. Тут явно дело неладно. Нужны поисковики. Про «Амадину» расскажете отдельно.

Был уже восьмой час. Донно предложил Энце проводить ее до общежития, но девушка отказалась, вдвоем дошли до флигеля. Финнбар уже ушел домой, написав необходимое для открытия дела заявление о пропаже сотрудника.

Энца была благодарна Донно за то, что тот не настаивал на разговоре

или выяснении отношений: последнее время они мало общались, у мага было слишком много дел, а Энце было неловко.

После ухода магов, во флигеле они остались втроем, с Джеком и совершенно убитым Унро. Тот порывался то забиться в угол и страдать, то бежать и прочесывать город. Джек совершенно безжалостно гонял его за кофе и бутербродами, доставал с отчетностью и заставлял убираться в кабинете, пока юноша не вспылит.

– Ну вот, теперь ты на человека стал похож, – удовлетворенно сказал Джек, выслушав возмущенную тираду.

Энца, которая как раз зашла в кабинет, устало произнесла:

– Пойдем пить чай. Там в холодильнике пирог с мясом.

– Это ж Леди Гарброу принесли, – оживился Джек.

– Они нас на ленточки порежут, – опасно сказал Унро.

– Да пофиг, – махнула рукой Энца.

Джек, заподозрив, что напарницу подменили, взялся задавать ей хитрые вопросы, чтобы вывести на чистую воду, и Унро даже немного похихикал, пока они не добрались до комнаты отдыха и пирога.

Спустя полчаса Унро, более-менее успокоенный звонком Роберта о том, что они передали дело поисковикам, сытый и усталый, отправился домой, пообещав написать, как только доберется. Джек предложил проводить Энцу до ее общежития, но девушка снова отказалась.

– Так это правда? – хмыкнул Джек. – И где ты тут спишь? На диване? Тут даже ты не поместишься.

Энца побледнела, потом насупилась:

– Откуда узнал?

– Ты засиживаешься допоздна, а еще Унро сказал, что пару раз пришел очень рано, а ты тут уже была. Я сложил два и два. Почему ты у себя не ночуешь?

Энца помялась, потом подтянула коленки к груди и обхватила их руками.

– Мне страшно, – призналась она. – Не могу там находиться вообще. Когда выключаю свет, у меня четкое ощущение, что она стоит и смотрит.

– Она?

– Ну... ведьма. Джек, я не знаю, почему, но там я больше спать не могу.

– Верх логики – сбежать, – презрительно фыркнул Джек. – Тебе в голову не пришло, что надо просканировать комнату? Мало ли что там начаровано? Или следы, например, если ведьма там побывала.

Энца изменилась в лице и сразу отвернулась.

– Ты что-о-о, – поразился Джек, тут же меняя тон, – ведьму боишься?

– Не боюсь я никого, – сердито проворчала Энца.

– Ну, после того, как я видел твою тетку, я даже знаю, почему. Я еще не встретил ни одного монстр-объекта, что был бы страшнее этой дамы... разве что Офелия? Но я не уверен, Офелия, все же более... милая.

– А, ты заметил, что они похожи чем-то? – обрадовавшись, что можно перевести тему, спросила Энца. А потом, невпопад, по ассоциации, перескочила на мысль, которая мучала ее с самого утра, – Джек, ты знаешь, сегодня на перроне, тетя снова проверяла мою реакцию... ну, она всегда это делает... и я едва сдержалась. Я вдруг подумала, что одним движением могу развалить пополам хоть весь вагон, хоть бетонный перрон...

Это непонятное, пьянящее и одновременно пугающее чувство поразило ее тогда. Энца и прежде не сомневалась в своей реакции и умениях, но по привычке всегда считала себя слабой – более слабой, чем, например, тетя. Во время учебных тренировок, с големами или на полосах препятствий, и когда тетя неожиданно нападала, проверяя, Энце удавалось уворачиваться из последних сил – если вообще удавалось.

На перроне она сделала это машинально – и вдруг поняла, насколько она превосходит свою наставницу. Та по-прежнему видит в ней ученицу, но на самом деле, ничему уже научить не сможет. Как големы, как монстр-объекты, тетя ей не соперник. Один удар – от которого нет физической защиты, – и всё.

– Не зарывайся, – сухо сказал Джек.

Он наблюдал за ней, враз посерьезнев.

– Не забывай, Энца, – сказал он. – На тебя хватит всего одного амулета подавления стихийной компоненты, и ты уже не тот боец, что обычно. Магу и амулета не нужно, чары-печать воздуха сложны, но все же известны. На меня не действует – но все равно и меня можно запросто вырубить фигней вроде детской «замиралки», ну или пресловутого «мертвого храна». На любую силу найдется противодействие.

Джек потер переносицу.

– Глупая Энца, – продолжил он. – Говоришь такие вещи, но ведь на самом деле на человека ты никогда в жизни не сможешь руку поднять. Ты же помнишь... ты помнишь, что не смогла.

Энца потрогала спрятанный под одеждой диск-амулет, который ей подарил Донно, и подумала, что Джеку бы тоже такой не помешал.

Хотя, при чем тут это... Джек ведь прав – она зарвалась, вообразив свое всемогущество. Опасно. Недооценивать противников – опасно. Нет, опять не то. Тетя не противник... и сегодня она преподала еще один

хороший урок – хотя и сама не поняла этого.

– Забей, – сказал Джек, внимательно глядя на нее. – Ты помнишь? Мы уговорились, что с людьми буду разбираться я сам.

Энца подняла голову, встречая твердый и все еще непривычно серьезный взгляд напарника.

– Ладно, – сказала она. – Я завтра попрошу, чтобы комнату проверили и очистили, если что. Но сегодня я туда все равно не пойду.

– Ко мне?.. – спросил Джек.

Энца покачала головой.

– Ладно, – покладисто согласился Джек. – Тогда я тоже где-нибудь тут останусь.

– Где это? – удивилась Энца. Диванчик в комнате отдыха, больше декоративный чем функциональный, едва вмещал ее саму в скрюченном состоянии, а других мест не было.

– К Финнбару пойду, – ответил напарник, – у него там кожаный диванище есть, только коробки сбросить – и все отлично будет.

Энца испугалась, представив, что будет утром, когда Финнбар обнаружит такое дело у себя в кабинете, и отговорила Джека оставаться на ночь во флигеле.

Позже они оба пожалели об этом – все могло бы обернуться совсем по-другому.

Ну, а так Энца вытолкала Джека восвояси, пообещав позвонить утром и разбудить вовремя.

На следующее утро они ждали новостей от поисковиков, но до обеда была тишина. Унро послали в помощь Леди Гарброу, чтобы те заняли его работой по самые уши, иначе на него было больно смотреть. Словно на его замену пришел Саган, не менее печальный и неприкаянный.

Сев на место Унро, он качался на стуле и пил кофе, раздражая Джека мельтешением.

– Никаких пока прогнозов, – жаловался он. – Но этот докторишка сказал мне приходить каждый день и проводить рядом с ней как минимум час – читать вслух или разговаривать. Я просил разрешение на два раза – ну, утром и вечером хотя бы... не согласился. Говорит, что это не фига не сон... давит на Роберта, чтобы тот посодействовал переводу двух других пациентов к нему в отделение, чтобы все вместе были.

– Не сон? А что? – спросила Энца.

Саган пожал плечами:

– Онейро что-то там, я не запомнил. Суть в том, что она вроде как

видит сон, который не является сном, и не может проснуться. Чем дольше спит, тем тоньше связь с этим миром. Поэтому нужно, чтобы я приходил.

– Хочешь, я тебя подменять буду, если что? – предложила Энца.

– Не, – покачал головой Саган. – Нужно, чтобы это я был – у нас связь крепче.

Энца вздохнула.

– Если бы доктор знал, что это за проклятье, можно было бы посмотреть в архивах подробности... да и мозгами раскинуть, где она могла его подхватить, – с сожалением сказал Джек.

– А что... если ведьма? – запнувшись, предположила Энца.

Джек с жалостью посмотрел на нее.

– У тебя за каждым кустом ведьма сидит, – сказал он. – Для проклятья ее умений не хватит, это все ж высшая магия, а не ее «тарам-барам» интуитивный.

После обеда позвонил Роберт. Вздохнув, сообщил две новости. По своему почину он прошерстил данные о пациентах городских больниц и послал запросы паре коллег в пригородах. Жертв странного проклятья оказалось в два раза больше – по крайней мере, тех, что подходили под составленное описание. И одну общую деталь Роберт тоже нашел, практически сразу. Помимо того, что все шестеро были маги, несмотря на разный возраст, пол и специализацию, у них всех был зафиксирован дар предвидения в той или иной степени. Всю эту информацию Роберт рассказал по телефону Каролусу – и к отвращению мага, доктор просто брызгал слюной от удовольствия.

– Главное, чтобы он смог вылечить их, – неуверенно успокоила Энца раздраженного Роберта. – Ну, то, что он с энтузиазмом ко всему, это же хорошо...

Джек хмыкнул скептически – слушали они Роберта по громкой связи.

Немного успокоившись, тот сообщил еще более неприятную новость: поиски Шиповник прекращены и переданы другим следователям. В ноутбуке, изъятом из комнаты студентки, нашли переписку, которую она вела с одним из бывших членов «Свободной ассамблеи», и письма недвусмысленно говорили о том, что девушка собиралась примкнуть к незаконно собираемой группировке. Об этой группировке – еще не собранной и ничего не предпринявшей, – уже две недели говорили в новостях и дискуссионных клубах в Сети, прогнозируя страшные вещи, вроде терактов на Алом турнире.

Маги привычно пропускали словопрения мимо ушей – подобные домыслы были не редкостью, каждый раз находилось что-нибудь эдакое,

что можно было бесконечно обсуждать. В прошлом году, например, пугались возможности прорыва тонких мембран и заполнения всего мира монстр-объектами, предсказывали войну с империей и падение огромного метеорита на столицу. Запущенный пресловутым Шенке турбийон всколыхнул Старый свет, еще несколько месяцев спустя любая пространственная аномалия воспринималась предвестником конца света.

Но как бы там ни было, службы безопасности не дремали, и дело Шиповник было передано в управление маг-бригад для дополнительного расследования.

Информация об «Амадине», по словам Роберта, тоже была принята к сведению, но как-то без энтузиазма – все же одни домыслы, без фактов.

– Но это же бред, – пораженная до глубины души сказала Энца. – Да такого просто не может быть. Шиповник ни в жизни бы не полезла в такие дела! У нее планов на дальнейшую жизнь было... есть... целая куча. Да у нее время расписано по часам! Джек, ну скажи, не может быть такого!

– Тише, тише, – сказал Джек. – Роберт, можно что-то еще сделать?

– Не фига, – мрачно отозвался тот. – Нам с Донно уже вкатили по выговору за то, что раньше времени влезли в ее комнату и давили на должностное лицо.

– Это на какое лицо вы давили? – удивился Джек.

– На Финнбара вашего. Он какого-то хрена настучал начальству, что мы без официального разрешения его допрашивали. С-су... сволочь. А ведь с нами нормально разговаривал.

– Да он хороший дядька. Он бы так не сделал, – потерянно сказала Энца. – Может, это не он настучал?

– А кто? Ты протри свои розовые очки, а еще лучшеними их, – сердито буркнул Роберт. – Ладно, извини. Если что еще узнаю, позвоню.

Как сказать об этом Унро, которого не было при разговоре, Энца не знала. Саган, тяжело вздыхая, отправился «немного поработать» – без Анны у него были серьезные ограничения на действия.

– У нас же есть знакомый поисковик, – вдруг сказал Джек. – Мирового класса, между прочим. Давай-ка вечером заглянем к Якову. Прихватим этого бледного юношу и какую-нибудь вещь Шиповник.

Этим они и подсластили горькую пилюлю для Унро. Найти вещь девушки оказалось сложно: Шиповник была очень аккуратна и не разбрасывала нигде свои принадлежности. Сошлись на том, что один из полотняных мешочков с травами, хранившийся на кухне комнаты отдыха вполне сойдет.

Яков поворчал, но покосившись на Унро, который вполне сошелся бы

на иллюстрацию к поэме «Королевство печали», взялся за дело.

Но несмотря на все его таланты и славу поисковика мирового класса, ничего у Якова не вышло. Разозленный неудачей маг пробовал несколько раз, пока не обессилел. Вывод был еще более обескураживающий и неутешительный – Шиповник была укрыта искажающими чарами. Только в этом случае Яков не увидел бы ее, присутствуй она в городе и ближайших окрестностях.

Совершенно непоследовательно и неожиданно для Энцы, Джек задумчиво сказал, когда они вышли из подвала Якова:

– Нужно проверить, кто его понизил. Да и вообще покопать вокруг, с кем общается старый перечник. Не нравится мне эта фигня его, с историей заговора и прочим.

– Ты что, Джек, думаешь... – остановилась Энца.

Потом вдруг присела на корточки, обхватив руками голову.

– Ну сколько можно, – простонала она. – Что же это такое? Куда ни плюнь, везде какие-то подозрения, недомолвки и непонятное... Джек, ну что это такое? Что мы вообще можем сделать?

Джек вздохнул. Присел рядом и обхватив ладонью ее затылок, несильно стукнулся лбом о лоб. Энца ойкнула.

– Пойдем, ребят, – неуверенно сказал Унро. – Холодно тут сидеть.

– Сейчас, – тихо сказала Энца, не двигаясь, но Джек, взяв ее за локоть, заставил встать.

– Ты так и не обратилась к хозяйственникам, чтобы тебе комнату почистили? – с укором спросил он.

– Забыла, – расстроилась девушка. – А ведь завтра выходной, и сейчас поздно уже... что за полоса невезения такая...

Унро предложил свою помощь, и за полчаса осмотрел и почистил жилой блок Энцы. Сделал какой-то немудрящий, по его словам, защитный контур и замкнул его на дверной ручке.

– Как только твоя рука закрывает или открывает дверь, контур замыкается и размыкается, – пояснил Унро. – Чужая рука его нарушит, и тут будет выплеск такой сигнальный, на все здание.

– Круто, – оценил Джек. – А так, нашел тут что-нибудь нехорошее?

– Я не знаю, – нахмурился Унро. – Были следы чужого присутствия, но смазанные, старые.

На том и расстались. На всякий случай Энца все равно спала при свете, хотя этот детский способ избежать опасностей не давал никаких гарантий, да и просто был смешон.

Проспала она против обыкновения почти до обеда, потом

наверстывала упущенные утром часы упражнений, пока сосед снизу не постучал по потолку.

Благодаря короткому разговору тети с руководством Арсенального павильона, Энце уже позвонили и отругали за то, что она пропускает тренировочные часы. Стин умела быть убедительной, этого не отнимешь.

В субботу были факультативы у студентов, поэтому Энца послонялась по кампусу вокруг поля и задумалась над тем, чем заняться вечером. Можно было сходить в кино, а еще лучше – съездить к Анне. Джек сегодня собирался к Елизавете в больницу – хоть девушка и не приходила в сознание, Джек регулярно ездил к ней, участвуя в терапии. Брал с собой ограничительный амулет и под надзором врача делился энергией. Девушка не была магом, но была предельно измотана чарами ведьмы, поэтому Джек считал, что таким образом искупает свою вину. Ведьма могла выбрать другую жертву для своего воплощения в человеческом виде, но именно близость к Джеку определила Елизавету на эту роль. Джек кратко изложил свои доводы Энце, и та не нашла, чем возразить.

Еще обязательно нужно было позвонить Донно – тот тактично присылал ей сообщения с пожеланиями доброго утра и ни на чем не настаивал, но ситуация была какой-то подвешенной. Энца понимала, что Донно сейчас совсем не весело.

Она не могла перешагнуть через себя – после того, как Донно рассказал в больнице обо всем, что было с Джеком, в Энце что-то надломилось.

Донно был все тот же. Умом девушка понимала, что он выполнял свою работу – спасал тех, кого можно было спасти. Да, они подставили Джека, но считали, что следят за ним и что он в безопасности. Это она, Энца, была тем человеком, который должен был понять, что дело давно уже вышло из-под контроля. Что с Джеком беда.

Все эти рваные дыры в его памяти, внезапные уходы, резкая смена настроения – как можно было быть такой слепой? Да еще и обижаться невесть на что...

Донно ни в чем не виноват был, и все же...

Может быть, позвать его в кино?

Наверно, неплохое решение. И нет, лучше не звонить, а написать. Если Донно не может и не хочет, проще дать ему подумать и подождать ответа.

Энца так и сделала.

Правда, перезвонил ей после сообщения вовсе не Донно, а Финнбар. Долго извинялся за то, что обращается в законный выходной и отвлекает, потом сказал, что с ним связались из патрульной службы и потребовали

выслать сотрудников, которые у него работают по вызовам категории «Z». Финнбар, который, оказывается был не в курсе подработки своих сотрудников, сначала поскандалил, потом в процессе разговора зашел на портал Института и поднял подробные профили Джека и Энцы, где были указаны дисциплинарные взыскания и обязанности. Впечатлился. В качестве компенсации пообещал диспетчеру патрульной службы найти обоих срочно.

Энца в недоумении слушала начальника: – тот как обычно был многословен и весел, но, узнав, куда надо ехать, расстроилась. Джек с машиной был в другом конце города, а ехать на общественном транспорте было далеко. Финнбар тут же вызвался подбросить – он сам жил в Зеленой башне, на три этажа выше Энцы. Поколебавшись, Энца согласилась и написала Донно, что если он согласен на поход в кино, то только поздно ночью.

Машина у Финнбара была самая обычная, старенькая классическая «аванта» темно-зеленого цвета. Энца села сзади несмотря на уговоры Финнбара и всю дорогу мучилась тошнотой – укачивало сильно.

Заметив в зеркальце, что Энца переписывается с кем-то в телефоне, Финнбар добродушно спросил:

– Джек пытается отлынить?

– Н... нет, – с запинкой отозвалась Энца. – Я с Донно разговариваю. Это... мой молодой человек, мы договаривались в кино пойти сегодня.

– Донно?.. Ого, – шутливо воскликнул Финнбар, – как бы у меня проблем не было, если он узнает, что это я тебя увез.

– Нет, – ответила Энца. – Я не уточняла, через кого вызов передали, просто написала, что мы с Джеком едем.

Она вздохнула, потом все же решилась:

– Финнбар, а правда, что вы написали жалобу на Роберта и Донно, которые начали расследование? Они говорят, им влетело от начальства. Но просто это я попросила их помочь, поэтому...

– О чем ты? – удивился Финнбар. – О тех ребятах, которые приходили позавчера? Я, наоборот, был рад помочь. Надеюсь, вся эта чушь про переписку окажется неправдой, и девушку найдут живой-здоровой. Вполне может быть, у нее на сердечном фронте что-то случилось. Очень уж она грустной была в тот вечер.

Энца неловко пожала плечами. Она не верила, что Шиповник могла настолько увлечься – кем? – чтобы бросить все на свете и сбежать, отключив телефон. Но и спорить не хотелось – не то настроение.

Пока ехали, стемнело. На указанном месте их ждал Джек, уставший и

молчаливый. Он курил, сидя на швартовочном кнехте и меланхолично поглядывал на темные воды реки.

Монстр-объект появился в одном из складов речного порта. Пароходство, которое его держало, разорилось, и склады сейчас пустовали: ни грузов, ни людей.

Энца держала в руках прихваченные с собой дежурные артефакты обнаружения, но ни один из кристаллов на диске не реагировал. У Финнбара, который по-мальчишески загорелся идеей поохотиться в ночи на монстров, в телефоне были высланные патрулем координаты точки появления. Джек снял ограничительный амулет и на расстоянии поддерживал баланс энергии с Энцей.

С каждым разом ему это удавалось все лучше и лучше. На всякий случай он остался ждать их на причале, чтобы не подставляться под удар, а Энца и Финнбар, тихо переговариваясь, углубились в сгущающуюся тьму в закоулках между складами.

Фонари там были, но совсем слабые, электрические, подвешенные с большими промежутками. Они едва освещали пространство.

– Вот здесь, – сказал Финнбар, сверяясь с картой на телефоне.

Энца заглянула в тупик за одним из зданий, наполовину погруженный в чернильную тень. Опять эти деятели из патруля забыли натянуть предупреждающие ленты, привычно вздохнула она.

Шагнула назад, чтобы достать на свету из сумки амулеты для работы, и вдруг споткнулась.

Не успев даже удивиться, Энца всем телом грянулась наземь. Возле шеи ожгло болью.

Энца в ужасе смотрела на темный асфальт перед глазами – тело не слушалось. Она не могла ни двинуться, ни крикнуть. «Где же Финнбар? – метнулась мысль. – Неужели с ним то же самое? Это... ведьма?»

Сухие четкие шаги за спиной. Ее тело перевернули на спину, и Финнбар тщательно обшарил карманы. Голова Энцы повернулась набок при движении, поэтому она могла видеть только краем глаза, но несомненно, это был именно Финнбар – сосредоточенный и совершенно спокойный. Он нашел ее телефон, вынул батарею, а сам корпус методично раздавил ботинком.

Так же молча зашвырнул батарею куда-то в темноту и ушел.

Энца слушала замирающий шум его шагов. Он идет к Джеку, подумала она. Идет к Джеку, а тот точно так же не ожидает никакого нападения.

Подозрительный Джек что-то придумывал про Якова и совершенно не брал в расчет Финнбара. Хотя, может, и брал, но вслух не говорил?

В общем-то, какая разница.

Сейчас Финнбар идет к нему, а Энца лежит черт знает где. Грудь жжет пластина амулета, который подарил Донно, но, видимо, его мощности не хватает на мгновенную нейтрализацию чар.

Она могла дышать – уже хорошо.

Плохо было то, что она сейчас видела. Глаза медленно привыкали к темноте, и та проявлялась как неудачная фотография, медленно и невнятно. Залитый густой тенью угол тупика не просматривался до конца, но то, что было ближе к свету, становилось четче: тонкая светлая кисть откинутой в сторону руки, смутно белеющий овал лица. Рядом – змеей на асфальте коса. Дальше все сливалось.

Шиповник никуда не сбегала и не пряталась. Не обманывала и не замышляла глупостей. Девушка все это время лежала тут.

Злые жгучие слезы застлали глаза, и Энца судорожно вздохнула, обещая себе, что Финнбар и все остальные, если они там есть, хоть ведьма, хоть десять ведьм, поплатятся за это.

MyBook — библиотека современной и классической литературы, новинки и бестселлеры, отзывы, рекомендации, популярные авторы.

История двадцать девятая. Излишняя сентиментальность

Было скучно. Чернильная вода тихо плескалась о бетонные стены речного ложа. Где-то далеко гудел город: машины, голоса. На складах было обманчиво тихо.

По-хорошему, конечно, этот порт должны были законсервировать или продать под другие цели. Шутка ли – почти в центре города пустующие здания... да мало ли какая бесовщина завестись может.

В небе черно: было новолуние. Дурное время. Любит всякая дрянь такие ночи – чем гуще тьма, тем веселее. Луна магам дает силу, серебро ее для победы. А в новолуние – раздолье нежити.

Джек сидел, поеживаясь, и прислушивался к звукам вокруг. Он не боялся, но резкий холодный ветер пробрал уже до самых костей, и зажженная сигарета плясала в окоченевших пальцах.

Расслышав смутный шорох позади, Джек встал и выбросил сигарету в воду. Подходящий к нему Финнбар задумчиво проследил за дугой, прочерченной тлеющим огоньком.

– Ты чего один? – удивился Джек. – Где Энца?

– Слушай... – замаялся Финнбар. – Так получилось... она уже ушла,

через служебный выход, напрямик к автобусной остановке. Мы ничего и не нашли, ни следа паранормального. Собирались обратно – и тут ее мужик позвонил... Кажется, решил, что она его обманывает. Энца аж с лица спала, пока его слушала.

– И что? – Джек зло нахмурился.

– Ну и сказал, вроде как, или я, или он. В смысле, видимо, ты. Я-то рядом стоял, слышно было, что говорит. Хотел было взять у нее телефон, сказать, что она со мной, на работе, но не стал лезть.

Джек вдруг успокоился, остро глядя на начальника.

– И она ушла?

– Да понятное дело, – пожал плечами Финнбар. – Не ссориться же ей с ним из-за тебя. Ты, извини, ей кто?.. – дружелюбно спросил он, ловя взгляд Джека, – Собственно, никто, верно? Да ты чего, расстроился? Не стоит... Я женщин повидал на своем веку: они хоть и милые, но расчетливые и хитрые бестии. Может, повезло, что она выбрала не тебя.

Он подобрался совсем близко, примериваясь, чтобы накинуть плетение, но договорить не успел: коротко размахнувшись, Джек врезал ему по скуле.

Финнбар охнул от неожиданности, но Джек не остановился, ухватил его за шиворот и от души вдарил еще, так что голова мага загудела. Он попытался увернуться и сбить Джека с ног плетением, но тот не дал и двинуться, завернул руку на спину и пинком по пятой точке отправил Финнбара носом в асфальт.

Тяжело дыша, Джек отошел от него и по привычке полез за сигаретой, но онемевшие вдруг пальцы выронили всю пачку, а сам он замер на месте. Тело не слушалось, и холод полз по позвоночнику, сковывая движения.

– Как ты узнал, бес тебя побори? – размазывая кровь из носа по лицу, спросил Финнбар, поднимаясь на ноги. – Да впрочем, неважно. Скоро увидите. Где-нибудь там, в чертогах неспящих.

Финнбар достал телефон и набрал номер.

Всякое веселье покинуло его лицо, теперь бледное и предельно серьезное.

– Я выполнил оба последних условия, – сказал он в трубку. – Буду ждать там, где уговорились... Нет, не приезжай. Она сказала, чтобы больше никого не было рядом, иначе не появится.

Финнбар нажал отбой, убирая телефон. Он коротко вздохнул и отвел глаза, видя потрясенное лицо Джека.

Слишком поздно он понял, что Джек смотрел не на него.

У Энцы темная аура. Мормор, поисковик, помнится, говорил, что сложно ее будет обнаружить.

И это хорошо.

Второго шанса – во всех смыслах – не будет.

Воздух скрадывает движения, ноги скользят по нему, словно по льду, стремительно и бесшумно. Надо настроиться заранее, несмотря на нервы, на усталость и все еще скованное тело.

Ноги – бесконечные корни дерева, уходящие вглубь земли. В центре живота шар света. Вдох – и по рукам к шару идет сила, выдох – и она расходится по телу.

Еще вдох.

Еще.

Как и Джеку, ей теперь тоже не нужен телесный контакт для обмена.

Финнбар покачнулся. Тяжестью налились его руки и ноги. Тошнотворная слабость поднялась изнутри, и дыхание сперло. Боль, тянущая, злая, железной лапой сжала грудь, и в глазах потемнело.

Теряя сознание, Финнбар упал под ноги своей несостоявшейся жертве, недоумевая, как же тому удалось... ведь он не может... не маг...

Поверх его тела напарники обменялись усталыми взглядами.

– Как ты догадался, что это неправда? – спросила Энца, опуская ладонь.

Наверно, теперь ее будут судить за незаконный забор чужой энергии. Хотя ведь это была самозащита?

– А это неправда? – едва шевеля губами, спросил Джек: «замиралка», которую на него накинул Финнбар, понемногу спадала.

Они одинаково усмехнулись, глядя друг на друга.

– Так ты его просто так ударил? – спросила Энца.

– Он какой-то бред нес, – пояснил Джек. – Сил не было слушать.

Руки тряслись, несмотря на то, что она довольно много забрала у Финнбара, Энцу мутило от слабости. Но она все равно захохотала вместе с Джеком, стоя над бессознательным магом.

Потом Энца резко замолчала и быстро-быстро, пока Джек не заметил, растерла по лицу слезы.

– Джек, – дрогнувшим голосом сказала она, – я нашла Шиповник.

Джек не сразу спросил:

– Жива?

Энца пожала плечами, отвела глаза.

– Мне показалось, что да. Я надела на нее свой амулет... Джек, надо

же вызвать скорую – и... и кого? Маг-бригаду? А Финнбар сломал мой телефон.

– С моего позвони, – сказал Джек. Двигаясь рывками, он вернулся к своему кнехту и уселся на него.

– Перед тем, как ты его оглушила, – произнес Джек, – он успел куда-то позвонить. Сказал, что «ждем, где уговорились» и что придет «она».

– Ведьма? – хищно подалась вперед Энца. Из сжатых кулаков помимо воли проявились бледные тени клинков.

– Скорее всего, – неловко пожал плечами Джек и едва не свалился с тумбы. – Что, подождем дамочку?

Энца колебалась. Джек криво усмехнулся, наблюдая за стремительной сменой выражений на ее лице.

– Нет, – наконец решила она. – Я не знаю, что с Шиповник: может быть, сейчас каждая минута на счету, а мы и так провозились. Давай телефон.

Пока они ждали приезда маг-бригады и скорой, сидя на соседних тумбах, Энца больше всего боялась, что Финнбар придет в себя, или Шиповник станет хуже. Ее они переносить не стали: во-первых, рассудили, что для криминалистов важно будет осмотреть все как есть, а во-вторых, не зная сути чар, наложенных на нее, можно было навредить еще сильнее.

Джек сидел лицом к реке, а Энца – спиной. Она внимательно вглядывалась в сумрак и окружающие их тени, немного надеясь, что ведьма появится раньше. Подтянула одну ногу под себя, чтобы при любой возможности можно было легко оттолкнуться и броситься вперед.

Да и за лежащим Финнбаром надо было присматривать.

– Шевельнется – руби голову, – меланхолично сказал Джек. – Скажем, так и было.

– Если бы не амулет Донно, – думая о своем, произнесла Энца, – я бы не встала. Финнбар чем-то зачаровал меня.

– Ну и зачем ты этот амулет надела на Шиповник? – устало спросил Джек.

– Я не знала, как еще ей помочь, – пожала плечами девушка.

Джек только вздохнул:

– До ужаса неразумно. Что, если бы Финнбар повернулся к тебе раньше времени? Я и то сглупил, не надо было на тебя тарашиться... А второго такого удара ты бы уже не выдержала. Он бы потом разобрался со мной и, может быть, вернулся к Шиповник и с ней тоже...

Энца не ответила. Скосив глаза, Джек посмотрел на ее профиль – упрямо нахмурилась. Сама знает, что нелогично, но считает, что все равно

права.

– Страшно было? – спросил он.

Еще как страшно, только она никогда в этом не признается. Амулет бесконечно, бесконечно медленно нейтрализовал чары, и тело начало бить дрожью, потом скрутило судорогой – но все эти долгие минуты Энца, не в силах пошевелиться, глядела на тонкие пальцы Шиповник и едва различимое лицо, гадая, можно ли еще помочь, или она безобразно опоздала... а потом, так и не дождавшись полного восстановления контроля, рванула вперед, преодолевая жуткую боль в одеревеневших мышцах и надеясь, что это не пресловутый «мертвый хран», от которого не избавиться. Трясущимися руками попыталась нашарить пульс, не удалось. Потом втянула воздух: не было дурного запаха гнили. Тогда она торопливо зачихала девушке под одежду свой амулет и, стремительно скользя в воздушных потоках, понеслась к Джеку.

– Больно было, – нехотя призналась она.

Они помолчали под негромкий плеск волн. Где-то вдалеке взвыла, приближаясь, сирена – то ли скорая, то ли полиция.

– Получится ли оправдать ее? – спросила Энца. – Почему он вообще это сделал?

Джек хотел предположить, что ведьма могла потребовать пищу, или же Шиповник что-то узнала, но в это время зазвонил телефон: Донно. Джек, не отвечая, протянул телефон Энце, и та до приезда скорой – а вслед за ней и полицейской бригады, терпеливо уверяла, что с ней уже все хорошо, и она цела, и даже почти ничего плохого не сделала, – пока Роберт не отнял у Донно трубку и не сказал, что они тоже в дороге и будут минут через двадцать.

Полицейские на удивление равнодушно выслушали их, замерили фоновый уровень энергии у Энцы и Финнбара. Джек с затаенной усмешкой дал измерить свой – и довольно наблюдал, как чертыхаются два криминалиста над сошедшим с ума рабочим артефактом.

Вместе с подъехавшими врачами сходили в тупик, где лежала Шиповник, потом их оттеснили подальше, приказав никуда не уходить и не путаться под ногами.

На Финнбара, так и не пришедшего в сознание, надели блокирующие наручники, Шиповник после долгого обследования криминалистами и врачами, погрузили в карету скорой помощи и увезли.

Роберт и Донно успели застать маг-бригаду и те, хоть и не обрадовались – даже не пытаясь это скрыть, – поговорили о чем-то. Энца не слышала – они с Джеком ушли за складскую стену, спасаясь от зябкого

ветра.

Потом напарников загрузили в машину Донно и повезли вслед за скорой в госпиталь – на обследование и очистку от остаточных чар.

Оттуда Энца позвонила Унро. Тот уже спал, конечно, но трубку схватил почти сразу, спросонок бормоча что-то несусветное.

Он невероятно обрадовался тому, что нашлась Шиповник, и Энце стоило больших усилий уговорить его успокоиться. Врачи ничего не обещали: девушка была в коме, и до того слишком долгое время провела под действием пока не определенного сложного плетения. Даже если она придет в себя, первое время будет парализована. О магических способностях, скорее всего, придется забыть. Измерения показывали критически снизившийся уровень энергии – все это время организм девушки боролся с чарами, расходуя внутренние резервы.

Забыть, если она вообще придет в себя.

Унро, дослушав, молча повесил трубку, но Энца не обиделась – у нее самой перехватило горло, когда дежурный врач произнес этот приговор.

Конечно, всего лишь предварительный – и всего лишь от дежурного врача, – но тут и дураку было ясно, что надежды очень мало.

Почти все воскресенье Энца спала, пока вечером не пришел Унро. Он расспросил о подробностях прошедшего вечера, сказал, что ездил в госпиталь, но в палату его не пустили. Родня Шиповник закрыла всякий доступ к ней, опасаясь еще одного нападения. Энца все еще дурно себя чувствовала и не нашла в себе сил – да и слов, чтобы утешить беднягу.

На следующее утро Энца долго и упорно дозванивалась до Джека, чтобы разбудить его вовремя, и тот, несмотря на недовольное ворчание, приехал намного раньше чем обычно. У Птичьего павильона они встретились, и Джек укоризненно покачал головой, осуждая Энцу за трудоголизм.

На крыльце их ждал Унро. Он сидел на верхней ступеньке, обхватив себя руками, с красным носом и несчастным лицом – видимо, давно сидел и успел основательно промерзнуть.

При виде их он встал и нервно сказал:

– Нам, наверно, пока лучше не ходить в наш кабинет. Я уже вызвал специалистов из Чайного домика.

– Что такое? – отрывисто спросил Джек.

– У нас ночью или утром кто-то был... бумаги разбросаны, и компьютеры разбиты...

– Бе-ес его возьми! – схватился за голову Джек. – Я ведь до

пятнадцатого уровня уже дошел! Да что за фигня такая! Как только дохожу до него, так обязательно что-нибудь случается... Что в следующий раз? Конец света?

– Просто на работе не играть нужно, – сухо отозвалась Энца.

Унро еще очень мягко описал то, что творилось у них в кабинете. Все четыре системных блока были вытащены в сторону от столов и разбиты. Рядом лежали раздавленные чьими-то ногами жесткие диски, выдернутые с мясом из раскученных недр. Мониторы – видимо, просто за компанию, – были покрыты паутинами трещин.

Энца вздохнула. После вчерашнего потеря всего лишь компьютеров не казалась ей чем-то ужасным.

– Жестоко, – опечалился Джек, разглядывая останки. – Ну что, кого ты здесь чувствуешь, Унро?

Светлые глаза Джека внимательно уперлись в растерявшегося вдруг юношу.

– Я... не знаю. Очень плохо чувствую. наших, всех... вчерашние следы. Ну, и... кого-то незнакомого. Двух незнакомых, наверно...

– Ты ни фигя не умеешь врать, – подытожил Джек. – А не умеешь, не берись.

Донно чувствовал, что они все врут. Он не обладал способностями погибшего Паладина, и не мог отличать истину от лжи, но вполне мог понять, когда ему врут.

Прав был Роберт, прав был Сова, когда отговаривали его брать на себя это дело.

Слишком личное, слишком близко он это воспринимал.

А они лгали.

Джек, который, развалясь на диванчике в комнате отдыха, язвил и ехидно спрашивал, неужели всех следователей сократили, и почему никакого разнообразия в лицах, один медведь по всем вызовам ходит.

Энца, которая старалась не смотреть ему в глаза, но суетливо пыталась заботиться: заваривала чай, доставала бутерброды, зачем-то мыла и убирала посуду.

Этот их парень, Унро, тревожно смотрел на Донно, забившись в угол комнаты. За весь разговор он ни разу не открыл рта: на все вопросы отвечали Джек и Энца.

Надо было Сову послать.

Хотя он, может, и не понял бы ничего.

Донно вот понимал – или ему казалось, что понимает. Самым

логичным было выцепить сейчас пацана и как следует надавить на него, так, чтобы правда полезла из ушей. Донно вздохнул, с силой потер лоб и с тоской спросил:

– Ну, оно хоть нужно было? Или это опять ваши мелкие хулиганства?

Энца замерла с вымытой кружкой в руке. Джек медленно усмехнулся – наверняка, сейчас скажет что-нибудь в духе «долго же до тебя доходило», а вот юноша... вот он-то, пожалуй, и есть главный злодей. Столько неприкрытого ужаса на лице.

Энца с грохотом швырнула кружку на металлическую решетку сушилки и, отвернувшись, стала вытирать руки полотенцем.

– Ну что, придется его замочить, – сказал Джек. – Он слишком много знает...

Он едва увернулся от полотенца, а Энца, все так же отводя глаза, нервно сказала:

– Извини, Донно. Тут что-то непонятное творится, видишь ли... Яков считает, что какой-то заговор, а эти из маг-бригады и вообще с какими-то выдуманными экстремистами носятся, везде их видят.

Она вздохнула и через силу сказала:

– Мы просто перестраховались. Так надо.

Донно держал лицо. Когда их глаза, наконец, встретились, он даже немного улыбнулся.

Хотя это и было больно. Он наивно считал, что они вдвоем по одну сторону баррикад, что бы там за баррикады ни были.

Врать ему из-за надуманной причины... «заговоры», «экстремисты» – при чем тут четыре компьютера архивных работников? Он бы все понял, если бы она позвонила и попросила помочь... прикрыть ошибку или их очередную выходку. Даже этого мелкого дурня, который начудил так, что в голове не укладывалось.

Донно просто не знал, что творилось во флигеле за полчаса до его прихода. Иначе он бы не считал, что все дело в ошибках и надуманных причинах.

После фразы Джека о вранье Унро даже отпрянул назад, едва не наступив на лежащую клавиатуру.

– Я... не знаю, – несчастным голосом сказал Унро. – что ты имеешь в виду?

Энца скользнула мимо него в комнату, огляделась внимательнее. Начала добросовестно перечислять:

– Все разбросано и разбито, а кружка Шиповник стоит на месте. Моя,

хоть и лежит на полу, но цела. Бумаги не тронуты, только немного перемешаны, и не то, чтобы они кому-то нужны были... ничего в них не искали.

– А мою кружку, значит, не жалко было? – с упреком сказал Джек.

– Я свою тоже разбил, – оправдываясь, проямлил Унро.

Напарники вздохнули, переглядываясь – настолько легко оказалось расколоть этот орешек, а Джек выразительно постучал себя по лбу.

– Говорил же – не умеешь, не берись, – сказал он. – Что ты пытался скрыть?

Унро долго молчал, глядя себе под ноги.

– Я вспомнил, как в тот день, первый день, когда она не пришла, я встретил утром Финнбара на нашем этаже. Что... что, если он тогда и в ее, и в ваших компьютерах что-нибудь оставил? Вроде той переписки с экстремистами... Вас бы точно так же не нашли, зато какая-нибудь гадость всплыла бы...

Джек и Энца переглянулись: выводы были... несколько притянуты за уши. Да и манера Унро разбираться с проблемами оставляла желать лучшего.

– Значит, так, – сказал Джек. – Как только придут следователи, стой и молчи, вроде как испугался-переживаешь. Мы как-нибудь сами отболтаемся.

Энца унесла обе кружки на кухню, а Джек поучаствовал в общем беспорядке, более художественно раскидав бумаги.

– Слушайте, – сказал он, забрасывая несколько папок под стеллажи, – а давайте наведемся в кабинет к начальству? Пока еще не опечатали.

Энца нырнула вслед за папками – чтобы те совсем далеко не попали.

– Давайте, – сказала она. – только ничего брать не будем, ладно? А то... Ну, мало ли...

– Что я слышу? – восхитился Джек. – Я думал, тебя уговаривать нужно будет дольше всего.

– Я хочу только посмотреть, – серьезно сказала Энца. – Вдруг за что-то взгляд зацепится, мы-то его дольше знали, да и во всей этой истории с ведьмой ближе всего стояли.

– А мне кажется, это очень плохая идея, – произнес Унро. – Ведь скоро следователь придет, я же звонил в Чайный домик.

– Ну раз так, значит, ты и будешь стоять на стреме, – ответил Джек.

Больших и потрясающих открытий они не сделали. Кабинет Финнбара – как и все остальные помещения во флигеле, кроме архива, – не запирался.

Это было необходимой техникой безопасности: замки во флигеле имели склонность ломаться в самый неудобный момент.

Криминалистов маг-бригады еще не было: для посещения территории Института им необходимо было дожидаться письменного разрешения директора.

Если Шиповник что-то здесь и видела, все эти улики были давно спрятаны. Энца выдвигала и разглядывала содержимое ящиков стола, аккуратно придерживая ручки платком. Джек в это время пошарил в стеллаже между папками и томами, потом запустил компьютер.

– Ничего, – с сожалением сказал он. – Вот бы к нему в комнаты заглянуть, или в машину...

Энца кивнула. Ничего, кроме канцелярских мелочей, бумаг и засохшего бутерброда она не нашла. Разве что... извернувшись, Энца засунула руку за нижний ящик, выдвинув его до предела. Не то, чтобы там можно было что-то прятать, но чего только не находилось волей случая в таких местах.

Джек как раз заметил горлышко бутылки на самом верху стеллажа – пустая. Прошелся еще раз по кабинету, а Унро, стоя в коридоре, громко шептал: «Ну, что, вы скоро? Пойдем уже, пойдем! Вдруг еще из архива Леди Гарброу придут...» Он даже застонал от ужаса, представив эту картину.

– Смотри-ка, Джек, – сказала Энца и подняла повыше вещь, которую удалось выудить из-за ящиков. – Это же «кошкина спина», да?

Джек подошел ближе, разглядывая. Прямоугольная тонкая рамка с ладонь размером, из мореного дерева, – а между планок хитрой паутиной натянута шерстяная нить. Амулет, который обязательно берут с собой на охоту за ведьмами – не дает «отводить глаза».

– Она самая, – задумчиво сказал Джек. – Новая, чистенькая, хоть ты ее бес знает откуда вытащила.

– Ребята, ребята! – зашипел из коридора Унро. – Кажется, кто-то идет!

Тревога была уже третьей по счету, но на всякий случай напарники решили выйти. Объяснить, почему они ходят по этажу проще, чем то, зачем они шарят в кабинете начальства.

Выходя, Джек приметил за мусорным ведром темную сумку для ноутбука, и мимоходом прихватил с собой – посмотреть, пока Энца будет прислушиваться, определяя, ложная тревога или нет.

В этот раз Унро был прав: во флигель пришел следователь и, тяжело шагая, поднимался по лестнице.

И вот как-то так и вышло, что Джек прихватил с собой эту сумку. Чуть

позже, когда Донно ушел, они посмотрели: небольшой ярко-оранжевый ноутбук. Под паролем. Бесполезная находка; перебрав несколько вариантов, Джек плюнул и сунул сумку за диван в комнате отдыха. «При случае отдам нашим друзьям-следователям, – легко уверил он коллег. – Скажу, что нашел».

Энца звонила долго. Укрывшись одеялом с головой, она слушала бесконечные гудки, потом связь обрывалась и девушка снова набирала номер.

– Ты совсем с ума сошла? – спросил напарник, поднимая наконец трубку. – Ну, я понимаю, тебе не хочется надолго лишаться моего общества... но, бес его возьми, два часа ночи, я только-только заснул.

– Джек, – не слушая, тихо заговорила Энца. – Я тут подумала: ведь Финнбар каким-то образом мог связываться с ведьмой... давай к нему сходим? Спросим про это. Они ведь сейчас почти не занимаются ее делом, Донно говорил. От начальства прилетело распоряжение, всех раскидали по другим делам.

Джек вздохнул и бросил трубку, ворча, что у всех напарники как напарники, а у него какая-то сумасшедшая девица. Энца немного подождала – и спустя пару минут он перезвонил.

– Тебе что, опять страшно? – спросил он. – Нет? Ну, хорошо. А на этой ведьме ты слишком зациклилась. Ладно, сходим. Хотя я и против этой дурацкой затеи, так и знай.

– Джек, нам все равно надо идти туда и подписывать показания.

– У тебя дурацкая привычка говорить гадости напоследок, – пожаловался Джек и положил трубку.

Попасть в серые коридоры маг-бригады номер три Центрального управления полицейских бригад оказалось просто.

Запасные варианты в виде связей Якова или знакомых в Чайном домике даже не пришлось использовать. Джек уболтал следователя по делу Финнбара, уверив того, что они, как бывшие сотрудники арестованного, обязаны уточнить некоторые вопросы по работе. Следователь сильно сомневался, что переключивание бумажек в архиве может быть такой важной деятельностью, что надо организовывать свидание с арестованным, но Джек очень красочно описал подробности своей карьеры, начиная с июня.

Следователь впечатлился: все эти события были еще недавно на слуху.

Допросная была оборудована специально для безопасного общения с магами. В потолок и стену, ориентированную на север, были вмурованы артефакты подавления магической энергии и стихийной компоненты. Стол и стулья стояли в центре мозаичного круга с выложенными рунами ограничения сил и принуждения к искренности. Палка о двух концах: следователям тоже приходилось нелегко.

Энце было и вовсе дурно. Позабытое чувство тянущей нехватки сильно мешало, сбивая с толку.

Наверно, следователь, оставшийся за зеркальной стеной, недоумевал: первые минуты две-три они молча сидели, даже не глядя друг на друга. Финнбар, побледневший и усталый, рассматривал руки, заключенные в стальные наручники с выбитыми по грани рунами.

Он был небрит и непривычно серьезен.

Джек нарушил молчание, вытащив из кармана и толкнув к Финнбару пачку сигарет.

– Конфет не привезли, – сказал он. – Извиняй.

Финнбар не двинулся, а Джек кивнул Энце: ее инициатива, пусть и задает вопросы. Но вместо того, чтобы узнавать о ведьме, Энца поймала взгляд Финнбара и спросила:

– Зачем вы это сделали? Разве Шиповник вам чем-то угрожала? Врачи сказали, что она может и не выйти из комы.

Светлые глаза без тени улыбки смотрели на нее.

– Так зачем? – мрачно повторила Энца, уже понимая, что ответа не услышит.

Финнбар просто не собирался отвечать.

– Как вы связывались с ведьмой? – спросила девушка, сдаваясь.

Переждав еще одну паузу: Джек играл в бомбометателя в телефоне, а Финнбар спокойно смотрел на нее, Энца сказала:

– Мы нашли у вас артефакты, которые используют при работе с ведьмами. В хозяйственном отделе сведений об их выдаче нет. Зачем они вам нужны были? Вы встречались с ней лично?

– Это не запрещено, держать под рукой разные артефакты, – сухо ответил Финнбар. – А вот вы – лазили в мой кабинет без спросу, угадал? Я от вас меньшего и не ожидал. Надеюсь, в жилой блок не вламывались? Я, если что, сигнализацию там установил.

– Мы нашли ноутбук, – не отрываясь от телефона, сообщил Джек.

Энца встревоженно посмотрела на него: что, если следователь все еще наблюдает за ними? Это ведь все же утаивание улик, в котором только что Джек и признался.

– О, – безразлично сказал Финнбар, – а я-то думал, где его оставил.

– Финнбар, – напряженно произнесла Энца, – вы ведь точно с ведьмой пересекались, вы ее ждали тогда. Скажите, как ее можно выманить? Вам ведь незачем ее покрывать.

Финнбар удивленно поднял брови:

– А кто сказал, что я ее ждал? Или что с ней общался? Не выдумывай. Нет ни фактов, ни улики. Ни-че-го.

Он пожал плечами.

– Финнбар, – подумав, сказала Энца. – Вы ведь нас не убили. Могли, но только парализовали. Значит, не хотели?

– Ты слишком мало в этом понимаешь, Энца, – ответил Финнбар. – Я бы сказал вам не лезть в это дело, но боюсь, вы уже завязли в нем так, что и макушки не торчат. Думаю, вам пора идти на работу. Меня нет, и рады прогуливать?

Последние фразы заставили даже Джека удивленно поднять бровь, настолько резким был переход.

– Закончим на этом, – сказал Финнбар. – Больше я все равно разговаривать не буду.

Однако в самых дверях, когда его выводили, Финнбар повернулся, чтобы произнести:

– Подписанные каталоги я оставил у себя в столе, передайте Леди. Не забудьте, что в конце месяца нужно делать сводку по делам.

И тихо, таким же будничным спокойным голосом Финнбар сказал: «Пароль – «нау». Энца даже подумала, что ослышалась, а Джек и вовсе пропустил мимо ушей.

– А сигареты прихватил, – сказал Джек, выходя на улицу. – И не поблагодарил, скотина.

– Разве в этом дело, – пробормотала Энца.

Джек искоса посмотрел на нее: девушка шла сгорбившись, закусив обветренные губы. В молчании они дошли до служебной стоянки, где Джек оставил свой «бейнс».

– Поругались с Донно? – Джек закурил и устроился как обычно на капоте.

Энца, сунув руки в карманы, нахохлилась рядом.

– Нет, – сказала она. – Просто у нас... нет времени. Как-то очень глупо – и его работа, и моя... и мы почти не видимся и не разговариваем, будто ничего не было.

– Почему ты уехала от него? Времени бы хватало.

Энца пожала плечами.

– Тогда это казалось логичным и обоснованным. Я боялась, что буду слишком зависеть от него. Он так спокойно предлагает все, что у него есть, не спрашивая ничего взамен, что просто совестно пользоваться.

– Это да, – кивнул Джек. – Это Донно. Но если он считает тебя за своего, фиг отцепится. До сих пор не знаю, повезло мне или нет, что я так с ним и не сошелся.

– Раньше по-другому было, – не отвечая, сказала Энца. – Несмотря ни на что, мы находили время. Ты знаешь, он меня немного пробовал учить простым чарам, чтобы выходили без ошибок... мне теперь резерв позволяет...

– Ну и как? – заинтересовался Джек. – Что ты умеешь?

– Да ничего особенного, только если долго сосредотачиваюсь, что-то получается... А еще мы ездили к его маме. Ты знаешь, что его мама в больнице?

– Я знаю о его семье, – ответил Джек и сильно затянулся. – В то время кто только не болтал об этом. Донно, бывало, и морды за сплетни бил.

– Должно быть, это неприятно, когда о твоём личном сплетничают, – согласилась Энца.

Они долго молчали, следя как тонкие струйки дыма от сигареты растворяются в холодном воздухе. Потом Энца сказала:

– Яков написал, чтобы мы заглянули. Да, и ты слышал? Уходя, Финнбар сказал: «Пароль: “нау”».

– К ноутбуку? Или к сигнализации? – предположил Джек. – Зачем он его сказал? Где логика? Вообще дурацкий пароль, всего три буквы.

– А разбить компы, чтобы не было проблем с занесенными извне данными, по-твоему логично?

– Подожди, подожди... ты чего это, что-то к Унро имеешь? – заинтересовался Джек.

– Н-нет, – запнувшись, сказала Энца. – Просто не нравится мне это. Он же не дурак, а поступил глупо.

– Перенервничал, – пожал плечами Джек. – Он же дерганый. Чуть что – и...

– Нет, Джек. Ты не прав. Но... ладно. Что будем делать в первую очередь? Ноутбук или Яков?

– Конечно, ноутбук. Что я там у Якова не видел, – отозвался напарник.

Саган зашел в архив около пяти. К тому времени в здании оставались только Энца и Джек: Унро давно вытолкали домой, он только отвлекал

виноватым лицом и суетливыми попытками что-то сделать. Леди Гарброу теперь заканчивали работу пораньше, старались уходить засветло. Старшая была оскорблена поступком начальника до глубины души и даже поговаривала об увольнении. Правда, вспоминая, на кого останутся ценнейшие бумаги архива, она сильно колебалась.

Ворча под нос, Саган остановился на пороге кабинета, недоуменно разглядывая напарников и помещение.

Разбитые компьютеры были сложены неровной кучей под окном. Джек, закинув ноги на стол, изучал содержимое веселенького оранжевого ноутбука, напротив него Энца точно так же внимательно что-то искала в своем.

– Привет, – растерянно сказал Саган. – Вы чего, тут перестановку решили сделать?.. а чего так круто с компами?

– Привет, – обрадовалась Энца. – Как дела?

– Да так себе, – отозвался Саган и уселся на место Унро.

Подвинул в сторону бумаги и пожаловался:

– Опять полчаса у вас под окнами ходил. Надо бы вам опять позвать мастера, чтоб пространство подкорректировал. Ваш флигель прячет дверь от меня.

– Тебе показалось, – рассеянно отозвался Джек. – Шиповник утверждает, что у зданий нет разума.

– Ну да, показалось, – фыркнул Саган, но сразу же остыл, не было настроения спорить. – Так что у вас случилось в этот раз?

– Кто-то компьютеры разбил, – сказала Энца. – Теперь со своими временно ходим. Нашего начальника арестовали, кстати. Он нас убить хотел.

Саган, который последнее время не интересовался окружающим, передвигаясь исключительно по курсу дом-больница-работа-дом, вытаращил глаза.

– Вы что, шутите так? Джек, это ты ее научил?

– Какие шутки, – отозвался тот.

– Я правду говорю, – обиделась Энца. – Он напал на Шиповник, потом на нас. И мне кажется, что он с ведьмой связан, только как...

– А зачем он это все сделал? – поразился Саган. – Твою мать, вы вообще умеете жить спокойно? Ну, вот знаете, когда каждый день скучно?

И Джек, и Энца уставились на него с осуждением.

– Мы не знаем, зачем он это сделал, – мягко сказала Энца. – Яков считает, что какие-то чудаки желают спасти всех магов страны и объединяются в странную организацию. Еще есть слухи, что готовят новый

теракт.

– Да вы-то двое тут при чем? – спросил Саган.

– Кстати, – перебил его Джек. – Свяжись с Чайным домиком и возьми выписку из дела Финнбара, чтоб по его магическому профилю и ауре были сведения. Покажи своему некроманту в госпитале, вдруг какие совпадения будут. Я про Анну.

Саган подозрительно прищурился.

– А с чего вдруг ему?..

– Если бы мы знали, с чего вдруг все происходит, вообще бы разговоров не было.

– Они даже не пересекались никогда, – сердито отрубил Саган. – К вам она не приходила, Финнбар тоже у нас не появлялся.

– Кафетерий? – предположила Энца. – Автостоянка еще. Тут куча общих мест на территории, где могут встретиться – случайно или неслучайно – люди. Правда, я тоже думаю, что одно к другому не особо вяжется, но ты на всякий случай проверь.

– Медкомиссия, – вдруг сказал Джек. – Финнбар дежурил в медкомиссии. Там он мог встретить кого угодно и сделать тоже что угодно.

Саган схватился за голову:

– Ты параноик! Если этот сумасшедший напал на вас, это еще не значит, что на него можно все на свете повесить... разве нет?

– Да погоди ты, – отмахнулся Джек, захваченный этой идеей. – Ну, ты лучше скажи, там ведь под конец проверки фонило наверняка? Да чего я, сейчас Роберту позвоню, он землю взроет.

Саган насупился.

– Ну, фонило, конечно, особенно после проб. Улавливающие амулеты не все выплески гасили. Если ты думаешь, что тогда накладывали проклятье, то... ну да, может быть. Но смысла все равно нет, – упрямо добавил он. – Просто зло ради зла? Научного интереса? Ну, бес его возьми, зачем?

– Узнаем, – пообещал Джек, набирая номер Роберта.

Пока они разговаривали, Саган пытался достучаться до Энцы, но та что-то сосредоточенно изучала на экране и отвечала невпопад. Когда Джек нажал отбой, она развернула ноутбук к нему и спросила:

– На кого похож?

Джек со стуком уронил ноги на пол и наклонился вперед, вглядываясь в фотографию. Молодой парень, лет двадцати, узкое умное лицо, светлые глаза. Брови наполовину сбриты, темные волосы выстрижены гребнем, несколько серебряных колец в ухе. На веках черные тени.

– Его зовут Нау, – сказала Энца, но Джек покачал головой.

Вгляделся внимательнее. Яркие мелочи сбивали с толку, отвлекая на себя внимание... но если посмотреть, например, на линию подбородка... да и твердый взгляд серых глаз был довольно знаком.

– Его сын, что ли? – удивился Джек.

– Нет, судя по году выпуска – а фотография с выпускного стенда, – пояснила Энца, – это он сам.

– Кто «он»? – спросил Саган, глядя через плечо Джека.

– Финнбар наш, – ответил тот. – Видно, тоже боялся насовсем потерять свое имя, раз уж его как пароль использовал. Молодец, догадалась поискать.

– Тоже – как кто? – вздохнув, спросил Саган, уже не ожидая ничего хорошего.

– Как Айниэль, – ответила Энца. – Она, кстати, сидела на том же месте, где и ты сейчас... Джек, они с Артуром сокурсниками были. Я нашла еще нескольких Нау, но, думаю, что наш – именно этот.

Она повернула ноутбук к себе и, пощелкав мышью, вывела общий стенд выпускников того года на экран. Джек и Саган, не дожидаясь, столпились у нее за спиной.

– Точно, Артур, – подтвердил Джек. – И еще не плешивый.

– Интересно, они были близко знакомы? – сказала Энца. – И ведь он ни словом не упомянул об этом...

– Ты о чем? – удивился Джек. – Как он мог упомянуть? Ведь он для нас не был Нау, и не мог знать Артура.

– У меня голова сейчас лопнет, – сказал Саган. – Это слишком запутано и непонятно.

– Тогда точно не совпадение, – ответила Джеку Энца. – Он пришел сюда, под чужим именем и... и что? Зачем, все же? Чтобы отомстить? Он заранее знал, что надо будет мстить и сменил имя? Глупости какие-то.

Джек покачал головой, и в это время по притолоке двери мягко постучали.

– Привет, молодежь, – бодро сказал Ворон. – А я зашел передать вам кое-что от Якова. Велел явиться, пока он еще добрый. Я сейчас к нему, так что мне поручено взять вас на буксир.

Пожилой маг улыбался, отряхивая мелкие капли дождя с черного плаща.

– Сейчас пойдем, – сказала Энца, невольно опережая Джека, который вовсе не горел желанием спускаться в «подземелья» к бывшему шефу.

– Подождите, – спохватился Саган. – Я ведь зашел, чтобы вам билеты

оставить. У нас на работе раздавали. Тут на посещение фестиваля и концерта в канун Дня мертвых. Я-то не пойду, лучше в госпитале у Анны посижу... ну, мало ли.

– А тебе разрешат? – удивилась Энца.

– Я договорился уже, с этим нашим доктором, – вздохнув, сказал Саган. – А вы возьмите, вроде бы интересная программа.

Энца, поблагодарив, положила яркие глянцевые полоски бумаги в сумку, одновременно вспоминая, как Стин настаивала на том, чтобы Энца вернулась в Люц. Дался всем этот праздник.

Ежась под мелкой моросью, вся компания выбралась наружу. Саган, изрядно раздосадованный тем, что он услышал за вечер – сплошные загадки и путаница, отправился домой, а остальные направились к Вдовьему дому.

Энца расспрашивала Ворона, участвует ли тот в разработке теории мирового заговора вместе с Яковом, но пожилой маг только смеялся и говорил, что староват для таких шуток.

Почти у самого Вдовьего дома позвонил Роберт. В привычно ровном тоне мага проскальзывали нотки ярости. Сообщил, что полчаса назад Финнбара нашли мертвым в камере; по предварительной версии – самоубийство. Сухо предупредил, что их с Донно не будет до следующего вечера, и чтобы Джек с Энцей не натворили дел как всегда.

Как жаль, что назавтра Джек так и не смог сказать Роберту, чтобы тот впредь держал свои дурацкие предупреждения при себе и не каркал.

История двадцать девятая. Излишняя сентиментальность

Было скучно. Чернильная вода тихо плескалась о бетонные стены речного ложа. Где-то далеко гудел город: машины, голоса. На складах было обманчиво тихо.

По-хорошему, конечно, этот порт должны были законсервировать или продать под другие цели. Шутка ли – почти в центре города пустующие здания... да мало ли какая бесовщина завестись может.

В небе черно: было новолуние. Дурное время. Любит всякая дрянь такие ночи – чем гуще тьма, тем веселее. Луна магам дает силу, серебро ее для победы. А в новолуние – раздолье нежити.

Джек сидел, поеживаясь, и прислушивался к звукам вокруг. Он не боялся, но резкий холодный ветер пробрал уже до самых костей, и зажженная сигарета плясала в окоченевших пальцах.

Расслышав смутный шорох позади, Джек встал и выбросил сигарету в воду. Подходящий к нему Финнбар задумчиво проследил за дугой, прочерченной тлеющим огоньком.

– Ты чего один? – удивился Джек. – Где Энца?

– Слушай... – замялся Финнбар. – Так получилось... она уже ушла, через служебный выход, напрямик к автобусной остановке. Мы ничего и не нашли, ни следа паранормального. Собирались обратно – и тут ее мужик позвонил... Кажется, решил, что она его обманывает. Энца аж с лица спала, пока его слушала.

– И что? – Джек зло нахмурился.

– Ну и сказал, вроде как, или я, или он. В смысле, видимо, ты. Я-то рядом стоял, слышно было, что говорит. Хотел было взять у нее телефон, сказать, что она со мной, на работе, но не стал лезть.

Джек вдруг успокоился, остро глядя на начальника.

– И она ушла?

– Да понятное дело, – пожал плечами Финнбар. – Не ссориться же ей с ним из-за тебя. Ты, извини, ей кто?.. – дружелюбно спросил он, ловя взгляд Джека, – Собственно, никто, верно? Да ты чего, расстроился? Не стоит... Я женщин повидал на своем веку: они хоть и милые, но расчетливые и хитрые бестии. Может, повезло, что она выбрала не тебя.

Он подобрался совсем близко, примериваясь, чтобы накинуть плетение, но договорить не успел: коротко размахнувшись, Джек врезал ему по скуле.

Финнбар охнул от неожиданности, но Джек не остановился, ухватил его за шиворот и от души вдарил еще, так что голова мага загудела. Он попытался увернуться и сбить Джека с ног плетением, но тот не дал и двинуться, завернул руку на спину и пинком по пятой точке отправил Финнбара носом в асфальт.

Тяжело дыша, Джек отошел от него и по привычке полез за сигаретой, но онемевшие вдруг пальцы выронили всю пачку, а сам он замер на месте. Тело не слушалось, и холод полз по позвоночнику, сковывая движения.

– Как ты узнал, бес тебя побори? – размазывая кровь из носа по лицу, спросил Финнбар, поднимаясь на ноги. – Да впрочем, неважно. Скоро увидите. Где-нибудь там, в чертогах неспящих.

Финнбар достал телефон и набрал номер.

Всякое веселье покинуло его лицо, теперь бледное и предельно серьезное.

– Я выполнил оба последних условия, – сказал он в трубку. – Буду ждать там, где уговорились... Нет, не приезжай. Она сказала, чтобы больше

никого не было рядом, иначе не появится.

Финнбар нажал отбой, убирая телефон. Он коротко вздохнул и отвел глаза, видя потрясенное лицо Джека.

Слишком поздно он понял, что Джек смотрел не на него.

У Энцы темная аура. Мормор, поисковик, помнится, говорил, что сложно ее будет обнаружить.

И это хорошо.

Второго шанса – во всех смыслах – не будет.

Воздух скрадывает движения, ноги скользят по нему, словно по льду, стремительно и бесшумно. Надо настроиться заранее, несмотря на нервы, на усталость и все еще скованное тело.

Ноги – бесконечные корни дерева, уходящие вглубь земли. В центре живота шар света. Вдох – и по рукам к шару идет сила, выдох – и она расходится по телу.

Еще вдох.

Еще.

Как и Джеку, ей теперь тоже не нужен телесный контакт для обмена.

Финнбар покачнулся. Тяжестью налились его руки и ноги. Тошнотворная слабость поднялась изнутри, и дыхание сперло. Боль, тянущая, злая, железной лапой сжала грудь, и в глазах потемнело.

Теряя сознание, Финнбар упал под ноги своей несостоявшейся жертве, недоумевая, как же тому удалось... ведь он не может... не маг...

Поверх его тела напарники обменялись усталыми взглядами.

– Как ты догадался, что это неправда? – спросила Энца, опуская ладонь.

Наверно, теперь ее будут судить за незаконный забор чужой энергии. Хотя ведь это была самозащита?

– А это неправда? – едва шевеля губами, спросил Джек: «замиралка», которую на него накиннул Финнбар, понемногу спадала.

Они одинаково усмехнулись, глядя друг на друга.

– Так ты его просто так ударил? – спросила Энца.

– Он какой-то бред нес, – пояснил Джек. – Сил не было слушать.

Руки тряслись, несмотря на то, что она довольно много забрала у Финнбара, Энцу мутило от слабости. Но она все равно захохотала вместе с Джеком, стоя над бессознательным магом.

Потом Энца резко замолчала и быстро-быстро, пока Джек не заметил, растерла по лицу слезы.

– Джек, – дрогнувшим голосом сказала она, – я нашла Шиповник.

Джек не сразу спросил:

– Жива?

Энца пожала плечами, отвела глаза.

– Мне показалось, что да. Я надела на нее свой амулет... Джек, надо же вызвать скорую – и... и кого? Маг-бригаду? А Финнбар сломал мой телефон.

– С моего позвони, – сказал Джек. Двигаясь рывками, он вернулся к своему кнехту и уселся на него.

– Перед тем, как ты его оглушила, – произнес Джек, – он успел куда-то позвонить. Сказал, что «ждем, где уговорились» и что придет «она».

– Ведьма? – хищно подалась вперед Энца. Из сжатых кулаков помимо воли проявились бледные тени клинков.

– Скорее всего, – неловко пожал плечами Джек и едва не свалился с тумбы. – Что, подождем дамочку?

Энца колебалась. Джек криво усмехнулся, наблюдая за стремительной сменой выражений на ее лице.

– Нет, – наконец решила она. – Я не знаю, что с Шиповник: может быть, сейчас каждая минута на счету, а мы и так провозились. Давай телефон.

Пока они ждали приезда маг-бригады и скорой, сидя на соседних тумбах, Энца больше всего боялась, что Финнбар придет в себя, или Шиповник станет хуже. Ее они переносить не стали: во-первых, рассудили, что для криминалистов важно будет осмотреть все как есть, а во-вторых, не зная сути чар, наложенных на нее, можно было навредить еще сильнее.

Джек сидел лицом к реке, а Энца – спиной. Она внимательно вглядывалась в сумрак и окружающие их тени, немного надеясь, что ведьма появится раньше. Подтянула одну ногу под себя, чтобы при любой возможности можно было легко оттолкнуться и броситься вперед.

Да и за лежащим Финнбаром надо было присматривать.

– Шевельнется – руби голову, – меланхолично сказал Джек. – Скажем, так и было.

– Если бы не амулет Донно, – думая о своем, произнесла Энца, – я бы не встала. Финнбар чем-то зачаровал меня.

– Ну и зачем ты этот амулет надела на Шиповник? – устало спросил Джек.

– Я не знала, как еще ей помочь, – пожала плечами девушка.

Джек только вздохнул:

– До ужаса неразумно. Что, если бы Финнбар повернулся к тебе

раньше времени? Я и то сглупил, не надо было на тебя таращиться... А второго такого удара ты бы уже не выдержала. Он бы потом разобрался со мной и, может быть, вернулся к Шиповник и с ней тоже...

Энца не ответила. Скосив глаза, Джек посмотрел на ее профиль – упрямо нахмурилась. Сама знает, что нелогично, но считает, что все равно права.

– Страшно было? – спросил он.

Еще как страшно, только она никогда в этом не признается. Амулет бесконечно, бесконечно медленно нейтрализовал чары, и тело начало бить дрожью, потом скрутило судорогой – но все эти долгие минуты Энца, не в силах пошевелиться, глядела на тонкие пальцы Шиповник и едва различимое лицо, гадая, можно ли еще помочь, или она безобразно опоздала... а потом, так и не дождавшись полного восстановления контроля, рванула вперед, преодолевая жуткую боль в одеревеневших мышцах и надеясь, что это не пресловутый «мертвый хран», от которого не избавиться. Трясущимися руками попыталась нащарить пульс, не удалось. Потом втянула воздух: не было дурного запаха гнили. Тогда она торопливо запахала девушке под одежду свой амулет и, стремительно скользя в воздушных потоках, понеслась к Джеку.

– Больно было, – нехотя призналась она.

Они помолчали под негромкий плеск волн. Где-то вдалеке взвыла, приближаясь, сирена – то ли скорая, то ли полиция.

– Получится ли оправдать ее? – спросила Энца. – Почему он вообще это сделал?

Джек хотел предположить, что ведьма могла потребовать пищу, или же Шиповник что-то узнала, но в это время зазвонил телефон: Донно. Джек, не отвечая, протянул телефон Энце, и та до приезда скорой – а вслед за ней и полицейской бригады, терпеливо уверяла, что с ней уже все хорошо, и она цела, и даже почти ничего плохого не сделала, – пока Роберт не отнял у Донно трубку и не сказал, что они тоже в дороге и будут минут через двадцать.

Полицейские на удивление равнодушно выслушали их, замерили фоновый уровень энергии у Энцы и Финнбара. Джек с затаенной усмешкой дал измерить свой – и довольно наблюдал, как чертыхаются два криминалиста над сошедшим с ума рабочим артефактом.

Вместе с подъехавшими врачами сходили в тупик, где лежала Шиповник, потом их оттеснили подальше, приказав никуда не уходить и не путаться под ногами.

На Финнбара, так и не пришедшего в сознание, надели блокирующие

наручники, Шиповник после долгого обследования криминалистами и врачами, погрузили в карету скорой помощи и увезли.

Роберт и Донно успели застать маг-бригаду и те, хоть и не обрадовались – даже не пытаясь это скрыть, – поговорили о чем-то. Энца не слышала – они с Джеком ушли за складскую стену, спасаясь от зябкого ветра.

Потом напарников загрузили в машину Донно и повезли вслед за скорой в госпиталь – на обследование и очистку от остаточных чар.

Оттуда Энца позвонила Унро. Тот уже спал, конечно, но трубку схватил почти сразу, спросонок бормоча что-то несусветное.

Он невероятно обрадовался тому, что нашлась Шиповник, и Энце стоило больших усилий уговорить его успокоиться. Врачи ничего не обещали: девушка была в коме, и до того слишком долгое время провела под действием пока не определенного сложного плетения. Даже если она придет в себя, первое время будет парализована. О магических способностях, скорее всего, придется забыть. Измерения показывали критически снизившийся уровень энергии – все это время организм девушки боролся с чарами, расходуя внутренние резервы.

Забыть, если она вообще придет в себя.

Унро, дослушав, молча повесил трубку, но Энца не обиделась – у нее самой перехватило горло, когда дежурный врач произнес этот приговор.

Конечно, всего лишь предварительный – и всего лишь от дежурного врача, – но тут и дураку было ясно, что надежды очень мало.

Почти все воскресенье Энца спала, пока вечером не пришел Унро. Он расспросил о подробностях прошедшего вечера, сказал, что ездил в госпиталь, но в палату его не пустили. Родня Шиповник закрыла всякий доступ к ней, опасаясь еще одного нападения. Энца все еще дурно себя чувствовала и не нашла в себе сил – да и слов, чтобы утешить беднягу.

На следующее утро Энца долго и упорно дозванивалась до Джека, чтобы разбудить его вовремя, и тот, несмотря на недовольное ворчание, приехал намного раньше чем обычно. У Птичьего павильона они встретились, и Джек укоризненно покачал головой, осуждая Энцу за трудоголизм.

На крыльце их ждал Унро. Он сидел на верхней ступеньке, обхватив себя руками, с красным носом и несчастным лицом – видимо, давно сидел и успел основательно промерзнуть.

При виде их он встал и нервно сказал:

– Нам, наверно, пока лучше не ходить в наш кабинет. Я уже вызвал

специалистов из Чайного домика.

– Что такое? – отрывисто спросил Джек.

– У нас ночью или утром кто-то был... бумаги разбросаны, и компьютеры разбиты...

– Бе-ес его возьми! – схватился за голову Джек. – Я ведь до пятнадцатого уровня уже дошел! Да что за фигня такая! Как только дохожу до него, так обязательно что-нибудь случается... Что в следующий раз? Конец света?

– Просто на работе не играть нужно, – сухо отозвалась Энца.

Унро еще очень мягко описал то, что творилось у них в кабинете. Все четыре системных блока были вытащены в сторону от столов и разбиты. Рядом лежали раздавленные чьими-то ногами жесткие диски, выдернутые с мясом из раскучуроченных недр. Мониторы – видимо, просто за компанию, – были покрыты паутинами трещин.

Энца вздохнула. После вчерашнего потеря всего лишь компьютеров не казалась ей чем-то ужасным.

– Жестоко, – опечалился Джек, разглядывая останки. – Ну что, кого ты здесь чувствуешь, Унро?

Светлые глаза Джека внимательно уперлись в растерявшегося вдруг юношу.

– Я... не знаю. Очень плохо чувствую. Наших, всех... вчерашние следы. Ну, и... кого-то незнакомого. Двух незнакомых, наверно...

– Ты ни фигя не умеешь врать, – подытожил Джек. – А не умеешь, не берись.

Донно чувствовал, что они все врут. Он не обладал способностями погибшего Паладина, и не мог отличать истину от лжи, но вполне мог понять, когда ему врут.

Прав был Роберт, прав был Сова, когда отговаривали его брать на себя это дело.

Слишком личное, слишком близко он это воспринимал.

А они лгали.

Джек, который, развалясь на диванчике в комнате отдыха, язвил и ехидно спрашивал, неужели всех следователей сократили, и почему никакого разнообразия в лицах, один медведь по всем вызовам ходит.

Энца, которая старалась не смотреть ему в глаза, но суетливо пыталась заботиться: заваривала чай, доставала бутерброды, зачем-то мыла и убирала посуду.

Этот их парень, Унро, тревожно смотрел на Донно, забившись в угол

комнаты. За весь разговор он ни разу не открыл рта: на все вопросы отвечали Джек и Энца.

Надо было Сову послать.

Хотя он, может, и не понял бы ничего.

Донно вот понимал – или ему казалось, что понимает. Самым логичным было выцепить сейчас пацана и как следует надавить на него, так, чтобы правда полезла из ушей. Донно вздохнул, с силой потер лоб и с тоской спросил:

– Ну, оно хоть нужно было? Или это опять ваши мелкие хулиганства?

Энца замерла с вымытой кружкой в руке. Джек медленно усмехнулся – наверняка, сейчас скажет что-нибудь в духе «долго же до тебя доходило», а вот юноша... вот он-то, пожалуй, и есть главный злодей. Столько неприкрытого ужаса на лице.

Энца с грохотом швырнула кружку на металлическую решетку сушилки и, отвернувшись, стала вытирать руки полотенцем.

– Ну что, придется его замочить, – сказал Джек. – Он слишком много знает...

Он едва увернулся от полотенца, а Энца, все так же отводя глаза, нервно сказала:

– Извини, Донно. Тут что-то непонятное творится, видишь ли... Яков считает, что какой-то заговор, а эти из маг-бригады и вообще с какими-то выдуманными экстремистами носятся, везде их видят.

Она вздохнула и через силу сказала:

– Мы просто перестраховались. Так надо.

Донно держал лицо. Когда их глаза, наконец, встретились, он даже немного улыбнулся.

Хотя это и было больно. Он наивно считал, что они вдвоем по одну сторону баррикад, что бы там за баррикады ни были.

Врать ему из-за надуманной причины... «заговоры», «экстремисты» – при чем тут четыре компьютера архивных работников? Он бы все понял, если бы она позвонила и попросила помочь... прикрыть ошибку или их очередную выходку. Даже этого мелкого дурня, который начудил так, что в голове не укладывалось.

Донно просто не знал, что творилось во флигеле за полчаса до его прихода. Иначе он бы не считал, что все дело в ошибках и надуманных причинах.

После фразы Джека о вранье Унро даже отпрянул назад, едва не наступив на лежащую клавиатуру.

– Я... не знаю, – несчастным голосом сказал Унро. – что ты имеешь в виду?

Энца скользнула мимо него в комнату, огляделась внимательнее. Начала добросовестно перечислять:

– Все разбросано и разбито, а кружка Шиповник стоит на месте. Моя, хоть и лежит на полу, но цела. Бумаги не тронуты, только немного перемешаны, и не то, чтобы они кому-то нужны были... ничего в них не искали.

– А мою кружку, значит, не жалко было? – с упреком сказал Джек.

– Я свою тоже разбил, – оправдываясь, проямлил Унро.

Напарники вздохнули, переглядываясь – настолько легко оказалось расколоть этот орешек, а Джек выразительно постучал себя по лбу.

– Говорил же – не умеешь, не берись, – сказал он. – Что ты пытался скрыть?

Унро долго молчал, глядя себе под ноги.

– Я вспомнил, как в тот день, первый день, когда она не пришла, я встретил утром Финнбара на нашем этаже. Что... что, если он тогда и в ее, и в ваших компьютерах что-нибудь оставил? Вроде той переписки с экстремистами... Вас бы точно так же не нашли, зато какая-нибудь гадость всплыла бы...

Джек и Энца переглянулись: выводы были... несколько притянуты за уши. Да и манера Унро разбираться с проблемами оставляла желать лучшего.

– Значит, так, – сказал Джек. – Как только придут следователи, стой и молчи, вроде как испугался-переживаешь. Мы как-нибудь сами отболтаемся.

Энца унесла обе кружки на кухню, а Джек поучаствовал в общем беспорядке, более художественно раскидав бумаги.

– Слушайте, – сказал он, забрасывая несколько папок под стеллажи, – а давайте наведемся в кабинет к начальству? Пока еще не опечатали.

Энца нырнула вслед за папками – чтобы те совсем далеко не попали.

– Давайте, – сказала она. – только ничего брать не будем, ладно? А то... Ну, мало ли...

– Что я слышу? – восхитился Джек. – Я думал, тебя уговаривать нужно будет дольше всего.

– Я хочу только посмотреть, – серьезно сказала Энца. – Вдруг за что-то взгляд зацепится, мы-то его дольше знали, да и во всей этой истории с ведьмой ближе всего стояли.

– А мне кажется, это очень плохая идея, – произнес Унро. – Ведь скоро

следователь придет, я же звонил в Чайный домик.

– Ну раз так, значит, ты и будешь стоять на стреме, – ответил Джек.

Больших и потрясающих открытий они не сделали. Кабинет Финнбара – как и все остальные помещения во флигеле, кроме архива, – не запирался. Это было необходимой техникой безопасности: замки во флигеле имели склонность ломаться в самый неудобный момент.

Криминалистов маг-бригады еще не было: для посещения территории Института им необходимо было дожидаться письменного разрешения директора.

Если Шиповник что-то здесь и видела, все эти улики были давно спрятаны. Энца выдвигала и разглядывала содержимое ящиков стола, аккуратно придерживая ручки платком. Джек в это время пошарил в стеллаже между папками и томами, потом запустил компьютер.

– Ничего, – с сожалением сказал он. – Вот бы к нему в комнаты заглянуть, или в машину...

Энца кивнула. Ничего, кроме канцелярских мелочей, бумаг и засохшего бутерброда она не нашла. Разве что... извернувшись, Энца засунула руку за нижний ящик, выдвинув его до предела. Не то, чтобы там можно было что-то прятать, но чего только не находилось волей случая в таких местах.

Джек как раз заметил горлышко бутылки на самом верху стеллажа – пустая. Прошелся еще раз по кабинету, а Унро, стоя в коридоре, громко шептал: «Ну, что, вы скоро? Пойдем уже, пойдем! Вдруг еще из архива Леди Гарброу придут...» Он даже застонал от ужаса, представив эту картину.

– Смотри-ка, Джек, – сказала Энца и подняла повыше вещь, которую удалось выудить из-за ящиков. – Это же «кошкина спина», да?

Джек подошел ближе, разглядывая. Прямоугольная тонкая рамка с ладонь размером, из мореного дерева, – а между планок хитрой паутиной натянута шерстяная нить. Амулет, который обязательно берут с собой на охоту за ведьмами – не дает «отводить глаза».

– Она самая, – задумчиво сказал Джек. – Новая, чистенькая, хоть ты ее бес знает откуда вытащила.

– Ребята, ребята! – зашипел из коридора Унро. – Кажется, кто-то идет!

Тревога была уже третьей по счету, но на всякий случай напарники решили выйти. Объяснить, почему они ходят по этажу проще, чем то, зачем они шарят в кабинете начальства.

Выходя, Джек приметил за мусорным ведром темную сумку для

ноутбука, и мимоходом прихватил с собой – посмотреть, пока Энца будет прислушиваться, определяя, ложная тревога или нет.

В этот раз Унро был прав: во флигель пришел следователь и, тяжело шагая, поднимался по лестнице.

И вот как-то так и вышло, что Джек прихватил с собой эту сумку. Чуть позже, когда Донно ушел, они посмотрели: небольшой ярко-оранжевый ноутбук. Под паролем. Бесполезная находка; перебрав несколько вариантов, Джек плюнул и сунул сумку за диван в комнате отдыха. «При случае отдам нашим друзьям-следователям, – легко уверил он коллег. – Скажу, что нашел».

Энца звонила долго. Укрывшись одеялом с головой, она слушала бесконечные гудки, потом связь обрывалась и девушка снова набирала номер.

– Ты совсем с ума сошла? – спросил напарник, поднимая наконец трубку. – Ну, я понимаю, тебе не хочется надолго лишаться моего общества... но, бес его возьми, два часа ночи, я только-только заснул.

– Джек, – не слушая, тихо заговорила Энца. – Я тут подумала: ведь Финнбар каким-то образом мог связываться с ведьмой... давай к нему сходим? Спросим про это. Они ведь сейчас почти не занимаются ее делом, Донно говорил. От начальства прилетело распоряжение, всех раскидали по другим делам.

Джек вздохнул и бросил трубку, ворча, что у всех напарники как напарники, а у него какая-то сумасшедшая девица. Энца немного подождала – и спустя пару минут он перезвонил.

– Тебе что, опять страшно? – спросил он. – Нет? Ну, хорошо. А на этой ведьме ты слишком зациклилась. Ладно, сходим. Хотя я и против этой дурацкой затеи, так и знай.

– Джек, нам все равно надо идти туда и подписывать показания.

– У тебя дурацкая привычка говорить гадости напоследок, – пожаловался Джек и положил трубку.

Попасть в серые коридоры маг-бригады номер три Центрального управления полицейских бригад оказалось просто.

Запасные варианты в виде связей Якова или знакомых в Чайном домике даже не пришлось использовать. Джек уболтал следователя по делу Финнбара, уверив того, что они, как бывшие сотрудники арестованного, обязаны уточнить некоторые вопросы по работе. Следователь сильно сомневался, что перекладывание бумажек в архиве может быть такой

важной деятельностью, что надо организовывать свидание с арестованным, но Джек очень красочно описал подробности своей карьеры, начиная с июня.

Следователь впечатлился: все эти события были еще недавно на слуху.

Допросная была оборудована специально для безопасного общения с магами. В потолок и стену, ориентированную на север, были вмурованы артефакты подавления магической энергии и стихийной компоненты. Стол и стулья стояли в центре мозаичного круга с выложенными рунами ограничения сил и принуждения к искренности. Палка о двух концах: следователям тоже приходилось нелегко.

Энце было и вовсе дурно. Позабытое чувство тянущей нехватки сильно мешало, сбивая с толку.

Наверно, следователь, оставшийся за зеркальной стеной, недоумевал: первые минуты две-три они молча сидели, даже не глядя друг на друга. Финнбар, побледневший и усталый, рассматривал руки, заключенные в стальные наручники с выбитыми по грани рунами.

Он был небрит и непривычно серьезен.

Джек нарушил молчание, вытащив из кармана и толкнув к Финнбару пачку сигарет.

– Конфет не привезли, – сказал он. – Извиняй.

Финнбар не двинулся, а Джек кивнул Энце: ее инициатива, пусть и задает вопросы. Но вместо того, чтобы узнавать о ведьме, Энца поймала взгляд Финнбара и спросила:

– Зачем вы это сделали? Разве Шиповник вам чем-то угрожала? Врачи сказали, что она может и не выйти из комы.

Светлые глаза без тени улыбки смотрели на нее.

– Так зачем? – мрачно повторила Энца, уже понимая, что ответа не услышит.

Финнбар просто не собирался отвечать.

– Как вы связывались с ведьмой? – спросила девушка, сдаваясь.

Переждав еще одну паузу: Джек играл в бомбометателя в телефоне, а Финнбар спокойно смотрел на нее, Энца сказала:

– Мы нашли у вас артефакты, которые используют при работе с ведьмами. В хозяйственном отделе сведений об их выдаче нет. Зачем они вам нужны были? Вы встречались с ней лично?

– Это не запрещено, держать под рукой разные артефакты, – сухо ответил Финнбар. – А вот вы – лазили в мой кабинет без спросу, угадал? Я от вас меньшего и не ожидал. Надеюсь, в жилой блок не вламывались? Я,

если что, сигнализацию там установил.

– Мы нашли ноутбук, – не отрываясь от телефона, сообщил Джек.

Энца встревоженно посмотрела на него: что, если следователь все еще наблюдает за ними? Это ведь все же утаивание улики, в котором только что Джек и признался.

– О, – безразлично сказал Финнбар, – а я-то думал, где его оставил.

– Финнбар, – напряженно произнесла Энца, – вы ведь точно с ведьмой пересекались, вы ее ждали тогда. Скажите, как ее можно выманить? Вам ведь незачем ее покрывать.

Финнбар удивленно поднял брови:

– А кто сказал, что я ее ждал? Или что с ней общался? Не выдумывай. Нет ни фактов, ни улики. Ни-че-го.

Он пожал плечами.

– Финнбар, – подумав, сказала Энца. – Вы ведь нас не убили. Могли, но только парализовали. Значит, не хотели?

– Ты слишком мало в этом понимаешь, Энца, – ответил Финнбар. – Я бы сказал вам не лезть в это дело, но боюсь, вы уже завязли в нем так, что и макушки не торчат. Думаю, вам пора идти на работу. Меня нет, и рады прогуливать?

Последние фразы заставили даже Джека удивленно поднять бровь, настолько резким был переход.

– Закончим на этом, – сказал Финнбар. – Больше я все равно разговаривать не буду.

Однако в самых дверях, когда его выводили, Финнбар повернулся, чтобы произнести:

– Подписанные каталоги я оставил у себя в столе, передайте Леди. Не забудьте, что в конце месяца нужно делать сводку по делам.

И тихо, таким же будничным спокойным голосом Финнбар сказал: «Пароль – «нау». Энца даже подумала, что ослышалась, а Джек и вовсе пропустил мимо ушей.

– А сигареты прихватил, – сказал Джек, выходя на улицу. – И не поблагодарил, скотина.

– Разве в этом дело, – пробормотала Энца.

Джек искоса посмотрел на нее: девушка шла сгорбившись, закусив обветренные губы. В молчании они дошли до служебной стоянки, где Джек оставил свой «бейнс».

– Поругались с Донно? – Джек закурил и устроился как обычно на капоте.

Энца, сунув руки в карманы, нахохлилась рядом.

– Нет, – сказала она. – Просто у нас... нет времени. Как-то очень глупо – и его работа, и моя... и мы почти не видимся и не разговариваем, будто ничего не было.

– Почему ты уехала от него? Времени бы хватало.

Энца пожала плечами.

– Тогда это казалось логичным и обоснованным. Я боялась, что буду слишком зависеть от него. Он так спокойно предлагает все, что у него есть, не спрашивая ничего взамен, что просто совестно пользоваться.

– Это да, – кивнул Джек. – Это Донно. Но если он считает тебя за своего, фиг отцепится. До сих пор не знаю, повезло мне или нет, что я так с ним и не сошелся.

– Раньше по-другому было, – не отвечая, сказала Энца. – Несмотря ни на что, мы находили время. Ты знаешь, он меня немного пробовал учить простым чарам, чтобы выходили без ошибок... мне теперь резерв позволяет...

– Ну и как? – заинтересовался Джек. – Что ты умеешь?

– Да ничего особенного, только если долго сосредотачиваюсь, что-то получается... А еще мы ездили к его маме. Ты знаешь, что его мама в больнице?

– Я знаю о его семье, – ответил Джек и сильно затянулся. – В то время кто только не болтал об этом. Донно, бывало, и морды за сплетни бил.

– Должно быть, это неприятно, когда о твоём личном сплетничают, – согласилась Энца.

Они долго молчали, следя как тонкие струйки дыма от сигареты растворяются в холодном воздухе. Потом Энца сказала:

– Яков написал, чтобы мы заглянули. Да, и ты слышал? Уходя, Финнбар сказал: «Пароль: “нау”».

– К ноутбуку? Или к сигнализации? – предположил Джек. – Зачем он его сказал? Где логика? Вообще дурацкий пароль, всего три буквы.

– А разбить компы, чтобы не было проблем с занесенными извне данными, по-твоему логично?

– Подожди, подожди... ты чего это, что-то к Унро имеешь? – заинтересовался Джек.

– Н-нет, – запнувшись, сказала Энца. – Просто не нравится мне это. Он же не дурак, а поступил глупо.

– Перенервничал, – пожал плечами Джек. – Он же дерганый. Чуть что – и...

– Нет, Джек. Ты не прав. Но... ладно. Что будем делать в первую

очередь? Ноутбук или Яков?

– Конечно, ноутбук. Что я там у Якова не видел, – отозвался напарник.

Саган зашел в архив около пяти. К тому времени в здании оставались только Энца и Джек: Унро давно вытолкали домой, он только отвлекал виноватым лицом и суетливыми попытками что-то сделать. Леди Гарброу теперь заканчивали работу пораньше, старались уходить засветло. Старшая была оскорблена поступком начальника до глубины души и даже поговаривала об увольнении. Правда, вспоминая, на кого останутся ценнейшие бумаги архива, она сильно колебалась.

Ворча под нос, Саган остановился на пороге кабинета, недоуменно разглядывая напарников и помещение.

Разбитые компьютеры были сложены неровной кучей под окном. Джек, закинув ноги на стол, изучал содержимое веселенького оранжевого ноутбука, напротив него Энца точно так же внимательно что-то искала в своем.

– Привет, – растерянно сказал Саган. – Вы чего, тут перестановку решили сделать?.. а чего так круто с компами?

– Привет, – обрадовалась Энца. – Как дела?

– Да так себе, – отозвался Саган и уселся на место Унро.

Подвинул в сторону бумаги и пожаловался:

– Опять полчаса у вас под окнами ходил. Надо бы вам опять позвать мастера, чтоб пространство подкорректировал. Ваш флигель прячет дверь от меня.

– Тебе показалось, – рассеянно отозвался Джек. – Шиповник утверждает, что у зданий нет разума.

– Ну да, показалось, – фыркнул Саган, но сразу же остыл, не было настроения спорить. – Так что у вас случилось в этот раз?

– Кто-то компьютеры разбил, – сказала Энца. – Теперь со своими временно ходим. Нашего начальника арестовали, кстати. Он нас убить хотел.

Саган, который последнее время не интересовался окружающим, передвигаясь исключительно по курсу дом-больница-работа-дом, вытаращил глаза.

– Вы что, шутите так? Джек, это ты ее научил?

– Какие шутки, – отозвался тот.

– Я правду говорю, – обиделась Энца. – Он напал на Шиповник, потом на нас. И мне кажется, что он с ведьмой связан, только как...

– А зачем он это все сделал? – поразился Саган. – Твою мать, вы

вообще умеете жить спокойно? Ну, вот знаете, когда каждый день скучно?

И Джек, и Энца уставились на него с осуждением.

– Мы не знаем, зачем он это сделал, – мягко сказала Энца. – Яков считает, что какие-то чудаки желают спасти всех магов страны и объединяются в странную организацию. Еще есть слухи, что готовят новый теракт.

– Да вы-то двое тут при чем? – спросил Саган.

– Кстати, – перебил его Джек. – Свяжись с Чайным домиком и возьми выписку из дела Финнбара, чтоб по его магическому профилю и ауре были сведения. Покажи своему некроманту в госпитале, вдруг какие совпадения будут. Я про Анну.

Саган подозрительно прищурился.

– А с чего вдруг ему?..

– Если бы мы знали, с чего вдруг все происходит, вообще бы разговоров не было.

– Они даже не пересекались никогда, – сердито отрубил Саган. – К вам она не приходила, Финнбар тоже у нас не появлялся.

– Кафетерий? – предположила Энца. – Автостоянка еще. Тут куча общих мест на территории, где могут встретиться – случайно или неслучайно – люди. Правда, я тоже думаю, что одно к другому не особо вяжется, но ты на всякий случай проверь.

– Медкомиссия, – вдруг сказал Джек. – Финнбар дежурил в медкомиссии. Там он мог встретить кого угодно и сделать тоже что угодно.

Саган схватился за голову:

– Ты параноик! Если этот сумасшедший напал на вас, это еще не значит, что на него можно все на свете повесить... разве нет?

– Да погоди ты, – отмахнулся Джек, захваченный этой идеей. – Ну, ты лучше скажи, там ведь под конец проверки фонило наверняка? Да чего я, сейчас Роберту позвоню, он землю взроет.

Саган насупился.

– Ну, фонило, конечно, особенно после проб. Улавливающие амулеты не все выплески гасили. Если ты думаешь, что тогда накладывали проклятье, то... ну да, может быть. Но смысла все равно нет, – упрямо добавил он. – Просто зло ради зла? Научного интереса? Ну, бес его возьми, зачем?

– Узнаем, – пообещал Джек, набирая номер Роберта.

Пока они разговаривали, Саган пытался достучаться до Энцы, но та что-то сосредоточенно изучала на экране и отвечала невпопад. Когда Джек нажал отбой, она развернула ноутбук к нему и спросила:

– На кого похож?

Джек со стуком уронил ноги на пол и наклонился вперед, вглядываясь в фотографию. Молодой парень, лет двадцати, узкое умное лицо, светлые глаза. Брови наполовину сбриты, темные волосы выстрижены гребнем, несколько серебряных колец в ухе. На веках черные тени.

– Его зовут Нау, – сказала Энца, но Джек покачал головой.

Вгляделся внимательнее. Яркие мелочи сбивали с толку, отвлекая на себя внимание... но если посмотреть, например, на линию подбородка... да и твердый взгляд серых глаз был довольно знаком.

– Его сын, что ли? – удивился Джек.

– Нет, судя по году выпуска – а фотография с выпускного стенда, – пояснила Энца, – это он сам.

– Кто «он»? – спросил Саган, глядя через плечо Джека.

– Финнбар наш, – ответил тот. – Видно, тоже боялся насовсем потерять свое имя, раз уж его как пароль использовал. Молодец, догадалась поискать.

– Тоже – как кто? – вздохнув, спросил Саган, уже не ожидая ничего хорошего.

– Как Айниэль, – ответила Энца. – Она, кстати, сидела на том же месте, где и ты сейчас... Джек, они с Артуром сокурсниками были. Я нашла еще нескольких Нау, но, думаю, что наш – именно этот.

Она повернула ноутбук к себе и, пощелкав мышью, вывела общий стенд выпускников того года на экран. Джек и Саган, не дожидаясь, столпились у нее за спиной.

– Точно, Артур, – подтвердил Джек. – И еще не плешивый.

– Интересно, они были близко знакомы? – сказала Энца. – И ведь он ни словом не упомянул об этом...

– Ты о чем? – удивился Джек. – Как он мог упомянуть? Ведь он для нас не был Нау, и не мог знать Артура.

– У меня голова сейчас лопнет, – сказал Саган. – Это слишком запутано и непонятно.

– Тогда точно не совпадение, – ответила Джеку Энца. – Он пришел сюда, под чужим именем и... и что? Зачем, все же? Чтобы отомстить? Он заранее знал, что надо будет мстить и сменил имя? Глупости какие-то.

Джек покачал головой, и в это время по притолоке двери мягко постучали.

– Привет, молодежь, – бодро сказал Ворон. – А я зашел передать вам кое-что от Якова. Велел явиться, пока он еще добрый. Я сейчас к нему, так что мне поручено взять вас на буксир.

Пожилой маг улыбался, отряхивая мелкие капли дождя с черного плаща.

– Сейчас пойдем, – сказала Энца, невольно опережая Джека, который вовсе не горел желанием спускаться в «подземелья» к бывшему шефу.

– Подождите, – спохватился Саган. – Я ведь зашел, чтобы вам билеты оставить. У нас на работе раздавали. Тут на посещение фестиваля и концерта в канун Дня мертвых. Я-то не пойду, лучше в госпитале у Анны посижу... ну, мало ли.

– А тебе разрешат? – удивилась Энца.

– Я договорился уже, с этим нашим доктором, – вздохнув, сказал Саган. – А вы возьмите, вроде бы интересная программа.

Энца, поблагодарив, положила яркие глянцевые полоски бумаги в сумку, одновременно вспоминая, как Стин настаивала на том, чтобы Энца вернулась в Люц. Дался всем этот праздник.

Ежась под мелкой моросью, вся компания выбралась наружу. Саган, изрядно раздосадованный тем, что он услышал за вечер – сплошные загадки и путаница, отправился домой, а остальные направились к Вдовьему дому.

Энца расспрашивала Ворона, участвует ли тот в разработке теории мирового заговора вместе с Яковом, но пожилой маг только смеялся и говорил, что староват для таких шуток.

Почти у самого Вдовьего дома позвонил Роберт. В привычно ровном тоне мага проскальзывали нотки ярости. Сообщил, что полчаса назад Финнбара нашли мертвым в камере; по предварительной версии – самоубийство. Сухо предупредил, что их с Донно не будет до следующего вечера, и чтобы Джек с Энцей не натворили дел как всегда.

Как жаль, что назавтра Джек так и не смог сказать Роберту, чтобы тот впредь держал свои дурацкие предупреждения при себе и не каркал.

История тридцатая. Как поймать боевого мага

«32.1. Для задержания/заключения под стражу мага, необходимо предписание, заверенное унтер-офицером окружного или районного отделения маг-бригад и представителем Института, а также три стандартных амулета:

- ограничения силы;
- ограничения стихийного компонента;
- ограничения движения класса 2-а.

При задержании/заключения под стражу должны присутствовать: офицер маг-бригады и четыре боевых мага (необходимое соотношение класса и уровней силы см. приложение 142).

32.2. Для задержания/заклучения под стражу боевого мага, вне зависимости от уровня силы и умений последнего, к вышеперечисленному списку необходимо добавить амулет ограничения силы классом 1-а и в состав оперативной группы включить еще двух боевых магов (необходимое соотношение класса и уровней силы см. приложение 142).»

Из инструкции по взаимодействию маг-бригад с гражданским населением, имеющим магический индекс

Когда забирали Финнбара, проблем не возникло: тот ведь был без сознания. На него просто надели наручники и погрузили в специальную машину.

Сейчас ситуация была сложнее. Боевой маг был в сознании, хотя и в большом недоумении.

– Что случилось? – попятившись, спросила Энца. В просторном холле на первом этаже общежития собралась довольно странная группа: двое в серо-зеленой форме полицейских, и шесть мужчин внушительного вида. Из них Энца знала только Сову и еще двоих, которые участвовали в неудачной поимке ведьмы.

И ведь с утра ничто не предвещало беды – Энца как всегда разбудила Джека по телефону, собралась и вместо разминки просто пробежалась по лестнице до верхнего этажа, потом вниз.

Едва она вышла из-за угла, один из мужчин воскликнул:

– Вот она!

И вся группа, которая уже подходила к грузовым лифтам, резво рассредоточилась, беря Энцу в полукруг.

Полицейский откашлялся.

– Вас зовут Энца?

– Да, – осторожно сказала Энца и повторила: – Что-то случилось?

Вдруг подумалось, что может, опять с кем-то беда... ох, Саган вчера еще спрашивал, неужели нельзя прожить хоть день спокойно.

Видимо, нельзя. Только бы все живы были. А зачем такой толпой приходить, чтобы сообщить?

– У нас ордер на ваше задержание, – тем временем сказал полицейский, – по подозрению в убийстве мага Финнбара...

– Что? – вскрикнула Энца. – Но я не...

– Помолчи, – резко сказал один из магов.

– По подозрению в убийстве мага Финнбара, – продолжил полицейский. – Вы подтверждаете, что три дня назад осуществили незаконный отъем энергии у вышеупомянутого?

– Я... – растерялась Энца.

Обежала глазами лица всех присутствующих: ни один не подходил к ней ближе чем на пять метров, и смотрели они равнодушно, кроме разве что Совы – тот отвернулся, скрывая... неловкость?

Она обеими руками вцепилась в ремень сумки, перекинутой через плечо, словно в якорь, который не давал окончательно запутаться в этой нереальности. Обращаясь больше к Сове – потому что знакомый и потому что один из всех выказывал человеческие чувства, Энца сказала, пытаясь заставить голос звучать твердо и спокойно:

– Я защищалась. Он напал на меня, а потом на моего напарника...

– Вы подтверждаете незаконный отъем энергии? – спросил полицейский.

– Да, – тихо сказала она.

Врать не имело смысла – она и тогда сразу об этом сказала, и показания уже подписала.

– Вы способны поддерживать энергетический канал на расстоянии? – продолжил полицейский.

Энца молча смотрела на него.

Сейчас у нее появилось ощущение, что она спит. Этот кошмар – о том, что она все же кого-то убила, и за ней пришли, чтобы наказать, раньше преследовал ее. Из той, старой жизни, когда она была просто пустышкой и боялась до дрожи каждый раз когда нужно было брать чью-то силу.

И вот этот кошмар стоял перед ней во плоти. Он был похож на сорокалетнего полноватого мужчину с седыми волосами, усталым невыразительным лицом и чуть оттопыренными ушами – но кошмаром от этого быть не переставал.

– Вы умеете поддерживать энергетический канал на расстоянии? – еще раз спросил он.

– Умею.

– Вчера вечером задержанный Финнбар умер в камере, от энергетического истощения. Последний контакт подобного рода был зафиксирован с вами. Прошу пройти в место задержания, не оказывая сопротивления.

– Я этого не делала, – сказала Энца, не двигаясь с места.

Может быть, если она будет спокойна и все объяснит, они поймут. Снимут еще раз показания, сверят ауры и ее отпустят. Мысли были

логичными, но ноги не двигались.

А вдруг это правда? Что, если она не заметила, что канал не закрыт, и продолжала тянуть энергию? Нет, Энца бы почувствовала. Почувствовала бы?..

– Сопротивление задержанию будет отягчающим обстоятельством, – предупредил полицейский, а его коллега отцепил от пояса наручники:

– Вытяните руки вперед, пальцы в кулаке, большой палец внутри.

Это чтобы она плетение какое не кинула... смешно.

Полицейский шагнул к ней с наручниками, а Энца против воли отпрянула назад, так и не подняв руки.

– Я этого не делала, – повторила она четче.

– Энца, – спокойно и твердо раздался знакомый голос.

За спинами полицейских стоял Джек. Если бы не сбившееся набок пальто и растрепанные волосы, которые он резко перебросил за спину, ни за что не угадаешь, что спешил.

– Я этого не делала, – в третий раз произнесла Энца – уже ему.

– Я знаю, – сказал Джек. – Иди сюда.

Энца снова не двинулась, только глубоко вздохнула. Что придумал Джек, было непонятно, но сейчас не стоило лезть на рожон и все усугублять. Она уже решила, что лучше будет пойти с полицейскими и спокойно разобраться.

Старший полицейский, который разговаривал с ней, дернулся было, но Сова положил ему на плечо руку и что-то шепнул. Полицейский резко сбросил его ладонь и обратился к Джеку:

– Покиньте помещение, мешаете задержанию.

– Пошел отсюда, ну! – крикнул его коллега.

Джек и ухом не повел, смотрел только на нее, напряженно хмурия брови.

– Энца! Давай же!

Окрик Джека подействовал отрезвляюще. Энца взглянула на него поверх голов полицейских.

– Пожалуйста, – сказал Джек. – Иди ко мне. Тебе не нужно... нет, тебе нельзя идти с ними.

Наверно, с тем же самым выражением лица когда-то давно Энца просила его подойти. Там, в парке под фонарем, где была ведьма.

От Джека к ней протянулась волна тепла, энергия укутала ее коконом, впитываясь в кожу, заставляя потрескивать волосы как от электричества. Энца могла только чувствовать ее, но окружающие... уж они наверняка видели это, настоящие маги, не то, что они с Джеком.

Пусть так. Пусть они видят, слышат и чувствуют. Умеют плести.

Кажется, даже послышался металлический лязг, когда из ее опущенных рук угрожающим веером вышли сразу несколько призрачно мерцающих фалькат. Лезвия многозубо щерились, доставая до самого пола.

Будь они настоящими, Энца даже приподнять бы их не смогла.

Стало так тихо, что было слышно напряженное дыхание людей.

– А теперь иди ко мне, – сказал Джек. – И хочу сказать, что если кто-то шевельнется или попытается накинуть плетение, я тут все снесу в один момент.

– Ты ее заденешь, – бесцветно возразил Сова.

– На нее не действует, – уверенно соврал Джек. – И у нее есть якоря, а тебя размажет по стенам.

Лезвия удлиннились, прорастая в каменные плиты пола, оставляя в них глубокие страшные отметины – Энца медленно двигалась вперед, а люди расступались.

***

Когда утром зазвонил телефон, Джек, не глядя, сунул трубку к уху и сонно пробормотал:

– Ну, чего ты опять звонишь? Я же сказал, что уже проснулся и спускаюсь к машине.

– Джек, – скрипуче сказал Яков, и от его голоса неожиданно пробрало морозом по коже. – Немедленно поднимайся и езжай в Зеленую башню. У меня запрос на полный комплект амулетов для задержания мага-воздушника.

– Чего? – удивился Джек. – А я тут при чем? У вас не хватает курьеров?

– Джек, магов-воздушников нулевого уровня у нас очень мало. Я тут потяну время, а ты лети со всей доступной скоростью. Она не должна попасть к ним – живой оттуда уже не выйдет. Ночью умер Финнбар

Джек дослушивал его указания уже одеваясь.

Финнбар и вся верхушка «Свободной ассамблеи» – они действительно навсегда остались в застенках. Пусть Энца всего лишь мелочь по сравнению с ними, но тенденция слишком очевидна и пугающа.

Бес с законом и всем остальным, быть может, в данном случае, лучшее решение будет свалить подальше от всех загадок и тайн. Пусть с ними разбираются те, кому зарплату за это дают. По дороге Джек набирал по очереди Роберта и Донно, но те были недоступны.

Надо было уточнить вчера, куда они там собирались.

Хотя какая к бесу разница.

Оставив машину на стоянке, Джек, перепрыгивая через ограды и срезая через газоны, понесся к Зеленым башням, проклиная тех идиотов, которые полвека назад зачем-то перенесли их дальше от входа.

Он все равно не успел вывести ее раньше, чем за ней пришли.

Нелепое зрелище: маленькая и бледная Энца стояла в кругу насупленных мужиков, каждый едва ли не вдвое больше нее.

Джек на миг замешкался – но он знал то, чего еще не знали эти люди. Главное, ее нужно было выдернуть из этого круга.

– Джек, – негромко сказал Сова. – Не лезь поперек. Если девочка невиновна, мы разберемся. Сейчас ты только усугубляешь. Дай нам уйти с ней.

– Какого?.. – начал было полицейский, но Сова снова сжал его плечо, заставляя замолчать.

– Нет, – покачал головой Джек. – Напомни мне, сколько человек за последние месяцы вынесли из ваших камер вперед ногами?

Сова раздраженно цыкнул языком, то ли признавая правоту Джека, то ли сердясь, что тот спорит.

– Разворачивайтесь спинами к нам, а лицом к той стене, – сказал Джек. Голос у него ровный был, ледяной.

Ни следа обычной дурости, усмешки, – только серый пустой взгляд. Сова поспешно кивнул своим, приказывая слушаться. Полицейский огрызнулся, отказываясь:

– Прекратите! Их двое всего, у вас и амулеты подавления, и...

Он запнулся и едва не захлебнулся на вздохе – прямо у его переносицы дрожал тонкий прозрачный луч лезвия. От жгучего холода онемело лицо, и полицейский, зверея от злости за свою беспомощность, покосился направо.

Бледная малявка, которая только что напоминала растерянную школьницу, оценивающе глядела на него поверх широкого длинного клинка. Ее вытянутая рука уже от самого локтя щерилась рядом лезвий – словно крыло. Темные глаза были непроницаемо равнодушны.

– Энца, – нервно сказал Сова, – не надо, мы отойдем.

– Вы подыгрываете им... суки, все тут заодно, – шипел полицейский, уткнувшись лицом в стену и положив руки на затылок. Всякая вежливость слетела с него как сухая шелуха. – Я докладную напишу, блин, вы тут попрыгаете все, уроды... почему, бес его возьми, эти ваши гребаные амулеты не работают? Почему вы сами не нападаете? Если б на эти гребаные задержания можно было оружие брать, нахрен бы вы сдались...

– Не сделали еще такого амулета, который Джека ограничивает, – в

ответ прошипел маг слева от него. – Ты вообще, чучело в погонах, знаешь, кто это такие? Ты знал бы, не рыпался...

– А вы, блин, что? Подмазка для стены? – взъярился полицейский. – Хрена вам эти ваши способности? Стояли как бараны, мать вашу!

– Ребята! – гаркнул Сова, перебивая его. – Ушли! Вдогонку, лупим по ним обездвигивающими, в первую очередь по Джеку, потом по мелкой. А вы двое сидите тут и не лезьте под руку, а то попадет. Ненароком.

Едва холл опустел, полицейский от злости пнул стену ботинком и зашипел от боли.

– Ненавижу этих тварей, – сквозь зубы сказал он. – Каждый из них себя сверхчеловека корчит, уроды... а ты ж поди, в штаны наклали всей толпой.

Коллега сочувственно покосился, потом сказал:

– Да это ж Джек был, не знаете? Он в секунду бы все здание снес...

– Что ты мне втираешь? – накинулся на него офицер. – А то я не видел, что эти маги умеют делать! Они просто дали им уйти! Но я это просто так не оставлю... размажу уродов.

– Может, они правда испугались, – неуверенно пожал плечами коллега и сник под презрительным взглядом.

– Ты была права, – сказал Джек, – они и вправду полетели по прямой к стоянке.

Он прижался к каменной стене, вглядываясь в удаляющиеся спины магов.

– Мне кажется, они и не особо пытались нас остановить, – тихо ответила Энца, стоявшая за ним. – Разве они не должны были с собой принести амулеты ограничения?

– Должны были, – усмехнулся Джек. – Яков самолично обещал выдать им разряженные. Вряд ли они проверяли их, Яков сказал, что так задержит их у себя, просто времени на это не останется.

– Могли ведь просто обездвигить нас чарами, – покачала головой Энца. – Они все же боевые маги, их реакции должно хватить, чтобы переиграть и тебя, и меня. Они нас отпустили.

– Пофиг, – сказал Джек. – Двигаем. Они сейчас накроют тут все сканирующей сетью и в момент нас вычислят.

Напарники резво выбрались из-под прикрытия кустов, густо оплетающих одну из сторон роскошно украшенного колоннами крыльца Зеленой башни и зашагали в сторону северо-западного выхода.

Собственно, выходом он не был – так, разогнутые прутья в высокой

кованой ограде под прикрытием небольшой купы деревьев. Им пользовались студенты и некоторые сотрудники – из тех, что помоложе и ленивее. Одна из автобусных остановок была ближе к этому месту, чем к главному входу.

На кампусе было малоллюдно – по времени уже и занятия начались, и рабочий день, так что напарникам по дороге встретились только двое опаздывающих студентов, несущихся сломя голову к Арсенальному павильону.

Энца казалось, что на них смотрят изо всех окон. И все уже знают, что за ней пришли из полиции, и сейчас целая бригада магов охотится за ней. Кожу кололо от ощущения чужих взглядов.

Которых, на самом деле, не было.

Никто не смотрел. Не прятался за кустами, не выскакивал наперерез, не кричал: остановитесь.

За несколько минут они оказались у лаза, где их ждал Ворон.

Долговязая фигура в темном пальто переминалась перед кустами. Маг, нахлывшись от холода, засунул руки в карманы и сейчас донельзя напоминал ту самую птицу, чье имя носил.

Энца, увидев его, прянула в сторону, но Джек ухватил ее за руку, не давая сбежать.

– Почему не Яков? – отрывисто спросил он.

Утром Яков обещал лично их проводить.

– Мы решили, что так будет надежнее, – сказал Ворон и протянул им небольшой пакет.

Джек в это время набирал номер Якова.

– Все в порядке, – сразу взяв трубку, проскрипел тот. – Не тратьте время.

В пакете были два амулета: бронзовые диски с чеканным узором.

– Проверните внешний круг до щелчка, – сказал Ворон, – и укрепите на одежде, только не на виду, где-нибудь под отворотом. Это амулеты, искажающие поиск... Моя машина как раз стоит недалеко отсюда, и я случайно забыл ключи в зажигании. Я, ребят, уж извините, подам заявление на угон, чтобы ко мне не было вопросов... Не сразу, дня через два. Уезжайте за город, вам нужно затаиться и переждать. Мы с Яковым добьемся более подробного расследования.

Джек хлопнул его по плечу и молча скрылся за кустами. Энца тихо поблагодарила, и Ворон на прощание пожал ей руку, пожелав удачи. Карие глаза мага были полны тепла и сожаления:

– Будьте осторожны, ребята. Обещаю, мы со всем разберемся. Ничего

подобного больше никогда не будет.

Энца коротко кивнула и поспешила за Джеком.

Джек продирался сквозь кусты по ту сторону ограды и беспрерывно ворчал. Догнав его, Энца выслушала жалобы о том, что пришлось бросить прекрасную, отличную, самую лучшую машину, и еще неизвестно, что сделают с ней всякие изверги, вдруг еще обивку будут вскрывать или царапать полированные бока.

Энца жалела, что не взяла с собой сегодня даже шоколадки, только ноутбук. После того, как Унро побил все компьютеры – ох, Унро, как же он там один теперь, – на работу они ходили со своими личными. Джек и вовсе был налегке. Он даже волосы не успел убрать в хвост, и сейчас в перерывах между сетованиями о машине, чертыхался, выпутывая их из ветвей.

Искать машину Ворона долго не пришлось – стояла возле остановки и радушно пискнула в ответ, когда Джек нажал кнопку на брелке. Машина была небольшая, черная. Ворон, видимо, вообще питал пристрастие к этому цвету.

– Мы с тобой слишком заметные, – сказала Энца, забираясь внутрь. – Особенно ты.

– Купим парики? – оживился Джек. – Тебе с длинными светлыми волосами. А мне рыжий. Нет, не рыжий, лучше черный. Или просто постричься?

– Купим шапки, Джек, – остудила его пыл Энца. – Какие-нибудь поярче, чтобы внимание отвлекали.

Покружив немного по городу, Джек проехал Северной заставой и остановил машину в одном из жилых дворов. Он отформатировал данные на своем телефоне, удалив все сведения о своем профиле, вытащил и выбросил под сидение сим-карту. Проделав то же самое с телефоном Энцы, они выбрались из машины и отправились на поиски магазина.

– Думаешь, и Ворону доверять нельзя? – несколько раз обернувшись на брошенную машину, спросила Энца.

– А кому вообще можно? Тут столько всего намешано, что каждый может оказаться нечаянным участником какой-нибудь дурной шутки, из которой вырастает еще более дурное дело. Кстати, где Донно? Я ему обзвонился с утра.

– А! Они с Робертом участвуют в штурме «Амадины». Только это секрет, он мне вчера писал, сказал, чтобы я не волновалась, ну и...

– В штурме? – поразился Джек. – Вот прямо в штурме?

– Ну, не совсем в настоящем. Просто набрали, наконец, разных улик на это издательство... и один из серверов, с которого шла рассылка писем с

экстремистскими призывами, располагается именно там. Будут сегодня всех брать. Или уже берут.

Энца вздохнула.

– Жаль, мы не узнаем, чем там дело кончилось. Джек, а мы что, на поезде поедим?

– На каком поезде? – удивился Джек. – А, ты про советы Ворона. Сейчас купим шапки – хотя я бы и парик прикупил, чего уж, и отправимся к одному человеку.

– К какому человеку?

– Увидишь, – загадочно ответил Джек. – Там уж нас в последнюю очередь будут искать.

Спустя минут сорок – они кружными путями с кучей пересадок доехали на южную окраину города, – Энца поняла, почему.

Тот, кого они искали, жил в одном из старых девятиэтажных домов в тихом спальном квартале. Джек плохо помнил, куда идти, поэтому они пару раз попали не в ту квартиру.

На третий раз они постучались в нужную дверь.

Высокий темноволосый парень, открывший им, изменился в лице, увидев Джека, и молча попытался закрыть перед ним дверь. Джек вцепился в нее со своей стороны и чересчур радостно пропыхтел:

– Сколько лет, сколько зим! Я так волновался, что ты спился и теперь живешь в какой-нибудь подворотне! Правда, здорово, что я пришел? Давай скорее вспоминать старое.

– Пошел к бесам, Джек, – доносилось изнутри. – Пошел ты к королю бесов, какой только есть на свете! Век тебя не видал и столько же не хочу.

– Джек, – нервно оглядываясь, позвала Энца. – Давай пойдём, а? Что-то он не рад, по-моему.

– Это мой бывший напарник, – пояснил Джек. – Георг. На самом деле, он общительный парень, но сегодня у него, наверно, плохой день, вот и ломается.

– У меня сегодня отвратительный день! У меня теперь вся неделя и весь месяц будут отвратительными, пока я не смогу забыть, что ты приходил! Ты в курсе, что я полгода лечился у психотерапевта?

– Что-то он тебе мало помог, – отозвался Джек и дернул сильнее, подхватывая вывалившегося вслед за дверью парня в крепкие объятия. – Вот, давно бы так. Тоже очень рад тебя видеть.

Оглядевшись, он резко втокнул хозяина квартиры внутрь, втянул следом Энцу и запер дверь.

– Ну ладно, – довольно сказал он. – Подурачились и хватит. Тебе,

наверно, будет интересно узнать, что за нами сейчас охотится полиция.

Даже у Энцы поневоле сжалось сердце – настолько отчаянно застонал Георг. Сидя на полу, он обхватил голову руками и закачался:

– Ненавижу тебя, ненавижу тебя! Ты зачем ко мне пришел?

– Да-да, – ответил Джек. – У тебя пожарить чего не найдется? Не сиди на полу, простудишься.

Обогнув Георга, Джек ушел вглубь квартиры. Энца, чтобы немного смягчить ситуацию, присела на корточки перед совершенно раздавленным и расстроенным молодым человеком.

Честно говоря, его реакция показалась Энце преувеличенной. Джек, конечно, не подарок, но и настолько терять голову от встречи с ним было странно. Этот Георг мог оказаться тем еще клоуном. Или, как вариант, слабонервным психопатом.

– Здравствуйте, – тихо сказала она.

Георг резко вскинулся.

– А ты кто? – удивился он.

Глаза у него были продолговатые, с хитринкой, необычного янтарного цвета. «Точно, еще один клоун», – решила Энца. Очень уж его слова и позы не вязались с внешностью: крупные резкие черты лица, подбородок с ямочкой – в этом они с Джеком были похожи, оба словно с рекламного постера кинофильма.

– Меня зовут Энца, – вежливо сказала девушка. – Простите, пожалуйста, что мы так вломились, но у нас на самом деле... обстоятельства.

Она встала и предложила ему руку. Безмолвный Георг машинально протянул ладонь и крикнул, когда девушка не пожала ее, а резко потянула на себя, помогая встать.

По инерции чуть не впечатавшись в стену, он охнул и развернулся.

– Ты смотри, – недовольно сказал Джек, появляясь в коридоре. В руках у него была небольшая кастрюлька, к которой он внимательно принюхивался. – Руки-то не распускай, а то сразу полез, ишь ты.

– Так это твоя девушка? – поразился Георг. – Это поэтому за тобой полиция охотится? Чертов педофил, отдай немедленно мой суп. Это мама варила.

Джек быстро уперся ему в плечо рукой, не подпуская к себе, и отвел кастрюльку подальше.

– Это мой напарник, – сказал он. – А давно варила? Мы с утра не ели. Ты, кстати, почему не на работе?

– Врешь, – не поверил Георг. – Придумал бы что поубедительнее. У

меня выходной сегодня.

Через полчаса Энца убедилась, что Джек и Георг друг друга стоят. Насколько Энца понимала, они не общались почти четыре года – но встретились так, будто попрощались вчера. Георг обладал склонностью к излишнему драматизированию, но под шутовскими эскападами скрывалась настоящая обида – которая порой прорывалась в колких и сердитых замечаниях. И он не верил ни одному слову Джека, заранее воспринимая все как шутку – видимо, опыт имелся.

Энца никогда не расспрашивала Джека о его предыдущем напарнике, но тот однажды раз обмолвился, что история была неприятной и напарник едва не умер.

Сейчас в это с трудом верилось: Георг был довольно-таки энергичным типом, они с Джеком успели подраться на ложках, чтобы решить, кому достанется последний бутерброд, долго огрызались, вспоминая Сашу, которую кто-то из них увел у другого и еще пару подобных случаев.

Энца ловко стянула бутерброд – чтобы избавить их от повода к драке, и толкнула Джека под столом ногой.

– На самом деле, – сказала она Георгу, – Джек не пошутил, полиция действительно за нами... ну, то есть за мной охотится.

– А, точно, – спохватился Джек. – Мне нужен твой байк. Ты еще не продал его? И да, посмотри, что у нас за амулеты вот тут.

Георг несколько минут сверлил его взглядом.

– Ну, собственно, а чего я ожидал? Что ты наконец пришел извиниться? – кисло сказал он. – Давай сюда амулет, посмотрю.

– Нельзя снимать, – покачал головой Джек. – Это вроде как искажение поиска. Сниму – сразу засекут.

Георг чертыхнулся, но не стал спорить, подержал ладонь над приколотым к футболке диском.

– А он нормальный маг? – почти беззвучно спросила Энца.

Георг сердито засопел. Джек пожал плечами:

– Да в общем-то, неплохой.

– Амулет без подвоха, стандартное плетение, – хмуро буркнул Георг, отодвигаясь.

Так же проверил у Энцы, и подтвердил, что все в порядке.

Когда Джек, натянув шапку, отправился курить на балкон, Георг и Энца, не сговариваясь, развернулись друг другу:

– А.. – одновременно начали они.

Энца замолчала, а Георг нетерпеливо продолжил:

– Так ты на самом деле напарник? Не то чтобы я следил за ним, нафиг

мне это сдалось, но я слышал, что у него появился напарник.

– На самом деле. А вы... поругались с ним?

– С ним разве поругаешься, – сердито ответил Георг. – Он просто перестал со мной разговаривать. А до этого все нервы извел: то прогуляет, то забудет, то опоздает на полдня.

– Да, – покивала Энца. – Очень сложно уговорить его прийти вовремя.

Георг подозрительно покосился на нее:

– Я бы сказал, невозможно. Я старался изо всех сил, а он придурился, отбивал у меня девушек и не ходил на работу... Он достал меня своими шутками, я на потолок был готов лезть. Порой просто руки чесались, так хотелось ему морду разбить. Тебе тоже прилетает от начальства за него?

– Ну, – замялась Энца. – Обычно нам обоим прилетает. Ну, то есть когда был начальник...

Она нахмурилась, опуская голову. Смерть Финнбара так и не укладывалась в голове. Совсем недавно он сидел напротив них в допросной. Взял сигареты... не собирался он умирать.

– А что у вас случилось? – спросила она, чтобы отвлечься. – Почему Джек перестал разговаривать?

– Я сам виноват, – неохотно признался Георг. – Мы участвовали в Турнире, и я решил взять чуть больше чем обычно – ну так, про запас. И... ничего не помню. В коме был два дня. Ну, вот после этого он и перестал разговаривать. Внес мой номер в черный список и написал заявление о расторжении партнерского договора.

– И вы... ждали, что он извинится? – вдруг удивилась Энца, вспомнив брошенную недавно фразу.

– А разве он не должен был это сделать? – вскинулся Георг.

– Не вздумай нудеть о своей жалкой жизни, – предупредил Джек из дверей, возвращаясь.

– Это у тебя жалкая жизнь одиночки-неудачника, – отпарировал Георг. – А я – успешный и прекрасный.

– Ну да, ну да, – кивнул Джек. – Успешный и прекрасный. Так что насчет байка?

– Не отдам, пока не расскажешь, в чем дело, – насупился Георг.

Через четверть часа он притащил несколько листов бумаги и ручку, и Энца принялась вычерчивать предположительные связи между известными фактами. Георг вошел во вкус и со скоростью заводского конвейера предлагал сумасбродные идеи, одна другой чуднее.

Получалась каша. Никакой системы или закономерности:

беспорядочный ком паутины из нитей, ведущих в никуда.

– У этого дела не двойное дно, – сказал Джек, – а тройное, а то и больше. И на каждом уровне куча странных личностей, которые, может быть и не подозревают о существовании остальных.

– А может, они вообще не связаны? – предположил Георг.

– Не связаны с чем?

– Друг с другом. Просто совпадение по времени, что все это сейчас происходит.

– Парочка событий, может быть, и не связаны, – согласилась Энца. – Но все равно, для совпадений тут слишком много намешано.

– Артур и Айниэль – случайности. Они были сами по себе, и вряд ли о них вообще кто-то знал. Их знакомый Нау, который появился вскоре на том же месте под чужим именем – уже не может быть случайностью. Кстати, ты вчера не смотрела, был ли на самом деле какой-нибудь Финнбар?

– Смотрела вечером. Но ничего не нашла. Кстати, зато мне Яков прислал данные по диспетчерам.

– И? – поторопил Джек.

– Да там ничего. Хвосты подчистили. Девушка, которая с нами разговаривала, ничего не знает, никаких инструкций не получала.

– То есть она сама по себе дура? – уточнил Джек, и Энца укоризненно покосилась на него.

– Или врет, или ты прав, – уклончиво ответила она. – Я вот думаю, Джек. Может быть, они поймали Финнбара... Нау... именно на крючок, связанный с Артуром? Что можно будет разобраться в этом вопросе – с нами, с его историей? То есть узнать, что случилось на самом деле – и еще подчистить архив, убрав все сведения о ведьме?

– Ой, да ну, – отмахнулся Георг. – Вариант с мстью куда как веселее. Странно только что он вас просто не пошинковал под шумок. И вообще, ему так сложно было все объяснить? Полагается стоять над телами поверженных противников и рассказывать о том, что к чему было.

– Если бы он нас пошинковал, кому бы он рассказывал, умник? – рассердился Джек. – Хватит уже фонтанировать, давай ключи... и, наверно, деньги. Энца, у тебя сколько с собой? Ты кошелек брала? А то я все, что было, уже на шапки потратил.

– Вымогатель, – печально сказал Георг. – Можно, я в полицию позвоню?

Джек отмахнулся от него, вдруг задумавшись.

– Энца, а что, если тогда я был прав? Про Финнбара. Смотри, какая крутая идея – сидеть в медкомиссии и накладывать проклятье на тех, в чьей

карте указаны способности к предвидению.

– О! – оживился Георг. – А что, если медкомиссию и объявили специально для этого?

– Ты сбрендил? Это ж кем надо быть, чтобы по всей стране объявлять внеурочную медпроверку? Нет, может быть... может быть, там, где-то в верхах есть человек, который смог обосновать необходимость этой проверки и поставить на все необходимые посты своих людей.

– Старых врачей перевели в другое место, – кивнула Энца. – Поставили того, кто будет или сознательно отрицать наличие проблем, или в силу некомпетентности. Зачем?

– Убрали предсказателей, потому что они могли что-то увидеть в будущем, – сказал Георг. – Вот и все. Значит, впереди нас ждет какой-то грандиозный п... эм, прости, Энца. Грандиозное событие. Правда, я молодец? Я первый догадался.

Энца начертила линию. «Один или несколько человек близко к правительству или руководству Института – организация медкомиссии, расстановка ключевых фигур».

Линию ниже – «Исполнители, дело ведьмы и подчистка следов. Финнбар? Врач медблока? «Амадина»?».

Еще одну линию: «Свободная ассамблея. «Амадину» сюда же?».

– Скорее всего, теракт нужен был для пуска пыли в глаза, отвлечения. Как и ведьма, – сказала она. – Может быть, «Свободную ассамблею» действительно подставили, заменив начинку хлопушек. Тогда тут не хватает еще одного уровня – который дурит все остальные. Как бы там ни было, они все нам не по зубам. Если Якову действительно удастся собрать вокруг себя тех, кто против этого неизвестно чего, то им еще удастся что-то сделать. Мы с тобой тут вообще и на расходный материал не тянем.

– Она всегда такая самокритичная? – спросил Георг.

– Не то слово, – сказал Джек. – Кстати, в ноутбуке Финнбара есть несколько писем – из тех, что он не успел удалить. Он переписывался с неким Координатором. По его словам, ведьма скрывалась и от них тоже – а снова участвовать в деле согласилась только под двумя условиями. Тебя, Энца, нужно было убить, а меня отдать ведьме в вечное пользование. Правда, здорово?..

Они некоторое время помолчали.

– Не пора ли нам идти? – невпопад спросила Энца. – Я понимаю, что тут удобно, и мы не договорили, но все же... чувствую себя как в клетке. Такое ощущение, что в любой момент в дверь могут постучать.

Георг вздохнул и поскреб затылок.

– Тебя мы не возьмем, – на всякий случай сказал Джек. – У тебя фотка какой-то девицы у компьютера, мама суп варит и работа еще.

– Шарил на моем столе? – вздохнул Георг. – Ну и ладно. Не очень-то и хотелось. И... и вообще, почему ты решил, что мне можно доверять?

Джек пожал плечами.

Они оставили у Георга оба своих разобранных телефона и ноутбук Энцы – Джек схватился за голову, когда узнал, что он все это время лежал у девушки в сумке. Взамен обзавелись внушительным пакетом бутербродов и бутылкой фирменного морса мамы Георга.

Георг дал им два шлема и нерешительно спросил, стоит ли заявлять в полицию об угоне.

– Не надо пока, – сказал Джек. – Совсем сдурел? Нас же искать будут, а мы еще и на угнанном мотоцикле. Ладно, бывай. Спасибо за все.

Он помахал Георгу и вышел из квартиры, сказав Энце поторопиться. Энца в этот раз по-настоящему пожала руку бывшему напарнику Джека, уверив его, что все будет хорошо, и они постараются уйти так, чтобы не сильно было заметно.

– Постарайся не помереть, придурок, ты теперь мне денег должен, – крикнул им вслед Георг. – И если придут из полиции, я тебя сразу выдам.

– Тебе страшно, Джек? – спросила Энца, держа в руках шлем бодрой рыже-черной окраски.

– Нет, – сразу ответил Джек. Потом пожал плечами. – Да. Не знаю. Сейчас у меня дурацкое чувство, что мы только что нащупали какую-то истину, только она не то, чем кажется. И еще – нам будет очень-очень весело, причем совсем скоро. Ты, кстати, как к мотоциклам?

– Я еще ни разу не каталась, – призналась Энца.

Джек помог застегнуть шлем и фыркнул.

– «Каталась»! Сейчас мы полетим. Готовь крылья.

Утро началось в половину пятого. Донно, привычный к ранним побудкам, почти даже бодро пошел на кухню, одновременно набирая номер напарника. Роберт спросонья послал его к бесам, пришлось заезжать за ним, и завтракать на ходу.

Накануне их распустили раньше – сразу после часового инструктажа. Для конспирации подготовка к захвату издательского дома «Амадина» велась раздельно – лично встречались только аналитики с обеих сторон,

управления маг-бригад и Чайного домика.

За неделю наблюдений и небольшого шпионажа о здании было собрано достаточно сведений, чтобы распланировать быстрый и наименее опасный для гражданских захват.

Под строгим взглядом заместителя шеф Чайного домика уныло бубнил о том, что главное условие операции – не причинить вреда гражданским, ни в коем случае, даже если они будут кидаться с оружием. Минимальное магическое воздействие. Основная цель – захватить и обездвижить всех в здании, не дать никому уйти. Серверная – вторая цель, не менее важная.

Покряхтывая и подглядывая в бумаги, шеф повторял тактические схемы продвижения по помещениям. Оперативники скучали.

Артемиусу было около пятидесяти, и за плечами он имел несколько лет службы в Саржино, и четырнадцать лет под начальством Солнцеликого, предыдущего шефа Чайного домика. По словам Артемиуса, в Саржино было проще. Монстр-объекты повышенной опасности? Ежедневные точечные прорывы? Непредсказуемые приливы?

Да левое дело.

Солнцеликий был куда как опаснее всего вышеперечисленного, да еще и обладал на редкость едким языком и злопамятностью. Из всего этого Артемиус унаследовал только язвительность и редкое чувство опасности. Первое он оттачивал на своем заместителе, который искренне считал шефа старым маразматиком, а вторым... вторым никогда не пренебрегал.

Закончив со вздохами и покашливаниями, которые служили единственно для того, чтобы напомнить о почтенном возрасте шефа, Артемиус неожиданно сухо сказал:

– В носу у меня свербит, ребята, ох как свербит! Смотрите в оба, да не выдумывайте, будто на прогулку вышли. Со всей серьезностью. К хренам эти политесы с гражданскими, разбираться с их синяками потом будете. Ясно выражаюсь?

Оживившиеся оперативники дружно подтвердили. За оставшиеся двадцать минут Артемиус разбросал подцели по группам, распределил людей по секторам и ушел ругаться с заместителем, который был резко против дедовских «предчувствий», свербящих носов и ненужной жестокости.

Издательский дом занимал особняк на одной из тихих улиц, примыкавших почти к самому центру города. Семь этажей, лепные карнизы, пилястры и статуи у входа. Чтобы застать всех работников злополучного издательства на месте, оперативники заняли свои места

задолго до начала рабочего дня: часть на крышах соседних зданий, часть рассредоточена по местности в неприметных фургончиках.

Операция началась без четверти двенадцать.

Роберт настоял на своей открывающей роли – изначально он был определен в группу поддержки, которая обеспечивала прикрытие остальным и координацию действий.

Он подошел к главному входу и долго, пристально изучал аляповатую статую алого льва в азиатском стиле. Так долго, что к нему вышел из здания охранник – поинтересоваться, что происходит.

Роберт, который на самом деле занимался тем, что сканировал замысловатое плетение на статуе – собственно, то, ради чего он напросился на эту роль, – не ответил.

Едва не забыл дать отмашку, одновременно разрывая плетение на льве. Первая четверка, скрутив охранника, ворвалась через главный вход, а Роберт поспешил в подъехавший фургон, на ходу доставая блокнот, чтобы зафиксировать узлы плетения.

«Первый этаж захвачен. Пять человек, все обездвижены», «Первую серверную взяли. Пусто», «Входим на второй».

В здании было семь этажей: три четверки шли снизу, две сверху, перебравшись по крышам соседних зданий.

Первые двадцать минут это действительно было воскресной прогулкой. Тихой, размеренной и распланированной.

На третьем этаже, где сидело руководство, все это закончилось. У тех, кто шел сверху, спокойным был только обход седьмого, где располагалась первая серверная – у издательства был собственный портал в сети. Девять человек техперсонала и пять редакторов были мгновенно обездвижены. Следом за четверками шла специальная бригада, которая проверяла физическое состояние захваченных.

Обвешанные гирляндами боевых артефактов – одна из сине-красных шаров светозвуковых артефактов, вторая из плоских зеленых плашек обездвиживающих амулетов, бойцы размеренно двигались вперед. На них чары не действовали: в шлемы и бронежилеты были вделаны отвращающие и рассеивающие амулеты.

У четверки Донно Роберт сам проверял все чары.

Нервничал.

Его неуместное и ненужное сейчас раздражение передавалось Донно, который и сам был не в восторге: тройка полицейских, с которыми он шел в связке, особого доверия не внушали. Двое детей явно не были рады тому,

что лидером поставили мага, да и вовсе не считали предстоящее чем-то мало-мальски опасным. Третий был слишком юн, хоть и более ответствен. Он один из всех внимательно прослушал Донно, который повторно проговорил тактику действий, распределяя роли.

Почти все этажи были разделены на большие пространства для работы и отдыха: по четыре зоны, крестом коридоры между ними.

Лифты блокировали маги-техники из группы поддержки.

Много больших и маленьких кабинетов было только на третьем этаже: бухгалтерия, отдел кадров, вторая серверная, директорская.

Там шли гребнем, в каждый кабинет забрасывая светошумовой артефакт и обездвигивающий.

Среди персонала оказалось непомерно много магов.

И у них всех оказались скрывающие и рассеивающие амулеты.

В отличие от коллег-людей, они резво вскакивали и пытались бежать. Полицейские сбивали их из «Апфелей», резиновыми пулями.

Донно с четверкой шли сверху. Первое время полицейские шли сосредоточенно, практически как на учениях, потом расслабились, перешучивая, и Донно поминутно одергивал их.

А потом они вошли в злополучную зону отдыха номер три на шестом этаже. Пять человек, которые там оказались, уже успели услышать приближающиеся хлопки и разрывы артефактов, но понять, в чем дело, еще не успели, громко обсуждая странный шум.

Светошумовой. Хлопок – и сразу глухое «ш-ш-ш» активированного обездвигивающего амулета. Первыми вошли балагуры, с «Апфелями» наизготовку: в переговорных устройствах уже давно слышался мат и сухие указания координаторов по поводу гражданских магов, которые упорно разбегаются как тараканы.

Тактика «крест на крест» – первые двое скользят в помещение друг за другом по диагонали, охватывая каждый свою часть.

– Но-но, парень, бросай это, – услышав это, Донно знаком оставил четвертого за дверью, входя в комнату.

Трое гражданских лежат на полу, разбитая чашка с кофе, пирожное. Планшет с запущенной игрой – сотрудники пришли отдохнуть.

В дальнем углу темноволосый парень трясущимися руками держит перед собой девушку – оба могут двигаться, но девушка вся в слезах и только тихонько поддыхает.

– Не надо, не надо, – повторяет парень, отступая назад и крепче сжимая руки на шее девушки. Она как щит, а полицейские молча надвигаются, беря его в клещи.

Еще немного, и щит уже не будет прикрывать, не один, так другой полицейский сможет снять мага выстрелом. Зеленоватые навывате глаза парня судорожно ощупывают пространство.

– Отпусти ее, парень, – медленно говорит Донно, отвлекая его на себя. Девушка уже закатывает глаза, бесполезно царапая ногтями душащие ее руки. Мокрые светлые пряди слиплись на лбу. – Все в порядке, мы не причиним никому вреда. Ну, смотри на меня. Просто разожми пальцы и ляг на пол.

В наушнике напряженный голос Роберта: «Что у вас?». «Потом, Роберт, подожди ты».

Парень вдруг взвизгивает и с силой толкает девушку на одного из полицейских, и сам стремительным зайцем прыгает в противоположную сторону.

Из помещения два выхода: второй прикрыт декоративной ширмой. Полицейский без труда перехватывает парня, и они оба валятся борющейся грудой на ширму, сминая тонкие планки и расписную ткань.

А вот девушка... ее падение неумовимо превращается в управляемое скольжение, и Донно, еще не сообразив, – но тело движется само, на инстинктах, – бросается наперерез.

Не успел, всего на пару мгновений, но и их хватает, чтобы девица, только что прикидывавшаяся полумертвой жертвой, парой плетений разнесла в щепки часть стены и стремительно понеслась вперед по коридору.

Перепрыгнув через оглушенного четвертого, Донно побежал следом, докладывая обстановку.

Молчание. Связи нет.

Ему, магу, «Апфель» не положен, а чары бесполезны: на девице качественный рассеивающий амулет... дозволенные чары бесполезны. За спиной топот одного из полицейских, он кричит Донно:

– Не маячь, в сторону!

Донно резко отшатывается к стене, и полицейский открывает огонь.

Резиновые пули девице точно так же не страшны, как и чары. Она даже не сбивается с хода.

Донно вытягивает из рукава старую добрую цепь с режущими чарами на звеньях, и стремительно кидается вперед, в прыжке подминая девицу под себя.

В наушниках далекий, набирающий силу голос Роберта: «Восстанавливаем связь, докладывайте обстановку», и отовсюду сыпятся сухие злые реплики по поводу резвых сотрудников издательства. Директор

попытался забаррикадироваться у себя в кабинете, а его секретарь рванул к серверной.

Скорее всего, они все туда бежали: унести ноги от боевых магов у них бы не вышло, а вот попробовать добраться до серверной, чтобы избавиться от улик, было возможно.

Донно сунул девице под нос звенящую от чар цепь и сказал:

– Двинешься, пожалеешь.

Рывком поставил на ноги и, придерживая за затылок, повел обратно. Под тонкой серой шерстью костюма острые лопатки так и ходили вверх-вниз – то ли отдышаться не могла, то ли ревела.

Вторая четверка уже зачистила оставшиеся помещения на этаже, и сверху спешила бригада, которой передали обоих неудавшихся бегунов.

– Вы не знаете, вы не знаете, – лихорадочно шептал парень. Глаза его, вытаращенные и дурные, шарили по лицам оперативников, словно он пытался найти в них сочувствие. – Мы ведь всем хотим помочь, мы все поправим, все сделаем, как надо... пожалуйста, пожалуйста, не надо нам мешать. Вы просто не понимаете!.. вы же хороший, да?

Донно, к счастью, его не чувствовал – только слабым фоном, но и то было неприятным, кисло-горькое. Почти безумие.

– День мертвых, – вдруг сказал парень, зацепившись за его взгляд. – Только запомните мои слова, день мертвых, да. Много мертвых. Но мы все поправим.

Что там еще, Донно не расслышал.

Грохнуло где-то внизу, и под хрустальный невыразимо прекрасный звон осыпающихся стекол, Донно почувствовал, как пол уходит из-под ног.

Онемение длилось несколько секунд – пока амулеты на теле Донно нейтрализовывали высвободившееся после взрыва плетение. Зрение вернулось первым – и он смог увидеть, как неловко убегают эти двое со скованными руками, пока все оперативники доблестно лежат на полу.

Слух не возвращался, да и бес с ним. Преодолевая скованность мышц, Донно поднимался, зная, что чем быстрее начнет двигаться, тем скорее пройдет эффект от чар. С задержками поднимались остальные – в первую очередь маги, действие их амулетов подпитывалось собственной энергией.

Сквозь вату временной глухоты начали прорываться голоса координаторов. Донно пытался по привычке уловить голос напарника, но не мог.

Тело постепенно разогревалось, сбрасывая онемение. Остановить сбежавших не удалось: девушка пробила закрытые двери лифта и оба спрыгнули в шахту. Девица по дороге заклятьем оборвала все тросы, и

лифт, застопоренный на верхнем этаже, рухнул вниз, сопровождаемый грузом.

Кроме грохота ничего слышно не было. Полицейский из тройки Донно, который следовал за ним, держась за стену, выругался. Донно молчал, вытирая жестким рукавом текущую из носа кровь. На противоположной стене шахты лифта виднелось грубо намалеванное зеленое солнце.

– Ты как? – спросил полицейский. Он говорил слишком громко и дергал головой, сглатывая. – А эти сбежали – или чё?

Донно сплел небольшое заклинание, и хлопнул парня по плечу. Должно было полегчать.

– Или что, – ответил он. – Сейчас внизу проверят.

– А! – удивился тот, когда звон в голове пропал. – Ну... спасибо. У тебя вся морда в крови, ты в курсе?

Донно только отмахнулся.

Это уже потом он узнал, что на крайний случай у директора издательства был специальный артефакт – из запрещенных еще в прошлом веке боевых артефактов массового поражения. Его намеренно ослабили, настроив только на временное выведение из строя, хотя изначально действие было летальным.

Часть удара приняли на себя и перераспределили маги-координаторы, так что после окончания операции и подведения кратких итогов, Донно выдали на руки до зелени бледного напарника с рекомендацией показаться врачу назавтра.

– Хрень какая-то, – устало сказал Донно, когда они сдали амуницию и сели в машину.

Роберт откинул голову на спинку сидения, не в силах даже кивнуть. Было уже около трех пополудни.

– Давай последуем заветам Джека, – едва шевеля языком, сказал Роберт, – и поедем сейчас не на работу, а... например... куда он там обычно ходит?

– Поесть он ходит, – отозвался Донно. – Ладно, давай.

Несмотря на свое же предложение, от еды Роберт отказался, но выпил три кружки горячего сладкого чая, уверяя, что ему гораздо лучше. Они отъезжали от кафе, когда позвонил чуткий начальник и, покашливая, спросил, почему они опаздывают на летучку.

Донно покосился на задремавшего напарника и покаянно вздохнул, пообещав в ближайшем времени приехать. Нажав отбой, он посмотрел на экран и нахмурился.

Все это время их телефоны лежали в машине вместе с прочими личными вещами – брать с собой не полагалось.

Неотвеченных вызовов было четырнадцать. У Роберта, которого Донно тут же без жалости растолкал, чуть поменьше – девять.

Донно, с силой давя на экран, пролистывал список: Сова, Джек, Джек, Джек, Сова, Сова, Джек... в конце только от Совы. И то, что Джек звонил в немыслимую для него рань, внушало страх.

Ни одного звонка от Энцы.

И оба теперь недоступны.

Сова ответил не сразу – и был пьян. На заднем плане слышался смех, музыка и развеселые вопли.

– Погодите, – заорал он. – Тут Донно звонит! А ну, заткнитесь все, говорю!

Дальше Донно отодвинул трубку от уха: такой многоэтажной ругани он давно не слышал.

Немного отлегло: если бы действительно случилось что-то непоправимое, Сова сказал бы сразу. Правда, когда Донно сумел добиться от коллеги, что случилось, то не смог поверить. Передал трубку Роберту, чтобы тот переспросил.

– У нас был ордер на ее арест! Что я должен был делать? Я звонил вам, тянул время, и хрен знает что!.. – Сова еще раз матерно изложил всю историю, и его постоянно прерывали, подсказывая упущенные детали.

Лицо Роберта каменело, а Донно сжал кулаки, пытаясь успокоиться.

– Мы носились как идиоты по всему кампусу, – вопил Сова. – Как идиоты, слышишь? Мы делали все, чтобы не поймать их, и выглядели как толпа дебилов-новичков!

Он захохотал, и вокруг его дружно поддержали – видимо, вся утренняя компания переместилась в бар.

– И теперь у нас у каждого по выговору, а у меня еще с занесением в личное дело! Я, блин, пятнадцать лет пашу, у меня, мать его, две награды – и теперь выговор за профессиональную некомпетентность!

Сова прервался на еще один матерный монолог, и Роберт, коротко поблагодарив, прервал соединение.

– Мне надо передохнуть, – отведя глаза, сказал он. – Только передохнуть, и я возьмусь за поиск.

Донно помедлил, но кивнул:

– Не напрягайся. Они ушли, и до утра уж как-нибудь дотянут. Поехали ко мне, отоспишься. Не вздумай опять жрать свои стимуляторы.

Роберт криво усмехнулся.

– Что-то наша компания стремительно развалилась: кто в больнице, кто в бегах, – сказал он, и Донно ткнул его в плечо кулаком, чтоб не молот глупости.

К подъезду напарники шли молча: Донно размышлял, стоит ли брать отгулы на работе для самостоятельного расследования или же наоборот поднять бучу через начальство, Роберт просто переставлял ноги, стараясь не свалиться раньше времени.

Уже начинало темнеть, но дверь подъезда была ярко освещена. Донно невольно вспомнил тот далекий уже летний вечер, когда с крыши скользнула черной тенью Энца, чтобы поймать его и разобраться в их отношениях.

Под фонарем он замер, и Роберту пришлось подтолкнуть его.

– Ты чего, заснул?

Донно подбородком указал на дверь.

Черным маркером где-то на уровне его груди, поверх трехбуквенных слов и прочего народного творчества было написано «Со мной все в порядке. Будь осторожен».

История тридцатая. Как поймать боевого мага

«32.1. Для задержания/заключения под стражу мага, необходимо предписание, заверенное унтер-офицером окружного или районного отделения маг-бригад и представителем Института, а также три стандартных амулета:

- ограничения силы;
- ограничения стихийного компонента;
- ограничения движения класса 2-а.

При задержании/заключения под стражу должны присутствовать: офицер маг-бригады и четыре боевых мага (необходимое соотношение класса и уровней силы см. приложение 142).

32.2. Для задержания/заключения под стражу боевого мага, вне зависимости от уровня силы и умений последнего, к вышеперечисленному списку необходимо добавить амулет ограничения силы классом 1-а и в состав оперативной группы включить еще двух боевых магов (необходимое соотношение класса и уровней силы см. приложение 142).»

Из инструкции по взаимодействию маг-бригад с гражданским населением, имеющим магический индекс

Когда забирали Финнбара, проблем не возникло: тот ведь был без сознания. На него просто надели наручники и погрузили в специальную машину.

Сейчас ситуация была сложнее. Боевой маг был в сознании, хотя и в большом недоумении.

– Что случилось? – попятившись, спросила Энца. В просторном холле на первом этаже общежития собралась довольно странная группа: двое в серо-зеленой форме полицейских, и шесть мужчин внушительного вида. Из них Энца знала только Сову и еще двоих, которые участвовали в неудачной поимке ведьмы.

И ведь с утра ничто не предвещало беды – Энца как всегда разбудила Джека по телефону, собралась и вместо разминки просто пробежалась по лестнице до верхнего этажа, потом вниз.

Едва она вышла из-за угла, один из мужчин воскликнул:

– Вот она!

И вся группа, которая уже подходила к грузовым лифтам, резво рассредоточилась, беря Энцу в полукруг.

Полицейский откашлялся.

– Вас зовут Энца?

– Да, – осторожно сказала Энца и повторила: – Что-то случилось?

Вдруг подумалось, что может, опять с кем-то беда... ох, Саган вчера еще спрашивал, неужели нельзя прожить хоть день спокойно.

Видимо, нельзя. Только бы все живы были. А зачем такой толпой приходить, чтобы сообщить?

– У нас ордер на ваше задержание, – тем временем сказал полицейский, – по подозрению в убийстве мага Финнбара...

– Что? – вскрикнула Энца. – Но я не...

– Помолчи, – резко сказал один из магов.

– По подозрению в убийстве мага Финнбара, – продолжил полицейский. – Вы подтверждаете, что три дня назад осуществили незаконный отъем энергии у вышеупомянутого?

– Я... – растерялась Энца.

Обежала глазами лица всех присутствующих: ни один не подходил к ней ближе чем на пять метров, и смотрели они равнодушно, кроме разве что Совы – тот отвернулся, скрывая... неловкость?

Она обеими руками вцепилась в ремень сумки, перекинутой через плечо, словно в якорь, который не давал окончательно запутаться в этой нереальности. Обращаясь больше к Сове – потому что знакомый и потому что один из всех выказывал человеческие чувства, Энца сказала, пытаясь

заставить голос звучать твердо и спокойно:

– Я защищалась. Он напал на меня, а потом на моего напарника...

– Вы подтверждаете незаконный отъем энергии? – спросил полицейский.

– Да, – тихо сказала она.

Врать не имело смысла – она и тогда сразу об этом сказала, и показания уже подписала.

– Вы способны поддерживать энергетический канал на расстоянии? – продолжил полицейский.

Энца молча смотрела на него.

Сейчас у нее появилось ощущение, что она спит. Этот кошмар – о том, что она все же кого-то убила, и за ней пришли, чтобы наказать, раньше преследовал ее. Из той, старой жизни, когда она была просто пустышкой и боялась до дрожи каждый раз когда нужно было брать чью-то силу.

И вот этот кошмар стоял перед ней во плоти. Он был похож на сорокалетнего полноватого мужчину с седыми волосами, усталым невыразительным лицом и чуть оттопыренными ушами – но кошмаром от этого быть не переставал.

– Вы умеете поддерживать энергетический канал на расстоянии? – еще раз спросил он.

– Умею.

– Вчера вечером задержанный Финнбар умер в камере, от энергетического истощения. Последний контакт подобного рода был зафиксирован с вами. Прошу пройти в место задержания, не оказывая сопротивления.

– Я этого не делала, – сказала Энца, не двигаясь с места.

Может быть, если она будет спокойна и все объяснит, они поймут. Снимут еще раз показания, сверят ауры и ее отпустят. Мысли были логичными, но ноги не двигались.

А вдруг это правда? Что, если она не заметила, что канал не закрыт, и продолжала тянуть энергию? Нет, Энца бы почувствовала. Почувствовала бы?..

– Сопротивление задержанию будет отягчающим обстоятельством, – предупредил полицейский, а его коллега отцепил от пояса наручники:

– Вытяните руки вперед, пальцы в кулаке, большой палец внутри.

Это чтобы она плетение какое не кинула... смешно.

Полицейский шагнул к ней с наручниками, а Энца против воли отпрянула назад, так и не подняв руки.

– Я этого не делала, – повторила она четче.

– Энца, – спокойно и твердо раздался знакомый голос.

За спинами полицейских стоял Джек. Если бы не сбившееся набок пальто и растрепанные волосы, которые он резко перебросил за спину, ни за что не угадаешь, что спешил.

– Я этого не делала, – в третий раз произнесла Энца – уже ему.

– Я знаю, – сказал Джек. – Иди сюда.

Энца снова не двинулась, только глубоко вздохнула. Что придумал Джек, было непонятно, но сейчас не стоило лезть на рожон и все усугублять. Она уже решила, что лучше будет пойти с полицейскими и спокойно разобраться.

Старший полицейский, который разговаривал с ней, дернулся было, но Сова положил ему на плечо руку и что-то шепнул. Полицейский резко сбросил его ладонь и обратился к Джеку:

– Покиньте помещение, мешаете задержанию.

– Пошел отсюда, ну! – крикнул его коллега.

Джек и ухом не повел, смотрел только на нее, напряженно хмуря брови.

– Энца! Давай же!

Окрик Джека подействовал отрезвляюще. Энца взглянула на него поверх голов полицейских.

– Пожалуйста, – сказал Джек. – Иди ко мне. Тебе не нужно... нет, тебе нельзя идти с ними.

Наверно, с тем же самым выражением лица когда-то давно Энца просила его подойти. Там, в парке под фонарем, где была ведьма.

От Джека к ней протянулась волна тепла, энергия укутала ее коконом, впитываясь в кожу, заставляя потрескивать волосы как от электричества. Энца могла только чувствовать ее, но окружающие... уж они наверняка видели это, настоящие маги, не то, что они с Джеком.

Пусть так. Пусть они видят, слышат и чувствуют. Умеют плести.

Кажется, даже послышался металлический лязг, когда из ее опущенных рук угрожающим веером вышли сразу несколько призрачно мерцающих фалькат. Лезвия многозубо щерились, доставая до самого пола.

Будь они настоящими, Энца даже приподнять бы их не смогла.

Стало так тихо, что было слышно напряженное дыхание людей.

– А теперь иди ко мне, – сказал Джек. – И хочу сказать, что если кто-то шевельнется или попытается накинуть плетение, я тут все снесу в один момент.

– Ты ее заденешь, – бесцветно возразил Сова.

– На нее не действует, – уверенно соврал Джек. – И у нее есть якоря, а

тебя размажет по стенам.

Лезвия удлинлись, прорастая в каменные плиты пола, оставляя в них глубокие страшные отметины – Энца медленно двигалась вперед, а люди расступались.

***

Когда утром зазвонил телефон, Джек, не глядя, сунул трубку к уху и сонно пробормотал:

– Ну, чего ты опять звонишь? Я же сказал, что уже проснулся и спускаюсь к машине.

– Джек, – скрипуче сказал Яков, и от его голоса неожиданно пробрало морозом по коже. – Немедленно поднимайся и езжай в Зеленую башню. У меня запрос на полный комплект амулетов для задержания мага-воздушника.

– Чего? – удивился Джек. – А я тут при чем? У вас не хватает курьеров?

– Джек, магов-воздушников нулевого уровня у нас очень мало. Я тут потяну время, а ты лети со всей доступной скоростью. Она не должна попасть к ним – живой оттуда уже не выйдет. Ночью умер Финнбар

Джек дослушивал его указания уже одеваясь.

Финнбар и вся верхушка «Свободной ассамблеи» – они действительно навсегда остались в застенках. Пусть Энца всего лишь мелочь по сравнению с ними, но тенденция слишком очевидна и пугающа.

Бес с законом и всем остальным, быть может, в данном случае, лучшее решение будет свалить подальше от всех загадок и тайн. Пусть с ними разбираются те, кому зарплату за это дают. По дороге Джек набирал по очереди Роберта и Донно, но те были недоступны.

Надо было уточнить вчера, куда они там собирались.

Хотя какая к бесу разница.

Оставив машину на стоянке, Джек, перепрыгивая через ограды и срезая через газоны, понесся к Зеленым башням, проклиная тех идиотов, которые полвека назад зачем-то перенесли их дальше от входа.

Он все равно не успел вывести ее раньше, чем за ней пришли.

Нелепое зрелище: маленькая и бледная Энца стояла в кругу насупленных мужиков, каждый едва ли не вдвое больше нее.

Джек на миг замешкался – но он знал то, чего еще не знали эти люди. Главное, ее нужно было выдернуть из этого круга.

– Джек, – негромко сказал Сова. – Не лезь поперек. Если девочка невиновна, мы разберемся. Сейчас ты только усугубляешь. Дай нам уйти с

ней.

– Какого?.. – начал было полицейский, но Сова снова сжал его плечо, заставляя замолчать.

– Нет, – покачал головой Джек. – Напомни мне, сколько человек за последние месяцы вынесли из ваших камер вперед ногами?

Сова раздраженно цыкнул языком, то ли признавая правоту Джека, то ли сердясь, что тот спорит.

– Разворачивайтесь спинами к нам, а лицом к той стене, – сказал Джек. Голос у него ровный был, ледяной.

Ни следа обычной дурусти, усмешки, – только серый пустой взгляд. Сова поспешно кивнул своим, приказывая слушаться. Полицейский огрызнулся, отказываясь:

– Прекратите! Их двое всего, у вас и амулеты подавления, и...

Он запнулся и едва не захлебнулся на вздохе – прямо у его переносицы дрожал тонкий прозрачный луч лезвия. От жгучего холода онемело лицо, и полицейский, зверея от злости за свою беспомощность, покосился направо.

Бледная малявка, которая только что напоминала растерянную школьницу, оценивающе глядела на него поверх широкого длинного клинка. Ее вытянутая рука уже от самого локтя щерилась рядом лезвий – словно крыло. Темные глаза были непроницаемо равнодушны.

– Энца, – нервно сказал Сова, – не надо, мы отойдем.

– Вы подыгрываете им... суки, все тут заодно, – шипел полицейский, уткнувшись лицом в стену и положив руки на затылок. Всякая вежливость слетела с него как сухая шелуха. – Я докладную напишу, блин, вы тут попрыгаете все, уроды... почему, бес его возьми, эти ваши гребаные амулеты не работают? Почему вы сами не нападаете? Если б на эти гребаные задержания можно было оружие брать, нахрен бы вы сдались...

– Не сделали еще такого амулета, который Джека ограничивает, – в ответ прошипел маг слева от него. – Ты вообще, чучело в погонах, знаешь, кто это такие? Ты знал бы, не рыпался...

– А вы, блин, что? Подмазка для стены? – взъярился полицейский. – Хрена вам эти ваши способности? Стояли как бараны, мать вашу!

– Ребята! – гаркнул Сова, перебивая его. – Ушли! Вдогонку, лупим по ним обездвигивающими, в первую очередь по Джеку, потом по мелкой. А вы двое сидите тут и не лезьте под руку, а то попадет. Ненароком.

Едва холл опустел, полицейский от злости пнул стену ботинком и зашипел от боли.

– Ненавижу этих тварей, – сквозь зубы сказал он. – Каждый из них себя сверхчеловека корчит, уроды... а ты ж поди, в штаны наклали всей

толпой.

Коллега сочувственно покосился, потом сказал:

– Да это ж Джек был, не знаете? Он в секунду бы все здание снес...

– Что ты мне втираешь? – накинулся на него офицер. – А то я не видел, что эти маги умеют делать! Они просто дали им уйти! Но я это просто так не оставлю... размажу уродов.

– Может, они правда испугались, – неуверенно пожал плечами коллега и сник под презрительным взглядом.

– Ты была права, – сказал Джек, – они и вправду полетели по прямой к стоянке.

Он прижался к каменной стене, вглядываясь в удаляющиеся спины магов.

– Мне кажется, они и не особо пытались нас остановить, – тихо ответила Энца, стоявшая за ним. – Разве они не должны были с собой принести амулеты ограничения?

– Должны были, – усмехнулся Джек. – Яков самолично обещал выдать им разряженные. Вряд ли они проверяли их, Яков сказал, что так задержит их у себя, просто времени на это не останется.

– Могли ведь просто обездвигить нас чарами, – покачала головой Энца. – Они все же боевые маги, их реакции должно хватить, чтобы переиграть и тебя, и меня. Они нас отпустили.

– Пофиг, – сказал Джек. – Двигаем. Они сейчас накроют тут все сканирующей сетью и в момент нас вычислят.

Напарники резво выбрались из-под прикрытия кустов, густо оплетающих одну из сторон роскошно украшенного колоннами крыльца Зеленой башни и зашагали в сторону северо-западного выхода.

Собственно, выходом он не был – так, разогнутые прутья в высокой кованой ограде под прикрытием небольшой купы деревьев. Им пользовались студенты и некоторые сотрудники – из тех, что помоложе и ленивее. Одна из автобусных остановок была ближе к этому месту, чем к главному входу.

На кампусе было малоллюдно – по времени уже и занятия начались, и рабочий день, так что напарникам по дороге встретились только двое опаздывающих студентов, несущихся сломя голову к Арсенальному павильону.

Энце казалось, что на них смотрят изо всех окон. И все уже знают, что за ней пришли из полиции, и сейчас целая бригада магов охотится за ней. Кожу колело от ощущения чужих взглядов.

Которых, на самом деле, не было.

Никто не смотрел. Не прятался за кустами, не выскакивал наперерез, не кричал: остановитесь.

За несколько минут они оказались у лаза, где их ждал Ворон.

Долговязая фигура в темном пальто переминалась перед кустами. Маг, нахохлившись от холода, засунул руки в карманы и сейчас донельзя напоминал ту самую птицу, чье имя носил.

Энца, увидев его, прынула в сторону, но Джек ухватил ее за руку, не давая сбежать.

– Почему не Яков? – отрывисто спросил он.

Утром Яков обещал лично их проводить.

– Мы решили, что так будет надежнее, – сказал Ворон и протянул им небольшой пакет.

Джек в это время набирал номер Якова.

– Все в порядке, – сразу взяв трубку, проскрипел тот. – Не тратьте время.

В пакете были два амулета: бронзовые диски с чеканным узором.

– Проверните внешний круг до щелчка, – сказал Ворон, – и укрепите на одежде, только не на виду, где-нибудь под отворотом. Это амулеты, искажающие поиск... Моя машина как раз стоит недалеко отсюда, и я случайно забыл ключи в зажигании. Я, ребят, уж извините, подам заявление на угон, чтобы ко мне не было вопросов... Не сразу, дня через два. Уезжайте за город, вам нужно затаиться и переждать. Мы с Яковым добьемся более подробного расследования.

Джек хлопнул его по плечу и молча скрылся за кустами. Энца тихо поблагодарила, и Ворон на прощание пожал ей руку, пожелав удачи. Карие глаза мага были полны тепла и сожаления:

– Будьте осторожны, ребята. Обещаю, мы со всем разберемся. Ничего подобного больше никогда не будет.

Энца коротко кивнула и поспешила за Джеком.

Джек продирался сквозь кусты по ту сторону ограды и беспрерывно ворчал. Догнав его, Энца выслушала жалобы о том, что пришлось бросить прекрасную, отличную, самую лучшую машину, и еще неизвестно, что сделают с ней всякие изверги, вдруг еще обивку будут вскрывать или царапать полированные бока.

Энца жалела, что не взяла с собой сегодня даже шоколадки, только ноутбук. После того, как Унро побил все компьютеры – ох, Унро, как же он там один теперь, – на работу они ходили со своими личными. Джек и вовсе был налегке. Он даже волосы не успел убрать в хвост, и сейчас в перерывах

между сетованиями о машине, чертыхался, выпутывая их из ветвей.

Искать машину Ворона долго не пришлось – стояла возле остановки и радушно пискнула в ответ, когда Джек нажал кнопку на брелке. Машина была небольшая, черная. Ворон, видимо, вообще питал пристрастие к этому цвету.

– Мы с тобой слишком заметные, – сказала Энца, забираясь внутрь. – Особенно ты.

– Купим парики? – оживился Джек. – Тебе с длинными светлыми волосами. А мне рыжий. Нет, не рыжий, лучше черный. Или просто постричься?

– Купим шапки, Джек, – остудила его пыл Энца. – Какие-нибудь поярче, чтобы внимание отвлекали.

Покружив немного по городу, Джек проехал Северной заставой и остановил машину в одном из жилых дворов. Он отформатировал данные на своем телефоне, удалив все сведения о своем профиле, вытащил и выбросил под сидение сим-карту. Прюделав то же самое с телефоном Энцы, они выбрались из машины и отправились на поиски магазина.

– Думаешь, и Ворону доверять нельзя? – несколько раз обернувшись на брошенную машину, спросила Энца.

– А кому вообще можно? Тут столько всего намешано, что каждый может оказаться нечаянным участником какой-нибудь дурной шутки, из которой вырастает еще более дурное дело. Кстати, где Донно? Я ему обзвонился с утра.

– А! Они с Робертом участвуют в штурме «Амадины». Только это секрет, он мне вчера писал, сказал, чтобы я не волновалась, ну и...

– В штурме? – поразился Джек. – Вот прямо в штурме?

– Ну, не совсем в настоящем. Просто набрали, наконец, разных улик на это издательство... и один из серверов, с которого шла рассылка писем с экстремистскими призывами, располагается именно там. Будут сегодня всех брать. Или уже берут.

Энца вздохнула.

– Жаль, мы не узнаем, чем там дело кончилось. Джек, а мы что, на поезде поедем?

– На каком поезде? – удивился Джек. – А, ты про советы Ворона. Сейчас купим шапки – хотя я бы и парик прикупил, чего уж, и отправимся к одному человеку.

– К какому человеку?

– Увидишь, – загадочно ответил Джек. – Там уж нас в последнюю очередь будут искать.

Спустя минут сорок – они кружными путями с кучей пересадок доехали на южную окраину города, – Энца поняла, почему.

Тот, кого они искали, жил в одном из старых девятиэтажных домов в тихом спальном квартале. Джек плохо помнил, куда идти, поэтому они пару раз попали не в ту квартиру.

На третий раз они постучались в нужную дверь.

Высокий темноволосый парень, открывший им, изменился в лице, увидев Джека, и молча попытался закрыть перед ним дверь. Джек вцепился в нее со своей стороны и чересчур радостно пропыхтел:

– Сколько лет, сколько зим! Я так волновался, что ты спился и теперь живешь в какой-нибудь подворотне! Правда, здорово, что я пришел? Давай скорее вспоминать старое.

– Пошел к бесам, Джек, – доносилось изнутри. – Пошел ты к королю бесов, какой только есть на свете! Век тебя не видал и столько же не хочу.

– Джек, – нервно оглядываясь, позвала Энца. – Давай пойдём, а? Что-то он не рад, по-моему.

– Это мой бывший напарник, – пояснил Джек. – Георг. На самом деле, он общительный парень, но сегодня у него, наверно, плохой день, вот и ломается.

– У меня сегодня отвратительный день! У меня теперь вся неделя и весь месяц будут отвратительными, пока я не смогу забыть, что ты приходил! Ты в курсе, что я полгода лечился у психотерапевта?

– Что-то он тебе мало помог, – отозвался Джек и дернул сильнее, подхватывая вывалившегося вслед за дверью парня в крепкие объятия. – Вот, давно бы так. Тоже очень рад тебя видеть.

Оглядевшись, он резко втолкнул хозяина квартиры внутрь, втянул следом Энцу и запер дверь.

– Ну ладно, – довольно сказал он. – Подурачились и хватит. Тебе, наверно, будет интересно узнать, что за нами сейчас охотится полиция.

Даже у Энцы поневоле сжалось сердце – настолько отчаянно застонал Георг. Сидя на полу, он обхватил голову руками и закачался:

– Ненавижу тебя, ненавижу тебя! Ты зачем ко мне пришел?

– Да-да, – ответил Джек. – У тебя пожрать чего не найдется? Не сиди на полу, простудишься.

Обогнув Георга, Джек ушел вглубь квартиры. Энца, чтобы немного смягчить ситуацию, присела на корточки перед совершенно раздавленным и расстроеным молодым человеком.

Честно говоря, его реакция показалась Энце преувеличенной. Джек, конечно, не подарок, но и настолько терять голову от встречи с ним было

странно. Этот Георг мог оказаться тем еще клоуном. Или, как вариант, слабонервным психопатом.

– Здравствуйте, – тихо сказала она.

Георг резко вскинулся.

– А ты кто? – удивился он.

Глаза у него были продолговатые, с хитринкой, необычного янтарного цвета. «Точно, еще один клоун», – решила Энца. Очень уж его слова и позы не вязались с внешностью: крупные резкие черты лица, подбородок с ямочкой – в этом они с Джеком были похожи, оба словно с рекламного постера кинофильма.

– Меня зовут Энца, – вежливо сказала девушка.– Простите, пожалуйста, что мы так вломились, но у нас на самом деле... обстоятельства.

Она встала и предложила ему руку. Безмолвный Георг машинально протянул ладонь и крикнул, когда девушка не пожала ее, а резко потянула на себя, помогая встать.

По инерции чуть не впечатавшись в стену, он охнул и развернулся.

– Ты смотри, – недовольно сказал Джек, появляясь в коридоре. В руках у него была небольшая кастрюлька, к которой он внимательно принюхивался. – Руки-то не распускай, а то сразу полез, ишь ты.

– Так это твоя девушка? – поразился Георг. – Это поэтому за тобой полиция охотится? Чертов педофил, отдай немедленно мой суп. Это мама варила.

Джек быстро уперся ему в плечо рукой, не подпуская к себе, и отвел кастрюльку подальше.

– Это мой напарник, – сказал он. – А давно варила? Мы с утра не ели. Ты, кстати, почему не на работе?

– Врешь, – не поверил Георг. – Придумал бы что поубедительнее. У меня выходной сегодня.

Через полчаса Энца убедилась, что Джек и Георг друг друга стоят. Насколько Энца понимала, они не общались почти четыре года – но встретились так, будто попрощались вчера. Георг обладал склонностью к излишнему драматизированию, но под шутовскими эскападами скрывалась настоящая обида – которая порой прорывалась в колких и сердитых замечаниях. И он не верил ни одному слову Джека, заранее воспринимая все как шутку – видимо, опыт имелся.

Энца никогда не расспрашивала Джека о его предыдущем напарнике, но тот однажды раз обмолвился, что история была неприятной и напарник едва не умер.

Сейчас в это с трудом верилось: Георг был довольно-таки энергичным типом, они с Джеком успели подраться на ложках, чтобы решить, кому достанется последний бутерброд, долго огрызались, вспоминая Сашу, которую кто-то из них увел у другого и еще пару подобных случаев.

Энца ловко стянула бутерброд – чтобы избавить их от повода к драке, и толкнула Джека под столом ногой.

– На самом деле, – сказала она Георгу, – Джек не пошутил, полиция действительно за нами... ну, то есть за мной охотится.

– А, точно, – спохватился Джек. – Мне нужен твой байк. Ты еще не продал его? И да, посмотри, что у нас за амулеты вот тут.

Георг несколько минут сверлил его взглядом.

– Ну, собственно, а чего я ожидал? Что ты наконец пришел извиниться? – кисло сказал он. – Давай сюда амулет, посмотрю.

– Нельзя снимать, – покачал головой Джек. – Это вроде как искажение поиска. Сниму – сразу засекут.

Георг чертыхнулся, но не стал спорить, подержал ладонь над приколотым к футболке диском.

– А он нормальный маг? – почти беззвучно спросила Энца.

Георг сердито засопел. Джек пожал плечами:

– Да в общем-то, неплохой.

– Амулет без подвоха, стандартное плетение, – хмуро буркнул Георг, отодвигаясь.

Так же проверил у Энцы, и подтвердил, что все в порядке.

Когда Джек, натянув шапку, отправился курить на балкон, Георг и Энца, не сговариваясь, развернулись друг другу:

– А.. – одновременно начали они.

Энца замолчала, а Георг нетерпеливо продолжил:

– Так ты на самом деле напарник? Не то чтобы я следил за ним, нафиг мне это сдалось, но я слышал, что у него появился напарник.

– На самом деле. А вы... поругались с ним?

– С ним разве поругаешься, – сердито ответил Георг. – Он просто перестал со мной разговаривать. А до этого все нервы извел: то прогуляет, то забудет, то опоздает на полдня.

– Да, – покивала Энца. – Очень сложно уговорить его прийти вовремя.

Георг подозрительно покосился на нее:

– Я бы сказал, невозможно. Я старался изо всех сил, а он придурился, отбивал у меня девушек и не ходил на работу... Он достал меня своими шутками, я на потолок был готов лезть. Порой просто руки чесались, так хотелось ему морду разбить. Тебе тоже прилетает от

начальства за него?

– Ну, – замялась Энца. – Обычно нам обоим прилетает. Ну, то есть когда был начальник...

Она нахмурилась, опуская голову. Смерть Финнбара так и не укладывалась в голове. Совсем недавно он сидел напротив них в допросной. Взял сигареты... не собирался он умирать.

– А что у вас случилось? – спросила она, чтобы отвлечься. – Почему Джек перестал разговаривать?

– Я сам виноват, – неохотно признался Георг. – Мы участвовали в Турнире, и я решил взять чуть больше чем обычно – ну так, про запас. И... ничего не помню. В коме был два дня. Ну, вот после этого он и перестал разговаривать. Внес мой номер в черный список и написал заявление о расторжении партнерского договора.

– И вы... ждали, что он извинится? – вдруг удивилась Энца, вспомнив брошенную недавно фразу.

– А разве он не должен был это сделать? – вскинулся Георг.

– Не вздумай нудеть о своей жалкой жизни, – предупредил Джек из дверей, возвращаясь.

– Это у тебя жалкая жизнь одиночки-неудачника, – отпарировал Георг. – А я – успешный и прекрасный.

– Ну да, ну да, – кивнул Джек. – Успешный и прекрасный. Так что насчет байка?

– Не отдам, пока не расскажешь, в чем дело, – насупился Георг.

Через четверть часа он притащил несколько листов бумаги и ручку, и Энца принялась вычерчивать предположительные связи между известными фактами. Георг вошел во вкус и со скоростью заводского конвейера предлагал сумасбродные идеи, одна другой чуднее.

Получалась каша. Никакой системы или закономерности: беспорядочный ком паутины из нитей, ведущих в никуда.

– У этого дела не двойное дно, – сказал Джек, – а тройное, а то и больше. И на каждом уровне куча странных личностей, которые, может быть и не подозревают о существовании остальных.

– А может, они вообще не связаны? – предположил Георг.

– Не связаны с чем?

– Друг с другом. Просто совпадение по времени, что все это сейчас происходит.

– Парочка событий, может быть, и не связаны, – согласилась Энца. – Но все равно, для совпадений тут слишком много намешано.

– Артур и Айниэль – случайности. Они были сами по себе, и вряд ли о

них вообще кто-то знал. Их знакомый Нау, который появился вскоре на том же месте под чужим именем – уже не может быть случайностью. Кстати, ты вчера не смотрела, был ли на самом деле какой-нибудь Финнбар?

– Смотрела вечером. Но ничего не нашла. Кстати, зато мне Яков прислал данные по диспетчерам.

– И? – поторопил Джек.

– Да там ничего. Хвосты подчистили. Девушка, которая с нами разговаривала, ничего не знает, никаких инструкций не получала.

– То есть она сама по себе дура? – уточнил Джек, и Энца укоризненно покосилась на него.

– Или врет, или ты прав, – уклончиво ответила она. – Я вот думаю, Джек. Может быть, они поймали Финнбара... Нау... именно на крючок, связанный с Артуром? Что можно будет разобраться в этом вопросе – с нами, с его историей? То есть узнать, что случилось на самом деле – и еще подчистить архив, убрав все сведения о ведьме?

– Ой, да ну, – отмахнулся Георг. – Вариант с мезтью куда как веселее. Странно только что он вас просто не пошинковал под шумок. И вообще, ему так сложно было все объяснить? Полагается стоять над телами поверженных противников и рассказывать о том, что к чему было.

– Если бы он нас пошинковал, кому бы он рассказывал, умник? – рассердился Джек. – Хватит уже фонтанировать, давай ключи... и, наверно, деньги. Энца, у тебя сколько с собой? Ты кошелек брала? А то я все, что было, уже на шапки потратил.

– Вымогатель, – печально сказал Георг. – Можно, я в полицию позвоню?

Джек отмахнулся от него, вдруг задумавшись.

– Энца, а что, если тогда я был прав? Про Финнбара. Смотри, какая крутая идея – сидеть в медкомиссии и накладывать проклятье на тех, в чьей карте указаны способности к предвидению.

– О! – оживился Георг. – А что, если медкомиссию и объявили специально для этого?

– Ты сбрендил? Это ж кем надо быть, чтобы по всей стране объявлять внеурочную медпроверку? Нет, может быть... может быть, там, где-то в верхах есть человек, который смог обосновать необходимость этой проверки и поставить на все необходимые посты своих людей.

– Старых врачей перевели в другое место, – кивнула Энца. – Поставили того, кто будет или сознательно отрицать наличие проблем, или в силу некомпетентности. Зачем?

– Убрали предсказателей, потому что они могли что-то увидеть в

будущем, – сказал Георг. – Вот и все. Значит, впереди нас ждет какой-то грандиозный п... эм, прости, Энца. Грандиозное событие. Правда, я молодец? Я первый догадался.

Энца начертила линию. «Один или несколько человек близко к правительству или руководству Института – организация медкомиссии, расстановка ключевых фигур».

Линию ниже – «Исполнители, дело ведьмы и подчистка следов. Финнбар? Врач медблока? «Амадина»?».

Еще одну линию: «Свободная ассамблея. «Амадину» сюда же?».

– Скорее всего, теракт нужен был для пуска пыли в глаза, отвлечения. Как и ведьма, – сказала она. – Может быть, «Свободную ассамблею» действительно подставили, заменив начинку хлопушек. Тогда тут не хватает еще одного уровня – который дурит все остальные. Как бы там ни было, они все нам не по зубам. Если Якову действительно удастся собрать вокруг себя тех, кто против этого неизвестно чего, то им еще удастся что-то сделать. Мы с тобой тут вообще и на расходный материал не тянем.

– Она всегда такая самокритичная? – спросил Георг.

– Не то слово, – сказал Джек. – Кстати, в ноутбуке Финнбара есть несколько писем – из тех, что он не успел удалить. Он переписывался с неким Координатором. По его словам, ведьма скрывалась и от них тоже – а снова участвовать в деле согласилась только под двумя условиями. Тебя, Энца, нужно было убить, а меня отдать ведьме в вечное пользование. Правда, здорово?..

Они некоторое время помолчали.

– Не пора ли нам идти? – невпопад спросила Энца. – Я понимаю, что тут удобно, и мы не договорили, но все же... чувствую себя как в клетке. Такое ощущение, что в любой момент в дверь могут постучать.

Георг вздохнул и поскреб затылок.

– Тебя мы не возьмем, – на всякий случай сказал Джек. – У тебя фотка какой-то девицы у компьютера, мама суп варит и работа еще.

– Шарил на моем столе? – вздохнул Георг. – Ну и ладно. Не очень-то и хотелось. И... и вообще, почему ты решил, что мне можно доверять?

Джек пожал плечами.

Они оставили у Георга оба своих разобранных телефона и ноутбук Энцы – Джек схватился за голову, когда узнал, что он все это время лежал у девушки в сумке. Взамен обзавелись внушительным пакетом бутербродов и бутылкой фирменного морса мамы Георга.

Георг дал им два шлема и нерешительно спросил, стоит ли заявлять в полицию об угоне.

– Не надо пока, – сказал Джек. – Совсем сдурел? Нас же искать будут, а мы еще и на угнанном мотоцикле. Ладно, бывай. Спасибо за все.

Он помахал Георгу и вышел из квартиры, сказав Энце поторопиться. Энца в этот раз по-настоящему пожала руку бывшему напарнику Джека, уверив его, что все будет хорошо, и они постараются уйти так, чтобы не сильно было заметно.

– Постарайся не помереть, придурок, ты теперь мне денег должен, – крикнул им вслед Георг. – И если придут из полиции, я тебя сразу выдам.

– Тебе страшно, Джек? – спросила Энца, держа в руках шлем бодрой рыже-черной окраски.

– Нет, – сразу ответил Джек. Потом пожал плечами. – Да. Не знаю. Сейчас у меня дурацкое чувство, что мы только что нащупали какую-то истину, только она не то, чем кажется. И еще – нам будет очень-очень весело, причем совсем скоро. Ты, кстати, как к мотоциклам?

– Я еще ни разу не каталась, – призналась Энца.

Джек помог застегнуть шлем и фыркнул.

– «Каталась»! Сейчас мы полетим. Готовь крылья.

Утро началось в половину пятого. Донно, привычный к ранним побудкам, почти даже бодро пошел на кухню, одновременно набирая номер напарника. Роберт спросонья послал его к бесам, пришлось заезжать за ним, и завтракать на ходу.

Накануне их распустили раньше – сразу после часового инструктажа. Для конспирации подготовка к захвату издательского дома «Амадина» велась раздельно – лично встречались только аналитики с обеих сторон, управления маг-бригад и Чайного домика.

За неделю наблюдений и небольшого шпионажа о здании было собрано достаточно сведений, чтобы распланировать быстрый и наименее опасный для гражданских захват.

Под строгим взором заместителя шеф Чайного домика уныло бубнил о том, что главное условие операции – не причинить вреда гражданским, ни в коем случае, даже если они будут кидаться с оружием. Минимальное магическое воздействие. Основная цель – захватить и обездвигить всех в здании, не дать никому уйти. Серверная – вторая цель, не менее важная.

Покряхтывая и подглядывая в бумаги, шеф повторял тактические схемы продвижения по помещениям. Оперативники скучали.

Артемиусу было около пятидесяти, и за плечами он имел несколько лет службы в Саржино, и четырнадцать лет под начальством Солнцеликого, предыдущего шефа Чайного домика. По словам Артемиуса, в Саржино было проще. Монстр-объекты повышенной опасности? Ежедневные точечные прорывы? Непредсказуемые приливы?

Да плевое дело.

Солнцеликий был куда как опаснее всего вышеперечисленного, да еще и обладал на редкость едким языком и злопамятностью. Из всего этого Артемиус унаследовал только язвительность и редкое чувство опасности. Первое он оттачивал на своем заместителе, который искренне считал шефа старым маразматиком, а вторым... вторым никогда не пренебрегал.

Закончив со вздохами и покашливаниями, которые служили единственно для того, чтобы напомнить о почтенном возрасте шефа, Артемиус неожиданно сухо сказал:

– В носу у меня свербит, ребята, ох как свербит! Смотрите в оба, да не выдумывайте, будто на прогулку вышли. Со всей серьезностью. К хренам эти политесы с гражданскими, разбираться с их синяками потом будете. Ясно выражаюсь?

Оживившиеся оперативники дружно подтвердили. За оставшиеся двадцать минут Артемиус разбросал подцели по группам, распределил людей по секторам и ушел ругаться с заместителем, который был резко против дедовских «предчувствий», свербящих носов и ненужной жестокости.

Издательский дом занимал особняк на одной из тихих улиц, примыкавших почти к самому центру города. Семь этажей, лепные карнизы, пилястры и статуи у входа. Чтобы застать всех работников злополучного издательства на месте, оперативники заняли свои места задолго до начала рабочего дня: часть на крышах соседних зданий, часть рассредоточена по местности в неприметных фургончиках.

Операция началась без четверти двенадцать.

Роберт настоял на своей открывающей роли – изначально он был определен в группу поддержки, которая обеспечивала прикрытие остальным и координацию действий.

Он подошел к главному входу и долго, пристально изучал аляповатую статую алого льва в азиатском стиле. Так долго, что к нему вышел из здания охранник – поинтересоваться, что происходит.

Роберт, который на самом деле занимался тем, что сканировал замысловатое плетение на статуе – собственно, то, ради чего он напросился

на эту роль, – не ответил.

Едва не забыл дать отмашку, одновременно разрывая плетение на льве. Первая четверка, скрутив охранника, ворвалась через главный вход, а Роберт поспешил в подъехавший фургон, на ходу доставая блокнот, чтобы зафиксировать узлы плетения.

«Первый этаж захвачен. Пять человек, все обездвижены», «Первую серверную взяли. Пусто», «Входим на второй».

В здании было семь этажей: три четверки шли снизу, две сверху, перебравшись по крышам соседних зданий.

Первые двадцать минут это действительно было воскресной прогулкой. Тихой, размеренной и распланированной.

На третьем этаже, где сидело руководство, все это закончилось. У тех, кто шел сверху, спокойным был только обход седьмого, где располагалась первая серверная – у издательства был собственный портал в сети. Девять человек техперсонала и пять редакторов были мгновенно обездвижены. Следом за четверками шла специальная бригада, которая проверяла физическое состояние захваченных.

Обвешанные гирляндами боевых артефактов – одна из сине-красных шаров светошумовых артефактов, вторая из плоских зеленых плашек обездвиживающих амулетов, бойцы размеренно двигались вперед. На них чары не действовали: в шлемы и бронежилеты были вделаны отвращающие и рассеивающие амулеты.

У четверки Донно Роберт сам проверял все чары.

Нервничал.

Его неуместное и ненужное сейчас раздражение передавалось Донно, который и сам был не в восторге: тройка полицейских, с которыми он шел в связке, особого доверия не внушали. Двое детей явно не были рады тому, что лидером поставили мага, да и вовсе не считали предстоящее чем-то мало-мальски опасным. Третий был слишком юн, хоть и более ответствен. Он один из всех внимательно прослушал Донно, который повторно проговорил тактику действий, распределяя роли.

Почти все этажи были разделены на большие пространства для работы и отдыха: по четыре зоны, крестом коридоры между ними.

Лифты блокировали маги-техники из группы поддержки.

Много больших и маленьких кабинетов было только на третьем этаже: бухгалтерия, отдел кадров, вторая серверная, директорская.

Там шли гребнем, в каждый кабинет забрасывая светошумовой артефакт и обездвиживающий.

Среди персонала оказалось непомерно много магов.

И у них всех оказались скрывающие и рассеивающие амулеты.

В отличие от коллег-людей, они резво вскакивали и пытались бежать. Полицейские сбивали их из «Апфелей», резиновыми пулями.

Донно с четверкой шли сверху. Первое время полицейские шли сосредоточенно, практически как на учениях, потом расслабились, перешучивая, и Донно поминутно одергивал их.

А потом они вошли в злополучную зону отдыха номер три на шестом этаже. Пять человек, которые там оказались, уже успели услышать приближающиеся хлопки и разрывы артефактов, но понять, в чем дело, еще не успели, громко обсуждая странный шум.

Светошумовой. Хлопок – и сразу глухое «ш-ш-ш» активированного обездвигивающего амулета. Первыми вошли балагуры, с «Апфелями» наизготовку: в переговорных устройствах уже давно слышался мат и сухие указания координаторов по поводу гражданских магов, которые упорно разбегаются как тараканы.

Тактика «крест на крест» – первые двое скользят в помещение друг за другом по диагонали, охватывая каждый свою часть.

– Но-но, парень, бросай это, – услышав это, Донно знаком оставил четвертого за дверью, входя в комнату.

Трое гражданских лежат на полу, разбитая чашка с кофе, пирожное. Планшет с запущенной игрой – сотрудники пришли отдохнуть.

В дальнем углу темноволосый парень трясущимися руками держит перед собой девушку – оба могут двигаться, но девушка вся в слезах и только тихонько подвывает.

– Не надо, не надо, – повторяет парень, отступая назад и крепче сжимая руки на шее девушки. Она как щит, а полицейские молча надвигаются, беря его в клещи.

Еще немного, и щит уже не будет прикрывать, не один, так другой полицейский сможет снять мага выстрелом. Зеленоватые навывкате глаза парня судорожно ощупывают пространство.

– Отпусти ее, парень, – медленно говорит Донно, отвлекая его на себя. Девушка уже закатывает глаза, бесполезно царапая ногтями душистые ее руки. Мокрые светлые пряди слиплись на лбу. – Все в порядке, мы не причиним никому вреда. Ну, смотри на меня. Просто разожми пальцы и ляг на пол.

В наушнике напряженный голос Роберта: «Что у вас?». «Потом, Роберт, подожди ты».

Парень вдруг взвизгивает и с силой толкает девушку на одного из

полицейских, и сам стремительным зайцем прыгает в противоположную сторону.

Из помещения два выхода: второй прикрыт декоративной ширмой. Полицейский без труда перехватывает парня, и они оба валятся борющейся грудой на ширму, сминая тонкие планки и расписную ткань.

А вот девушка... ее падение неуловимо превращается в управляемое скольжение, и Донно, еще не сообразив, – но тело движется само, на инстинктах, – бросается наперерез.

Не успел, всего на пару мгновений, но и их хватает, чтобы девица, только что прикидывавшаяся полумертвой жертвой, парой плетений разнесла в щепки часть стены и стремительно понеслась вперед по коридору.

Перепрыгнув через оглушенного четвертого, Донно побежал следом, докладывая обстановку.

Молчание. Связи нет.

Ему, магу, «Апфель» не положен, а чары бесполезны: на девице качественный рассеивающий амулет... дозволенные чары бесполезны. За спиной топот одного из полицейских, он кричит Донно:

– Не маячь, в сторону!

Донно резко отшатывается к стене, и полицейский открывает огонь.

Резиновые пули девице точно так же не страшны, как и чары. Она даже не сбивается с хода.

Донно вытягивает из рукава старую добрую цепь с режущими чарами на звеньях, и стремительно кидается вперед, в прыжке подминая девицу под себя.

В наушниках далекий, набирающий силу голос Роберта: «Восстанавливаем связь, докладывайте обстановку», и отовсюду сыпятся сухие злые реплики по поводу резвых сотрудников издательства. Директор попытался забаррикадироваться у себя в кабинете, а его секретарь рванул к серверной.

Скорее всего, они все туда бежали: унести ноги от боевых магов у них бы не вышло, а вот попробовать добраться до серверной, чтобы избавиться от улик, было возможно.

Донно сунул девице под нос звенящую от чар цепь и сказал:

– Двинешься, пожалеешь.

Рывком поставил на ноги и, придерживая за затылок, повел обратно. Под тонкой серой шерстью костюма острые лопатки так и ходили вверх-вниз – то ли отдышаться не могла, то ли редела.

Вторая четверка уже зачистила оставшиеся помещения на этаже, и

сверху спешила бригада, которой передали обоих неудавшихся бегунов.

– Вы не знаете, вы не знаете, – лихорадочно шептал парень. Глаза его, вытаращенные и дурные, шарили по лицам оперативников, словно он пытался найти в них сочувствие. – Мы ведь всем хотим помочь, мы все поправим, все сделаем, как надо... пожалуйста, пожалуйста, не надо нам мешать. Вы просто не понимаете!.. вы же хороший, да?

Донно, к счастью, его не чувствовал – только слабым фоном, но и то было неприятным, кисло-горькое. Почти безумие.

– День мертвых, – вдруг сказал парень, зацепившись за его взгляд. – Только запомните мои слова, день мертвых, да. Много мертвых. Но мы все поправим.

Что там еще, Донно не расслышал.

Грохнуло где-то внизу, и под хрустальный невыразимо прекрасный звон осыпающихся стекол, Донно почувствовал, как пол уходит из-под ног.

Онемение длилось несколько секунд – пока амулеты на теле Донно нейтрализовывали высвободившееся после взрыва плетение. Зрение вернулось первым – и он смог увидеть, как неловко убегают эти двое со скованными руками, пока все оперативники доблестно лежат на полу.

Слух не возвращался, да и бес с ним. Преодолевая скованность мышц, Донно поднимался, зная, что чем быстрее начнет двигаться, тем скорее пройдет эффект от чар. С задержками поднимались остальные – в первую очередь маги, действие их амулетов подпитывалось собственной энергией.

Сквозь вату временной глухоты начали прорываться голоса координаторов. Донно пытался по привычке уловить голос напарника, но не мог.

Тело постепенно разогревалось, сбрасывая онемение. Остановить сбежавших не удалось: девушка пробила закрытые двери лифта и оба спрыгнули в шахту. Девица по дороге заклятьем оборвала все тросы, и лифт, застопоренный на верхнем этаже, рухнул вниз, сопровождаемый грузом.

Кроме грохота ничего слышно не было. Полицейский из тройки Донно, который следовал за ним, держась за стену, выругался. Донно молчал, вытирая жестким рукавом текущую из носа кровь. На противоположной стене шахты лифта виднелось грубо намалеваное зеленое солнце.

– Ты как? – спросил полицейский. Он говорил слишком громко и дергал головой, сглатывая. – А эти сбежали – или чё?

Донно сплел небольшое заклинание, и хлопнул парня по плечу. Должно было полегчать.

– Или что, – ответил он. – Сейчас внизу проверят.

– А! – удивился тот, когда звон в голове пропал. – Ну... спасибо. У тебя вся морда в крови, ты в курсе?

Донно только отмахнулся.

Это уже потом он узнал, что на крайний случай у директора издательства был специальный артефакт – из запрещенных еще в прошлом веке боевых артефактов массового поражения. Его намеренно ослабили, настроив только на временное выведение из строя, хотя изначально действие было летальным.

Часть удара приняли на себя и перераспределили маги-координаторы, так что после окончания операции и подведения кратких итогов, Донно выдали на руки до зелени бледного напарника с рекомендацией показаться врачу назавтра.

– Хрень какая-то, – устало сказал Донно, когда они сдали амуницию и сели в машину.

Роберт откинул голову на спинку сидения, не в силах даже кивнуть. Было уже около трех пополудни.

– Давай последуем заветам Джека, – едва шевеля языком, сказал Роберт, – и поедем сейчас не на работу, а... например... куда он там обычно ходит?

– Поесть он ходит, – отозвался Донно. – Ладно, давай.

Несмотря на свое же предложение, от еды Роберт отказался, но выпил три кружки горячего сладкого чая, уверяя, что ему гораздо лучше. Они отъезжали от кафе, когда позвонил чуткий начальник и, покашливая, спросил, почему они опаздывают на летучку.

Донно покосился на задремавшего напарника и покаянно вздохнул, пообещав в ближайшем времени приехать. Нажав отбой, он посмотрел на экран и нахмурился.

Все это время их телефоны лежали в машине вместе с прочими личными вещами – брать с собой не полагалось.

Неотвеченных вызовов было четырнадцать. У Роберта, которого Донно тут же без жалости растолкал, чуть поменьше – девять.

Донно, с силой давя на экран, пролистывал список: Сова, Джек, Джек, Джек, Сова, Сова, Джек... в конце только от Сова. И то, что Джек звонил в немыслимую для него рань, внушало страх.

Ни одного звонка от Энцы.

И оба теперь недоступны.

Сова ответил не сразу – и был пьян. На заднем плане слышался смех, музыка и развеселые вопли.

– Погодите, – заорал он. – Тут Донно звонит! А ну, заткнитесь все, говорю!

Дальше Донно отодвинул трубку от уха: такой многоэтажной ругани он давно не слышал.

Немного отлегло: если бы действительно случилось что-то непоправимое, Сова сказал бы сразу. Правда, когда Донно сумел добиться от коллеги, что случилось, то не смог поверить. Передал трубку Роберту, чтобы тот переспросил.

– У нас был ордер на ее арест! Что я должен был делать? Я звонил вам, тянул время, и хрен знает что!.. – Сова еще раз матерно изложил всю историю, и его постоянно прерывали, подсказывая упущенные детали.

Лицо Роберта каменело, а Донно сжал кулаки, пытаясь успокоиться.

– Мы носились как идиоты по всему кампусу, – вопил Сова. – Как идиоты, слышишь? Мы делали все, чтобы не поймать их, и выглядели как толпа дебилов-новичков!

Он захохотал, и вокруг его дружно поддержали – видимо, вся утренняя компания переместилась в бар.

– И теперь у нас у каждого по выговору, а у меня еще с занесением в личное дело! Я, блин, пятнадцать лет пашу, у меня, мать его, две награды – и теперь выговор за профессиональную некомпетентность!

Сова прервался на еще один матерный монолог, и Роберт, коротко поблагодарив, прервал соединение.

– Мне надо передохнуть, – отведя глаза, сказал он. – Только передохнуть, и я возьмусь за поиск.

Донно помедлил, но кивнул:

– Не напрягайся. Они ушли, и до утра уж как-нибудь дотянут. Поехали ко мне, отоспишься. Не вздумай опять жрать свои стимуляторы.

Роберт криво усмехнулся.

– Что-то наша компания стремительно развалилась: кто в больнице, кто в бегах, – сказал он, и Донно ткнул его в плечо кулаком, чтоб не молот глупости.

К подъезду напарники шли молча: Донно размышлял, стоит ли брать отгулы на работе для самостоятельного расследования или же наоборот поднять бучу через начальство, Роберт просто переставлял ноги, стараясь не свалиться раньше времени.

Уже начинало темнеть, но дверь подъезда была ярко освещена. Донно невольно вспомнил тот далекий уже летний вечер, когда с крыши скользнула черной тенью Энца, чтобы поймать его и разобраться в их отношениях.

Под фонарем он замер, и Роберту пришлось подтолкнуть его.

– Ты чего, заснул?

Донно подбородком указал на дверь.

Черным маркером где-то на уровне его груди, поверх трехбуквенных слов и прочего народного творчества было написано «Со мной все в порядке. Будь осторожен».

История тридцать первая. Канун Дня мертвых

Поиск не давал никаких зацепок. Либо они уехали далеко, либо у них были сильные искажающие амулеты.

Спустя пару дней после ареста в своей камере умер маг по имени Камень – директор издательства «Амадина». Роберт, который пристально следил за этим делом, надавил на шефа и не дал спустить на тормозах, ввязавшись в расследование.

Симптомы энергетического истощения те же самые, что и у Финнбара.

...Те же самые, что и у пары десятков жертв ведьмы. Официальное заключение по этим смертям автоматом снимало подозрение с Энцы, но обвинение в препятствии следствию оставалось в силе.

В любом случае, никаких контактов с двумя беглыми магами не было. Когда Сова начал сокрушаться, что интуиция его подвела и можно было не устраивать балаган, Роберт напомнил ему, что девушка могла навсегда остаться в застенках, повторив судьбу Финнбара и Камня.

Официальные поиски прекратились, дело передали в Чайный домик, но сколько бы Донно не рыл землю, концов не находилось. Он обзванивал родственников и старых знакомых, но все впустую. Мать Джека была в истерике, а сестра его через знакомых в мэрии навела нешуточный шорох в той маг-бригаде, откуда поступил ордер на арест. Донно позвонил даже бывшему напарнику Джека, и тот, удивив его так и не прошедшей обидой и злостью, заявил, что знать ничего не знает.

Они даже ходили к Якову – а он, ласково улыбаясь, развел руками, мол, нет у него таких полномочий, чтобы участвовать в розыскных мероприятиях.

Впрочем, это не мешало ему время от времени наведываться в Чайный домик в компании какого-то преподавателя. У них неожиданно появилась теплая дружба с Артемиусом, и его заместитель каждый раз раздраженно шипел в общей курилке: «Три старых козла, как соберутся, так житья нет».

Артемиус вообще последнее время не давал жить никому, развил

бурную деятельность, постоянно ругался то со своим руководством, то с управлением маг-бригад, но добился полноценного участия своих сотрудников в расследовании дела «Амадины», которое все продолжалось.

Им даже удалось отжать себе один из серверов на экспертизу, и, хотя большая часть информации пострадала при активации боевого артефакта, кое-что поддавалось восстановлению.

В то утро на электронную почту Роберта пришло письмо, которое тот едва не отправил в корзину, решив, что это реклама, но, поколебавшись, все же прочел.

Прочел и с силой треснул по столу.

– Пойдем, прижучим врачиху, – зло сказал он.

Сова заинтересованно повернулся.

– Какого?

– Этого... забыл, как зовут, – досадливо поморщился Роберт. – Который у нас работает в медблоке.

– Э, – отмахнулся Сова. – Да он квелый. Скучно. Ребята над ним подшучивали, а он едва не обделался.

– С вами обделаешься, – тяжело сказал Донно и тоже повернулся к Роберту. – Зачем тебе понадобился этот доктор?

– Мне... письмо прислали, – хитро прищурился Роберт. – С очень интересными выкладками. Если мозгами пораскинуть, вполне себе имеют место быть.

Донно и Сова встали за спиной Роберта, чтобы прочесть, и пару минут спустя Сова фыркнул:

– Знаешь, твой... осведомитель, ну как бы тебе сказать...

– Сам знаю, – сердито сказал Роберт.

– Мог бы и не светиться настолько явно, – пробурчал Донно. А потом спохватился: – Слушай, а мы можем по этому письму найти место, откуда оно отправлено?

– Ну, теоретически можно, – сказал Роберт. – Сейчас, тут в служебных свойствах письма... ага.

Он вывел на экран длинную простыню кода, при виде которой Сова крякнул.

– Ну вот, – задумчиво сказал Роберт, – тут ай-пи адрес. Зафиксировать точку входа. Но он, собственно, ничего не дает. Они могли через полгорода проехать, отправить из какого-нибудь кафе письмо и вернуться... Хотя, конечно, все лучше, чем ничего.

Маг аккуратно скопировал информацию, а потом удалил письмо,

которое было подписано «Другу медведя от Джикджика».

– Подожди, – сказал Донно. – Давай отправим ответ, напишем, как тут все обстоит.

– На месте нашего друга, – отозвался Роберт, – я бы удалил этот аккаунт сразу после отправления письма. Ну, или больше никогда им не пользовался бы.

Кровожадным планам по прижучиванию доктора, который Роберту не нравился с самого начала, помешал приезд комиссии из столицы.

Над Чайным домиком нависли грозовые тучи. Учитывая события последних месяцев, нешуточные тучи.

Столичная делегация, сопровождаемая директором гражинского филиала, словно пиратская флотилия перемещалась от здания к зданию, сея страх и ужас.

Пожалуй, разве что Птичий павильон и флигель за ним не поддались общему смятению. В Птичьем павильоне вообще работали только бесстрашные люди, а во флигеле оставались всего двое: бедняга Унро, который уже устал бояться, и Гарброу, которую сложно было смутить чем-либо. Леди уволилась, едва только узнав, что произошло с коллегами – новости о том, что еще один сотрудник архива был практически арестован за убийство, окончательно перевесили все остальные доводы оставаться.

Больше всего, конечно, досталось Чайному домику: если отбросить пропавших Джека и Энцу, вторыми по нарушениям дисциплины, порядка и закона оказались боевые маги отдела уголовных расследований.

Проворонили ведьму, провалив расследование серии нашумевших на всю страну убийств, пропустили деятельность опасного элемента на территории Института (вспомним еще про некроманта и умертвие, как без этого), не смогли справиться с задержанием всего лишь одного мага нулевого уровня, и в довершение едва не загубили операцию по захвату «Амадины».

Когда комиссия пришла в первый раз, Донно и Роберта на месте не было: они ездили в кафе, откуда было отправлено письмо. Поездка была пустой, никто из персонала не смог вспомнить длинноволосого блондина в компании маленькой брюнетки.

– Либо они разделились, – сказал Роберт, – либо замаскировались. Они не дураки же, с их броской внешностью разгуливать просто так. Надо более общее описание давать. Давай теперь вернемся и начнем расчлнять врачешку. Вдруг он и правда причастен.

Но на территории Института их перехватил посланный Совой маг и

настоял на их возвращении.

Столичная делегация устроилась в Чайном домике надолго. Им выделили целый кабинет, подвезли тележку с личными делами сотрудников, и следующие три дня все работники Чайного домика – от шефа до младшего персонала – прошли через эту комнату. Кого-то отпускали сразу, задав пару-тройку вопросов, кого-то держали полчаса, кого-то вызывали повторно.

Не мелочились. Из столицы приехали не абы кто: глава управляющего совета Института Эфрен, директор Института Белавина и глава Дисциплинарного комитета республики Ингистани. В первый день еще была Офелия и секретарь гражинского ректората, но их отпустили, чтобы «не отвлекать от дел».

Донно понял, что будет тяжело, когда Ингистани, сам уроженец Гражина, растянул в улыбке лягушачий тонкогубый рот и, упершись в Донно маленькими блеклыми глазами, протянул:

– О-о, кого я вижу! А ведь я тебя помню во-от таким маленьким. Как матушка?

По мнению Донно, детей такого размера, как показал пожилой маг, просто не бывает, но он сдержался и ровно произнес:

– Спасибо. Хорошо.

Его вызывали три раза. Роберта – два, и то, затем, чтобы подтвердить слова напарника.

Ингистани, хоть и выглядел старым доходягой, обладал поистине впечатляющей выносливостью и терпением. Донно держался из последних сил, сохраняя присутствие духа, под изнурительным и непрерывным потоком вопросов. Глава совета порой вклинивался в этот поток с уточнениями, а получив ответ, неизменно откидывался на спинку стула, изучающе сверля Донно темными глазами. Он был достаточно молод для своего поста – скорее всего, ровесник Донно, худой, некрасивый мужчина с цепким взглядом.

Директор Института почти все время молчала. Этим она не менее действовала на нервы – презрительно скривленные полные губы, холеное лицо, идеально уложенные светлые волосы. Белавина выглядела лет на пятнадцать моложе своего настоящего возраста, и хотя поговаривали, что она без зазрения совести пользуется наведенным очарованием, ее эффектная красота поражала.

Как ни странно, помогал Джек. Точнее мысли о нем и Энце – где они сейчас, что делают. Как живут. Это было дурной идеей – отвлекаться на ревность, но тем не менее, действенной. К тому же, представляя, как

вытягивались бы сейчас эти презрительные мины, если бы с ними разговаривал Джек – в своей манере вести разговор, – Донно успокаивался.

Хотя фигурально выражаясь, его просто потрошили этими вопросами, подозревая в пособничестве и укрывательстве и еще бес знает чем.

В перерывах между этими допросами они с Робертом пытались работать.

Донно не давали покоя слова того парня из «Амадины» о Дне мертвых. Намёк был более чем понятен – конец октября был уже через полторы недели. Роберт считал, что проверить не мешает, но и сильно зацикливаться на бреднях не совсем адекватного человека не стоит.

После проверки две трети сотрудников «Амадины» отпустили по домам, признав их непричастность. Но несмотря ни на что, штурм «мирного» издательства получил большой резонанс. О произволе властей не говорили только ленивые. СМИ с упоением обсасывали новую косточку, правда, мнения диаметрально разделились: то ли виноваты маги, потому что среди задержанных их было большинство, то ли полицейские. Соответственно и призывы к правительству были разные, некоторые взывали ограничить наконец-то возможности распоясавшихся магов, другие требовали освободить несчастных и наказать полицейских.

Видели бы они этих «несчастных», которые сейчас сидели в заключении, ожидая суда. Те искренне считали себя мучениками, хранили гордое молчание, а некоторые даже плевали в лицо следователям. Это было несколько... старомодно. И если бы не обязательное присутствие на допросах общественного адвоката, вряд ли осталось безнаказанным.

Перед допросом Донно просил Роберта слегка ослабить блокировки, чтобы слушать эмоции.

При вопросе о Дне мертвых все задержанные делали вид, что не знают о чем речь.

А в воздухе витал сладковато-пряный вкус: предвкушение, гордость, страх. Боялись они сильно – и Донно никак не мог разобраться, чего именно. Предстоящего? А может быть, того, что участвовать уже в этом не будут? Или что это событие сорвется?

Время едва плелось, и в то же время нестерпимо быстро и незаметно стекало меж пальцев как вода. Донно отстранили от работы на неопределенное время по результатам проверки, но он все равно приходил в отдел и молча сидел за компьютером.

Ребята сердобольно подсовывали ему кофе и неподшитые дела, и он,

только чтобы чем-то заняться, механически сортировал бумаги и раскладывал их по порядку.

Роберт молчал, но Донно знал, что напарник точно так же напряжен в ожидании неведомого подвоха.

От Джека писем больше не приходило. Врача из медблока задержали по обвинению в преступной халатности и возможном пособничестве, а вот открыть дело о внеочередной медицинской проверке, которая прошла в сентябре, не удалось. Роберт считал, что кому-то в верхах просто не хочется случайно засветиться там, где не надо... а это значит, что Джек был прав.

Шли дни. Простые и похожие друг на друга. Изменений не намечалось.

Иногда Донно подвозил Роберта в госпиталь, где лежала Анна, но к женщине в палату не ходил: ее бледное лицо, с каждым днем все больше терявшее краски, нагоняло на Донно тоску.

Такую, что можно было выть и выть, а легче бы не стало.

Поэтому он ждал напарника в холле, сидя на длинной банкетке под круглыми листьями огромного растения.

– От тебя все молоко в госпитале скисло, – устало произнес Роберт, садясь на банкетку спиной к Донно. – Если бы что-то с ними случилось, мы бы узнали.

– Узнали бы, конечно...

– Найди уже себе нормальную бабу, – сказал Роберт. – Что ты на ней зациклился.

– Сам сначала найди, – отозвался Донно. – А то я не знаю, что ты сюда каждый день заезжаешь, без меня.

– И что? Запрещено законом? Беспokoюсь как друг.

– Знаем мы таких друзей, – фыркнул Донно. На душе было тяжело. – Два дурака.

– Где?

– Да мы с тобой.

В этот же госпиталь ездил Унро. Не каждый день. Матери Шиповник он не нравился, и женщина четко давала это понять, хотя отец девушки не раз останавливал Унро, расспрашивая о том, как Шиповник училась-работала. Ему ужасно нравился рассказ о приключении в лесах под Хрыпно, и Унро не раз повторял эту историю.

Бабушка Шиповник вовсе не замечала юношу, словно тот был неприятной пылинкой.

Изменений никаких не было.

Прогнозы оставались теми же.

Унро теперь ходил на работу только на полдня, остальное тратил на свои дела. Иногда удавалось приехать в госпиталь и не застать там никого из женщин семьи Шиповник. Такие дни он считал удачными: можно было тихо сидеть рядом с девушкой и просто разговаривать, легко касаясь ее холодной руки.

Как-то так сложилось, что с Саганом они встречались сначала случайно, потом стали друг друга ждать и обедать в кафетерии при госпитале. Иногда молчали, иногда обменивались новостями. Саган практически не следил за тем, что происходило в окружающем мире, и слушал Унро с вежливым интересом. Сам он мог рассказать только о том, что в очередной раз накопил лечащий врач Анны. Старинные проклятья приводили Каролуса в восторг, а такой благодарный слушатель как Саган – которому просто некуда было деваться, – попадался ему редко.

Будь Саган чуть наблюдательнее, он бы заметил, как в последнее время напряжен Унро, как он нервничает, порой сбиваясь с мысли в разговоре. Но Саган не придавал этому значения: он и сам не чувствовал спокойствия. Каролус считал, что без сторонней помощи Анна и остальные спящие уже не могут вернуться, и надо искать мага-проводника.

Душевные метания Унро Саган просто не замечал.

К чести Унро, он до последнего верил, что поступает правильно. Думал, что спасет всех, кого знает – и даже тех, кого никогда не видел и не увидит.

Больше всего он надеялся, что можно будет вернуть те дни, когда все было правильно: Джек язвил, Энца толкала его под столом, Шиповник сердито одергивала обоих. Тогда Унро казалось, что он наконец нашел свое место, несмотря на трудности и разные события.

Думал, что маленькие и большие города вроде его родного, станут безопасными. И все будут счастливы.

Поэтому вкладывал все свои силы в то общее дело, в которое верил.

Правду он узнал в канун Дня мертвых.

Времени исправить что-либо уже не оставалось. Он был всего лишь винтиком запущенной машины, остановить которую не мог.

По инерции и он продолжал двигаться: получил очередное задание, вышел на улицу, но отправился куда глаза глядят.

Юноша некоторое время бродил по городу, пока не дошел пешком до госпиталя.

К тому времени в Гражине уже не работала телефонная сеть, мобильная связь и не было электричества. В больницах были свои генераторы, и Унро, промокнувшего под дождем, встретило сухое тепло и полумрак – холлы и коридоры были едва освещены.

Это было уже не начало. Унро знал, что все это – практически завершающие аккорды к тому, что развернется ночью.

Пока он шел к палате Шиповник, принял решение. Чем бы там ни грозило ему участие в подготовке, но все еще можно поправить – хотя бы донести информацию туда, куда нужно.

С Шиповник он попрощался, в кафетерии застал Сагана и крепко пожал ему руку.

Было очень страшно, за то, у него, вечного неудачника, может как всегда ничего не получиться. У него будет всего один шанс.

В холле Унро остановился у высокого окна под развесистым фикусом с полосатыми листьями. По стеклу с той стороны текли неспешные капли, и серая хмарь дождя скрывала улицу. Яркими пятнами мелькали зонтики.

Юноша прислонился лбом к холодному стеклу. Может, стоило все рассказать Сагану? Но... Унро не был уверен, что Саган сможет что-то сделать. Разве что через него обратиться в Чайный домик и передать информацию... а если послать анонимку? Долго. Могут не поверить и не обратить внимание.

Нет, лучше все сделать так, как он решил только что.

– М-м, извините, – тихо сказали рядом.

Унро нехотя повернулся.

– У вас закурить не найдется? – ослепительно улыбаясь, спросила миловидная блондинка.

Она была немного выше Унро, в яркой красной курточке с мехом. Светлые локоны живописно рассыпались по плечам, огромные густо накрашенные глаза весело блестели из-под приопущенных длинных ресниц.

– Я не курю, – проблеял Унро и попытался уйти.

На плечи легла чья-то тяжелая рука, заставив согнуться, и мужской голос сипло сказал на самое ухо:

– Да ты что? Не куришь? Здоровенький, значит... пойдём-ка, здоровенький, выйдем.

Унро вскинулся было и, повернувшись, встретил знакомый взгляд серых глаз из-под надвинутой шапки. Девушка прыснула, прикрыв рот рукой.

- Джек? – шепотом вскрикнул Унро.
- Я ж тебе говорил, Энца, парик круче чем шапка, – с сожалением отозвался тот. – Меня-то он узнал сразу.
- Тебя вообще сложно не узнать, – не согласилась Энца. – Давайте уже пойдем, на нас смотрят.
- Да, конечно, – быстро согласился Унро, и вдруг почувствовал безмерное облегчение.
- Они появились в ответ на его беспросветное отчаяние, будто услышав его. Это ли не чудо?
- Можно выйти и поговорить за углом, – сказал он. – Там такие опоры у стен, можно за ними спрятаться.
- Зачем прятаться? – беспечно сказал Джек. – Пойдем, тут на этаже кафетерий есть. Кормят так себе, но сойдет. Ты, кстати, Сагана не видел? Мы за ним пришли.
- Но... вас же увидят?... вы же...
- Унро, – отозвалась Энца. – Кто нас только за это время не видел. Ты сам пять минут назад мимо прошел и не узнал.
- Мы вообще не прячемся, – подтвердил Джек. – Нафига? Главное, не трястись, как ты это сейчас делаешь, и никому до тебя дела нет.
- Неправда, – опять возразила девушка и выразительно взмахнула приклеенными ресницами. – На меня все внимание обращают.
- Джек фыркнул, подхватил их под локти и потащил за собой.
- А он как раз там, – прошептал Унро.

Саган все так же сидел за столом, где его оставил Унро. Он тоскливо смотрел перед собой, ковыряя черенком ложки клеенку на столе.

Ложка со звоном выпала из его руки, когда он поднял глаза и увидел живописную компанию, присевшую за его столик.

– Вы что?.. – зашипел он, нервно оглядываясь. – Вас же заметят! Давайте быстро сейчас выйдем, там за углом...

– Есть опоры, за которыми можно прятаться, – кивнул Джек. – Блин, с вами вся маскировка коту под хвост. Хватит дергаться. Делай вид, что так и надо. Унро, сгоняй, принеси поесть что-нибудь. А ты чего не ешь, Саган?

– Да... – запнулся Саган, все еще не проникнувшись ситуацией. – Я как-то... слушайте, а вы знаете, что с Энцы сняли одно из обвинений?

Унро вернулся почти бегом, расплескав половину морса по подносу. Сел рядом с Саганом и некоторое время смотрел, с каким аппетитом Джек и Энца расправляются с порциями клеклых макарон и котлет.

– Я все испортил, – неожиданно сказал Унро. Он поставил локти на

стол и закрыл ладонями голову. – Я сейчас вам расскажу... и пойму, если вы... ну, что-нибудь плохое подумаете.

– Я ж говорила, не просто так он компы разбил, – с набитым ртом заметила Энца.

Унро осекся и поднял на нее глаза.

– Ты знала?.. и вы меня все равно прикрыли?

– Да не знала я ничего, – удивилась девушка. – Просто показалось, что это нелогично. Но ты не дурак, и потому эту нелогичность можно списать на то, что мы о тебе чего-то не знаем.

– Да, – кивнул Унро и вдохнул, будто кидаясь в бурный поток. – Я вступил в Лигу защитников искаженных.

Пару мгновений стояла тишина, потом Саган осторожно спросил:

– И?

– И это ужасно, – пояснил Унро, сердито сдвинув брови. – Вы просто ничего не знаете. Они не просто так... ну, расклеивают листовки и рисуют везде зеленые солнышки.

– Детский сад, – поморщился Саган. – Они только болтают. Им даже высунуться не дают, сразу безопасники по шапкам стучат. Да про них не все и знают.

– На самом деле там все... сложнее, – признался Унро. – Вообще все. Они хотят починить наш мир. И... на мне заклятье. Если я вам расскажу, мне конец.

История тридцать первая. Канун Дня мертвых

Поиск не давал никаких зацепок. Либо они уехали далеко, либо у них были сильные искажающие амулеты.

Спустя пару дней после ареста в своей камере умер маг по имени Камень – директор издательства «Амадина». Роберт, который пристально следил за этим делом, надавил на шефа и не дал спустить на тормозах, ввязавшись в расследование.

Симптомы энергетического истощения те же самые, что и у Финнбара.

...Те же самые, что и у пары десятков жертв ведьмы. Официальное заключение по этим смертям автоматом снимало подозрение с Энцы, но обвинение в препятствии следствию оставалось в силе.

В любом случае, никаких контактов с двумя беглыми магами не было. Когда Сова начал сокрушаться, что интуиция его подвела и можно было не устраивать балаган, Роберт напомнил ему, что девушка могла навсегда

остаться в застенках, повторив судьбу Финнбара и Камня.

Официальные поиски прекратились, дело передали в Чайный домик, но сколько бы Донно не рыл землю, концов не находилось. Он обзванивал родственников и старых знакомых, но все впустую. Мать Джека была в истерике, а сестра его через знакомых в мэрии навела нешуточный шорох в той маг-бригаде, откуда поступил ордер на арест. Донно позвонил даже бывшему напарнику Джека, и тот, удивив его так и не прошедшей обидой и злостью, заявил, что знать ничего не знает.

Они даже ходили к Якову – а он, ласково улыбаясь, развел руками, мол, нет у него таких полномочий, чтобы участвовать в розыскных мероприятиях.

Впрочем, это не мешало ему время от времени навещать в Чайный домик в компании какого-то преподавателя. У них неожиданно появилась теплая дружба с Артемиусом, и его заместитель каждый раз раздраженно шипел в общей курилке: «Три старых козла, как соберутся, так житья нет».

Артемиус вообще последнее время не давал жить никому, развил бурную деятельность, постоянно ругался то со своим руководством, то с управлением маг-бригад, но добился полноценного участия своих сотрудников в расследовании дела «Амадины», которое все продолжалось.

Им даже удалось отжать себе один из серверов на экспертизу, и, хотя большая часть информации пострадала при активации боевого артефакта, кое-что поддавалось восстановлению.

В то утро на электронную почту Роберта пришло письмо, которое тот едва не отправил в корзину, решив, что это реклама, но, поколебавшись, все же прочел.

Прочел и с силой треснул по столу.

– Пойдем, прижучим врачиху, – зло сказал он.

Сова заинтересованно повернулся.

– Какого?

– Этого... забыл, как зовут, – досадливо поморщился Роберт. – Который у нас работает в медблоке.

– Э, – отмахнулся Сова. – Да он квелый. Скучно. Ребята над ним подшучивали, а он едва не обделался.

– С вами обделаешься, – тяжело сказал Донно и тоже повернулся к Роберту. – Зачем тебе понадобился этот доктор?

– Мне... письмо прислали, – хитро прищурился Роберт. – С очень интересными выкладками. Если мозгами пораскинуть, вполне себе имеют место быть.

Донно и Сова встали за спиной Роберта, чтобы прочесть, и пару минут спустя Сова фыркнул:

– Знаешь, твой... осведомитель, ну как бы тебе сказать...

– Сам знаю, – сердито сказал Роберт.

– Мог бы и не светиться настолько явно, – пробурчал Донно. А потом спохватился: – Слушай, а мы можем по этому письму найти место, откуда оно отправлено?

– Ну, теоретически можно, – сказал Роберт. – Сейчас, тут в служебных свойствах письма... ага.

Он вывел на экран длинную простыню кода, при виде которой Сова крякнул.

– Ну вот, – задумчиво сказал Роберт, – тут ай-пи адрес. Зафиксировать точку входа. Но он, собственно, ничего не дает. Они могли через полгорода проехать, отправить из какого-нибудь кафе письмо и вернуться... Хотя, конечно, все лучше, чем ничего.

Маг аккуратно скопировал информацию, а потом удалил письмо, которое было подписано «Другу медведя от Джикджика».

– Подожди, – сказал Донно. – Давай отправим ответ, напишем, как тут все обстоит.

– На месте нашего друга, – отозвался Роберт, – я бы удалил этот аккаунт сразу после отправления письма. Ну, или больше никогда им не пользовался бы.

Кровожадным планам по прижучиванию доктора, который Роберту не нравился с самого начала, помешал приезд комиссии из столицы.

Над Чайным домиком нависли грозовые тучи. Учитывая события последних месяцев, нешуточные тучи.

Столичная делегация, сопровождаемая директором гражинского филиала, словно пиратская флотилия перемещалась от здания к зданию, сея страх и ужас.

Пожалуй, разве что Птичий павильон и флигель за ним не поддались общему смятению. В Птичьем павильоне вообще работали только бесстрашные люди, а во флигеле оставались всего двое: бедняга Унро, который уже устал бояться, и Гарброу, которую сложно было смутить чем-либо. Леди уволилась, едва только узнав, что произошло с коллегами – новости о том, что еще один сотрудник архива был практически арестован за убийство, окончательно перевесили все остальные доводы оставаться.

Больше всего, конечно, досталось Чайному домику: если отбросить пропавших Джека и Энцу, вторыми по нарушениям дисциплины, порядка и

закона оказались боевые маги отдела уголовных расследований.

Проворонили ведьму, провалив расследование серии нашумевших на всю страну убийств, пропустили деятельность опасного элемента на территории Института (вспомним еще про некроманта и умертвие, как без этого), не смогли справиться с задержанием всего лишь одного мага нулевого уровня, и в довесок едва не загубили операцию по захвату «Амадины».

Когда комиссия пришла в первый раз, Донно и Роберта на месте не было: они ездили в кафе, откуда было отправлено письмо. Поездка была пустой, никто из персонала не смог вспомнить длинноволосого блондина в компании маленькой брюнетки.

– Либо они разделились, – сказал Роберт, – либо замаскировались. Они не дураки же, с их броской внешностью разгуливать просто так. Надо более общее описание давать. Давай теперь вернемся и начнем расчленять врачишку. Вдруг он и правда причастен.

Но на территории Института их перехватил посланный Совой маг и настоял на их возвращении.

Столичная делегация устроилась в Чайном домике надолго. Им выделили целый кабинет, подвезли тележку с личными делами сотрудников, и следующие три дня все работники Чайного домика – от шефа до младшего персонала – прошли через эту комнату. Кого-то отпускали сразу, задав пару-тройку вопросов, кого-то держали полчаса, кого-то вызывали повторно.

Не мелочились. Из столицы приехали не абы кто: глава управляющего совета Института Эфрен, директор Института Белавина и глава Дисциплинарного комитета республики Ингистани. В первый день еще была Офелия и секретарь гражинского ректората, но их отпустили, чтобы «не отвлекать от дел».

Донно понял, что будет тяжело, когда Ингистани, сам уроженец Гражина, растянул в улыбке лягушачий тонкогубый рот и, упершись в Донно маленькими блеклыми глазами, протянул:

– О-о, кого я вижу! А ведь я тебя помню во-от таким маленьким. Как матушка?

По мнению Донно, детей такого размера, как показал пожилой маг, просто не бывает, но он сдержался и ровно произнес:

– Спасибо. Хорошо.

Его вызывали три раза. Роберта – два, и то, затем, чтобы подтвердить слова напарника.

Ингистани, хоть и выглядел старым доходягой, обладал поистине

впечатляющей выносливостью и терпением. Донно держался из последних сил, сохраняя присутствие духа, под изнурительным и непрерывным потоком вопросов. Глава совета порой вклинивался в этот поток с уточнениями, а получив ответ, неизменно откидывался на спинку стула, изучающе сверля Донно темными глазами. Он был достаточно молод для своего поста – скорее всего, ровесник Донно, худой, некрасивый мужчина с цепким взглядом.

Директор Института почти все время молчала. Этим она не менее действовала на нервы – презрительно скривленные полные губы, холеное лицо, идеально уложенные светлые волосы. Белавина выглядела лет на пятнадцать моложе своего настоящего возраста, и хотя поговаривали, что она без зазрения совести пользуется наведенным очарованием, ее эффектная красота поражала.

Как ни странно, помогал Джек. Точнее мысли о нем и Энце – где они сейчас, что делают. Как живут. Это было дурной идеей – отвлекаться на ревность, но тем не менее, действенной. К тому же, представляя, как вытягивались бы сейчас эти презрительные мины, если бы с ними разговаривал Джек – в своей манере вести разговор, – Донно успокаивался.

Хотя фигурально выражаясь, его просто потрошили этими вопросами, подозревая в пособничестве и укрывательстве и еще бес знает чем.

В перерывах между этими допросами они с Робертом пытались работать.

Донно не давали покоя слова того парня из «Амадины» о Дне мертвых. Намёк был более чем понятен – конец октября был уже через полторы недели. Роберт считал, что проверить не мешает, но и сильно зацикливаться на бреднях не совсем адекватного человека не стоит.

После проверки две трети сотрудников «Амадины» отпустили по домам, признав их непричастность. Но несмотря ни на что, штурм «мирного» издательства получил большой резонанс. О произволе властей не говорили только ленивые. СМИ с упоением обсасывали новую косточку, правда, мнения диаметрально разделились: то ли виноваты маги, потому что среди задержанных их было большинство, то ли полицейские. Соответственно и призывы к правительству были разные, некоторые взывали ограничить наконец-то возможности распоясавшихся магов, другие требовали освободить несчастных и наказать полицейских.

Видели бы они этих «несчастных», которые сейчас сидели в заключении, ожидая суда. Те искренне считали себя мучениками, хранили гордое молчание, а некоторые даже плевали в лицо следователям. Это было

несколько... старомодно. И если бы не обязательное присутствие на допросах общественного адвоката, вряд ли осталось безнаказанным.

Перед допросом Донно просил Роберта слегка ослабить блокировки, чтобы слушать эмоции.

При вопросе о Дне мертвых все задержанные делали вид, что не знают о чем речь.

А в воздухе витал сладковато-пряный вкус: предвкушение, гордость, страх. Боялись они сильно – и Донно никак не мог разобраться, чего именно. Предстоящего? А может быть, того, что участвовать уже в этом не будут? Или что это событие сорвется?

Время едва плелось, и в то же время нестерпимо быстро и незаметно стекало меж пальцев как вода. Донно отстранили от работы на неопределенное время по результатам проверки, но он все равно приходил в отдел и молча сидел за компьютером.

Ребята сердобольно подсовывали ему кофе и неподшитые дела, и он, только чтобы чем-то заняться, механически сортировал бумаги и раскладывал их по порядку.

Роберт молчал, но Донно знал, что напарник точно так же напряжен в ожидании неведомого подвоха.

От Джека писем больше не приходило. Врача из медблока задержали по обвинению в преступной халатности и возможном пособничестве, а вот открыть дело о внеочередной медицинской проверке, которая прошла в сентябре, не удалось. Роберт считал, что кому-то в верхах просто не хочется случайно засветиться там, где не надо... а это значит, что Джек был прав.

Шли дни. Простые и похожие друг на друга. Изменений не намечалось.

Иногда Донно подвозил Роберта в госпиталь, где лежала Анна, но к женщине в палату не ходил: ее бледное лицо, с каждым днем все больше терявшее краски, нагоняло на Донно тоску.

Такую, что можно было выть и выть, а легче бы не стало.

Поэтому он ждал напарника в холле, сидя на длинной банкетке под круглыми листьями огромного растения.

– От тебя все молоко в госпитале скисло, – устало произнес Роберт, садясь на банкетку спиной к Донно. – Если бы что-то с ними случилось, мы бы узнали.

– Узнали бы, конечно...

– Найди уже себе нормальную бабу, – сказал Роберт. – Что ты на ней

зациклился.

– Сам сначала найди, – отозвался Донно. – А то я не знаю, что ты сюда каждый день заезжаешь, без меня.

– И что? Запрещено законом? Беспokoюсь как друг.

– Знаем мы таких друзей, – фыркнул Донно. На душе было тяжело. – Два дурака.

– Где?

– Да мы с тобой.

В этот же госпиталь ездил Унро. Не каждый день. Матери Шиповник он не нравился, и женщина четко давала это понять, хотя отец девушки не раз останавливал Унро, спрашивая о том, как Шиповник училась-работала. Ему ужасно нравился рассказ о приключении в лесах под Хрыпно, и Унро не раз повторял эту историю.

Бабушка Шиповник вовсе не замечала юношу, словно тот был неприятной пылинкой.

Изменений никаких не было.

Прогнозы оставались теми же.

Унро теперь ходил на работу только на полдня, остальное тратил на свои дела. Иногда удавалось приехать в госпиталь и не застать там никого из женщин семьи Шиповник. Такие дни он считал удачными: можно было тихо сидеть рядом с девушкой и просто разговаривать, легко касаясь ее холодной руки.

Как-то так сложилось, что с Саганом они встречались сначала случайно, потом стали друг друга ждать и обедать в кафетерии при госпитале. Иногда молчали, иногда обменивались новостями. Саган практически не следил за тем, что происходило в окружающем мире, и слушал Унро с вежливым интересом. Сам он мог рассказать только о том, что в очередной раз накопил лечащий врач Анны. Старинные проклятья приводили Каролуса в восторг, а такой благодарный слушатель как Саган – которому просто некуда было деваться, – попадался ему редко.

Будь Саган чуть наблюдательнее, он бы заметил, как в последнее время напряжен Унро, как он нервничает, порой сбиваясь с мысли в разговоре. Но Саган не придавал этому значения: он и сам не чувствовал спокойствия. Каролус считал, что без сторонней помощи Анна и остальные спящие уже не могут вернуться, и надо искать мага-проводника.

Душевные метания Унро Саган просто не замечал.

К чести Унро, он до последнего верил, что поступает правильно.

Думал, что спасет всех, кого знает – и даже тех, кого никогда не видел и не увидит.

Больше всего он надеялся, что можно будет вернуть те дни, когда все было правильно: Джек язвил, Энца толкала его под столом, Шиповник сердито одергивала обоих. Тогда Унро казалось, что он наконец нашел свое место, несмотря на трудности и разные события.

Думал, что маленькие и большие города вроде его родного, станут безопасными. И все будут счастливы.

Поэтому вкладывал все свои силы в то общее дело, в которое верил.

Правду он узнал в канун Дня мертвых.

Времени исправить что-либо уже не оставалось. Он был всего лишь винтиком запущенной машины, остановить которую не мог.

По инерции и он продолжал двигаться: получил очередное задание, вышел на улицу, но отправился куда глаза глядят.

Юноша некоторое время бродил по городу, пока не дошел пешком до госпиталя.

К тому времени в Гражине уже не работала телефонная сеть, мобильная связь и не было электричества. В больницах были свои генераторы, и Унро, промокнувшего под дождем, встретило сухое тепло и полумрак – холлы и коридоры были едва освещены.

Это было уже не начало. Унро знал, что все это – практически завершающие аккорды к тому, что развернется ночью.

Пока он шел к палате Шиповник, принял решение. Чем бы там ни грозило ему участие в подготовке, но все еще можно поправить – хотя бы донести информацию туда, куда нужно.

С Шиповник он попрощался, в кафетерии застал Сагана и крепко пожал ему руку.

Было очень страшно, за то, у него, вечного неудачника, может как всегда ничего не получиться. У него будет всего один шанс.

В холле Унро остановился у высокого окна под развесистым фикусом с полосатыми листьями. По стеклу с той стороны текли неспешные капли, и серая хмарь дождя скрывала улицу. Яркими пятнами мелькали зонтики.

Юноша прислонился лбом к холодному стеклу. Может, стоило все рассказать Сагану? Но... Унро не был уверен, что Саган сможет что-то сделать. Разве что через него обратиться в Чайный домик и передать информацию... а если послать анонимку? Долго. Могут не поверить и не обратить внимание.

Нет, лучше все сделать так, как он решил только что.

– М-м, извините, – тихо сказали рядом.

Унро нехотя повернулся.

– У вас закурить не найдется? – ослепительно улыбаясь, спросила миловидная блондинка.

Она была немного выше Унро, в яркой красной курточке с мехом. Светлые локоны живописно рассыпались по плечам, огромные густо накрашенные глаза весело блестели из-под приопущенных длинных ресниц.

– Я не курю, – проблеял Унро и попытался уйти.

На плечи легла чья-то тяжелая рука, заставив согнуться, и мужской голос сипло сказал на самое ухо:

– Да ты что? Не куришь? Здоровенький, значит... пойдём-ка, здоровенький, выйдем.

Унро вскинулся было и, повернувшись, встретил знакомый взгляд серых глаз из-под надвинутой шапки. Девушка прыснула, прикрыв рот рукой.

– Джек? – шепотом вскрикнул Унро.

– Я ж тебе говорил, Энца, парик круче чем шапка, – с сожалением отозвался тот. – Меня-то он узнал сразу.

– Тебя вообще сложно не узнать, – не согласилась Энца. – Давайте уже пойдём, на нас смотрят.

– Да, конечно, – быстро согласился Унро, и вдруг почувствовал безмерное облегчение.

Они появились в ответ на его беспросветное отчаяние, будто услышав его. Это ли не чудо?

– Можно выйти и поговорить за углом, – сказал он. – Там такие опоры у стен, можно за ними спрятаться.

– Зачем прятаться? – беспечно сказал Джек. – Пойдем, тут на этаже кафетерий есть. Кормят так себе, но сойдет. Ты, кстати, Сагана не видел? Мы за ним пришли.

– Но... вас же увидят?... вы же...

– Унро, – отозвалась Энца. – Кто нас только за это время не видел. Ты сам пять минут назад мимо прошел и не узнал.

– Мы вообще не прячемся, – подтвердил Джек. – Нафига? Главное, не трястись, как ты это сейчас делаешь, и никому до тебя дела нет.

– Неправда, – опять возразила девушка и выразительно взмахнула приклеенными ресницами. – На меня все внимание обращают.

Джек фыркнул, подхватил их под локти и потащил за собой.

– А он как раз там, – прошептал Унро.

Саган все так же сидел за столом, где его оставил Унро. Он тоскливо смотрел перед собой, ковыряя черенком ложки клеенку на столе.

Ложка со звоном выпала из его руки, когда он поднял глаза и увидел живописную компанию, присевшую за его столик.

– Вы что?.. – зашипел он, нервно оглядываясь. – Вас же заметят! Давайте быстро сейчас выйдем, там за углом...

– Есть опоры, за которыми можно прятаться, – кивнул Джек. – Блин, с вами вся маскировка коту под хвост. Хватит дергаться. Делай вид, что так и надо. Унро, сгоняй, принеси поесть что-нибудь. А ты чего не ешь, Саган?

– Да... – запнулся Саган, все еще не проникнувшись ситуацией. – Я как-то... слушайте, а вы знаете, что с Энцы сняли одно из обвинений?

Унро вернулся почти бегом, расплескав половину морса по подносу. Сел рядом с Саганом и некоторое время смотрел, с каким аппетитом Джек и Энца расправляются с порциями клеклых макарон и котлет.

– Я все испортил, – неожиданно сказал Унро. Он поставил локти на стол и закрыл ладонями голову. – Я сейчас вам расскажу... и пойму, если вы... ну, что-нибудь плохое подумаете.

– Я ж говорила, не просто так он компы разбил, – с набитым ртом заметила Энца.

Унро осекся и поднял на нее глаза.

– Ты знала?.. и вы меня все равно прикрыли?

– Да не знала я ничего, – удивилась девушка. – Просто показалось, что это нелогично. Но ты не дурак, и потому эту нелогичность можно списать на то, что мы о тебе чего-то не знаем.

– Да, – кивнул Унро и вдохнул, будто кидаясь в бурный поток. – Я вступил в Лигу защитников искаженных.

Пару мгновений стояла тишина, потом Саган осторожно спросил:

– И?

– И это ужасно, – пояснил Унро, сердито сдвинув брови. – Вы просто ничего не знаете. Они не просто так... ну, расклеивают листовки и рисуют везде зеленые солнышки.

– Детский сад, – поморщился Саган. – Они только болтают. Им даже высунуться не дают, сразу безопасники по шапкам стучат. Да про них не все и знают.

– На самом деле там все... сложнее, – признался Унро. – Вообще все. Они хотят починить наш мир. И... на мне заклятье. Если я вам расскажу, мне конец.

История тридцать вторая. Волшебные огни

Во времена Империи День мертвых не отмечали. Праздник не соответствовал официальной идеологии, да и считался чересчур мрачным.

В магическом сообществе провинций его все же не пропускали, выполняли необходимые ритуалы: но только за наглухо закрытыми окнами и дверьми. Широко праздновать стали только после распада, когда Империя, наконец, выпустила страну из своих крепких медвежьих объятий.

Несмотря на мрачную подоплеку и множество страшных суеверий, сопровождающих этот праздник – вот, например, считалось, что в этот день умирали те, кто нарушил гейсы, – он был одним из самых красочных событий в году.

Все начиналось в канун Дня мертвых, ночь на первое ноября. С наступлением вечера открывались ярмарки, гуляния, на нескольких площадках города проводились концерты, выступали уличные фокусники, гадалки и разряженные в костюмы мифических героев маги.

По поверьям, в этот день среди живых веселились и танцевали мертвые, и чем ярче был праздник, тем довольнее были духи – и тем спокойнее были они весь следующий год. Больше огней, больше музыки, угощения и пьяного меда – залог тихого-мирного сосуществования.

В этом году с миром и тишиной проблемы появились сразу же.

Около часу пополудни в канун Дня мертвых начались перебои с электричеством; отключились все вышки связи.

Перестали работать телефоны: и стационарные, и мобильные. Телевидение, узлы общей компьютерной сети – все было недоступно. Электричество мигало еще часа полтора, но к четырем отрубилось окончательно.

Кое-как ловили сигнал радиостанции из столицы: там тоже были перебои, но правительственная станция была неуязвима, пока хватало топлива в запасных генераторах.

По радио постоянно передавали обещания властей в скором порядке разобраться с неполадками, инструкции для населения и уверения в том, что на праздник все это ни в коем случае не повлияет.

На улице вышли отряды добровольцев – маги и люди вперемешку, развешивали объявления с информацией о ходе работ, помогали по мере сил тем, кому требовалась помощь, наладили постоянное патрулирование улиц.

В город пригнали дополнительные генераторы, но с починкой подстанций и узлов связи дело шло медленно. Из-за скачков напряжения электроника вышла из строя.

На словах друг другу передавали несколько версий, одна другой страшнее – и что Гражин накрыло приливной волной инвазий, и теперь жди-пожди атаки армии монстров. А еще говорили, что маги бунтуют и совершают диверсии.

Ну и, конечно, о конце света тоже немало говорили. О нем всегда говорят, благодатная тема.

По радио транслировали музыку, напоминали о том, что все под контролем и призывали не унывать.

Все-таки праздник.

Среди работающего офисного населения в этот день самой главной проблемой было только одно: сидеть на работе или расходиться уже по домам? Света нет, телефоны не работают, батареи ноутбуков потянут часа два и все. Хорошо тем, у кого газовые плитки – хоть чаю погреть, а так уже и разговоры все переговорили, и бумажную работу переделали, пока свет из окон позволял.

Даже обсуждать причины аварии стало скучно.

С темнотой прекратился дождь, который шел почти весь день. Центр и старые районы города были освещены: газовые фонари исправно работали, их разве что вручную пришлось зажигать.

Гуляния начались куда как раньше обычного, да и народ веселее был.

Давно такого не было: вместо электрических гирлянд и лампочек город украсили причудливые мерцающие огни, созданные магами. Грозди зеленых «болотных светлячков» на бесполезных пока проводах и фонарных столбах, голубоватые шары на крышах, антеннах и ветвях деревьев, оранжевые, золотые и алые гирлянды вдоль улиц, круглые фонари, скалящиеся прорезанными зубастыми ртами, с «вечными» свечками внутри. Вот это было действительно волшебство, сказочно красивое, недолгое – всего лишь на одну ночь! – и оттого еще более чарующее.

– Когда я вступал, мне сказали, что это заклятье – для защиты Лиги. Сказали, что многие раньше вступали в Лигу только на спор, или чтобы высмеять их потом публично. Это не темная магия была, и я дал согласие... я ведь не собирался ни предавать, ни обманывать. Поэтому снять не получится: добровольно принял. Меня предупредили, что глубокое сканирование может принести вред... и после того, как его нанесли, я

больше не могу рассказывать то, что видел и слышал... о Лиге защитников искаженных.

– Как в сказке, – вдруг сказала Энца. – Там герой должен был окаменеть, если расскажет правду. Злой колдун вредил королю, а герой мешал, но когда его стали обвинять в том, что он сам во всем виноват, герою пришлось рассказать, и он навсегда окаменел.

– Не нагнетай, – покосился на нее Джек.

– И ты молчал, – сказал вдруг Саган, и в его словах было недоумение. – Молчал... неужели ты думал, что такое заклятье накладывают просто так?

– Они потом рассказали... что на самом деле готовят. Понемногу, не сразу. Я думал, что для защиты этих сведений плата не столь уж высока.

– А если ты напишешь об этом? Эффект тот же? – поинтересовался Джек.

– Да. И если нарисую. Это все запрещено.

Найти штаб-квартиру Лиги было очень просто. До смешного даже – они совсем не прятались. Да и к чему бы? Их и так задвигали в тень, изымая даже сведения об их существовании.

Но Унро был упорен. После жуткого открытия о природе монстр-объектов, которое так легко и без особых эмоций воспринимали Энца и остальные, он первую ночь даже спать не мог.

Вспоминал всех тех искореженных, многоруких, многоногих, похожих на рыб, на коряги, на мешки с внутренностями... не мог вспомнить – тогда и не разглядывал особо. В Белене, родном городе, эти существа уничтожались сразу.

Унро не раз участвовал в массовых облавах и защите во время приливов. Он не думал ни секунды – да и то сказать, когда еще думать. Те, которые приходили с приливами, были быстрыми тварями.

Тварями... сколько из них были людьми?

Унро вспомнил первое дело в Гражине, на которое он ездил с Джеком и Энцей. Маленький ужеподобный объект и огромный монстр, похожий на человека-дерево, который не нападал, а просто тянул свои иссушенные корявые почти-руки к маленькому... боги, кем были эти двое?

Кем были все остальные, кого он убил или поймал?

Слова Энцы о том, что это всего лишь гипотеза, не успокоили Унро ни на секунду. Идея эта настолько четко вошла в привычную картину мира, заполнив невидимую до того пустоту, что было даже непонятно, как же он раньше этого не знал.

Наверно, если бы Джек не упомянул Лигу, Унро еще не скоро бы

вышел на нее. Может быть, он перегорел бы с этими переживаниями или придумал какое-нибудь свое сообщество, пытаясь открыть правду людям и что-то изменить.

Так или иначе, после пары дней поиска Унро нащупал пару контактов, разослал электронные письма. Один из адресов оказался мертвым, а вот со второго ему ответили: кратко, всего лишь еще одним адресом, куда Унро отправил следующее письмо.

И уже на следующий день он ехал на встречу. Ответное письмо из Лиги было многословным, взволнованным и даже радостным – неизвестная ему Александра горячо приглашала его на встречу, ведь как раз в этот вечер будет небольшое собрание. Там он сможет понять, действительно ли хочет вступить в Лигу, сможет ли участвовать в ее деятельности...

Нет, Унро дураком не был. И эта восторженность, безоговорочное доверие совершенному незнакомцу насторожили его – в письме он всего лишь спросил, правда ли то, что говорят о Лиге. Как можно доверять всем подряд?

Но позже, познакомившись с Александрой, Сашей, Сашенькой – она была человеком, не магом, – Унро понял, что та иначе и не может.

Она выполняла функции привратника-регистратора-координатора встреч, она любила всех и искренне верила в то, что Лига делает правое дело.

Саша была не в себе. Через некоторое время Унро это понял, но спрашивать постеснялся. Она смеялась, подпевала песенкам из радио, которое постоянно играло у нее в приемной, и никогда не огорчалась. На собраниях она не присутствовала: только подавала чай. Наверно, Саша была очень ценным сотрудником – кто, кроме нее смог бы так искренне уверять, что согласиться на заклятье нужно обязательно? Кто смог бы так увлекательно и захватывающе рассказывать о том, как они все вместе поднимают большое и важное дело?

Унро вляпался в эту паутину сразу и всеми лапками. Увяз – и сам не понял, что произошло. Радостно шел вместе со всеми к светлой общей цели, обсуждая детали – не такие уж и существенные, как потом оказалось, – и выполняя небольшие поручения.

Раздобыть уточненную карту геомагнитных зон Гражина. Составить сводки расчетов по напряженности полей, или принести закрытые данные по запрещенным для широкого доступа плетениям.

С доступом к архиву это было проще простого.

Мелкие задания вроде доставки банок с красками или создания

небольших охранных печатей на кусочках картона – якобы для защиты активистов в решающую ночь. Унро порой даже обижался, что ему достается простая и незначительная мелочь. Хотел помогать больше.

Ну и... сегодня уже узнал, к чему так незамутненно стремился.

Ломал лицо в улыбке.

Про себя думал: может, шутка?

Это необходимо, сказали. Так нужно. Зато потом все будет так, как мы хотели. Этот мир скажет нам спасибо.

Ведь мы починим его.

Из этого всего он только и смог рассказать, как нашел и вступил в Лигу.

– Идем, – сказал Саган и жестко, за воротник, потащил Унро за собой.

– Что ж ты раньше молчал?

Едва не упав, юноша послушно пошел следом, только осторожно высвободил куртку из пальцев Сагана.

– Куда идем? – спросила Энца.

– К Каролусу, – пояснил Саган. – Старый придурок наверняка умеет что-нибудь хитрое и запрещенное, мы все из тебя вытащим, и ты не помрешь.

Джек и Энца поспешили следом.

– Что-то произойдет, да? – спросила Энца. – Не отвечай, если нельзя.

– Произойдет, – кивнул Унро. – Сегодня. Больше не могу сказать. У меня уже болит, вот тут.

И приложил руку к груди, где и в самом деле ныло что-то, тупо и пока слабо.

– Давит, – пожаловался он.

Джек и Энца подхватили его под локти и потащили быстрее.

Каролус уже собирался уходить: в старомодном котелке, кашне и пальто, все угольно-черного цвета, он походил на карикатурного темного мага из детских книжек. Доктор нахмурился, глядя на ввалившуюся в его кабинет группу.

Саган, уже успевший немного изучить заведующего, не дал ему и рта раскрыть:

– У нас тут какое-то черное-пречерное загадочное проклятье, и парень помрет вот-вот, – выпалил он, и Джек вытолкнул вперед Унро.

Каролус, невольно охнув, практически подхватил юношу в объятия, хотел было оттолкнуть его сразу, но замер.

– Ну надо же, – пробормотал он, кладя ладонь на лоб Унро и заставляя

того присесть на кушетку.

Потом, не размахиваясь, резко хлопнул юношу по лицу. Унро, закатив глаза, упал навзничь.

Саган кашлянул, а Энца, оглядевшись, аккуратно закрыла дверь.

– Тройной аркан Грипссона, – с уважением сказал Каролус. – Я о нем только читал. Это где вы такое отыскали?

– Там таких же еще целая куча, – мрачно отозвался Джек. – Этот парень знает кое-что важное и хочет рассказать. Можно обойти блок, чтобы он и не помер при этом?

Каролус тем временем скинул пальто и шляпу и начал водить руками над телом Унро.

– Он уже умирает, – после паузы произнес врач. – Обратный отсчет пошел. Но я остановил – и действие аркана, и самого мальчишку. Насколько важно вытянуть из него информацию?

Его черные блестящие глаза поочередно обежали всех троих. Энца подумала, что Саган верно угадал – Каролус было достаточно бессердечным и любопытным, чтобы заинтересоваться проблемой, но не ее причиной. Моральная сторона вопроса, кажется, и вовсе для него существовала только в виде казуса, свойственного остальным людям. Не ему. Интересно, считал ли он сам себя человеком? Многие сильные маги прошлого любили порассуждать о том, что они являются сверх-людьми, иной расой.

Глупые мысли. Только чтобы отвлечься, не думать о том, что сердце бедняги Унро сейчас стоит... и «обратный отсчет пошел»...

Стоит ли жизнь Унро тех сведений, что он хотел выдать?

И – последнее время извечный вопрос – можно ли доверять доктору?

... А выхода, кажется, и нет.

– Что, если мы выудим только то, где это находится и пойдем сами разбираться? – предложил Джек.

– Что же ты везде сам лезешь? – рассердился Саган. – У нас куча специально обученных магов, которым только наводку дать нужно... Может, посмотрим у него в телефоне контакты и от этого будем плясать? К чему рисковать его жизнью? У нас и так... целая палата бессознательных.

– Нет, – сказала Энца.

Ей и самой было странно слушать свой голос: миг назад она еще не могла решиться на то, надо ли вообще лезть в разговор.

– Унро уже решил, что это стоит его жизни – ведь он собирался идти за помощью и все рассказать, зная, что за это будет. Если есть возможность дать ему рассказать, так и надо сделать. Может быть, записать... иначе все

бессмысленно. Он рискнул, а мы отказываемся от него...

– Решено, – тут же подвел итог Каролус.

Сбросил пиджак и закатал рукава багровой рубашки.

– Ты, парень, – ткнул он в Сагана, – записывай видео. А ты, длинный, задавай вопросы. Я сейчас сплету печать, которая удержит его... ну и, может быть, сохранит жизнь. Выводить буду из стазиса на короткие промежутки времени, потом давать восстановиться. Всем понятно?

– А мне что делать? – спросила Энца.

– Стой у двери и следи, чтоб никто не зашел, – сосредоточенно отозвался Каролус. – А то у меня опять лицензию отберут.

Дисциплинарный комитет размещался в одном здании с адвокатской коллегией, прямо за Северной заставой, стоявшей на Михайловской железной дороге. Район был тихий, старинный – но тихий только пока неподалеку не построили стадион. Без сомнения, неординарное творение современной архитектуры... от которой, например, у Офелии сводило зубы.

Поэтому она давно поставила свой стол так, чтобы окно было за спиной – лишний раз не смотреть на вздымающиеся над черепичными крышами и купами деревьев изогнутые металлические ребра. Вблизи стадион напоминал распускающийся цветок – или клубок, в центре которого взорвался мощный заряд.

Старший специалист головного отдела имел счастье занимать старое место Офелии, и потому круглый день наблюдал эти самые металлические конструкции, но в отличие от начальницы ничего против современной архитектуры не имел. А по вечерам и вовсе любовался: включали подсветку, желтую по обычным дням и мерцающую сине-фиолетовую – в праздники или во время соревнований.

Сегодня было что-то необычное, наверно, из-за отключения электричества. Металлические ребра освещались то слепяще-белым светом, то алым, – и снова тонули во мраке. Алые сполохи бежали, пульсируя, по всей длине ребер, белый светил ровно и мягко.

Старший специалист Алегаро завистливо вздохнул: билеты на концерт сейчас были совсем не по карману: ипотека съедала почти все заработанные деньги. Но было бы, наверно, здорово, не потолкаться по дороге домой в праздничной толпе и потом просидеть вечер у телевизора за столом с родней подруги, а повеселиться на концерте.

Когда в кабинет, где под гроздью «светляков» на потолке собрались почти все работники комитета, ворвались пятеро вооруженных мужчин, первое, о чем подумал Алегаро, было тоскливое: «А ведь до конца рабочего

дня оставалось всего пятнадцать минут...»

Мужчины тем временем рассредоточились по северной стене комнаты, от двери до окна, и один из них сухо произнес:

– «Свободная ассамблея». Никому не двигаться. Руки перед собой, ладонь в кулак, большой палец внутри. С данного момента Дисциплинарный комитет распущен, действия его признаются незаконными. Руководство будет арестовано и осуждено. Сейчас у вас есть возможность искупить свои грехи, встав в наши ряды.

Его аура тлела изнутри багровым: сильный маг. Рубленые, почти равнодушные фразы пугали едва ли не сильнее, если бы мужчина орал на них и тряс этим своим ружьем, которое висело у него на шее. Алегаро не разбирался в оружии, но штука выглядела... массивно.

– Что вы себе позволяете? – высокомерно осведомилась Офелия, уверенно подойдя к говорившему магу.

Тот нахмурился, а потом быстрым, змеиным движением схватил даму за горло.

Раздалось дружное аханье, вскрики. Кто-то вскочил на ноги, но мужчины синхронно подняли оружие. Офелия хрипела.

– Мы за новый мир! За свободу! За возможности! Идите с нами, чтобы навсегда изменить прогнившее общество! – почти шипел маг, перекрывая судорожные всхлипы дамы.

– Слышишь меня, Унро? – спросил Джек. – Если да, говори сразу самое главное. Мы будем тебя понемногу держать, потом давать отдохнуть.

– Стадион, – медленно, через силу произнес Унро. Заклятье, наложенное Каролусом, пока не позволяло чувствовать боль, но вместе с тем юноша практически не ощущал тело. Казался сам себе сдутым шариком, и хотелось только одного: спать. – Стадион памяти защитников Агелина, сегодня вечером... ритуал...

Бледное, почти серое лицо юноши покрылось бисеринками пота, и он прикрыл глаза.

– Не спи, Унро, – строго сказал Джек и положил руку ему на плечо. – Какой ритуал? Опасно?

– Опасно?.. Нет. Спасут мир...

Память вдруг вернулась, четкая до тошноты. Строгое и спокойное лицо координатора, раздающего последние указания. Сашенька, с доброй улыбкой кивающая в такт его словам.

Унро попытался вдохнуть – не хватало воздуха, словно кто-то сел сверху и давит, давит на ребра... в груди кольнуло – боль возвращалась.

– Очень опасно, – ясным голосом произнес он. – Все погибнут.

Две девушки пробирались в праздничной толпе, двигавшейся в сторону центральной площади. Высокая брюнетка шла как ледокол сквозь толпу, таща за собой миниатюрную рыжую. Та хихикала, подмигивала симпатичным молодым людям и огрызалась в ответ на возмущение тех, кого они случайно толкали.

– Я же говорила тебе, Кло, – спокойно заметила первая, – надо было заранее позвонить.

– Я не виновата, что всю неделю у нее телефон недоступен! – воскликнула девушка. – Я звонила и звонила.

– Надо было позвонить ее парню.

– А я не хочу с ним разговаривать!

– Ты как ребенок, меня это даже удивляет, – укорила ее Камелия. – Где мы их теперь найдем?

Они вынырнули из людского потока и постояли немного, отойдя в пустынный переулок.

– Ну и толпища тут, – восторженно заметила Кло. – Я уже отвыкла в нашей дыре, что столько народу бывает! Слушай, я в программе развлечений видела фейерверки, только надо добраться до реки, чтобы с моста смотреть. Пойдем, да? Пойдем?

– Подожди, – вдруг остановила ее Камелия и подобралась, – прислушайся.

– К чему прислушаться? – насупилась Кло, но все-таки немного повела носом по сторонам – как принюхивающаяся лиса.

– Ничего я не слышу, – с досадой отозвалась она. – Давай уже пойдем, а то... А-а-а!

Взвизгнув, девушка отшатнулась за спину коллеге. Из-за мусорного бака в конце переулка, медленно перебирая многосуставчатыми бледными лапами, ползло белесое, слегка опалесцирующее существо размером с крупную собаку.

– Монстр-объект, – констатировала Камелия, побледнев.

Ее рука машинально потянулась к телефону – и опустилась. Связи нет. Где ближайший опорный пункт патрульной службы? А отделение маг-бригады?

Ну как чувствовала, что не надо было ехать в этот Гражин, прекрасно бы отметили и у себя дома. Пусть и в «дыре», как выражается Кло.

– Так, – закусив губу, сказала Камелия. – Вали-ка ты обратно, поймай кого-нибудь и спроси, как добраться до маг-бригады. А я его приторможу.

– Нет! – тут же воскликнула Кло. – Оно тебя сожрет, никуда не пойду!
– Кло, не выделывайся. Это, конечно, не полтергейст, но на практике и не такое видали... давай, беги за...

Камелия осеклась. Она всегда гордилась своими способностями к сканированию, но сейчас... сейчас они, кажется, ее подвели. Девушка замерла, фиксируя начатое плетение, и осторожно усилила свою сеть, увеличив радиус. Один объект, два... еще шесть плотной стайкой... или семь?

– Там еще целая куча, – сказала она, и голос, к ее досаде, дрогнул.

– Унро, давай еще раз. Соберись, парень, – сказал Джек.

Он присел на корточки рядом с кушеткой и держал Унро за руку.

– Скажи, что именно произойдет на стадионе и когда.

– Сегодня...

– Сегодня, это я понял. А точнее? Время определенное есть?

– Нет... есть... полночь. Так он сказал.

– А что там будет?

– Ритуал.

– Ритуал, правильно. А в чем он состоит? Как его остановить?

– Есть пароль... отзыв... – сказал Унро.

Логическая цепь его мыслей была непонятна Джеку, но чувствовалось, что система все же имеется, и Унро не просто бредит.

– Чтобы не трогали, – пояснил юноша, снова прикрывая глаза. – Чтобы не трогали.

– Не спи, Унро, говори, – попросил Джек.

– Если звезды... уже вышли на небо... То надо говорить, что дорога и так видна.

Унро сглотнул. Снова боль – теперь гораздо сильнее, чем прежде.

– Джек... моим родителям не забуду...

Каролус, в принципе не переваривавший патетику, быстро отключил юношу, давая время на передышку.

– Опять мигает, – сердито сказал Роберт. – Поправь, Сова.

– Почему я опять? Я в прошлый раз поправлял.

На потолке замерцали еще несколько огоньков: в Чайном домике вместо освещения использовали выключенные в хозяйственном отделе зимние гирлянды. Цепочки шариков с нанесенными рунами были едва заряжены и постоянно гасли, раздражающе мигая. Перед праздником конца года их обычно заряжали целую неделю, а сейчас какие были, такие и дали.

Поэтому время от времени кто-нибудь из магов вставал и поправлял артефакт. Для экономии света в кабинет набились еще пять человек из других отделов, подтащив свои столы и стулья.

– Привет, ребятки, – бодро произнес Артемиус, заходя в отдел. – Как жизнь?

Гирлянды разом мигнули – и ровно, сильно загорелись.

– Отлично, – ухмыльнулся Сова. – Еще минут десять – и будет просто отпад, как только дежурство закончится. Уже достали эти кислые морды вокруг.

Артемиус пошевелил кустистыми седыми бровями и вдруг спросил:

– Звезды уже вышли на небо?

– Звезды? – удивился Роберт, разворачиваясь всем корпусом к шефу. – Вроде бы там облачно, да еще и не так стемнело...

– Дорогу, – откашлялся вдруг один из магов, сидевших в углу. Встал и серьезно посмотрел на Артемиуса. – Дорогу и без того видно.

Артемиус покивал и неуловимо быстрым движением вскинул руку. Маг, захрипев, упал на пол, загремев стулом.

– Та-ак, естественный отбор идиотов провели, – буднично сказал шеф. – Ну что, никто еще высказаться не хочет? А то смотрите. Ну, там про звезды и прочее? Нет?

Только сейчас Роберт заметил на руках Артемиуса черные перчатки, расшитые алыми нитями – знаменитые усиливающие артефакты, с помощью которых шеф во времена активной службы наводил страх и ужас на нарушителей. Роберт обменялся недоумевающим взглядом с напарником, и Донно пожал плечами: мол, тоже непонятно.

Он начал было говорить, но в дверях появился Яков: рукава рыбацкого свитера закатаны по локоть, очки свисают на цепочке с шеи.

– У тебя сколько? – спросил он. – У меня двое.

– Один, – отозвался Артемиус, досадливо поморщившись.

– Шеф! – влетел, потеснив в сторону Якова, заместитель. – Что творится? Там в коридоре лежит кто-то. Я...

– Звезды уже вышли на небо? – быстро спросил его Артемиус.

– Чего? – осекся зам. – Какие звезды?

– Жаль... эх, а какая возможность была... Точно ничего на ум не приходит, а? – с надеждой прищурился он, – Или слова забыл?

– Шеф, – осторожно сказал зам, – может... вам полежать?.. я за доктором отправлю.

– Доктор в каталажке, – хохотнул вдруг Сова. – Что за хрень творится, я тоже хочу знать!

– Собирайтесь, ребята, – серьезно сказал Артемиус. – Ты, дружок, останешься сегодня за главного, будешь сторожить контору, а мы идем в город. Чрезвычайное положение. Общая мобилизация.

– Ритуал – это темная магия... они сказали, что... оправданно. Будут откаты... и прорывы. Этого они не... говорили, я сам... сам знаю, так всегда бывает... но не знал, не знал, что надо будет убивать...

– Тише, тише, – успокоил его Джек. – Конечно, не знал. Ты бы не стал участвовать.

– ...там будет заперто, я делал запоры сам, по формуле... Лазарева-Квилла. Джек, больно... можно что-то сделать? Дышать тяжело...

Джек резко повернулся к Каролусу, но тот стоял с закрытыми глазами, чуть склонив голову на длинной худой шее. Узловатые пальцы шевелились в воздухе: врач поддерживал юношу плетениями.

– ...двойные запоры – с усилением в базовой части. Они, наверно, поставят их снаружи, чтобы не вышли... а я думал – для того, чтобы никто не зашел... Но они нанесены на картонки... простые куски плотной... бумаги...

Унро запнулся. Каждый заход давался ему все тяжелее и тяжелее, боль почти не утихала, иглой пронизывая грудь и поднимаясь все выше, но он упрямо продолжал говорить.

– Там будут... Везде будут люди. Они станут помогать. Чтобы ничего не сорвалось.. Джек, пароль и отзыв... чтобы не трогали.

– Ну, теперь, – влез Каролус, – надо решать – или он договаривает, или спасаем.

– Достаточно.

– Хватит.

Саган и Энца заговорили одновременно – до этого оба боялись подать голос, чтобы не сбить настройки Каролуса и не отвлечь Унро и Джека от разговора.

– Молодец, – сказал Джек серьезно. – Ты все верно сделал и выполнил задание как надо.

Энцехватило пары секунд, чтобы сообразить: Джек дает Унро возможность в дальнейшем – если оно будет, это «дальнейшее» – обелиться. Конечно, топорно – с чего бы и кто смог дать обычному архивному работнику такое задание? Но ничего, это все потом можно будет продумать и развить...

Унро слабо улыбнулся – и спросил:

– А зачем ты мне подмигиваешь, Джек?

Саган вздохнул.

– Идиот, – печально сказал Джек. – Ты и помираешь, а все равно идиотские вопросы задаешь. Сможешь стереть этот кусок? – обратился он через плечо к Сагану.

– Да, конечно, – отозвался тот, выключая запись.

Пока Каролус, спешно оттеснив Джека и Сагана от бессознательного тела, растягивал останавливающие плетения, Энца думала, сопоставляя услышанное с тем, что она знала.

– Стадион, да? А ведь у нас есть билеты на это представление, – сказала Энца. – Помнишь, Саган, ты их нам отдал?

– Отлично, – зло усмехнулся Джек. – Едем туда сейчас же. Ты, Саган, давай в Чайный домик лети, с телефоном и рассказом, пусть тоже подтягиваются. Док, надо парня в реанимацию, разве нет?

– Вспомнил он, – проворчал Каролус. – Реанимацию ему. Кто ж его возьмет? Сначала чары надо снять, иначе вся электроника выйдет из строя.

Саган не слушал его, с тревогой глядя на Энцу – та спешно переодевала сапоги с каблуками на кроссовки, вытащенные из рюкзака.

– Ребят, – сказал он. – Вы хоть представляете, что там будет? Их много. Да и... слушайте, а если правда... если правда им удастся все поправить? Сколько в будущем будет спасено... и можно будет не бояться, и по темным улицам ходить, и...

Он осекся. Энца смотрела на него сосредоточенно – она тоже обдумывала этот вариант, но и переобуваться не перестала, а вот Джек – насмешливо щурился.

– У тебя никто из знакомых туда не собирался? – спросил он. – А если бы пошел? Ты бы их был готов обменять на обещания каких-то идиотов «починить мир»?

Саган молчал.

– И что вы вдвоем сделаете? – спросил он, сдавшись.

– Что-нибудь, – синхронно пожав плечами, отозвались напарники.

– Тогда меня подождите, – воскликнул Саган. – Подождите там, я обернусь быстро. а вы вдвоем – как пойдете против магических плетений? А если эти печати и охранные амулеты?.. вы даже не увидите, если их спрячут. Ты, Энца, фон сможешь почувствовать?

– Молодой человек, – остановил его Каролус. – Отдайте ваш телефон, я сам отвезу его в Чайный домик. Со всеми пояснениями. А вы двое, действительно, больше пользы принесете, если будете иметь поддержку стоящего мага.

Саган заколебался.

Слишком часто их дурили последнее время. Слишком часто знакомое и привычное оборачивалось гнилой изнанкой с торчащими нитями дурных замыслов. Верить и без того подозрительному доктору?

– Я сам, – сказал Саган, и Энца одобрительно кивнула:

– Давайте выдвигаться.

Врач вздернул черные брови, а потом вскинул руку, щепотью будто бросив им в лица воздух.

Энца и Саган без слов повалились на пол, Джек охнул, побледнев, но устоял.

– Глупые наивные дети, – произнес доктор, встряхивая кистями, – ... мог бы сказать я, если бы хотел вас обмануть. И, кстати, сделал бы это минут двадцать назад. К чему бы мне весь этот спектакль? Давайте сюда телефон, мне еще нужно успеть вернуться к нашему пациенту. Побыстрее.

Саган беззвучно ругался, вставая, Джек фыркнул и помог Энце. Потом придержал за локоть Сагана, который рванул к врачу, чтобы потрясти его за грудки.

– Это не... опасно? Оставлять его сейчас? – спросила Энца, кивая на Унро.

– Сейчас нет, – ответил Каролус. – Я его остановил. Как вернусь, запущу все процессы и буду разбираться с арканом... очень, очень интересная задача...

С сожалением покосившись на лежащего пациента, Каролус вышел, по дороге выхватив из рук Сагана его телефон. Жестами выгнал всех из кабинета и запер его. Уходили по отдельности: врач пошел к служебному выходу и парковке, остальные – через главный вход.

У ворот парковки стояли двое высоких и на вид весьма крепких мужчин. Черная юркая машина доктора уже выезжала, но они преградили ей путь, и один из мужчин наклонился к окошку, что-то объясняя доктору.

Тот ответил – мужчины переглянулись и отошли.

И неожиданно свалились, как подрубленные деревья, стоило только машине отъехать.

– Наш док вошел во вкус. Или считает: раз конец света, то все можно? – Джек покачал головой, потом натянул шапку глубже. – Ладно, идем. Нам еще до Северной заставы добираться... Блин, на мотоцикле надо было ехать. Хотя этот не влез бы все равно. Ну что за жизнь... Саган, что стоишь? Такси лови.

Энца положила руку на его плечо.

– Не ворчи, Джек, – сказала она. – Мне кажется, Каролус сможет его спасти. Он мерзкий, но по-моему разбирается в своем деле.

Было тихо и покойно. Сердце больше не болело, и казалось, что дышать теперь легко.

Хотя он вовсе не дышал. Мягким пологом его укрывала тьма, тихо нашептывая невнятные слова успокоения.

«Я что-то забыл сказать», – тяжелым комом ворочалась мысль в глубине. «Какую-то мелочь? Забыл... но главное вроде бы сказал... Джек спросил, что самое главное, и я сказал. Но что-то забыл».

Только это не давало ему опуститься наконец на манящее умиротворением дно тьмы.

И еще непонятная вещь в руке – неудобная, яркая, колючая. Мешала. Унро не хотел ее рассматривать и вообще ее не хотел, но разжать пальцы, чтобы выбросить вещь, оказалось трудно: ладонь свело судорогой.

«Дурак», – сказал знакомый голос.

«Даже не думай выпускать. Потеряешь – и уже не сможешь вернуться».

Унро стремительно развернулся, ловя тень-эхо голоса, но ничего не увидел, только хвост длинной косы мазнул по щеке.

История тридцать вторая. Волшебные огни

Во времена Империи День мертвых не отмечали. Праздник не соответствовал официальной идеологии, да и считался чересчур мрачным.

В магическом сообществе провинций его все же не пропускали, выполняли необходимые ритуалы: но только за наглухо закрытыми окнами и дверьми. Широко праздновать стали только после распада, когда Империя, наконец, выпустила страну из своих крепких медвежьих объятий.

Несмотря на мрачную подоплеку и множество страшных суеверий, сопровождающих этот праздник – вот, например, считалось, что в этот день умирали те, кто нарушил гейсы, – он был одним из самых красочных событий в году.

Все начиналось в канун Дня мертвых, ночь на первое ноября. С наступлением вечера открывались ярмарки, гуляния, на нескольких площадках города проводились концерты, выступали уличные фокусники, гадалки и разряженные в костюмы мифических героев маги.

По поверьям, в этот день среди живых веселились и танцевали мертвые, и чем ярче был праздник, тем довольнее были духи – и тем спокойнее были они весь следующий год. Больше огней, больше музыки,

угощения и пьяного меда – залог тихого-мирного сосуществования.

В этом году с миром и тишиной проблемы появились сразу же.

Около часу пополудни в канун Дня мертвых начались перебои с электричеством; отключились все вышки связи.

Перестали работать телефоны: и стационарные, и мобильные. Телевидение, узлы общей компьютерной сети – все было недоступно. Электричество мигало еще часа полтора, но к четырем отрубилось окончательно.

Кое-как ловили сигнал радиостанции из столицы: там тоже были перебои, но правительственная станция была неуязвима, пока хватало топлива в запасных генераторах.

По радио постоянно передавали обещания властей в скором порядке разобраться с неполадками, инструкции для населения и уверения в том, что на праздник все это ни в коем случае не повлияет.

На улице вышли отряды добровольцев – маги и люди вперемешку, развешивали объявления с информацией о ходе работ, помогали по мере сил тем, кому требовалась помощь, наладили постоянное патрулирование улиц.

В город пригнали дополнительные генераторы, но с починкой подстанций и узлов связи дело шло медленно. Из-за скачков напряжения электроника вышла из строя.

На словах друг другу передавали несколько версий, одна другой страшнее – и что Гражин накрыло приливной волной инвазий, и теперь жди-пожди атаки армии монстров. А еще говорили, что маги бунтуют и совершают диверсии.

Ну и, конечно, о конце света тоже немало говорили. О нем всегда говорят, благодатная тема.

По радио транслировали музыку, напоминали о том, что все под контролем и призывали не унывать.

Все-таки праздник.

Среди работающего офисного населения в этот день самой главной проблемой было только одно: сидеть на работе или расходиться уже по домам? Света нет, телефоны не работают, батареи ноутбуков потянут часа два и все. Хорошо тем, у кого газовые плитки – хоть чаю погреть, а так уже и разговоры все переговорили, и бумажную работу переделали, пока свет из окон позволял.

Даже обсуждать причины аварии стало скучно.

С темнотой прекратился дождь, который шел почти весь день. Центр и старые районы города были освещены: газовые фонари исправно работали, их разве что вручную пришлось зажигать.

Гуляния начались куда как раньше обычного, да и народ веселее был.

Давно такого не было: вместо электрических гирлянд и лампочек город украсили причудливые мерцающие огни, созданные магами. Грозди зеленых «болотных светлячков» на бесполезных пока проводах и фонарных столбах, голубоватые шары на крышах, антеннах и ветвях деревьев, оранжевые, золотые и алые гирлянды вдоль улиц, круглые фонари, скалящиеся прорезанными зубастыми ртами, с «вечными» свечками внутри. Вот это было действительно волшебство, сказочно красивое, недолгое – всего лишь на одну ночь! – и оттого еще более чарующее.

– Когда я вступал, мне сказали, что это заклятье – для защиты Лиги. Сказали, что многие раньше вступали в Лигу только на спор, или чтобы высмеять их потом публично. Это не темная магия была, и я дал согласие... я ведь не собирался ни предавать, ни обманывать. Поэтому снять не получится: добровольно принял. Меня предупредили, что глубокое сканирование может принести вред... и после того, как его нанесли, я больше не могу рассказывать то, что видел и слышал... о Лиге защитников искаженных.

– Как в сказке, – вдруг сказала Энца. – Там герой должен был окаменеть, если расскажет правду. Злой колдун вредил королю, а герой мешал, но когда его стали обвинять в том, что он сам во всем виноват, герою пришлось рассказать, и он навсегда окаменел.

– Не нагнетай, – покосился на нее Джек.

– И ты молчал, – сказал вдруг Саган, и в его словах было недоумение. – Молчал... неужели ты думал, что такое заклятье накладывают просто так?

– Они потом рассказали... что на самом деле готовят. Понемногу, не сразу. Я думал, что для защиты этих сведений плата не столь уж высока.

– А если ты напишешь об этом? Эффект тот же? – поинтересовался Джек.

– Да. И если нарисую. Это все запрещено.

Найти штаб-квартиру Лиги было очень просто. До смешного даже – они совсем не прятались. Да и к чему бы? Их и так задвигали в тень, изымая даже сведения об их существовании.

Но Унро был упорен. После жуткого открытия о природе монстр-объектов, которое так легко и без особых эмоций воспринимали Энца и

остальные, он первую ночь даже спать не мог.

Вспоминал всех тех искореженных, многоруких, многоногих, похожих на рыб, на коряги, на мешки с внутренностями... не мог вспомнить – тогда и не разглядывал особо. В Белене, родном городе, эти существа уничтожались сразу.

Унро не раз участвовал в массовых облавах и защите во время приливов. Он не думал ни секунды – да и то сказать, когда еще думать. Те, которые приходили с приливами, были быстрыми тварями.

Тварями... сколько из них были людьми?

Унро вспомнил первое дело в Гражине, на которое он ездил с Джеком и Энцей. Маленький ужеподобный объект и огромный монстр, похожий на человека-дерево, который не нападал, а просто тянул свои иссушенные корявые почти-руки к маленькому... боги, кем были эти двое?

Кем были все остальные, кого он убил или поймал?

Слова Энцы о том, что это всего лишь гипотеза, не успокоили Унро ни на секунду. Идея эта настолько четко вошла в привычную картину мира, заполнив невидимую до того пустоту, что было даже непонятно, как же он раньше этого не знал.

Наверно, если бы Джек не упомянул Лигу, Унро еще не скоро бы вышел на нее. Может быть, он перегорел бы с этими переживаниями или придумал какое-нибудь свое сообщество, пытаясь открыть правду людям и что-то изменить.

Так или иначе, после пары дней поиска Унро нащупал пару контактов, разослал электронные письма. Один из адресов оказался мертвым, а вот со второго ему ответили: кратко, всего лишь еще одним адресом, куда Унро отправил следующее письмо.

И уже на следующий день он ехал на встречу. Ответное письмо из Лиги было многословным, взволнованным и даже радостным – неизвестная ему Александра горячо приглашала его на встречу, ведь как раз в этот вечер будет небольшое собрание. Там он сможет понять, действительно ли хочет вступить в Лигу, сможет ли участвовать в ее деятельности...

Нет, Унро дураком не был. И эта восторженность, безоговорочное доверие совершенному незнакомцу насторожили его – в письме он всего лишь спросил, правда ли то, что говорят о Лиге. Как можно доверять всем подряд?

Но позже, познакомившись с Александрой, Сашей, Сашенькой – она была человеком, не магом, – Унро понял, что та иначе и не может.

Она выполняла функции привратника-регистратора-координатора

встреч, она любила всех и искренне верила в то, что Лига делает правое дело.

Саша была не в себе. Через некоторое время Унро это понял, но спрашивать постеснялся. Она смеялась, подпевала песенкам из радио, которое постоянно играло у нее в приемной, и никогда не огорчалась. На собраниях она не присутствовала: только подавала чай. Наверно, Саша была очень ценным сотрудником – кто, кроме нее смог бы так искренне уверять, что согласиться на заклятье нужно обязательно? Кто смог бы так увлекательно и захватывающе рассказывать о том, как они все вместе поднимают большое и важное дело?

Унро вляпался в эту паутину сразу и всеми лапками. Увяз – и сам не понял, что произошло. Радостно шел вместе со всеми к светлой общей цели, обсуждая детали – не такие уж и существенные, как потом оказалось, – и выполняя небольшие поручения.

Раздобыть уточненную карту геомагнитных зон Гражина. Составить сводки расчетов по напряженности полей, или принести закрытые данные по запрещенным для широкого доступа плетениям.

С доступом к архиву это было проще простого.

Мелкие задания вроде доставки банок с красками или создания небольших охранных печатей на кусочках картона – якобы для защиты активистов в решающую ночь. Унро порой даже обижался, что ему достается простая и незначительная мелочь. Хотел помогать больше.

Ну и... сегодня уже узнал, к чему так незамутненно стремился.

Ломал лицо в улыбке.

Про себя думал: может, шутка?

Это необходимо, сказали. Так нужно. Зато потом все будет так, как мы хотели. Этот мир скажет нам спасибо.

Ведь мы починим его.

Из этого всего он только и смог рассказать, как нашел и вступил в Лигу.

– Идем, – сказал Саган и жестко, за воротник, потащил Унро за собой.

– Что ж ты раньше молчал?

Едва не упав, юноша послушно пошел следом, только осторожно высвободил куртку из пальцев Сагана.

– Куда идем? – спросила Энца.

– К Каролусу, – пояснил Саган. – Старый придурок наверняка умеет что-нибудь хитрое и запрещенное, мы все из тебя вытащим, и ты не помрешь.

Джек и Энца поспешили следом.

– Что-то произойдет, да? – спросила Энца. – Не отвечай, если нельзя.

– Произойдет, – кивнул Унро. – Сегодня. Больше не могу сказать. У меня уже болит, вот тут.

И приложил руку к груди, где и в самом деле ныло что-то, тупо и пока слабо.

– Давит, – пожаловался он.

Джек и Энца подхватили его под локти и потащили быстрее.

Каролус уже собирался уходить: в старомодном котелке, кашне и пальто, все угольно-черного цвета, он походил на карикатурного темного мага из детских книжек. Доктор нахмурился, глядя на ввалившуюся в его кабинет группу.

Саган, уже успевший немного изучить заведующего, не дал ему и рта раскрыть:

– У нас тут какое-то черное-пречерное загадочное проклятье, и парень помрет вот-вот, – выпалил он, и Джек вытолкнул вперед Унро.

Каролус, невольно охнув, практически подхватил юношу в объятия, хотел было оттолкнуть его сразу, но замер.

– Ну надо же, – пробормотал он, кладя ладонь на лоб Унро и заставляя того присесть на кушетку.

Потом, не размахиваясь, резко хлопнул юношу по лицу. Унро, закатив глаза, упал навзничь.

Саган кашлянул, а Энца, оглядевшись, аккуратно закрыла дверь.

– Тройной аркан Грипссона, – с уважением сказал Каролус. – Я о нем только читал. Это где вы такое отыскали?

– Там таких же еще целая куча, – мрачно отозвался Джек. – Этот парень знает кое-что важное и хочет рассказать. Можно обойти блок, чтобы он и не помер при этом?

Каролус тем временем скинул пальто и шляпу и начал водить руками над телом Унро.

– Он уже умирает, – после паузы произнес врач. – Обратный отсчет пошел. Но я остановил – и действие аркана, и самого мальчишку. Насколько важно вытянуть из него информацию?

Его черные блестящие глаза поочередно обежали всех троих. Энца подумала, что Саган верно угадал – Каролус было достаточно бессердечным и любопытным, чтобы заинтересоваться проблемой, но не ее причиной. Моральная сторона вопроса, кажется, и вовсе для него существовала только в виде казуса, свойственного остальным людям. Не ему. Интересно, считал ли он сам себя человеком? Многие сильные маги

прошлого любили порассуждать о том, что они являются сверх-людьми, иной расой.

Глупые мысли. Только чтобы отвлечься, не думать о том, что сердце бедняги Унро сейчас стоит... и «обратный отсчет пошел»...

Стоит ли жизнь Унро тех сведений, что он хотел выдать?

И – последнее время извечный вопрос – можно ли доверять доктору?

... А выхода, кажется, и нет.

– Что, если мы выудим только то, где это находится и пойдем сами разбираться? – предложил Джек.

– Что же ты везде сам лезешь? – рассердился Саган. – У нас куча специально обученных магов, которым только наводку дать нужно... Может, посмотрим у него в телефоне контакты и от этого будем плясать? К чему рисковать его жизнью? У нас и так... целая палата бессознательных.

– Нет, – сказала Энца.

Ей и самой было странно слушать свой голос: миг назад она еще не могла решиться на то, надо ли вообще лезть в разговор.

– Унро уже решил, что это стоит его жизни – ведь он собирался идти за помощью и все рассказать, зная, что за это будет. Если есть возможность дать ему рассказать, так и надо сделать. Может быть, записать... иначе все бессмысленно. Он рискнул, а мы отказываемся от него...

– Решено, – тут же подвел итог Каролус.

Сбросил пиджак и закатал рукава багровой рубашки.

– Ты, парень, – ткнул он в Сагана, – записывай видео. А ты, длинный, задавай вопросы. Я сейчас сплету печать, которая удержит его... ну и, может быть, сохранит жизнь. Выводить буду из стазиса на короткие промежутки времени, потом давать восстановиться. Всем понятно?

– А мне что делать? – спросила Энца.

– Стой у двери и следи, чтоб никто не зашел, – сосредоточенно отозвался Каролус. – А то у меня опять лицензию отберут.

Дисциплинарный комитет размещался в одном здании с адвокатской коллегией, прямо за Северной заставой, стоявшей на Михайловской железной дороге. Район был тихий, старинный – но тихий только пока неподалеку не построили стадион. Без сомнения, неординарное творение современной архитектуры... от которой, например, у Офелии сводило зубы.

Поэтому она давно поставила свой стол так, чтобы окно было за спиной – лишний раз не смотреть на вздымающиеся над черепичными крышами и купами деревьев изогнутые металлические ребра. Вблизи стадион напоминал распускающийся цветок – или клубок, в центре

которого взорвался мощный заряд.

Старший специалист головного отдела имел счастье занимать старое место Офелии, и потому круглый день наблюдал эти самые металлические конструкции, но в отличие от начальницы ничего против современной архитектуры не имел. А по вечерам и вовсе любовался: включали подсветку, желтую по обычным дням и мерцающую сине-фиолетовую – в праздники или во время соревнований.

Сегодня было что-то необычное, наверно, из-за отключения электричества. Металлические ребра освещались то слепяще-белым светом, то алым, – и снова тонули во мраке. Алые сполохи бежали, пульсируя, по всей длине ребер, белый светил ровно и мягко.

Старший специалист Алегаро завистливо вздохнул: билеты на концерт сейчас были совсем не по карману: ипотека съедала почти все заработанные деньги. Но было бы, наверно, здорово, не потолкаться по дороге домой в праздничной толпе и потом просидеть вечер у телевизора за столом с родней подруги, а повеселиться на концерте.

Когда в кабинет, где под гроздью «светляков» на потолке собрались почти все работники комитета, ворвались пятеро вооруженных мужчин, первое, о чем подумал Алегаро, было тоскливое: «А ведь до конца рабочего дня оставалось всего пятнадцать минут...»

Мужчины тем временем рассредоточились по северной стене комнаты, от двери до окна, и один из них сухо произнес:

– «Свободная ассамблея». Никому не двигаться. Руки перед собой, ладонь в кулак, большой палец внутри. С данного момента Дисциплинарный комитет распущен, действия его признаются незаконными. Руководство будет арестовано и осуждено. Сейчас у вас есть возможность искупить свои грехи, встав в наши ряды.

Его аура тлела изнутри багровым: сильный маг. Рубленые, почти равнодушные фразы пугали едва ли не сильнее, если бы мужчина орал на них и тряс этим своим ружьем, которое висело у него на шее. Алегаро не разбирался в оружии, но штука выглядела... массивно.

– Что вы себе позволяете? – высокомерно осведомилась Офелия, уверенно подойдя к говорившему магу.

Тот нахмурился, а потом быстрым, змеиным движением схватил даму за горло.

Раздалось дружное аханье, вскрики. Кто-то вскочил на ноги, но мужчины синхронно подняли оружие. Офелия хрипела.

– Мы за новый мир! За свободу! За возможности! Идите с нами, чтобы навсегда изменить прогнившее общество! – почти шипел маг, перекрывая

судорожные всхлипы дамы.

– Слышишь меня, Унро? – спросил Джек. – Если да, говори сразу самое главное. Мы будем тебя понемногу держать, потом давать отдохнуть.

– Стадион, – медленно, через силу произнес Унро. Заклятье, наложенное Каролусом, пока не позволяло чувствовать боль, но вместе с тем юноша практически не ощущал тело. Казался сам себе сдутым шариком, и хотелось только одного: спать. – Стадион памяти защитников Агелина, сегодня вечером... ритуал...

Бледное, почти серое лицо юноши покрылось бисеринками пота, и он прикрыл глаза.

– Не спи, Унро, – строго сказал Джек и положил руку ему на плечо. – Какой ритуал? Опасно?

– Опасно?.. Нет. Спасут мир...

Память вдруг вернулась, четкая до тошноты. Строгое и спокойное лицо координатора, раздающего последние указания. Сашенька, с доброй улыбкой кивающая в такт его словам.

Унро попытался вдохнуть – не хватало воздуха, словно кто-то сел сверху и давит, давит на ребра... в груди кольнуло – боль возвращалась.

– Очень опасно, – ясным голосом произнес он. – Все погибнут.

Две девушки пробирались в праздничной толпе, двигавшейся в сторону центральной площади. Высокая брюнетка шла как ледокол сквозь толпу, таща за собой миниатюрную рыжую. Та хихикала, подмигивала симпатичным молодым людям и огрызалась в ответ на возмущение тех, кого они случайно толкали.

– Я же говорила тебе, Кло, – спокойно заметила первая, – надо было заранее позвонить.

– Я не виновата, что всю неделю у нее телефон недоступен! – воскликнула девушка. – Я звонила и звонила.

– Надо было позвонить ее парню.

– А я не хочу с ним разговаривать!

– Ты как ребенок, меня это даже удивляет, – укорила ее Камелия. – Где мы их теперь найдем?

Они вынырнули из людского потока и постояли немного, отойдя в пустынный переулок.

– Ну и толпища тут, – восторженно заметила Кло. – Я уже отвыкла в нашей дыре, что столько народу бывает! Слушай, я в программе развлечений видела фейерверки, только надо добраться до реки, чтобы с

моста смотреть. Пойдем, да? Пойдем?

– Подожди, – вдруг остановила ее Камелия и подобралась, – прислушайся.

– К чему прислушаться? – насупилась Кло, но все-таки немного повела носом по сторонам – как принюхивающаяся лиса.

– Ничего я не слышу, – с досадой отозвалась она. – Давай уже пойдем, а то... А-а-а!

Взвизгнув, девушка отшатнулась за спину коллеге. Из-за мусорного бака в конце переулка, медленно перебирая многосуставчатыми бледными лапами, ползло белесое, слегка опалесцирующее существо размером с крупную собаку.

– Монстр-объект, – констатировала Камелия, побледнев.

Ее рука машинально потянулась к телефону – и опустилась. Связи нет. Где ближайший опорный пункт патрульной службы? А отделение маг-бригады?

Ну как чувствовала, что не надо было ехать в этот Гражин, прекрасно бы отметили и у себя дома. Пусть и в «дыре», как выражается Кло.

– Так, – закусив губу, сказала Камелия. – Вали-ка ты обратно, поймай кого-нибудь и спроси, как добраться до маг-бригады. А я его приторможу.

– Нет! – тут же воскликнула Кло. – Оно тебя сожрет, никуда не пойду!

– Кло, не выделывайся. Это, конечно, не полтергейст, но на практике и не такое видали... давай, беги за...

Камелия осеклась. Она всегда гордилась своими способностями к сканированию, но сейчас... сейчас они, кажется, ее подвели. Девушка замерла, фиксируя начатое плетение, и осторожно усилила свою сеть, увеличив радиус. Один объект, два... еще шесть плотной стайкой... или семь?

– Там еще целая куча, – сказала она, и голос, к ее досаде, дрогнул.

– Унро, давай еще раз. Соберись, парень, – сказал Джек.

Он присел на корточки рядом с кушеткой и держал Унро за руку.

– Скажи, что именно произойдет на стадионе и когда.

– Сегодня...

– Сегодня, это я понял. А точнее? Время определенное есть?

– Нет... есть... полночь. Так он сказал.

– А что там будет?

– Ритуал.

– Ритуал, правильно. А в чем он состоит? Как его остановить?

– Есть пароль... отзыв... – сказал Унро.

Логическая цепь его мыслей была непонятна Джеку, но чувствовалось, что система все же имеется, и Унро не просто бредит.

– Чтобы не трогали, – пояснил юноша, снова прикрывая глаза. – Чтобы не трогали.

– Не спи, Унро, говори, – попросил Джек.

– Если звезды... уже вышли на небо... То надо говорить, что дорога и так видна.

Унро сглотнул. Снова боль – теперь гораздо сильнее, чем прежде.

– Джек... моим родителям не забуду...

Каролус, в принципе не переваривавший патетику, быстро отключил юношу, давая время на передышку.

– Опять мигает, – сердито сказал Роберт. – Поправь, Сова.

– Почему я опять? Я в прошлый раз поправлял.

На потолке замерцали еще несколько огоньков: в Чайном домике вместо освещения использовали выключенные в хозяйственном отделе зимние гирлянды. Цепочки шариков с нанесенными рунами были едва заряжены и постоянно гасли, раздражающе мигая. Перед праздником конца года их обычно заряжали целую неделю, а сейчас какие были, такие и дали. Поэтому время от времени кто-нибудь из магов вставал и поправлял артефакт. Для экономии света в кабинет набились еще пять человек из других отделов, подтащив свои столы и стулья.

– Привет, ребятки, – бодро произнес Артемиус, заходя в отдел. – Как жизнь?

Гирлянды разом мигнули – и ровно, сильно загорелись.

– Отлично, – ухмыльнулся Сова. – Еще минут десять – и будет просто отпад, как только дежурство закончится. Уже достали эти кислые морды вокруг.

Артемиус пошевелил кустистыми седыми бровями и вдруг спросил:

– Звезды уже вышли на небо?

– Звезды? – удивился Роберт, разворачиваясь всем корпусом к шефу. – Вроде бы там облачно, да еще и не так стемнело...

– Дорогу, – откашлялся вдруг один из магов, сидевших в углу. Встал и серьезно посмотрел на Артемиуса. – Дорогу и без того видно.

Артемиус покивал и неуловимо быстрым движением вскинул руку. Маг, захрипев, упал на пол, загремев стулом.

– Та-ак, естественный отбор идиотов провели, – буднично сказал шеф. – Ну что, никто еще высказаться не хочет? А то смотрите. Ну, там про звезды и прочее? Нет?

Только сейчас Роберт заметил на руках Артемиуса черные перчатки, расшитые алыми нитями – знаменитые усиливающие артефакты, с помощью которых шеф во времена активной службы наводил страх и ужас на нарушителей. Роберт обменялся недоумевающим взглядом с напарником, и Донно пожал плечами: мол, тоже непонятно.

Он начал было говорить, но в дверях появился Яков: рукава рыбацкого свитера закатаны по локоть, очки свисают на цепочке с шеи.

– У тебя сколько? – спросил он. – У меня двое.

– Один, – отозвался Артемиус, досадливо поморщившись.

– Шеф! – влетел, потеснив в сторону Якова, заместитель. – Что творится? Там в коридоре лежит кто-то. Я...

– Звезды уже вышли на небо? – быстро спросил его Артемиус.

– Чего? – осекся зам. – Какие звезды?

– Жаль... эх, а какая возможность была... Точно ничего на ум не приходит, а? – с надеждой прищурился он, – Или слова забыл?

– Шеф, – осторожно сказал зам, – может... вам полежать?.. я за доктором отправлю.

– Доктор в каталажке, – хохотнул вдруг Сова. – Что за хрень творится, я тоже хочу знать!

– Собирайтесь, ребята, – серьезно сказал Артемиус. – Ты, дружок, останешься сегодня за главного, будешь сторожить контору, а мы идем в город. Чрезвычайное положение. Общая мобилизация.

– Ритуал – это темная магия... они сказали, что... оправданно. Будут откаты... и прорывы. Этого они не... говорили, я сам... сам знаю, так всегда бывает... но не знал, не знал, что надо будет убивать...

– Тише, тише, – успокоил его Джек. – Конечно, не знал. Ты бы не стал участвовать.

– ...там будет заперто, я делал запоры сам, по формуле... Лазарева-Квилла. Джек, больно... можно что-то сделать? Дышать тяжело...

Джек резко повернулся к Каролусу, но тот стоял с закрытыми глазами, чуть склонив голову на длинной худой шее. Узловатые пальцы шевелились в воздухе: врач поддерживал юношу плетениями.

– ...двойные запоры – с усилением в базовой части. Они, наверно, поставят их снаружи, чтобы не вышли... а я думал – для того, чтобы никто не зашел... Но они нанесены на картонки... простые куски плотной... бумаги...

Унро запнулся. Каждый заход давался ему все тяжелее и тяжелее, боль почти не утихала, иглой пронизывая грудь и поднимаясь все выше, но он

упрямо продолжал говорить.

– Там будут... Везде будут люди. Они станут помогать. Чтобы ничего не сорвалось.. Джек, пароль и отзыв... чтобы не трогали.

– Ну, теперь, – влез Каролус, – надо решать – или он договаривает, или спасаем.

– Достаточно.

– Хватит.

Саган и Энца заговорили одновременно – до этого оба боялись подать голос, чтобы не сбить настройки Каролуса и не отвлечь Унро и Джека от разговора.

– Молодец, – сказал Джек серьезно. – Ты все верно сделал и выполнил задание как надо.

Энце хватило пары секунд, чтобы сообразить: Джек дает Унро возможность в дальнейшем – если оно будет, это «дальнейшее» – обелиться. Конечно, топорно – с чего бы и кто смог дать обычному архивному работнику такое задание? Но ничего, это все потом можно будет продумать и развить...

Унро слабо улыбнулся – и спросил:

– А зачем ты мне подмигиваешь, Джек?

Саган вздохнул.

– Идиот, – печально сказал Джек. – Ты и помираешь, а все равно идиотские вопросы задаешь. Сможешь стереть этот кусок? – обратился он через плечо к Сагану.

– Да, конечно, – отозвался тот, выключая запись.

Пока Каролус, спешно оттеснив Джека и Сагана от бессознательного тела, растягивал останавливающие плетения, Энца думала, сопоставляя услышанное с тем, что она знала.

– Стадион, да? А ведь у нас есть билеты на это представление, – сказала Энца. – Помнишь, Саган, ты их нам отдал?

– Отлично, – зло усмехнулся Джек. – Едем туда сейчас же. Ты, Саган, давай в Чайный домик лети, с телефоном и рассказом, пусть тоже подтягиваются. Док, надо парня в реанимацию, разве нет?

– Вспомнил он, – проворчал Каролус. – Реанимацию ему. Кто ж его возьмет? Сначала чары надо снять, иначе вся электроника выйдет из строя.

Саган не слушал его, с тревогой глядя на Энцу – та спешно переодевала сапоги с каблуками на кроссовки, вытащенные из рюкзака.

– Ребят, – сказал он. – Вы хоть представляете, что там будет? Их много. Да и... слушайте, а если правда... если правда им удастся все поправить? Сколько в будущем будет спасено... и можно будет не бояться, и по темным

улицам ходить, и...

Он осекся. Энца смотрела на него сосредоточенно – она тоже обдумывала этот вариант, но и переобуваться не перестала, а вот Джек – насмешливо щурился.

– У тебя никто из знакомых туда не собирался? – спросил он. – А если бы пошел? Ты бы их был готов обменять на обещания каких-то идиотов «починить мир»?

Саган молчал.

– И что вы вдвоем сделаете? – спросил он, сдавшись.

– Что-нибудь, – синхронно пожав плечами, отозвались напарники.

– Тогда меня подождите, – воскликнул Саган. – Подождите там, я обернусь быстро. а вы вдвоем – как пойдете против магических плетений? А если эти печати и охранные амулеты?.. вы даже не увидите, если их спрячут. Ты, Энца, фон сможешь почувствовать?

– Молодой человек, – остановил его Каролус. – Отдайте ваш телефон, я сам отвезу его в Чайный домик. Со всеми пояснениями. А вы двое, действительно, больше пользы принесете, если будете иметь поддержку стоящего мага.

Саган заколебался.

Слишком часто их дурили последнее время. Слишком часто знакомое и привычное оборачивалось гнилой изнанкой с торчащими нитями дурных замыслов. Верить и без того подозрительному доктору?

– Я сам, – сказал Саган, и Энца одобрительно кивнула:

– Давайте выдвигаться.

Врач вздернул черные брови, а потом вскинул руку, щепотью будто бросив им в лица воздух.

Энца и Саган без слов повалились на пол, Джек охнул, побледнев, но устоял.

– Глупые наивные дети, – произнес доктор, встряхивая кистями, – ... мог бы сказать я, если бы хотел вас обмануть. И, кстати, сделал бы это минут двадцать назад. К чему бы мне весь этот спектакль? Давайте сюда телефон, мне еще нужно успеть вернуться к нашему пациенту. Побыстрее.

Саган беззвучно ругался, вставая, Джек фыркнул и помог Энце. Потом придержал за локоть Сагана, который рванул к врачу, чтобы потрясти его за грудки.

– Это не... опасно? Оставлять его сейчас? – спросила Энца, кивая на Унро.

– Сейчас нет, – ответил Каролус. – Я его остановил. Как вернусь, запущу все процессы и буду разбираться с арканом... очень, очень

интересная задача...

С сожалением покосившись на лежащего пациента, Каролус вышел, по дороге выхватив из рук Сагана его телефон. Жестами выгнал всех из кабинета и запер его. Уходили по отдельности: врач пошел к служебному выходу и парковке, остальные – через главный вход.

У ворот парковки стояли двое высоких и на вид весьма крепких мужчин. Черная юркая машина доктора уже выезжала, но они преградили ей путь, и один из мужчин наклонился к окошку, что-то объясняя доктору.

Тот ответил – мужчины переглянулись и отошли.

И неожиданно свалились, как подрубленные деревья, стоило только машине отъехать.

– Наш док вошел во вкус. Или считает: раз конец света, то все можно? – Джек покачал головой, потом натянул шапку глубже. – Ладно, идем. Нам еще до Северной заставы добираться... Блин, на мотоцикле надо было ехать. Хотя этот не влез бы все равно. Ну что за жизнь... Саган, что стоишь? Такси лови.

Энца положила руку на его плечо.

– Не ворчи, Джек, – сказала она. – Мне кажется, Каролус сможет его спасти. Он мерзкий, но по-моему разбирается в своем деле.

Было тихо и покойно. Сердце больше не болело, и казалось, что дышать теперь легко.

Хотя он вовсе не дышал. Мягким пологом его укрывала тьма, тихо нашептывая невнятные слова успокоения.

«Я что-то забыл сказать», – тяжелым комом ворочалась мысль в глубине. «Какую-то мелочь? Забыл... но главное вроде бы сказал... Джек спросил, что самое главное, и я сказал. Но что-то забыл».

Только это не давало ему опуститься наконец на манящее умиротворением дно тьмы.

И еще непонятная вещь в руке – неудобная, яркая, колючая. Мешала. Унро не хотел ее рассматривать и вообще ее не хотел, но разжать пальцы, чтобы выбросить вещь, оказалось трудно: ладонь свело судорогой.

«Дурак», – сказал знакомый голос.

«Даже не думай выпускать. Потеряешь – и уже не сможешь вернуться».

Унро стремительно развернулся, ловя тень-эхо голоса, но ничего не увидел, только хвост длинной косы мазнул по щеке.

История тридцать третья. Большие прорехи

Если пару минут назад Алегаро только сожалел о том, что не успел уйти домой, то сейчас его спину заливал холодный пот, а сердце замирающе стучало где-то в горле.

Конечно, во время учебы они все сдавали зачеты по простейшим боевым заклятьям и защите, проходили практику по нейтрализации артефактов и обездвиживанию монстр-объектов. Даже слабые маги, которые едва могли пользоваться готовыми плетениями, были военнообязанными. Сборы еще эти ежегодные...

Но их не учили, что делать с людьми. Вооруженными, опасными людьми. Почти половина из этих были магами – и вряд ли бытового уровня.

– Присоединяйтесь. Либо к нам, либо к слабакам, которые...

Маг вздрогнул, выгнулся всем телом, и в тишине раздался нарастающий треск электричества. Закатив глаза, он рухнул на пол.

Судорожно давя шарики ожерелья и задыхаясь, Офелия бросилась к стене за своей спиной.

– Констанс, Алегаро, щит! – хриплым голосом крикнула она.

Но они не успели – Алегаро даже не понял, что хочет Офелия, Констанс, которая сидела рядом с ним, начала было плести, но в это время загрохотали выстрелы.

Жуткая тяжесть придавила всех, и Алегаро упал, задев случайно и клавиатуру, и кружку с чаем. Холодная жидкость потекла по рукаву, расплзаясь коричневым пятном на светлом паркете. Боли не было.

Но ведь стреляли?

«Светляки» под потолком горели теперь вполсилы, и осторожно приподнявшись над столом, Алегаро увидел, что все нападающие распростерлись на полу, выронив оружие.

– Вставайте уже, – сказала Офелия. – Я запустила защиту.

Она стояла у стены, держа на ней руку. Остаточный шлейф магии немного искрил у нее на шее: торопясь, Офелия сорвала больше из своих усиливающих амулетов, чем нужно.

– В следующем году, – сердито сказала она, – я лично проверю, чтобы вы все побывали на сборах, и ни одна ваша отсрочка или медотвод не пройдет. Будете прыгать по плацу со сломанными ногами, если понадобится.

Алегаро – совершенно необъяснимо, – успокоился. Минуту назад ему

казалось, что мир рухнул... но если Офелия продолжает планировать наказания, все еще в порядке. К тому же этот камень был лично в его огород: летние сборы в этом году он пропустил как раз из-за трещины в кости, неудачно упал накануне.

– Констанс, – тем временем командовала Офелия. – Стандартные обездвиживающие чары, заякорить на пол. Алегаро, соберите их оружие. Тайна, выйдите в коридор и пройдите по кабинетам.

– А... а вдруг там еще кто-то?.. – испугался Тайна. Молодому человеку было всего двадцать один, и он проходил учебную практику у них в отделе, – то есть был на побегушках.

– Защита включается во всем здании, – сурово пояснила дама. – Я вам незачет поставлю за незнание техники безопасности.

Тайну как ветром сдуло.

Через полчаса, поскандалив с главным бухгалтером – закадычная врагиня Офелии давно не обновляла свою защиту и сотрудников и потому сильно пострадала при запуске чар, – сотрудники комитета покинули здание, и Офелия запечатала его.

На самом деле, некоторым личностям стоило начать трепетать: сердить главу Дисциплинарного комитета подобными выходками было глупо.

Так думала Офелия, еще не зная подробностей происходящего в городе.

Так же думали ее сотрудники, но их мнения никто не спрашивал.

Первого монстра удалось припечатать сразу – он был медлителен и слаб, видимо, только что прошел сквозь прореху.

Кло, державшая наготове неумело сплетенные чары-ловушку – ох, все-таки надо было практику посерьезнее воспринимать! – победно усмехнулась, хотя уже знала, что впереди еще несколько таких же штук.

– Та-ак, девчонки, чем занимаетесь? – бодро поинтересовался мужской голос.

Девушка резво обернулась, с облегчением выдыхая. Сразу пятеро – из них двое маги – вот здорово! Все молодые парни, крепкие и уверенные, с повязками на рукавах: добровольцы, которые весь день дежурили по городу. Широкоплечий светловолосый молодой человек ободряюще улыбнулся ей.

– Ой, как хорошо, что вы пришли, – воскликнула Кло. – Мы не знаем, что делать – тут прорыв, монстр-объекты...

– Девчонки, ну большие вы уже для розыгрышей-то, – громко заржал

один из парней.

И осекся – Камелия шагнула в сторону, показывая неподвижное белесое тело на асфальте.

– Да ла-адно, вы что, серьезно? – с опаской сказал первый, озираясь. – Блин, ребят, это надо маг-бригаду вызывать, или искать патрульных...

– Так долго будет, – нетерпеливо ответила Кло и схватила одного из них за рукав. – Отправьте одного в полицию, и вместе запечатаем остальных, тут же люди кругом ходят...

– Не, парни, я на такое не подписывался, – молодой человек сердито вырвал рукав из ее пальцев. – Бабке какой-нибудь врача вызвать – это пожалуйста, а хреной всякой заниматься... ну его!.. Да отцепись ты, что пристала? Сейчас маг-бригаду вызовем, и сама тоже с подружкой вали отсюда! Опасно.

– Так люди вокруг!.. – поразилась Кло. – Мы уйдем, а монстры ведь нападут! Тут же толпа какая только что прошла, и просто прохожие!.. Вы что, вы же...

– Убери. Руки, – тихо сказал блондин. И добавил пару слов, от которых Кло отшатнулась.

Щеки запылали – но вовсе не от смущения. При желании она могла бы ответить и похлеще, сейчас от злости даже дыхание перехватило.

– Ты обязан помогать, по закону, – прошипела она, сжимая кулаки. – Не имеешь права линять, если есть угроза гражданским. Хотя... вали, вали отсюда, гребаный трус, пока штанишки не обмочил...

Камелия успела – перехватила его руку уже на излете, но Кло даже не сдвинулась с места, с ненавистью глядя на человека куда выше себя, и наверняка сильнее. В ее понимании бить женщину мог только полный урод.

В руке по-прежнему было готовое плетение-ловушка, и Кло бросила его в лица этих людей, лишь на миг опередив тихое и злое: «Гаси дур и валим!»

Сказал это чернявый парень, который держался позади. Он тоже был магом, поэтому успел понять, что Кло нападает, попытался поставить щит, но плетение, рассчитанное... ладно, не рассчитанное, Кло слишком давно была на сборах и вообще с боевыми плетениями не дружила, – это плетение-ловушка для монстр-объекта накрыло всех пятерых.

Двое упали молча, сразу же потеряв сознание, остальные с криками повалились в судорогах на грязный и мокрый асфальт.

Кло, все еще охваченная праведным гневом, пнула блондина по бедру носком сапога, но Камелия удержала ее от бессмысленной жестокости.

– Обалдела что ли, совсем, – рассердилась она. – Придумала тоже. Потом еще придется отвечать за нападение на людей.

Она отстранила Кло в сторону и, сосредоточившись, повела рукой, стабилизируя плетение коллеги. Скоро все пятеро молча и тихо лежали без сознания.

– И... это, по-твоему, лучше? – нервно спросила Кло, озираясь. Свидетелей вроде бы не было, но кто знает...

– Наплевать, – отозвалась Камелия. – Готовься, мы сейчас запечатаем этот проулок, чтобы дрянь не ползла дальше, и надо бежать за помощью. Я чувствую, есть и еще прорывы. Так, ты начинай делать узлы, я буду держать общий контур. Да не бойся, ну же... прекрати, ладно? На практике сто раз делали. Я буду подсказывать.

Кло с силой похлопала себя по щекам – они все еще горели, а вот руки были ледяными, и по спине ползли холодные ручейки пота.

Было до жути страшно, и в животе свернулся колючий жесткий клубок.

– А чего вы меня искали-то? – спросил Саган, спохватившись.

– Ой, – сказала Энца, – точно, забыла. Мы хотели тебя попросить помочь и прикрыть нас. Мы нашли ведьму и хотели с ней окончательно разобраться.

– Да ладно! – поразился Саган. – Только вдвоем? Только...

Он замаялся, проглотив окончание «своими силами»: слишком уж это звучало обидно.

– Ее ведь искала куча народу, – договорил он.

– Нам помогала моя наставница, – сказала Энца. – Правда, она об этом не знает. Яков через нее заказывал поисковые артефакты. В моем городе живет мастер, который знает старинные техники.

– А... – снова запнулся Саган. – А ребята вас не могли найти...

– Яков всегда знал, где мы, – отозвался Джек. – Разве от него укроешься?

На такси удалось доехать только до Речной заставы – за ней дороги были перекрыты, из-за гуляний в центре города.

Джек и Саган едва не поругались, решая, какими путями обходить запруженные улицы: не желали друг другу уступать в знании города. В конце концов, сойдясь на нейтральном варианте, столкнулись с отрядом добровольцев на набережной.

Их было трое: рослая девушка с резкими чертами лица и по-мужски широкими плечами и два молодых человека. Примелькавшиеся за день

сине-зеленые повязки добровольцев на рукавах были заметны издалека.

– Добрый вечер, – утомленно поздоровался один из молодых людей. – Куда идем?

– А вам какое дело? – не менее утомленно отозвался Саган, который шел впереди.

Не дожидаясь ответа, он попытался обогнуть троицу, но девица заступила ему дорогу.

Саган задрал голову, чтобы посмотреть на нее.

– Отвечай на вопрос, – хмуро посоветовала она.

– А то что? – вдруг заинтересовался Саган. – Вы кто такие вообще?

– Слушай, парень, не нагнетай, – дружелюбно вступил третий. – Скажите, куда идете. А мы и подскажем – вдруг там движение перекрыто или что.

– Да как-нибудь и без сопливых разберусь, – огрызнулся Саган.

Прежде чем разговор превратился в перебранку, между ними ввинтилась Энца. Схватив обоих за рукава, она тихо спросила:

– Может, мы сами?.. Звезды уже вышли на небо.

Троица добровольцев замерла, а потом обменялась осторожными взглядами.

Рослая девушка откашлялась и неуверенно сказала:

– Да... дорогу и так видно.

Джек подошел ближе и за плечи оттянул Сагана и Энцу к себе.

– Мы в усиление к стадиону, – вежливо улыбаясь, пояснил он.

– Да сразу бы и сказали, – пробурчал один из молодых людей.

И они расступились, пропуская их.

– Вы через мост перейдете, не сворачивайте через Якорный, идите прямо, потом через княжны Розы и налево. Так быстрее будет, – крикнули им вслед. – А через Якорный перекрыто.

– Я же говорил, – не упустил случая подколоть Джек. – А ты – «через Якорный, через Якорный».

– Ладно тебе, – проворчал Саган и насторожился. – Блин, какое-то тухлое ощущение... будто впереди... вроде прорехи.

Напарники пожали плечами, а Энца вытянула из сумки артефакт обнаружения монстр-объектов и показала:

– Рядом ничего.

Сразу несколько кристаллов тускло замигали молочно-белым светом, указывая три направления.

Саган выругался.

– Поднажмем, – сказал Джек. – Кажется, уже начинается.

Где-то в стороне центра в сумрачном небе города стали подниматься яркие цветы фейерверка. Праздник был в самом разгаре, и центр сейчас бурлил.

Все кристаллы артефакта горели, показывая присутствие монстр-объектов вокруг. Трижды их останавливали патрули добровольцев и каждый раз пропускали, услышав пароль. Саган только бессильно ругался.

В районе Северной заставы улицы были почти пустыми. Вокруг стадиона было навернякалюдно, но здесь, рядом с железнодорожным разъездом и присутственными местами, после окончания рабочего дня встретить кого-либо было сложно.

Поэтому когда впереди на мосту через железнодорожные пути показалась небольшая толпа людей, явно чем-то взбудораженных, остановился даже Джек.

– Кажется, дерутся, – с досадой сказал он. – Спустимся по откосу и перейдем по путям. Ну их к бесу, еще...

Он запнулся, прислушиваясь. В бурных воплях, доносившихся с моста, он уловил знакомые нотки и за плечо притянул Энцу к себе:

– Ну-ка, послушай. Это ли не голос Офелии?

В этом году Офелии исполнилось сорок девять. У нее была пожилая мама, которая с трудом помнила свое имя, замужняя младшая сестра с выводком детей, целый штат зеленой молодежи в подчинении, город, полный хулиганов, три кошки и шпиц.

Умирать ей было не с руки – кто же присмотрит за всем этим хозяйством?

Жаль, что ее никто об этом не спрашивал.

Бусины на одном из зачарованных колье рассыпались бесполезным дождем, кольца уже истратили заряд, как и цепи на шее. Офелия, стиснув зубы, держала щиты, изредка швыряя в просветы школьными «замиралками» – на большее не хватало сил. Попутно она поливала нападающих обещаниями самых ужасных кар, которые настигнут их, едва только сюда приедут маг-бригады.

Дюжина молодых и энергичных юношей явно были не в ее весовой категории. Ей и одного бы хватило за глаза. Только то, что они не собирались убивать ее, а всего лишь хотели обездвигить, дало ей возможность столько продержаться после того, как сбежали ее сотрудники. Несмотря на первоначальные уверения, что brave юноши с сине-зелеными повязками хотят доставить ее в какую-то «ставку» для «справедливого суда», Офелия им не особо верила.

Впрочем, насчет суда ребята уже не говорили – от их нецензурной брани закладывало уши.

В краткий миг передышки, когда они сверлили друг друга взглядами, Офелия вдруг подумала: ну что она, в сущности, уже немолодая и невесильная женщина, тут развевалась? Не умнее было бы сдаться в самом начале?

И почему-то вспомнилась встреча в кафетерии Института, перед самым увольнением Якова, когда тот сказал ей, что она дальше своего носа не видит... старый гад, наверняка уже что-то чувствовал или знал?..

Жаркий гнев опалил ее щеки, и Офелия, преодолевая одышку и колотье в боку, чуть повела щитами, расширяя их зону действия. Если сейчас резко раздвинуть их, а потом схлопнуть, высвобожденной энергией можно неплохо приложить...

Чернявый и тощий заводила, который сначала издевательски вежливо разговаривал с ней, вдруг взъярился и рявкнул:

– Да на хрен ее, ребята, загасим – и харе, скинем вниз, никто не узнает, блин, кому, мать его она нужна...

Договорить он не успел – позади него поднялась какая-то суматоха, а к Офелии прямо по перилам моста пробежала невысокая светловолосая девушка.

Спрыгнув по эту сторону щитов, девушка рубанула обеими руками наискось – Офелия от ужаса только и смогла рывком перевести щиты в один, чтобы отбить ее удар.

Тут же все нападающие рванули к ней, но сквозь них первым пробился длинный молодой человек и подхватил под руку. С другой стороны ее зацепила девушка и крикнула:

– Давай!

Они прыгнули. В полном ужасе Офелия упала спиной назад во тьму, сопровождаемая двумя сумасшедшими, крепко вцепившимися в ее плечи с двух сторон.

Она не смогла завизжать: открыла рот и подавилась своим криком, бессильно глотая воздух. Ветер бил ее в спину.

Кажется, Офелия даже на несколько секунд потеряла сознание. По крайней мере, сам полет она не запомнила, в себя пришла уже на земле, когда ей помогли встать.

Здесь тьма была густой, редкие шары светляков, которые висели на опорах моста где-то вверху, отсюда виднелись слабыми пятнами света.

Знакомый и донельзя неприятный голос ворчал над самым ухом:

– Как вам не стыдно, дорогая Офелия? Да вставайте уже, надо

уходить... Такое безобразие вокруг! Как вы это вообще допустили, я просто поражен до глубины души. Неужели вы и парочки взысканий не вlepили этим безобразникам?

– Джек?.. – неуверенно спросила Офелия.

Наверху что-то вопили.

– В сторону! – крикнул кто-то рядом, и в небо ударил огненный столб, разбившийся наверху пылающими брызгами. На мосту заорали еще громче.

– Твою мать, – выругался Джек, отряхивая одежду от искр. – Ты чего разошелся?

– Я ж нормально не могу без Анны, – виновато развел руками Саган. – Как получилось, так и получилось.

За руку ее осторожно подергали. Теперь Энца была похожа на себя: во время падения парик слетел с ее головы и короткие темные волосы топорщились во все стороны из-под съехавшей сетки.

– Как вы? – сочувственно спросила она. – Я вас напугала, извините.

– Что... что вы себе позволяете? – вдруг пришла в себя Офелия. – Да вы знаете, что за порчу городского имущества нам опять придут жалобы?

– Ой, это вы про перила, да? – огорчилась Энца. – Но вы вряд ли смогли бы перепрыгнуть, я их подрезала...

– Забей, – сказал Джек. – Рад, что вы пришли в себя, дорогая Офелия, но нам пора валить, пока нас тут не прищучили.

– Следите за языком, – сердито сказала дама, – что за детский сленг.

Сама же она мучительно раздумывала, насколько стоит сейчас благодарить их, учитывая, что Энца находится в розыске, а третий из этой группы только что применял магию, хотя у него, насколько Офелии помнилось, было ограничение по этому вопросу. И вообще это не совсем солидно, скорее всего она сама бы справилась.

Что вообще творится? Неужели... революция? Или мятеж?

Пока сумбурные мысли теснились в голове, Джек и Саган подхватили ее под руки и повели через пути.

Они рассказывали наперебой непонятно что, и Офелия вконец озверела от водопада глупостей, которые на нее изливались. Все это совершенно не вязалось с правильной картиной окружающего мира.

– Да к бесам, – сердился Джек, – наплевать, верите вы или нет. Эти молодчики по всему городу, они целый день мотались на глазах под видом добровольных помощников, а сейчас патрулируют улицы, сгоняют всех в центр и бес его знают, что делают еще. Мы едва дошли сюда... Стадион еще далеко?

– Не знаю, – Саган с другой стороны сопел, поддерживая Офелию за вторую руку. – Темно, блин, я запутался уже.

– Зачем стадион? – спросила в очередной раз Офелия и показала в небо. – Вот где сполохи, там подсветка этой... этого стадиона.

– Затем, что там будет... Они его ритуалом называют, но в переводе на человеческий, это будет массовое жертвоприношение, – сказала Энца.

– Стойте! – вдруг раздался не очень уверенный голос, и в ноздри ей ударил горький запах. – Отойдите от нее, а то!..

Саган рванул вперед, растягивая щит перед Джеком и Офелией, потому что перед ними из-за угла выскочили три человека. Иглистый шаримпульс сырой магии разбился о щит Сагана, и в то же время на головы нападавших сверху обрушилась Энца.

Офелия сориентировалась быстрее всех и завизжала:

– Не трогайте их! Не трогайте, это мои сотрудники!.. Пожалуйста...

Энца обернулась, поглядев на Джека через плечо. Мужчина, которого она опрокинула на землю, только хрипел, остальные не двигались под направленными на их шеи острыми широкими саблями.

– Отойти от них, Энца, – мягко сказал Джек. – Это свои. Надеюсь, вы свои?

– Мне вот тоже интересно, – кивнула Офелия. – Некоторое время назад вы очень резво удалились.

– Мы... ходили в отделение маг-бригады, – вставая на ноги, начал оправдываться рыхловатый мужчина. Он был немногим выше Энцы и сейчас с опаской косился на нее, отряхивая грязь с костюма.

Они вообще были одеты легко – все четверо, включая Офелию, но, кажется, вовсе не чувствовали холода.

– А что у вас в конторе случилось? А то мы все про себя, да про себя, – поинтересовался Джек, жестом призывая всех двигаться дальше.

– Они хотели нас захватить! – блестя глазами сообщил юноша, который кидал в них шаром. – Пришли с автоматами, и говорят: «Сдавайтесь, мы вас судить будем!» А Офелия им – бац! И они упали! А потом мы запечатали здание и собирались идти в мэрию, и нас по дороге другие остановили...

Юноша замялся, неловко проведя по вихрастой темной шевелюре ладонью.

– Ну и мы побежали в маг-бригаду, чтобы за помощью... – сказал он.

– И где полиция? – сердито спросила Офелия.

– Там только дежурный, – виновато ответила девушка. Высокая и светловолосая, она сильно сутулилась, обхватив себя руками. – Сказал, что

сегодня все на патруле и передал по рации нашу заявку. Хорошо, что у Алегаро было с собой служебное удостоверение.

Саган немного расслабился – пусть и не боевые, но все же четыре мага в поддержке, плюс авторитет Офелии – чем не маленькое войско?

А вдруг еще и все получится? Вот будет занятная история.

Джек не разделял его оптимизма. Он с тревогой смотрел на небо – там, где алые проблески отражались на низких тучах, сменяясь полосами ровного белого света, и даже перестал ворчать. Энца, напротив, нервничая, говорила все больше. Спрашивала, сможет ли Саган разобраться с запорами, о которых говорил Унро. Постоянно проверяла артефакт и показывала его Офелии, рассказывая, что он сильно фонил в центре, и там может быть прорывы. Офелия не верила. Когда Энца снова начала говорить о запирающих амулетах, Джек взял ее за руку и немного встряхнул, успокаивая.

Они опоздали. Все началось намного раньше, чем рассказывал Унро.

Несмотря на удостоверения, на машинах через центр их не пропустили. Артемиус и Яков поругались с полицейскими, стоящими на кордоне, но те стояли намертво.

– Все равно не проедете, – убеждал их старший смены. – Там народу столько сегодня, едва разруливаем.

Попробовали по рации передать сведения о стадионе, но охват сигнала был невелик, всего несколько кварталов. Полицейские развели руками – мол, с утра, как проблемы были со связью, так и у них с рациями тоже непорядок, не пробивает сигнал далеко, и все тут.

Подсказали маршрут объезда, и на этом разошлись.

Стоило только пересечь реку, как штатные уловители в машинах стали регистрировать множественные прорывы в черте города – до того вода искажала сигнал. Артемиус послал несколько человек разобраться и подключить местные маг-бригады, и дальше рванули еще быстрее.

То, что прорывы появляются, еще не значит, что ритуал начался. Прорехи и откаты могут быть сдвинуты во времени в обе стороны. Хуже всего, что улицы переполнены, и нет никакой координации... Объявлять тревогу? А кто сможет остановить панику и давку?

Пока Артемиус стремительно вел машину, сгорбившись над рулем, Яков и Ворон, которого они взяли с собой, препирались на заднем сидении. Ворон считал, что нужно разделиться – половине остаться тут и зачистить прорвавшихся, Яков полагал, что силы понадобятся в дальнейшем и разделяться не стоит.

Вот дальнейшее и показало, что правы в равной степени были оба. Жаль, что они могли располагать только ограниченными ресурсами: в их подчинении сейчас оказалось всего полторы дюжины магов.

Их остановили на подъездах к Северной заставе, отнимая и без того малые крохи бесценного времени.

Стадион был крытый, и внутри практически ничем не отличался от других ему подобных. Футуристический дизайн коснулся только крыши.

Проникнуть туда оказалось легко. Но внутренние двери, ведущие к арене были заперты и запечатаны.

Воздух был сухой и стылый, куда холоднее чем на улице. Пахло смазочным маслом и немного паленым пером.

Тихо, только издалека невнятный гул.

Ни персонала, ни охраны нигде не было, официальной по крайней мере. А вот члены – Лиги? Свободной ассамблеи? – стояли на страже. Четверо молодых людей с независимым видом слонялись у стоек гардероба.

Препираясь друг с другом, к какой организации относятся мятежники, группа под руководством Джека подошла к ним. Джек, отставив в сторону Офелию, грозно спросил парней, чего они прохлаждаются. Назвал пароль и потребовал показать проход на арену.

– Так нельзя же, – удивился один из них. – Там все опечатано.

– Я же тебя не учу, что делать? – высокомерно спросил Джек. – Мне внутрь и не надо, мы пришли проверить печати. Был сигнал, что диверсия.

Парни ошутимо побелели. Один поспешно снялся с места и повел компанию в нужном направлении.

Джек через плечо кивнул Сагану, и они с Энцей задержались.

Саган хладнокровно вырубил поочередно всех троих, пока Энца держала клинки у их лиц. Плетение «сон-в-коробке» было довольно сложным и энергоемким, зато эффективным. Атакуемый погружался в здоровый и крепкий сон, вывести из которого можно было только по сигналу, который вплетался в ткань изначальных чар.

Невольным проводником пришлось заниматься Офелии – ее подчиненные трусили, а Джек разве что размазать по стене его мог.

Снять наложенные запоры с дверей удалось не сразу – не один Унро, видимо, готовил печати. Зато проход, через который удалось проникнуть внутрь, был удачным – он вел под трибунами сразу на арену.

Выход для спортсменов и выступающих... замерев под прикрытием стены, они стояли, на мгновение оцепенев от происходящего.

По периметру зала, вдоль ограждения арены, были установлены артефакты – Алегаро просканировал их и доложил, что это ограждение, которое отпугивает монстр-объекты и создает электрический барьер. Двойная защита, чтобы никого не выпустить.

То, что творилось на самой арене разумом не воспринималось. Люди – те, которые пришли на концерт, столпились в широкой части арены, сгрудившись в плотную толпу. От входов их отрезали монстр-объекты.

Медлительные, пока равнодушные к людям, они жуткой массой закрывали почти все пространство, массивные и маленькие, лысые и волосатые, самых разнообразных цветов и форм – глазу не за что было зацепиться, он терялся в этом множестве.

В шорохе, шелесте и невнятном гуле, который издавали чудовища, едва было слышно людей. Они не двигались, но жутко, пронзительно плакали и выли. Кто-то звал на помощь, тоненьким отчаянным голосом.

Офелия даже схватилась за сердце – от этого голоса, полного безнадежной тоски, закололо в груди.

Где-то впереди, на трибунах фонил невидимый, но мощный артефакт – его чувствовали все маги, даже Энца и Джек. Искривленное, сквозящее рядами разновеликих прорех пространство под ним было видно невооруженным взглядом.

Еще немного и прошедшие сквозь прорехи монстр-объекты наберутся сил и начнут нападать.

Вот это имел в виду Унро, когда сказал, что все погибнут?

Энца отклонилась назад, чтобы за спиной Джека увидеть Сагана. Поймав его взгляд, качнула головой в сторону арены. Саган коротко кивнул, и они синхронно скользнули вперед, вставая плечом к плечу.

– Мы отвлечем, – тихо сказала Энца, а Саган в это время уже шептал, сплетая из слов чары.

Потом он коротко проинструктировал Энцу, а Джек попытался передать ей часть сил, сбиваясь.

– Подождите... – начала было Офелия, а Констанс за ее спиной ойкнула:

– А как же вы?..

Вместо ответа Саган поднял над плечом кулак и скомандовал Энце:

– Давай.

Энца не глядя подняла свой кулак – и едва они соприкоснулись, жаркая алая мантия пламени укрыла обоих.

Констанс взвизгнула, и Саган глухо сказал:

– А теперь станцуем.

– Давай «Концепт-вальс», на раз-два-три, – отозвалась Энца, и спустя миг они отшатнулись друг от друга, одновременно взмахивая – Энца пламенеющими клинками, Саган двумя цепами.

Оружие вычерчивало круги, ровные, непрерывные, завораживающие. Джек на миг замер, как и остальные, глядя на невыразимо прекрасное и совершенно уместное выступление двух мастеров боя.

Боялись ли они? Сражение было у них в крови. Энца и Саган могли быть какими угодно в обычной жизни, и только на этой грани становились самими собой – чем-то другим, выше и страшнее человека.

Двигаясь плавно, под неслышную музыку, зеркально повторяя друг друга, Энца и Саган расходились в стороны, танцуя, словно в старые добрые времена.

Тихий шорох шагов, гудение огня и шипение – там, где падали капли пламени с оружия. Горящие фигуры выглядели едва ли не страшнее чудовищ из заповедья. В толпе отчаянно зарыдала женщина.

Пляска смерти привлекала монстров, те сползались, подтягивались, подходили ближе. Должно быть, так же медленные извивы змеиных тел гипнотизируют мелких зверей.

Джек очнулся первым, толкнул Офелию.

– Идем, нужно выводить людей. Эти двое сейчас крошить начнут. Мелкота, сделайте щиты, будете укрывать людей.

История тридцать четвертая. Штопальщики и сражения

Джек практически пинками заставлял соратников проходить вдоль ограждения арены, потому что только Офелия ничего не боялась, остальные инстинктивно пытались вернуться и спрятаться. Даже презрительные приказы начальницы едва помогали.

Она уверенно шла, одной рукой держа на отлете небольшой щит, и попеременно то прикрикивала на бредущих гуськом позади нее сотрудников, то громко сообщала толпе впереди:

– Держитесь! Помощь идет! Сохраняйте спокойствие!

Джек шел в арьергарде и подталкивал Алегаро, который норовил остановиться и вжаться в пластик ограды.

– Офелия! – крикнул Джек. – Вы чудесная женщина, я беру назад все слова, которые думал про вас раньше!

Не оглядываясь, она показала ему кулак.

Тем временем Саган и Энца начали избиение – иначе это и назвать было нельзя. Огненная мантия соскользнула с Энцы, и она, расширив клинки, вертелась смерчем в самом центре арены, а Саган сконцентрировал огонь на своих цепях и теснил чудовищ в сторону от людей.

Звать Энцу было бесполезно – сейчас она выпала из этой реальности, а вот Сагана Джек попросил расчистить коридор.

Тайну они поставили держать щиты перед людьми – парень отчаянно трусил и так же отчаянно пытался этого не показывать. Констанс повела первую партию к выходу, а Офелия контролировала порядок, без колебаний швыряя электрические импульсы в самых нервных.

Джек хотел было подколоть ее насчет уважения к мирному населению, но передумал. Спросил у Алегаро, который помогал поддерживать щиты между монстр-объектами и движущимися людьми:

– Ты вроде в артефактах понимаешь?

– Да, я заканчивал курсы по спецификациям, – подтвердил Алегаро.

«Индюк», – подумал Джек и ухватил его за плечо.

– Офелия! – крикнул он. – Мы поднимемся наверх, надо посмотреть, что создает прорехи.

– Только без фокусов! – крикнула в ответ Офелия и закашлялась.

– Вы тоже берегите себя, – не остался в долгу Джек и потащил Алегаро к ближайшей лестнице на трибуны.

По дороге мужчина пытался объяснить Джеку, что охранный цепь очень сложная и крепкая, а он не специалист по обезвреживанию, и вообще не рекомендуется трогать артефакты, созданные не по государственным стандартам. Джек его не слушал.

Чтобы доказать Джеку, что он не прав, Алегаро взялся за охранный цепь, и спустя минут двадцать, изумленно разглядывая свои руки, которым удалось – хоть и на время, но все же! – разомкнуть сложнейшую цепь незнакомых артефактов, спешил за ним по трибунам вверх. Поднявшись до среднего уровня, они побежали вперед, огибая арену. Фоново на противоположном конце.

Алегаро почти не замечал одышки и резкого колотья в боку – кровь бурлила словно шампанское. «Это, что ли, адреналин?» – удивленно думал он. На самом деле, это был Джек, который очень осторожно – сказывались сеансы в больнице, когда он делился энергией с Елизаветой, – подправил его энергетический баланс.

Через какое-то время Алегаро пришлось идти впереди: он точнее чувствовал направление. По дороге сделали крюк – обходили черную лужу.

Джек замер было над ней, вглядываясь в глянцевую ровную поверхность, но охваченный ужасом Алегаро потянул его в сторону. Этот вид прорех действовал в другую сторону – провалившихся в «лужу» можно было вытянуть, но для этого требовались усилия нескольких человек. Межпространство держало крепко.

Они пыхтели, перебираясь через скамьи, и Джек размышлял вслух:

– Не оставили охраны внутри, значит, это было опасно... и не нужно. Почему? Почему не нужно? А если вот как мы, кто-то проник, чтобы отключить...

– Не все артефакты можно отключить, – несмело вклинился в рассуждения Алегаро. – Я занимаюсь этим по работе, знаю. У этого, например, отрицательный потенциал. Его не закрыть плетением или заклинанием. Ему нужно определенное количество энергии для активации... или чтобы свернуться.

Джек запнулся о скамью и внимательно посмотрел в спину Алегаро.

– Ага, – сказал он. – Ну что ж, может быть... фонит сильно, искажения допустим, если энергии нужно столько, сколько даст смерть целой арены людей и монстров, то охрана и не нужна, верно? К чему охранять то, что нельзя остановить?

Осторожно перешагнув через небольшие – в две ступни, – черные лужи, они остановились у простой обувной коробки.

Это было даже смешно.

Учитывая размах мероприятия, количество вовлеченных людей, длинный шлейф смертей – и всего лишь обувная коробка, с надорванной крышкой, с рунами на боку, начерченными маркером.

Фонила именно она.

– Ну... вот, – пробормотал Алегаро. – А нам-то что теперь делать? Откуда столько лишней энергии взять? А?..

Джек повернулся к нему и широко, обаятельно улыбнулся.

– Что, парень? – и хлопнул Алегаро по плечу. – Сумеешь разобраться с устройством этой адской машины для спасения мира? Мы с тобой сейчас ее прикрутим.

– Нет, – покачал головой Алегаро. – Нет-нет, вы что. Это очень сложный артефакт, нужно вызывать специалистов из Института... нам нельзя трогать – вдруг что-то не так пойдет? Да и вообще можно испортить.

Они уже стояли перед этой вещью, и Алегаро не мог подавить невольную дрожь, ощущая исходящие от нее волны, которые колебали саму материю мира. В них был ритм – неизменный и тошнотворный, от которого

стучало в ушах.

– Это риторический вопрос, – спокойно сказал Джек. – Тебе деваться некуда, сам сказал, что спец по артефактам. Кого еще мне сюда звать? Офелия наверняка не отличит, где у этой штуки верх и низ.

Он скинул куртку и закатал рукава рубашки.

– Ну так что, куда тут силу прикладывать? – спросил он.

– Нет, Джек, – снова покачал головой Алегаро. – И не настаивайте. Это опасно. Я не совсем понимаю его устройство и назначение... Но то, что вижу, говорит о том, что им нельзя управлять, пока он не будет заряжен. Думаю, что контур вокруг арены – это аккумулятор и передатчик... Я не знаю, какой потенциал у вас, но этот артефакт, насколько я вижу, почти бездонный.

– Да ладно, – усмехнулся Джек. – Тогда он практически создан для меня...

Он запнулся и другим взглядом посмотрел на коробку.

– И... может быть, так и есть, – протянул он. – Почему бы и нет... Не тяни, Алегаро, давай работай.

Неожиданно резкий и злой тон Джека обескуражил мужчину.

– Посмотри назад, – продолжил Джек. – Все что-то делают, и это опасно. Поэтому давай впрягайся и начинай потрошить эту штуку.

– Нет, – еще раз повторил Алегаро. – Вы просто себе не представляете, что может произойти. Вы не специалист и не понимаете...

Джек резко ухватил его за воротник и подтянул выше, почти нос к носу.

– По-моему, я все объяснил, – прошипел он. – Каких еще специалистов ты ждешь, придурок? Тут только мы с тобой, и никто больше не придет... некому прикрывать твою задницу, ясно?

Джек насильно заставил его склониться к коробке, Алегаро сначала испугался: «Псих, точно псих!», потом лицо словно окатило ледяной водой – кожа онемела от близости к источнику темной магии.

– Я сейчас набью тебе морду, – тихо сказал Джек, и ухо Алегаро противно защекотало. – А потом скажу Офелии, что ты провокатор и диверсант. Тебя посадят и до конца жизни ты будешь сожалеть о своей трусости.

– Можете угрожать чем хотите, – с достоинством сказал Алегаро, хотя голос его немужественно дрогнул, – но я не собираюсь...

Джек оттолкнул его и процедил:

– Вали отсюда.

– Что? – растерялся Алегаро.

– Вали, говорю. Я сам все сделаю.

Мужчина развернулся и пошел. Несмотря на то, что он, кажется, выиграл в этом споре, никакой радости от этого не было. Было стыдно.

«Ведь он же не знает, как строить защитный контур, – сердито думал Алегаро. – Ну зачем вечно дилетанты лезут куда не надо? Схожу сейчас в патрульное отделение за мостом, вызову там специалиста. Надеюсь, этот ничего не успеет испортить...»

Алегаро искоса посмотрел назад, едва не споткнувшись на ступеньке.

– Чего вернулся? – недружелюбно спросил Джек, подковыривая пальцем крышку коробки.

– Вы чего?.. ты чего делаешь? – задыхаясь, возмутился Алегаро и отбросил его руку от артефакта. – Разве можно нарушать целостность объекта? Может случиться выброс, тут столько тогда новых прорех и брешей появится!..

Джек поднял руки вверх, показывая, что он больше ничего не трогает, и с затаенной усмешкой стал наблюдать за суетой мужчины. Алегаро тоже сбросил пиджак, вытащил из кармана шариковую ручку и начал чертить на полу круг, обрамленный поясом рун. Ручка глубоко вдавливалась в деревянные крашенные доски, но тонкий след был едва виден.

– Это будет защитный и передающий контур, – сопя, сказал Алегаро. – Вы... ты встанешь сюда. Может быть... я не совсем правильно рассчитал формулу переноса, но придется потерпеть. Принимающий контур вокруг артефакта я сейчас изменю, чтобы он ориентировался только на вас, а не на стадион. Можете уже вставать. Я буду контролировать разницу потенциалов, и как только... как только артефакт наполнится энергией и им можно будет управлять, попытаюсь его дезактивировать.

– Отлично, – без колебаний шагая в круг, сказал Джек.

В кончиках пальцев закололо, и легкая тошнота заставила его поморщиться. Алегаро на миг замер, глядя на Джека с ужасом и восхищением.

– Ты рисуй давай, – произнес Джек. – Хватит пялиться. И да, посмотри, что там на арене? Я отсюда не вижу.

– Все в порядке, – Алегаро бегом вернулся, выглянув из-за бортика – Людей почти вывели.

– А ребята?

– Не обратил внимания. Да, вроде бы продолжают зачистку.

Джек скрипнул зубами, досадуя на бестолковость Алегаро. Тот одышливо сопел, углубившись в начертание знаков. Закончив с этим, он сел на корточки рядом с артефактом и сосредоточился на происходящем

переходе энергии.

Тошнота нарастала, и сковывающая тяжесть ползла по ногам вверх, но иных ощущений у Джека не было. Грешным делом он начал было думать, что все обойдется легко.

– Удивительно, – бормотал Алегаро. – Просто удивительно. Практически сопоставимая мощь, это же надо... а я не верил... ого... Джек?

– Ну?

– Этот артефакт имеет связи с внешними объектами. Нет, подождите ругаться. Связи номинальные, не активированные. Еще два – скорее всего таких же – артефакта были с ним связаны крепко, а сейчас одна связь осталась эхом, а вторая... вторая еще ощущается.

– Б-бес его возьми... Насколько они далеко отсюда?

– М-м... – Алегаро задумался, потом прикрыл глаза, мысленно следуя за призрачным золотым лучом, которым ему представлялась эта связь. – Далеко. Не в городе, точно. В разных направлениях, туда и туда.

Алегаро махнул рукой.

– Похоже, ты показываешь в сторону столицы. Эта связь сильная?

– Нет... в ту сторону слабая.

– А... – начал было Джек и запнулся.

Алегаро медленно встал, проследив за его взглядом. По трибунам сверху спускались четверо: крупная светловолосая дама в меховой накидке, плечистый молодой человек и два невзрачных тощих мужика, похожих как братья. Все, кроме дамы были магами.

– Сколько еще осталось? – вполголоса спросил Джек.

– Думаю, меньше трети...

– Ой, – удивилась женщина, когда компания поравнялась с артефактом.

– А тут разве кто-то должен был оставаться? Господин координатор сказал, что никого не будет.

Один из невзрачных по-волчьи ослабил, и Алегаро невольно шарахнулся в сторону.

– Сашенька? – наугад спросил Джек.

– Здравствуйте! – широко улыбнулась женщина. – Извините, я вас не помню.

Глаза у нее были очень светлые, с крошечными точками зрачков. Она кивала и улыбалась как кукла – очень добрая, дружелюбная и пластмассовая.

– Убираем, – тускло скомандовал парень. – Наверняка они же положили охрану у входа. Мартин, Вайсен, займитесь.

– Ой, – расстроилась Саша.

Один из мужчин подошел к барьеру, взглядывая на арену, и выругался.

– Он... мой, – прошипел за спиной Джека низкий и полужнакомый голос. – Он мой... но пустой почти... почему ты пустой?

Спину закололо, и Джек вздрогнул, едва не отпрянув назад, когда перед ним встала ведьма.

– Госпожа Штефания, – осторожно сказал один из мужчин. – Вам знакомы эти люди?

Ведьма едва была похожа на ту красивую, полную силы и уверенности женщину, которую запомнил Джек по той ночи в парке. Потрескавшиеся впалые губы, синеватый язык, то и дело пробегавший по ним... темные провалы глаз, натянувшаяся как пергамент кожа, вся в трещинах, сквозь которую сквозила сукровица...

Или прекрасная рыжеволосая девушка, с ярко-синими глазами?

Она дернулась, по-птичьему повернув голову, когда мужчина повторил свой вопрос.

– Это Джек, – сказала она. – Мой. Но что-то тут мешает, не могу пройти.

Алегаро боялся даже дышать, двигаться и просто стоял как столб, когда мужчины медленно обошли артефакт, разглядывая начерченные им знаки.

– Они замкнули балансир на этого парня, – ровно сказал один из невзрачных. – Его нельзя трогать сейчас, но как только насыщение завершится, запустим как планировали.

– Я ключ взяла, – торопливо подтвердила Саша и снова разулыбалась. – Все в порядке, Мартин. Ой, я так рада, что не надо запускать арфу смерти...

– Замолчите, – прервал ее Мартин.

Алегаро в это время в ужасе смотрел на Джека. Арфа смерти – еще один старинный боевой амулет. Мгновенная гибель всех незащищенных от него существ. Алегаро не почувствовал и отзвука от него – вот и специалист...

– Я не хочу, чтобы он пустой был, – протянула ведьма, и Алегаро, у которого от звука этого голоса волосы встали дыбом, вздрогнул.

– Госпожа Штефания, – успокаивающе сказал Мартин. – Мы же договаривались, что...

Он запнулся, закашлялся и согнулся пополам, раздираемый мучительным кашлем. Алегаро едва не стошнило, когда Мартин завыл, продолжая кашлять – уже багровыми сгустками, и кровь хлынула разом из

носа и ушей. Саша всплеснула руками, но никто не двинулся ему на помощь. Видимо, с ведьмой связываться боялись все.

– Ты мне не нравишься, – равнодушно сказала ведьма.

Она засунула в рот пальцы и задумчиво грызла серые изломанные ногти, оглядывая оставшихся людей.

Потом насторожилась и бросилась к перегородке, заглядывая на арену. Джек застонал сквозь зубы.

– Сколько... еще осталось? – торопливо спросил он у Алегаро.

– Она там-там-там-там, – затараторила ведьма одновременно с Алегаро, который вскрикнул:

– Не трогайте меня, пожалуйста, только не трогайте меня!

Парень, который скомандовал убрать их, держал Алегаро за плечо и, скривившись, осматривал. Потом он толкнул беднягу к ведьме.

– Забирай его, Штефания, – сказал он. – Этот парень нарисовал штуку, которая мешает тебе забрать Джека.

Алегаро только захрипел, когда ведьма крепко обняла его и присосалась к губам.

– Оставь его, – сказал Джек. – Оставь, я сам... сам к тебе выйду.

Но ведьма спешила – отбросив тело Алегаро, она понеслась вниз, шатаясь и едва не падая. Рот ее был в крови, и она повторяла: «там-там-там».

– Пофиг, – проводив ее взглядом, сказал парень. – Саша, давай ключ. Еще немного, и балансир будет заряжен.

Джек хотел шагнуть в сторону – теперь, когда Алегаро лежал лицом вниз у рун, которые совсем недавно чертил, останавливать артефакт было некому. И заряжать, значит, незачем.

Ноги не сдвинулись с места. Второй невзрачный мужик шевельнул пальцами, усиливая останавливающее плетение – а Джек, как всегда, и не почувствовал, когда на него набросили чары.

На спине Алегаро темными пятнами проступала кровь – там, где ведьма вцепилась в него пальцами. Рука с посиневшими ногтями лежала прямо на поясе процарапанных рун. Джек бессильно смотрел на него... и о том, что сейчас будет на арене, боялся и думать.

Мужчина, которого наказала ведьма, затих, лежал скрючившись на полу, но никто не обращал на него внимание.

Голова кружилась. Все-таки, оказывается, Джек совсем не всемогущий. Надо же. А ведь почти поверил в свое безграничное могущество.

Вот дурак.

Энца была ветром, была вихрем, была режущей кромкой. Первый раз за долгое время она находилась там, где нужно, и делала то, что умела лучше всего.

Не нужно было думать о том, как она выглядит со стороны, следить за движениями – тело двигалось само, и жаль было только того, что нельзя расширить клинки так, чтобы они захватили все пространство...

Люди ощущались многоглазой пестрой массой где-то на краю сознания, и когда эта масса начала таять, стало легче. Саган пылал, стремительно перемещаясь, но он не мешал.

Он был такой же.

И некая часть внутри Энцы просила попробовать его на зуб, узнать, так ли быстро он сломается, как остальные.

Монстр-объекты ускорялись, начинали нападать сами, и ее кровь пела в жилах, дурманя голову. Они цепляли ее, умудрялись прорвать оборону, сбегали в сторону открытого прохода, куда ушли люди. Если бы Джек смотрел, он бы признал, что это, наконец, настоящий бой, где стороны равны.

Хотелось летать.

Правда, Энца не была уверена, что летать будет так же здорово.

Когда все закончилось, Энца просто из интереса порубила пластиковую ограду арены... и опомнилась.

На противоположном конце арены Саган заголошно бил руками по макушке – случайно подпалил волосы.

Энца кулем осела на разодранное, залитое кровью и слизью покрытие пола, разом теряя силы.

Осознание окружающего возвращалось толчками, постепенно. Подпаленные рукава куртки – несмотря на уверения Сагана, что пламя ее не тронет. Пахло гарью, едко, до слез, но сквозь этот запах пробивались другие: крови, пыли, пота.

Было тихо, только где-то впереди, на трибунах разговаривали.

Руки тряслись, но, кажется, удалось не уйти в минус.

Энца вдохнула поглубже и встала. Надо идти узнавать, как там Джек. Сагана тоже проверить, мало ли... что.

Саган уже стоял перед ней и кривовато улыбался. Как быстро добрался.

– Как ты? – спросил он.

Энца молча отступила назад.

– Ты ранена? – спросил он и схватил ее за правое плечо.

– Энца! Энца, отойди! Это не я!

Отчаянный крик Сагана не застал ее врасплох, а вот ведьма, что глядела ей прямо в глаза, вздрогнула и вонзила Энце в плечо когти. Ледяные пальцы прошли в мякоть мышц, и по руке стремительно побежали струйки крови.

Лицо Сагана, удивленное и совершенно обычное, расслаивалось, выцветало, протаивая местами как весенний лед, и в проталинах была видна темная потрескавшаяся кожа.

– Я знаю, – тихо ответила Энца, – ты попалась.

И взмахнула левой рукой снизу вверх, разрубая тело ведьмы наискось. Высохшее потрескавшееся лицо ведьмы исказилось в ярости, но Энца обратным движением клинка отсекала голову и резко оттолкнула части тела в разные стороны.

Судорожно выдрала окостеневшие пальцы ведьмы из своего плеча и разрубила остальное еще на несколько кусков.

В уме она уже проделывала это сотню раз. Последовательность действий для упокоения ведьмы они продумали еще неделю назад, перечитав всю информацию, которую им удалось найти самим, и то, что присылал Яков.

Саган, прихрамывая, бежал к ней, оскальзываясь на телах убитых чудовищ.

– Что... что это за баба? Я подумал, что это кто-то из посетителей заблудился, – задыхаясь, выпалил он. – А она – бац! И стала мной... я думал, что все, крыша поехала...

– Это ведьма, – коротко ответила Энца. – Погоди, я сейчас все сделаю как надо. Хорошо, что она тебя не убила.

– Ну да, – согласился Саган. – Другой бы кто спорил. По-моему, очень хорошо. А... ты как узнала, что это не я?

Энца молча вытянула из-за ворота амулет – прямоугольную лакированную рамку, с натянутой на нее паутиной ниток.

– «Кошкин горб»? – прищурился Саган, который был не очень силен в старинных амулетах.

– «Кошкина спина», – поправила Энца. – Чтобы ведьма глаза не могла отвести.

– Ну, здорово. Вы и вправду подготовились, да? Тебе помочь?

Энца внимательно посмотрела на него.

– А ты сможешь ее поджечь?

– Ну... наверно, – неуверенно сказал Саган. – Если ты снова подстрахуешь, чтобы я лишнего не выдал. А... она точно умерла?

– Нет, – сказала Энца. – Не умерла. Ну, то есть, она давно умерла как

человек, а как ведьма – нет. Мы ее только упокоить можем, и потом еще кости нужно будет отвезти в специальный могильник.

Энца вздохнула, потом достала из кармана мешочек с небольшими ржавыми гвоздями и начала прибивать ими тень ведьмы к настилу.

– Я пока посмотрю, не пропустили мы кого тут, – пробормотал Саган и пошел прочь.

На самом деле его замутило: случайно бросил взгляд на останки. Из тела ведьмы не вытекло ни капли крови. Иссохшие серо-коричневые внутренности походили на слежавшийся мусор, покрытый плесенью, а кожа расплзалась на глазах, покрываясь глубокими трещинами с бурым дном.

– Вы не бойтесь, – ласково сказала Саша, и даже подошла ближе, чтобы погладить Джека по щеке. У нее были теплые мягкие пальцы.

Потом она достала платок и промокнула каплю крови – Джек слишком сильно закусил губу.

Будь он в обычном состоянии, уже был бы свободен, надолго его мало что могло задержать. А вот сейчас... сейчас, кажется, он достиг так давно желанного уровня «совсем-как-все».

Только оно ему к бесам не нужно было.

– Бур, внимание, – тихо сказал мужчина. – Готовьте ключ, артефакт почти готов.

Та вещь, что они называли ключом, была обыкновенной медной шестерней, толстой, в ладонь размером.

Ко всем неприятным ощущениям вдруг добавилось колотье в ногах.

– Меня тошнит, – сказал Джек. – Сейчас блевать буду.

Мужчина мельком глянул на него, и мучнисто-белая физиономия Джека заставила его поморщиться.

– Сглотни, придурок, – равнодушно сказал он. – Еще минута, и делай что хочешь, хоть с крыши прыгай.

Но все-таки отошел подальше, и Джек понадеялся, что его блеф удался.

– Все будет хорошо, – проворковала Саша. – У меня пакетик есть, сейчас достану. А вот когда механизм заработает, то мы залечим все дыры нашего бедного мира. Тут балансир, а там...

– Александра! – рявкнул мужчина.

– Ой, – засмеялась Саша. – Я нечаянно. Забыла, что нельзя говорить. Хорошо, что чары сняли, а то я бы умерла.

А вот Унро знал, что умрет, и все равно, сквозь одышку и боль

выдавливала слова, пытаясь обогнать смерть. Джек сжал кулаки, вспоминая.

В это время мужчина крикнул:

– Пора! Давай, Бур!

Колотье дошло до коленей и взорвалось вспышкой боли.

Джек едва не упал, но Саша с готовностью подставила ему свое плечо, тут же подсовывая к лицу целлофановый пакет. Согнувшись, Джек на миг замер, ожидая, что круговерть в голове уgomонится – но времени... времени на это не было.

Он рванул вперед, отталкивая непрошенную помощницу в сторону, и навалился на мужчину, который был гораздо ниже его ростом и тщедушнее. Джек припечатал его спиной к скамье и, не давая прийти в себя, двинул лбом в лицо.

– Щас, погоди! – кричал Бур. – Я щас эту штуку запущу и прибью урода! Слышь, Вайсен?

Вайсен обмяк, и Джек встал на ноги, подхватив с пола свою куртку. Саша горестно всхлипывала, упав навзничь и ударившись. Она не пыталась встать, только свернулась клубком у ограждения и укрыла голову руками.

Бур выругался:

– Блин, что такое? Вайсен?.. Не работает! Мать его, не работает! Почему контур сворачивается? Эй! Что за... Ах ты, ублюдок...

Парень покачнулся и уперся руками в колени, тяжело дыша. Лицо его мертвенно побелело, покрылось мелкими каплями пота.

– У... урод, – простонал он. – Я думал, ты сдох...

Он шагнул в сторону лежащего Алегаро, но Джек не дал ему двинуться дальше, бросил куртку ему в лицо и, нырнув следом, сбил противника с ног. Джек не знал, действовал ли на Бура артефакт, или же Алегаро сумел сплести какие-то чары, но отрубить мага оказалось сравнительно легко, тот потерял сознание уже после второго удара в челюсть.

Потом Джек опустился на корточки рядом с Алегаро, и едва не упал вперед: снова закружилась голова.

– Эй, ты как? – спросил Джек.

Алегаро застонал, пытаясь приподняться.

– Ужасно, – ответил он. – Просто хуже не бывает.

– А ты крут, – с одобрением заметил Джек и задержал дыхание – едкая желчь поднялась к горлу, и его едва не вывернуло на самом деле.

– Я пережму контур на этого человека... как только он наступил на руны, и чары с тебя перешли на него... ну и тянуть из него стало тоже, – сказал Алегаро. – Пока он запускал ключ, я... нащупал управляющее

плетение и выключил артефакт.

«Да уж, – подумал Джек. – Как-то я упустил из виду, что Офелия вряд ли стала бы держать у себя в отделе слабаков. Хоть и индюк, а маг он сильный».

Алегаро со стоном поднялся и сел рядом, обхватив голову руками.

– Кровь не останавливается, – пожаловался он. – Течет и течет по спине. Я, наверно, умру, да?

Его рубашка и в самом деле пропиталась кровью почти до самого пояса.

– От такого не умирают, – на всякий случай соврал Джек. – Давай, надо вставать. Найдем тебе врача. Небось, эта дохлая кошелка руки лет сто не мыла. К тому же...

Алегаро, к счастью, не был в курсе того, кто такая Штефания и чем ему грозят раны на спине, иначе бы ему стало только хуже.

Охая и помогая друг другу, они встали и медленно начали спускаться по лестнице.

– Ты цепь-то разомкнешь? – спросил Джек.

Алегаро презрительно фыркнул.

– Я только что остановил этот самый балансир, – сказал он. – Жаль, что не дали договорить этой женщине, она чуть не выболтала, какие еще части есть... я же говорил, что артефакт с чем-то связан...

Алегаро шел медленнее, все больше обмякая и наваливаясь на Джека. Язык заплетался, как и мысли, но Джек улавливал в его монологе интересные рассуждения.

– Может, связи – это пространственная свертка, соединяющая детали большого механизма... какого? Если балансир... то часовой механизм? У Шенке было похожее устройство... турбийон, которым он прорвал пространство. Но с одним из компонентов связь оборвана. Может быть, тоже остановили, как мы. Интересно, Офелия поверит? Мне бы премию в этом году... а то на зимние праздники Лена хотела поехать куда-нибудь, а денег нет...

– Я подтверждаю, не переживай, – пообещал Джек. – Ты, главное, ноги переставляй, потому что нести я тебя не смогу.

– Почему? – удивился Алегаро.

– Потому что ты мужик. Представляешь, как я буду выглядеть? Ужас. Я лучше тебя оставлю тут где-нибудь, чем буду позориться.

Джек болтал глупости только потому, что чувствовал невыразимое облегчение. Внизу, на арене его маленькая напарница деловито прибавала тень ведьмы гвоздиками.

Плохо было, что правой рукой она не двигала и постоянно морщилась. Но главное, что она была жива. С рукой можно будет разобраться.

И Саган, кажется, был цел. Он бродил по арене, усеянной тушами, и внимательно оглядывался.

– Ты как? – спросил Джек, отпуская Алегаро.

Тот сразу же сел наземь, опуская голову между колен – от большой кровопотери он был на грани обморока. Соседство мертвого монстр-объекта его уже не пугало.

Энца серьезно посмотрела на Джека и выпрямилась.

– Я все сделала, – спокойно сказала она. – Почти как планировали, только зацепила она сильнее. Саган обещал запалить ее тело, но боится, что переборщит.

Она помолчала и тем же тоном произнесла:

– Я рада, что с тобой все в порядке. Я боялась, что раз ведьма шла с вашей стороны, то... ну... У вас все получилось?

Джек шагнул ближе и обеими руками очень осторожно обнял ее. Энца уткнулась лбом ему в грудь и вздохнула.

– Сейчас ведьма оживет и схватит тебя за ногу, – пробормотала она.

– Один-то раз можно, – сказал Джек, имея в виду вовсе не ведьму. – Все-таки ситуация обязывает: шок, стресс и все дела. Я так и скажу, если что. У меня нервный шок. Я неадекватен. Что у тебя с плечом?

– Царапина, – ответила Энца. – А что у вас там было?

– Какая-то штука должна была перекроить мир, нам чуть не набили морды, но Алегаро оказался стоящим мужиком и сам всем навалял, – коротко отчитался Джек. – Я потом расскажу в лицах.

Алегаро застонал, напоминая о себе, и где-то рядом покашлял Саган.

– А вы в курсе, – весело спросил он, – что в эту ночь помирают все, кто нарушал гейсы? Как вы думаете, считается, если я только сегодня нарушил, а весь год держался?

Лицо его было перепачкано сажей, короткие волосы взъерошены и слиплись в иглы как у ежа. Улыбался он беззаботно, словно они были на прогулке в парке.

Джек разжал руки и вернулся к Алегаро.

– Если вы тут все, – сказал Джек, – уходим вместе. Алегаро говорит, что за мостом травмпункт.

– Идите, – ответила Энца. – Мы доделаем и догоним, хорошо?

Джек с досадой посмотрел на Алегаро, но решил, что бедняга может долго не протянуть – кровь все не сворачивалась. Придется стащить чье-

нибудь пальто в гардеробе, потому что на улице наверняка стало еще холоднее, Алегаро нужно будет укрыть.

– Давай, – отрывисто сказал Джек. – Быстрее только.

Они только отмахнулись – мол, что там. Да уж, великие воины, ничего-то им не страшно, рассердился Джек, помог Алегаро встать и практически потащил его на себе дальше.

Эта бесова ночь все не заканчивалась и не заканчивалась. В холле Джек посмотрел на часы – всего-то десять, а кажется, будто уже сильно полночь. Дальнейшая дорога запомнилась ему отрывками – скорее как дурной сон, чем настоящее воспоминание. Ударил мороз – и лужи, оставшиеся от дождя, промерзли насквозь, превратив дорогу в каток.

Закутанный в женскую длинную шубу, Алегаро был жутко тяжелым, его постоянно тошнило и шатало из стороны в сторону. Кровь, наконец, остановилась, и Джек с содроганием думал, каково это будет потом – сдирать присохшую рубашку с ран. Но главное, что остановилась, иначе бы Алегаро не дожил бы до травмпункта. После моста они свернули не туда, Алегаро начал бредить и нес полную чушь, Джек злился, а по дороге, как назло никто не попадался.

Джек не знал, что в городе ввели чрезвычайное положение. Обо всем рассказал врач – по счастью, им попался маг, который сумел сразу найти и выудить остатки чар ведьмы из ран Алегаро.

В городе творилось бес знает что – откаты от балансира, пока тот еще действовал, прорывали пространство, и из многочисленных прорех в самых неожиданных местах появлялись монстр-объекты. В центре началась паника, часть добровольческих бригад еще помогала как-то разрулить ситуацию, но остальные, упиваясь силой и безнаказанностью, делали, что им вздумается.

Некоторые с флагами и старыми лозунгами «Свободной ассамблеи» организовывали вокруг себя людей и шли громить здания маг-бригады, мэрии, требуя ответов, некоторые развлекались, били витрины, задирали прохожих.

Два сотрудника, которых Артемиус послал выяснять ситуацию с множественными прорывами, решили проблему радикально: вернулись и подняли все три общежития Института, бросив студентов и преподавателей на зачистку монстр-объектов. Ворон, отделившись от основной группы Артемиуса, взялся за посильное координирование.

Маг-бригады передавали данные по цепочке раций, но полного

покрытия не было – для того, чтобы весь город держать под контролем, сотрудникам нужно было рассредоточиться по всем кварталам, а людей и так не хватало. Ходить меньше чем по двое было опасно: постоянно возникали драки и крупные стычки, в которых доставалось и полицейским.

Некоторые сознательные граждане тоже объединялись, чтобы дать бой – но не монстрам и не нарушителям, а магам, которые, по их мнению, заварили кашу. Эти «карательные» отряды с палками и битами шли с западных окраин, но в гущу зачисток и прорывов лезть боялись.

Одна из команд с сине-зелеными повязками остановила Сагана и Энцу. Ребята сами, конечно, были виноваты: если бы вышли раньше, то разминулись бы. Но Саган и Энца сначала полезли на трибуны любопытствовать, что там за артефакт был.

Так же как Джек и Алегаро, они расстроились, не обнаружив ничего эпического.

Вокруг обувной коробки был процарапан неровный круг с кривыми рунами и лежали трое мужчин: один был мертв, двое без сознания. Саган аккуратно заглянул сквозь надорванную крышку:

– Железка какая-то, – разочарованно сказал он.

– Слушай, – произнесла Энца. – А вдруг они встанут и уйдут? Ты можешь что-то сделать?

Саган пожал плечами.

– Если попробую усыпить, то могут совсем не проснуться... а! Я их к полу прикручу. Пускай потом полиция откручивает.

– А сами не смогут освободиться? Вообще, знаешь, обидно. Смешался с толпой – и вот ты уже ни при чем совсем.

– Ну да, – кивнул Саган, накидывая плетение на второго мужчину. – Как и этим, из бригад добровольцев: сняли свои повязки, и вот уже обычные люди, пойдя вспомни все лица.

– А давай я их помечу, – вдруг сказала Энца. – Так, чтобы всегда можно было отличить.

Она подняла палец, над которым тонкой струйкой реяло воздушное лезвие.

– Поставим на них крестик.

– Теперь я понимаю, почему Джек называет тебя кровожадной, – хмыкнул Саган и отошел, чтобы не мешать. Энца оставила на щеке у каждого аккуратный разрез крестом.

Потом они нашли кабинет врача, и Саган, сверяясь с найденной в аптечке инструкцией, наложил кровоостанавливающие чары на плечо

Энцы. Оба досадовали, что сразу не додумались до такой простой вещи и отпустили Джека с Алегаро бродить по темному городу.

Сначала Саган и Энца даже не напряглись – все же у них был пароль, и они бросили его на ходу, уже автоматически, но в этот раз не сработало.

Четверка с сине-зелеными повязками переглянулась и главный, крепкий низкорослый парень в черной шапке спросил:

– Ребят, а вы знаете, который час?

Саган выудил бесполезный сейчас телефон, который по-прежнему показывал отсутствие сигнала связи, и сказал:

– Надо же, пять минут первого уже.

– И?..

– И... быстро время летит? – предположил Саган, не понимая, что еще нужно.

Главный презрительно дернул уголками губ, а потом коротко кивнул своим – и в несколько мгновений Саган и Энца оказались сбитыми с ног.

Лежа лицом вниз с заломленными назад руками, Энца спросила:

– Они маги?

– Нет. Без вариантов, их нельзя трогать, – отозвался Саган. – Только один маг, остальные люди. Но, по ходу, с какими-то амулетами.

– После полуночи другой пароль, – сообщил главный. – Были бы и вправду из наших, знали бы. Что теперь с вами делать?

Саган досадливо цыкнул языком, перебирая в уме плетения, на которые ему сейчас хватит сил, а Энца, прикрыв глаза, вдохнула. И еще раз.

Парень, который держал ее одной рукой за затылок, вжимая лицо в грязь, а второй за локоть, обмяк и упал сверху.

– Эй, это что... – начал было орать один из четверки, но резко замолчал.

– Да вот и нам хотелось бы узнать, что это вы тут вытворяете, ребята, – резко произнес знакомый голос.

– Бежим, – прошипел один из четверки, но главный презрительно хмыкнул.

– А мы тут с друзьями общаемся, запрещено? – сказал он. – А вы не имеете права нас трогать. Идите-ка по своим делам.

В наступившей тишине кто-то звучно прохрустел суставами, разминая пальцы.

– Ну и молодежь пошла, – неодобрительно проскрипел другой голос.

Сагана отпустили – парень, что держал его, встал и набычился, готовясь к драке. Саган помог подняться Энце. Оба с досадой

переглянулись: было стыдно. Тоже, мастера боя, попались так легко.

Артемиус скрестил на груди руки и коротко кивнул своим – точно так же, как несколько минут назад это сделал парень в шапке. Саган и Энца посторонились, чтобы не мешать.

– Амулеты подавления магического воздействия, класса три-д, – скучающе произнес Роберт.

Донно промолчал: он методично и резко раскидывал оглушающие заклятья. Ребят скрутили едва ли не быстрее, чем Энцу и Сагана.

– Докладывайте, – коротко приказал Артемиус. – Идете от стадиона? Что там?

– А вы... не встречали Офелию? – осторожно спросила Энца.

– Тут и наша милая дама? – вздохнул Яков и осторожно огляделся.

– Они, кстати, могли пойти в Дисциплинарный комитет, мы же не уточняли, куда всех будут эвакуировать, – предположил Саган.

– Докладывайте, – повторил Артемиус, быстрым движением оказываясь рядом. – Можно без деталей.

Донно встал рядом, напряженно и сумрачно глядя на нее. Энца отвела глаза.

Она не думала, что встретить его взгляд будет так тяжело.

Саган тем временем начал рассказ, благоразумно опуская различные детали вроде поломанных оград моста, дверей и прочего муниципального имущества, одновременно напирая, что главной в операции была Офелия.

Впрочем, мог бы и не стараться – судя по смешкам окруживших его оперативников, в этой истории они мало чему поверили, посчитав, что она приукрашена. Очень сильно приукрашена.

Пока он говорил, у Роберта затрещала рация – оперативники разжились ей в управлении маг-бригады. Выслушав, он помрачнел.

– Кора в городе, – громко сказал он, чтобы шеф услышал. – Идут от Восточной заставы к центру.

– Прекрасно, – проворчал Артемиус. – Очень ловко.

Он кивнул Сагану, похлопал Энцу по голове и отошел.

– Кто такая Кора? – спросила девушка, потирая макушку. Рука у шефа Чайного домика была тяжелой.

– Это он, а не она, – поправил Саган. – Глава спецбатальона из столицы.

– Маги?

– Маги, – подтвердил Роберт. – Идут, зачищая все по дороге. И, как всегда, нам достанутся шишки за то, что проворонили, а им – награды. За то, что все исправили.

Оперативники дружно и зло выругались, Сова с особым чувством – видимо, вспомнил недавний выговор.

Артемиус послал двоих на стадион и одного – в Дисциплинарный комитет. Саган оказался прав: Офелия временно разместила пострадавших в здании. Стадион опечатали, оставив там дежурных, и вся компания стала двигаться обратно, в сторону центра. По дороге подхватили Джека; Алегаро остался в травмпункте. Врач не соглашался сначала, но Джек умел быть убедительным.

– Ну просто как полночный фестиваль, на конец года, – ошарашенно заметил Джек, когда они миновали Старый парк и стали спускаться к реке мимо Лилейных садов. – Только все наоборот.

На праздник конца года центр сиял и переливался множеством электрических и начарованных огней, и до самого утра повсюду громыхали, пищали и свистели хлопушки, а на площади шла метель из разноцветных конфетти. И люди, конечно. Толпы гуляющих, до самого утра – мягкий климат позволял.

Сейчас из всего этого были только толпы. Светляки и газовые фонари едва горели, тускло мигали красные аварийные маяки, установленные патрульными у прорех и отблескивали натянутые ленты у черных луж.

Ребят из «Свободной ассамблеи» уже выдавили из центра, в сторону восточных окраин. Компании из студентов и преподавателей патрулировали окрестности.

Обычные люди, которым не повезло в эту ночь оказаться здесь, возвращались домой. Полицейские прочесывали закоулки, отлавливая загулявших.

Тела погибших – в давке, драках и от нападения монстр-объектов, – пока сносили на площадь. Укрытые мешковиной и консервирующими чарами, тела лежали ровными рядами, заполнив почти половину просторной площади.

Работали бригады медиков, которым точно так же как полицейским приходилось разъезжать по улицам: связь по-прежнему не работала.

Можно было считать, что ночь подходила к своему концу.

У мэрии был развернут палаточный городок, с медиками и полевой кухней. Раздавали теплые одеяла. К медику выстроилась очередь, и Саган пошел занимать ее за двоих.

Массивные кованые скамьи, стоявшие полукругом у большой клумбы, стащили в кучу к скверу, а на самой клумбе поставили палатку, где уже

сидел сам Кора с помощником.

Кора не понравился Энце. Крупный, черноволосый, с массивным подбородком киношного героя и злыми, сверлящими глазами. Он разговаривал так, будто все окружающие его обманывают, и нужно только вывести их на чистую воду. Энцу он принял за студентку, и та не сразу решилась его поправить, а потом все-таки влезла с поправкой и разозлила его.

Их допросили по очереди, потом вызвали всех вместе, чтобы уточнить некоторые вопросы, потом снова по одному. Заходя в третий раз в палатку, Энца, уже совсем осоловелая от усталости и слабости, едва не упала. Когда Кора едко заметил, что манерным девицам место дома на диване, Энца едва не огрызнулась, но почувствовала, что слезы уже на подходе и стоит только открыть рот, как она разревется. Поэтому она молча уставилась на мага, сузив глаза.

Тот взбесился еще больше.

– Кора – умный, но сволочь редкостная, – сказал Роберт. – Главное, не спорить с ним, потому что если чем не понравишься, то все, со свету сживет. Я с ним учился.

Они с Джеком сидели верхом на спинках скамей и курили. Если бы Донно застукал его, надавал бы по шеям обоим. Пальцы Роберта тряслись – он был уже на пределе, да и Джек тоже был бледен до синевы.

– Один раз начистил ему морду, – ностальгически вздохнув, признался Роберт. – Правда, тогда он еще не был похож на шкаф.

– Слушай, – сказал Джек, думая о своем. – Такая штука...

И он кратко пересказал ему все, что видел и слышал насчет артефакта в стадионе.

– Я понятия не имею, действительно ли весь механизм мог бы сработать так, что поправил бы ситуацию с прорехами, но согласись, именно такая штука – и рядом со мной.

– Да уж, забавная идея везти то, что может остановить один-разъединственный человек в стране, туда, где он живет, – согласился Роберт, мгновенно уловив тревожащую Джека идею.

– А еще интересно, – продолжил Джек, – как ее сюда провезли.

Они помолчали, затягиваясь.

– Есть люди, которых не досматривают при въезде в город, даже при повышенном фоне магического излучения, – задумчиво сказал Роберт. – Ты знал, что недавно сюда приезжала целая делегация из столицы? Донно отстранили от дел.

– То-то он такой злой, – усмехнулся Джек, но взгляды, которыми они обменялись, были совсем не веселыми.

– А у вас тут хорошая компания, жаль разбивать, – раздалось у них за спиной. – Роберт, пройдите в палатку Кору, нужно уточнить кое-что.

Роберт тяжело сполз вниз и ткнул Джека в бок кулаком.

– Сейчас вернусь, – сказал он. – Не уходи никуда.

В палатке уже был Донно. Энца сидела на раскладном стуле, сжав кулаки на коленях. Роберту хватило одного взгляда, чтобы понять: пресловутый «сволочизм» Кору работал вовсю.

– Тебе что, заняться нечем? У нас там полгорода разнесли, а ты десятый раз прогоняешь старую историю с побегом, – резко сказал Роберт. – Уже давно выяснилось, что девочка не при чем. И то, что она не попала в камеру, спасло ей жизнь... она контактировала с ведьмой и не имела от нее защиты.

– Я тебя еще не спрашивал, – рявкнул Кора.

– А мне не надо разрешений, чтобы говорить, – хладнокровно ответил Роберт. – Ты что думаешь, пришел, всех спас – и царь горы? Давай, устраивай тут балаган, вперед. Только я тебе с рук это не спущу, надо будет, поеду в столицу разбираться с твоим начальством.

– Стукач, – презрительно отозвался Кора, откидываясь на спинку стула.

– Урод, – сказал Роберт.

– Ладно, – вдруг успокоился Кора. – Допустим, вы действительно... просто облажались, когда расследовали дело...

– Энца, ты не знаешь, где Джек? – в палатку заглянул Яков.

– Куда лезешь! – резко бросил Кора, но добавил немного спокойнее: – Выйдите, тут проводится допрос.

– А-а, мой мальчик, – неискренне обрадовался Яков, а Кора, к удовольствию Роберта, перекосясь. – Как поживаешь? А я-то думал, ты из своей конторы не вылезает. Скучно небось, да? Ну, вырвался, молодец, молодец.

От скрипучих звуков голоса Якова, Кора ощутимо мрачнел. Допрашиваемые с любопытством следили за метаморфозой, одновременно решив, что надо обязательно будет расспросить Якова об этом знакомстве.

– Ну, я по делу, ты уж извини старика, – сказал Яков таким тоном, что Кора проглотил все возможные возражения. – Энца, деточка, ты не знаешь, где Джек? Я сейчас по привычке хотел ухватить его присутствие, но что-то... не так. Не чувствую его.

– А его нет там, где мы сидели? – спросил Роберт. – Где эти... столичные гости... скамьи поставили.

– Следы есть, Джека нет, – ответил Яков.

Энца встала.

– Сидеть, – тихо сказал Кора. – Закончим разговор и идите на все четыре стороны. С тем парнем я на сегодня закончил, он знает. Прошвырнуться пошел.

– Если ты еще не понял, – с нажимом произнес Роберт, – то пока ты тут хренью страдаешь, опрашивая сотрудников, те, кто в действительности стоит за происшествиями...

– Не учи меня, задохлик, – взъярился Кора. – Мои люди занимаются всеми, кем нужно! Ты что, блин, думаешь, без тебя я ничего делать не могу? Ты, может, думаешь, что мимо кордонов кто-то сюда проползти сможет?..

– Кора, – прервала его Энца. – Вы не понимаете...

– Я сказал: сядь и не двигайся, – очень тихо и ровно произнес Кора. – Говорить будешь, когда я спрошу. Обвинения с тебя еще никто не снял – ты препятствовала следствию и укрывалась. И мне плевать на причины. И на этого идиота плевать, у меня тут более важные дела.

Не меняя выражения лица, Энца шагнула вперед и легко провела по фанерному столу пальцами. Два крупных и три узких куса столешницы упали на колени Кора. Металлические рамы опоры глухо звякнули о землю.

Глаза мужчины побелели от ледяной ярости, он вскочил было, но Энца встряхнула кистями, молниеносно принимая боевую стойку. В полумраке замерцали клинки.

Роберт резко качнул головой, поймав движение Донно. Яков только вздохнул.

– И что? – тихо сказала Энца. – Что вы сможете мне сделать? Попробуете накинуть заклинание?.. Ударите?.. Давайте. Я быстрее вас.

Кора сцепился с ней взглядом, и несколько секунд они буравили друг друга глазами. Мужчина отвернулся первым.

– А ты это... как насчет спарринга? – вдруг спросил Кора. – Давно не встречал никого, чтоб интересно было.

Энца расслабилась, отступая назад.

– У меня запрет на спарринги, – сказала она и, подумав, криво улыбнулась. – Но я бы тоже попробовала...

Не прощаясь, она вышла, по дороге подхватывая Якова под руку.

– А я-то думал, чего ты в ней нашел? – фыркнул Кора.

– Вовсе не это, – сердито сказал Донно и вышел следом.

– Так что, ты думаешь, что все подстроено под тебя? А, Джек? Раньше это называлось «мания величия».

– Раньше это называлась «паранойя». Но нет, это не она. Очевидно же: чем больше кусочков головоломки собирается, тем яснее, что это – кусочки от ширмы. А вот что за ней... И я тут вовсе не центральная фигура – а такая же пешка, как и все.

– Ну и зачем тебе это нужно? Кому же станет лучше от того, что ты докопаешься до правды?

– Хм... наверно, мне? Я люблю разгадывать загадки.

– Ох, и дурак ты, Джек.

– А вы – нет? Решили, небось, что вам все можно.

Джек с трудом вздохнул.

– ...Но я рад, что это вы. Я подозревал другого, и хорошо, что он не при чем. Это было бы слишком... больно. Достало все.

– Прямо-таки и рад?

– Да, на тебя-то мне пофиг. Ты слишком набивался в друзья, чтобы тебя можно было считать на самом деле.

– Да, я уж и забыл, каким грубияном ты бываешь. Но ты изменился, Джек. Мне нравилось, какой ты был раньше – когда вы с легкостью брали все препятствия, не подозревая, насколько они были высокими и трудными. А споткнулись оба о маленький камешек.

– Не приплетай ее.

– А почему?

– Потому что не тебе о ней разговаривать. А не боишься, кстати, что она найдет тебя, пока ты со мной болтаешь?

– Ох, да и пусть. Разве от нее может быть какая-то угроза? На человека она никогда в жизни руку не поднимет. Ты едва не убил ее, а она и пальцем не шевельнула.

Джек промолчал, прикрыв глаза. Ту ночь он вспоминать не хотел.

Его собеседник с досадой поцокал языком.

– Хотя времени уже мало, это ты прав. Я всего лишь поговорить с тобой хотел... ну так, посмотреть, догадался ты или нет. Сам понимаешь, что оставлять тебя с этим я уже не могу. Раньше я, может быть, предложил бы сотрудничество... но теперь – ни к чему. Партия сыграна. Лишние фигуры можно удалять.

Джек не ответил: к этому времени плетение расплзлось по всему телу, сковав его целиком.

– А ты крепкий. Несмотря на все то, что произошло, еще и сопротивлялся, – с одобрением сказал его собеседник. – Ну что ж, приятно было поговорить.

Ухватив Джека подмышки, маг потащил его в сторону.

Зрение тоже мутилось, и все, что Джек видел – это сереющее небо над собой.

Наступало утро.

Маг ненадолго оставил Джека на асфальте, потом загремел чем-то. Мимо глаз Джека мелькнула красно-зеленая лента парабиологической опасности.

«Мы рядом с прорехой», – понял он. Спустя миг его развернуло, и тело вдруг оказалось в глубокой луже.

Не вода. Дыра в материи. В онемевшее тело возвращались ощущения, но не способность двигаться. Он был легким словно перышко, но поверхность его не держала нисколько.

– Финнбар, молодой дурак, – говорил маг, аккуратно притапливая Джека, – пожалел вас. Надо было, как ведьма требовала, сразу открутить голову мелкой. Пожалел... ну, и его «пожалели». Я, видишь, тоже добрый. Тебя уже не вытащить, но вроде как не больно будет. Хотя гарантировать не могу, сам не проверял.

Беззвучный лед сомкнулся вокруг груди, и Джек перестал дышать. Крепче «замиралки» его сковало пограничье. Не в силах двинуться, он смотрел, как над ним склоняется маг и осторожно, чтобы самому не провалиться, ладонью упирается в лицо Джека, чтобы опустить глубже.

Потом маг обернулся, проворчав:

– Ну, а теперь и девчонка...

И резко вскочил, пропадая из виду.

– Может быть, от усталости, – скрипуче оправдывался Яков. – Ты уж прям так не волнуйся, я ведь и ошибаться могу. Я третий день не сплю почти, голова кругом.

– Все равно, – сказала Энца. – Все равно, давайте сначала найдем его, а потом... ну а потом уже все остальное.

– Та-ак, значит, – пробормотал Яков. – Ну раз «потом» все остальное, то Джеку волноваться не о чем. Я покажу тебе примерный вектор до того места, где я ощущаю его след, и ты уж беги, а мы следом.

Энца коротко кивнула, выслушала указания и рванула вперед, одним махом перелетая через преграды.

Донно и Роберт подошли к Якову одновременно с Саганом.

– А куда это она так понеслась? – удивился парень. – У нас как раз очередь подходит.

– Джек пропал, – сказал Роберт.

– Ну, блин, – расстроился Саган. Покосился на палатку медика... надо было все-таки без очереди лезть, говорил же он Энце, – и поплелся в ту же сторону, куда побежала девушка.

– А куда идти-то? – через плечо спросил он, на всякий случай разминая руки.

Энца вылетела за угол, едва не упав, и на ходу перестраиваясь. Остановилась, будто налетев на стену.

Спиной к ней стоял Ворон. Чуть дальше, у стены дома растекалась уродливой огромной кляксой черная дыра. Металлические колышки с оградительной лентой валялись неподалеку.

Мужчина обернулся и с облегчением сказал:

– Энца!.. Я спугнул его, он побежал в ту сторону.

Девушка автоматом дернулась было туда, куда указал Ворон, но быстро взяла себя в руки.

– Джек... видели Джека? – задыхаясь от бега, выпалила она.

По ладони стекала кровь из снова открывшейся раны на плече. Энцу подташнивало.

– Кто-то напал на него, – отозвался Ворон. – Джек завяз в прорехе, сбегай, позови кого-нибудь, я отойти не могу.

И только тогда Энца заметила несколько длинных светлых прядей, едва видневшихся сквозь глянцево-черную поверхность. Сердце оборвалось.

Кого они спугнули? Кто это сделал?..

И... откуда здесь Ворон?

Энца деревянно сказала, шагая вперед:

– Я сама постою рядом, идите.

– Деточка, без разговоров! Счет на секунды идет, беги за помощью.

– Отойдите от него, – едва слыша свой голос, сказала Энца.

Ворон поморщился.

– Не дури, – напряженно сказал он. – Делай, как я говорю. Иначе он...

Маг резко поднял руку, пальцы сложены жестом «паук», но у Энцы не хватило ни сил, ни умения понять, что за чары он кинул.

Спустя мучительные мгновения две маленькие руки протянулись к нему сквозь мутнеющую толщу. В темных глазах страх.

Это она. Та, что всегда приходит на помощь. Сегодня, правда, с опозданием.

– Джек! Давай руку! Давай руку, дурак!..

...не могу... разве ты не видишь, что я даже двинуться не могу...

– Джек! Ну же!..

...да отойди ты уже, глупая, отойди от края... ведь свалишься...

Застывший как муха в темной янтарной смоле, в стеклянной гуще пограничья, он не мог даже вздохнуть, не то что бы говорить. Глаза уже застили искры, грудь разрывалась от нехватки воздуха. Джек медленно терял сознание.

Ей удалось поймать за рукав, дернуть.

Вцепилась обеими руками в рвущуюся под пальцами ткань рубашки, лицо исказилось от напряжения... упрямая девчонка... потом, кажется, поняла, что ее сил не хватает. Суставы уже хрустят от напряжения, а Джек не двигается.

Огляделась. Теоретически следом за ней идут Донно и Роберт... Энца крикнула, потом еще раз, громче.

Немного, пару минут, ей всего-то и нужно пару минут выдержать, может и меньше, но...

Позвала еще раз, а плотная стеклянная гладь не отпускала Джека, бледного как смерть, тянула вглубь. Светлые глаза глядели очень спокойно, но губы уже синели.

– Энца! Джек! – заорали недалеко, и Энца облегченно вздохнула. Сейчас подспеют.

И в это время длинное тело напарника резко ухнуло дальше, будто пробив лед, и Энца, вскрикнув, провалилась следом. Она слышала, как к ним бегут.

Может быть, успеют, подумала она... лишь бы удержаться у поверхности.

Джек тоже слышал крики, но все глуше и глуше. Звуки угасали. Он приходил в себя, с ужасом понимая, что они, словно два чертовых листа на ветру, медленно падают вниз, в чернильную темень межпространства, мертвую и тихую... и мало того, что он сам падает, так еще и ее за собой тянет...

Он пытался ее оттолкнуть, выкинуть обратно. Опирается было не на что, да и Энца сопротивлялась, продолжая одной рукой держать его за рубашку, а другой совершая какие-то пассы.

Здесь можно было дышать. Или так казалось, потому что на деле воздуха вокруг не было: как Энца ни пыталась, ни лезвий, ни потоков сформировать не получалось. Она-то думала, сделает что-то вроде восходящего течения, чтобы удержаться у «поверхности».

Но они медленно опускались вниз, несмотря на все ее усилия.

В какой-то момент она поняла, что попытки даже удержаться на месте бессмысленны. Она замерла, испуганно глядя ему в глаза.

– Прости, Джек, – виновато сказала она дрожащими губами. – Я думала, что получится... а у меня не получается... прости, это я виновата...

Джек притянул Энцу ближе, обеими руками обхватил, прижал ее голову к груди.

Чтобы она не смотрела вверх и не видела, как медленно смыкается теперь уже совсем небольшое пятно света над головой.

Сам он никак не мог оторвать взгляда.

Черная густая тьма охватывала их, и они почти неощутимо падали-парили, опускаясь вниз.

– Мы умерли, да? – тихо спросила Энца.

Звук ее голоса таял в окружающей тьме. Обморочное ощущение падения нарастало, и Энца обняла крепче, сомкнув ладони на его спине. Было так тихо, что Джек слышал, как стучит кровь в ушах.

– Нет, – с едва заметной заминкой ответил Джек. – Нет, что ты.

– И не умрем?

– Не умрем.

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда.

Собственно говоря, это еще не значит, что они тут погибнут. Быть может, байки о путешествиях между мирами не все ложь, и где-то там внизу их ждет... переход? Другой мир?

Что ж, остается надеяться, что там они не окажутся чудовищами.

Ведь может быть, это не конец. Может, такое начало – странное, через тьму в другой мир.

– Джек, – позвала Энца.

– Что?

– Помнишь, Анна говорила про то, что в пустоте нет ветра? Это ведь про нас.

«Больше не увидимся».

Нет же, ребята еще могут что-то придумать. Могут что-то успеть сделать.

Пока не схлопнется оконце.

Поэтому Джек не отводил от него глаз. И поэтому не давал смотреть на него Энце, успокаивая ее глупыми словами, отвлекая и убаюкивая. Было так больно надеяться – потому что надежда была пустой.

Слишком далеко.

– Мы попадем в другой мир, – сказал он ей. – Там нет магии, а мы с тобой, даже такие, как есть, будем просто чудом чудесным, волшебниками из сказок.

– Ну да, – засомневалась Энца. – А вдруг мы исказимся, как все, кто приходит в наш мир?

Она посопела в его рубашку.

– Два таракана, – сказала она. – Представь, мы будем двумя большущими тараканами.

Джек захохотал, нервно, почти истерически, но от души. Энца, фыркнув сначала, присоединилась к нему.

Над их головами, в угасающем свете смыкающегося окна зажглась нестерпимо яркая белая звезда и стремительно рванула к ним, оставляя за собой призрачный след в окружающей тьме.

– Закрой глаза, – сказал Джек.

Пока еще все возможно.

Ничего не кончено.

История тридцать пятая и последняя

Когда Анна заснула, город был одет в золото.

Теперь за окнами были только кружева черных ветвей, серое небо и мелкая морось дождя... золото украли.

– Вот и все. Добро пожаловать, – устало улыбаясь, сказала незнакомая темноволосая девушка, разжимая ее ладонь.

Анна с трудом повернула голову, шея и плечи были как деревянные. За спиной незнакомки стоял Саган, и его лицо было уставшим и серым, как небо за окном.

Он не улыбался, но едва девушка стала растирать свои ладони, подошел ближе и упал на колени рядом с кроватью. Обнял так крепко, что Анна удивилась.

– Что?.. – неловко спросила та. – Я очень долго спала? Соскучился?

– Очень, – сказал он, щекоча ее щеку небритым колючим подбородком.

– Я очень устал без тебя. Я не знаю, как жил раньше, когда тебя не было

рядом.

Анна засмеялась было, но усталость и серьезность Сагана сбивали с толку. Она погладила его по светлому ершику волос, продолжая удивляться своей слабости. Руки дрожали.

– Сколько времени прошло? – спросила она. – Мне ужасно долгий сон снился, как я ходила в серых туманах, и слушала чужие голоса.

– Мне тоже этот сон снился, – неожиданно сказала девушка. – Я, как и вы, попала под проклятье и спала. Больше месяца прошло, и не все смогли выйти из этого сна, когда действие заклинания закончилось. Я маг-проводник, меня зовут Рике.

Она привстала, придерживая руками большую полосатую кофту, которая была ей слишком велика, и церемонно поклонилась.

– Очень... очень приятно, – растерянно отозвалась Анна. – Больше месяца? Больше месяца, Саган?.. Как же так?

– Ты все пропустила, – отозвался он. – Все на свете пропустила. У нас было восстание, потом Лига защиты искаженных пыталась запечатать и починить весь мир, мы сражались – и победили. Мы, Анна, победили.

– Не верю, – потерянно сказала та. – Ты сочиняешь, да? Как такое могло произойти?

– И я не могла поверить, – согласилась Рике. – Когда меня разбудили, я думала, что все шутят. Но это на самом деле все так. Очень страшно, говорят, было. Тут, в Гражине, и в столице настоящие побоища были.

– Ох... подождите, «побоища»... Саган, у нас-то, у нас все наши в порядке?

– Ну, более-менее, – отведя глаза сказал Саган. – Многие были ранены... Послушай, я пойду напишу ребятам, что удалось тебя разбудить, а к тебе сейчас врача вызовем, нужно осмотреть.

– Ладно, – сказала Анна, хотя на самом деле хотелось топнуть ногой и заставить изворотливого напарника выложить все, что тот утаивал.

А он утаивал, Анна это чувствовала.

Через два дня, когда она уже могла вставать и немного ходить по палате, магичка спросила у Сагана:

– А почему Джек с Энцей не зашли? Даже не позвонили. Опять на каком-то задании?

Саган заморгал и явно струсил, отвел глаза.

– Ты чего? – возмутилась Анна. – Что глазами стреляешь? Подожди... Саган... с ними все в порядке?

– Да, – с облегчением закивал Саган. – С ними все в порядке, мы проверяли. Яков собирал эгрегор ясновидящих, им удалось нащупать

жизненные сигналы обоих, и...

В два шага Анна оттеснила напарника в угол палаты и мягко взялась за отвороты воротника.

– Что за чушь? – спросила Анна. – Зачем эгрегор? Где они?

– Они провалились в прореху, – обреченно сказал Саган. – Вытащить не успели, но Донно и Роберт пробили для них дорогу из межпространства дальше. Куда – мы не знаем, но точно известно, что они не застряли. Жизненные сигналы у обоих в порядке, но никакой связи установить нельзя.

Анна опустила руки, резко оседая на пол, и Саган едва успел подхватить ее.

– Я не хотел тебе говорить, – бормотал он. – Не хотел говорить, пока не выписали, боялся, что тебе дурно будет...

Он хотел отнести ее на кровать, но Анна вцепилась обеими руками в его плечи и разрыдалась.

Саган молча гладил ее по спине, не зная, что еще сказать.

– Саган, – вдруг позвала она, и голос ее дрожал. – Саган, скажи, вы же не ставили знаки памяти?..

– Нет, – мягко улыбнулся он. – Мы запустили змеев.

Она только широко распахнула глаза, недоумевая.

– Воздушных змеев. Делали вместе. Ребята из Птичьего павильона разработали эскизы. Мы написали на нашем портале, что собираемся делать, и нам куча людей помогала. Несли материалы, клеили, рассчитывали воздушные потоки и пространственные свертки. В общем, теперь над флигелем – два воздушных змея, и они всегда летают. Очень красивые. Я тебе покажу.

– Саган... как это случилось?.. А Донно, как же Донно? Он ведь приходил, и я совсем ничего не поняла, он такой же как обычно...

– Донно тоже в больнице, только в другом отделении. У него срыв был, Роберт делал все что мог, но компенсировать целиком не вышло. Может быть... он так и не сможет восстановиться. После тех событий много таких, кто перегорел.

Саган остановился.

– Мы пропустили одного из тех, кто все это задумал. А тот воспользовался случаем и... отомстил Джеку.

– Кто? – напряженно спросила Анна. – Кто это?

Саган отвернулся – не потому что ему было неловко, нет – глаза Анны светились такой злобой, что у Сагана прошел неприятный холод по спине.

– Это Ворон... был. Энца разрубила его пополам. Она пыталась

удержать Джека, но не смогла. Бездна забрала обоих... Анна, просто у нас на глазах. Забрала и схлопнулась, едва Роберт швырнул наводящие чары. Донно его поддерживал и вложился... слишком сильно... Но Роберт сказал, что этого должно быть достаточно для того, чтобы избежать искажающего эффекта на границе миров.

Саган подвел ее к кровати, сел рядом, глядя в сторону. Анна вдруг почувствовала, как он далеко. Сколько она пропустила, в этом своем сне, оставила его одного, не разделив с ним эту часть жизни – и теперь уже не восполнить...

– Подожди, – вздохнула Анна. – Подожди, Саган. Я уже совсем ничего не понимаю. Давай ты как-то по порядку, ладно?

– Я соврал тебе, – признался Саган. – Ну, когда сказал, что мы победили. Анна... то, что я тебе сейчас расскажу, это просто наши домыслы. В основном, Джека и Роберта. Роберт развил и довел до ума все кусочки информации, которые нашли Джек и Энца. Но... официальная версия совсем другая. Сомневаться в ней публично – запрещено.

Анна подсунула свою ладонь в его руку, и Саган крепко сжал ее.

– На самом деле, нами разыграли большую партию. Не знаю, когда это все началось, ходов там было очень много... и скорее всего, о половине мы и не знаем. Вот это ты проспала. Да и спала ты, кстати, потому что они перестраховывались.

Саган внимательно посмотрел на нее и отвел глаза.

– В сентябре была медицинская проверка, помнишь? По стране общая. Во время нее все маги с даром предвидения были прокляты.

– Что? – спросила Анна. – Что ты имеешь в виду?

– Старая магия, неклассическая, – пояснил Саган. – Если тебе будет интересно, в выписке будет подробнее, врач обещал. Чары внедрялись в тело не плетением, а печатью, закрывая энергетические каналы... Тут на материале о вас уже пару диссертаций взялись писать. Дар предвидения был частично подавлен, и более того, со временем все вы впали в общий транс. Говорят, даже видели одно и то же. Проклятье тянуло ваши силы и уводило дальше и дальше.

– Да, – кивнула Анна. – Та девушка, Рике, тоже так сказала.

– Поэтому никто не смог предсказать то, что случилось в канун Дня мертвых... Про ведьму помнишь?

– Помню. Она едва не убила Джека и Энцу, а потом пропала.

– Так вот, кто именно ее разбудил, так и не понятно, но по предположению следователей, это были Ворон и Финнбар.

– Начальник Джека? – поразилась Анна.

– Ты дослушай, потом удивляться будешь... Нет, это я неправильно начал. Задумали все это, наверно, давно. Времени подготовиться хватало.

Саган вздохнул.

– Финнбар был одной из ключевых фигур, внедренных в институт. Он был связан с ведьмой, передавал приказы от координатора и вычищал следы: документы, улики... людей. Он не должен был появляться именно в архиве, но по личным причинам попросил устроить его туда. Это было в переписке, которую восстановили полицейские.

Саган кратко пересказал события, связанные с Финнбаром, его смертью и штурмом «Амадины».

– Забыл сказать, тот их пацан, новенький. Унро. Так вот, он вступил в Лигу защитников искаженных. Уж там как ему мозги прополоскали, не знаю, но он на полном серьезе участвовал в подготовке ко Дню мертвых. Только он был одним из немногих, кто одумался, когда понял, к чему все идет. Он пришел ко мне, а потом появились Джек и Энца.

– И... и что готовилось? Мятеж? – спросила Анна.

– Если бы только это. На трех опорных точках они готовили ритуал. Он, по их идее, должен был запечатать наш мир, закрыв навсегда прорехи в пространстве. Помнишь, в прошлом году судили Шенке, который изобрел точнейший турбийон, и при запуске повредил пространство? Вот это устройство и хотели запустить. В столице, у нас и в Агелине.

– На море? – переспросила Анна.

– Ага, на море... ну, в общем, только там и удалось часть ритуала провести. В столице пресекли, не дав начаться. У нас начать успели, но их смогли остановить. В Агелине были жертвы. Много. Потом пришли отряды магов, отловили и зачистили прорвавшиеся монстр-объекты, обезвредили мятежников – и та-дам! Победа, все ликуют, героев награждают. Хорошие маги против фанатиков. В обществе споры, СМИ вопят о том, что надо или ограничивать магов совсем, или же дать больше воли, чтобы подобное не повторилось, в правительстве специальная комиссия расследует все это дело... и тут неожиданно выступает генеральный директор Института и заявляет, что в случае ограничения прав магов возможны всего два варианта событий. Первый: мы все уходим, и монстр-объекты вместе с прорехами и вышками Саржино остаются правительству и маг-бригадам.

Саган вдруг усмехнулся:

– И типа так – трахайтесь с этим сами, как хотите.

– Саган! – одернула его Анна, нахмурившись. – Что за выражения?

– Ты просто там не была. Мы, блин, из шкуры вылезали, чтобы их прикрыть, – скривился Саган. – Делали, что могли. А нам в ответ – нужно

ограничить права. Запретить переезды, свободу выбора профессии, выселить в гетто и запретить работать в совместных с людьми предприятиях. Анна, некоторые говорили о том, что нам вообще нельзя называться людьми. Совсем как во времена распада Империи.

– Не... не переживай так, – неловко сказала Анна. – Ведь все обошлось?

Дотянулась и погладила его по жесткому ежику волос. Саган склонил голову, успокаиваясь от ласки.

– Обошлось, – тихо сказал он. – Второй вариант устроил всех гораздо больше. Мирное сосуществование, все дела... Сейчас готовится законопроект, по которому наши права расширяются. В правительстве появятся маги. Пока немного, но все же. Роберт считает, что вся эта катавасия была только ради этого и затеяна. Чтобы припугнуть всех, и на этой волне надавить, заставив считаться с нами. Это, конечно, только неофициальное мнение. Вслух высказывать не рекомендуется.

– А что со всеми остальными? – спросила Анна. – А... мама Джека? Ей сказали?

– Унро оправдали, я свидетельствовал, что тот внедрялся в Лигу для разведки. Это Джек придумал. А насчет мамы – они тут обе приезжали, и Энцы, и Джека. И еще до жути стремная тетка, какая-то родственница Энцы. Тут была большая буча: мать Джека вбила себе в голову, что непременно нужно поставить вечное место памяти... едва отговорили. Они приходили к флигелю, все три. Ревели. У флигеля, кстати, пропали окна... пока Унро не выпустили после суда, и он не вернулся, туда было очень сложно попасть... извини, я болтаю обо всем... столько накопилось.

Анна закрыла лицо руками.

– Это слишком много. В голове не укладывается... Саган, ты... не уходи сейчас, ладно? Я просто в себя приду, посиди рядом...

– Я никуда не уйду, – сказал Саган. – Ничего не бойся.

***

Автомат в холле опять сломался. Донно постоял перед ним, разглядывая застрявшую в лотке банку с газировкой, и побрел обратно в палату.

– Медведь! Эй, медведь! – радостно раздалось позади.

Донно повернулся. Очень медленно.

Если бы не звонкий девичий голос, то можно было бы подумать...

Кло, размахивая одной рукой – вторая на перевязи в гипсе, – стремительно приближалась к нему. Не рассчитав со скоростью, она едва не упала, затормозив рядом с ним, и Донно неловко подхватил ее.

Оба на миг замерли, чертыхаясь и сопя от боли, потом Донно выпрямился и поставил девушку ровнее.

– Спасибо, – выдохнула та и скривилась. – Что, тоже по ребрам попало? Я все время забываю обезболивание обновить. Слушай, где Энца? Я ей звоню, звоню. Телефон, что ли, опять сломала?

Донно смотрел на нее, почти не изменившись в лице, но Кло вдруг рассердилась.

– Не надо на меня так пялиться! – громко потребовала она. – Ой-ой-ой...

Она задержала дыхание, прижав свободную руку к ребрам. Донно помог дойти до широкого подоконника, и они присели.

– Не надо на меня так пялиться, – уже тише сказала Кло. – Я специально смотрела списки погибших, я же не глупая, ясно? Ее там не было, и блондинчика этого, и тебя. Радуйся, вот! Я твое имя запомнила, и еще побеспокоилась.

Она улыбнулась – почти так же хитро и беззаботно как раньше. Донно не ответил на улыбку:

– Я тоже... смотрел списки. Мне очень жаль.

Кло замерла и быстро заморгала, кусая губы.

– Д-дурак, – сказала она. – Дурак, дурак... Нафиг мне твое «жаль»...

Она глубоко и часто задышала, сдерживая слезы – уже привычно. Донно сцепил руки на коленях:

– Их нет, – сказал он. – Они живы, но здесь их больше нет. Ни Энцы, ни Джека.

– У... уехали?

– Попали в прореху. Мы не знаем, где они. Но знаем, что живы.

– Х... х-хорошо-о, – выдавила Кло и все-таки разревелась.

История тридцать пятая и последняя

Когда Анна заснула, город был одет в золото.

Теперь за окнами были только кружева черных ветвей, серое небо и мелкая морось дождя... золото украли.

– Вот и все. Добро пожаловать, – устало улыбаясь, сказала незнакомая темноволосая девушка, разжимая ее ладонь.

Анна с трудом повернула голову, шея и плечи были как деревянные. За спиной незнакомки стоял Саган, и его лицо было уставшим и серым, как небо за окном.

Он не улыбался, но едва девушка стала растирать свои ладони, подошел ближе и упал на колени рядом с кроватью. Обнял так крепко, что Анна удивилась.

– Что?.. – неловко спросила та. – Я очень долго спала? Соскучился?

– Очень, – сказал он, щекоча ее щеку небритым колючим подбородком. – Я очень устал без тебя. Я не знаю, как жил раньше, когда тебя не было рядом.

Анна засмеялась было, но усталость и серьезность Сагана сбивали с толку. Она погладила его по светлому ершику волос, продолжая удивляться своей слабости. Руки дрожали.

– Сколько времени прошло? – спросила она. – Мне ужасно долгий сон снился, как я ходила в серых туманах, и слушала чужие голоса.

– Мне тоже этот сон снился, – неожиданно сказала девушка. – Я, как и вы, попала под проклятье и спала. Больше месяца прошло, и не все смогли выйти из этого сна, когда действие заклинания закончилось. Я маг-проводник, меня зовут Рике.

Она привстала, придерживая руками большую полосатую кофту, которая была ей слишком велика, и церемонно поклонилась.

– Очень... очень приятно, – растерянно отозвалась Анна. – Больше месяца? Больше месяца, Саган?.. Как же так?

– Ты все пропустила, – отозвался он. – Все на свете пропустила. У нас было восстание, потом Лига защиты искаженных пыталась запечатать и починить весь мир, мы сражались – и победили. Мы, Анна, победили.

– Не верю, – потерянно сказала та. – Ты сочиняешь, да? Как такое могло произойти?

– И я не могла поверить, – согласилась Рике. – Когда меня разбудили, я думала, что все шутят. Но это на самом деле все так. Очень страшно, говорят, было. Тут, в Гражине, и в столице настоящие побоища были.

– Ох... подождите, «побоища»... Саган, у нас-то, у нас все наши в порядке?

– Ну, более-менее, – отведя глаза сказал Саган. – Многие были ранены... Послушай, я пойду напишу ребятам, что удалось тебя разбудить, а к тебе сейчас врача вызовем, нужно осмотреть.

– Ладно, – сказала Анна, хотя на самом деле хотелось топнуть ногой и заставить изворотливого напарника выложить все, что тот утаивал.

А он утаивал, Анна это чувствовала.

Через два дня, когда она уже могла вставать и немного ходить по палате, магичка спросила у Сагана:

– А почему Джек с Энцей не зашли? Даже не позвонили. Опять на

каком-то задании?

Саган заморгал и явно струсил, отвел глаза.

– Ты чего? – возмутилась Анна. – Что глазами стреляешь? Подожди... Саган... с ними все в порядке?

– Да, – с облегчением закивал Саган. – С ними все в порядке, мы проверяли. Яков собирал эгрегор ясновидящих, им удалось нащупать жизненные сигналы обоих, и...

В два шага Анна оттеснила напарника в угол палаты и мягко взялась за отвороты воротника.

– Что за чушь? – спросила Анна. – Зачем эгрегор? Где они?

– Они провалились в прореху, – обреченно сказал Саган. – Вытащить не успели, но Донно и Роберт пробили для них дорогу из межпространства дальше. Куда – мы не знаем, но точно известно, что они не застряли. Жизненные сигналы у обоих в порядке, но никакой связи установить нельзя.

Анна опустила руки, резко оседая на пол, и Саган едва успел подхватить ее.

– Я не хотел тебе говорить, – бормотал он. – Не хотел говорить, пока не выписали, боялся, что тебе дурно будет...

Он хотел отнести ее на кровать, но Анна вцепилась обеими руками в его плечи и разрыдалась.

Саган молча гладил ее по спине, не зная, что еще сказать.

– Саган, – вдруг позвала она, и голос ее дрожал. – Саган, скажи, вы же не ставили знаки памяти?..

– Нет, – мягко улыбнулся он. – Мы запустили змеев.

Она только широко распахнула глаза, недоумевая.

– Воздушных змеев. Делали вместе. Ребята из Птичьего павильона разработали эскизы. Мы написали на нашем портале, что собираемся делать, и нам куча людей помогала. Несли материалы, клеили, рассчитывали воздушные потоки и пространственные свертки. В общем, теперь над флигелем – два воздушных змея, и они всегда летают. Очень красивые. Я тебе покажу.

– Саган... как это случилось?.. А Донно, как же Донно? Он ведь приходил, и я совсем ничего не поняла, он такой же как обычно...

– Донно тоже в больнице, только в другом отделении. У него срыв был, Роберт делал все что мог, но компенсировать целиком не вышло. Может быть... он так и не сможет восстановиться. После тех событий много таких, кто перегорел.

Саган остановился.

– Мы пропустили одного из тех, кто все это задумал. А тот воспользовался случаем и... отомстил Джеку.

– Кто? – напряженно спросила Анна. – Кто это?

Саган отвернулся – не потому что ему было неловко, нет – глаза Анны светились такой злобой, что у Сагана прошел неприятный холод по спине.

– Это Ворон... был. Энца разрубила его пополам. Она пыталась удержать Джека, но не смогла. Бездна забрала обоих... Анна, просто у нас на глазах. Забрала и схлопнулась, едва Роберт швырнул наводящие чары. Донно его поддерживал и вложился... слишком сильно... Но Роберт сказал, что этого должно быть достаточно для того, чтобы избежать искажающего эффекта на границе миров.

Саган подвел ее к кровати, сел рядом, глядя в сторону. Анна вдруг почувствовала, как он далеко. Сколько она пропустила, в этом своем сне, оставила его одного, не разделив с ним эту часть жизни – и теперь уже не восполнить...

– Подожди, – вздохнула Анна. – Подожди, Саган. Я уже совсем ничего не понимаю. Давай ты как-то по порядку, ладно?

– Я соврал тебе, – признался Саган. – Ну, когда сказал, что мы победили. Анна... то, что я тебе сейчас расскажу, это просто наши домыслы. В основном, Джека и Роберта. Роберт развил и довел до ума все кусочки информации, которые нашли Джек и Энца. Но... официальная версия совсем другая. Сомневаться в ней публично – запрещено.

Анна подсунула свою ладонь в его руку, и Саган крепко сжал ее.

– На самом деле, нами разыграли большую партию. Не знаю, когда это все началось, ходов там было очень много... и скорее всего, о половине мы и не знаем. Вот это ты проспала. Да и спала ты, кстати, потому что они перестраховывались.

Саган внимательно посмотрел на нее и отвел глаза.

– В сентябре была медицинская проверка, помнишь? По стране общая. Во время нее все маги с даром предвидения были прокляты.

– Что? – спросила Анна. – Что ты имеешь в виду?

– Старая магия, неклассическая, – пояснил Саган. – Если тебе будет интересно, в выписке будет подробнее, врач обещал. Чары внедрялись в тело не плетением, а печатью, закрывая энергетические каналы... Тут на материале о вас уже пару диссертаций взяли писать. Дар предвидения был частично подавлен, и более того, со временем все вы впали в общий транс. Говорят, даже видели одно и то же. Проклятье тянуло ваши силы и уводило дальше и дальше.

– Да, – кивнула Анна. – Та девушка, Рике, тоже так сказала.

– Поэтому никто не смог предсказать то, что случилось в канун Дня мертвых... Про ведьму помнишь?

– Помню. Она едва не убила Джека и Энцу, а потом пропала.

– Так вот, кто именно ее разбудил, так и не понятно, но по предположению следователей, это были Ворон и Финнбар.

– Начальник Джека? – поразилась Анна.

– Ты дослушай, потом удивляться будешь... Нет, это я неправильно начал. Задумали все это, наверно, давно. Времени подготовиться хватало.

Саган вздохнул.

– Финнбар был одной из ключевых фигур, внедренных в институт. Он был связан с ведьмой, передавал приказы от координатора и вычищал следы: документы, улики... людей. Он не должен был появляться именно в архиве, но по личным причинам попросил устроить его туда. Это было в переписке, которую восстановили полицейские.

Саган кратко пересказал события, связанные с Финнбаром, его смертью и штурмом «Амадины».

– Забыл сказать, тот их пацан, новенький. Унро. Так вот, он вступил в Лигу защитников искаженных. Уж там как ему мозги прополоскали, не знаю, но он на полном серьезе участвовал в подготовке ко Дню мертвых. Только он был одним из немногих, кто одумался, когда понял, к чему все идет. Он пришел ко мне, а потом появились Джек и Энца.

– И... и что готовилось? Мятеж? – спросила Анна.

– Если бы только это. На трех опорных точках они готовили ритуал. Он, по их идее, должен был запечатать наш мир, закрыв навсегда прорехи в пространстве. Помнишь, в прошлом году судили Шенке, который изобрел точнейший турбийон, и при запуске повредил пространство? Вот это устройство и хотели запустить. В столице, у нас и в Агелине.

– На море? – переспросила Анна.

– Ага, на море... ну, в общем, только там и удалось часть ритуала провести. В столице пресекли, не дав начаться. У нас начать успели, но их смогли остановить. В Агелине были жертвы. Много. Потом пришли отряды магов, отловили и зачистили прорвавшиеся монстр-объекты, обезвредили мятежников – и та-дам! Победа, все ликуют, героев награждают. Хорошие маги против фанатиков. В обществе споры, СМИ вопят о том, что надо или ограничивать магов совсем, или же дать больше воли, чтобы подобное не повторилось, в правительстве специальная комиссия расследует все это дело... и тут неожиданно выступает генеральный директор Института и заявляет, что в случае ограничения прав магов возможны всего два варианта событий. Первый: мы все уходим, и монстр-объекты вместе с

прорехами и вышками Саржино остаются правительству и маг-бригадам.

Саган вдруг усмехнулся:

– И типа так – трахайтесь с этим сами, как хотите.

– Саган! – одернула его Анна, нахмурившись. – Что за выражения?

– Ты просто там не была. Мы, блин, из шкуры вылезали, чтобы их прикрыть, – скривился Саган. – Делали, что могли. А нам в ответ – нужно ограничить права. Запретить переезды, свободу выбора профессии, выселить в гетто и запретить работать в совместных с людьми предприятиях. Анна, некоторые говорили о том, что нам вообще нельзя называться людьми. Совсем как во времена распада Империи.

– Не... не переживай так, – неловко сказала Анна. – Ведь все обошлось?

Дотянулась и погладила его по жесткому ежику волос. Саган склонил голову, успокаиваясь от ласки.

– Обошлось, – тихо сказал он. – Второй вариант устроил всех гораздо больше. Мирное сосуществование, все дела... Сейчас готовится законопроект, по которому наши права расширяются. В правительстве появятся маги. Пока немного, но все же. Роберт считает, что вся эта катавасия была только ради этого и затеяна. Чтобы припугнуть всех, и на этой волне надавить, заставив считаться с нами. Это, конечно, только неофициальное мнение. Вслух высказывать не рекомендуется.

– А что со всеми остальными? – спросила Анна. – А... мама Джека? Ей сказали?

– Унро оправдали, я свидетельствовал, что тот внедрялся в Лигу для разведки. Это Джек придумал. А насчет мамы – они тут обе приезжали, и Энцы, и Джека. И еще до жути стремная тетка, какая-то родственница Энцы. Тут была большая буча: мать Джека вбила себе в голову, что непременно нужно поставить вечное место памяти... едва отговорили. Они приходили к флигелю, все три. Ревели. У флигеля, кстати, пропали окна... пока Унро не выпустили после суда, и он не вернулся, туда было очень сложно попасть... извини, я болтаю обо всем... столько накопилось.

Анна закрыла лицо руками.

– Это слишком много. В голове не укладывается... Саган, ты... не уходи сейчас, ладно? Я просто в себя приду, посиди рядом...

– Я никуда не уйду, – сказал Саган. – Ничего не бойся.

***

Автомат в холле опять сломался. Донно постоял перед ним, разглядывая застрявшую в лотке банку с газировкой, и побрел обратно в палату.

– Медведь! Эй, медведь! – радостно раздалось позади.

Донно повернулся. Очень медленно.

Если бы не звонкий девичий голос, то можно было бы подумать...

Кло, размахивая одной рукой – вторая на перевязи в гипсе, – стремительно приближалась к нему. Не рассчитав со скоростью, она едва не упала, затормозив рядом с ним, и Донно неловко подхватил ее.

Оба на миг замерли, чертыхаясь и сопя от боли, потом Донно выпрямился и поставил девушку ровнее.

– Спасибо, – выдохнула та и скривилась. – Что, тоже по ребрам попало? Я все время забываю обезболивание обновить. Слушай, где Энца? Я ей звоню, звоню. Телефон, что ли, опять сломала?

Донно смотрел на нее, почти не изменившись в лице, но Кло вдруг рассердилась.

– Не надо на меня так пялиться! – громко потребовала она. – Ой-ой-ой...

Она задержала дыхание, прижав свободную руку к ребрам. Донно помог дойти до широкого подоконника, и они присели.

– Не надо на меня так пялиться, – уже тише сказала Кло. – Я специально смотрела списки погибших, я же не глупая, ясно? Ее там не было, и блондинчика этого, и тебя. Радуйся, вот! Я твое имя запомнила, и еще побеспокоилась.

Она улыбнулась – почти так же хитро и беззаботно как раньше. Донно не ответил на улыбку:

– Я тоже... смотрел списки. Мне очень жаль.

Кло замерла и быстро заморгала, кусая губы.

– Д-дурак, – сказала она. – Дурак, дурак...Нафиг мне твое «жаль»...

Она глубоко и часто задышала, сдерживая слезы – уже привычно. Донно сцепил руки на коленях:

– Их нет, – сказал он. – Они живы, но здесь их больше нет. Ни Энцы, ни Джека.

– У... уехали?

– Попали в прореху. Мы не знаем, где они. Но знаем, что живы.

– Х... х-хорошо-о, – выдавила Кло и все-таки разревелась.

Вместо эпилога (история тридцать шестая)

Воздух гудел, сухой и колкий от электричества. Пищали и щелкали приборы вдоль одной из стен. Два оператора у мониторов сверяли

распечатанные выкладки с введенными настройками, перебрасываясь короткими репликами. На металлическом полу синел контур круга с вязью букв внутри.

– Руки, руки! Ну сколько можно говорить, ничего трогать нельзя!

– Извините, – смутилась темноволосая девушка, пряча руки за спину. – Просто очень интересно, в прошлый раз тут ничего не работало.

Окрикнувший ее мужчина в зеленом комбинезоне похмыкал.

– Еще бы. Этот комплекс уже три года не запускали. Но сейчас даже не дышите в сторону датчиков... так, а ты вообще отойди в круг и не двигайся!

– Да ладно, – скривился высокий молодой человек. – Подозрительный твой круг. Крысу в прошлый раз расплющил.

– Ты же не крыса, – возразил мужчина. – Да и с прошлого раза мы все настроили и опробовали трижды. Вставай в круг, чтобы мы не тратили время зря, когда контур будет запущен.

Молодой человек взъерошил короткие светлые волосы и обреченно встал на указанное место. Повздыхал еще печально – на всякий случай, чтобы потом сказать, что так и знал.

– Борис, можно я рядом с ним постою? – спросила девушка. – Я ничего трогать не буду.

– Вне контура вы ничего не увидите, Энца, – предупредил мужчина и добавил тише: – Если вообще что-нибудь можно увидеть.

– Знаешь, – возмутился молодой человек. – Для руководителя проекта ты подозрительно скептичен. По-моему, ты просто хочешь от меня избавиться и сейчас выдумываешь виртуозный план с саботажем.

– Джек, замолчи уже, – страдальчески отозвался Борис. – Сосредоточься, я запускаю отсчет. Где Сергей?

– За камерой пошел, – не поднимая головы, отозвался один из операторов. – И ничего еще не надо запускать, мы сверку заканчиваем.

– Что за люди? С кем я работаю? – застонал мужчина. – Разве я не сказал сверку к утру завершить?

– Вы же сами свои исправленные выкладки час назад принесли, – напомнила ему девушка. – Еще и на бумаге.

Борис укоризненно посмотрел на нее, и Энца ответила широкой честной улыбкой.

– Ладно, – сдался руководитель. – Делайте все как хотите. Я умываю руки, и уже не уверен в результатах этого сомнительного мероприятия...

– Эй, ты! – возмутился Джек. – А ну-ка, тогда давай местами меняться. Я покомандую, а ты торчи тут и жди, когда тебя расплющит, как беднягу

Каспера.

– Дался тебе этот Каспер! Мы после него еще три опыта ставили, все успешные.

– Не знаю, меня там не было, не видел.

Перепалку прервал помощник, вернувшийся с видеокамерой. Сверху завершили под непрекращающееся и привычное ворчание начальства.

– Если что пойдет не так, – предупредил Джек, – я тебе морду набью.

– С богом, – не слушая, махнул рукой руководитель.

Сергей включил видеокамеру, а один из операторов запустил систему.

Шорох.

Тошнота – падает давление.

Двоится в глазах – или двоится реальность?

Джек стоял в темной комнате, освещенной только мерцающим экраном ноутбука в ногах кровати.

Анна, осунувшаяся и усталая, удивленно смотрела на него, завернувшись в одеяло по уши. Значит, они смогли ее разбудить, с облегчением подумал Джек.

Он провел рукой по волосам и улыбнулся, чувствуя тянущую боль в груди. Джек и не думал, что настолько соскучился по ней и всем, кто остался там.

– Привет, Анна, – ласково сказал он. Голос его таял, искажаясь, но Джек надеялся, что до Анны он достиг.

Анна что-то говорила, но звук прерывался.

Где-то рядом Энца спросила:

– Она тебя услышала? Скажи ей, что у нас все хорошо.

– У нас все хорошо, – повторил Джек. – Энца просит передать всем привет.

– А разве... разве что-то случилось? – осторожно поинтересовалась женщина, покосившись на кровать рядом – в темноте едва угадывался силуэт спящего рядом с ней человека.

Джек нахмурился, сопоставляя факты. Анна не выглядела сильно удивленной – хотя, казалось бы, такое событие. Скорее очень усталой или больной. И насколько Джек видел, рядом с ней лежал... лежала Энца? Неужели это те самые сентябрьские дни, когда они болели вместе?

– Ну, я так и знал! – воскликнул он. – Этот криворукий все неправильно рассчитал, мать его за ногу. Еще рано!

– Но-но! – издали возмутился руководитель. – Это твои

отправные данные не в порядке, а я рассчитал все идеально!

– Рано – для чего, Джек? – спросила Анна.

– Анна, – торопясь, заговорил Джек, – на День мертвых готовится большой теракт...

– Про Шиповник, – вклинулась Энца, – скажи, чтобы они...

– Фиксирую нестабильность внешнего контура, – сказал один из операторов.

– Накопители разряжаются раньше времени, – почти одновременно с ним произнес второй.

– Прерываем эксперимент, – тут же решил руководитель, а его помощник трусливо забрюзжал: «Сейчас рванет, блин, сейчас рванет!»

Джек пытался договорить, но обратный отсчет был уже запущен. Операторы экстренно завершали работу системы, а руководитель размеренно считал от десяти до одного. Перекрывая монотонный голос, Энца крикнула, надеясь, что ее услышат: «Анна, береги себя!»

В наступившей после выключения энергии полной темноте раздался общий вздох.

– Ну, бес его возьми, – разочарованно сказал Джек. – Чего ты раньше времени затрепыхался? Я бы успел предупредить...

– Выходи уже из круга, – устало сказал руководитель. – Дайте мне кресло.

Спустя пару минут он спросил:

– Как вы думаете, это тянет на Нобелевскую?

– Эм-м... у меня камера не включилась, – проблеял Сергей. – Ну, или не сработала...

После дружного: «Ну ты и урод!», в тишине раздался громкий звонкий хохот Энцы.

– Я ведь вспомнила, Джек! – сказала она. – Анна рассказывала об этом сне, как ты приходил... ох, я сейчас так испугалась, что тебя прихлопнет, – нервно закончила она, пытаясь унять смех.

– Ну да, конечно, – проворчал Джек. – Отличный повод повеселиться, почему бы нет.

Конец